370
C828

7
C828

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач———— Зак. №

Обменный фонд
Моск. обл.
библиотеки

В. Я. Стоюнинъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Съ портретомъ автора.

Второе изданіе.

О 37
С-828

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1903.

БЪЛЕВСКОЕ * РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ. *

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

В. Стаюнинъ

Фототипія В. Класонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Каминскій

Дозволено цензурою 10 Декабря 1902 г. СПБ.

В. Я. Стоюнинъ

ЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Съ портретомъ автора.

Второе изданіе.

Междубиблиотечный абонемент
Московской пом. библиотеки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Станиславскаго, Вас. Остр., 9 л., № 8.
1903.

С 828
[фр.]

Дозволено цензурою 10 Декабря 1902 г. СПБ.

В. Я. Стоюнинъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Съ портретомъ автора.

Второе изданіе.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1903.

Инв. 1085
144716
37
С 528
[фр.]

3213

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
I) Вл. Як. Стоюнинъ (біографическій очеркъ) . . .	I—XXXIX
II) Наша семья и ея историческія судьбы („*Вѣстникъ Европы*“ *1884, № 1 и 2*).	1
III) Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII-мъ столѣтіи („*Русскій Педагогическій Вѣстникъ*“, *1857, № 7 и 8 1858, № 1*)	91
IV) Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX-го столѣтія („*Древняя и Новая Россія*“, *1878, № 1*). . .	176
V) Мысли о нашихъ гимназіяхъ („*Воспитаніе*“, *1860, № 8 и 9*)	211
VI) О частной педагогической предпріимчивости („*Современникъ*“, *1865, № 6*).	255
VII) Мысли о нашихъ экзаменахъ („*Вѣстникъ Европы*“, *1870. № 8*)	291
VIII) Замѣтки о русской школѣ („*Вѣстникъ Европы*“, *1881, № 3, 5; 1882, № 1*)	316
IX) Педагогическіе вопросы. Гдѣ же гнѣздилось наше зло? („*Вѣстникъ Европы*“, *1875, № 10*)	398
X) Педагогическія задачи Пирогова („*Историческій Вѣстникъ*“, *1885, № 4 и 5*).	422

СТРАН.

XI) Образованіе русской женщины („*Историческій Вѣстникъ*“, *1883, № 4*) 475

XII) Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ („*Сборникъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ*“, *1884*) 507

В. Я. СТОЮНИНЪ.

Біографическій очеркъ.

„Каждый человѣкъ обязанъ по силамъ служить человѣчеству, но талантъ—по преимуществу: кому больше дано, съ того больше и спросится. И если достоинъ упрека каждый смертный, забывшій свое настоящее назначеніе для эгоистической жизни, то тѣмъ горшій упрекъ заслуживаетъ талантъ, презрѣвшій и растративший попусту свои силы: не ему ли выпало на долю — пробуждать лучшую сторону человѣка, внушать ему высшія стремленія, отрывать его отъ житейскаго праха, наслаждать и тѣмъ самымъ облегчать ему путь жизни, часто весьма трудный? Не исполнить всего этого есть уже грѣхъ, какъ грѣхъ онъ будетъ и судиться!“

Этимъ грѣхомъ не грѣшенъ Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ, почти въ началѣ своей дѣятельности высказавшій въ одной статьѣ приведенныя слова и оставшійся вѣрнымъ до конца жизни прекрасному завѣту, выраженному въ нихъ. Онъ отдалъ свои силы и дарованія преимущественно тому дѣлу, основная задача котораго — пробуждать лучшія стороны человѣка и внушать ему высокія стремленія,—дѣлу педагогическому. Понимая это дѣло въ его высшемъ, идеальномъ смыслѣ, онъ служилъ ему всею душою съ первыхъ шаговъ своей самостоятельной дѣятельности и до послѣднихъ дней своихъ: онъ, кажется, и не признавалъ жизни внѣ работы, озаренной научнымъ свѣтомъ и направленной на пользу общую. Потому-то и жизнь его такъ тѣсно сливается съ его трудами, и труды эти такъ полны жизни: потому-то и личность и дѣятельность его заключаютъ въ себѣ столько свѣтлаго и поучительнаго.

В. Я. Стоюнинъ родился въ 1826-мъ году въ купеческой семьѣ. Отецъ его велъ свой родъ отъ костромского крестьянина, о которомъ

сохранилось въ семьѣ преданіе, будто во время повальной болѣзни онъ одинъ остался живъ въ своей поголовно вымершей деревнѣ, — *устоялъ*, и потому получилъ прозвище *Стоюнъ*, а отсюда и фамилія Стоюниныхъ.

Отецъ В. Я. Стоюнина, сначала очень достаточный купецъ, въ послѣдніе годы своей жизни разорился, довѣривъ почти всѣ капиталы свои товарищу, который обманулъ его. Жизнь непривѣтливо встрѣтила Владиміра Яковлевича уже въ раннемъ возрастѣ. Суровая тишина и строгость степенной купеческой семьи стараго закала, да вдобавокъ еще разорившейся въ ту пору, когда Стоюнинъ достигъ того дѣтскаго возраста, въ которомъ жизненныя впечатлѣнія хотя еще полубезсознательно, но сильно ложатся на душу,—безъ сомнѣнія, должны были отпечатлѣться на его характерѣ. Быть можетъ, нѣкоторая замкнутость, несловоохотливость, которыми отличался юноша, особенно въ средѣ малознакомыхъ ему людей, отсюда ведутъ свое начало. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ не былъ любимымъ ребенкомъ въ семьѣ (у него было двѣ сестры и два брата). Мало-любимыя дѣти, рѣдко имѣя поводы высказывать свои мысли и чувства, какъ извѣстно, уходятъ больше въ себя, становятся мало-общительными, но зато болѣе вдумчивыми и глубже чувствующими. Умъ и чувство у нихъ, не расходясь вширь, пробиваютъ себѣ путь вглубь.

Стоюнинъ началъ учиться въ анненской школѣ, въ которой прошелъ приготовительный и 1-й классъ, а затѣмъ его отдали въ 3-ю с.-петербургскую гимназію во 2-й классъ приходящимъ ученикомъ. Этому заведенію онъ и обязанъ своимъ среднимъ образованіемъ. Здѣсь уже проявились его склонности къ литературнымъ занятіямъ: онъ любилъ писать стихи, въ которыхъ нерѣдко сказывались искреннее чувство и сильно работающая мысль. По отзывамъ его товарищей, которые съ уваженіемъ смотрѣли на его литературныя дарованія, онъ всегда выказывалъ особенное расположеніе къ словесности, исторіи и языкамъ древнимъ и новымъ. Къ сожалѣнію, среди учителей гимназіи въ ту пору почти не было такихъ, которые могли бы увлекать учениковъ преподаваніемъ и оказывать на нихъ сильное и благотворное вліяніе; но все же встрѣтились преподаватели, которые сами усердно и честно трудились и своихъ учениковъ пріучали къ тому же. Учитель русской словесности А. С. Власовъ, по словамъ одного изъ товарищей Стоюнина,—человѣкъ знающій и дѣльный, хотя не умѣвшій ни приноровиться къ ученикамъ, ни сколько-нибудь увлечь ихъ своимъ предметомъ, былъ полезенъ для тѣхъ, которые имѣли особенную склонность къ литературѣ: Власовъ нерѣдко читалъ въ классѣ литературныя произведенія; при немъ иногда устраивались вечернія бесѣды, на которыхъ ученики читали свои сочиненія въ присутствіи товарищей,

учавствовавшихъ потомъ въ разборѣ. Стоюнинъ принималъ участіе въ этихъ бесѣдахъ, и какъ авторъ, и какъ критикъ. Въ старшихъ классахъ онъ уже выдѣлялся своею начитанностью. Летературные вечера продержались въ гимназіи почему-то недолго.—Могъ имѣть также нѣкоторое вліяніе на учениковъ учитель нѣмецкаго языка—Свенске, хорошо владѣвшій русскимъ языкомъ и читавшій въ старшемъ классѣ „Картины природы“ А. Гумбольдта, объясняя ихъ довольно интересно для учениковъ.—Самъ Стоюнинъ сохранилъ болѣе теплое воспоминаніе о тогдашнемъ директорѣ гимназіи Ѳедорѣ Ивановичѣ Буссе, о которомъ онъ впослѣдствіи отзывался, какъ о хорошемъ педагогѣ, но который не могъ проявить своихъ качествъ во всей полнотѣ. „Онъ былъ педагогъ въ душѣ,—читаемъ въ рѣчи Стоюнина, сказанной имъ на юбилейномъ обѣдѣ 3-й гимназіи въ 1873-мъ году, — онъ вѣрилъ въ силу педагогическаго воспитанія, онъ хорошо зналъ природу воспитываемыхъ юношей, но, къ сожалѣнію, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые являются не въ то время, когда дѣятельность ихъ могла бы приносить видные для всѣхъ плоды. Онъ явился во главѣ обширнаго учебнаго заведенія въ то время, когда не педагогическихъ качествъ и достоинствъ требовали отъ педагога-начальника, а умѣнья держать всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ: когда въ воспитательномъ дѣлѣ руководствовались не какими-либо высокими идеалами, а какими-то угрожающими призраками, сообразно съ которыми и дрессировали дѣтей и юношей“.

Въ 1846-мъ году Стоюнинъ, окончивъ гимназическій курсъ, поступаетъ въ университетъ на восточный факультетъ. Почему именно этому факультету отдается предпочтеніе, это объясняетъ онъ самъ въ своихъ начатыхъ, но, къ сожалѣнію, на первыхъ же страницахъ прерванныхъ запискахъ. Приводимъ отсюда выдержку, не только объясняющую указанный фактъ, но и характеризующую юношескіе взгляды Стоюнина на жизнь. „Поступая на восточный факультетъ,—пишетъ онъ,—я мечталъ о службѣ въ Персіи или Турціи при нашемъ посольствѣ. Служба эта рисовалась мнѣ въ привлекательныхъ чертахъ. Востокъ манилъ меня къ себѣ. Въ ранней юности я любилъ жить воображеніемъ, отдаваться мечтательности. Литературный романтизмъ имѣлъ на меня вліяніе, сдѣлалъ меня чуть не поэтомъ, по крайней мѣрѣ стихотворцемъ, а сухая окружающая меня дѣйствительность наводила уныніе или раздраженіе. Обыкновенная дорога молодому человѣку, кончившему курсъ въ гимназіи,—идти въ университетъ, а изъ университета—служить. Никому не приходило въ голову какъ-нибудь иначе распорядиться собою. Говорили: только службою и можно кое-какъ добывать себѣ кусокъ хлѣба; все же прочее невѣрно и непрочно и, наконецъ, непочетно; только служебная карьера и есть настоящая карьера.

Для того времени въ этихъ словахъ было много правды. Быть чиновникомъ мнѣ крайне не хотѣлось. Машинальная работа мелкаго чиновника казалась мнѣ противною и совершенно не согласовалась съ моимъ характеромъ и духомъ, наклоннымъ къ поэзіи. Быть учителемъ я также не чувствовалъ расположенія. Тогда я не понималъ еще высокаго значенія этого призванія, и о трудахъ учителя судилъ по впечатлѣніямъ отъ своихъ учителей, которые, командуя нами, трепетали предъ грознымъ попечителемъ, извѣстнымъ Мусинымъ-Пушкинымъ. У меня были свои идеальныя стремленія, влекшія меня къ какой-то широкой дѣятельности, и притомъ свободной, не гнетущей надъ духомъ, которая могла бы привести не къ чинамъ, даже не къ богатству, что̀ ставили себѣ на видъ многіе мои сверстники, а къ извѣстности, къ славѣ. Поприще писателя мнѣ нравилось въ особенности; въ самомъ дѣтствѣ я съ большой охотой упражнялся въ стихахъ и прозѣ. Но какъ остаться безъ чина? Чинъ, говорили, необходимъ для каждаго, кто хочетъ обращаться въ образованномъ кругу. Безъ чина нѣтъ у насъ жизни, безъ чина ты не полноправный человѣкъ и рискуешь на всякія оскорбленія. Всякій писатель, поэтъ, ученый, гдѣнибудь да служитъ... Впрочемъ, я не долго думалъ, какого рода службѣ посвятить себя. Я любилъ читать путешествія, въ особенности на мусульманскій востокъ: природа, историческія воспоминанія, совсѣмъ особенные нравы увлекали мое воображеніе. Кто-то мнѣ сказалъ, что кандидатъ по восточной словесности можетъ поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ приготовительный пансіонъ, и оттуда чрезъ два года пошлютъ на службу при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ или Тегеранѣ или въ Каирѣ. Чего же было искать лучше этого? Ужъ если необходимо быть чиновникомъ, то лучше всего выбрать такую дорогу".

Усердно принялся Стоюнинъ за университетскую работу, занимаясь съ особеннымъ рвеніемъ персидкимъ языкомъ, но избранный имъ факультетъ мало удовлетворялъ его. Преподаваніе здѣсь, по его отзыву, тогда не процвѣтало: профессоровъ, способныхъ придать научный интересъ своимъ лекціямъ, на этомъ факультетѣ тогда не было. Любознательность влекла юношу къ историко-филологическимъ занятіямъ,— поэзія и искусство сильно занимали его въ ту пору, и мысль о писательствѣ не покидала его. Онъ пишетъ сочиненіе на тему, заданную философскимъ факультетомъ: „Вліяніе Пушкина и Крылова на русскій языкъ", затѣмъ по собственному желанію пишетъ разсужденіе подъ заглавіемъ: „Наука и искусство въ древнемъ и новомъ мірѣ". Оба эти труда вызываютъ весьма похвальные отзывы профессоровъ. Въ 1850-мъ году Стоюнинъ кончаетъ университетскій курсъ кандидатомъ. Но юношескія мечты о Востокѣ разбиваются горькою дѣй-

ствительностью. Семья Стоюнина въ эту пору впадаетъ въ бѣдственное матеріальное положеніе, лишившись поддержки богатаго родственника, и юношѣ приходится взять на себя попеченіе о судьбѣ матери и сестеръ. Надо искать скораго заработка, и Стоюнинъ обращается къ тому труду, которымъ занимался и во время студенчества,—къ учительству, къ занятію частными уроками. Въ это время онъ, по словамъ близкихъ людей, впадаетъ въ крайне мрачное, пессимистическое настроеніе. И немудрено. Тяжелое положеніе семьи, необходимость искать частныхъ уроковъ, несбывшіяся мечты,—все это должно было гнетущимъ образомъ подѣйствовать на впечатлительную натуру. Да и время тогда было не такое, чтобы весело жилось юношѣ-идеалисту. Стоюнинъ старается получить мѣсто учителя въ казенномъ заведеніи и читаетъ съ успѣхомъ пробную лекцію на право преподавать исторію въ военныхъ училищахъ. Проходитъ еще годъ неопредѣленнаго положенія, и въ 1852 году Стоюнина приглашаютъ въ 3-ю гимназію старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности. Такимъ образомъ, Стоюнинъ наконецъ попадаетъ на ту дорогу, которая опредѣлила направленіе его дѣятельности.

Въ первыя пять лѣтъ по окончаніи университетскаго курса, юношеская мечтательность, неопредѣленныя мечты и чувства волнуютъ его душу. „Чувства эти, по словамъ его самого, искали себѣ выхода въ посѣщеніи историческихъ мѣстностей: думалось, что душевную пустоту наполнятъ живыя впечатлѣнія отъ того, что̀ осталось отъ старины“. Съ этою цѣлью Стоюнинъ предпринялъ путешествіе по Россіи: посѣтилъ „Званку“, усадьбу Державина на р. Волховѣ, Новгородъ, Троицко-Сергіевскую Лавру, проѣхался по Волгѣ, по Окѣ, но старинные города, „эти обломки разрушеннаго“, мало удовлетворяютъ его; зато онъ больше освоился съ русскою дѣйствительностью, познакомился нѣсколько съ жизнью народа. Въ это время слагаются у Стоюнина жизненные взгляды и идеалы, которымъ онъ остается вѣрнымъ всю жизнь. Путешествіе его относилось къ 1855 году, когда повсюду въ Россіи замѣчался подъемъ патріотическаго чувства и рядомъ съ этимъ чувствовался близкій конецъ старому порядку вещей. Вотъ что̀ записалъ онъ въ своемъ дневникѣ:

„Боже мой, когда присмотришься и прислушаешься ко всему тому, что̀ дѣлается въ городахъ, какъ тяжело дѣлается на душѣ, какъ мало утѣшительнаго, какъ страшно за Россію! Гдѣ этотъ патріотизмъ, которымъ она хвалится, гдѣ эта преданность къ отчизнѣ. Разумный патріотизмъ выказалъ нѣсколько только одинъ Петербургъ; во всѣхъ прочихъ городахъ нѣтъ его рѣшительно. Въ подтвержденіе этого вижу и слышу факты одинъ за другимъ. Отечество не существуетъ здѣсь ни для дворянъ, ни для купцовъ; существуютъ только ихъ собствен-

ныя выгоды. Служащіе стремятся наживаться на счетъ казны и людей, съ которыми имѣютъ дѣло; помѣщики на счетъ крестьянъ, купцы и мѣщане на счетъ всѣхъ. Если бы могли знать, съ какимъ трудомъ выжимаютъ здѣсь всѣ пожертвованія, о которыхъ громко возвѣщаютъ въ газетахъ... во многихъ уѣздахъ съ трудомъ могли набрать офицеровъ для ополченія и то кое-какихъ бездомныхъ... Даже Москва, которая изстари такъ хвалится патріотизмомъ, и та въ настоящее время выказала жалкій, гнилой патріотизмъ. Она много кричала, но какъ дошло до дѣла, то нужно было всѣхъ принуждать почти силою, чтобы не осрамить первопрестольной... всѣ дѣйствуютъ только для себя, а любовь къ отечеству выражаютъ только однимъ хвастливымъ крикомъ, а не дѣломъ. Приглядѣвшись ко всему этому, благодаришь Бога, что у насъ еще такъ сильно царское слово. Если бы дѣло ополченія было дано на добровольное обсужденіе дворянства, то можно сказать утвердительно, что наше ополченіе было бы ничтожно. Но назначилъ царь, и каждый исполняетъ указъ страха ради, а вовсе не изъ любви къ царю и отчизнѣ, потому что любви въ дѣйствительности нѣтъ въ такихъ душахъ. Приглядѣвшись ко всему этому, видишь, что не царей своихъ мы должны винить въ неустройствахъ, а самихъ себя, въ насъ самихъ еще мало истиннаго образованія; что же можетъ сдѣлать одинъ царь со всѣми своими благородными стремленіями, когда для исполненія ихъ не найдется и сотни безкорыстно преданныхъ отечеству... Люди продажные, люди жалкіе, прикрытые разными благовидными масками... Крестьянинъ стоитъ выше ихъ всѣхъ; только одни крестьяне нынче выказали безкорыстную любовь къ родинѣ; только одни они и судятъ, что царю нужны люди, и весело идутъ въ ратники, хотя, можетъ быть, терпятъ больше всѣхъ. И этотъ-то народъ во власти самыхъ испорченныхъ людей. Господи, Господи, до чего они доведутъ Россію, какого благосостоянія ждать ей! Да, мнѣ теперь понятно, какъ должно болѣть сердце у тѣхъ благородныхъ русскихъ сыновъ, которые имѣли случай коротко познакомиться съ нашей казенной Русью; какъ они должны страдать при видѣ общаго зла, которое не искоренитъ никакая сила...“

„Единственное благопріятное впечатлѣніе вынесъ Стоюнинъ изъ посѣщенія Троицко-Сергіевой Лавры [1]). „Здѣсь такъ хорошо, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, что не хочется выйти. На душу ниспадаетъ какое-то благоговѣніе. Здѣсь-то и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко. И святыня, и старина, и историческія воспоминанія,—все соединяется вмѣстѣ и наполняетъ душу высокимъ чувствомъ. Да, я вѣрю,

[1]) См. Біографію Стоюнина „Б. Б. Глинскаго“ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1889 г. 2-ая кн.

что здѣсь страждущій дѣйствительно найдетъ утѣшеніе и облегченіе. Не помню и я, чтобы какое-нибудь мѣсто такъ сильно подѣйствовало на меня и такъ бы соединилось съ моею душею. Господи, какъ здѣсь хорошо человѣку, не потерявшему вѣры въ святое и любящему свое родное! Сколько вѣры въ помощь и благость Божію, сколько любви къ человѣку, сколько надеждъ на лучшее будущее для русскаго народа, такъ много выстрадавшаго, раскрывается въ душѣ и живитъ ее. Хотѣлось видѣть Филарета, передъ которымъ я благоговѣю, но онъ въ эти дни не служилъ, не выходилъ и никого не принималъ"...

„Набираясь такимъ образомъ во время своего путешествія живыхъ впечатлѣній отъ народной жизни и ея старины, размышляя надъ современнымъ положеніемъ Россіи, Стоюнинъ по-немногу освобождался отъ томившихъ его въ предшествовавшіе годы тоски и безотчетныхъ мечтаній. Вмѣстѣ съ внутренней работой надъ собою, онъ не оставался чуждъ также вліянія лучшихъ представителей педагогической среды, которые съумѣли добрымъ словомъ ободренія, совѣтомъ и участіемъ помочь молодому мечтателю выйти на истинную дорогу, соотвѣтствовавшую его призванію".

Стоюнинъ, сблизившись еще въ гимназіи съ упомянутымъ выше А. С. Власовымъ, впослѣдствіи директоромъ Вологодской, а затѣмъ 2-й С.-Петербургской гимназіи, поддерживалъ связи съ нимъ и послѣ университета. Въ А. С. Власовѣ Стоюнинъ нашелъ друга-наставника, который поддержалъ его въ трудные переходные года его жизни. Мечтая одно время посвятить себя исключительно литературной дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывая на себѣ всю трудность и горечь положенія писателя 50-хъ годовъ, Стоюнинъ въ тяжелыя минуты душевнаго разлада, изливалъ свое настроеніе въ стихахъ. Одно изъ такихъ стихотвореній, написанное въ 1854 году въ формѣ діалога, сохранившееся въ бумагахъ Владиміра Яковлевича подъ заглавіемъ „Писатель и духъ", какъ нельзя лучше, рисуетъ, что переживалъ онъ въ тѣ дни [1]):

Писатель:

„Нѣтъ, я тебя не вызывалъ,
. . . . . .
„Хоть и не разъ скорбѣлъ мой геній
„Подъ гнетомъ думъ, ужасныхъ думъ!
. . . . . , . . .
„Бывали дни, когда въ устахъ
„Слагалось злобное проклятье
„На все то жалкое несчадье,

[1]) Стихотвореніе приводится здѣсь въ извлеченіяхъ.

„Которымъ истина за страхъ;
„Когда всѣ лучшія твореньа,
„Гдѣ правду въ Богѣ ты искалъ,
„Гдѣ всѣ небесныя видѣнья
„Въ прекрасный образъ облекалъ,
„Гдѣ слово, каждый звукъ, все было
„Твоя душа, и плоть, и кровь—
„Все то безъ ужаса, безъ словъ,
„Рука невѣжды осквернила.
„Безумецъ принялъ за развратъ
„Слова благого просвѣщенья,
„Призналъ за тонкій, скрытый ядъ
„Пороковъ гордыхъ обличенье
„И къ небесамъ порывъ святой
„Нарекъ безбожнымъ вольнодумствомъ.
„Молитву сердца—думой злой,
„Примѣры доблести—безумствомъ.
„Провозгласилъ опаснымъ зломъ
„Людямъ скорбящимъ утѣшенье
„И возмутительнымъ листомъ
„Слова любви и примиренья...
. . . . . .
„Ты не слыхалъ тогда стенанья
„Души измученной моей
. . . . . .
„Теперь же поздно... я рѣшился
„Перо оставить навсегда;
„Себя отъ муки избавляю
„И ремесло предпочитаю
„Я для насущнаго труда
. . . . . .

Духъ спрашиваетъ тогда, чего же онъ хочетъ отъ него? Писатель проситъ матеріальнаго блага, золота, которымъ будетъ „врачевать больную душу“.

„И буду жить я на просторѣ
„Не для людей, а для себя...

Духъ усовѣщеваетъ его, говоря, что счастье людское не въ богатствѣ и матеріальномъ достаткѣ, что ему, писателю, начавшему проповѣдь любви ради счастья людей, не слѣдуетъ сходить съ этого пути

„.... И если ты узналъ
„Въ своей душѣ любовь и силы
„И подвигъ тягостный избралъ,
„Такъ и иди съ нимъ до могилы“.

Писатель.

„Да, если знать, что голосъ мой
„До нихъ дойдетъ и слово въ слово...
„Но ты, ты житель неземной,
„Ты не поймешь всего земного“.

Духъ.

„Я видѣлъ древле, какъ съ крестомъ
„За правду люди умирали,
„Ихъ мучили, ихъ истязали,
„Сжигали медленнымъ огнемъ.
„Я понялъ подвигъ ихъ священный,
„Когда они въ огнѣ, въ крови,
„Гласили вслухъ объ откровеньи,
„Высокой правдѣ и любви.
„И гибли, гибли люди тьмами,
„А голосъ истины звучалъ
„Въ крови, съ костровъ и надъ мечами
„И на землѣ торжествовалъ,
„И ты боишься, малодушный!
„Ужель тотъ голосъ гдѣ замретъ,
„Въ которомъ слабый и недужный
„Елей въ душѣ своей найдетъ?
„Нѣтъ, если самъ ты не калѣка,
„Не боленъ недугами вѣка.
„Не зараженъ гордыней злой, —
„И если смѣлый возгласъ твой
„Не возгласъ дерзкихъ возмущеній,
„Не лесть коварная людямъ,
„А полнъ цѣлебныхъ услажденій,—
„Благоухающій бальзамъ,—
„Онъ не замретъ, какъ гласъ въ пустынѣ,
„Его немногимъ передай,
„И сохранятъ его въ святынѣ,
„И разнесутъ на цѣлый край.
„И будетъ слава міровая
„Тебѣ звучать изъ рода въ роды!..
„Избралъ немногихъ вѣдь и Тотъ,
„Кто вѣчной правдою пылая,
„Пошелъ на крестъ терпѣть, страдать,
„За правду въ мукахъ умирать.
„Онъ вамъ примѣръ въ вѣнцѣ терновомъ:
„Служилъ онъ міру тоже словомъ,
„Свой духъ въ то слово онъ вселилъ
„И звуки слова освятилъ...
„Вотъ, гдѣ найдешь ты утѣшенье!
„Борись, и мучься, и страдай,
„И просвѣщай, и утѣшай,
„И совершишь свое призванье“.

(Писатель глубоко задумывается, духъ исчезаетъ).

„Это или подобное этому по содержанію стихотвореніе, говоритъ г. Глинскій въ своей біографіи, Стоюнинъ послалъ въ Вологду Власову, съ которымъ находился въ перепискѣ. Отвѣчая въ 1855 году своему молодому другу, Власовъ совѣтовалъ ему бросить литературныя занятія и не надѣяться на нихъ, какъ на средство къ жизни, а

отдать себя всецѣло педагогической дѣятельности... „Я спрашиваю васъ, писалъ онъ, гдѣ же литература кормила людей: всѣ дѣльные, замѣчательные писатели терпѣли нужду и были бѣдняками: а много ли добросовѣстности, живительныхъ для души строкъ у тѣхъ писателей, которые работали отъ литературы?.. Повѣрьте, что вы гораздо болѣе принесете пользы обществу, какъ даровитый наставникъ, нежели извѣстный писатель. Гораздо нужно болѣе и чувства, и стойкости воли, чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ въ жизни, нежели сколько потребно всего этого для писателя. Служба съ невзгодами и красными днями сближаетъ каждаго изъ насъ съ отчизною и дѣлаетъ членомъ великой семьи... Вы слишкомъ нетерпѣливы и много умствуете, а должно всматриваться и наблюдать... Въ вашихъ стихахъ виденъ еще безотчетный юношескій пылъ молодости, а нѣтъ сознанія того занятія, которое выпало на вашу долю... Вы не понимаете жизни. Она вамъ кажется только тамъ, гдѣ умствованіе, анализъ: нѣтъ, тамъ-то человѣкъ и живетъ, и дѣйствуетъ, какъ живая личность, гдѣ не одинъ умъ, а всѣ силы въ игрѣ„.

Съ 1852 года по 1871 годъ работаетъ Стоюнинъ въ качествѣ учителя русскаго языка и словесности въ той гимназіи, въ которой и самъ получилъ среднее образованіе.

Съ этимъ періодомъ его дѣятельности связаны самые крупные его литературно-педагогическіе труды; въ эту же пору написано имъ множество статей по вопросамъ литературы, искусства и педагогики. Онъ пытаетъ свои силы и въ области журналистики, въ теченіе 1859 года редактируетъ газету „Русскій Міръ“, выходившую сначала разъ въ недѣлю, а потомъ два раза. Здѣсь онъ былъ не только редакторомъ, но и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ; тутъ находимъ множество его статей, частью подписанныхъ его именемъ, частью неподписанныхъ. Въ этихъ небольшихъ бѣглыхъ газетныхъ замѣткахъ, по нашему убѣжденію, опредѣлились уже довольно ясно характерныя особенности Стоюнина, какъ писателя и человѣка. Во всѣхъ даже самыхъ маленькихъ его замѣткахъ, всюду чувствуется прежде всего человѣкъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ говоритъ,—человѣкъ, серьезно задумывающійся надъ всякимъ вопросомъ, за который берется, прямо и открыто высказывающій свои мысли и чувства, мало заботясь о томъ, понравятся ли они читателямъ, или нѣтъ. Не хлопочетъ онъ и о красотѣ фразы, но говоритъ всегда вѣско и съ достоинствомъ, не бросаетъ ни одного слова наобумъ, ничего не говоритъ, сегодня такого, отъ чего завтра пришлось бы отказаться, что такъ часто случается со многими, даже и хорошими журнальными писателями, слишкомъ дающими волю своимъ личнымъ чувствамъ. Между статьями Стоюнина въ „Русскомъ Мірѣ“ особенно выдаются, по нашему мнѣ-

нію, критическіе очерки: о поэмѣ Никитина „Кулакъ“, о „Воспитанницѣ“, Островскаго, и разборъ романа Гончарова „Обломовъ“. Приведемъ изъ этихъ статей и другихъ замѣтокъ лишь выдержки, наиболѣе характеризующія взгляды Стоюнина. Въ статьѣ „Щепкинъ въ роли Гоголевскаго городничаго“, находимъ слѣдующія строки:—„О чемъ бы мы ни говорили, какіе бы живые интересы ни занимали насъ, но искусства забыть мы не можемъ: оно тѣсно связывается съ лучшей стороной нашей жизни; къ нему мы обращаемся для отдыха отъ трудовъ, для развлеченія отъ заботъ, для высшаго наслажденія, наконецъ, для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ нашей духовной жизни. Въ немъ, какъ и въ природѣ, ищетъ себѣ нѣкотораго успокоенія современный развитой человѣкъ, котораго мысль почти постоянно въ тяжеломъ разладѣ съ дѣйствительностью“.—Большой поклонникъ искусства во всѣхъ его видахъ, лишь бы оно возбуждало высшее эстетическое наслажденіе, Стоюнинъ тѣмъ не менѣе цѣнилъ литературныя произведенія не съ одной эстетической точки зрѣнія; онъ искалъ въ нихъ жизненнаго содержанія и идеи. Это видно изъ всѣхъ его критическихъ статей, особенно же ярко сказалась эта черта въ его рецензіи Никитинской поэмы „Кулакъ“.

„Любви, побольше любви къ человѣку!—восклицаетъ онъ,—а она уже сама скажетъ намъ, что нужно сдѣлать, чтобы спасти его... Конечно, мы должны быть благодарны Никитину за попытку пробуждать въ насъ это чувство. Да, пробуждайте его, не давайте намъ забыться въ гордомъ сознаніи нашихъ достоинствъ,—намъ, любящимъ курить ѳиміамъ своему воспитанію и образованію, смягчайте наши строгіе взгляды на все, что ниже насъ по своему положенію, завязывайте между всѣми нами другую, крѣпчайшую связь, основанную не на высокомѣрномъ правѣ грубо и безнаказанно оскорблять личность низшаго, а на человѣческомъ чувствѣ, сближающемъ людей общею любовью,—на томъ чувствѣ, которое служитъ основаніемъ благоденствія и счастія всѣхъ обществъ. Согрѣвайте насъ этою любовью, и вы исполните высокое назначеніе поэта“.

Проникнутый такими гуманными воззрѣніями, понимая и самую жизнь всякаго просвѣщеннаго дѣятеля, какъ внесеніе въ дѣйствительность свѣтлыхъ и нравственныхъ началъ, Стоюнинъ стоялъ за борьбу во имя истины и добра съ этою дѣйствительностью, если они не находятъ въ ней подобающаго себѣ мѣста.

„Какъ скоро истина доказана,—говоритъ онъ въ одной замѣткѣ,—какъ скоро въ дѣло нужно ввести новое основаніе, отъ котораго ожидается благотворное слѣдствіе, никакія уступки не должны имѣть мѣста. Старое все долой, если оно не годится; новое все на сцену, если оно признано хорошимъ. Что намъ за дѣло, если найдутся люди,

которые не согласятся съ нами. Признавъ извѣстный принципъ, будемъ опровергать противоположныя мнѣнія, будемъ стараться ввести его всецѣло въ дѣйствительность и примиримся съ нею только тогда, когда онъ займетъ тамъ свое мѣсто".

Въ этихъ строкахъ сказался рѣзче, чѣмъ въ какой-либо другой статьѣ, тотъ девизъ, которому Стоюнинъ остался вѣрнымъ всю свою жизнь. Съ одной стороны, полнѣйшая преданность истинѣ, высокимъ принципамъ, идеалу, а съ другой—непримиримость съ тою дѣйствительностью, которая не даетъ имъ надлежащаго мѣста. Такимъ непримиримымъ идеалистомъ началъ онъ свою дѣятельность, такимъ сошелъ онъ и въ могилу. Въ этомъ его главная сила, въ этомъ и причина многихъ житейскихъ огорченій и неудачъ.

Всего годъ продолжалась газетная работа Стоюнина. Потому ли, что срочный, торопливый газетный трудъ былъ ему не по душѣ, потому ли, что онъ задумывалъ тогда свои большіе труды и для нихъ нуждался въ большомъ досугѣ, потому ли, наконецъ, что ему приходилось иногда оповѣщать читателей газеты, что нумеръ не могъ выйти въ срокъ по независящимъ отъ редакціи причинамъ, трудно сказать; но редакторская дѣятельность Стоюнина ограничилась однимъ годомъ.

Преподавательская дѣятельность его уже окончательно опредѣлилась къ этому времени. Не только основательно знающій тѣ науки, къ области которыхъ относились его уроки, но и глубоко любящій искусство и науку, онъ уже по этому одному долженъ былъ сдѣлаться выдающимся преподавателемъ. Но этого мало. Идеалистъ въ душѣ, проникнутый благородными принципами, готовый твердо отстаивать ихъ, неспособный ни въ какомъ случаѣ поступаться своими убѣжденіями, онъ представлялъ такую опредѣленную, характерную личность, которая уже сама по себѣ должна была облагораживать молодыхъ людей, находящихся подъ его вліяніемъ. Понятно, что для учащейся чуткой молодежи онъ былъ не только прекраснымъ преподавателемъ, но и воспитателемъ, или наставникомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. По заявленію его бывшихъ учениковъ, онъ не любилъ на урокахъ много говорить; но все, что онъ говорилъ, было вѣско, заключало въ себѣ сущность дѣла. При скупости въ словахъ онъ владѣлъ способностью затронуть вопросъ съ самой живой его стороны, возбудить къ нему большой интересъ, вызвать въ ученикахъ самодѣятельность, заставить ихъ умъ поработать надъ предметомъ изученія. Въ исторической запискѣ о 3-й с.-петербургской гимназіи говорится, что Стоюнинъ обращалъ свои уроки въ занимательныя бесѣды, заставляя учениковъ читать другъ другу свои сочиненія, дѣлать ихъ разборъ, на который авторъ долженъ былъ вновь представлять письменныя возраженія. Онъ сразу съумѣлъ повліять на воспріимчивыя молодыя на-

туры, и ученики, по свидѣтельству одного изъ бывшихъ воспитанниковъ третьей гимназіи, стали усердно заниматься, сначала подавляемые невѣдомымъ дотолѣ авторитетомъ личности, а потомъ изъ интереса къ дѣлу и даже изъ удовольствія, испытываемаго отъ занятій словесностью.

Видя живой интересъ учащихся къ русской литературѣ и сознавая высокообразовательную силу этого предмета, Стоюнинъ сверхъ уроковъ занимается съ учениками старшихъ четырехъ классовъ на такъ-называемыхъ „читательныхъ бесѣдахъ“, устроенныхъ по иниціативѣ гр. Мусина-Пушкина, на которыхъ, какъ видно изъ собственныхъ отчетовъ Стоюнина читались учениками и разбирались ими же, подъ руководствомъ преподавателя, образцовыя произведенія, и отрывки изъ нихъ, доступные ученикамъ. Но дѣло не ограничивалось только художественными произведеніями; читались иногда статьи біографическія и критическія, касающіяся произведеній, извѣстныхъ ученикамъ, и такимъ образомъ они мало-по-малу пріучались къ серьезному чтенію. Наконецъ, ученики писали собственные разборы и дѣлали комментаріи прочитанныхъ произведеній. Все это служило предметомъ живой бесѣды учениковъ подъ руководствомъ преподавателя. Надо ли говорить, что подобныя чтенія и бесѣды въ рукахъ опытнаго руководителя являются драгоцѣннымъ средствомъ не только для развитія литературнаго вкуса, но и для развитія мышленія, для возбужденія у учащейся молодежи умственныхъ интересовъ и формировки правильныхъ взглядовъ на жизнь и нравственныхъ убѣжденій?

Ученики, особенно старшихъ классовъ, конечно, могли понять и оцѣнить своего учителя, настойчиво требовавшаго отъ нихъ серьезной работы, никогда не искавшаго у нихъ какими-либо поблажками популярности, въ то же время не жалѣвшаго ни своего времени, ни труда, чтобы всячески по мѣрѣ силъ содѣйствовать умственному и нравственному развитію и пріученію къ серьезному труду своихъ учениковъ.

Ярче всего глубокое уваженіе и признательность бывшіе ученики Стоюнина высказали ему на юбилейномъ торжествѣ 3-ей гимназіи по случаю 25-лѣтія этого заведенія. На этомъ торжествѣ былъ Стоюнинъ уже гостемъ (онъ занималъ въ это время должность инспектора московскаго николаевскаго института). Когда читался историческій очеркъ гимназіи, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ упоминалось о дѣятельности В. Я. Стоюнина, бывшіе его ученики оглушительными аплодисментами надолго прерывали чтеніе. А по окончаніи акта молодежь густою толпою окружила своего бывшаго учителя и долго, и шумно выражала ему свою любовь и признательность.

Преподавательская дѣятельность Стоюнина и его литературно-пе-

дагогическія статьи сдѣлали его имя извѣстнымъ еще въ первое десятилѣтіе службы. Уроки его цѣнились уже по достоинству и высокопоставленными лицами. Онъ преподавалъ русскую словесность великому князю Владиміру Александровичу, Николаю Николаевичу младшему, великимъ князьямъ Лейхтенбергскимъ: Сергію, Евгенію и Юрію Максимиліановичамъ, великой княжнѣ Евгеніи Максимиліановнѣ, нынѣ принцессѣ Ольденбургской, и принцессѣ Еленѣ Георгіевнѣ Мекленбургъ-Стрелицкой.

Конецъ пятидесятыхъ годовъ и начало шестидесятыхъ былъ у насъ, какъ извѣстно, временемъ сильнаго подъема въ обществѣ умственныхъ интересовъ. Подъ вліяніемъ сначала свѣтлыхъ чаяній, а потомъ реформъ, общество очнулось изъ долгаго томительнаго забытья. Журналы заговорили иначе, чѣмъ прежде; жизненные вопросы поднимались одинъ за другимъ: тутъ были и протесты противъ настоящаго, и безпощадная критика прошлаго, и смѣлыя надежды на будущее. Много писалось, еще больше говорилось... Было не мало крайностей и увлеченій. Но кто знакомъ съ исторіей, тотъ знаетъ, что безъ нихъ никогда и нигдѣ не обходилось дѣло въ моменты умственнаго возбужденія общества.

Сильно отозвалось у насъ это возбужденіе и на педагогическомъ дѣлѣ, для котораго это время было своего рода эпохою возрожденія. Оно началось съ появленія въ 1856 году знаменитыхъ „Вопросовъ жизни“ Пирогова, на долю котораго выпало сказать то, что давно уже чувствовалось и думалось лучшими людьми, но для чего еще недоставало словъ. Это живое слово было сказано, и о немъ, по свидѣтельству современниковъ, заговорили всюду: „въ клубахъ, въ семьяхъ, гдѣ до того времени почти ничего не читали, въ высшемъ обществѣ, въ гимназіяхъ, въ приходскихъ училищахъ [1]). Всѣ заговорили о воспитаніи, о нашихъ недостаткахъ и порокахъ, происходящихъ именно отъ недостатка его. Воспитаніе стало модным вопросомъ, о которомъ говорили и писали на всѣ лады. Съ 1857 года стали выходить сразу два педагогическіе журнала: „Русскій Педагогическій Вѣстникъ“, Вышнеградскаго, и „Журналъ для воспитанія“, Чумикова, а въ 1858 году появился журналъ г. Паульсона, „Учитель“, имѣвшій большое вліяніе на перемѣну въ нашей школѣ пріемовъ обученія. Большіе журналы и газеты тоже охотно отводили мѣсто на своихъ страницахъ педагогическимъ статьямъ. Открываются въ Петербургѣ педагогическія собранія, учреждается комитетъ грамотности, устраиваются воскресныя школы, учреждается маріинское женское училище, а за нимъ и другія подобныя же заведенія для приходящихъ дѣвочекъ, впослѣд-

[1]) „Русскіе педагогическіе дѣятели. Н. И. Пироговъ“. В. Острогорскаго.

ствіи переименованныя въ женскія гимназіи. Стоюнинъ принимаетъ самое живое участіе въ упомянутыхъ педагогическихъ собраніяхъ, комитетахъ, руководитъ воскресной школой, преподаетъ въ 1-мъ маріинскомъ училищѣ, начиная съ основанія его въ 1858 году и до 1861 года, а затѣмъ въ маріинскомъ институтѣ.

Въ эту пору Стоюнинъ задумалъ-было открыть частную мужскую гимназію, и въ 1862 году первый получилъ право на это, но своего намѣренія онъ почему-то не осуществилъ. Въ 1865 г. Стоюнинъ женится на Маріи Николаевнѣ Тихменевой, своей бывшей ученицѣ; но семейный очагъ нисколько не отрываетъ его отъ общественной дѣятельности; напротивъ, онъ работаетъ какъ бы съ удвоенной энергіей. Это и понятно: въ своей женѣ онъ нашелъ не только любящаго человѣка, но вѣрнаго друга, способнаго понять и оцѣнить все, что было самаго дорогого и завѣтнаго для него. Жить стало легче, и работа пошла бодрѣе: горе, раздѣленное пополамъ, вдвое слабѣе, радость— вдвое сильнѣе. Къ шестидесятымъ годамъ относится и появленіе самыхъ крупныхъ литературно-педагогическихъ трудовъ Стоюнина. Онъ, уже извѣстный своимъ „Высшимъ курсомъ русской грамматики“, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1855 году, издаетъ книгу „О преподаваніи русской литературы“, затѣмъ „Руководство для теоретическаго изученія литературы“ и „Руководство для историческаго изученія русской литературы„. Всѣ эти работы представляютъ въ высшей степени цѣнные вклады въ педагогическую литературу. Кромѣ этихъ большихъ трудовъ, въ это время Стоюнинъ пишетъ цѣлый рядъ педагогическихъ статей.

„Вопросы жизни“ Прирогова,—эта горячая педагогическая проповѣдь, оказала на В. Я. Стоюнина большое вліяніе. Пироговъ въ своей смѣлой статьѣ высказалъ много горькихъ истинъ своимъ соотечественникамъ. Наше общество, говоритъ онъ,—не христіанское общество, а разрозненныя толпы, другъ другу враждебныя. Выйти изъ этого ложнаго и опаснаго положенія можно только однимъ путемъ— воспитаніемъ, задачею котораго должно быть—*воспитать человѣка, сдѣлать насъ людьми*, въ высокомъ смыслѣ этого слова. А для этого надо дать другое направленіе нашимъ школамъ, которыя оказались несостоятельными въ воспитательномъ дѣлѣ, и призвать на педагогическое поприще тѣхъ, которые способны къ собственному перевоспитанію. „Это показалось такъ просто и убѣдительно, что по свидѣтельству Стоюнина, никто даже не отнесся критически къ вызову Пирогова. Всѣ и педагоги, и непедагоги, заговорили о воспитаніи *человѣка*, не замѣтивъ даже тѣхъ трудностей, на которыя указывалъ Пироговъ: „придется многимъ воспитателямъ спачала перевоспитать себя“, а только способные къ этому воспитатели и могли пойти по

указанному пути. Взгляды и убѣжденія Пирогова сходились вполнѣ съ убѣжденіями Стоюнина, и еще болѣе укрѣпляютъ ихъ. Вспоминая дореформенныя времена и дѣятельность Пирогова въ періодъ реформъ, Стоюнинъ говоритъ: „за поколѣніемъ нашихъ отцевъ остается та честь, что оно выставило способныхъ людей въ новую пору, когда покойному Государю Александру Николаевичу нужны были дѣятельные помощники въ его преобразовательныхъ планахъ". Люди эти „не мирились ни съ идеей работы, ни произвола, ни невѣжества... Они выстрадали идеалы и горячо относились къ нимъ съ полною вѣрою, что настанетъ и для нихъ пора... Они-то и есть наши духовные отцы, которые намъ передали свои идеалы, связавъ ими наше поколѣніе со своимъ".

Но литературное и педагогическое оживленіе продолжалось не долго. Мало-по-малу опять водворяется тяжелое затишье, и въ душной общественной атмосферѣ трудно живется и литературѣ, и школѣ. Тяжело отзывается это особенно на учебныхъ предметахъ, способныхъ развивать мысль учащихся, порождать у нихъ идеи,— на литературѣ и исторіи. Въ школахъ особенно даетъ себя чувствовать та болѣзнь, которую кто-то мѣтко назвалъ „идеебоязнью".

Въ это время Стоюнину дѣлаютъ предложеніе занять каѳедру русской литературы въ варшавскомъ университетѣ (тогда главной школѣ), а затѣмъ предлагаютъ мѣсто инспектора московскаго николаевскаго сиротскаго института. Это заведеніе, предназначенное для сиротъ, изъ которыхъ большинство потомъ становится учительницами и воспитательницами, было ему особенно симпатично, и онъ охотно принялъ предложенную ему должность. Многосложныя обязанности въ институтѣ, одномъ изъ громаднѣйшихъ учебныхъ заведеній этого рода, имѣющемъ и педагогическіе классы, и особое отдѣленіе, вѣрнѣе, отдѣльную школу малоспособныхъ, совершенно поглощаетъ Стоюнина. Лучшія силы учебнаго и воспитательнаго персонала института группируются около своего инспектора, авторитетъ котораго высоко стоитъ въ глазахъ и учащихъ, и учащихся. Преподаваніе поднимается на должную высоту, и въ воспитательномъ дѣлѣ начинаютъ сказываться здравыя педагогическія начала... Но такъ дѣло шло только первые годы. Такіе люди, какъ Стоюнинъ, могутъ имѣть лишь искреннихъ друзей или недоброжелателей. Прямая натура его, не допускающая никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, никакой угодливости и приспособленія къ людямъ и обстоятельствамъ, неизбѣжно должна была создавать ему недоброжелателей. Всякій человѣкъ съ нравственными изъянами сразу могъ замѣтить его нерасположеніе къ себѣ, и естественно становился недоброжелательнымъ къ нему. А ему, какъ инспектору, приходилось на каждомъ шагу сталкиваться со множествомъ людей, не-

рѣдко довольно вліятельныхъ, обращавшихся къ нему со всевозможными просьбами, не всегда законными, съ заявленіями, часто несправедливыми. На экзамены являлись въ качествѣ визитаторовъ иногда люди, предубѣжденные противъ него. Безъ столкновеній обойтись было трудно, особенно когда жертвами перасположенія къ нему являлись ни въ чемъ неповинныя воспитанницы. И столкновенія начались... Въ житейской борьбѣ чаще побѣду одерживаютъ не люди сильные духомъ, а люди неразборчивые въ оружіи,—побѣду, правда, не почетную, но все же побѣду. В. Я—чу пришлось оставить свою должность и Москву въ 1874-мъ году. Несмотря на свое сильное желаніе по возможности скоро и незамѣтно уѣхать изъ Москвы, онъ не могъ избѣжать выраженій самаго глубокаго и искренняго сочувствія со стороны ученицъ, сослуживцевъ и множества лицъ литературнаго и педагогическаго міра. „Меня провожала Москва на новую дѣятельность,—пишетъ онъ своей женѣ,—такъ, какъ когда-то провожалъ Петербургъ въ эту же Москву. Мнѣ нельзя винить ее, если служба тамъ не посчастливилась: она не можетъ отвѣчать за нѣсколько личностей... Москва не выбросила меня изъ своей среды, а пожалѣла, поплакала, почетно проводила меня съ самыми сердечными напутствіями. Да, я въ правѣ гордиться такими минутами прощанія, потому что опѣ выражаютъ признаніе цѣлымъ обществомъ моихъ трудовъ“.

Въ послѣднее время московскихъ невзгодъ у Стоюнинныхъ явилась даже мысль вовсе уѣхать изъ Россіи: предполагалось водвориться въ Парижѣ и тамъ заниматься обученіемъ дѣтей многочисленной русской колоніи. Но, пріѣхавъ въ Петербургъ, Стоюнинъ нашелъ здѣсь такой радушный пріемъ у своихъ друзей и старыхъ знакомыхъ, что всякіе помыслы объ отъѣздѣ за границу были оставлены. Въ судьбѣ Стоюнина принимаютъ участіе нѣкоторыя вліятельныя лица, хорошо его знавшія, какъ наставника своихъ дѣтей. Благодаря доброму вниманію покойной государыни императрицы Маріи Александровны, его причисляютъ къ С. Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи съ тѣмъ содержаніемъ, какое онъ получалъ, какъ инспекторъ института. Въ это же время ему много помогали своимъ участіемъ Н. Мальцева и семья графа А. А. Бобринскаго. Затѣмъ, по приглашенію управлявшаго тогда министерствомъ народн. просвѣщенія статсъ-секретаря Сабурова, Стоюнинъ поступаетъ членомъ въ ученый комитетъ министерства. Дѣлаются ему предложенія и частныхъ педагогическихъ занятій, выгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи; но тутъ опять пришлось испытать ему неудачу и огорченіе со стороны недоброжелателей, и притомъ такихъ, которые вовсе его и не знали лично, но судили о немъ по наслышкѣ и тѣмъ не менѣе считали долгомъ вредить ему. Во всякомъ случаѣ Стоюнинъ, полный энергіи, знанія, желанія труда

на пользу общую, остается, что называется, не у дѣлъ. Но такіе люди, какъ онъ, не могутъ остаться безъ дѣла, и все, за что они берутся, становится въ ихъ рукахъ серьезнымъ, живымъ дѣломъ, потому что въ труды свои они влагаютъ свою живую душу. Стоюнинъ сосредоточиваетъ свои силы на литературныхъ трудахъ. Къ этому времени относятся—изданіе книжки его „Русскій синтаксисъ“, обработка новыхъ изданій упомянутыхъ выше большихъ его трудовъ, редактированіе и комментаріи къ классной библіотекѣ, изд. Исакова (Сочиненія Пушкина: „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“, „Капитанская дочка“, „Мѣдный всадникъ“, „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, Лирическія стихотворенія, Эпическія стихотворенія), редактированіе и комментаріи къ училищной библіотекѣ, изд. Н. Мартынова („Горе отъ ума“, „Недоросль“, „Бригадиръ“), составленіе „Хрестоматіи къ руководству для теоретическаго изученія литературы“, „Русской хрестоматіи для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній“ и „Руководства для преподавателей по классной хрестоматіи“. Въ эти же годы являются и самые крупные и цѣнные труды его по исторіи русской литературы о кн. Кантемірѣ въ Парижѣ, о Шишковѣ и о Пушкинѣ (первые два печатались въ „Вѣстникѣ Европы“, а послѣдній—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“,—затѣмъ „Шишковъ“, и „Пушкинъ“ вышли отдѣльными книгами). Въ этотъ же періодъ его жизни были написаны самыя вѣскія и продуманныя педагогическія статьи его, большая часть которыхъ напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]).

Одною литературною дѣятельностью Стоюнинъ не могъ ограничиться: попрежнему онъ являлся во всѣхъ собраніяхъ, посвященныхъ дорогому для него дѣлу,—дѣлу образованія и воспитанія; такъ, онъ принимаетъ самое живое участіе въ засѣданіяхъ и дѣятельности комитета грамотности, и не столько словомъ, сколько дѣломъ, работая въ отдѣльныхъ коммиссіяхъ комитета по редакціи изданій его, по присужденію премій и проч.; постоянно присутствовалъ онъ въ педагогическихъ засѣданіяхъ въ Соляномъ городкѣ,—словомъ, всюду, гдѣ только шло дѣло о чемъ-либо полезномъ для школы и интересномъ для педагога, можно было увидѣть Стоюнина, внимательно слушающаго или дѣлающаго свои вѣскія немногословныя замѣчанія.

Такимъ образомъ, вся жизнь его была полна труда и притомъ труда по душѣ; но близкіе люди замѣтили, что онъ скучаетъ безъ педагогической практики. Особенно это сказалось въ тѣ годы (отъ 1877 до 81 гг.), когда Стоюнины жили въ Царскомъ Селѣ, и педагогическія собранія и кружки не могли наполнять досуги Стоюнина. Онъ

---

[1]) „Мысли о нашихъ экзаменахъ“, „Вѣстн. Европы“ 1870 г.—„Педагогическіе вопросы“ (1875 г.):—„Замѣтки о русской школѣ“, три статьи (1881 и 1882 гг.) и—„Наша семья и ея историческія судьбы“ (1884 г.).

слишкомъ привыкъ видѣть предъ собою молодыя натуры учащихся, чувствовать свое живое воздѣйствіе на нихъ; привычки учителя,—учителя по призванію,—слишкомъ были сильны въ немъ. И вотъ Марія Николаевна Стоюнина отчасти въ виду этого, отчасти потому, что старшая изъ двухъ дочерей достигла того возраста, когда нужна правильная школа, задумала открыть частную женскую гимназію. Стоюнинъ, конечно, отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ намѣренію жены; но въ виду важности и трудности дѣла совѣтовалъ ей взвѣсить всѣ обстоятельства, поразмыслить обо всемъ, и тогда лишь приниматься за осуществленіе его. И вотъ гимназія М. Н. Стоюниной открыта въ 1881 году послѣ двухъ лѣтъ серьезнаго обсужденія вопроса со всѣхъ сторонъ, и В. Я. Стоюнинъ опять заправляетъ живымъ педагогическимъ дѣломъ, работаетъ вмѣстѣ съ женою, вполнѣ проникнутою его педагогическими принципами, надъ организаціей заведенія, старается здѣсь на практикѣ осуществить свой завѣтный идеалъ образованія, понимая подъ этимъ словомъ на одно обученіе, но правильное воспитаніе ума и сердца. Кто не знаетъ этой гимназіи, тотъ можетъ получить понятіе о ней по образцовымъ годовымъ отчетамъ о дѣятельности ея [1]). Изъ нихъ можно видѣть, какія здравыя педагогическія начала положены были въ основу этого заведенія, которое въ полномъ своемъ развитіи года черезъ два должно было бы явиться образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ заведеніемъ. Но не суждено было Вл. Я—чу видѣть завершеніе этого живого и дорогого ему дѣла, надъ которымъ онъ работалъ съ неусыпной энергіей, даже и послѣ тяжкаго семейнаго горя,—смерти старшей дочери,—работалъ какъ инспекторъ и преподаватель русскаго языка, словесности и исторіи, пока смерть не прервала его трудовую и полную глубокаго смысла жизнь...

Литературно-педагогическіе труды Стоюнина,—это крупное наслѣдство для всѣхъ мыслящихъ педагоговъ, заслуживаютъ большого вниманія. Въ нашемъ очеркѣ мы не имѣемъ возможности не только разсмотрѣть всѣ ихъ, но даже и указать на каждый изъ нихъ и сдѣлать краткую оцѣнку и потому мы ограничимся лишь самой общей характеристикой нѣкоторыхъ изъ нихъ. Прежде всего надо сказать, что всѣ большіе труды и статьи Стоюнина, упомянутыя нами и неупомянутыя, отличаются самостоятельностью и оригинальностью,—всѣ они являются плодомъ серьезнаго размышленія, внимательнаго вникновенія въ сущность дѣла, даже обстоятельнаго изученія. Тутъ вы не найдете компиляцій, развитія лишь чужихъ мыслей; во всѣхъ тру-

---

[1]) Въ журналѣ „Женское Образованіе“.

дахъ Стоюнина вы видите богатое содержаніе, самую добросовѣстную работу и оригинальную точку зрѣнія. Все это, конечно, свидѣтельствуетъ о силѣ ума, о талантѣ. Съ другой стороны, всѣ эти труды не внѣшнимъ изложеніемъ подкупаютъ читателя. Съ первой же страницы вы видите, что авторъ вовсе и не заботится объ особенной отдѣлкѣ слога,—о томъ, чтобы принарядить свои мысли въ изящный словесный костюмъ. Онъ словно желаетъ, чтобы мысль сама за себя говорила, своею дѣльностью и вѣскостью завоевала себѣ вниманіе читателя,—словно боится, чтобы красивая словесная оболочка не отвлекла его вниманія отъ сущности дѣла, чтобы мысль не подкупила его своимъ лишь нарядомъ, а не внутреннимъ достоинствомъ... Учебники Стоюнина,—говорятъ нѣкоторые педагоги,—уступаютъ въ легкости многимъ другимъ. И это вѣрно. Но Стоюнинъ объ особенной легкости учебниковъ и не заботился: по его мнѣнію, ученикъ долженъ браться за учебникъ лишь тогда, когда урокъ проработанъ въ классѣ; учебникъ, по его словамъ, нуженъ лишь для того, чтобы въ умѣ ученика прошли въ связномъ видѣ результаты, уже добытые на урокѣ. Учебники Стоюнина требуютъ отъ ученика серьезнаго вниманія и нѣкотораго напряженія ума, чтобы вникнуть въ изложенныя мысли, понять логическую связь ихъ,—словомъ, тутъ одною памятью возьмешь немного,—нужна умственная работа. Такую только работу ученика и цѣнилъ Стоюнинъ. Изъ всѣхъ литературно-педагогическихъ его трудовъ мы считаемъ самымъ важнымъ по значенію книгу „О преподаваніи русской литературы“. Одинъ этотъ трудъ могъ бы дать Стоюнину право стать въ ряду извѣстнѣйшихъ нашихъ педагоговъ-писателей. Эта книга произвела въ преподаваніи русской словесности въ нашей школѣ переворотъ и, по справедливому выраженію В. И. Острогорскаго, „убила на повалъ прежнее схоластичетное направленіе въ преподаваніи русской словесности“. Въ этомъ трудѣ указано громадное воспитательное значеніе отечественной литературы. Мало того, показано, какъ слѣдуетъ обращаться съ литературнымъ матеріаломъ для учебныхъ цѣлей,—приведены образцы разборовъ. И, наконецъ, указано историческое значеніе важнѣйшихъ произведеній древней литературы и сдѣланы такія мѣткія характеристики многихъ изъ нихъ, что страницы эти могли бы служить украшеніемъ любого научнаго труда по исторіи русской литературы. Эта книга такъ полна цѣнныхъ указаній, умныхъ, замѣчательныхъ соображеній, что она должна быть настольной книгой у всякаго преподавателя русской словесности.

Труды Стоюнина не только открыли, но и проложили новые пути въ преподаваніи словесности...

Мы уже сказали, что Стоюнинъ въ своихъ большихъ трудахъ и особенно въ статьяхъ высказывается по всѣмъ существеннымъ вопро-

самъ воспитанія и образованія, такъ что въ общемъ эти статьи представляютъ обстоятельный планъ средняго образованія, мужского и женскаго, даже, позволимъ себѣ сказать, полное педагогическое міровоззрѣніе.

Представимъ хотя главнѣйшія черты его.

Стоюнинъ, убѣжденный, что Россія нуждается не менѣе, чѣмъ другія европейскія страны, въ возможно большемъ числѣ образованныхъ людей обоего пола, исходитъ изъ двухъ слѣдующихъ положеній или, вѣрнѣе, аксіомъ: 1) школа должна быть въ самой тѣсной органической связи съ обществомъ и семьей, и 2) школа должна быть живымъ организмомъ, который не можетъ, какъ и все живое, оставаться чѣмъ-то постояннымъ, словно окаменѣлымъ, но должна развиваться правильно и постепенно въ связи съ развитіемъ общественной жизни и успѣхами наукъ.

„Исторія,—говоритъ Стоюнинъ,—достаточно убѣждаетъ насъ, что государство сильно внутри и внѣ не арміями и не полиціею, а образованными и честными гражданами... Послѣ разныхъ тяжелыхъ испытаній сдѣлалось ясно, что государству выгодно опираться на общественныя силы, что для собственной силы оно должно желать, чтобы общество укрѣпилось на началахъ, изъ которыхъ развивается гражданское чувство. Скажемъ болѣе, и войско, и полиція не могутъ быть хороши и надежны, если въ нихъ нѣтъ людей съ развитымъ гражданскимъ чувствомъ... Изъ всего этого видно, что государству нужны такіе же люди, какъ и обществу, т.-е. честные развитые граждане: слѣдовательно, приготовленные хорошо школою, годны и для общественной жизни, и для государственной службы, интересы которой долженъ понимать каждый образованный гражданинъ. Значитъ, одна и та же школа, преслѣдуя только свои педагогическія задачи, можетъ одинаково удовлетворить главнымъ нравственнымъ потребностямъ государства и общества; и въ свою очередь и то, и другое, могутъ предъявлять школѣ одни и тѣ же требованія“.

Общественный контроль, по мнѣнію Стоюнина, весьма важенъ для школы и болѣе можетъ способствовать процвѣтанію ея, чѣмъ контроль правительственный. „Выгода общественнаго контроля, по его словамъ, состоитъ между прочимъ, въ томъ, что съ нимъ не соединяется никакой власти; онъ выражается въ формѣ желаній, совѣтовъ, указаній; тѣмъ не менѣе, это такая нравственная сила, которая поддерживаетъ постоянное вниманіе лица къ самому себѣ, къ своимъ обязанностямъ, и дѣлаетъ его лицомъ замѣтнымъ, почтеннымъ въ обществѣ, слѣдовательно сила не гнетущая, а возвышающая духъ. Чрезъ нее и должна развиваться желанная нравственная связь между школой и обществомъ. Стремясь удовлетворять духовнымъ потребностямъ общества, школа

будетъ стоять на высотѣ своего идеала, безъ котораго не можетъ быть настоящей школы... Тогда она станетъ роднымъ, любимымъ и драгоцѣннымъ учрежденіемъ въ обществѣ, не переставая въ то же время отвѣчать и государственнымъ потребностямъ".

О связи школы съ семьей Стоюнинъ говоритъ: „Школа соединяется съ семьей одною цѣлью, раздѣляя съ нею воспитательный трудъ, но такимъ образомъ, чтобы одна не могла мѣшать другой. Практически при настоящемъ положеніи той и другой, весьма трудно установить правильныя отношенія между ними. Школа должна имѣть въ виду улучшить семью въ будущемъ чрезъ своихъ питомцевъ, но исправлять отца и мать—эта задача ей не по силамъ, и отъ нея она должна отказаться. Современная русская школа должна сознать общіе недостатки русской семьи, ослаблять ихъ воздѣйствіемъ въ своихъ собственныхъ стѣнахъ, не вторгаясь въ семью со своими распоряженіями. Если на семью она и можетъ дѣйствовать, то только дружелюбными совѣтами, выслушивая отъ нея съ готовностью всѣ ея заявленія, хотя бы они даже имѣли видъ жалобы на школьные порядки или неудовольствія на школу. Правильныя отношенія между семьей и школой установятся тогда, когда отцы и матери не будутъ бояться школы и въ сношеніяхъ съ нею будутъ руководствоваться полною откровенностью. Семья привяжется къ школѣ тогда, когда увидитъ безкорыстныя заботы и сердечное участіе школы въ дѣлѣ, самомъ близкомъ семьѣ. Вотъ нравственное вліяніе, какое школа можетъ имѣть на семью... Пусть школа видитъ свое дополненіе въ семьѣ, а семья—въ школѣ".

Но въ такую живую связь съ обществомъ и съ семьей можетъ придти только школа, соотвѣтствующая вполнѣ потребностямъ жизни и нравамъ народа. Еслибы нѣмецкіе ученые, къ которымъ обращались за совѣтомъ во время школьныхъ реформъ, досказали до конца свои совѣты, говоритъ Стоюнинъ, то они намъ заявили бы: „Если вы хотите создать живую школу, то, не пренебрегая той общей наукой, до которой дошли мы, изучите, сколько можете, и свою народную психологію, пользуясь и исторіей, и современнымъ бытомъ народа, и сравненіемъ его съ другими народами. Мы не думаемъ,—прибавили бы они,—что русскій народъ похожъ на нѣмецкій, что его исторія имѣетъ что-нибудь общее съ нѣмецкою; не думаемъ, что и сколки или слѣпки съ нѣмецкихъ школъ не окажутся мертвыми въ жизни русскаго народа. Если бы они дали намъ такой совѣтъ, то дѣйствительно научили бы насъ уму-разуму и заставили бы внимательнѣе подумать, какимъ образомъ создать живую школу, способную развиваться въ связи съ психическими и общественными требованіями. Тогда, конечно, намъ стыдно было бы думать, что для школы до-

вольно опредѣленной программы, высиженной въ кабинетѣ, довольно инструкцій, придуманныхъ какимъ-нибудь школьнымъ политикомъ, и школа будетъ жить, развиваться и приготовлять къ какой угодно дѣятельности. Отъ нихъ же мы услышали бы еще и такой совѣтъ: берегитесь къ педагогическимъ цѣлямъ школы примѣшивать еще какія-нибудь политическія намѣренія и идейки и къ нимъ приспособлять ваши школьныя программы и нравственность".

Въ послѣдней главѣ статьи, которую мы цитируемъ, находимъ слѣдующія строки о задачахъ идеальной, т.-е. желательной школы. „Школа должна приготовить духовныя силы юноши для созданія идеала, должна пробудить въ немъ безкорыстную любовь къ истинѣ, добру и прекрасному и стремленію къ нимъ; но она не можетъ навязывать никакой теоріи для жизни, равно никакой исключительной идеи, которой должна быть посвящена жизнь, какъ это дѣлаютъ школы іезуитскія. Безъ этихъ оковъ долженъ вступать юноша въ жизнь, съ полной свободой выбрать себѣ поприще, лишь было бы въ немъ живо чувство справедливости, честности, стремленіе соединить свое благо съ общимъ.—Теоріи для жизни предписывать нельзя, поэтому нельзя и подавлять тѣхъ врожденныхъ стремленій человѣка, которыя составляютъ его полную жизнь. Онѣ-то и есть для него та приманка, которую онъ называетъ счастіемъ. А прочное счастіе возможно лишь въ предѣлахъ естественныхъ и соціальныхъ законовъ жизни. Школа должна только познакомить съ ними и убѣдить, что ихъ нельзя преступать безнаказанно". Прибавимъ къ этому нѣсколько строкъ изъ другой статьи, ранѣе написанной:

„Въ идеальной школѣ исключенія недоученныхъ учениковъ бываютъ въ самыхъ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ. Она не допускаетъ мысли, что напроказившій ученикъ вреднѣе для школы, чѣмъ для общества, гдѣ, неисправленный, онъ будетъ жить въ праздности и увлекаться разными злобными намѣреніями противъ того же общества. Она знаетъ, что исключеніе молодого человѣка за опрометчивый или даже неблаговидный и злостный проступокъ есть настоящая нравственная его гибель и несчастье для всей семьи, которая въ этомъ случаѣ никогда не будетъ смотрѣть на исключеннаго глазами школы, даже еслибы онъ былъ дѣйствительно неисправимый и заслуживающій этой кары. У такой школы долженъ быть свой педагогическій, а не уголовный судъ; онъ долженъ имѣть въ виду и будущее преступника, въ которомъ должна оставаться благодарность, а не озлобленіе, вредное для всѣхъ. Иначе, вмѣсто того, чтобы сохранить силы для общества, школа будетъ противъ него вооружать ихъ... Все это говорю я для того, чтобы показать, какъ сильно ошибаются тѣ мнимые педагоги, которые безсердечно провозглашаютъ, что съ мало-

способными нечего много возиться, на ихъ мѣсто всегда найдется достаточно другихъ, болѣе способныхъ, которые на экзаменѣ могутъ сдѣлать честь школѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что при ограниченномъ числѣ школъ найдется много другихъ, талантливыхъ учениковъ; но школа, понимающая, что̀ она должна выполнить, не станетъ гоняться за другими, талантливыми, а будетъ разумно и осмотрительно работать надъ тѣми, какіе ей достались".

Вопросъ о характерѣ среднеучебнаго заведенія, болѣе пригоднаго для Россіи, сильно занималъ Стоюнина, и въ бумагахъ его сохранилось два рукописныхъ труда, не появившіеся въ печати: „Записка о классическихъ и реальныхъ школахъ", и „Наши школьные вопросы".

Хорошій филологъ, съ любовью занимавшійся въ гимназіи классическими языками, Стоюнинъ сильно опасается излишняго пристрастія къ классицизму. „Это пристрастіе,—говоритъ онъ,—угрожаетъ обратить *обще*-образовательныя заведенія въ *спеціально*-филологическія; между тѣмъ какъ въ Европѣ давно доказано, что всякое спеціальное образованіе, не основанное на предварительномъ общемъ, не образуетъ ни человѣка, въ нравственномъ значеніи слова, ни спеціалиста. Если большая часть уроковъ будетъ посвящена въ училищѣ одному предмету на счетъ всѣхъ прочихъ, то, конечно, оно должно обратиться въ спеціальное, и въ этомъ случаѣ можно добиться успѣха въ обученіи этого предмета, но не пользы для государства и общества, которыя не нуждаются въ такомъ громадномъ числѣ филологовъ, а нуждаются въ людяхъ съ общимъ образованіемъ".

Затѣмъ Стоюнинъ, нисколько не отрицая воспитательнаго значенія классическихъ языковъ, при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ, находитъ, что добиться этихъ послѣднихъ далеко не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. „Самую главную пользу видятъ въ томъ, что ученики, занимаясь древними языками, настойчиво допытываются смысла фразы и пріискиваютъ соотвѣтственное выраженіе на своемъ языкѣ, что, съ одной стороны, развиваетъ умъ, съ другой—пріучаетъ къ усидчивому труду. Все это справедливо; но въ такомъ случаѣ необходимо имѣть возможность постоянно слѣдить за домашними занятіями каждаго ученика, чтобы онъ дѣйствительно *самъ* допытывался до всего. Преподаватель можетъ дѣлать это только при самомъ небольшомъ числѣ учениковъ; въ большихъ же классахъ, какъ въ нашихъ гимназіяхъ, нѣтъ никакой возможности даже самому талантливому учителю ежедневно провѣрять труды каждаго ученика съ цѣлью убѣдиться, что онъ самъ работалъ. Обыкновенно же сами доискиваются смысла латинской или греческой фразы только болѣе даровитые и прилежные изъ учениковъ и потомъ сообщаютъ плоды своихъ трудовъ прочимъ, которые заучиваютъ значеніе словъ и переводъ или записы-

ваютъ его въ свои тетради и съ такой легкой подготовкой являются въ классъ; иные же достаютъ литературные переводы и пользуются ими. Такимъ образомъ и выходитъ, что уроки они приготовляютъ, а между тѣмъ изъ ихъ труда не вытекаетъ той главной пользы, какая ожидается отъ обученія древнимъ языкамъ. Въ нихъ должно развиваться совершенно противоположное тому: или легкомысленное отношеніе къ труду, или умственное отупѣніе, которое всегда является при исключительномъ упражненіи памяти безъ всякаго умственнаго труда. Особенно же вредно такого рода занятіе можетъ быть въ спеціально-филологическихъ школахъ, гдѣ другіе предметы даютъ уму слишкомъ мало пищи, такъ что ученику приходится постоянно сидѣть лишь на заучиваніи словъ и фразъ: онъ въ скоромъ времени или одурѣетъ отъ этого занятія, или будетъ искать себѣ какой-либо умственной дѣятельности въ разныхъ книгахъ и журналахъ, издаваемыхъ не для его возраста, будетъ увлекаться разными новыми идеями, принимая ихъ на вѣру, такъ какъ истинности ихъ провѣрить самъ не въ состояніи. До этого всегда доводитъ школа, которая не можетъ доставить юношескому уму здоровой умственной пищи. Онъ всегда будетъ искать ее, если не успѣетъ отупѣть,—и безъ должнаго руководства, конечно, будетъ бросаться на то, что̀ легче достигается. Обыкновенно думаютъ уравновѣсить древніе языки математикой, которая неоспоримо представляетъ важную образовательную силу, тѣмъ болѣе, что неспособна отупить умъ ни въ какомъ случаѣ. Но одной математики здѣсь недостаточно: она хотя и развиваетъ умъ съ формальной стороны, научаетъ его мыслить строго логически, но не даетъ ему самыхъ идей, въ которыхъ онъ тѣмъ болѣе нуждается, чѣмъ больше развитъ. Да и натурально ли это—усиленно развивать умъ для мышленія и не давать ему довольно предметовъ, о которыхъ бы онъ могъ серьезно мыслить“... „Говорятъ,—читаемъ далѣе, — что ученики въ древнихъ писателяхъ наудутъ довольно идей и въ то же время будутъ питать свой духъ героическими подвигами, которые тамъ изображаются, и, наконецъ, на классической поэзіи будутъ развивать въ себѣ эстетическое чувство. Но скоро ли они доходятъ до того, чтобы за фразами, которыя они должны съ особеннымъ усиліемъ разбирать, видѣть развитіе идей, а тѣмъ болѣе, чтобы самимъ свободно читать классиковъ и интересоваться ихъ содержаніемъ? Да и какъ они будутъ примѣнять къ современной жизни эти идеи республиканцевъ или идеи, вытекающія изъ особеннаго односторонняго воззрѣнія на жизнь,—воззрѣнія, развиваемаго нехристіанскою философіею? Положимъ даже, что молодые умы будутъ увлекаться этими идеями (юности безъ увлеченія почти не бываетъ); но съ увлеченіемъ должно явиться и стремленіе внести ихъ въ свою собственную жизнь. Не встрѣтятъ ли они тогда разлада

между своимъ внутреннимъ міромъ, воспитаннымъ на классической почвѣ, и дѣйствительною жизнью, — и развѣ такое исключительное воспитаніе не создавало уже многихъ мечтателей, которые губили свою жизнь безъ всякой пользы для кого бы то ни было"... „Что же касается развитія эстетическаго чувства на классической поэзіи, то до этого никогда не достигнуть гимназисту. Чтобы восхищаться строгою красотою формы этихъ произведеній, нужно слишкомъ глубоко изучать ихъ, не говоря уже о совершенномъ знаніи языка, что̀ все гимназисту никакъ не по силамъ. Обыкновенно восхищаются классической поэзіей люди уже съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ, а не по ней развиваютъ его. Развивать же его можно лучше и легче всего на произведеніяхъ родной поэзіи; а наша поэзія совсѣмъ не такъ бѣдна, чтобы не могла представить прекрасныхъ образцовъ для достиженія педагогическихъ цѣлей".

Далѣе, Стоюнинъ совершенно справедливо указываетъ на то, что русскимъ дѣтямъ и юношамъ изученіе классическихъ языковъ значительно труднѣе, чѣмъ нѣмцамъ или французамъ, такъ какъ нѣмецкій языкъ по своему складу гораздо болѣе, чѣмъ русскій, подходитъ къ латинскому языку, а французскій въ лексикальномъ отношеніи очень близокъ къ нему. Притомъ во Франціи и Германіи классическіе языки были въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ предметомъ серьезнаго научнаго изученія, и потому нѣтъ недостатка ни въ различныхъ пособіяхъ, ни въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ. Для русской же школы необходимо еще приготовить хорошихъ учителей, любящихъ свой предметъ и вполнѣ владѣющихъ имъ, а также могущихъ переводить классическихъ авторовъ на хорошій русскій языкъ. Въ виду этихъ соображеній Стоюнинъ приходитъ къ заключенію, что настоящая классическая школа, хорошо организованная, въ которой древніе языки не подавляютъ другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, можетъ въ нашемъ отечествѣ развиться лишь постепенно и во всякомъ случаѣ не должна вытѣснять школъ другого характера, т.-е. реальныхъ, къ которымъ и въ обществѣ чувствуется большая склонность. Но тогдашнія реальныя гимназіи тоже не удовлетворяли Стоюнина. „Судить о реальномъ образованіи по существующимъ у насъ реальнымъ гимназіямъ,—говоритъ онъ,—никакъ невозможно: онѣ такъ поставлены, что не могутъ развиваться и приносить пользу. Поддерживать ихъ въ такомъ видѣ — все равно, что желать доказать наглядно несостоятельность этого образованія"...

Мы долго не кончили бы, еслибы продолжали выписки интересныхъ соображеній и взглядовъ Стоюнина; ограничимся приведенными: ихъ, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, какъ именно смотрѣлъ онъ на условія, необходимыя для преуспѣянія русской школы. Не менѣе

интересовало его и женское образованіе, съ которымъ, какъ мы видѣли уже, онъ съ 1858 года имѣлъ возможность освоиться и практически, занимаясь въ 1-мъ маріинскомъ женскомъ училищѣ, а затѣмъ маріинскомъ институтѣ. На задачи женской школы Стоюнинъ смотритъ съ тою же серьезною вдумчивостью, которая составляетъ отличительную черту его во всѣхъ его статьяхъ и рѣчахъ. Чтобы не выйти далеко изъ предѣловъ статьи, мы не будемъ цитировать печатныхъ его статей и приведемъ лишь одно характерное мѣсто изъ напечатанной его рѣчи, сказанной въ 1860 году на актѣ въ маріинскомъ женскомъ училищѣ.

„Бецкій, самъ рожденный въ Швеціи, получившій образованіе въ Даніи и притомъ образованіе спеціально военное, увлеченный просвѣщеніемъ французскимъ, не могъ понимать всей силы народности, которая должна проникать даже въ самое воспитаніе. Обольщенный своею мыслью (воспитать новое поколѣніе русскихъ, удаливъ его отъ вліянія невѣжественнаго общества), онъ, къ счастію, не имѣлъ средствъ приложить ее къ дѣлу въ огромныхъ размѣрахъ во всей Россіи, но исполнилъ ее въ маломъ объемѣ въ столицахъ. Съ этихъ поръ общественное воспитаніе стало отрывать дѣтей отъ массы и никакъ не приносило той пользы, какой ожидали отъ него современники Бецкаго. Съ этимъ соединилась еще другая ошибка, столь же важная. Идеалъ Бецкаго былъ человѣкъ развитой нравственно до величайшей тонкости, и къ такому идеалу онъ направилъ и все воспитаніе. Конечно, противъ этой цѣли безумно было бы и спорить; но ошибка въ томъ, что она не могла достигаться по той системѣ, которую сочинилъ Бецкій: онъ не понялъ самой тѣсной связи между нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Пріобрѣтеніе познаній, науку, онъ поставилъ на второмъ планѣ при воспитаніи, не разсудивъ, что нравственность, заученная въ отвлеченныхъ фразахъ, слишкомъ шаткая, несостоятельная, на которую нельзя положиться. *Истинная нравственность крѣпка и сильна только убѣжденіями человѣка, а здравыя человѣчныя убѣжденія вырабатываются только на основаніи познаній, добытыхъ наукою, когда человѣкъ на нихъ развиваетъ свой умъ и ихъ беретъ матеріаломъ для своихъ думъ о жизни. Они зарождаютъ въ немъ сочувствіе къ интересамъ человѣческимъ и гражданскимъ, которые направляютъ наши нравственныя силы и въ связи съ ними дѣлаютъ человѣка героемъ, когда потребуется этотъ героизмъ въ жизни.* Бецкій не такъ смотрѣлъ на это дѣло. Онъ думалъ, что достаточно исписать всѣ стѣны и двери учебнаго заведенія тысячами нравственныхъ правилъ, наполнить ими прописи, еженедѣльно читать въ теченіе многихъ лѣтъ объ обязанностяхъ человѣка—и для жизни будетъ готовъ нравственный человѣкъ. Такъ это и дѣлалось по системѣ Бецкаго;

даже эстетическое образованіе, опора весьма крѣпкая для нравственности, даже постоянное чтеніе, составляющее весьма сильное средство при воспитаніи, не допускались въ должныхъ размѣрахъ. И вотъ являлись въ жизнь молодые люди, память которыхъ была загромождена тысячами моральныхъ правилъ, давно обратившихся для нихъ въ общія фразы. Безъ всякаго сочувствія къ массѣ, безъ всякаго направленія, они тотчасъ же увлекались идеалами общественными, направленными на одну блестящую внѣшность и далеко не нравственными. Воспитанная такимъ образомъ женщина отличалась хорошими манерами, по возможности чистымъ французскимъ говоромъ и, сдѣлавшись воспитательницею дѣтей, передавала и имъ свое умѣнье... И вотъ система Бецкаго укоренилась надолго и переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, вполнѣ удовлетворяя свѣтскимъ, бальнымъ потребностямъ просвѣщеннаго общества. Умъ женщины дремалъ, нравственныя понятія оказывались слишкомъ сбивчивыми и односторонними, сознанія гражданственности—никакого, живыхъ познаній—того менѣе".

Изъ этой критической оцѣнки уже ясно, что̀, по мнѣнію Стоюнина, должна дать новая женская школа: она должна дать твердую опору той нравственности, о которой безплодно мечталъ Бецкій, не имѣвшій и понятія о томъ, какими средствами можно достигнуть его идеальныхъ цѣлей.

„Въ основаніе всего,—говоритъ далѣе въ своей рѣчи Стоюнинъ, переходя къ дѣятельности маріинскаго училища,—мы положили науку, знанія, не шаткія и отрывочныя, а основательныя, систематическія, которыя, пытая умъ, въ то же время развиваютъ его, дѣйствуя благотворно и на сердце, и на воображеніе. Мы не имѣли въ виду никакой спеціальности, никакого сословія. Предъ нами была только русская женщина въ тѣхъ лучшихъ образахъ, въ какихъ могла представить ее наша современность, былъ русскій народъ, съ которымъ мы должны составлять одно нераздѣльное цѣлое по чувству человѣческому и гражданскому".

Затѣмъ, обращаясь къ ученицамъ и напутствуя ихъ въ жизнь, Стоюнинъ такъ опредѣляетъ то счастіе, какого имъ желаетъ: „Счастіе заключается въ согласіи дѣйствительности со стремленіями нашего сердца,—конечно, если эти стремленія чисты, благородны, что оцѣнивать долженъ развитой умъ. Итакъ, намъ остается пожелать вамъ счастія въ жизни, успѣха въ борьбѣ за правду, за лучшія убѣжденія, если придется вести ее".

Школа, какъ мужская, такъ и женская, должна воспитывать человѣка и гражданина въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Эта мысль постоянно повторяется въ статьяхъ Стоюнина. „Только истинно-просвѣ-

щенная женщина,—говоритъ онъ,—можетъ стать въ качествѣ ли жены и матери, или учительницы и воспитательницы, живой силой въ обществѣ, только такая женщина пойметъ все значеніе жизни въ трудѣ на пользу другихъ. „Трудовъ, трудовъ!“ — слышится неумолчный голосъ,—говоритъ онъ въ своей рѣчи дѣвицамъ, окончившимъ курсъ педагогическихъ классовъ николаевскаго института, — трудовъ честныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ общей пользы... На такіе труды мы благословляемъ васъ, будетъ ли кто трудиться въ новой русской школѣ, будетъ ли кто приносить благо просвѣщенія семьѣ. Конечно, многимъ придется переживать и неудачи, выносить борьбу какъ съ самими собой, такъ и съ невѣжествомъ, но вы знаете — въ борьбѣ крѣпнутъ силы, пріобрѣтается опытность. Силенъ нравственно тотъ, кто не боится борьбы за честное и святое дѣло!“...

Все это не было лишь громкими словами у Стоюнина, у котораго дѣло не расходилось со словомъ. Онъ и признавалъ только школу способную болѣе или менѣе готовить разумныхъ и честныхъ бойцовъ съ низменною дѣйствительностью, и не придавалъ значенія одному формальному образованію, справедливо называя его пустымъ „акробатствомъ ума“; онъ съ негодованіемъ относился всегда къ школѣ, которая по-чиновничьи, безсердечно относилась къ учащимся, не признавая въ нихъ ни человѣческой личности, ни человѣческаго достоинства, распиная ихъ умственныя силы и нравственное чувство, лишь бы во что бы ни стало выполнить программы и инструкціи; съ неменьшимъ осужденіемъ относится онъ и къ преподавателямъ-ремесленникамъ, не идущимъ дальше выучки и приготовленія своихъ учениковъ къ экзамену,—и къ ловкимъ шульмейстерамъ, умѣющимъ лишь поражать посторонникъ посѣтителей педагогическимъ фокусничествомъ.

„Каждый преподаватель,—говоритъ онъ,—долженъ найти въ своемъ учебномъ предметѣ три живыя силы, которыя бы благодѣтельно дѣйствовали на учащихся: 1) онъ долженъ сообщать имъ истинныя познанія, касающіяся природы и человѣка, 2) развивать ихъ, учениковъ, и 3) пріучать къ труду. Матеріалъ, передача и воспріятіе его, и разумная работа надъ ними—вотъ три силы, которыя должны соединиться въ преподаваніи, чтобы дать ему педагогическое или воспитательное значеніе [1])...

Особенное значеніе, какъ въ высшей степени цѣнному учебному матеріалу, придавалъ онъ, какъ мы видѣли уже, отечественной литературѣ, которая у искуснаго преподавателя должна быть прекраснымъ орудіемъ для развитія у учащихся правильныхъ понятій и воззрѣній на жизнь и для развитія нравственнаго и эстетическаго чув-

[1]) „О преподаваніи русской литературы“.

ства. Что особенно высоко цѣнилъ Стоюнинъ въ учителѣ, это лучше всего видно изъ его рѣчи, посвященной воспоминанію о Басистовѣ. „У меня осталось,—говоритъ онъ,—впечатлѣніе, которое, думаю, никогда не изгладится. Понятно, что такихъ преподавателей, какъ онъ, можно было оцѣнивать не на экзаменахъ. Въ тѣхъ чувствахъ, какія онъ пробуждалъ въ юныхъ сердцахъ, въ тѣхъ зародышахъ лучшихъ идеаловъ жизни, какіе онъ могъ взращивать прекрасною передачею поэтическихъ образовъ, экзаменовать нельзя. А между тѣмъ они-то и цѣнны въ воспитаніи; за нихъ-то особенно и остаются благодарными въ своихъ воспоминаніяхъ люди, прошедшіе школу. Я не знаю, была ли у него (Басистова) выработана какая-либо метода въ преподаваніи, но могу сказать, что онъ своимъ личнымъ вліяніемъ воспитательно дѣйствовалъ на классъ, и это даетъ ему право назваться истиннымъ педагогомъ. *Развивать правильныя понятія научными знаніями, какъ основу вѣрныхъ сужденій, и въ связи съ ними вызывать любовь къ истинѣ и стремленіе къ ней; пробуждать прекрасныя чувства, любовь и стремленіе ко всему прекрасному; доводить до вѣры въ нравственные идеалы, связанные съ высшими интересами жизни,—вотъ идеальныя черты истиннаго педагога*“...

Все, что говоритъ Стоюнинъ объ идеальномъ учителѣ, можетъ быть отнесено съ полною справедливостью къ нему самому, какъ преподавателю. Всѣ слышанные нами разсказы бывшихъ его учениковъ подтверждаютъ это.

Уроки его, по словамъ ихъ, не были блестящими съ внѣшней стороны. Случайный посторонній посѣтитель, пожалуй, не нашелъ бы въ нихъ ничего особеннаго; но для насъ, учениковъ, уроки эти были въ высшей степени цѣнны: никакіе другіе уроки не вызывали у насъ такой умственной работы, какъ Стоюнинскіе. Мало того. Съ его уроковъ уносился учениками не только серьезный интересъ къ затронутымъ вопросамъ, касающимся разобраннаго въ классѣ произведенія, но и возбуждалась живая мысль, которая и послѣ урока продолжала долго работать. Стоюнинъ на урокахъ самъ говорилъ мало, лишь тогда, когда надо было сообщить біографическія свѣдѣнія о писателѣ или напомнить историческія обстоятельства, но произведенія разбирались учениками. Преподаватель ставилъ лишь вопросы и такимъ образомъ направлялъ работу. Стоюнинъ вовсе не походилъ на нѣкоторыхъ виртуозовъ-преподавателей того времени, которые не ограничивались при разборѣ произведеній существенными вопросами, а разыгрывали, такъ сказать, урокъ, какъ по нотамъ, по ранѣе заготовленной программѣ, куда входила масса всевозможныхъ вопросовъ, предназначенныхъ для того, чтобы навести учениковъ на ту или другую мысль. Самодѣятельности учащихся при этомъ было крайне мало: они, какъ клавиши,

издавали подъ рукой ловкаго преподавателя лишь заранѣе предусмотрѣнный имъ звукъ, такъ какъ вопросы ставились такимъ образомъ, что на нихъ можно было дать лишь одинъ отвѣтъ, и притомъ, полуподсказанный вопросомъ. При этомъ самостоятельные вопросы учащихся считались неумѣстными, являлись помѣхою... Понятно, что такое веденіе урока не вызывало почти активнаго участія класса, не давало высказаться ихъ индивидуальности и скоро надоѣдало всякому сколько-нибудь сообразительному ученику. Вся живость урока была лишь въ преподавателѣ, а не въ ученикахъ. Зато посѣтителямъ могли казаться такіе уроки блестящими и учителя мастерами своего дѣла. Стоюнинъ, никогда и ни въ чемъ не гнавшійся за внѣшнимъ блескомъ, и тутъ остался вѣрнымъ себѣ... Онъ приносилъ въ классъ съ собою обстоятельное знаніе того, что̀ должно быть предметомъ урока,—живую мысль и искреннее желаніе помочь ученикамъ овладѣть дѣломъ... Между вопросами, какіе онъ предлагалъ, и отвѣтами учениковъ всегда было значительное разстояніе, которое ученикамъ надо было пройти, самостоятельно работая умомъ. Тутъ давалось довольно простора для самодѣятельности учащихся; тутъ могли сказываться и индивидуальныя черты ихъ и въ отвѣтахъ, и въ вопросахъ, которые могли предлагать они. Такимъ образомъ велась дѣйствительная живая бесѣда, гдѣ ученики были собесѣдниками учителя, а не только отвѣтчиками... Стоюнинъ на своихъ урокахъ всегда заботился о томъ, чтобы понять былъ смыслъ произведенія, чтобы детали не скрывали его. Тутъ же производилась и оцѣнка съ нравственной стороны взглядовъ и идей, высказываемыхъ дѣйствующими лицами въ произведеніи или авторомъ его; такимъ путемъ у учениковъ складывалась мало-по-малу привычка обращать вниманіе на нравственную сторону дѣла... При задаваніи ученикамъ сочиненій также предоставлялась значительная свобода,—позволялось писать иногда на свои темы, причемъ требовалось лишь серьезное соотвѣтственно силамъ ученика содержаніе и серьезное отношеніе къ труду. Сочиненія учениковъ Стоюнинъ всегда просматривалъ съ большимъ вниманіемъ и могъ, отдавая имъ работы, сдѣлать обстоятельную оцѣнку ихъ. Это, конечно, вело къ тому, что и ученики относились къ работамъ, задаваемымъ Стоюнинымъ, гораздо серьезнѣе, чѣмъ къ работамъ другихъ преподавателей, не походившихъ на него.

У него никогда не бывало столкновеній съ учениками: шалостей не происходило, потому что всѣ были заняты дѣломъ и съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли на своего преподавателя, который всегда относился къ нимъ хотя и очень требовательно и даже строго, но справедливо, никогда и ни въ какомъ случаѣ не позволялъ себѣ оскорблять въ ученикѣ чувство человѣческаго достоинства. Притомъ и самъ онъ

держалъ себя съ рѣдкимъ достоинствомъ. При входѣ начальства въ классъ спокойно продолжалъ свое дѣло, не обнаруживалъ суетливаго усердія; но зато никогда не позволялъ себѣ при ученикахъ относиться къ отсутствующему начальству или распоряженіямъ его слегка или даже съ порицаніемъ. Въ случаѣ если ученики, еще не привыкшіе къ Стоюнину, какъ-нибудь разговоромъ или иначе нарушали классную тишину, онъ обыкновенно слегка стучалъ пальцами по каѳедрѣ, давая замѣтить, что мѣшаютъ уроку... И этого было довольно: говоръ смолкалъ немедленно, и этимъ дѣло кончалось. Стоюнинъ не производилъ розыска виновныхъ, не выражалъ рѣзко своего неудовольствія...

Намъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ бывшихъ учениковъ Стоюнина, что они обязаны преимущественно ему тѣмъ, что вышли изъ гимназіи честными и дѣятельными людьми. Мы уже упоминали выше о сердечныхъ чувствахъ, какія выражали Стоюнину его бывшіе ученики на юбилейномъ торжествѣ 3-ей гимназіи. Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ сохранившагося въ бумагахъ Стоюнина письма къ нему одного выпуска его бывшихъ учениковъ, которые праздновали двадцатипятилѣтіе окончанія своего курса въ гимназіи. „Четверть вѣка, прожитая нами послѣ выпуска изъ гимназіи, не ослабила, а укрѣпила въ насъ то естественное для всѣхъ вашихъ учениковъ чувство, которое возбуждала въ насъ ваша личность и въ стѣнахъ, и за стѣнами гимназіи. Передъ нами стоятъ живыми и теперь идеалы, какіе вы предъ нами ставили, пока мы слушали ваше правдивое слово съ учительской каѳедры, и тѣ принципы, какіе вы проводили и проводите не только въ литературѣ, но и въ жизни“.

Какая награда для учителя можетъ быть выше и лучше такого чувства къ нему людей уже зрѣлыхъ лѣтъ, учившихся у него четверть вѣка назадъ? Развѣ только одно—убѣжденіе, что тѣ принципы и идеалы, которые онъ, этотъ учитель, вселялъ въ души своихъ учениковъ, не остались лишь свѣтлымъ воспоминаніемъ о юношескихъ годахъ съ ихъ мечтами и грезами...

Только крупная, выдающаяся личность можетъ оставлять такой живой, не остывающій слѣдъ въ душахъ своихъ учениковъ. И дѣйствительно, Стоюнинъ былъ, какъ человѣкъ, выдающимся явленіемъ нашей жизни. Рѣдко, очень рѣдко, встрѣтишь такую чистую, цѣльную, содержательную личность. Это былъ человѣкъ высокообразованный, эстетически уравновѣшенный, серьезно думающій, любящій, глубоко убѣжденный, искренне вѣрующій и въ то же время въ высшей степени непритязательный, скромный, даже нѣсколько застѣнчивый.

Приведемъ здѣсь изъ писемъ два отрывка, характеризующіе его съ нѣкоторыхъ указанныхъ сторонъ.

„Вчера, пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ,—прочитавъ объявле-

ніе о новомъ изданіи сочиненій Байрона въ русскомъ переводѣ, я задумался о томъ своемъ молодомъ времени, когда я упивался нѣкоторыми его произведеніями, въ особенности „Чайльдъ-Гарольдомъ“ и „Манфредомъ“ въ прозаическомъ французскомъ переводѣ. Я думаю, что̀ собственно могло прельщать меня въ этихъ гордыхъ и разочарованныхъ характерахъ, когда во мнѣ нѣтъ, кажется, ни одной черты съ ними родственной? Я не презиралъ людей, всегда сознавалъ, что въ нихъ болѣе добра, чѣмъ зла, вѣрилъ, что первое сильнѣе второго, что это—явленіе временное, а то вѣчно,—словомъ, если я тогда не былъ вполнѣ мирнымъ гражданиномъ, любилъ юношески погорячиться за всякую мерзость, которая мнѣ казалась общественнымъ зломъ, то не былъ и тѣнью Манфреда или Гарольда, а всегда увлекался надеждой, что, можетъ, наступитъ и лучшее время, и оно было, и я его видѣлъ, а между тѣмъ, припоминая все того же Манфреда и Гарольда, я опять увлекся ими, какъ юноша. Мнѣ представилась въ нихъ эта несокрушимая внутренняя сила, которая не боится борьбы съ жизнью, хотя бы эта жизнь представилась ничтожною, ненавистною, хотя бы она не давала никакой надежды на лучшее. Эта сила дѣйствительно возвышаетъ человѣка, потому что дѣлаетъ его могучѣе... Сознавъ ее въ себѣ, человѣкъ дѣлается нравственнѣе другихъ (хотя Байрона и его героевъ и упрекали въ безнравственности). Великая душа сказывается не въ отчаяніи: жизнь не идетъ, какъ мнѣ хочется, какъ мнѣ нужно, какъ мнѣ пріятно, такъ я не хочу и жить!—нѣтъ, она будетъ только съ усиліемъ бороться, потому что ей нужно нравственное величіе, которое можетъ проявляться лишь въ борьбѣ; страданіе для нея — раны, съ которыми каждый храбрый солдатъ продолжаетъ биться въ сраженіи: такіе храбрецы и одерживаютъ побѣды, въ началѣ кажущіяся сомнительными. Тутъ вопросъ не въ томъ, какая польза человѣку отъ этого величія души, если ему все приходится страдать, а въ томъ,—долженъ ли онъ въ своихъ собственныхъ глазахъ стать высоко-нравственнымъ человѣкомъ, долженъ ли онъ стремиться къ такой нравственности, которая и есть настоящая религіозная нравственность. Мнѣ очень нравятся эти стихи Байрона:

Меня враги пытались упрекнуть
Что будто я съ религіей въ раздорѣ.
Но еслибъ могъ я вскрыть предъ вами грудь,
То вѣрно-бъ вы рѣшили въ нашемъ спорѣ,
Кому изъ насъ доступнѣй въ небо путь?
Мнѣ алтари—вершины горъ и море,
Земля и звѣзды,—вся природа-мать,
Готовая мой духъ въ себя принять.

„Вотъ какъ услаждается религіозное чувство сильной души, не падающей въ страданіяхъ. Такая сила и составляетъ жизненную сторону поэзіи Байрона, она-то особенно и охватываетъ при чтеніи его произведеній. Они укрѣпляютъ душу и какъ будто вооружаютъ ее на благородную борьбу. Думаю, что въ юности они помогали и мнѣ въ моемъ самовоспитаніи, и если я сдѣлался не совсѣмъ безхарактернымъ человѣкомъ, то благодаря раннему развитію во мнѣ эстетическаго чувства, особенно любви къ поэзіи, безъ которыхъ я не подошелъ бы и къ Байрону, потому что не понялъ бы его и не нашелъ бы въ немъ интереса. Обо всемъ этомъ я заговорилъ потому, что въ послѣднее время много думалъ о томъ, какъ важно рано развивать эстетическое чувство, и въ какія границы должно поставить его, чтобы также не перейти въ крайность"...

Въ другомъ письмѣ, говоря о посѣщеніи Троицкой лавры, онъ пишетъ между прочимъ: „Здѣсь такъ хорошо, что не хочется выйти. На душу нисходитъ какое-то благоговѣніе. Здѣсь-то и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко! И святыня, и старина, и историческія воспоминанія, все соединяется вмѣстѣ и наполняетъ душу высокимъ чувствомъ. Да, я вѣрю, что здѣсь страждущій дѣйствительно найдетъ утѣшеніе и облегченіе. Не помню я, чтобы какое-нибудь мѣсто такъ сильно подѣйствовало на меня и такъ бы соединилось съ моею душою. Господи, какъ здѣсь хорошо человѣку, не потерявшему вѣры въ святое и любящему свое родное! Сколько вѣры въ помощь и благость Божію, сколько любви къ человѣку, сколько надежды на лучшее будущее для русскаго народа, такъ много выстрадавшаго, раскрывается въ душѣ и живитъ ее!"...

Въ этихъ отрывкахъ особенно ярко сказывается чуткая душа писавшаго, его взглядъ на жизнь, какъ на борьбу, его эстетическое чувство, его религіозное и патріотическое настроеніе...

Жизнь его до такой степени срослась съ истиной и добромъ, что онъ и не могъ бы жить и дѣйствовать иначе, чѣмъ жилъ. И думалось иногда, глядя на него: вотъ человѣкъ съ богатой и сильной натурой, на которую наложило свою глубокую, неизгладимую печать истинное просвѣщеніе, наполнившее его умъ и чувство, облагородившее ихъ и давшее направленіе. Такіе люди не могутъ мириться съ дѣйствительностью, которая всегда ниже ихъ,—и зовутъ ихъ житейскіе практики идеалистами и непрактичными людьми!.. Но только такіе идеалисты, которымъ часто не легко живется, потому что жизнь ихъ никакъ не укладывается въ тѣ узкія, нерѣдко уродливыя рамки, какія предлагаетъ имъ дѣйствительность,—являются лучшими общественными дѣятелями, вносящими въ общество настоящую жизнь и прогрессъ. Стоюнинъ отдавшій всѣ силы свои дѣлу просвѣщенія, самъ представлялъ

собою весьма поучительный образецъ истинно-просвѣщеннаго человѣка.

По словамъ близкихъ къ нему людей, онъ, приготовившись твердо и спокойно къ смерти, нѣсколько разъ повторилъ, что не питаетъ ни къ кому ни малѣйшей злобы... и затѣмъ, уже въ забытіи, какъ бы отдавая самому себѣ отчетъ предъ кончиной, проговорилъ внятно слова: „Ну что же, вѣдь я работалъ“. Прекрасныя слова! Да, работалъ, работалъ много, честно, работалъ на пользу другихъ. Завиденъ удѣлъ человѣка, который съ такимъ правомъ и въ такомъ смыслѣ можетъ, сводя свои послѣдніе счеты съ жизнью, произнести такія слова.

Среди множества вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ Стоюнина, былъ одинъ серебряный—съ надписью: „Отъ учителей своему учителю“. Именно учителямъ долженъ быть онъ особенно памятнымъ: никому онъ не оставилъ такого богатаго наслѣдства, какъ имъ,—и въ своихъ трудахъ печатныхъ, и въ своемъ личномъ примѣрѣ. Учителемъ онъ былъ въ настоящемъ и глубокомъ смыслѣ этого слова, дорожилъ скромнымъ учительскимъ трудомъ и понималъ все его значеніе.

Къ нему, какъ къ наставнику, вполнѣ относятся слова, сказанныя имъ объ одномъ своемъ сотрудникѣ:

„Онъ передавалъ молодому поколѣнію все, что самъ носилъ честнаго и прекраснаго въ своей душѣ. Молодымъ педагогамъ укажемъ на него, какъ на примѣръ для подражанія, а тѣ изъ насъ, которые близимся къ концу своего поприща, ободримъ себя мыслью, что завиденъ и скромный, но честный трудъ педагога: его и по смерти благословятъ многіе“.

В. Сиповскій.

НАША СЕМЬЯ

и

ЕЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ.

Очерки [1]).

I.

Наша семья развивалась и слагалась при самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ условіяхъ; они-то и могутъ выяснить ея настоящее ненормальное положеніе. Не вдаваясь въ историческія подробности, которыя потребовали бы обширныхъ изслѣдованій, мы коснемся въ нашихъ очеркахъ линій главныхъ моментовъ развитія русской семьи.

Хотя трудно прослѣдить развитіе русской семьи отъ ея первоначальнаго, патріархальнаго вида, но по нѣкоторымъ данныхъ мы можемъ себѣ представить ея положеніе. Она и въ древности

[1]) Эти очерки были вызваны статьей г. Куницкаго „Вопросъ о семьѣ въ нашей современной литературѣ“, помѣщенной въ журналѣ „Женское Образованіе“ за 1883 г.—Соглашаясь съ нѣкоторыми положеніями статьи г. Куницкаго, В. Я. Стоюнинъ протестуетъ противъ положенія ея, будто разладъ въ семью вносятъ отчасти учебныя заведенія тѣмъ, что дѣлаютъ дѣтей образованнѣе отцовъ. „Тутъ что-нибудь да не такъ! замѣчаетъ В. Я. Стоюнинъ въ небольшомъ введеніи въ свою статью,—учебное заведеніе, дѣлающее свое дѣло и вносящее тѣмъ въ жизнь зло—два явленія несовмѣстимыя. Въ вопросѣ о причинѣ зла, обнаружившагося въ жизни, необходимо глубже вникнуть въ ту сферу, гдѣ это зло проявляется, и, можетъ быть, тогда придется винить школу совсѣмъ въ противоположномъ,—въ томъ, что она не даетъ достаточно основательнаго образованія и мало разъясняетъ нравственныя понятія, которыя должны руководить въ жизни.

не составляла отдѣльной, независимой единицы, хотя отецъ семейства и былъ полнымъ властителемъ своей жены и дѣтей. Она была часть изъ цѣлаго рода, который состоялъ изъ многихъ семей, тѣсно связанныхъ между собою происхожденіемъ отъ одного прадѣда и признававшихъ власть старшаго въ родѣ. Единицею былъ этотъ родъ. Онъ долженъ былъ умѣрять неограниченную власть отца надъ семьей; отецъ не могъ не подчиняться мнѣнію и суду всѣхъ родичей, по крайней мѣрѣ, старшихъ изъ нихъ, не могъ пренебрегать тѣми изстари сложившимися обычаями и обрядами, которые наблюдались и свято сохранялись цѣлымъ родомъ. У каждой семьи, кромѣ своихъ семейныхъ интересовъ, былъ еще интересъ жизни общей, родовой, было чувство родовой чести: охранять ее былъ долгъ совѣсти каждаго, потому что каждый имѣлъ значеніе не самъ по себѣ, какъ личность, а по своему роду. Весь родъ вступался за безчестье своего члена; зато весь родъ и возставалъ на него, еслибъ онъ вздумалъ противиться тому, что̀ по общему мнѣнію рода было священнымъ, нравственнымъ; а нравственность слагалась изъ принятыхъ, укоренившихся отношеній между всѣми членами. Кто не хотѣлъ подчиняться этимъ общимъ требованіямъ, тотъ долженъ былъ оставить свой родъ; онъ извергался изъ его среды; онъ дѣлался сиротой, безъ рода и племени, и ни къ какому другому роду онъ не могъ пристать, потому что вездѣ оказывали честь чужому человѣку только по его роду. Такимъ образомъ, каждая семья была въ зависимости отъ своего рода, каждый членъ семьи воспитывался въ уваженіи къ роду, который составлялъ одну общину по отношенію къ той землѣ, какою владѣлъ. И такъ семьею руководилъ не безграничный произволъ отца, а тотъ общественный родовой идеалъ, отступать отъ котораго нельзя было безнаказанно. Семья была крѣпка этими идеалами и сурово относилась къ каждому непокорному. Примѣромъ намъ можетъ служить семья Ѳеодосія Печерскаго въ XI-мъ столѣтіи. Онъ съ дѣтства увлекся тѣмъ новымъ для русской жизни аскетическимъ идеаломъ, который не соотвѣтствовалъ семейно-родовымъ понятіямъ, былъ жестоко смиряемъ въ своей семьѣ, и наконецъ убѣжалъ изъ нея, найдя себѣ вѣчный пріютъ въ монастырской кельѣ. Но являлись и другіе, непокорные семьѣ и роду, которые укрывались не въ кельяхъ, а въ темныхъ лѣсахъ, составляли изъ себя особыя общества, и уже враждебно относились ко всѣмъ родичамъ. Это были гулящіе люди, удалые разбойники,—съ которыми приходилось считаться людямъ стараго порядка.

Мало-по-малу родовыя связи стали слабѣть, и семья начала пріобрѣтать самостоятельное значеніе. Въ XVI столѣтіи, московская семья является уже какъ отдѣльная, независимая единица; идеально и выразилась она въ извѣстномъ Домостроѣ. Въ ней отецъ семейства выступаетъ грознымъ властелиномъ, который уже называется государемъ дома. И въ самомъ дѣлѣ, онъ въ своей семьѣ былъ такимъ же государемъ, какимъ великій князь московскій—въ русской землѣ. Совѣты Домостроя клонятся къ тому, чтобы семью совершенно обособить отъ остального міра, чтобы никто не зналъ, что̀ дѣлается въ семьѣ. Полная монастырская замкнутость и полный произволъ владыки дома—вотъ какія были основанія семейной жизни. У семьи не было никакого высшаго идеала, который бы связывалъ ее съ другими семьями въ одно общество. Правда, въ нее вносился монастырскій, аскетическій идеалъ, но напрасно было бы думать, что онъ связываетъ семью съ церковью, т.-е. съ христіанскимъ обществомъ, интересы котораго указываются какъ высшіе интересы семейной жизни; напрасно было бы заключать, что эти интересы принимаются въ соображеніе при воспитаніи дѣтей, чтобы приготовить ихъ къ жизни. Нѣтъ; вся жизнь тамъ ограничивается одними узкими, эгоистическими семейными интересами. О связи семьи съ какимъ-либо обществомъ нѣтъ нигдѣ и помину. Ясно, что тутъ не могло образоваться и какого-либо общественнаго идеала даже въ обще-христіанскомъ смыслѣ; значитъ, для жизни внѣ семьи не могло развиться и представленія какой-нибудь нравственности. Аскетическій идеалъ исключаетъ всякую общественность, вопреки человѣческой природѣ; онъ требуетъ только заботъ о спасеніи души, что̀ и вмѣнялось въ обязанность отцу семейства, который долженъ былъ съ плетью въ рукахъ спасать душу своей жены и дѣтей. Всѣ совѣты Домостроя о воспитаніи дѣтей имѣютъ въ виду только личные или семейные интересы: „дѣти аще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что сотворятъ, и отцомъ и матеремъ съ дѣтьми отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей срамота. Аще у богобоязливыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитани въ страсѣ Божіемъ и въ добрѣ наказаніи и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣжеству, и промыслу и рукодѣлію, и тѣ чада съ родители своими; бываютъ отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чина благословенны, а отъ добрыхъ людей хвалими...“

Но какимъ образомъ достигать этихъ воспитательныхъ цѣлей,

если ихъ и признать конечными цѣлями,—Домострой нигдѣ не указываетъ, хотя во всѣхъ другихъ совѣтахъ относительно хозяйства и охраненія семьи отъ безславія онъ не скупится на самыя мелкія подробности. Что же касается воспитанія, то имъ рекомендуются только плеть да жезлъ; даже не указывается на евангеліе, какъ на основное руководство въ нравственной жизни. Со стороны жены и дѣтей, въ Домостроѣ требуется одно строгое повиновеніе во всемъ; а для ограниченія произвола отца семейства совѣтуется только осторожность въ побояхъ, чтобъ не произошло увѣчья.

Жизни внѣ семейнаго круга Домострой очень мало касается: онъ наиболѣе заботится о томъ, чтобы не выносить изъ избы сору, и чтобы чужіе люди не могли къ чему-нибудь придраться и опорочить кого-либо изъ членовъ семьи. Связь семьи съ отечествомъ или съ родною землею нигдѣ не выражается, какъ будто бы и не существовало такого понятія: совѣтуется вѣрная служба царю, причемъ Домострой указываетъ и высшую выгоду отъ такой службы: „аще земному царю правдою служиши и боишися его; тако научишися и небеснаго царя боятися; сей временень, а небесный вѣченъ и судія не лицемѣренъ, воздастъ комуждо по дѣломъ его“. Все это согласуется съ тѣмъ укоромъ, какой дѣлалъ современникъ Домостроя, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, князю Курбскому; зачѣмъ тотъ не принялъ мученій отъ „строптиваго владыки“, чтобы спасти свою душу, а предпочелъ бѣгствомъ навѣки погубить ее.

Домострой, какъ мы сказали, идеально рисуетъ намъ семью, въ основы которой полагались книжныя поученія прежняго времени и московскіе обычаи и порядки, слагавшіеся два столѣтія. Въ немъ сдерживающею силою въ гнѣвѣ, досадѣ и въ другихъ порывахъ страсти, предполагалась богобоязненность владыки дома, который всегда будетъ думать о своей душѣ. Но въ дѣйствительности, въ большинствѣ не оказывалось этой силы, и судьба семьи зависѣла отъ необузданнаго произвола одного. Ему легко было даже отдѣлаться отъ жены навсегда; стоило только принудить ее постричься въ монастырѣ, и онъ дѣлался свободенъ. Внѣшней, сдерживающей силы не было никакой. Стоглавый соборъ, по указанію царя, обратилъ вниманіе на то, что многіе мужья женятся по нѣскольку разъ, и пытался ограничить такое многобрачіе, допустивъ только три законные брака, да и то съ вѣнчаніемъ одинъ первый бракъ, а второй и третій безъ вѣнчанія и съ наложеніемъ церковной эпитеміи, въ родѣ отлученія на нѣсколько лѣтъ отъ общенія съ церковью и отъ всякой свя-

тыни. Четвертый же бракъ названъ „свинскимъ житіемъ“; за нимъ слѣдовало отлученіе отъ божественнаго причастія на восемнадцать лѣтъ [1]). Но самъ же царь Иванъ Грозный въ скоромъ времени не подчинился этому уставу и далеко перешелъ за указанное число браковъ.

Домострой, хотя ничего не говоритъ о теремѣ, но замкнутость его семьи должна была перейти въ теремъ, которымъ и отличается московская семейная жизнь въ слѣдующемъ столѣтіи. Онъ, впрочемъ, не оградилъ семейной нравственности, а, напротивъ, повелъ къ большей распущенности. Женщины стали на дѣлѣ оправдывать тѣ характеристики, какія дѣлали злымъ женамъ многіе византійскіе писатели, съ которыми изстари знакомились русскіе люди по переводамъ. Одна такая характеристика попала въ извѣстное слово Даніила Заточника, грамотея XIII столѣтія. Въ XVII вѣкѣ, нѣкій сынъ боярскій жаловался царю Алексѣю Михайловичу на свою жену, что она кусала его, щипала щипками и драла бороду, и что когда дьякъ, свидѣтельствовавшій его раны по его жалобѣ, не обратилъ на то никакого вниманія, то она хотѣла зарубить его топоромъ и разрубила ему руку. „И она, сидя за приставы, хвалится на меня и нынѣ смертнымъ убивствомъ“. Потерпѣвшій молилъ царя развести его съ женою, чтобы не пришлось ему умереть напрасною смертію. Царь приказалъ препроводить дѣло на патріаршій дворъ и „учинить по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, что доведется“ [2]). По свидѣтельству Олеарія, въ теремахъ русскія женщины очень часто предавались пьянству, или заводили сношенія съ посторонними мужчинами,—двѣ главныя причины постоянныхъ несогласій и раздоровъ въ семьѣ. И это было, несмотря на самую строгую замкнутость терема. Для устройства любовныхъ дѣлъ и свиданій молодыхъ женъ съ чужими мужьями всегда являлись „потворенныя бабы“, которыя черезъ дворовыхъ людей умѣли доходить до госпожъ. Если мужу, желавшему избавиться отъ жены, не удавалось постричь ее въ монастырѣ, то онъ прибѣгалъ къ насильственному ея постриженію тайкомъ, на дому, безъ свидѣтелей, употребивъ напередъ разныя истязанья: сажалъ въ крапиву, впрягалъ въ соху. Котошихинъ говоритъ, что отрава была обыкновеннымъ средствомъ у мужей и женъ, чтобы избавиться другъ отъ друга. Что всѣ эти случаи были не исключительные, свидѣтельствуютъ рядныя записи того

[1]) Стоглавъ, гл. 23—24, издан. 1863 г.

[2]) Русская женщина, наканунѣ реформы Петра В., Иконникова. Кіевъ. 1874 г.

времени при заключеніи браковъ: въ нихъ мужъ обязывался— жены своей не бить и „не извѣчить; смирять ее, по винѣ и полюдски". Подобныя оговорки могли быть вызваны только частыми примѣрами безчеловѣчья. Жены же, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ мужей, обвиняли ихъ въ посягательствѣ на жизнь государя [1]), что никогда не оставалось безъ печальныхъ послѣдствій.

Русскія повѣсти XVII-го столѣтія ясно рисуютъ намъ, какъ расшаталась московская семья, въ которой, при ея замкнутости и отчужденности отъ всѣхъ общихъ интересовъ жизни, не могло развиваться никакого нравственнаго идеала; для такого идеала не было и почвы за недостаткомъ общественной жизни. Обыкновенно человѣкъ скоро развращается тамъ, гдѣ не удовлетворяется или подавляется какое-нибудь изъ его природныхъ стремленій, къ которымъ безспорно относится и стремленіе къ общественности. Изъ него-то преимущественно и развивается нравственная сфера жизни, съ нимъ-то и связываются высшіе ея идеалы.

Извѣстная забавная повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ представляетъ, какъ проникали въ теремъ разные удальцы, которые не задумывались ни надъ какимъ обманомъ, чтобы устраивать свои дѣлишки, и, конечно, считались молодцами. Другая повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ также не въ привлекательномъ свѣтѣ рисуетъ намъ своихъ героевъ, хотя и казнитъ ихъ. Тенденціозная повѣсть о Горѣ-Злосчастіи могла быть вызвана только частыми примѣрами разрыва гулящихъ молодцовъ со свою семьею, гдѣ отъ нихъ требовалось одно повиновеніе подъ страхомъ плетки, и не давалось никакихъ нравственныхъ идеаловъ. Повѣсть назидательно показываетъ, что такимъ людямъ, разошедшимся съ семьею, неизбѣжны были два выхода — или въ среду разбойничью, или въ монашескую келью; это опять тотъ же выходъ, какой находили и въ старое, отдаленное время люди, не поладившіе съ укоренившимися порядками семьи. Безобразныя братчины того времени, которыя непревликательно описываются въ повѣсти о „Горѣ-Злосчастіи", конечно, вызывались тѣмъ же природнымъ стремленіемъ человѣка къ общественности, которому при замкнутости семьи не было естественнаго выхода.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича краснорѣчиво подтверждаетъ всѣ тѣ описанія русской семейной жизни, какія дошли до насъ въ сказаніяхъ иностранцевъ, бывавшихъ въ то время

---

[1]) Тамъ же, стр. 51.

въ Москвѣ, и въ нашихъ собственныхъ литературныхъ памятникахъ. Уложеніе заботливо беретъ семью служилыхъ людей подъ покровительство закона: оно ограждаетъ вдовъ и сиротъ отъ нищеты, точно опредѣляя ихъ имущественныя права и назначая имъ „прожиточныя помѣстья“; но оно не хочетъ признавать четвертаго брака, постановляя такой законъ: „будетъ кто своруетъ—женится на четвертой женѣ и приживетъ съ нею дѣтей, и послѣ его той его четвертой женѣ и дѣтемъ, которыхъ дѣтей приживетъ онъ съ тою четвертою женою, помѣстій и вотчинъ не давать“ [1]). Конечно, этотъ законъ имѣлъ въ виду отбить охоту отъ той жизни, которую Стоглавъ назвалъ „свинскою“. Уложеніе старается страхомъ жестокихъ казней поддержать тѣ нравственныя отношенія въ семьѣ, которыя, по описанію современниковъ, уже теряли свои основы. Оно указываетъ на всѣ тѣ преступленія, какія, по тѣмъ же современнымъ сказаніямъ, не рѣдко повторялись. Оно не одинаково относится ко всѣмъ членымъ семьи за одни и тѣ же проступки и даже преступленія. Такъ, если жена убетъ или отравитъ мужа, то ей назначается такая страшная казнь: „живу окопати въ землю, и казнити ее такою казнію безо всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти или иные кто ближніе роду его того не похотятъ, что ея казнити, и ей отнюдь не дати милости, и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ“ [2]). Между тѣмъ, Уложеніе молчитъ о наказаніи мужа, который бы убилъ или отравилъ свою жену: значитъ, его преступленіе оно подводитъ подъ общій законъ объ убійствѣ. Если сынъ или дочь убьетъ отца или мать, то опредѣляется смертная казнь „безо всякія пощады“. Если же отецъ или мать убьетъ кого-либо изъ своихъ дѣтей, „ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходить имъ къ церкви божіей, и у церкви божіей объявлять тотъ грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ; а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнить“. За грубыя рѣчи дѣтей въ обращеніи съ родителями и за драку съ ними, Уложеніе велитъ бить кнутомъ такихъ забывателей закона христіанскаго. Если же дѣти „у отца или матери животы пограбятъ насильствомъ или непочитаючи отца и матерь и избиваючи ихъ, учнутъ на нихъ извѣщать какія злыя дѣла, или который сынъ или дочь отца и мать, при старости, не учнетъ почитать и кормить и ссужать ихъ ничѣмъ не учнутъ, и въ томъ на нихъ отецъ или мать

[1]) Улож. царя Ал. Мих. глава 16 ст. 15.
[2]) Тамъ же, гл. 22, ст. 14.

учнутъ бить челомъ государю, и такимъ дѣтемъ за такія ихъ дѣла чинить жестокое наказаніе—бить кнутомъ нещадно и приказать имъ быти у отца и у матери во всякомъ послушаніи безо всякаго прекословія, а извѣту ихъ не вѣрить". Но въ то же время, Уложеніе не допускаетъ никакихъ жалобъ дѣтей на ихъ родителей, хотя бы тѣ жалобы и были справедливыя: „имъ на отца и на матерь ни въ чемъ суда не давать, да ихъ же за такое челобитье бить кнутомъ и отдать отцу и матери" [1]). Такимъ образомъ, со стороны закона дѣтямъ, въ какомъ бы возрастѣ они ни находились, не было защиты отъ родительскаго произвола. На судѣ свидѣтельству отца и матери придавалось рѣшающее значеніе: если бы истецъ или отвѣтчикъ сослался на отца или мать противника, то законъ требовалъ „по тѣмъ ссылкамъ отца и матерь допрашивать, а никому отца и матери на судѣ не отводить, и дѣло вершить отцовою и материною сказкою". Но ссылка на жену противника не имѣла никакого значенія: „по такимъ ссылкамъ жены не допрашивать" [2]). Зато Уложеніе тщательно охраняетъ честь жены и дочери въ семьѣ отъ покушеній постороннихъ людей. За оскорбленіе чьей бы то ни было жены „непригожимъ" словомъ, законъ назначалъ наказаніе вдвое противъ того, что̀ слѣдовало бы за такое же оскорбленіе мужу, а если будетъ оскорблена дочь-дѣвица, то наказаніе оскорбителю вчетверо противъ окладу отца; тогда какъ оскорбленный несовершеннолѣтній сынъ имѣлъ право получить только половинный отцовскій окладъ [3]). Если же кто заберется въ чужой домъ съ мыслію „надъ госпожею дурно учинить" или увезти ее, то такимъ Уложеніе назначаетъ смертную казнь, которую должны были раздѣлить съ нимъ и всѣ, кто помогалъ ему. Замѣчательно, что изъ всѣхъ оскорбленій, какія женщина могла получить на улицѣ, въ Уложеніи указывается только на одно, которое вѣроятно въ тѣ времена случалось не рѣдко: „а будетъ кто съ похвалы, или съ пьянства, или умысломъ наскочитъ на лошади на чью жену и лошадью ее стопчетъ и повалитъ, и тѣмъ ее обезчеститъ или ее тѣмъ боемъ изувѣчитъ, и беременная будетъ жена, оттого его бою дитя родитъ мертво, а сама будетъ жива, а съ суда сыщется про то до пряма, и тому, кто такъ учинитъ, за такое его дѣло учинить жестокое наказаніе—велѣть его бить кнутомъ нещадно, да на немъ же доправить той женѣ безчестье и

---

[1]) Тамъ же, ст. 1—6.
[2]) Тамъ же, гл. X, ст. 176, 177.
[3]) Тамъ же, гл. X, ст. 99.

увѣчье вдвое, да его же вкинуть въ тюрьму на три мѣсяца". Уложеніе жестоко преслѣдуетъ и тѣхъ, кто покушается вносить въ чужую семью соблазны и развратъ: „забывъ страхъ божій и христіанскій законъ, учнутъ дѣлати своды женками и дѣвками на блудное дѣло: имъ за такое беззаконное и скверное дѣло учинить жестокое наказаніе—бить кнутомъ" [1]).

Но несмотря на всю жестокость каръ, Уложеніе не могло улучшить семейной нравственности: теремъ насильственно разрывалъ свои оковы и вырывался изъ духоты испорченной атмосферы. Даже самъ царь Алексѣй Михайловичъ, сначала строго соблюдавшій всѣ правила теремной жизни и издававшій запрещенія народныхъ игръ, плясокъ и пѣсенъ, какъ дьявольскихъ потѣхъ, потомъ сталъ дѣлать уступки изъ любви ко второй своей женѣ, веселой царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Явились уже иноземныя увеселенія въ его собственномъ теремѣ. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ своею вольною, веселою жизнію стала привлекать къ себѣ молодыхъ русскихъ москвичей, даже нѣкоторыхъ бояръ: тамъ было не одно пьянство и бражничество, какъ въ братчинахъ; тамъ можно было составить себѣ понятіе объ европейской свѣтскости, объ общественности. Сравненіе между воспитанниками и воспитанницами терема и трудолюбивыми и искусными жителями Нѣмецкой слободы, умѣвшими на досугѣ въ волю повеселиться съ своими женами и дочерьми, было крайне невыгодно для первыхъ. Внѣшность, конечно, прежде всего должна была привлечь ихъ вниманіе. Они стали перенимать покрой нѣмецкаго платья, въ которомъ отваживались щеголять даже по московскимъ улицамъ [1]). Теремное воспитаніе безъ всякихъ идеаловъ, безъ идеи общественности, даже и страхомъ не могло долго удерживать человѣческую природу отъ искушеній, когда рядомъ стали образцы другой жизни, которая болѣе удовлетворяла ея стремленіямъ.

Впрочемъ, въ родовитыхъ семьяхъ сохранилось еще по преданію старое уваженіе къ роду; но родъ, какъ единица, давно потерялъ свое значеніе. Смыслъ его какъ общественной силы утратился. Поэтому и уваженіе къ нему не могло составить

---

[1]) Тамъ же, гл. XXII, ст. 17, 25.

[1]) Замѣчательно, что еще царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ числѣ 37 вопросовъ, предложенныхъ Стоглавому собору (1547 г.), выставляетъ и слѣдующій: „да но грѣхомъ слабость и небреженіе, и нерадѣніе впидѣ въ міръ въ нынѣшнее время: парицаемся христіане, а въ тридцать лѣтъ и старые главы и брады брѣютъ, и усъ подкусываютъ, и платье и одежду иновѣрныхъ земель носятъ, то почему познати христіанина"?

нравственно-воспитательной силы. Все это только развивало самое узкое понятіе о чести, которое лишь ссорило отдѣльныя семьи и не могло повести къ развитію какого-либо общаго, соединяющаго интереса; безъ него же воспитаніе остается въ полной зависимости отъ разныхъ случайностей, какъ дѣйствіе безъ цѣли, ясно сознанной. Уваженіе къ роду обратилось въ донкихотскую борьбу съ властью, стало силою враждебною государственнымъ интересамъ и наконецъ повело къ уничтоженію мѣстничества и разрядныхъ книгъ. Слѣды его стали потомъ выказываться только въ родственныхъ связяхъ, которыя получили большую силу въ жизни, но скорѣе силу развращающую, чѣмъ нравственно-воспитывающую. Изъ подъ ея вліянія не выходили рыцари чести; но рыцари карьеры были не рѣдки.

Развращающее дѣйствіе теремной жизни наконецъ выказалось даже въ царской семьѣ, послѣ смерти Алексѣя Михайловича, когда въ ней вдругъ не оказалось отца семейства. Хотя его мѣсто замѣнилъ старшій братъ, но ясно, что вся семья, признавая его за царя, въ семейномъ быту не могла признать за родного отца, которому одному давались неограниченныя права надъ семьей. Съ другой стороны, старшею въ семьѣ осталась вдова умершаго отца, которой по закону и по совѣсти дѣти обязаны были строгимъ повиновеніемъ; но она была матерью только двухъ младшихъ дѣтей и мачихой старшихъ, уже взрослыхъ; они не могли признать ее за мать и оставаться въ полномъ подчиненіи, какъ требовали семейные законы. Открылось обширное поле для интригъ. Болѣзненный царь безъ отцовскаго авторитета не могъ сдерживать всѣхъ членовъ семьи въ надлежащихъ отношеніяхъ. Старшія царевны, не сдерживаемыя ни чьей властью, уже не хотятъ признавать не только законовъ, но и приличій терема, уступаютъ съ одной стороны требованіямъ своей природы, съ другой—увлекаются честолюбивыми стремленіями, и послѣ смерти старшаго брата, самая умная и самая страстная изъ нихъ хочетъ стать во главѣ семьи и даже протягиваетъ руку къ царскому вѣнцу. Страсть женщины, вырвавшейся изъ замкнутой жизни, осужденной глохнуть въ дѣвическомъ состояніи безъ всякой надежды имѣть свою собственную семью, уже не знала границъ при открывшейся свободѣ. Она первая разрушила московскій теремъ, показавъ явно, что онъ не даетъ настоящихъ нравственныхъ основъ для жизни и можетъ держаться и воспитывать только грубой физической силою, однѣми постоянными угрозами и страхомъ наказанія, которые всегда были плохими нравственными воспитателями. Но такъ какъ этотъ теремъ

былъ царскій, то она едва не замутила и всего царства, не разбирая средствъ для задуманной честолюбивой цѣли. Борьба, правда, не удалась, и изъ разрушеннаго терема ей пришлось перейти въ крѣпкій монастырь, откуда пока еще не было выхода.

Но вотъ наконецъ и съ патріаршаго престола послышался голосъ за нравственныя основы, которыхъ не оказывалось въ русской семьѣ, стоявшей только на одномъ отеческомъ произволѣ. Въ 1693 году, патріархъ Адріанъ издалъ такое распоряженіе: „священники, совершающіе браки, небрежно относятся къ согласію жениха и невѣсты при вѣнчаніи и множицею совершаютъ браки между лицами, не любящими другъ друга, черезъ что остальная жизнь подобныхъ супруговъ бываетъ бѣдственна, бездѣтна и другъ для друга укоризненна. Поэтому великій господинъ патріархъ указалъ смотрѣть, чтобы впредь священники накрѣпко допрашивали у лицъ, приходящихъ къ вѣнчанію, по любви ли и согласію вступаютъ они въ бракъ, а не отъ насилія или неволи, и если женское лицо, въ особенности же дѣвица, постыдится сказать, то слѣдуетъ допрашивать ея родителей, особенно мать, а если нѣтъ матери, то сестру, и если одно изъ лицъ, особенно дѣвическое, совершенно умолчитъ о томъ или выразитъ какимъ-либо знакомъ отвращеніе отъ жениха (какъ-то плеваніемъ или трясеніемъ руками), то такихъ не вѣнчать, пока не заявятъ совершенно согласія между собою“ [1]).

Надо полагать, что въ это время и въ народѣ уже пѣлись пѣсни, которыя поются еще и теперь въ разныхъ захолустьяхъ русской земли,—пѣсни, высказывающія протестъ молодого поколѣнія противъ браковъ по выбору и по насилію со стороны отцовъ и матерей. Въ нихъ слышится стремленіе личности заявить свои права на счастіе семейной жизни, которое основывается на взаимной любви. Но въ народѣ права семейнаго деспотизма еще долго поддерживались крѣпостнымъ правомъ, которое внесло въ крестьянскую семью еще и деспотизмъ помѣщика, т.-е. полную деморализацію.

II.

Съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія начинается сильное государственное вліяніе на русскую семью. Одно изъ первыхъ распоряженій царя Петра было какъ бы дополненіемъ распоряженія патріарха Адріана. Патріархъ запретилъ вѣнчать противъ

[1]) Русская женщина наканунѣ реформы Петра Великаго, Иконникова.

воли жениха или невѣсты. Царь же хотѣлъ дать возможность жениху и невѣстѣ сблизиться между собою, прежде чѣмъ идти подъ вѣнецъ, взаимно узнать характеры и наклонности. Для этого, въ 1702 году, онъ установилъ обрядъ обрученія за шесть недѣль до вѣнчанія. Въ теченіе этого времени женихъ и невѣста могли ежедневно видѣться, хотя бы въ присутствіи родителей, и еслибы они не сошлись въ мысляхъ или въ нравахъ и чувствахъ, то ничто не мѣшало имъ добровольно разойтись и прервать всякія обязательства. Это, конечно, должно было уменьшить число несчастныхъ браковъ; но, разумѣется, не всѣ родители сразу отказывались отъ стараго обычая сводить впервые жениха и невѣсту только подъ вѣнцомъ.

Петръ Великій самъ много потерпѣлъ отъ брака, заключеннаго по старому обычаю, отъ устройства своей первой семьи на теремныхъ началахъ. Онъ испыталъ на себѣ, каково жить съ женою, у которой нѣтъ никакихъ общихъ съ мужемъ интересовъ, которая не можетъ понимать его стремленій, и какъ жена, считаетъ себя въ правѣ предъявлять ему свои требованія. Она могла быть вѣрною и любящею женою, но не могла быть другомъ, которому хочется повѣрить свою душу, не могла быть помощницей, съ которой весело идти по одному пути. Выйдя изъ терема прямо подъ вѣнецъ, она думала устроить семью въ теремномъ смыслѣ; но нашла въ мужѣ противника всѣхъ своихъ понятій. Ограниченная въ своихъ воззрѣніяхъ, она не могла удерживать при себѣ мужа, у котораго толпились въ головѣ мысли, рвались высказываться и выражаться въ дѣлѣ. Понятно, что тутъ семья не могла сложиться на новыхъ началахъ. Вліяніе родни, державшейся старыхъ обычаевъ, оказалось сильнѣе вліянія мужа, который хотѣлъ повести все на новый ладъ. Лопухины настраивали царицу противъ царя, думая вернуть то время, когда родственники царицы получали при дворѣ важное значеніе. Когда же Петръ убѣдился, что его жена не можетъ быть и воспитательницей его сына, чтобы взростить его въ тѣхъ понятіяхъ, которыя онъ такъ страстно стремился проводить въ русскую жизнь, то онъ рѣшился навсегда прервать съ нею связи. Для этого онъ воспользовался старымъ средствомъ, какимъ до него нерѣдко пользовались бояре. Ему ничего не стоило отослать ее въ монастырь; но за этотъ семейный разладъ онъ все же поплатился очень дорого. У малолѣтняго сына его не стало матери; онъ выросъ подъ впечатлѣніями самыми неблагопріятными для нравственнаго развитія,—впечатлѣніями, которыя устранить не было никакой возможности, потому что мальчикъ

былъ поставленъ въ неестественныя отношенія, какъ къ отцу, такъ и къ матери. Изъ него непремѣнно долженъ былъ выйти слабохарактерный человѣкъ: семейный разладъ не обходится безъ печальныхъ нравственныхъ послѣдствій для дѣтей. Петру пришлось поплатиться своимъ сыномъ за то, что въ семьѣ его столкнулись старыя и новыя понятія.

Въ это же время русская семья сильно потерпѣла отъ вторженія въ нее государственной власти: отцы должны были отказаться отъ права распоряжаться судьбою своихъ сыновей. Это право приносилось въ жертву интересамъ новосозданнаго государства. Ему нужны были люди, которые бы прошли какую-нибудь школу, хотя бы знали только грамоту да цифирь. И вотъ изъ семей по царскимъ указамъ стали выбывать въ раннемъ возрастѣ дѣти для школьной науки, поступать подъ чужой надзоръ и затѣмъ уже переходить на царскую службу. Кто не хотѣлъ разстаться съ дѣтьми добровольно, у того отнимали ихъ и силой. Такъ, въ 1713 г., царскимъ указомъ велѣно было для инженерной школы набрать сто дѣтей преимущественно изъ дворянъ, а также и изъ всякихъ чиновъ, равно изъ царедворцевыхъ дѣтей, за которыми числится до 50 дворовъ. Въ 1714 г., повелѣно брать въ школы во всѣхъ губерніяхъ дворянскихъ дѣтей и приказнаго чина дьячихъ и подъяческихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, и безъ свидѣтельства учителей объ ихъ грамотности „жениться ихъ не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать“. Въ 1715 г., послѣдовалъ указъ: „которыя есть въ Россіи знатныхъ особъ дѣти, тѣхъ всѣхъ отъ десяти лѣтъ и выше выслать въ школу с.-петербургскую“. Въ 1721 г., былъ указъ о высылкѣ дѣтей дьячихъ и подъяческихъ изъ городовъ для ученья ариѳметики и геометріи. Въ 1723 г., предписывалось изъ поповскихъ, дьяченскихъ и причетниковскихъ дѣтей набирать въ школы всѣхъ тѣхъ, которые учиться могутъ, а которые не захотятъ быть въ ученьи, тѣхъ брать въ школы и неволею [1]). Всѣ эти указы потомъ не разъ были подтверждаемы. Понятно, что всѣ они встрѣчались съ ропотомъ, но такъ какъ каждая семья составляла отдѣльную замкнутую единицу, слабую передъ властью, и между семьями не было никакой общей связи, которая бы могла образовать изъ нихъ одно крѣпкое общество, то, несмотря на общее недовольство, не могло быть никакого явнаго сопротивленія. Въ каждой семьѣ являлась тайная, скрытая оппозиція, которая выражалась въ стремленіи укрыть своихъ дѣтей, не исполнить

[1]) Пол. собр. зак. рос. им., т. V, № 2739, 2778, 2968; т. VI, 3703, т. VII, 4291.

указа. И это стремленіе оказалось силою, хотя и страдательною. Дворянскихъ дѣтей не спѣшили отправлять въ Петербургъ; учителя, разосланные по губерніямъ, во многихъ мѣстахъ оставались безъ дѣла и напрасно получали жалованье; такъ что, наконецъ, изъ экономическихъ разсчетовъ они были снова вызваны въ Петербургъ. Изъ тѣхъ же учениковъ, которые были взяты силою, многіе бѣжали изъ школъ, и присоединялись къ своимъ семьямъ. Такъ выразилась борьба между властью и семьею, которая не вдругъ уступила свои права. Очень естественно, что при такихъ условіяхъ въ средѣ недовольныхъ являлись фанатики, которые скрытно замышляли противъ власти и дѣлались, конечно, ея жертвами.

Такимъ образомъ, требованіе нѣкотораго школьнаго образованія, необходимаго для государственной службы, поставило государство въ особое отношеніе къ дворянской и чиновничьей семьѣ,—отношеніе, которое повело къ ослабленію семейной связи между родителями и сыновьями. Многіе изъ мальчиковъ старше десятилѣтняго возраста, взятые изъ семьи, стали воспитываться не на глазахъ у родителей, подъ надзоромъ грубыхъ приставниковъ и суровыхъ мастеровъ, вооруженныхъ розгою и другими орудіями наказанія: тогдашняя школа нравственно портила дѣтей, ожесточая ихъ сердца. Это же самое отношеніе государства къ семьѣ, снимая съ родителей отвѣтственность за воспитаніе будущихъ слугъ царскихъ, отучало ихъ отъ заботъ о разумномъ воспитаніи и, наконецъ, пріучило полагаться въ этомъ дѣлѣ на правительство, что не повело, какъ увидимъ, къ хорошимъ послѣдствіямъ. Лишеніе молодого дворянина естественнаго права жениться по существующему закону, если онъ не научился цифири и геометріи, также должно было дѣйствовать на семью развращающимъ образомъ. Потерпѣла семья и въ другомъ классѣ населенія. Въ 1722 году вышелъ указъ о раскольникахъ, которымъ предписывалось крестить ребенка, рожденнаго у раскольника, въ церкви, и за порукою брать у отца обѣщаніе, что онъ не будетъ учить сына или дочь „раскольническимъ преданіямъ и двоеперстному сложенію“, а черезъ семь лѣтъ онъ обязывался представить ребенка къ исповѣданію и причастію, если же всего этого онъ не исполнитъ, то долженъ подпасть жестокому наказанію, такъ какъ „явится явнымъ раскольническимъ учителемъ“. Этимъ же указомъ дозволялся бракъ раскольниковъ съ православными только въ такомъ случаѣ, если первые присягнутъ на вѣрность церкви, и совсѣмъ запрещалось вѣнчать раскольниковъ; а если бы случилось, что они стали жить безъ вѣнчанія, то ихъ,

какъ явныхъ законопреступниковъ, предписывалось судить архіерейскимъ судомъ.

Такимъ образомъ, въ значительной части населенія законная семья разрушалась, а съ этимъ вмѣстѣ, конечно, подкапывалась и нравственность. Послѣдствія показали, что отъ этого никто не выигралъ, а скорѣе всѣ были въ проигрышѣ.

Петръ Великій вывелъ женщину изъ уединеннаго терема прямо на шумные придворные праздники, на балы, ассамблеи. Этимъ онъ впервые вносилъ въ русскую жизнь идею общественности. Правда, эта общественность была только свѣтская, притомъ же состоявшаяся по царскому указу; но тѣмъ не менѣе она должна была составить хоть какую-нибудь общую связь между замкнутыми семьями, ввести въ жизнь хоть какіе-нибудь общіе интересы, безъ которыхъ нѣтъ твердой опоры и для семейной нравственности. Сначала нужны были указы съ угрозою оштрафованія, чтобы привлекать женщину во вновь сложившееся общество: робко входила она туда, одѣтая въ непривычное для нея нѣмецкое платье, она не знала, ни что дѣлать, ни что говорить. Указомъ предписано было ей научиться европейскимъ танцамъ; она научилась и нашла свое веселье. Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца живо рисуетъ намъ первые дебюты русскихъ женщинъ въ общественныхъ собраніяхъ. На обѣдахъ онѣ занимали особый столъ, послѣ обѣда молча усаживались рядами вдоль стѣнъ, пока не являлась музыка и не начинались танцы. Въ танцахъ женщина двигалась, кружилась, разговоровъ никакихъ не требовалось, и она поняла свое значеніе въ этомъ обществѣ. У нея быстро сложился идеалъ свѣтской женщины, съ которымъ и соединились интересы ея жизни, и которому уже подчинилось все остальное. Внѣшній блескъ, роскошь, красота въ европейскомъ вкусѣ вошли въ ея понятіе объ образованіи и надолго исказили истинное понятіе о дѣйствительномъ образованіи. По этому идеалу перестроилась семья и направилось воспитаніе дѣтей. Разумѣется, сама мать уже не могла воспитывать по новому идеалу. Она должна была принять къ себѣ въ сотрудницы иностранку-гувернантку, которой не предъявлялось большихъ требованій; за то и являлось ихъ не мало. Въ этомъ случаѣ для насъ имѣетъ значеніе та замѣтка Берхгольца, гдѣ онъ, восхищаясь маленькой княжной Черкасской, говорилъ: „ей лѣтъ восемь или девять, и она для своихъ лѣтъ такъ мила и пріятна, что можно подумать, что она наилучшимъ образомъ воспитана во Франціи. Но она здѣсь не единственный ребенокъ, о воспитаніи котораго такъ тщательно заботятся. Вообще надо

отдать справедливость здѣшнимъ родителямъ: они не щадятъ ничего для образованія своихъ дѣтей. Вотъ почему и смотришь съ удивленіемъ на большія перемѣны, совершившіяся въ Россіи въ столь короткое время. Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, такъ измѣнилась къ лучшему, что теперь мало уступаетъ нѣмкамъ и француженкамъ въ тонкости обращенія и свѣтскости, а иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже имѣетъ предъ ними преимущество.

Конечно, свѣтское воспитаніе второго поколѣнія еще болѣе усовершенствовалось, такъ какъ сущность образованія еще полнѣе опредѣлилась. Въ немъ иностранные языки стали играть первую роль, что, конечно, вызвано нашимъ сближеніемъ съ Европою. Но за то языки заслонили собою все, что требуется правильнымъ воспитаніемъ, и помѣшали нѣсколькимъ послѣдующимъ поколѣніямъ выработать истинное понятіе объ образованіи, что отзывается на многихъ матеряхъ даже въ настоящее время. Извѣстная княгиня Дашкова, воспитанная въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, замѣчаетъ о своемъ воспитаніи слѣдующее: „дядя (Воронцовъ) не щадилъ ничего, чтобы дать своей дочери и мнѣ лучшее, по мнѣнію того времени, воспитаніе. Насъ учили четыремъ разнымъ языкамъ, и по-французски мы говорили бѣгло, сдѣлали большіе успѣхи въ танцахъ и нѣсколько рисовали. Но что было сдѣлано для образованія нашего вкуса, для поученія разума? Рѣшительно ничего!“

Такимъ образомъ, русская преобразованная семья явилась прежде всего со стремленіемъ къ свѣтскости, съ искаженнымъ понятіемъ объ образованіи и съ уступкою своихъ правъ надъ дѣтьми, по крайней мѣрѣ, надъ сыновьями, государственной власти. Конечно, первые типы такой дворянской семьи образовались лишь около двора; но мы остановливаемся на нихъ потому, что они послужили образцами и для другихъ семей, которыя силою обстоятельствъ мало-по-малу должны были отказываться отъ старыхъ преданій и усвоивать новый образъ жизни. Въ разныхъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ центра, долго еще повторялись въ семьяхъ сцены по обычаямъ стараго времени. Такъ еще въ 1732 году судился нѣкто Алексѣй Милютинъ за то, что хотѣлъ насильно постричь свою жену съ помощью своего духовника. За такой поступокъ онъ былъ присужденъ къ штрафу въ 500 рублей, а священникъ отосланъ на расправу въ синодъ [1]). Но около этого же времени многочисленныя ссылки

[1]) Пол. собр. зак., т. VIII, № 6039.

дворянъ въ Сибирь вызвали законъ, по которому жена могла отказываться отъ ссыльнаго мужа, ей разрѣшалась полная свобода — выдти вновь замужъ или постричься въ монахини, или просто жить въ своихъ приданыхъ деревняхъ [1]), „понеже мужья отлучены вѣчно, подобно яко бы умре“.

Табель о рангахъ 1721 года оказала большое вліяніе на нравственное направленіе новой дворянской и чиновничьей семьи. Прежнія заботы о родовой чести, понятія о которой, какъ мы видѣли, сильно исказились, смѣнились заботами о добываніи чиновъ: каждый чинъ давалъ извѣстныя права и привилегіи; чинъ обезпечивалъ всю семью благосостояніемъ и даже сторониимъ уваженіемъ и почетомъ. Вся семья сдѣлалась заинтересованною чиномъ отца семейства, въ особенности женская ея половина: жена и дочери, по мужу и отцу могли пользоваться правомъ на извѣстные титулы, болѣе или менѣе почетные (благородіе, высокоблагородіе и др.) занимать въ официальныхъ торжествахъ и церемоніяхъ опредѣленныя мѣста, также съ разными степенями почета, наконецъ, право впрягать то или другое число лошадей въ экипажи давалось тоже извѣстнымъ чинамъ. Все это должно было вызывать и развивать особаго рода честолюбіе, которое слѣдуетъ назвать чиновничьимъ, — одно изъ самыхъ мелкихъ честолюбій. Съ нимъ соединилось не представленіе общихъ интересовъ, для охраны которымъ собственно и назначается чиновникъ, а, напротивъ, постоянная забота о томъ, чтобы извлечь какъ можно болѣе для себя выгодъ изъ своего положенія. Тутъ пошли въ ходъ пословицы: „что и честь, коли печего ѣсть“, „рука руку моетъ“ и другія подобныя, съ которыми понятіе о чести не могло сдѣлаться нравственною, воспитательною силою. Чувствуя свою полную зависимость отъ сильныхъ лицъ, человѣкъ не могъ развивать въ себѣ чувство чести, ему нужно было приноравливаться къ обстоятельствамъ, и онъ дѣлался раболѣпнымъ передъ сильными и высокомѣрнымъ передъ низшими. Явились милостивцы, которые могли проводить въ люди, явилось и благоговѣніе къ нимъ. Вотъ, что замѣняло въ семьѣ идеальныя стремленія. Все это было очень практично въ жизни, и все это переходило отъ отца къ сыну. Здѣсь между ними не могло происходить никакого разлада: оба они хорошо понимали другъ друга. Табель о рангахъ не дала того, чего можно было ожидать отъ нея. Она не развила сознанія общихъ или государственныхъ интересовъ, въ виду которыхъ была составлена. Жизнь восполь-

[1]) Тамъ же, т. VI. № 3628.

Межбиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

зовалась ею по своему и исказила идею о службѣ. Князь Щербатовъ, въ своей запискѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи, мѣтко характеризуетъ это положеніе: „Нѣтъ вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣтъ любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества, и наконецъ нѣтъ твердости духа, дабы токмо не истину передъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться... Человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожая внутри сердца своего свои стремительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіемъ, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя одного въ виду, можетъ ли онъ быть сострадателенъ къ ближнему... А какъ государя считаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностью, каковую бы долженъ подданный къ самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, т.-е. чтобы угождать во всемъ государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія не рождаютъ твердости, ибо можетъ ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ не достигнуть своего предмета, и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ“.

Источникомъ матеріальнаго благосостоянія семьи была служба, но не жалованье за нее, а положеніе лица, связанное съ мѣстомъ, которое давало возможность торговать закономъ, брать взятки и обирать казну въ пользу своего кармана. Иначе служба никому и не представлялась. Еслибъ даже и являлся въ видѣ исключенія такой начальникъ, который бы не протягивалъ руку къ чужой шкатулкѣ, то отъ этого не выигрывали ничьи интересы: вмѣсто него наживались окружающіе его секретари. А дѣти учились у отцовъ искусству наживаться. Конечно, въ военной службѣ было менѣе случаевъ къ такой наживѣ; но тамъ служили преимущественно изъ помѣщичьихъ семей, у которыхъ источникомъ благосостоянія были помѣстья. Крѣпостное право въ это время окончательно утвердилось. Государственныя земли, которыя прежде давались служилымъ людямъ во временное пользованіе за ихъ службу, теперь перешли въ наслѣдственныя вотчины; крестьяне смѣшались съ холопами и наравнѣ съ ними обратились въ личную собственность барина. Но пока дворяне

сами были прикрѣплены къ службѣ безъ права выходить въ отставку, они не могли быть въ такомъ близкомъ соприкосновеніи къ своимъ крестьянамъ, въ какомъ оказались потомъ, уже во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда имъ разрѣшено было свободно и добровольно оставлять службу и жить въ своихъ помѣстьяхъ, воспитывая тамъ и своихъ дѣтей. Тогда крѣпостное право выказало всю свою растлѣвающую силу.

III.

Мы указали на тѣ основы, изъ которыхъ сложилась русская семья въ преобразованномъ русскомъ государствѣ. Если разсуждать только теоретически, на основаніи психическихъ законовъ, то и тогда можно сказать съ увѣренностью, что истинныхъ гражданъ не можетъ воспитывать такая семья; что въ нравственномъ отношеніи она совершенно безсильна и въ полной зависимости отъ случайностей. Но это же самое подтверждается и дѣйствительностью, съ которою мы имѣемъ возможность познакомиться по историческимъ источникамъ. Вотъ передъ нами извѣстный историкъ Татищевъ, человѣкъ весьма умный и образованнѣйшій изъ русскихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Изъ наблюденій надъ тогдашней жизнью онъ выводитъ практическія правила, которыя и передаетъ своему сыну въ наставленіяхъ, но вездѣ даетъ знать, что въ дѣйствительности живутъ не по этимъ правиламъ; да какъ видно, и самъ онъ въ своей жизни мало могъ ими пользоваться. Въ отношеніи супружескаго согласія онъ не могъ представить себя въ примѣръ сыну, такъ какъ жилъ врозь съ своею женою. Но тѣмъ не менѣе онъ даетъ совѣты сыну въ вопросѣ о женитьбѣ: „По окончаніи наукъ, какъ только въ возрастъ осьмнадцати лѣтъ придешь, хотя въ тебѣ тогда наипаче любовь къ женамъ и явится, однакожъ для будущаго благополучія, яко для пріобрѣтенія чести и способности, должно тогда тебѣ въ опредѣленную государственную услугу вступить, а по прошествіи 30 лѣтъ должно о бракѣ думать“. Въ числѣ доводовъ противъ раннихъ браковъ, столь обыкновенныхъ въ тогдашней русской жизни, Татищевъ указываетъ на частыя отлучки мужа изъ дома, по дѣламъ службы, отъ чего „разрушается супружеская вѣрность“. Этотъ доводъ, конечно, взятъ прямо изъ жизни. Хотя онъ и признаетъ взаимную любовь, какъ нравственное основаніе брака, но при этомъ прибавляетъ, что—„та любовь часто такъ помрачаетъ умъ нашъ, что мы иногда наше

благополучіе, здравіе и погибель презираемъ. И для того въ такомъ дѣлѣ, какъ бы тебѣ всѣ обстоятельства пріятны ни казались, нужно употребить въ совѣтѣ людей искусныхъ, а паче надежныхъ родственниковъ и свойственниковъ; ненадежныхъ же весьма въ такомъ совѣтѣ должно остерегаться, дабы по недовольному тебѣ обстоятельству вреда не принесли, какъ то мнѣ въ мою жизнь довольно такихъ коварствъ вѣдать и видѣть случалось, что по скрытной злобѣ къ жениху или невѣстѣ, невинно злорѣчатъ и разбиваютъ, или непотребное и недостойное похваляютъ и прельщаютъ, а послѣ насмѣхаются... Что до персоны супруги касается, то главныя обстоятельства—лѣпота лица, возрастъ и веселость въ компаніи, которые женамъ большую похвалу приносятъ и тѣмъ много молодые прельщаются. Но какъ извѣстно, что въ краснѣйшемъ яблокѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщинъ продерзости находятся, для того оное бываетъ не безопасно; противно же тому, безобразныя хотя нѣкогда достаточнаго ума бываютъ и многократно въ супружествѣ любовь твердо съ удовольствіемъ супруга хранятъ; однако же, равно какъ старѣе себя жену взять, весьма не безопасно: ибо если хотя мало любовь нарушится, вскорѣ мысль и склонность къ младшей или милѣйшей явится, и чрезъ то брачное обязательство разрушается, а затѣмъ все состояніе въ безпорядокъ и домъ въ безпутство и разореніе приходитъ. И для того, посредственная красота и равность лѣтъ, или жена не менѣе десятью лѣтами моложе, къ сожитію есть лучше“...

Всѣ эти совѣты показываютъ какую-то безпочвенность новой русской семьи. Съ одной стороны, старые обычаи и преданія, на которыхъ держалась семья, отвергнуты, съ другой — новые опыты заключенія браковъ и супружеской жизни внѣ терема представлялись неудачными. Любовь признается какъ необходимое нравственное условіе для брака; но любовь въ то же время слѣпа и можетъ привести къ погибели; въ этомъ случаѣ лучше пользоваться совѣтами близкихъ людей; но и тутъ опасность: между ними могутъ найтись ненадежные и дѣйствовать по своимъ особеннымъ скрытнымъ разсчетамъ. Красота, молодость и веселый нравъ привлекательны въ женѣ; но и эти качества могутъ быть не безопасны для мужа. Мысль никакъ не можетъ примирить всѣхъ противорѣчій, какія являлись въ жизни людей, поставленныхъ въ иныя отношенія между собою. Какъ будто бы васъ окружали все люди, замышлявшіе противъ вашего счастья, все враги ваши, такъ что приходилось выискивать для себя положеніе наиболѣе выгодное, гдѣ было бы менѣе опасности отъ

злостнаго нападенія. Но въ такомъ случаѣ, причемъ же тутъ оставалась любовь, если съ такой осторожностью и опасеніемъ нужно было плыть между Сциллой и Харибдой? „Въ супружествѣ нужно не богатство искать,—продолжаетъ Татищевъ,—ищи главнаго, т.-е. жены, съ кѣмъ бы можно въ веселіи вѣкъ свой препроводить... Главнѣйшее въ женѣ—доброе состояніе, разумъ и здравіе“... Но и при этихъ качествахъ жены тоже можетъ случиться опасность, и тутъ могутъ стать поперекъ дороги непріятные люди и помѣшать семейному спокойствію. „Изъ подлости (т.-е. изъ простолюдья) взятыя жены хотя бываютъ довольно милы и честнаго житія, но ихъ родственники за подлость непріятны, зазрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ бы оныя достаточны ни были: честные дворяне великое отвращеніе отъ нихъ имѣютъ. Хотя отцы ихъ по своему природному коварству иногда и въ чиновныхъ людяхъ бываютъ, однакожъ всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ себѣ жилище. А великородныя иногда гордостію надменны, и супругамъ уничтожительны являются...“

Далѣе, Татищевъ ставитъ въ обязанность мужа любовь, вѣрность и удаленіе отъ ревности и жестокости; но и тутъ является колебаніе: „несмысленные разсуждаютъ, якобы ревность отъ любви происходитъ; но я довольно искусился, что оная любовь и вѣрность разоряетъ и на противные и коварные поступки приводитъ“... Нельзя не отнестись сочувственно къ совѣту, въ которомъ слышится голосъ европейца: „Имѣй и то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилежать; въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать, а за тѣмъ и самому нелѣностно смотрѣть“... Но факты изъ жизни и тутъ наводятъ на возраженія и опасенія: „Однакожъ храниться надлежитъ,—спѣшитъ прибавить Татищевъ, — чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властію; сіе для мужа очень стыдно и чрезъ то можешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъявить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ, а особливо высокопарныя, а лучше сказать, глупыя жены, безразсудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаніемъ, дурацкою ревностью, безвинно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами всегда такія пустальги и негодницы больше всѣхъ въ томъ обращаются и, думая закрыть тѣмъ враньемъ свои пороки, непрестанно бредятъ, какъ попуги, что имъ на мысль придетъ; а

больше онѣ подобныя соннымъ или въ горячкѣ больнымъ, которые говорятъ, а о чемъ послѣ и сами не знаютъ; а за то иногда такую бѣду или несчастіе мужу своему наносятъ, что онъ, невинно получа себѣ отъ женіной глупости новыхъ и неизвѣстныхъ злодѣевъ, принужденъ будетъ страдать и несчастіе терпѣть". Съ этимъ вмѣстѣ Татищевъ предостерегаетъ сына отъ разныхъ ханжей, бродягъ и тому подобныхъ „потаскушъ и вѣстоношей", которыя всегда группируются около описанныхъ имъ женъ: ихъ беречься онъ совѣтуетъ, какъ злѣйшаго яда. „Ибо отъ нихъ всегда поношеніе, ссоры съ друзьями и несогласія между супружествомъ, однимъ словомъ сказать, кромѣ вреда ничего добраго не бываетъ; сіи звонкіе колокольчики за деньги не токмо тебя, но и себя продать въ состояніи".

Изъ всѣхъ этихъ описаній мы убѣждаемся, что внезапный переходъ женщины изъ терема въ свѣтъ не послужилъ развитію семейныхъ добродѣтелей. Татищевъ, самъ не найдя счастія въ семейной жизни, опасается за то же и въ заботахъ о сынѣ. Въ своихъ колебаніяхъ онъ хочетъ найти для него и семьи лучшую внѣшнюю обстановку, придавая ей большое значеніе, но нигдѣ не касается нравственной твердости и крѣпости мужа, отъ которыхъ много зависитъ характеръ семьи и воспитаніе дѣтей. Правда, онъ указываетъ на священное писаніе, которое должно „подать достаточное наставленіе" въ вопросѣ о любви и „должности" къ женѣ, родителямъ, дѣтямъ, друзьямъ и рабамъ; но не выводитъ оттуда никакой опредѣленной морали. Вообще же онъ придавалъ большое воспитательное значеніе подобнымъ разговорамъ, не предполагая, что мораль, какъ бы она ни была высока, человѣку безъ характера приноситъ мало пользы. Татищевъ признаетъ связь семьи съ государствомъ, но только въ смыслѣ служебномъ, а не политическомъ. Онъ совѣтуетъ обучать молодого дворянина тѣмъ наукамъ, которыя могутъ быть нужны на службѣ; но въ то же время предостерегаетъ отъ всякихъ политическихъ разговоровъ. Онъ выставляетъ на видъ вѣрность государю и государству, повиновеніе властямъ, храненіе правосудія, предпочтеніе общихъ интересовъ собственной пользѣ, осторожность отъ взятокъ; но все это были хорошія слова въ теоріи жизни, а не на дѣлѣ въ самой жизни. По крайней мѣрѣ онъ самъ и прежде, когда начиналъ свою службу еще при Петрѣ Великомъ, и послѣ, когда кончалъ ее при Елисаветѣ Петровнѣ, не удерживался отъ взятокъ и разныхъ незаконныхъ поборовъ [1]),

[1]) Татищевъ и его время. Н. Попова Гл. IV.

забывая объ общихъ интересахъ, слѣдуя общему теченію своекорыстной чиновнической службы, чѣмъ и доказалъ, какъ мало нравственной силы сообщала мораль, которая высказывалась въ разговорахъ. Воспитанію негдѣ было заимствовать идеалы, и оно должно было пробавляться моралью, неподкрѣпляемою живыми примѣрами.

Мы не знаемъ, какимъ явился въ жизни сынъ Татищева, напутствуемый моралью, но не примѣрами отца. Зато можемъ указать на его младшаго современника, лицо извѣстное, передовое въ половинѣ XVIII столѣтія, наконецъ, историческое, именно—на Александра Петровича Сумарокова. До четырнадцатаго года онъ также воспитывался на отцовской морали, и затѣмъ былъ взятъ отъ семьи и на нѣсколько лѣтъ помѣщенъ въ шляхетный корпусъ, гдѣ предполагалось образовывать молодыхъ людей для военной и гражданской службы.

Сумароковъ вышелъ оттуда очень образованнымъ человѣкомъ для того времени, выказалъ литературный талантъ, прослылъ у своихъ современниковъ за русскаго Расина и Лафонтена, высказалъ въ своихъ произведеніяхъ много здравыхъ мыслей и морали, и былъ, повидимому, человѣкъ съ убѣжденіями и идеалами. Въ своихъ трагедіяхъ и одахъ онъ говорилъ объ обществѣ и честной службѣ этому обществу, смѣшивая впрочемъ въ одно понятіе общество и государство; въ своихъ комедіяхъ онъ каралъ пороки, представлялъ новые типы людей, которые прошли первыя цифирныя школы и въ качествѣ разныхъ чиновниковъ наполнили присутственныя мѣста, явившись неумолимыми и жестокосердыми взяточниками; онъ изображалъ и русскія семьи, гдѣ уже былъ жгучій вопросъ о новыхъ воспитательныхъ принципахъ. Въ этомъ смыслѣ привлекаетъ особенное вниманіе первая его комедія „Чудовищи“. Тамъ представляется мать, которая соединила свою жизнь съ интересами свѣтскаго общества и къ нему направила всѣ свои помыслы: внѣшность, наряды, мода, получили для нея единственное и важное значеніе; свѣтскому идеалу она подчинила и самое воспитаніе. Но въ этихъ принципахъ она столкнулась съ своимъ мужемъ, которому грозило разореніе, благодаря мотовству жены. Ему хочется выдать свою дочь за подъячаго или приказнаго ябедника (какъ Сумароковъ называлъ чиновниковъ), надѣясь, что тотъ своимъ искусствомъ поможетъ ему выпутаться изъ бѣды. Но у матери въ виду есть франтъ, котораго она считаетъ идеаломъ современнаго свѣтскаго человѣка; и вотъ главныя черты этого идеала: „онъ волосы подвиваетъ хорошо, пофранцузски знаетъ, танцуетъ, одѣвается по

щегольски, знаетъ много французскихъ пѣсенъ, да полно, еще не былъ ли онъ въ Парижѣ". Какъ не назвать этой женщины матерью фон-Визиновской совѣтницы въ комедіи „Бригадиръ", написанной въ шестидесятыхъ годахъ. „Совѣтница" могла образоваться только подъ вліяніемъ такой матери. Она представляетъ зародышъ того типа, который время развило въ слѣдующемъ поколѣніи. Она является родоначальницею многихъ женъ и матерей, которыя, найдя высшіе интересы жизни въ свѣтскомъ обществѣ, внесли въ русскую семью разслабляющую и вредную силу. А вотъ тутъ же и первый продуктъ этой семьи, родоначальникъ тѣхъ франтовъ, которые со стеклышкомъ въ глазу, настойчиво ищутъ, гдѣ бы убить время. Правда, отчасти каррикатурно представленъ онъ; но точно такого же франта представилъ потомъ и фонъ-Визинъ въ „Бригадирѣ" въ лицѣ Иванушки: „Я не только не хочу знать русскія права,—говоритъ Сумароковскій франтъ,—я бы и русскаго языка знать не хотѣлъ, скаредный языкъ. Для чего я родился русскимъ? о, натура! не стыдно ли тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца. Сносно ли мнѣ, что этакій человѣкъ (подъячій) одной со мной націи, да еще онъ же и риваль мой. Кто я — объ этомъ не только русскимъ, и французамъ извѣстно... Научиться этому, какъ одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табатерку открыть, какъ табакъ нюхать, стоитъ цѣлаго вѣку; я этому формально учился, что бы могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги".

Такія семьи и такой разладъ между мужемъ и женою въ вопросѣ о бракѣ ихъ дѣтей впослѣдствіи сдѣлались обыкновенною темою нашихъ комедій. Чудовища у насъ повторялись и въ жизни—въ лицѣ отцовъ, матерей и дѣтей. Сумароковъ первый сталъ выводить ихъ на свѣтъ, значитъ, нельзя полагать, чтобъ онъ не задумывался о нравственныхъ основахъ семьи. Но что же намъ представляетъ собственная его жизнь, его, проведшаго свою раннюю юность вдали отъ семьи? Сколько безобразныхъ сценъ съ матерью, сестрою, зятемъ! Конечно, были много виноваты и они; но и его нельзя оправдывать. Въ семьѣ не оказалось никакой сдерживающей силы. Одна мораль была безсильна. Семья Сумарокова въ самомъ безобразномъ видѣ появилась даже въ его комедіи для публичнаго осмѣянія. Далѣе этого идти было нельзя. Настоящаго общества не было; не было и общественныхъ идеаловъ, не было и общественнаго мнѣнія, не было общественнаго суда. Каждая семья по прежнему продолжала жить одиночно, и что тамъ дѣлалось, объ этомъ могутъ разсказать намъ

многія біографіи. Соръ изъ избы выносился не однимъ Сумароковымъ.

Множество комедій и сатиръ второй половины прошедшаго столѣтія, изображающихъ распущенную семейную жизнь, подтверждаются многими фактами, разсказанными княземъ Щербатовымъ, строгимъ судьею русскихъ нравовъ того времени: „Иванъ Бутурлинъ имѣлъ жену Анну Семеновну; съ ней слюбился Иванъ Федоровичъ Ушаковъ, и она, отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника, и, публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, ушли. Потомъ Анна Борисовна, графиня Апраксина, рожденная княжна Голицына, бывшая же въ супружествѣ за графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла... Разводъ сей не церковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ суженъ. Мужъ ея якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ нѣмецкомъ позорищѣ былъ посаженъ подъ стражу и долго содержался, и наконецъ, велѣно было дать ей указанную ея часть изъ мужня имѣнія при живомъ мужѣ; и именоваться ей по прежнему княжною Голицыной. И такъ, отложа имя мужа своего, приведши его до посаженія подъ стражу, наслѣдница части его имѣнія учинилась, по тому токмо праву, что отецъ ея князь Борисъ Васильевичъ имѣлъ нѣкоторый случай у двора, а потомъ при разводѣ своемъ она сдѣлалась другомъ княгини Елены Степановны Куракиной, любовницы графа Шувалова. Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны именовалъ, а послѣ ихъ можно сотнями считать. Еще Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ князю Никитѣ Ивановичу Репнину вступить въ четвертый бракъ, изволилъ ему имѣть метресу и дѣтей его подъ именемъ Репнинскихъ, благородными призналъ. Также князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, бывъ плѣненъ шведами, имѣлъ любовницу въ Стокгольмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ вдовъ, а отъ нея имѣлъ сына, котораго именовали Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи императрицы Елизаветы в.....ъ (незаконный сынъ) князя Василья Владиміровича Долгорукова, Рукинъ наравнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, не скрывая холопку свою, отнятую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ, и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, толико сихъ в.....овъ (незаконныхъ) дворянъ умножилось, что повсюду толпами ихъ видно: Лицыны, Ранцовы и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо по

случаю, или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что, кажется, хотятъ истребить честь законнаго рожденія, и, не закрыто содержа метресъ, являются знатные люди насмѣхаться и святостью закона и моральнымъ правиламъ и благопристойности... При Петрѣ III весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ не закрытую свою любовницу; а жены, не скрываясь ни отъ мужа, ни отъ родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислю ли я къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдились впадать въ такое любострастіе?.. Нѣтъ, да сокроются въ потомствѣ имена ихъ, а ради ихъ да не обезчещутся напамятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабокъ... И тако развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго рода роскошь и пьянство составляли отличительныя умоначертанія двора; а оттуда уже разлилися и на другія состоянія людей".

IV.

Императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія согласилась съ Бецкимъ усилить вліяніе государства на семью, которая оказывалась несостоятельною въ воспитательномъ дѣлѣ. Бецкій составилъ планъ брать у родителей пятилѣтнихъ дѣтей и воспитывать ихъ до совершеннолѣтія въ полномъ отчужденіи отъ семьи. По этому плану былъ преобразованъ шляхетный корпусъ, вновь открыта Академія художествъ, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ, коммерческое училище. Задумана была грандіозная идея—воспитать новую породу людей, не зараженную суевѣріемъ, предразсудками и пороками своихъ семей, съ разсчетомъ, что они, сами ставъ потомъ отцами и матерями, будутъ воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей по тому образцу, какъ сами были воспитаны. Понятно, что такая идея была только увлеченіемъ двухъ человѣкъ, въ которомъ, впрочемъ, выразилось крайнее стремленіе государственности проникнуть во всѣ сферы жизни, стремленіе послѣдовательное, начатое еще Петромъ Великимъ. Но эта идея никогда не могла быть выполнена уже по тому одному, что ея выполненіе начиналось прекращеніемъ семейной связи дѣтей въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ съ собственными ихъ семьями, слѣдственно и ослабленіемъ родственной любви. Воспитательныя инструкціи, составленныя преимущественно по теоріи Локка съ большою заботою о нравственномъ развитіи дѣтей, требовали идеальныхъ воспитателей и воспитательницъ, съ чувствами отцовъ

и матерей, которые могли бы нѣжно и тепло дѣйствовать на дѣтскія сердца. Понятно, что не только такихъ, но и сколько нибудь подходящихъ къ нимъ, невозможно было и найти. Нужно было довольствоваться тѣми же самыми, отъ вліянія которыхъ хотѣли спасти дѣтей, отрывая ихъ отъ семьи. Кромѣ того, выписали иностранцевъ и иностранокъ, которые отучали дѣтей даже отъ роднаго языка и обращали ихъ въ космополитовъ. И вотъ космополитизмъ сдѣлался у насъ надолго отличительнымъ качествомъ такъ называемаго воспитаннаго человѣка, въ особенности въ высшемъ обществѣ. Этому помогало и свѣтское семейное воспитаніе дѣтей. Съ такимъ космополитизмомъ легко было принимать на себя любой внѣшній образъ: англомана, германомана, французомана и кого угодно, только трудно было сдѣлаться русскимъ человѣкомъ по незнанію русскаго языка, который стали употреблять только для передачи приказаній прислугѣ. Стадное замкнутое воспитаніе не могло развивать въ характерахъ той твердости, которой князь Щербатовъ не находилъ ни въ комъ изъ своихъ современниковъ: оно напротивъ или ломало характеры и обезличивало ихъ, или совершенно портило и ожесточало въ особенности въ мужскихъ заведеніяхъ. Правда, тамъ сообщалось то, что̀ князь Щербатовъ назвалъ людностью, или иначе свѣтскость, но съ нею вмѣстѣ сообщалось и ложное понятіе объ образованіи, которое воспитанницы вносили въ свои собственныя семьи, разумѣя образованіе людnаго свѣтскаго человѣка, а не образованіе ума, чувства и воли. Хорошая французская рѣчь въ разговорѣ и извѣстныя манеры сдѣлались заботами каждой матери и въ семейномъ воспитаніи, въ особенности, дочерей. Понятно, что тутъ не могло быть и рѣчи ни о какихъ нравственныхъ идеалахъ, связанныхъ съ высшими интересами жизни.

Нельзя сказать, что дворянамъ предоставлялось на ихъ волю помѣщать или нѣтъ своихъ дѣтей въ эти воспитательныя заведенія. Въ грамотѣ о вольности дворянства 18-го февраля 1762 г. въ седьмомъ пунктѣ сказано: „повелѣваемъ всѣмъ тѣмъ дворянамъ, за коими не болѣе 1,000 душъ крестьянъ, объявлять дѣтей своихъ прямо въ нашемъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ они всему тому, что къ знанію благороднаго дворянина принадлежитъ, съ наиприлежнѣйшимъ раченіемъ обучаемы будутъ, а по изученіи всякій по его достоинству съ награжденіемъ чиновъ выпустится“ [1]). Это послѣднее обѣщаніе, конечно, было

[1]) Полн. собр. зак. Росс. имп., т. XV, № 11.444.

большою приманкою, хотя еще существовалъ законъ отъ прежняго времени (1737 г.) объ испытаніи всѣхъ шляхетскихъ дѣтей, достигшихъ шестнадцатилѣтняго возраста, не исключая и тѣхъ, которыя воспитывались въ казенныхъ заведеніяхъ, и объ опредѣленіи не успѣвшихъ въ матросы безъ выслуги [1]).

Впрочемъ, надо замѣтить, что для дворянскихъ дочерей такого принужденія не было, хотя губернаторамъ и предписывалось косвенно употреблять свое вліяніе.

Новая система казеннаго воспитанія при самомъ своемъ введеніи нашла строгаго судью Сумарокова, который со свойственной ему рѣзкостью въ присутствіи великаго князя Павла Петровича называлъ Бецкаго дуракомъ за то, что тотъ воспитываетъ ребятъ на французскомъ языкѣ, и настойчиво утверждалъ, что „дѣтей въ Россіи должно воспитывать на языкѣ россійскомъ“ [2]). Эта справедливая мысль въ то время была отнесена къ одной изъ странностей Сумарокова. А князь Щербатовъ, можетъ быть и рѣзко, такъ отзывается о первыхъ выпускахъ дѣвицъ изъ Смольнаго монастыря: „ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, по колику природа ихъ снабдила; и воспитаніе болѣе состояло — играть комедіи, нежели сердце, нравы и разумъ исправлять“. А о воспитанникахъ шляхетскаго корпуса онъ дѣлаетъ также замѣчаніе: „вышли съ малымъ знаніемъ и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія; зачатыя войны еще сіе свидѣтельствуютъ“ [3]).

Указъ о вольности дворянства хотя и освобождалъ дворянина отъ обязанности государственной службы, хотя и давалъ ему свободу выбирать службу, по собственному выбору, но съ этимъ вмѣстѣ, какъ мы видѣли, требовалъ, чтобы его сыновья ввѣрялись на воспитаніе государству; онъ даже не давалъ ему свободы жениться безъ позволенія начальства. Эту свободу всѣ получили въ 1775 году какъ милость, по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Семнадцатымъ пунктомъ манифеста объявлялось: „гдѣ въ которой области имперіи нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго или градоначальника, и за таковое дозволеніе сбирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе всемилостивѣйше отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ, и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозво-

[1]) Тамъ же, т. X, № 7235.
[2]) Записки Порошина.
[3]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

ленія и платежа [1]). Въ томъ же году дворяне, дожившіе до 50 лѣтъ, но не выслужившіе оберъ-офицерскаго чина, получили право ѣздить по городамъ въ каретахъ, но не иначе какъ парою и съ обязательствомъ ничѣмъ не выкладывать ливрею своей прислуги; то же право получили и ихъ жены, дочери и вдовы, какого бы ни были возраста [2]). Отсюда ясно, какое значеніе могъ имѣть чинъ для всей семьи, и какое направленіе должно было принять воспитаніе дѣтей. Конечно, далеко не всѣ дворяне рѣшались разставаться съ дѣтьми въ раннемъ возрастѣ; да для всѣхъ ихъ не нашлось бы тогда и столько воспитательныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе такое отношеніе государства къ семьѣ лишало эту послѣднюю того, что придаетъ ей особенное нравственное значеніе: большинство родителей отвыкало отъ мысли, что на ихъ совѣсти лежатъ заботы о воспитаніи дѣтей. Отсюда они и не задавались никакими воспитательными цѣлями. Въ такой семьѣ не было педагогической практики, слѣдственно ничего не могло и вырабатываться какъ руководство для слѣдующаго поколѣнія. Семья только производила дѣтей и вскармливала ихъ въ первые годы, но она не дѣлалась воспитательницею, она не получала высшаго значенія, лишалась нравственной силы, оставалась безъ идеаловъ—это ужъ не семья, а гнѣздо. Такой видъ принимала мало-по-малу семья прежняго служилаго человѣка, преобразившагося въ новаго чиновника по табели о рангахъ.

Указъ о вольности дворянства вызвалъ много отставокъ. Прежде въ помѣстьяхъ изъ многихъ братьевъ могъ оставаться только одинъ для веденія хозяйства и то съ платою за это право по одному рекруту со ста душъ крестьянъ [3]). Теперь же помѣстья стали наполняться отставными военными и гражданскими чиновниками съ ихъ семьями. Тутъ-то собственно и начинается полное нравственное разслабленіе семьи подъ растлѣвающимъ вліяніемъ крѣпостного права, что такъ вѣрно и типично выразилось въ извѣстной комедіи фонъ-Визина „Недоросль“. Не даромъ авторъ направилъ всѣ силы своего таланта на изображеніе пороковъ русской дворянской семьи. Но онъ смотрѣлъ на нее слишкомъ близко, поэтому ему казалось, что для ея исправленія необходимо только усилить надъ нею правительственный надзоръ—отнять средства для безчеловѣчнаго обращенія съ подвластными людьми и отправлять испорченныхъ недорослей на службу. На самомъ же дѣлѣ причина многихъ безобразій въ

[1]) Полн. собр. зак. Рос. имп., т. XX, № 14.275.

[2]) Тамъ же, т. XX, 14.301.

[3]) См. указъ 1736 г. Пол. собр. зак. Рос. имп., т. IX, № 7142.

семьѣ былъ не слабый надзоръ правительства, которое и не могло брать подъ свою опеку каждую семью, а въ той нелогичности, которая вытекала изъ указа о вольности дворянства. Крѣпостное право имѣло нѣкоторый смыслъ только тогда, когда отъ дворянства требовалась поголовная обязательная служба государству: дворянинъ могъ пользоваться даровымъ трудомъ крестьянина только на томъ основаніи, что онъ самъ обязанъ былъ работать на государство. Отношенія его къ государству и къ нему крестьянина были одинакія. За всѣ вины оно точно такъ же наказывало его, не исключая и батаговъ, какъ онъ могъ наказывать своихъ крестьянъ, не отвѣчая ни передъ кѣмъ. Но какъ скоро дворянство было освобождено отъ обязательной службы, то, какъ прямое логическое послѣдствіе, и крестьянство должно было освободить отъ обязательнаго труда. Вольность дворянства вызывала и вольность крестьянства. Этого требовала самая безусловная справедливость. Тогда оба сословія стали бы въ болѣе правильныя, нравственныя отношенія; безъ этого же при одной вольности дворянства, крѣпостное право должно было явиться въ самомъ отвратительномъ видѣ, какъ учрежденіе, уже потерявшее свой смыслъ и потому въ высшей степени безнравственное. Оно сдѣлалось особенно тягостно народу съ того времени, когда дана грамота о вольности дворянства. Это доказываютъ и тѣ крестьянскіе бунты, которые приходилось усмирять при Екатеринѣ II.

Князь Вяземскій, разбирая комедію „Недоросль“, замѣчаетъ, что Правдинъ имѣетъ довольно странное понятіе о службѣ, говоря Митрофану въ концѣ комедіи: „съ тобою, дружекъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить“. Ему сказать бы: „пошелъ-ка въ училище“; а то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы [1]). Но въ этомъ случаѣ едва ли могъ быть примѣнимъ и совѣтъ князя Вяземскаго. Не помогали училища въ такой средѣ, гдѣ могли являться такія семьи, какъ простаковская. Фонъ-Визинъ, конечно, не зналъ, что создаваемый имъ типъ г-жи Простаковой переживетъ много поколѣній, не зналъ, что и черезъ сто лѣтъ будутъ такія же Простаковы-матери, хотя и потеряютъ возможность быть Простаковыми-помѣщицами— Простаковы въ столицахъ, въ городахъ, говорящія по-французски, свѣтскія барыни, воспитывающія дѣтей эгоистически, только для себя, и воображающія, что всѣмъ жертвуютъ для ихъ счастія. Во все это время въ семью не была введена идея обществен-

[1]) Фонъ-Визинъ, князя Вяземскаго. 1848 г. Томъ I.—Январь, 1884.

ности, безъ которой у семьи нѣтъ руководящей идеи, и все нравственное воспитаніе зависитъ отъ случайностей.

Впрочемъ, пельзя сказать, что идея общественности не входила во всѣ семьи. Она входила, но какая это была идея? Идея свѣтской общественности, такъ какъ другого общества у насъ и не существовало. Природная потребность человѣка въ общественности находила себѣ удовлетвореніе въ свѣтскихъ увеселеніяхъ и собраніяхъ, которыя и назывались обществомъ. Каждый столько-нибудь достаточный помѣщикъ, переселяясь хоть на время въ свое имѣніе, окружалъ себя условіями свѣтской жизни, всѣмъ тѣмъ, что̀ могло привлекать къ нему сосѣдей и гостей, и увеселять ихъ какъ въ свѣтскомъ обществѣ. Они дѣлали изъ своихъ дворовыхъ людей артистовъ. И тѣ искусства, которыя всегда назывались *свободными*, обращались здѣсь въ крѣпостной трудъ. Для живой характеристики мы воспользуемся здѣсь нѣкоторыми мѣстами изъ извѣстной книги В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, чтобы видѣть, какъ мало могла нравственно воспитывать семью такого рода общественность:

„У насъ многіе помѣщики составляли изъ дворовыхъ оркестры музыкантовъ, труппы актеровъ, нерѣдко наиболѣе честнымъ и способнымъ ввѣряли даже воспитаніе и образованіе дѣтей; наконецъ, случалось, что изъ среды барской дворни выходили композиторы и писатели. Въ московскомъ домѣ Суворова жили цѣлыя партіи пѣвчихъ и музыкантовъ; ихъ содержали тутъ, между прочимъ, для того, чтобы они могли совершенствоваться въ музыкѣ и пѣніи и пользоваться руководствомъ извѣстныхъ въ то время Голицинскихъ артистовъ. Но въ случаѣ переѣзда господина въ деревню и ихъ перевозили туда же. Въ имѣніи Суворова, находившемся во владимірскомъ уѣздѣ, были особыя зданія для пѣвчихъ и музыкантовъ. Уѣзжая изъ этого помѣстья, Суворовъ въ наставленіе управляющему, между прочимъ, предписываетъ: „Ивановъ обучаетъ пѣвчихъ съ прилежаніемъ по моему наставленію. Николай—управитель музыкантовъ, у него подъ предводительствомъ музыка и проч. Ерофеевъ умѣетъ обучать трагедіямъ и комедіямъ свой штатъ и пр. Помни музыку нашу—вокальный и инструментальный хоры, и чтобы не уронить концертное...“ Въ случаѣ надобности Суворовъ очень быстро мѣнялъ спеціальности своихъ артистовъ и безъ церемоніи сажалъ ихъ на пашню. Были и такіе господа, что посылали своего крѣпостного музыканта въ Италію и потомъ заставляли его до изнеможенія играть въ разныхъ барскихъ домахъ... По тогдаш-

нимъ понятіямъ, весьма не трудно было сдѣлать лакея артистомъ. „Театральное нужно для упражненія и невиннаго веселія“, писалъ Суворовъ своему управляющему. „Васька-комикъ хорошъ; но трагикомъ будетъ лучше Никитка. Только должно ему научиться выраженію, что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ рифмахъ выйдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту—безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія, о чемъ ты все сіе подтвердительно растолкуй. Вмѣсто Максима и Бочкина къ комическимъ ролямъ можно пріучать и маленькихъ пѣвчихъ изъ крестьянъ. Сверхъ того, французской грамматикѣ заставить учиться исподоволь Алексашку-парикмахера; ему и Николай покажетъ, только бы онъ умѣлъ читать“... Мы знаемъ, что домашніе театры были также у гр. П. Б. Шереметева, кн. П. М. Волынскаго, гр. З. Г. Чернышева и другихъ вельможъ, гдѣ давались оперные спектакли. Въ имѣніи гр. Шереметева, селѣ Кусковѣ, въ особыхъ флигеляхъ помѣщались пѣвчіе, музыканты и актеры. Низшее мѣсто среди актрисъ занимали танцовщицы: ихъ держали въ черномъ тѣлѣ, помѣщеніе было холодное, которое протапливалось лишь съ особаго разрѣшенія въ случаѣ болѣзни одной изъ нихъ. Гораздо большимъ почетомъ пользовались „комедіянтки“ или собственно актрисы; въ числѣ ихъ были пѣвицы и, между прочимъ, та (Прасковья Ивановна), которая сдѣлалась любовницею, а впослѣдствіи и женою гр. Н. П. Шереметева. Актрисамъ оказывалось всего болѣе вниманія, ихъ всего лучше содержали и кормили; при нихъ состояли учительницы-француженки... Человѣческое чувство, которое могло бы развиваться подъ вліяніемъ изученія сценическаго искусства, сплошь и рядомъ попиралось самымъ безжалостнымъ образомъ, и актрисы должны были по волѣ барина расточать свои ласки, а не то и составлять его гаремъ... По разсказамъ одного француза, долго жившаго въ Россіи, однажды во время представленія Дидоны помѣщику не понравилась игра главной актрисы; онъ вбѣжалъ на сцену и отвѣсилъ тяжелую оплеуху несчастной Дидонѣ, вскричавъ: „я говорилъ тебѣ, что поймаю тебя на этомъ; послѣ представленія отправляйся на конюшню за наградой, которая тебя ждетъ“. Дидона, поморщившись отъ боли, причиненной оплеухой, вновь вошла въ свою роль и продолжала арію, какъ ни въ чемъ не бывало... Распоряжаясь сердцами своихъ подданныхъ, владѣлецъ не забывалъ и себя, хотя законъ и запрещалъ господамъ жить съ крестьянками. Нѣкоторые устраивали въ своихъ имѣніяхъ

особую барщину для женщинъ. У одного помѣщика, Бахметева, въ деревнѣ по ночамъ былъ бабій караулъ; поочередно каждую ночь наряжали двухъ бабъ караулить село и барскія хоромы, одна баба ходила съ трещеткой около дома и стучала въ доску, а другая должна была ночевать въ домѣ... Мудрено ли послѣ этого, что отъ него жена бѣжала... У другого, казанскаго помѣщика, Есипова, даже и гости угощались лобзаніями крѣпостныхъ артистокъ... Радищевъ разсказываетъ слѣдующій фактъ: „Въ бывшее пугачевское возмущеніе нѣкоторые крестьяне, связавъ своего господина, вели на неизбѣжную казнь. Какая была тому причина? Онъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери: каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно же въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности“... Мы можемъ не сомнѣваться въ справедливости этого факта, такъ какъ императрица Екатерина, по поводу этого мѣста, замѣтила: „едвали не исторія Александра Васильевича Салтыкова“... Даже въ XIX столѣтіи у нѣкоторыхъ помѣщиковъ были цѣлые гаремы, какъ, напр., у извѣстнаго генерала Измайлова [1]); а онъ былъ далеко не единственный въ своемъ родѣ...

„Превращаясь по волѣ господина въ музыкантовъ и актеровъ, дворовые столь же легко могли очутиться и въ роли учителя, воспитателя или просто дядьки молодого барченка. По возведеніи въ ту должность, нѣкоторые изъ помѣщиковъ снабжали своихъ людей инструкціею, которую рекомендовали прочитывать какъ можно чаще; приходилось при этомъ напоминать педагогу, чтобы онъ „избѣгалъ брани, клятвы, божбы, клеветы, лжи, сквернословія, особенно же гнуснаго порока пьянства, обхожденія съ непотребными женщинами“ и совѣтовать ему заниматься въ свободное время чтеніемъ книгъ или рукодѣліемъ. Такіе доморощенные гувернеры не рѣдко оказывались ни чуть не хуже воспитателей изъ иностранцевъ, достойную характеристику которыхъ мы находимъ въ современныхъ комедіяхъ и сатирическихъ журналахъ. Такъ, Лунинъ, отпустивъ приглашеннаго имъ гувернера, замѣстилъ его крѣпостнымъ человѣкомъ, о которомъ сдѣлалъ отмѣтку въ своихъ запискахъ, что онъ, „исключая только, что не умѣетъ по-нѣмецки, преимуществуетъ и разумомъ и поступками“ [2]).

[1]) См. Древн. и Новая Россія. 1876 г. № 9.

[2]) Крестьяне въ царствованіе императр. Екат. II, В. И. Семевскаго, гл. V, IX.

Чтобы не показаться одностороннимъ въ своихъ выводахъ, представимъ и такую семью, куда еще не проникла идея свѣтской общественности. Воспоминанія извѣстнаго С. Т. Аксакова въ его „Семейной Хроникѣ“ рисуютъ намъ семью, которая можетъ назваться лучшею сравнительно съ другими. Дѣдъ его Степанъ Михайловичъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ образцовымъ человѣкомъ. Изобразивъ его какъ идеальнаго хозяина-помѣщика, авторъ прибавляетъ, что „онъ былъ такъ разуменъ, такъ снисходителенъ къ просьбамъ и нуждамъ, такъ неизмѣнно вѣренъ каждому своему слову, что скоро сдѣлался истиннымъ оракуломъ вновь заселяющагося уголка обширнаго Оренбургскаго края. Мало того, что онъ помогалъ, онъ воспитывалъ нравственно своихъ сосѣдей. Только правдою можно было получить отъ него все. Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получишь, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести. Много семейныхъ ссоръ примирилъ онъ, много тяжебныхъ потушилъ въ самомъ началѣ. Со всѣхъ сторонъ ѣхали къ нему за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ — и свято исполнялись они! Я зналъ внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣтельный и строгій образъ Степана Михайловича, не забытаго еще и теперь. Много слыхалъ я простыхъ и вмѣстѣ глубокихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ слезами и крестнымъ знаменіемъ объ упокоеніи души его. Не удивительно, что собственные крестьяне любили горячо такого барина; но также любили его и дворовые люди, при немъ служившіе, часто переносившіе страшныя бури его неукротимой вспыльчивости. Впослѣдствіи времени нѣкоторые изъ молодыхъ слугъ его доживали свой вѣкъ при мнѣ уже стариками, часто разсказывали они о вспыльчивомъ, справедливомъ и строгомъ своемъ баринѣ и никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали“.

Читатель видитъ, что мы выбрали дѣйствительно лучшаго человѣка, чтобы по его семьѣ судить и о другихъ. Казалось бы, что у такого отца семейства участь жены и дѣтей должна бы назваться завидною. Но на самомъ дѣлѣ для этого всѣхъ его прекрасныхъ качествъ было недостаточно. Онъ былъ хорошъ для чужихъ, а не для своей семьи. Аксаковъ не скрываетъ, что въ семьѣ онъ все же былъ дикаремъ, для котораго не существуетъ никакихъ законовъ, ни человѣческихъ, ни божескихъ въ пылу страсти. Чтобы не ослабить впечатлѣнія, воспользуемся краснорѣчивымъ и конечно правдивымъ описаніемъ его внука:

„И этотъ добрый, благодѣтельный и даже снисходительный человѣкъ омрачался иногда такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческій и дѣлали его опособнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ. Я видѣлъ его такимъ въ моемъ дѣтствѣ, и впечатлѣніе страха до сихъ поръ живо въ моей памяти. Какъ теперь гляжу на него, онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ, кажется за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ; двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего прежняго дѣдушку, онъ весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости. „Подайте мнѣ ее сюда“, вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. Бабушка кинулась-было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣлъ съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ не только виноватая, но и всѣ другія сестры и даже братъ ихъ съ молодою женою и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рощу, окружавшую домъ; даже тамъ ночевали; только молодая невѣстка воротилась съ сыномъ, боясь простудить его, и провела ночь въ людской избѣ. Долго бушевалъ дѣдушка на просторѣ въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши таскать за косы Арину Васильевну, повалился въ изнеможеніи на постель и наконецъ впалъ въ глубокій сонъ, продолжавшійся до ранняго утра слѣдующаго дня“.

Вы ждете, что послѣ этого старикъ проснулся съ сожалѣніемъ, съ раскаяніемъ, съ желаніемъ чѣмъ-нибудь загладить свое звѣрство. Ни чуть не бывало. „Свѣтелъ, ясенъ проснулся Степанъ Михайловичъ, — поясняетъ внукъ его, — весело крикнулъ свою Арину, которая сейчасъ прибѣжала изъ сосѣдственной комнаты съ самымъ радостнымъ лицомъ, какъ будто вчерашняго ничего и не бывало“. Для полной характеристики Аксаковъ рисуетъ добрый день Степана Михайловича, когда ему выпадалъ такой стихъ, что онъ принудилъ себя провести день по-человѣчески. Но изъ-за этого добраго дня, можетъ быть, противъ воли автора, выглядываетъ столько отвратительныхъ дней, когда человѣкъ обращался въ звѣря. И эта семья называлась христіанскою. Иные, какъ бы въ извиненіе, готовы назвать ее патріархальною. Но патріархальная семья въ своей жизни держится крѣпко извѣстныхъ преданій, которыя составляютъ для нея законы; она находится подъ надзоромъ цѣлаго рода, у нея есть своя сдерживающая сила. Нѣтъ, это—семья рабовладѣльческая, въ которой жена, и дѣти, и рабы подходятъ подъ одинъ уро-

вень; здѣсь нѣтъ никакихъ законовъ. Какъ же воспитывались дѣти у такого примѣрнаго человѣка, которому нельзя отказать въ любви къ нимъ, равно какъ и къ женѣ? Можно безошибочно вывести теоретически, что у нихъ должны были развиться только рабскія наклонности и качества: страхъ, обманъ, коварство, затаенная злоба, притворство, интрига, криводушіе, увертливость. Судя по описаніямъ Аксакова, всѣ эти качества дѣйствительно и выказались въ дочеряхъ Степана Михайловича. А сынъ его явился безхарактернымъ, робкимъ, съ забитымъ умомъ, и навѣрно бы сдѣлался Простаковымъ, если бы его жена была воспитана въ подобныхъ же условіяхъ. А у нея въ натурѣ было кое-что общаго съ г-жею Простаковою: такая же страстная и властолюбивая, какъ и та, она въ дѣтствѣ много вытерпѣла отъ своей мачихи, что̀ послужило ей къ добру, потому что научило ее сдерживать себя. Кромѣ того, живя въ городѣ и получивъ рано свободу распоряжаться собою, она пристрастилась къ чтенію и просвѣтила себя въ то время, когда сердце ея еще не могло испортиться. Она способна была увлекаться идеалами, и мужъ ея нисколько не пострадалъ отъ нея, хотя и не заслужилъ уваженія. Эта семья для насъ также интересна нѣкоторыми своими чертами. Страстно чадолюбивая мать легко могла воспитать своего старшаго сына не на радость себѣ, сдѣлать изъ него эгоиста, недоросля-Митрофана, если бы просвѣщенный ея умъ не навелъ ее на мысль, что нельзя воспитывать дѣтей только для себя, руководствуясь одной эгоистической любовью матери, что жизнь не можетъ ограничиваться лишь одними семейными интересами, и что, напротивъ, они должны подчиниться другимъ болѣе высшимъ интересамъ, отъ которыхъ и самая жизнь получитъ разумный смыслъ. Но эта мысль пришла къ ней нѣсколько поздно, тогда, когда мальчикъ вступилъ въ школьный возрастъ и когда пришлось подумать объ его ученьѣ. Она видѣла высшій интересъ жизни для мужчины въ службѣ: „мужчинѣ надобно служить, а для службы необходимо учиться“. Конечно, ни ученье, ни служба не могли ее испугать, но пугала ее мысль, что нужно разстаться съ сыномъ, такъ какъ въ деревнѣ нельзя было его научить всему тому, чего требовала служба. До того къ этой разлукѣ она не готовила ни себя, ни мальчика, а воспитывала его только въ заботахъ о настоящемъ. Внушенія страстной материнской любви только руководили ее въ воспитаніи; но если страсть не сдерживается никакой разумной мыслью, поставленною какъ цѣль стремленія, то она легко переступаетъ надлежащіе предѣлы, уже не разумно требуя для

себя только удовлетворенія. Страстная любовь матери безъ намѣченныхъ цѣлей воспитанія очень часто переходитъ въ самый ужасный эгоизмъ, который, впрочемъ, иногда называется или кажется безкорыстной любовью, потому что страстная мать всегда готова брать на себя слишкомъ много, готова терпѣть и страдать, лишь бы только при этомъ наслаждаться своею любовью. Но съ другой стороны, дѣлая все пріятное для своего ребенка, потому что каждое минутное его огорченіе огорчаетъ ее, она воспитываетъ въ немъ эгоиста, который потомъ скажется ей не на радость. Въ примѣръ такой матери мы можемъ поставить г-жу Простакову. Разумѣется, съ нею во всѣхъ отношеніяхъ мы не будемъ сравнивать мать автора Семейной хроники; она старалась развивать въ своемъ ребенкѣ только хорошія качества; но тѣмъ не менѣе она довела свою любовь до неразумной страсти, которая вредно отозвалась не только на ней, но и на ребенкѣ. Застигнутая въ расплохъ сознаніемъ той цѣли, какую должна себѣ поставить мать, воспитывать для жизни, а не для себя, она должна была выдержать страшную борьбу съ своей страстью и въ то же время сдѣлать такой быстрый переломъ въ жизни сына, что у него не достало силъ его выдержать: его здоровье страшно пострадало. Какъ бы то ни было, но, соединивъ наконецъ вопросъ о будущемъ счастьѣ своего сына съ идеаломъ образованнаго человѣка, который въ то время у насъ находилъ себѣ дѣятельность только въ службѣ, она разумно исполнила долгъ матери и можетъ служить поучительнымъ примѣромъ многимъ матерямъ нашего времени. Конечно, на нее мы должны смотрѣть какъ на исключеніе. Большинство же матерей, если и имѣли въ виду будущую службу своихъ сыновей, то соединяли съ нею представленіе генеральскаго чина или пріобрѣтеніе сотенъ душъ крестьянъ; а какими путями будетъ пріобрѣтаться все это, онѣ и не задумывались.

Въ дополненіе характеристики русской дворянской семьи прошедшаго столѣтія возьмемъ еще одно провинціальное семейство, жившее въ тульскомъ намѣстничествѣ, въ городѣ Богородицкѣ. Отецъ семейства извѣстенъ въ литературѣ многотомными записками о своей жизни, въ которыхъ разсказывается такъ много разныхъ житейскихъ мелочей, что въ выборѣ матерьяла представляется большое обиліе. Это—Андрей Тимофеевичъ Болотовъ. Онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ и нравственныхъ русскихъ людей своего времени. Онъ былъ человѣкъ разумный, кроткій, хотя и не слабый, хорошо образованный, любилъ заниматься чтеніемъ

и даже самъ нѣкоторое время сочинялъ для просвѣщенія своихъ согражданъ, и не безъ успѣха, журналъ „Экономическій Магазинъ“, поручая его издавать извѣстному Новикову. Онъ любилъ природу и поэзію, высказываетъ стихами, хотя и плохими, свои чувствованія, былъ искренно-религіозенъ, но не ханжа,—чуждъ всякаго аскетизма. Дворянинъ, помѣщикъ и служащій чиновникъ, онъ благодарилъ Бога за свое счастливое положеніе, которое позволяло ему быть настоящимъ человѣкомъ, потому что внѣ дворянства онъ не находилъ возможности сохранить въ себѣ человѣческій образъ. Онъ даже написалъ длинную пѣснь, въ которой и высказалъ „чувствованіе рожденнаго въ дворянствѣ“. Изъ нея мы воспользуемся только нѣсколькими куплетами, чтобы немного очертить эту симпатичную личность:

О, коликою я долженъ
Благодарностью за то,
Что въ число толико многихъ
Милліоновъ сихъ людей
Не включенъ и я судьбою
И не такъ же осужденъ
Весь свой вѣкъ влачить въ неволѣ,
Въ нуждахъ, въ горѣ и трудахъ;
Но предъ ними безконечно
Я судьбою предпочтенъ
И въ число лишь тѣхъ немногихъ
Тварей въ свѣтѣ помѣщенъ,
Къ коимъ ей было угодно
Милость и любовь явить,
И отмѣнную щедроту
Въ жизни тѣмъ имъ оказать,
Что родителей лучшайшихъ
Избрала для нихъ она
И родиться повелѣла
Въ чинѣ высшемъ отъ другихъ,
Въ чинѣ томъ, который прочихъ
Несравненно лучше всѣхъ,
И блаженство доставляетъ
Въ колыбеляхъ уже имъ.
Мнѣ велитъ въ томъ долгъ признаться
И всегда не забывать,
Что ихъ всѣ я безъ заслуги
И исканья получалъ,
И судьба что произвольно
Одарила тѣмъ меня...

Такой взглядъ на самого себя заставляетъ предполагать въ человѣкѣ много добродушія и не допускаетъ подозрѣвать кичли-

вости и высокомѣрія. Беру тотъ періодъ его жизни, когда онъ оканчивалъ воспитаніе своихъ дѣтей и заботился о томъ, какъ ихъ пристроить—сына опредѣлить на службу, а дочерей выдать замужъ. Это было въ восьмидесятыхъ и отчасти въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Самому ему уже переступало за пятьдесятъ лѣтъ; въ службѣ занималъ онъ одно изъ начальственныхъ мѣстъ по управленію казенными крестьянами, и хотя служилъ ревностно и честно, но на службу смотрѣлъ, какъ на источникъ кормленія и благосостоянія своей семьи. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ тогдашнюю свою жизнь: „Жилъ я по прежнему умѣренно и не выходилъ ни въ чемъ изъ надлежащихъ предѣловъ, отчего достатокъ мой съ года на годъ и мало-по-малу увеличивался. И какъ я всего меньше помышлялъ о томъ, чтобы покупать деревни или земли, а болѣе старался сберегать излишки отъ своихъ доходовъ на непредвидимые случаи, а особливо на приданое возрастающимъ моимъ дочерямъ, то и возросъ мой капиталъ съ небольшимъ уже десять тысячъ, къ чему весьма много помогало то, что я пользовался во многомъ казеннымъ содержаніемъ, не имѣлъ нужды покупать ни хлѣба, ни лошадей, ни корма на нихъ; ниже иныхъ какихъ вещей, нужныхъ для содержанія дома, ибо держалъ я при себѣ довольно и собственнаго своего скота и птицъ, и могъ ими и доставляемымъ также ко мнѣ изъ деревень моихъ безъ нужды довольствоваться, слѣдовательно все лишнее въ деревняхъ моихъ обращать въ деньги...“

Такимъ образомъ, служба и здѣсь связывалась съ интересами семейными, хотя въ то же время ради нея и приходило въ упадокъ собственное помѣщичье хозяйство Болотова, какъ онъ самъ въ томъ сознавался. Но она не вызывала никакихъ высшихъ интересовъ жизни, а напротивъ, пробуждала разныя нехорошія чувства. Изъ опасенія лишиться выгоднаго мѣста, съ которымъ связывался вопросъ о благосостояніи семьи, приходилось подавлять въ себѣ чувство законности, служить уже не государству и его интересамъ, а личнымъ потребностямъ своего начальства, отъ котораго зависѣло смѣнить чиновника, ревностнаго къ правдѣ, другимъ—болѣе для себя подходящимъ. И этотъ честный, съ ясными понятіями человѣкъ, котораго, по собственнымъ его словамъ, любили и уважали добрые люди, не находилъ въ себѣ твердости постоять за высшіе интересы службы и очень легко дѣлалъ сдѣлки со своей совѣстью. Въ своихъ запискахъ онъ не разъ разсказываетъ, какъ ему приходилось переживать минуты страха въ борьбѣ совѣсти съ начальническими незаконными рас-

поряженіями, но эта борьба всегда была кратковременна, и кончалась тѣмъ, что во всей ясности обнаруживалась слабость характера отца семейства и въ то же время честнаго, повидимому, человѣка. Въ этомъ случаѣ для насъ очень характеристичны собственныя его признанія: „Получилъ я письмо отъ Давыдова (начальника Болотова изъ Тулы), въ которомъ писано было ко мнѣ, чтобъ отпустить взаймы намѣстникову секретарю 60 четвертей хлѣба. Прочитавъ сіе и пожавъ плечами, вздохнувъ, сказалъ я: „Господи! долго ли это будетъ. Намѣстникъ повелѣваетъ ордеромъ никому не давать, а сей давать приказываетъ! Кого слушаться? Дать—бѣды отъ намѣстника; а не дать,—навлечь на себя досаду и гнѣвъ отъ Давыдова, и сдѣлаешь себѣ врагомъ и секретаря". Поговоря и погорюя симъ образомъ, долго не зналъ и не соображался я съ мыслями, что дѣлать. Къ вящшему смущенію можно было предвидѣть, что хлѣбъ сей пропадетъ... Подумалъ, подумалъ, и на страхъ велѣлъ отпустить"...

„Г. Давыдовъ не далъ намъ и Святую недѣлю провести всю спокоемъ и въ удовольствіи. А не успѣла настать суббота, какъ произошла новая отъ него ко мнѣ бомбардирація. Явились новыя и прямо безстыднѣйшія и безпокойнѣйшія требованія. Господи! воскликнулъ я, получивъ полученное отъ него письмо, отъ досады и удивленія. Что этотъ человѣкъ думаетъ и помышляетъ! И такъ уже по уши въ бѣдѣ, и чѣмъ бы ту какъ нибудь тушить, а онъ еще болѣе лихія болѣсти затѣваетъ, и возможно ли? и есть ли въ немъ стыдъ и совѣсть. Дай ему еще сто четвертей гречихи, а про то и позабылъ, что на немъ уже и безъ того до 2,500 четвертей всякаго хлѣба. Пришли къ нему жалованье, а о томъ и позабыто совсѣмъ, что уже и безъ того 2,500 р. промоталъ и Богъ знаетъ на что... Но что было дѣлать? Поговоривъ и подосадовавъ симъ образомъ, принужденъ былъ наконецъ выполнить и сіи его требованія..."

А вотъ какъ и покрывались всѣ начальническія хищенія. „Возвратился изъ Тулы возившій туда къ г. Давыдову наши денежныя и хлѣбныя книги мой секретарь.—Ну что наши книги, и зачѣмъ требовалъ ихъ Николай Сергѣичъ?—Что, сударь, отвѣчалъ онъ мнѣ, усмѣхнувшись: ему восхотѣлось сдѣлать какой-нибудь конецъ съ заемнымъ своимъ хлѣбомъ и нѣкоторыми деньгами, забранными имъ изъ экономической нашей суммы, и разрѣшить всѣ наши сумнительства... Нѣсколько часовъ сряду мы съ нимъ думали и гадали, какъ бы лучше, безопаснѣе и удоб-

нѣе сдѣлать и развѣсить все по сучкамъ не примѣтно, и на силу, на силу вздумали, взгадали и написали, и онъ все изволилъ для безопасности нашей впредь подписать и теперь осталось только подписать и вамъ статьи нѣкоторыя...—Покажи-ка, покажи, сказалъ я, удивившись, что такое вы тамъ придумали и сдѣлали?—Посмотрѣлъ, пожалъ плечами и сказалъ: ну, не изъ чего бы самъ не сдѣлалъ и не захотѣлъ для иного кого никакъ сдѣлать, но для его, за его добродушіе и сожалѣя о его разстроенномъ состояніи... быть такъ, сдѣлаю, благо всѣ нашли такое удобное и хорошее средство. Подай мнѣ перо... И взявъ оное, въ ту же минуту, гдѣ что нужно было, подписалъ. Симъ образомъ прикрыли мы кое-какъ всѣ грѣхи и шалости г. Давыдова и погребли ихъ въ бездну забвенія прикрытьемъ толь не примѣтно, что трудно было кому бъ то ни было до того добраться, и радовались, что удалось намъ такъ искусно и хорошо и его избавить отъ гнѣва и нареканія отъ намѣстника, и себя отъ дальнѣйшаго опасенія какого-нибудь за то себѣ незгодья...“

И хоть бы какое-нибудь сомнѣніе въ честности такого поступка, хоть бы какое-нибудь движеніе совѣсти! Здѣсь настоящій смыслъ службы уже совершенно стушевался; зато во всей своей яркости явилась служба, какъ семейное кормленіе, при которомъ рука руку моетъ. Какіе же тутъ могли развиваться высшіе интересы жизни, общественные идеалы, откуда могла явиться и твердость характера даже у лучшихъ людей?.. Ей не на что было опереться, потому что по пословицѣ одинъ въ полѣ не воинъ. Служба, какъ источникъ кормленія, развивала заботы не о служебной честности, связанной съ общественной нравственностью, а о повышеніи по табели о рангахъ или по крайней мѣрѣ о сохраненіи за собою своего служебнаго мѣста. Эти мѣста не рѣдко терялись отъ различныхъ случайностей, которыя трудно было и предвидѣть. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ, разсказанная Болотовымъ: „Тогдашняя любовница намѣстникова, госпожа Вельяминова, возненавидѣвъ за что-то командира моего Давыдова, положила непремѣнно и старается всѣми силами столкнуть его изъ директоровъ, а на мѣсто его перевесть своего мужа. И какъ на умѣ у ней расхитить и разворовать нашу волость и тѣмъ поправить разстроенное состояніе своего мужа, то для удобнѣйшаго произведенія того въ дѣйство, помышляетъ и меня отженить отъ волости прочь и на мѣсто мое опредѣлить мужнина брата, имѣвшаго только двѣ способности въ свѣтѣ, а именно: ѣздить и гайкать съ собаками, да играть въ карты и мотать, а

болѣе ничего. Но какая до того нужда, а надобно, чтобъ все было уже подъ стать, и что бѣдный человѣкъ намѣстникъ, любя до обожанія свою злодѣйку и повинуясь ей, о томъ и старается, а потому и хочетъ самъ и невзначай пріѣхать къ намъ въ Богородицкъ и отъискивать все, чѣмъ бы можно было и Давыдова, и меня обвинить, и обоихъ насъ лишить мѣстъ нашихъ...“ А вины найти было легко при томъ безцеремонномъ отношеніи начальства къ казенному добру и при той вынужденной необходимости помогать начальству хоронить концы: подставить же при случаѣ ногу своему сослуживцу между чиновниками не считалось за безчестное дѣло—на это охотниковъ всегда было довольно. Не увѣренные въ своемъ служебномъ положеніи, не способные и на чиновничьи интриги люди, подобные Болотову, и въ то же время, подобно ему, религіозные, искали себѣ успокоенія и опоры въ религіозномъ чувствѣ: „безъ власти и соизволенія божескаго, — говорилъ въ такихъ случаяхъ Болотовъ,—ничего они мнѣ сдѣлать со всѣми своими хитростями не могутъ, а ежели Богу будетъ то угодно, то и я отъ того не прочь, ибо Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и Его святая воля въ томъ и буди“.

И не замѣчали они того нравственнаго противорѣчія, какое являлось въ этомъ обращеніи къ Богу: хоть и противъ воли, въ угоду начальству, но все же они шли на неправду, и возлагали свои надежды на Бога, что онъ поможетъ имъ прикрыть ихъ беззаконіе. Такъ деморализировался русскій служилый человѣкъ, восхищавшійся въ то же время тѣмъ, что онъ родился во дворянствѣ. Понятно, что такой человѣкъ раздѣлялъ съ своей семьей всѣ свои заботы и опасенія и пропитывалъ ее чиновническимъ духомъ. Надо отдать честь Болотову, онъ былъ нѣжный мужъ и отецъ, заботился о воспитаніи своихъ дѣтей, конечно согласно съ тогдашними дворянскими понятіями, передалъ своему сыну любовь къ чтенію и разнымъ артистическимъ занятіямъ, въ особенности же къ музыкѣ и садоводству, но передалъ и свой взглядъ на чинъ и на службу. Сынъ еще въ дѣтствѣ былъ записанъ въ гвардію. Но вотъ насталъ тотъ возрастъ, когда нужно было везти его въ Петербургъ на дѣйствительную службу. Юноша былъ слабаго здоровья. Чадолюбивому отцу было жаль разстаться съ нимъ. Онъ долго медлилъ и тревожился мыслію, что „всѣ люди служатъ, всѣ сержантами, а онъ каптенармусъ или еще ничто“. Въ безпокойствѣ онъ пишетъ къ разнымъ лицамъ съ просьбою похлопотать объ отсрочкѣ и выпросить чинъ сержанта. Но, несмотря на всѣ хлопоты, производство въ желанный чинъ неслужившаго молодого человѣка, по выраженію Болотова, ни

шло, ни ѣхало. Наконецъ онъ получаетъ извѣстіе, что по просьбамъ чины стало получать трудно, а за деньги всего легче, и при помощи милостивцевъ можно надѣяться это сдѣлать рублей за триста, но для всякаго случая нужно послать пятьсотъ рублей. Нисколько не задумался Болотовъ надъ вопросомъ, насколько честно покупать чины, тогда какъ давать ихъ назначено за дѣйствительную службу государству. Напротивъ, вся семья обрадовалась такому извѣстію. „Я давно желалъ,—говоритъ Болотовъ,—чтобы все сіе можно было сдѣлать за деньги, и о пожертвованіи для сего пятисотъ рублей и слова не говорилъ; но охотно хотѣлъ ихъ потерять для сына". Вотъ какого рода идеалы развивались въ семьѣ, и какіе интересы жизни занимали юношу, вступавшаго въ жизнь. Наконецъ вожделѣнный часъ насталъ: получено было извѣстіе, что въ гвардейскихъ спискахъ явился новый молодой сержантъ, которому уже посланъ паспортъ на проживаніе въ отцовскомъ домѣ. „Съ меня тогда какъ превеликая гора съ плечъ свалилась,—говоритъ Болотовъ:—что жъ касается до сыновней радости, то была она неизобразима. Всѣ мы наперерывъ поздравляли его съ симъ чиномъ и благодарили Бога за оказанную намъ отъ Него новую милость и за избавленіе отъ трудовъ, хлопотъ и убытковъ многихъ".

И такимъ образомъ обдѣлывать всѣ свои дѣлишки чиновнику помогалъ Богъ, и съ такою вѣрою чиновникъ считалъ себя хорошимъ христіаниномъ!

Какъ ни медлилъ Болотовъ разставаться съ сыномъ, но наконецъ долженъ былъ отпустить его въ Петербургъ, чтобы вступить въ дѣйствительную службу. Впрочемъ, и тамъ нашлась возможность получить нѣкоторыя льготы, а затѣмъ съ помощью милостивцевъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и увольненіе отъ военной службы съ чиномъ капитана арміи для опредѣленія къ штатскимъ дѣламъ. Снова вернулся подъ родительское крылышко въ Богородицкъ молодой капитанъ; но штатскихъ дѣлъ долго тамъ для него не находилось. Вотъ наконецъ оказалось вакантнымъ мѣсто директора народнаго училища въ Тулѣ. Что за дѣло, что оно требовало какой-нибудь педагогической опытности, что оно не соотвѣтствовало юнымъ лѣтамъ молодого капитана; ему нужно было только мѣсто, и отецъ не задумывается начать хлопоты, и навѣрное успѣлъ бы, если бы это мѣсто намѣстникъ еще прежде не обѣщалъ другому.

Вотъ какъ относились къ службѣ лучшія и наиболѣе образованныя дворянскія семьи. Понятно, что съ нею у нихъ должны были соединиться только интересы личные. Общественное же

чувство развивалось совершенно подъ другими вліяніями. Болотовъ былъ весьма гостепріимный хозяинъ: изъ его дома не выходили гости и городскіе чиновники, и пріѣзжавшіе помѣщики, и заѣзжіе изъ другихъ городовъ; завтраки, обѣды, вечеринки, балы,—одни смѣнялись другими. Семья была въ безпрестанныхъ заботахъ объ угощеніи, что̀ и наполняло жизнь ея. Въ особенности же когда стали подростать дочери Болотова и приходилось задумываться о пріисканіи для нихъ приличныхъ жениховъ, интересы свѣтской жизни сдѣлались общими интересами всей семьи. Она уже не довольствовалась однимъ богородицкимъ обществомъ: стали придумывать разныя нужды, чтобы вкусить и отъ столичной жизни. Московскій свѣтъ былъ приманкою для всѣхъ провинціальныхъ барынь и барышень. Откровенность Болотова позволяетъ намъ представить, что это были за семейныя нужды, которыя привлекали ихъ въ Москву. „Чудное нѣчто,—говорилъ онъ,—и удивительное происходило съ нами тогда въ разсужденіи ѣзды сей и намѣренія до оной относящагося. Жена моя и дочь, такъ сказать, спали и видѣли, чтобъ туда ѣхать; что же касается до сына, то желаніе его къ тому было чрезмѣрное и какъ-то совсѣмъ необыкновенное и удивительное. Наиглавнѣйшая нужда состояла въ томъ, что у насъ былъ тамъ на примѣтѣ одинъ выгодный женихъ для нашей дочери... и всѣмъ нашимъ весьма хотѣлось, чтобъ онъ дочь мою видѣлъ и сіе дѣло совершилось. Но надобно сказать, что жениха сего никогда мы еще не видали, да и сватовства формальнаго никакого еще не было, а затѣяла и клеила это дѣло родственница его, а наша пріятельница, и весь нашъ домъ плѣнился однимъ только всеобщимъ слухомъ, что женихъ былъ весьма добрый человѣкъ, да и достатокъ имѣлъ изрядный... И такъ сія была наша первая и наиглавнѣйшая надобность. Вторая состояла въ томъ, чтобъ намъ при семъ случаѣ, будучи въ Москвѣ, поучить меньшихъ нашихъ дочерей Ольгу и Катерину танцовать... Третья, чтобъ отдать намъ двухъ мальчиковъ учиться убирать волосы, заготовляя ихъ въ приданое дочерямъ нашимъ. Четвертая нужда состояла въ томъ, что женѣ моей хотѣлось какъ себѣ, такъ и дочери, и сыну нашить платья. Пятая, чтобъ закупить и запастись годовою провизіей и кой-какими вещами, нужными для приданаго дочерняго. Шестая—чтобъ повеселиться московскими веселостями и посмотрѣть еще свѣта...“ Это признаніе Болотова типически обрисовываетъ намъ чиновно-дворянскую семью въ ея главныхъ интересахъ жизни. При такомъ общемъ настроеніи члены ея не могли расходиться между собою въ понятіяхъ. Мы не будемъ

долѣе останавливаться на ней. Но въ вопросѣ о развитіи свѣтской общественности необходимо остановиться на одномъ важномъ фактѣ. Въ 1785 году императрица Екатерина II выдала „Грамоту на право вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства“. Она дозволяетъ дворянамъ въ каждомъ намѣстничествѣ составлять общество и собираться въ той губерніи, гдѣ имѣютъ жительство. На собраніяхъ они получали право разсуждать о своихъ нуждахъ и пользахъ и заявлять о нихъ генералъ-губернаторамъ или губернаторамъ. Для собранія дворянъ въ каждомъ губернскомъ городѣ предоставлялось имъ имѣть свой собственный домъ. По пункту 57, „собраніе дворянъ ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражи“; а по пункту 15, „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго“ [1]). Пользуясь этой грамотой, дворянство каждой губерніи дѣйствительно заводило свой домъ въ губернскомъ городѣ для своихъ собраній, на которыхъ производились выборы предводителей дворянства и на разныя другія дворянскія должности. Выборы привлекали въ городъ не только дворянъ, но и ихъ семейства, которыя не понимали никакой другой общественности, кромѣ свѣтской, а она вызывала балы, обѣды, ужины, для чего собственно и съѣзжалось благородное сословіе изъ всей губерніи. Дворянскія собранія получили значеніе болѣе увеселительныхъ собраній; свѣтскіе интересы взяли перевѣсъ надъ всѣми; дворяне чувствовали себя какъ общество только на общихъ дворянскихъ обѣдахъ и балахъ; другая общественность не прививалась къ нимъ, какъ будто бы для нея не было твердой почвы. Насколько въ самомъ дѣлѣ была тверда эта почва, можно заключить изъ указа императора Александра Павловича, изданнаго въ 1801 году вслѣдъ за его воцареніемъ. Въ „Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи“ [2]) этотъ указъ обозначенъ такимъ образомъ: „О возстановленіи статей дворянской грамоты, отмѣненныхъ нѣкоторыми указами“. Тамъ между прочимъ говорится, что „въ 1797 г. генваря 3, на докладѣ Сената высочайшимъ указомъ и потомъ особыми конфирмаціями благородные за содѣянныя ими преступленія подвергались торговой казни“. Указъ 1801 года отмѣнилъ всѣ эти конфирмаціи и подтверждалъ 15 пунктъ дворянской грамоты: „Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго“. Строгій князь Щербатовъ въ своей запискѣ отозвался о той же дворянской грамотѣ такимъ образомъ: „Испекли законы, правами

[1]) Полн. собр. законовъ Рос. имп. т. XXII, № 16,187.

[2]) Т. XXVI № 19,856.

дворянскими названные, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлаютъ отягощеніе...“

V.

Карамзинъ, путешествуя въ 1790 году по Англіи, прельщался англійскою семьею и, передавая свои впечатлѣнія, дѣлалъ въ то же время и характеристику русской дворянской семьи, сложившейся въ прошедшемъ столѣтіи. Для нашего историческаго обзора намъ очень важно выставить выводы нашего писателя. Вотъ, что писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ изъ Англіи: „Здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдственно мужья счастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самые англійскіе лорды и самые англійскіе герцоги не знаютъ того всегдашняго разстоянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго хорошаго общества. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе; объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей. Англичанинъ говоритъ: я хочу быть счастливъ дома и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему счастію. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ, красавица танцуетъ до пяти часовъ утра, и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того, англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другого... Пусть назовутъ меня чѣмъ кому угодно, но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ, и говорю мысленно: „несчастные, что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди вашего семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пустоблестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя свойства сердца, но и самый умъ едва ли не безъ дѣла, гдѣ знаніе какой-то приличности составляетъ всю науку, гдѣ

быть нестраннымъ есть верхъ искусства для мужчины, и гдѣ двѣ-три женщины бываютъ для того, чтобы удивлялись красотѣ ихъ, а всѣ прочія... Богъ знаетъ для чего; гдѣ съ большими издержками и хлопотами люди проводятъ нѣсколько часовъ въ утомительной игрѣ ложнаго веселья... Если вы—родители, то пренебрегаете одну изъ святѣйшихъ обязанностей человѣчества. Въ самую ту минуту, когда ты, безпечная мать, прыгаешь въ контръ-дансѣ, маленькая дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сдѣлаться уродомъ, или семилѣтній сынъ, оставленный съ наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой-нибудь дурной примѣръ, который сѣетъ въ его сердцѣ порокъ и несчастіе... Говорю о женщинахъ, для того, что сердцу моему пріятнѣе заниматься ими, но главная вина, безъ всякаго сомнѣнія, на сторонѣ мужчинъ, которые не умѣютъ пользоваться своими правами для взаимнаго счастія и лучше хотятъ быть строптивыми рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами нѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что сила не имѣетъ нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о мужѣ, но о мужьяхъ никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего, и еслибы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными. Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустота ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе. Первое дѣло истинной философіи есть обратить человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ или на большой ужинъ? Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества; но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства, всякій долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобы пустить другого на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ хорошемъ тонѣ. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая принужденіемъ, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса. Но пріятностью общества наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ

душу, которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ, и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама натура предлагаетъ вамъ въ друзья, т.-е. между родственниками? О, милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ, и если я въ чемъ-нибудь завидую нашимъ предкамъ, то, конечно, въ привязанности ихъ къ своимъ предкамъ...“

Такой протестъ противъ крайностей въ стремленіи къ свѣтской жизни высказалъ Карамзинъ, вступаясь за нравственныя основы семейной жизни, которыхъ онъ не находилъ въ русской семьѣ. Эти крайности, впрочемъ, были по необходимому историческому закону слѣдствіемъ другой крайности — замкнутой жизни, которою отличалось XVII столѣтіе. Противъ нихъ Карамзинъ находитъ средство въ старой патріархальности, не замѣчая, что ея слѣды сохранялись и въ современныхъ ему русскихъ семьяхъ; родственныя связи тамъ существовали, но онѣ вели не къ тому, чего хотѣлось Карамзину. Ими пользовались не для удовлетворенія природной потребности въ общественности, а для успѣшнаго прохожденія табели о рангахъ: „какъ не порадѣть родному человѣчку“, слышалось еще въ слѣдующемъ поколѣніи при Грибоѣдовѣ; а при Карамзинѣ это радѣніе было еще сильнѣе. Иного употребленія въ то время нельзя было и сдѣлать изъ родственныхъ связей, такъ какъ высшіе интересы жизни каждаго заключались въ служебномъ повышеніи и отличіи. Но эти интересы не были въ то же время общественными интересами: они не соединяли людей въ одно общество, а скорѣе разъединяли ихъ: одни старались подкапываться подъ другихъ для своихъ личныхъ цѣлей. Карамзинъ, признавая потребность человѣка въ общественности, не могъ считать за общество свѣтскія собранія, и думалъ подставить подъ него дружескіе и родственные кружки. Они, конечно, могли замѣнить тѣ собранія, но они не составили бы дѣйствительнаго общества, которое требуетъ какъ непремѣннаго условія одного общаго высшаго интереса, способнаго соединить всѣхъ въ одно крѣпкое единодушное цѣлое. Но такого интереса въ русской жизни не было, и общество составила публика, сходящаяся для веселья. Отъ такого смѣшенія понятій и семья была поставлена въ ложное положеніе. Карамзинъ хорошо сознавалъ это; но средство предлагалъ не дѣйствительное.

Черезъ десять лѣтъ, т.-е. въ 1802 году, въ своемъ журналѣ „Вѣстникѣ Европы“, Карамзинъ снова касается вопроса

о русской семьѣ и опять не находитъ въ русской жизни той общественной силы, которая должна воспитывать и нравственно руководить семью. Онъ признаетъ, что патріотическое чувство могло бы всѣхъ связать въ одно крѣпкое общество, но и тутъ находитъ ложное направленіе этого чувства. „Воспитаніе дѣтей, —говоритъ онъ,—есть долгъ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества. Въ республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семейства есть всегда пѣжный сынъ отечества, съ судьбою котораго соединена участь дѣтей его... Безразсудная роскошь—слѣдствіе разсѣянной жизни, вредное для государства и правовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спастись отъ бѣдности, и къ самымъ беззаконнымъ; онъ скорѣе другого можетъ притѣснить своихъ крестьянъ и, питая гнусную алчность ростовщиковъ, поневолѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ. Мы нерѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства... Хотятъ удивить иностранцевъ, хотятъ дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи... Усердные любители отечественной славы! Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, отъ пятидесяти сюрпризовъ въ одинъ вечеръ и даже отъ французскихъ куплетовъ; она требуетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, однихъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей; требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ: вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія“. Осудивъ ложное направленіе русскаго патріотизма, Карамзинъ указываетъ, въ какую сторону слѣдуетъ его направить, чтобы дать ему значеніе общественное. „Приведите крестьянъ вашихъ въ лучшее состояніе, а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что-нибудь долговременное и полезное, учредите школу, госпиталь, будьте отцами бѣдныхъ и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободряйте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ, пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ. Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: „Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ“.

Все это ясно опредѣляетъ филантропическую сферу, которая рекомендуется для дѣятельности патріота, но нельзя не замѣтить, что тутъ смѣшиваются понятія — общество, отечество, государство, и нисколько не выясняется идея общественности, съ которою Карамзину хотѣлось бы связать жизнь семьи. То, что онъ совѣтуетъ, требуетъ отъ человѣка пожертвованій и труда, съ которыми можно прослыть за филантропа; но все это нисколько не поможетъ развиться семейнымъ добродѣтелямъ; все это зависитъ лишь отъ одной доброй воли человѣка и не можетъ обратиться въ общественную совѣсть, которая связываетъ съ извѣстными общественными идеями, имѣющими вліяніе на семью. Карамзинъ хорошо подмѣтилъ, что русская дворянская семья не давала людей съ характерами, напротивъ, во всѣхъ сферахъ дѣятельности являлись люди невыдержанные, нравственно-шаткіе, распущенные. „Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ, — спрашиваетъ онъ, — слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ рѣшительнымъ образомъ мыслей не есть ли рѣдкое явленіе?.. Родители, оставляя дѣтямъ въ наслѣдство имѣніе, должны присоединить къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для счастія. Хорошо, если отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми?—по большей части свѣтская разсѣянность, дѣйствіе полупросвѣщенія въ людяхъ и государствахъ... Совершенное просвѣщеніе находитъ средство наслаждаться временемъ, а несовершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикій американецъ цѣлый день качается на вѣтвяхъ; европеецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому играть въ карты... И сколь неравное право на любовь и благодарность дѣтей имѣютъ два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспиталъ ихъ, а другой только нанималъ учителей. Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составятъ для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ объ этомъ заранѣе...“ [1]).

Съ разныхъ сторонъ подступаетъ Карамзинъ къ русской семьѣ, чтобы найти тѣ общія нравственныя правила, которыя бы сдѣлались обязательными для каждой семьи, и по которымъ бы воспитывались люди для службы отечеству: онъ рисуетъ и идеалъ

---

[1]) „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“ – журнальная статья Карамзина.

отца, счастливаго посреди своего семейства, и идеалъ гражданина-патріота, хочетъ чѣмъ-то замѣнить свѣтское общество, развращающее семью, но все сводится къ одному: будетъ нравственнымъ человѣкомъ отецъ, будетъ нравственна и семья. А какъ и чѣмъ удержать его въ предѣлахъ нравственности, какъ воспитать характеръ и рѣшительный образъ мыслей въ молодомъ человѣкѣ,—на эти вопросы не нашлось отвѣтовъ и у Карамзина.

Въ то время, какъ Карамзинъ мягко и осторожно доказывалъ, что у насъ нѣтъ настоящаго гражданскаго патріотизма [1]), другой писатель, его литературный противникъ, Шишковъ, открыто гнѣвно и не затрудняясь въ словахъ, нападалъ на русское семейное воспитаніе, подавляющее чувство патріотизма; но причину тому онъ видѣлъ въ пристрастіи къ иноземному образованію и винилъ французовъ, сдѣлавшихся воспитателями въ русскихъ семьяхъ: „Ненависть къ языку своему (а съ нимъ понемногу, постепенно и къ сродству, и къ обычаямъ, и къ вѣрѣ, и къ отечеству) уже такъ сильно вкоренилась въ насъ, что мы видимъ множество отцовъ и матерей, радующихся и утѣшающихся, когда дѣти ихъ, не умѣя порядочно грамотѣ, лепечутъ полу-русскимъ языкомъ; когда они вмѣсто: зданія, говорятъ: едифисъ; вмѣсто: меня удивило—мени фрапировало и пр. Я самъ слышалъ одного дядю, который племянника своего, называвшаго людей его слугами, училъ, чтобы онъ впредь отъ этого простонароднаго названія отвыкалъ, утверждая, что между знающими свѣтское обращеніе людьми никогда не говорится слуга, а всегда лакей. Какъ нынѣ смѣшенъ и страненъ покажется тотъ пріѣзжій развѣ изъ глухой деревни отецъ, который съ неосторожностью молвитъ: у меня дѣтей моихъ грамотѣ обучаетъ русскій попъ, а воспитываю ихъ я самъ. Напротивъ, какъ благороденъ и просвѣщенъ тотъ, который съ остроуміемъ скажетъ: какъ я счастливъ, я отдалъ сегодня дѣтей моихъ на воспитаніе французскому аббату. Я чувствую, что здѣсь въ тысячу голосовъ возопіютъ на меня: сумасшедшій! что ты бредишь! да есть ли у насъ такіе учители, которымъ бы воспитаніе дѣтей поручить можно было? Изъ сихъ тысячи голосовъ я отвѣчаю только нѣкоторымъ: во-первыхъ, я подъ именемъ воспитанія разумѣю больше полезный отечеству духъ, нежели легкое тѣлодвиженіе; во-вторыхъ, доколѣ не перестанемъ мы ненавидѣть свое и любить чужое, до тѣхъ поръ ничего у насъ не будетъ. Англичанинъ не гоняется за французскимъ воспитаніемъ и за

[1]) См. „О любви къ отечеству и народной гордости“.

языкомъ ихъ, не напимаетъ кучеровъ ихъ учить себя; но онъ англичанинъ: дѣлами искусенъ, словами краснорѣчивъ, нравомъ добръ и свѣтскимъ обращеніемъ пріятенъ посвоему. Народъ, который все перенимаетъ у другого, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя и теряетъ собственное свое достоинство; онъ не смѣетъ быть господиномъ, онъ рабствуетъ, онъ носитъ оковы его, и оковы тѣмъ крѣпчайшія, что не гнушается ими, но почитаетъ ихъ своимъ украшеніемъ... Когда сообщеніемъ своимъ сблизились мы съ чужестранными народами, а особливо французами, тогда вмѣсто занятія отъ нихъ единыхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ, стали перенимать мелочные ихъ обычаи, наружные виды, телѣсныя украшенія и часъ отъ часу дѣлаться все болѣе совершенными ихъ обезьянами. Все то, что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться и даже какъ сморкаться и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по-французски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣть русскую пѣсню. Мы кликнули кличъ: кто изъ французовъ, какого бы роду, званія и состоянія онъ ни былъ, хочетъ за дорогую плату, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностью, принять на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣтей. Явились ихъ престрашныя толпы; стали насъ брить, стричь, чесать. Научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлаютъ; презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами... Вотъ что сами французы о насъ пишутъ. Бывшій при посольствѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны съ посломъ французскимъ Опиталемъ г. Мессальеръ, между прочимъ, описывая пребываніе свое въ Петербургѣ, говоритъ: „Мы обступлены были тучею всякаго рода французовъ, изъ конхъ главная часть, поссорясь съ парижскою полиціею, пришла заражать сѣверныя страны. Мы поражены были удивленіемъ и сожалѣніемъ, нашедъ у многихъ знатныхъ господъ бѣглецовъ, промотавшихся, распутныхъ людей и множество такого же рода женщинъ, которымъ, по предубѣжденію къ французамъ, поручено было воспитаніе дѣтей самыхъ знаменитѣйшихъ... Вообразимъ себѣ успѣхи сей заразы, столь издавна водворившейся между нами и отчасу болѣе распространяющейся. Когда и самый благоразумный и честный чужестранецъ не можетъ безъ нѣкотораго труда воспитать чужой земли юношу, то какой же произведутъ вредъ множество такихъ

воспитателей, изъ коихъ главная часть состоитъ изъ невѣждъ и развращенныхъ правилъ людей. Съ нравственностью не то дѣлается, что съ естественностью: курица, высиженная и вскормленная уткою, останется курицею, а не пойдетъ за нею въ воду, но русскій, воспитанный французомъ, всегда будетъ больше французъ, нежели русскій... Однимъ словомъ, они запрягли насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляютъ нами; а мы ихъ возимъ съ гордостью, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не спѣшатъ отличать себя честью возить ихъ. Не могли они истребить въ насъ свойственнаго намъ духа храбрости, но и тотъ не защищаетъ насъ отъ нихъ: мы учителей своихъ побѣждаемъ оружіемъ; а они побѣдителей своихъ побѣждаютъ комедіями, романами, пудрою, гребенками..." [1]).

Грозно обвиняя воспитаніе русской семьи, Шишковъ въ то же время не задавался вопросомъ о причинѣ такого явленія въ нашей жизни. Подобно Карамзину онъ ставилъ русскимъ людямъ въ примѣръ англичанъ, но и тутъ не спрашивалъ себя: чѣмъ застрахованы англичане отъ тѣхъ увлеченій, которымъ съ такой страстностью отдавалась новая русская семья. Онъ не могъ замѣтить, что разница заключалась въ самой идеѣ общественности, которая давала жизни направленіе. У однихъ преобладала идея гражданской общественности, у другихъ общественности свѣтской; изъ той и другой развивались свои идеалы, проникавшіе и въ семейное воспитаніе. Какъ мало въ русской семьѣ было силы, сдерживающей отъ увлеченія свѣтскими идеалами, лучше всего можно видѣть на самомъ Шишковѣ. Онъ, повидимому, такой страстный патріотъ, такой горячій защитникъ народности, такой ненавистникъ французскихъ модъ,—самъ въ своей семьѣ не могъ направить воспитанія по иному идеалу. Судя по его статьямъ, можно бы было подумать, что онъ-то и отличался тою твердостью характера, какой Карамзинъ съ сожалѣніемъ не находилъ въ русскихъ образованныхъ людяхъ. Но на самомъ дѣлѣ и въ Шишковѣ не было этой твердости, хотя онъ и отличался значительнымъ упрямствомъ въ характерѣ. У него не было своихъ дѣтей; но онъ принялъ на воспитаніе сыновей своего брата. Можно было ожидать, что онъ на дѣлѣ оправдаетъ свои слова и не пойдетъ въ слѣдъ за тѣми семьями, на которыя онъ такъ нападалъ за ихъ обезьянство. Но на практикѣ одно отрицаніе безъ яснаго идеала оказалось безсильнымъ. У племянниковъ Шишкова явился французъ-гувернеръ, и въ домѣ

[1]) Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка, Шишкова, 1803 г.

его сталъ раздаваться французскій языкъ, какъ и въ другихъ русскихъ домахъ. Его супруга другого воспитанія не знала, а самъ онъ кромѣ старинныхъ славяно-русскихъ книгъ, языкомъ которыхъ восхищался, не могъ представить никакого другого воспитательнаго матеріала. По какому образцу можно было воспитывать, если образованіе прежде всего оцѣнивалось въ свѣтскомъ обществѣ? На практикѣ Шишковъ оказался безсильнымъ передъ своей практической супругой. Правда, и ея воспитательные труды не оправдались успѣхомъ: изъ ея воспитанниковъ ничего не вышло; но не выходило ничего и изъ большинства другихъ семей. Этимъ только и можно было утѣшаться.

VI.

Въ то время какъ свѣтскость или людкость сильно развивалась въ нашихъ дворянскихъ семьяхъ и смягчала нравы въ отношеніяхъ между дѣтьми и родителями, русское законодательство въ этихъ семейныхъ вопросахъ не сдѣлало никакихъ перемѣнъ и смягченій и продолжало судить всѣ семейныя столкновенія по уложенію царя Алексѣя Михайловича. Только въ 1802 году сенатъ пришелъ въ недоумѣніе, разсуждая объ одномъ дѣлѣ, въ которомъ, согласно съ уложеніемъ, назначалось дочери строгое наказаніе за неповиновеніе матери; но дочь была замужняя, и по тому же уложенію обязана была во всемъ повиноваться волѣ мужа, а за непослушаніе также подвергалась не менѣе строгому наказанію. Въ данномъ случаѣ воля матери и воля мужа оказались въ совершенномъ противорѣчіи: бѣдной женщинѣ не было никакого спасенія отъ суда и наказанія. Сенатъ въ общемъ собраніи призналъ противорѣчіе и высказалъ такое мнѣніе: „хотя весьма справедливо, что дочь, оставившая домъ свой и прилѣпившаяся къ мужу, не можетъ уже быть подвержена повиновенію родителей въ такой же мѣрѣ, какъ другія дѣти, при родителяхъ еще пребывающія, поелику одно лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковыя суть родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, а особливо въ случаѣ могущей быть между изволеніями ихъ противоположности; но законы (существующіе), почтеніе и повиновеніе къ родителямъ предписующіе, не только никакихъ границъ ихъ власти, ни различія между дѣтей отдѣленныхъ съ неотдѣленными не предполагаютъ, но опредѣляютъ за неисполненіе оныхъ жестокое дѣтямъ наказаніе даже безъ суда“. Чтобы

выйти изъ такого противорѣчія, сенатъ постановилъ передавать подобныя дѣла совѣстнымъ судамъ, „гдѣ правосудіе, соединенное съ благотворительностью, свободнѣе силу закона съ возможностью случая сообразить можетъ“. При этомъ предписывалось: „осужденіе лицъ дворянскаго и чиновнаго достоинства черезъ сенатъ представлять на высочайшее благоусмотрѣніе“. [1]).

Совѣстные суды имѣли болѣе свободы въ справедливомъ разрѣшеніи всѣхъ семейныхъ несогласій; поэтому, пользуясь изданнымъ въ 1802 году закономъ, къ нимъ стали обращаться во всѣхъ случаяхъ столкновенія родителей съ дѣтьми, такъ что въ 1809 году сенатъ нашелъ нужнымъ подтвердить старые законы уложенія, касающіеся силы родительской власти, съ поясненіемъ, что совѣстнымъ судамъ принадлежитъ сужденіе дѣлъ объ однихъ только замужнихъ дочеряхъ, выходящихъ изъ повиновенія родителей, а не вообще обо всѣхъ дѣтяхъ“ [1]).

Въ то время, какъ наше законодательство силилось удержать русскую семью на старинныхъ патріархальныхъ отношеніяхъ, наша дворянская и чиновничья семья далеко отошла отъ нихъ, силясь усвоить себѣ понятія, вырабатываемыя западнымъ образованіемъ. Это усвоеніе шло путемъ ложнымъ, черезъ наемныхъ иностранцевъ, часто вовсе необразованныхъ, которые воспитывали какихъ-то неодушевленныхъ космополитовъ, и имѣли на семью растлѣвающее нравственное вліяніе, подрывая всякое уваженіе къ родной землѣ. Въ особенности же вліяніе этихъ воспитателей было сильно въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, когда французскіе эмигранты толпами являлись въ Россію, предлагая свои воспитательныя услуги. Это уже не были какіе-нибудь парикмахеры или гулящіе дезертеры; это были люди по большей части съ дворянскими именами, болѣе или менѣе образованные, и притомъ ненавистники республиканскихъ идей. Русскимъ дворянскимъ семьямъ было лестно принимать ихъ въ свою среду въ качествѣ воспитателей; а сильный наплывъ ихъ далъ возможность не только въ столичныхъ, но и въ отдаленныхъ помѣщичьихъ семьяхъ заводиться французами. А между тѣмъ воспитаніе русской семьи ничего отъ этого не выиграло: она потеряла всякіе воспитательные принципы и послужила къ нравственному разслабленію. До какой степени оно стало сильно въ русскихъ аристократическихъ семьяхъ—доказываетъ успѣхъ іезуитовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, въ

[1]) Полн. собр. зак. рос. имп., т. XXVII, № 20.519.

[1]) Тамъ же, т. XXX, № 23.960.

то время какъ они были осуждены папскою буллою, уничтожены какъ общество и изгнаны изъ всѣхъ даже католическихъ земель. Въ православной же Россіи они нашли себѣ не только пріютъ, но и возможность не оставаться безъ дѣла, благодаря почвѣ, подготовленной воспитаніемъ русской семьи, которая уже не могла найти въ себѣ силы для надлежащаго отпора. Конечно, въ исторіи іезуитовъ было записано, какъ они олатинивали и ополячивали русскихъ князей XVI и XVII стол. въ юго-западномъ русскомъ краѣ; не могли они отказаться и теперь отъ подобныхъ же попытокъ.

Вотъ какія страницы читаемъ мы въ книгѣ Морошкина, „Іезуиты въ Россіи“: „При императорѣ Павлѣ I латиняне старались распространить слухъ, что между православіемъ и латинствомъ нѣтъ существеннаго различія, а іезуиты утверждали и внушали вліятельнымъ лицамъ при русскомъ правительствѣ, что латинство есть единственное христіанское исповѣданіе, поддерживающее начало монархическое, воспитывающее народы въ чувствахъ безпрекословной покорности властямъ, въ правилахъ нравственности и благочестія. Мысли эти, при ревностномъ усердіи разныхъ эмигрантовъ изъ Франціи и Италіи, разныхъ кавалеровъ мальтійскаго ордена, а преимущественно іезуитовъ, все болѣе и болѣе распространялись въ царствованіе императора Павла между русскою знатью и обобщались. Чѣмъ сильнѣе усвоялись эти идеи русскою вліятельною средою, тѣмъ легче стали смотрѣть на переходы русскихъ въ латинство, тѣмъ съ большимъ безстрашіемъ и смѣлостью дѣйствовала въ царствованіе Павла I латинская пропаганда. До какой степени духъ латинства проникъ въ это время въ среду русской знати, до какой степени іезуиты успѣли обработать ее въ своихъ видахъ, это открывается изъ письма къ папѣ папскаго нунція при дворѣ Павла, кардинала Литты, который ходатайство свое передъ папою о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи мотивировалъ тѣмъ, что это есть желаніе императора русскаго и русскаго дворянства. Литта, по своему положенію и своимъ отношеніямъ къ тогдашнему русскому обществу, не могъ не знать духа и настроенія этого общества, онъ могъ писать такого рода письма, только хорошо пощупавши пульсъ русской знати и вѣрно узнавши, какъ онъ у ней бьется... Дѣйствительно, мы имѣемъ уже положительныя и прямыя свидѣтельства изъ этой эпохи о совершившихся совращеніяхъ русскихъ въ латинство. Лица этого рода принадлежатъ преимущественно знатнымъ русскимъ фамиліямъ, именно къ фамиліи Васильчиковыхъ, Голицыныхъ, Шува-

ловыхъ, Протасовыхъ и другихъ. Первою жертвою совращенія въ латинство въ царствованіе Павла I была княгиня Александра Петровна Голицына, жена шталмейстера и сенатора, урожденная Протасова. Время совращенія ея, по словамъ Свѣчиной и по свидѣтельству дочери ея, относится къ 1800 г. Лишившись въ этомъ году своего мужа, она стала искать въ религіи утѣшенія себѣ въ горѣ, но это религіозное утѣшеніе явилось ей не подъ формой православія, а латинства... Исключительное положеніе Голицыной—состояніе вдовства—доставило благовидный предлогъ іезуиту приступить къ ней съ предложеніемъ своихъ услугъ религіознаго утѣшенія, а особенности положенія вообще фамиліи Голицыныхъ внушили ему вѣрныя надежды на успѣхъ совращенія не только одной вдовы Голицыной, но и многихъ членовъ этого рода, даже многихъ другихъ знатныхъ русскихъ домовъ“...

„Одинъ изъ Голицыныхъ, женившійся на преданной до фанатизма іезуитамъ, графинѣ Шметтау, спокойно позволялъ женѣ своей совращать дѣтей своихъ въ латинство; не вѣруя самъ въ Бога, онъ равнодушно терпѣлъ іезуитовъ въ своемъ домѣ и позволилъ имъ воспитывать дѣтей его въ правилахъ латинства... За совращеніемъ въ латинство Александры Голицыной, быстро послѣдовало отступничество отъ православія ея сестеръ, графини Растопчиной, графини Протасовой, Васильчиковой, графини Толстой, Шуваловой, Головиной, не говоря уже о совращеніи ею дѣтей своихъ и другихъ ближайшихъ родственниковъ. Такимъ образомъ, латинская пропаганда, какъ повѣтріе, быстро понеслась по нашимъ знатнымъ домамъ“ [1])...

Съ другой стороны, наши богатыя дворянскія семьи, не имѣя яснаго понятія о настоящемъ воспитаніи и въ то же время заботясь о блестящемъ воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, сами отдавали ихъ въ руки іезуитамъ, которые, конечно, по своему воспитывали русское юношество. Первый починъ былъ сдѣланъ французскимъ аббатомъ-іезуитомъ Николемъ, котораго привезъ съ собою въ Россію, еще при имп. Екатеринѣ II, извѣстный эмигрантъ графъ Шуазель, въ качествѣ воспитателя своихъ дѣтей. Графъ расхваливалъ его всѣмъ, какъ отличнаго воспитателя. Русскія барыни, очарованныя аббатовою рѣчью, стали за нимъ ухаживать и плѣнились мыслью открыть въ Петербургѣ французскій пансіонъ подъ главнымъ управленіемъ аббата Николя. И вотъ на Фонтанкѣ у Обухова моста явился

[1]) Іезуиты въ Россіи, М. Морошкина, ч. I, стр. 492—98.

аристократическій пансіонъ, куда положено было принимать только однихъ сыновей вельможъ за страшно-дорогую плату. И охотниковъ нашлось много: Юсуповы, Голицыны, Орловы, Нарышкины, Гагарины, Меншиковы, Плещеевы, Бенкендорфы, Волконскіе, Полторацкіе, Дмитріевы и длинный рядъ боярскихъ сыновей, которые перерабатывались умѣлою рукою изъ сыновей Россіи въ сыновей Франціи, какъ ловко замѣчаетъ біографъ Николя. Въ сотрудники къ себѣ онъ пригласилъ другихъ опытныхъ французовъ-іезуитовъ; а отцы и матери не нахвалились образцовыми методами воспитанія [1]).

Николь подготовилъ почву для дальнѣйшихъ подвиговъ іезуитовъ въ русскомъ воспитательномъ дѣлѣ, въ которомъ главнымъ руководителемъ въ началѣ настоящаго столѣтія явился знаменитый іезуитъ Груберъ. Онъ умѣлъ не только обольщать и подчинять своему вліянію довѣрчивыхъ и полуобразованныхъ русскихъ вельможъ, но и обходить само правительство, которое уже послѣ многихъ лѣтъ, наконецъ, спохватилось, въ какія руки оно попало, и въ 1815 г. удалило іезуитовъ изъ обѣихъ столицъ, а вскорѣ за тѣмъ и совсѣмъ изгнало изъ русскихъ предѣловъ. Въ своемъ указѣ правительство, конечно, винило только однихъ іезуитовъ, а на русскія семьи смотрѣло какъ на несчастныя ихъ жертвы; „отцы и матери,—говорилось въ указѣ,—безбоязненно ввѣряли имъ дѣтей своихъ для обученія наукъ и благонравія... Но они начали сдѣланную имъ довѣренность употреблять во зло: стали порученныхъ имъ юношей и нѣкоторыя лица изъ слабѣйшаго женскаго пола отвлекать отъ нашего и прельщать въ свое вѣроисповѣданіе, домогаться сдѣлать человѣка отпадшимъ отъ своей вѣры, погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, согражданамъ своимъ, отдѣлить его отъ духа отечества, посѣять раздоръ и вражду между семействами, отторгнуть брата отъ брата, сына отъ отца и дочь отъ матери, водворить несогласіе между чадами единыя церкви“ [2])...

Обвиняя во всемъ іезуитовъ, русское правительство не видѣло другихъ печальныхъ сторонъ этого дѣла. Что могли бы сдѣлать сами собою іезуиты, если бы не находили покровительства и поддержки во многихъ правительственныхъ лицахъ, между которыми одни были пришельцы-иностранцы, получившіе видныя служебныя мѣста и силу при дворѣ безъ всякихъ заслугъ, и сочувствовавшіе іезуитскимъ стремленіямъ; другіе же хотя были и

---

[1]) Тамъ же, ч. II, стр. 113, 114.

[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 516.

русскіе, но люди продажные, понимавшіе службу какъ источникъ наживы и связанные съ отечествомъ не какими-нибудь нравственными чувствами, а одними доходами, безъ всякаго разбора, законные они или нѣтъ. Бѣда, впрочемъ, была не въ томъ, что нѣсколько десятковъ вельможныхъ семей перешло въ латинство; они и безъ того не были бы родными сынами Россіи. Главное же, что въ этомъ легкомъ переходѣ отъ одного вѣроисповѣданія къ другому обнаружилось крайнее нравственное безсиліе русской семьи. Она не могла углубиться въ смыслъ истиннаго просвѣщенія Западной Европы, а въ погонѣ за нимъ потеряла всѣ свои старыя преданія и все то, что̀ связываетъ семью съ родной землей. Ничего она не выработала кромѣ идеала свѣтскаго человѣка; но онъ не можетъ удовлетворять во всѣ минуты жизни; для многихъ минутъ въ запасѣ не оказывалось ничего, что̀ успокоивало бы душу. Въ этомъ случаѣ достаточно самаго ничтожнаго давленія, чтобы подчинить ее себѣ и направить куда угодно. Іезуитство представляло изъ себя общество, которому приписывались высшіе интересы жизни. Утомленные свѣтскою общественностью бросались въ это общество, потому что никакого другого не представлялось или, лучше сказать, никто другой не думалъ такъ настойчиво развивать прелесть какого-либо общества. Іезуиты умѣли только пользоваться удобными случаями, хорошо понимая потребности души въ данныя минуты. Они исполняли, такъ сказать, свое назначеніе. И если ихъ пустили въ извѣстную среду, то ничего другого не могли они и дѣлать. Конечно, далеко не всѣ семьи они могли совратить, но все же нравственною слабостью отличалось большинство изъ нашихъ семей образованнаго круга.

VII.

Еще въ царствованіе Екатерины II естественное стремленіе нравственно развитыхъ людей къ общественной дѣятельности, не удовлетворяемое сухими и часто безжизненными формальностями чиновничьей службы, находило себѣ нѣкоторый исходъ въ масонскихъ собраніяхъ и въ разныхъ благотворительныхъ кружкахъ, между которыми видное мѣсто занимали дружеское общество и типографское товарищество Новикова и Шварца. Они думали направить общественныя силы на благотвореніе и на распространеніе въ массѣ истиннаго просвѣщенія, связавъ себя въ то же время съ семьею разработкою здравыхъ педагогиче-

скихъ началъ. Но представители идеи государственности, которая стремилась охватить всѣ стороны русской жизни, отнеслись слишкомъ ревниво къ дѣятельности этихъ кружковъ и видѣли въ нихъ какъ бы покушеніе умалить или даже подточить прочность государственной силы. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться этою новою живою силою въ выгодахъ государства и народа, они, напротивъ, сразу подавили ее и такъ запугали всѣхъ, что охотниковъ на подобную дѣятельность уже не могло найтись. Являлись и имѣли возможность существовать только спеціальные ученые кружки подъ именемъ обществъ съ разными названіями. Но эти кружки могли вызывать къ дѣятельности только очень и очень немногихъ, и если они имѣютъ значеніе, то никакъ не въ исторіи нашихъ общественныхъ и семейныхъ идеаловъ.

Въ XIX столѣтіи романтическія стремленія дать въ жизни просторъ личному чувству, навѣянныя нѣмецкою поэзіею, не находили себѣ удовлетворенія въ свѣтской общественности: тамъ господствовали ложь, притворство, мелкое тщеславіе; новые идеалы стали переноситься въ тихую семейную жизнь, которая могла представить лучшую обстановку для истиннаго счастья. Это и высказываетъ романтикъ чистѣйшей крови, Жуковскій. „Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейною жизнью, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ“ [1]), говоритъ онъ и доказываетъ, что свѣтское общество существуетъ не для такихъ людей. Только въ этихъ двухъ сферахъ ему и представляется жизнь; въ иныя онъ и не заглядываетъ, потому что русская дѣйствительность не представляла никакой другой сферы для развитія идеаловъ. Правда, онъ упоминаетъ о честной службѣ отечеству, объ обязанностяхъ быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но все это является въ какомъ-то туманѣ, неясно, неопредѣленно и все поневолѣ сводится къ чиновничьей службѣ, въ которой счастливцы выплываютъ и награждаются вниманіемъ свѣта, а прочіе тонутъ безслѣдно; тамъ представляется міръ какой-то темный, неизслѣдованный, міръ безъ идеаловъ, слѣдовательно тамъ нечего и искать прямо добраго и счастливаго человѣка. Не разъ употребляетъ поэтъ и слово „гражданинъ“, но тоже съ неяснымъ понятіемъ, которое легко можетъ смѣшаться съ словомъ „чиновникъ“. Отношенія семьи къ этому міру у него не выясняются, тогда какъ семья и свѣтское общество поставлены въ отношенія, вполнѣ опредѣленныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и едва ли возможныя: между ними является какъ бы

[1]) См. его разсужденіе: „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“?

полный разрывъ. Свѣтское общество—для людей тщеславныхъ, честолюбивыхъ, вѣтреныхъ, ищущихъ блестѣть своими внѣшними достоинствами; семья—для людей съ добрымъ сердцемъ, ищущихъ прочнаго, истиннаго счастья. „Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, какимъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые, счастливцы міра живутъ, отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга: они боятся вступить въ его святилище. Что принесутъ въ него они съ собою? Мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное посреди удовольствій однообразныхъ, но сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной... Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: погонишься ли за блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ честныя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію?.. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и честный источникъ гражданскихъ добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, семьянинъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца, о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностью своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклониться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли—къ счастью, основанному на совершенствѣ моральномъ,—который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, котораго довольный одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда? Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только посторонними; главная дѣятельность его внутри семейства—мирная счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ него унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, исцѣляетъ“...

Какъ ни привлекательна эта романическая жизнь въ семей-

ной сферѣ, но нужно признаться, что она скорѣе похожа на голубиное гнѣздо, чѣмъ на семейство нравственно-развитого человѣка, у него не оказывается никакихъ нравственныхъ связей съ остальнымъ міромъ, такъ какъ всѣ обязанности внѣ семейнаго круга почитаетъ онъ посторонними. Такимъ образомъ, любящая, нравственная и счастливая семья остается уединенною. Естественное стремленіе человѣка къ общественности остается или подавленнымъ, или неудовлетвореннымъ; значитъ, и чувство общественности останется безъ развитія, а его мѣсто непремѣнно займетъ самый крайній семейный эгоизмъ. И вотъ прямо добрый и прямо счастливый человѣкъ въ то же время и грубый эгоистъ. Гдѣ же тутъ основанія для нравственности? Но кромѣ того, поэтъ, увлекаясь своимъ идеаломъ семьянина, забываетъ или обходитъ самыя главныя семейныя его обязанности—воспитаніе дѣтей. Для чего, для какой жизни онъ будетъ ихъ воспитывать? Неужели также для того же голубинаго гнѣзда? Конечно, мы можемъ ожидать отвѣта: воспитывать на службу отечеству, чтобы быть хорошимъ гражданиномъ, такъ какъ эти прекрасныя слова онъ не разъ употребляетъ въ своемъ разсужденіи. Но вѣдь для такого дѣла, если съ самыми словами соединять надлежащія понятія, нельзя быть человѣкомъ съ подавленными общественными стремленіями, безъ чувства общественности, эгоистомъ, живущимъ только для собственнаго счастія, который почитаетъ всѣ обязанности внѣ семейнаго круга посторонними, у котораго слѣдственно не можетъ быть никакого общественнаго идеала. Значитъ, ему нельзя будетъ по совѣсти выполнить и тѣ обязанности, которыя нашъ поэтъ навѣрно считаетъ священными.

Такимъ образомъ, русская дѣйствительность не давала поэту почвы для высшаго нравственнаго идеала въ связи съ вопросомъ о счастіи человѣка,—идеала, который бы связалъ всѣ семьи въ одно общество, крѣпкое своею нравственною силою въ противоположность тому разслабленному свѣтскому обществу, отъ котораго во имя истинной нравственности онъ хотѣлъ оторвать семью. Но его прекрасный, на первый взглядъ, семейный идеалъ, какъ мы видѣли, не спасалъ отъ эгоизма, для развитія котораго было достаточно основаній и въ дѣйствительной русской жизни.

Такой идеалъ не удовлетворялъ русскихъ людей нравственно развитыхъ и съ дѣятельнымъ умомъ, которые въ молодые годы искали не наслажденій въ замкнутой семейной жизни, а живой и плодотворной дѣятельности. Не находя ее въ жизни свѣтскаго общества, они не могли мириться и съ его идеалами, не

могли подчиняться его мнѣніямъ и стали чувствовать прежде всего въ самихъ себѣ пустоту, которую напрасно старались чѣмъ-нибудь наполнить. Стоитъ только прочесть біографіи нѣкоторыхъ наиболѣе развитыхъ личностей, воспитавшихся въ первой четверти настоящаго столѣтія, чтобы видѣть, до какого тяжелаго душевнаго настроенія доходили они въ сознаніи своего безсилія внести въ жизнь болѣе высокіе общественные идеалы въ связи съ исканіемъ личнаго труда на общую пользу. Такъ томились и Батюшковъ, и Грибоѣдовъ, доходя до отрицанія въ себѣ всякаго таланта, до боязливаго сознанія безполезности собственнаго существованія, до признанія себя за лишнихъ людей въ общей жизни, и наконецъ даже до мысли о самоубійствѣ. Такимъ людямъ было дѣйствительно „горе отъ ума“, потому что развитой ихъ умъ не могъ мириться съ тѣми понятіями и стремленіями, которыя господствовали въ обществѣ, а, осуждая ихъ, приносилъ лишь одно горе. Комедія Грибоѣдова живо рисуетъ намъ отношеніе русской чиновной семьи, сложившейся на тѣхъ основаніяхъ, на которыя мы уже указывали, къ той силѣ, которая называлась общественною силою, представляетъ и тотъ существенный разладъ, который впервые сталъ выказываться между старымъ поколѣніемъ и лучшими представителями поколѣнія новаго, пока еще составившими очень маленькій кружокъ. Разладъ былъ не въ томъ, что одни были ученѣе другихъ: ученость была не велика и у старыхъ и у молодыхъ, но понятія, на которыхъ крѣпится жизнь, которыя переходятъ въ совѣсть, были совсѣмъ несоединимы. Но тутъ разладъ вышелъ еще не въ семьѣ, не между отцами и дѣтьми, а между кружкомъ образованной молодежи съ новыми европейскими идеалами и свѣтскимъ обществомъ, которое воображало, что оно составляетъ и государственную силу, крѣпко держась за крѣпостное право и за табель о рангахъ. И оно дѣйствительно было страшною силою уже по тому одному, что отъ его оцѣнки зависѣла судьба человѣка и всѣ его выгоды въ жизни, а оно оцѣнивало по своимъ свѣтскимъ идеаламъ. Если „свѣтъ“ рѣшитъ, что мододой человѣкъ „уменъ и очень милъ“, то судьба его обезпечена также и на служебномъ поприщѣ. Пушкинъ своимъ Евгеніемъ Онѣгинымъ дополняетъ комедію Грибоѣдова. Оба эти произведенія служатъ прекрасной характеристикой для русской семьи и общества и ихъ отношеній между собою въ первой четверти настоящаго столѣтія... Самая жизнь нашего геніальнаго поэта подтверждаетъ тѣ выводы, которые вытекаютъ сами собою изъ его романа.

Русскій либерализмъ того времени главнымъ образомъ заключался въ протестѣ противъ крѣпостного права, противъ чиновничьяго произвола и всѣхъ тѣхъ слѣдствій, которыя оттуда вытекали. Но несмотря на то, что почва его въ русской дѣйствительности была уже слишкомъ нетвердая и шаткая, молодые протестанты черезчуръ поторопились заявлять свое политическое значеніе... Какъ извѣстно, слѣдствіе для нихъ было крайне печальное. Волна быстро смыла ихъ и потопила. А затѣмъ настала другая эпоха въ историческомъ развитіи русской семьи. Государство окончательно признало ее неспособною воспитывать дѣтей въ тѣхъ принципахъ, которые хотѣло положить въ основаніе русской жизни. Еще въ царствованіе императора Александра Павловича значительно было увеличено число казенныхъ воспитательныхъ заведеній, преимущественно военныхъ, и женскихъ институтовъ, куда привлекались дѣти изъ дворянскихъ семей. Въ слѣдующее царствованіе на нихъ было обращено особенное вниманіе: при каждой гимназіи въ столицахъ и въ губернскихъ городахъ заводились пансіоны, гдѣ даромъ или сравнительно за небольшую плату дѣти получали воспитаніе вмѣстѣ съ спеціальнымъ образованіемъ для какой-либо опредѣленной государственной службы. Выгода для семьи была привлекательная. Воспитаніе дѣтей съ десятилѣтняго возраста почти ничего не стоило, да кромѣ того обезпечивало и будущую карьеру, въ особенности же въ военныхъ корпусахъ. И вотъ со всѣхъ сторонъ русской земли стали свозить дѣтей въ извѣстные центры на казенное воспитаніе. Въ исторіи русской семьи нельзя обойти этого факта: онъ остался не безъ вліянія на ея духъ. Нѣтъ сомнѣнія, что удаленіе отъ семьи въ раннемъ возрастѣ не могло способствовать сближенію между родителями и дѣтьми, не могло развить въ нихъ откровенности и скрѣпить ихъ прочными нравственными узами. Семья уже теряла значеніе въ воспитаніи; значитъ, на половину теряла и ту нравственную силу, которая должна въ ней заключаться: съ нея снималась отвѣтственность за будущаго члена общества, а съ этимъ вмѣстѣ ослаблялись и заботы о томъ, чтобъ выяснить себѣ идею воспитанія и прилагать ее къ дѣлу. Все равно—какъ ни воспитывай, въ казенномъ заведеніи вышколятъ посвоему, и тебя не спросятъ! Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло являться никакихъ воспитательныхъ идеаловъ; ребенка до десяти лѣтъ вскармливали по традиціямъ старыхъ нянекъ и выращивали подъ впечатлѣніемъ крѣпостного права и затѣмъ передавали въ полное распоряженіе казеннаго заведенія, уступая ему всѣ свои родительскія права.

Очень естественно, что русская семья не выучилась воспитывать дѣтей и не могла привлекать ихъ въ тѣсный союзъ съ собою.

Казенныя заведенія съ своей стороны смотрѣли на воспитаніе очень своеобразно: они не задавались никакими педагогическими задачами, которыя требовали знакомства съ человѣческой природой. Идеальная цѣль ихъ была приготовить человѣка, проникнутаго самой строгой субординаціей, безотвѣтнаго передъ начальствомъ, безъ разсужденій исполняющаго всѣ его распоряженія. Лучшимъ средствомъ для такого воспитанія были признаны казарменная дисциплина, наружная выправка, а лучшими воспитателями являлись, конечно, военные люди, пріобыкшіе выправлять солдатъ по военному регламенту, и при этомъ полное непониманіе дѣтской натуры, самыя неясныя и сбивчивыя понятія о нравственности. Идеальнымъ заведеніемъ считалось такое, которое поражало блестящей чистотой, внѣшнимъ порядкомъ, веселымъ, хотя бы и притворнымъ видомъ воспитанниковъ и числомъ строгихъ командировъ. Идеальнымъ воспитателемъ являлся тотъ, кто не давалъ дѣтямъ никакой потачки, требовалъ отъ нихъ совершенства съ первыхъ же дней въ заведеніи, и умѣлъ ихъ застращивать и обезличивать. Идеальнымъ воспитанникомъ аттестовался такой, который легко позволилъ сломить свою природу, сдѣлать изъ себя послушную машину, и который при этомъ прилежно выучивалъ всѣ задаваемые уроки, даже не задумываясь надъ тѣмъ, для чего они ему задаются. И какъ калѣчились всѣ эти дѣтскія натуры, какая безнравственность царила за той блестящей внѣшностью, объ этомъ свидѣтельствуютъ воспоминанія тѣхъ, которые прошли эту воспитательную школу. И зато какіе командиры, какіе помѣщики, какіе полицейскіе люди и чиновники выходили изъ этого воспитанія! Всѣ у нихъ ходили по стрункѣ. Но только, когда представлялась надобность дѣйствительная въ людяхъ, умѣющихъ здраво разсуждать или дѣйствовать по собственнымъ соображеніямъ и по собственному почину, или оказывать свое нравственное вліяніе на другихъ, въ особенности же на молодежь,—они явились совершенно несостоятельными и какъ военные люди, и какъ чиновники, и какъ помѣщики, и какъ отцы семейства. Они стали ссылаться на то, что разсуждать ихъ никогда и не учили, что никакого почина отъ нихъ никогда и ни въ чемъ не требовали, что они понимаютъ только вліяніе угрозы, страха и физической расправы.

Такъ воспиталось цѣлое поколѣніе дворянъ и произвело другое поколѣніе въ брачномъ союзѣ съ бывшими воспитанницами

женскихъ казенныхъ заведеній, откуда онѣ выносили особенные идеалы благородныхъ барышень и барынь и вносили ихъ въ семью съ тѣмъ же понятіемъ объ образованіи, какое у насъ выработалось еще въ прошедшемъ столѣтіи,—его можно назвать русскимъ дворянскимъ образованіемъ, хотя оно уже давно стало распространяться и за предѣлы дворянскихъ семей, за которыми обыкновенно тянулись и другія сословія;—образованіе, а иные говорятъ, и воспитаніе русской женщины должно заключаться только въ умѣньи говорить на иностранныхъ языкахъ, въ особенности же на французскомъ; имъ должно быть принесено въ жертву все остальное; а о чемъ говорить, какія понятія высказывать, это все равно, хотя бы выходили дрессированныя говорящія птицы. И много такихъ „птицъ“ сдѣлалось матерями семействъ, и въ союзѣ съ разными отставными и служащими командирами и чиновниками стали воспитателями новаго поколѣнія на рубежѣ двухъ эпохъ русской жизни—крѣпостнической и преобразовательной.

Въ то время какъ деморализировалась дворянская семья съ разныхъ сторонъ, нарождались и новыя семьи, которыя черезъ государственную службу по табели о рангахъ примыкали къ тому же сословію. Родоначальники ихъ преимущественно въ провинціяхъ выходили изъ духовнаго званія, слѣдовательно были воспитаны подъ другими вліяніями, проходили курсъ духовныхъ семинарій, хотя въ большинствѣ случаевъ и не доходили до конца. Семейныя привязанности у нихъ также не могли развиться, такъ какъ большинство въ школьный возрастъ принуждено было жить вдали отъ семей въ полной зависимости отъ суроваго семинарскаго начальства, которое и безъ педагогіи считало себя педагогами по призванію. Изъ числа ихъ, благодаря особенному воспитанію, выходили твердые и настойчивые характеры, которые преуспѣвали въ государственной службѣ и иногда выбивались на видныя мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли совершенствоваться и въ нравственномъ отношеніи; но большинство еще на семинарской скамейкѣ обыкновенно дружилось со штофомъ, который и сопутствовалъ имъ во все теченіе ихъ жизни. Они составляли большинство провинціальнаго чиновнаго міра, примыкавшаго съ одной стороны къ мелкому дворянству, съ другой—къ народной массѣ, насчетъ которой усердно кормились. Для характеристики этого круга у насъ подъ рукою есть книга [1]), прочитанная, можетъ быть, очень немногими по безтолковому ея изложенію, но

[1]) Половодье—картины провинціальной жизни, В. А. Инсарскаго. Спб. 1875 г.

дающая нѣсколько интересныхъ фактовъ и описаній, живо рисующихъ жизнь провинціальныхъ семей и общества двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Ея авторъ, вышедшій изъ этой среды и впослѣдствіи нѣсколько извѣстный въ чиновномъ мірѣ, В. А. Инсарскій, благодаря своей словоохотливости, наполняетъ ее воспоминаніями изъ разныхъ эпохъ своей жизни безъ всякаго разбора и порядка, что впрочемъ не мѣшаетъ чувствовать правдивость его разсказовъ. Хотя онъ и представляетъ только свою родную губернію, пензенскую, но едва ли чѣмъ она отличалась отъ другихъ губерній по образу жизни чиновничьяго міра. Въ этомъ случаѣ, кажется, можно безопасно сдѣлать обобщеніе, особенно на тѣ губерніи, гдѣ въ большомъ числѣ проживали помѣщики.

„Въ мое время,—говоритъ Инсарскій,—рѣдко можно было встрѣтить чиновнаго человѣка, который бы не былъ владѣльцемъ имѣнія, т.-е. помѣщикомъ. Дѣло естественное, что дворяне большею частію владѣли имѣніями. Не удивительно также, что чиновная аристократія пріобрѣтала имѣнія. Удивительно то, что чиновная мелюзга тоже покупала имѣнія и владѣла ими. Какой-нибудь секретарь, столоначальникъ, протоколистъ изъ семинаристовъ, какъ только почувствуетъ въ своемъ карманѣ солидный остатокъ отъ нахапанныхъ кривдою и неправдою грошей, тотчасъ затѣваетъ купить имѣніе и благополучно покупаетъ, преимущественно на имя жены, въ томъ соображеніи, что замаранный тысячами бездѣльничествъ, подавляемый разными плутнями, имъ совершенными, онъ по справедливости долженъ ожидать постоянно, что не сегодня—завтра его по меньшей мѣрѣ выгонятъ изъ службы и упекутъ подъ судъ, а имѣніе отберутъ. На этотъ-то случай эти рыцари чести всегда пріобрѣтали имѣнія и дома на имя жены. „Если самъ пропаду, думали они, справедливо ожидая каждый день суда и расправы, то по крайности дѣтки будутъ имѣть кусокъ хлѣба“. Провозглашая эти нѣжности, такого рода пріобрѣтатели хорошо знали, что ихъ дѣточки, когда выростутъ, будутъ также большими кровопійцами, и по примѣру папеньки сами съумѣютъ нахватать только въ бо̀льшемъ еще размѣрѣ. Вообще, когда кто-нибудь покупалъ имѣніе или домъ на имя жены, можно было безошибочно заключить, что покупатель не чистый человѣкъ, что деньги, на которыя дѣлается покупка, имѣютъ гнуснѣйшій источникъ, и что у будущаго помѣщика и совѣсть не чиста, и сердце не спокойно. Какъ бы то ни было, но въ то время было удобно и возможно всякое пріобрѣтеніе подобнаго рода. Если цѣлыя семьи живыхъ, но крѣпостныхъ

людей раздирались, такъ сказать, на части: сынъ уводился въ одну часть земного шара, а дочь въ другую, съ надеждою никогда уже не свидѣться въ этомъ мірѣ, и все это цѣною самыхъ ничтожныхъ суммъ, во всякомъ случаѣ не превосходящихъ того размѣра, какой требовался при покупкѣ лошадей, собакъ, коровъ, то что же препятствовало подобному раздиранію имѣній, т.-е. земельныхъ единицъ? Откуда могла происходить и эта чудовищная мелкопомѣсть, и эта еще болѣе чудовищная черезполосность, которыя такъ характеристически знаменуютъ нашъ сельскій бытъ?., Всѣ провинціальные чиновники дѣлались помѣщиками, пріобрѣтая части соотвѣтственно положенію ихъ кармана. Лѣтомъ, бывало, въ праздничный день городъ рѣшительно пустѣлъ; все разъѣзжалось по своимъ имѣніямъ; оставалась одна шушера, самый низшій сортъ приказныхъ, которые думали уже не о пріобрѣтеніи имѣній, а преимущественно о пріобрѣтеніи полуштофа или косушки пѣнника... Былъ и другой, едва ли не болѣе простой способъ распространенія этой жалкой отрасли помѣщиковъ. Онъ заключался въ томъ, что мало-мальски порядочный чиновникъ, когда задумывалъ жениться, разсчитывалъ „поять за себя“ непремѣнно дочь помѣщика, а вмѣстѣ съ нею и часть имѣнія сего помѣщика. Большею частью претензіи его направлялись именно къ тѣмъ помѣщикамъ, о происхожденіи которыхъ я говорилъ выше. При необычайномъ обиліи невѣстъ, постоянно господствовавшемъ въ быту этихъ маленькихъ помѣщиковъ и при величайшей скудости въ провинціальныхъ сколько нибудь порядочныхъ женихахъ, сдѣлки заключались скоро и безпрепятственно, и родитель невѣсты изъ маленькаго имѣнія отдѣлялъ маленькую часть своему зятю. Хотя часть эта состояла изъ двухъ-трехъ дворовъ, но зять тоже становился помѣщикомъ и въ праздничный день преважно отправлялся на крестьянскихъ клячахъ въ „свою деревню“ [1])...

А женились чиновники очень рано. „Тамъ,—говоритъ Инсарскій,—огромное значеніе имѣла не столько самая личность, какая бы свѣжая и красивая она ни была, сколько возрастъ, т.-е. числительный возрастъ, число лѣтъ по счету. Какъ въ двадцать лѣтъ тамъ мужчина обязанъ былъ непремѣнно жениться такъ въ сорокъ лѣтъ онъ обязанъ былъ имѣть солиднѣйшій видъ главы семейства и отца многочисленныхъ дѣтей разныхъ половъ и возрастовъ [2])... Вообще,—замѣчаетъ авторъ,—досадно было

[1]) Стр. 220—222.

[2]) Стр. 189.

видѣть, какія прелести доставались часто туземнымъ обломамъ изъ чиновнаго міра, грубымъ, необразованнымъ и большею частію пьянымъ. Обиліе дѣвушекъ-невѣстъ, большею частію, красивыхъ и почти совершенное отсутствіе порядочныхъ жениховъ дѣлали такое явленіе естественнымъ и неизбѣжнымъ. Почтенное, большею частью, помѣщичье небогатое семейство воспитывало дочь въ одномъ изъ туземныхъ пансіоновъ и съ радостью отдавало ее за какого-нибудь дубоватаго протоколиста или столоначальника, на томъ единственно основаніи, что у этого крючкотворца, большею частію изъ семинаристовъ, есть домъ, выстроенный или купленный на взяточныя деньги... Еще болѣе досадно было видѣть, что какая-нибудь фея, образецъ стройности и изящества, попавъ въ медвѣжьи лапы къ подобному господину, рѣдко таетъ и изнываетъ, какъ можно бы было ожидать при подобномъ соединеніи, но напротивъ, начинаетъ къ удивленію жирѣть и толстѣть, мало-по-малу расплываться и обращаться въ полновѣсную провинціальную барыню, имъ же нѣсть числа. Область ежегоднаго рожденія дѣтей, сытныхъ и жирныхъ обѣдовъ, послѣобѣденнаго спанья, область лѣни, праздности и подлѣйшихъ большею частью интересовъ благовѣрнаго, совершенно поглощаютъ и преобразовываютъ всѣхъ этихъ милыхъ дѣвочекъ, казавшихся неземными созданіями“... [1]).

Для характеристики тогдашняго чиновничьяго быта авторъ выражается такимъ образомъ: „были всѣ вспоены однимъ молокомъ, взросли на однихъ началахъ и плыли по одному направленію, такого свойства, что впереди всегда стояла взятка и вообще пожива, а потомъ уже самое дѣло, которое гнулось въ ту или другую сторону, смотря по количеству и свойству приношенія. О правдѣ было мало заботы и едва ли она имѣла какое-либо значеніе. Всегда говорили о томъ, сколько взято, а о томъ, по правдѣ ли было дѣло сдѣлано, едва ли говорили“... [2]). Значитъ, въ нравственномъ отношеніи къ службѣ чиновный людъ продолжалъ поддерживать старыя традиціи, о которыхъ мы уже говорили. Только наиболѣе совѣстливые, для которыхъ слово честность еще не обратилось въ пустой звукъ, старались выяснить себѣ понятіе о взяткѣ и съузить его, исключивъ изъ него „добровольныя приношенія“, которыя собирались отъ людей всѣхъ сословій, какъ дань, вошедшая въ обычай съ незапамятныхъ временъ. Эти приношенія, часто очень обильныя, не стѣс-

[1]) Стр. 187.
[2]) Стр. 62.

пяли ничью совѣсть. Даже Инсарскій, съ брезгливостью относившійся къ взяткамъ, чистосердечно оправдывалъ ихъ, и говоря о своемъ отцѣ какъ о честномъ человѣкѣ, нисколько не скрывалъ, что и онъ совершенно безгрѣшно пользовался добровольными приношеніями на мѣстѣ казначея.

Понятіе объ образованіи и въ эти семьи переходило изъ дворянской семьи и, конечно, имѣло вліяніе на самое воспитаніе: свѣтскіе идеалы и тутъ господствовали надъ всѣмъ, но по недостатку средствъ ихъ выполнить приводили къ комизму и карикатурности. „Изъ ряда предметовъ образованія, — говоритъ Инсарскій, — выдвигались самымъ рельефнымъ образомъ два предмета: обученіе французскому языку и танцовальному искусству. Пружиною, выдвигавшею эти предметы изъ общаго уровня, нѣтъ сомнѣнія, было человѣческое тщеславіе, такъ неудержимо стремящееся щегольнуть, прихвастнуть, какъ говорится, „задать тону“ передъ другими. Задать тону успѣхами въ законѣ Божіемъ, напримѣръ, въ грамматикѣ и тому подобномъ рѣшительно невозможно уже потому, что невозможно дать имъ какое-либо публичное проявленіе... Съ глубокою признательностью я долженъ сказать, что мои недостаточные родители дѣлали по части моего образованія все, что было доступно ихъ ограниченнымъ средствамъ. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что сдѣлать изъ меня приличнаго по обстоятельствамъ того времени человѣка не хуже другихъ, было главною ихъ цѣлью, стоявшею впереди всего; но ничего нѣтъ удивительнаго, что въ стремленіи къ этой цѣли они подверглись тоже могущественному вліянію человѣческаго тщеславія и на успѣхи во французскомъ языкѣ и въ танцовальномъ искусствѣ обращали болѣе вниманія, чѣмъ на успѣхи въ законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ и другихъ серьезныхъ предметахъ... Моими первоначальными учителями были семинаристы мѣстной семинаріи, разумѣется, старшихъ классовъ, т.-е. философы и богословы. Учители этого рода были, конечно, самые дешевые и потому самые доступные для небогатыхъ семействъ... Они обязывались учить меня, между прочимъ, и по-французски. Понятно, въ какой степени-философъ или богословъ семинаріи, напитанный насквозь латинскими и греческими премудростями, ученіемъ о духовномъ краснорѣчіи и другими возвышенными предметами, самъ не слыхавшій никогда французскаго слова, былъ силенъ по этой части. Между тѣмъ, сдѣлка устанавливалась. Родители сердечной простоты думали, что человѣкъ, нанимающійся въ учителя, долженъ все знать и всему учить. Къ тому же спеціальныхъ учителей не изъ семинаристовъ

было очень мало, и они были крайне дороги. Семинаристы, ищущіе учительскихъ мѣстъ, съ своей стороны, соображали, что если они будутъ отказываться отъ обученія предметамъ, мало имъ знакомымъ, и держаться только предметовъ, отлично ими изученныхъ, но, къ сожалѣнію, вовсе ненужныхъ, въ родѣ греческаго и латинскаго языковъ, вошедшихъ въ моду только въ послѣднее время, то они и вовсе останутся безъ мѣстъ, т.-е. безъ заработковъ, столь необходимыхъ при ихъ крайней бѣдности... Въ силу этихъ соображеній и въ то же время надѣясь на несомнѣнную опытность свою въ педагогическихъ пріемахъ, семинаристы принимали на себя обязанность учить мѣстныхъ мальчугановъ всему, чему желаютъ родители, а въ томъ числѣ и французскому языку... Не трудно понять, что если посредствомъ книгъ, т.-е. разныхъ учебниковъ, словарей, самоучителей они могли добираться до нѣкоторой возможности понимать прочитанное, то со стороны практики и разговора на французскомъ языкѣ, должно было происходить нѣчто ужасное, способное поставить дѣйствительнаго француза въ тупикъ и изумленіе. И сами учители, и ихъ ученики находили спасеніе отъ этой позорной стороны именно въ отсутствіи всякаго контроля, ибо сами родители произвести этого контролированія были не въ состояніи, а произвести его другими способами рѣдко представлялось возможнымъ..." [1]).

При такихъ заботахъ объ образованіи хотя бы и мишурномъ, нравственная сторона домашняго воспитанія была въ совершенномъ пренебреженіи. И здѣсь также имѣло вліяніе свѣтское общество, съ которымъ связывалась семья, удовлетворяя своимъ человѣческимъ стремленіямъ къ общественности. Но это общество за недостаткомъ общественныхъ удовольствій или общихъ интересовъ, находило себѣ связь въ попойкахъ, отъ которыхъ и развилось повальное пьянство. „Главною капитальною чертою во время моего дѣтства было пьянство,—свидѣтельствуетъ Инсарскій.—Оно царило на моей родинѣ съ поразительнымъ могуществомъ, увлекало рѣшительно всѣхъ, разумѣется, за исключеніемъ личностей, составляющихъ аристократическій кружокъ, жизнь и наслажденія которыхъ мнѣ были неизвѣстны. Но какъ все имѣетъ свои степени и подраздѣленія, то и пьянство моей родины имѣло свои степени и подраздѣленія. Люди, стоящіе на верху средняго круга, въ родѣ моего отца, пили очень осторожно, въ тѣсныхъ пріятельскихъ сходкахъ, преимущественно

[1]) Стр. 309.

въ дни праздниковъ и именинъ, и хотя въ концѣ этихъ дней приходили въ состояніе весьма некрасивое, но это состояніе оставалось, такъ сказать, въ секретѣ, не выставлялось публично... Люди, слѣдующіе за этими лицами, которыхъ можно назвать ихъ помощниками, пили уже много безцеремоннѣе, но все-таки старались всевозможно спасаться отъ гибельной въ служебномъ мірѣ аттестаціи: „способенъ и достоинъ, но нетрезваго поведенія“,—аттестаціи, разумѣется, полагающей преграду и конецъ всякимъ видамъ и разсчетамъ на дальнѣйшее служебное преуспѣяніе. Затѣмъ большинство, остальная часть служебнаго міра, пьянствовало уже безъ всякой мѣры и безъ всякихъ видовъ и разсчетовъ...“ Таковы были отцы семейства. Очень понятно, подъ какими впечатлѣніями должно было выростать новое поколѣніе. Авторъ не скрываетъ, что онъ самъ, какъ и многіе изъ его сверстниковъ, стали пьянствовать уже съ тринадцатилѣтняго возраста. „Первымъ сознательнымъ шагомъ по этому доступному пути,—говоритъ онъ,—я долженъ считать тѣ штофы, которые заготовлялись мальчишками на вечерахъ или балахъ, задаваемыхъ ихъ родителями, и распивались въ тихомолку, въ укромныхъ мѣстахъ, а въ особенности тѣ дополненія чистой водкой, которыя дѣлались, когда штофы опорожнялись. Стремленія къ удальству, столь свойственныя мальчишкамъ, дѣлали насъ въ этомъ отношеніи дерзкими и отчаянными. Подъ вліяніемъ этихъ стремленій, мы скоро стали выказывать презрѣніе къ штофамъ, наполненнымъ бѣлымъ и краснымъ виномъ, стали называть это вино „квасомъ“, старались опорожнить ихъ какъ можно скорѣе и перейти къ водкѣ. Когда мы переходили къ этому нектару, намъ казалось, что мы становимся большими и молодцами. Каждый старался перещеголять другого и, такимъ образомъ, изъ шалости, свойственной дѣтскому возрасту, мы пріобрѣтали пагубныя привычки“ [1]).

Прочитавъ это признаніе, невольно спрашиваешь: а что же отецъ и мать? гдѣ же благотворная, сдерживающая сила семьи? И находимъ отвѣтъ у того же откровеннаго автора. „Отецъ мой былъ строгъ; между тѣмъ, порочность моя и особенно самое рельефное проявленіе ея—пьянство, ускользали совершенно отъ него. Былъ ли я такъ смышленъ, что ловко обдѣлывалъ дѣла и умѣлъ, какъ говорится, прятать концы въ воду... не знаю, но только весь городъ справедливо считалъ меня развратнѣйшимъ мальчишкой, а отецъ ничего объ этомъ не зналъ. Я даже ни-

[1]) Стр. 349.

когда не былъ форменно наказанъ, какъ вообще наказываютъ дѣтей, т.-е. съ наставленіями, укорами, предупрежденіями, угрозами... Случалось, что отецъ вдругъ вспыхнетъ, дастъ пощечину, правда, полновѣсную, и баста... Домашніе, преимущественно женскій полъ, знали мои подвиги; они знали, въ какомъ видѣ я возвращался подъ кровъ родительскій... видѣли и молчали..." [1]). Вотъ въ чемъ всегда былъ недостатокъ воспитанія въ русской семьѣ, и вотъ откуда является порча дѣтей. Между отцомъ и матерью нѣтъ тѣсной связи въ вопросѣ о воспитаніи. Отецъ неразумно и часто безъ толку строгъ, мать слаба, но, зная всѣ неминуемыя слѣдствія этой строгости, скрываетъ отъ отца всѣ проявленія порочности своихъ дѣтей, потворствуетъ имъ и укореняетъ то зло, которое въ свое время легко бы могло быть подавлено безъ особенныхъ строгостей.

Но какъ ни грязна была та среда, о которой мы теперь говоримъ, благодаря той исключительной клубной общественности, какая связывала всѣ семьи, и совершенному отсутствію общихъ гражданскихъ интересовъ, все же мы не рѣшаемся назвать ее совершенно деморализованною. О ней можно сказать, что она вообще была очень дурно воспитана, такъ какъ въ семейномъ воспитаніи не руководились почти никакими нравственными идеалами, что она была порочна вслѣдствіе того, что была поставлена въ самыя неблагопріятныя условія для нравственнаго развитія. Но въ ней не были заглушены стремленія возвыситься хоть сколько-нибудь надъ этой грязью и хоть гдѣ-нибудь найти свѣтъ и удовлетворить высшимъ человѣческимъ потребностямъ. „Во времена моего дѣтства, — говоритъ Инсарскій, — чтеніе едва ли не составляло главнаго удовольствія моихъ согражданъ. Всѣ постоянно спрашивали другъ у друга: нѣтъ ли книжки почитать? Непостижимо, изъ какого источника добывались эти книжки, а добывались онѣ въ громадномъ количествѣ. И какія книжки! Чего только я не перечиталъ въ раннемъ моемъ дѣтствѣ. Само собою разумѣется, что всѣ эти „Лоллоты и Фанфаны", всѣ эти „Алексисы, или домики въ лѣсу", проглочены были мною на первыхъ порахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что едва ли изъ переводныхъ романовъ Жанлисъ или Радклифъ есть какой-нибудь, который бы я не прочелъ. Но я читалъ и такія книги, которыя нынѣ составляютъ рѣдкость. Я читалъ, напр., съ неизъяснимымъ наслажденіемъ Аріоста: „Влюбленный Роландъ" и „Неистовый Роландъ"... Во время моего дѣтства

[1]) Стр. 26.

книгъ подобнаго содержанія было много, и я жадно проглатывалъ все, что мнѣ попадалось... Какъ и откуда попадали эти книги на мою родину, не знаю, но если бы можно было ихъ собрать воедино, онѣ могли бы составить не шуточную библіотеку исключительно рыцарскаго содержанія". По особенному случаю московскій типографщикъ Селивановскій, въ знакъ признательности за казенные заказы счетныхъ книгъ, присылалъ отцу Инсарскаго множество книгъ разнообразнаго содержанія— отъ книги Ѳомы Кемпійскаго: „О подражаніи Іисусу", до „Странника" Вельтмана, производившаго въ провинціи положительный фуроръ при своемъ появленіи... „Сундуки, полные книгами, были большимъ благомъ не только для меня и всего семейства, но и для всего города... Со всѣхъ сторонъ шли къ намъ за книгами, и, разумѣется, никто не получалъ отказа".

Любовь къ пѣнію представляла также лучъ свѣта, который прорывался въ этой провинціальной тьмѣ невѣжества и распутства. „Пензу,—говоритъ Инсарскій, — можно было принять за обширную натуральную консерваторію, гдѣ всѣ безпрерывно пѣли, только безъ профессоровъ и разныхъ мудрыхъ устройствъ, которыми отличаются дѣйствительныя консерваторіи. Тамъ положительно всѣ пѣли, а тѣ, которые не могли или не умѣли пѣть, принимали въ пѣніи самое горячее участіе". Причину такой любви авторъ, между прочимъ, видитъ въ томъ, что всѣ тамошніе чиновники, наполнявшіе мѣстныя присутственныя мѣста, происходили преимущественно изъ семинаристовъ, убоявшихся бездны премудрости и исключенныхъ изъ семинаріи. „Можно вообразить себѣ, какую массу вообще представляли они въ общемъ составѣ пензенскаго населенія, а такъ какъ они съ молокомъ всосали любовь къ духовнымъ пѣснопѣніямъ и большое знаніе по этой части, то и, оставивъ семинарію, продолжали сами пѣть или съ живѣйшимъ интересомъ слушать пѣніе. Дѣти ихъ, нарождавшіяся съ свойственною бѣдности плодовитостью, выростали подъ вліяніемъ тѣхъ же вкусовъ и направленій". Эта любовь къ пѣнію должна была удовлетворить не только природнымъ эстетическимъ стремленіямъ человѣка, но и стремленіямъ къ общественности, такъ какъ соединяла семьи въ кружки, которые замѣнили общества, по крайней мѣрѣ люди собирались вмѣстѣ не для однихъ чувственныхъ удовольствій, а съ цѣлями болѣе возвышенными.

Нельзя не обратить вниманіе еще на одну черту, указанную Инсарскимъ въ этой же самой средѣ: „тотъ, кто хотѣлъ прослыть умнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ, прежде всего принималъ нигилистическій оттѣнокъ и начиналъ отрицать то, что

люди привыкли чтить и уважать. Это считалось аттестатомъ на умъ и превосходство. „Ужъ если Бога отрицаетъ, значитъ, голова“, говорили отрицатели. Въ „Ревизорѣ“ Гоголя, когда городничій упрекнулъ судью, что онъ въ Бога не вѣруетъ, тотъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой гордости отвѣчалъ: „самъ своимъ умомъ дошелъ“. Точно такъ и среди насъ, мальчишекъ, желающихъ казаться большими и умными, система отрицаній была въ большомъ ходу“ [1]).

Откуда могло произойти такое явленіе, спрашиваемъ мы. Мальчики, еще не успѣвшіе оглядѣться въ жизни, не успѣвшіе провѣрить на собственномъ опытѣ ни одной истины, уже смѣло отрицаютъ все, „что люди привыкли чтить и уважать“ и во имя чего же было это отрицаніе?—Во имя ума и зрѣлости, именно во имя того, чего у нихъ пока еще не было. Въ данномъ случаѣ нельзя сваливать вину даже на школу, какъ это принято у насъ въ настоящее время, потому что роль школы тогда была очень незавидная, да и то среди ничтожнаго меньшинства; огромное же большинство и не проходило школы далѣе простой грамотности или, вѣрнѣе, полуграмотности. Не слѣдуетъ ли отнести это явленіе на счетъ семьи, вновь сложившейся, отрекшейся отъ традицій во имя чиновничьяго благородства, которое брало себѣ примѣры изъ высшихъ сферъ, и не усвоившей себѣ никакихъ твердыхъ принциповъ. Дѣти вскармливались и росли въ праздности безъ крѣпкаго авторитета для ума, безъ всякаго опредѣленнаго направленія мысли, безъ тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которые входятъ въ совѣсть. Семья была ни причемъ въ умственномъ развитіи дѣтей, а въ нравственномъ отношеніи давала въ большей части случаевъ дурные примѣры. И что же святого, дорогого, глубоко засѣвшаго въ душу, за что можно бы было вступиться и побороться, могло выноситься изъ такой семьи? Очень естественно блужданіе мысли въ юныхъ головахъ, ясно не усвоившихъ себѣ ни одной мысли, которая бы глубоко проникала въ сердце, неспособныхъ обсудить ни одного положенія и падкихъ на все, что̀ освобождаетъ совѣсть отъ какихъ-либо нравственныхъ обязанностей. Семейные авторитеты не руководили ни умственнымъ, ни нравственнымъ развитіемъ, и изъ семьи легко выходили отрицатели всего, что̀ „люди привыкли чтить и уважать“, но къ чему ихъ пріучали только страхомъ, не вводя того въ ихъ убѣжденіе. Не находя нужныхъ для юношества твердыхъ авторитетовъ въ семьѣ, оно безъ разсужденія отдавалось имъ

[1]) Стр. 409.

внѣ семьи и тамъ творило себѣ идоловъ, отъ которыхъ уже зависѣло и умственное, и нравственное ихъ направленіе. Такой авторитетъ представляетъ Инсарскій въ лицѣ Антонова, который царилъ всевластно и всемогущественно надъ всею туземною молодежью. „Въ немъ было что-то апостольское“, восторженно говоритъ авторъ. „Апостоломъ онъ былъ по превосходству надъ людьми, по моральной силѣ, вложенной въ него, которой все молодое покорялось охотно и добровольно. Ученики его также считали его совершенствомъ и безусловно вѣровали въ него, какъ послѣдователи апостоловъ вѣровали въ нихъ. Для юношей онъ былъ царь, отецъ, наставникъ, учитель. И между тѣмъ ученіе его вело не къ совершенству, а въ противоположную сторону. Это былъ одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ самородковъ, которыхъ, кажется, въ состояніи производить только русская земля. Въ отношеніи физическомъ, это былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ: высокаго роста, прекрасно сложенный, съ хорошими манерами. Лицо его имѣло плѣнительное выраженіе ума, доброты, достоинства... Въ отношеніи нравственномъ или, вѣрнѣе, въ отношеніи умственномъ, Антоновъ считался образованнѣйшимъ человѣкомъ среди гражданъ... Онъ сошелся сначала съ семинаристами-философами и богословами, и быстро заимствовалъ у нихъ все, что̀ они сами знали, но не остановился на этомъ и пошелъ впередъ своей дорогой, такъ что философы и богословы, у которыхъ онъ началъ учиться, скоро стали смотрѣть на своего ученика съ чувствомъ изумленія и уваженія. Въ то же время онъ считался самымъ сильнѣйшимъ дѣльцомъ между дѣльцами. Служилъ онъ въ гражданской палатѣ столоначальникомъ. Слѣдовательно, должность занималъ мизерную, не имѣющую никакого значенія. Тѣмъ не менѣе всѣ тѣ, кто имѣлъ большія дѣла и не только въ гражданской палатѣ, но гдѣ бы то ни было, бѣжали къ Антонову съ полною увѣренностью въ успѣхѣ... Но какъ бы краснорѣчиво ни писалъ онъ просьбы, записки, доклады, какое бы удивленіе ни возбуждали они своимъ безпримѣрнымъ искусствомъ, какъ бы много ни толковали, что Антоновъ выигралъ то или другое дѣло, считавшееся безнадежнымъ, все это болѣе или менѣе укладывалось въ рамки его спеціальности, какъ чиновника. Но онъ смѣло выходилъ изъ рамокъ и дѣйствовалъ на чуждыхъ ему поприщахъ съ тѣмъ же блескомъ. Такъ, онъ считался сочинителемъ, и его сочиненія ходили по рукамъ, и читались на расхватъ многія поэтическія его произведенія... Со стороны свѣтскихъ или, лучше сказать, общественныхъ талантовъ, Антоновъ также былъ для многихъ идеаломъ. Въ ряду этихъ талантовъ на

первомъ планѣ стояло умѣнье пѣть. Антоновъ владѣлъ прелестнымъ голосомъ, чистѣйшимъ теноромъ, и пѣлъ чрезвычайно пріятно съ большимъ умѣньемъ. Даровитой натурѣ его все было легко и доступно. Нѣтъ сомнѣнія, что и эти спеціальныя музыкальныя знанія онъ похитилъ у кого-нибудь съ тою же ловкостью и быстротою, съ какою усвоилъ вообще всевозможныя знанія пензенскихъ богослововъ и философовъ. Своему пѣнію онъ постоянно аккомпанировалъ на гитарѣ. Распѣвалъ онъ бо́льшею частью свои, т.-е. своего сочиненія пѣсни и романсы, которые потомъ распѣвались безчисленными его почитателями". Антоновъ прославился и среди кулачныхъ боевъ, которые были любимыми потѣхами и любимыми зрѣлищами у пензенцевъ, и которые соединяли въ одно общество и въ одну публику людей изъ разныхъ званій. „Знаменитость Антонова,—замѣчаетъ Инсарскій, — въ этомъ отношеніи сіяла въ глазахъ его молодыхъ учениковъ и поклонниковъ болѣе лучезарнымъ блескомъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Другіе его таланты не имѣли такого публичнаго проявленія, такого торжества, какъ таланты боевые, исходящіе отъ силы, смѣлости, удальства, ловкости, всѣми видимые, цѣнимые и вознаграждаемые рукоплесканіями... Антоновъ сдѣлался нашимъ идоломъ, и можно сказать, безъ преувеличенія, мы боготворили его. Вліяніе его на насъ было могущественно въ поразительной степени. Мы повѣряли ему свои тайны, просили его указаній и наставленій, старались подражать ему во всемъ; мнѣнія и воззрѣнія его были для насъ святы. Антоновъ казался намъ умнѣе, честнѣе, добрѣе, сильнѣе всѣхъ, однимъ словомъ, чудомъ совершенства. Мы постоянно вертѣлись около него и все свободное время, особенно по вечерамъ, наполняли его бѣдныя, грязноватыя комнатки. Но надо признаться, что если мы увлекались преимущественно необычайно симпатичною личностью этого человѣка, то вмѣстѣ съ тѣмъ не мало привлеченія заключалось и въ постепенномъ знакомствѣ нашемъ съ различными видами и отраслями разврата, которое мы пріобрѣтали въ этомъ исключительномъ мірѣ. Чуть не ежедневное пьянство стояло на первомъ планѣ" [1])...

Читая эту характеристику Антонова, никакъ не ожидаешь такого конца. Руководитель молодежи самъ не устоялъ противъ общаго стремленія. Да скорѣе было бы чудомъ, если бы онъ остался безупречнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Его даровитая сильная натура не могла удовлетворяться одной сухой канцелярской

[1]) Стр. 375—404.

дѣятельностью, а влекла его невольно въ общество людей, чтобы тамъ найти приложеніе своихъ силъ къ дѣятельности болѣе широкой и живой. Но тамъ онъ находилъ только пьянствующія компаніи рядомъ съ полной апатіей ко всѣмъ высшимъ интересамъ жизни; не удовлетворяется онъ и славою пѣвца, и славою кулачнаго бойца въ этихъ компаніяхъ, даже слава стихотворца не поддерживаетъ его на извѣстной высотѣ—какое содержаніе для поэзіи могла дать ему окружающая жизнь!—и онъ долженъ былъ окунуться въ этотъ омутъ, чтобы добывать себѣ послѣднюю славу и превосходство надъ другими—славу пьяницы среди пьяницъ. Какая была судьба его, Инсарскій намъ не повѣдалъ. Но мы можемъ безошибочно сказать: конечно, судьба такая же, какъ и всѣхъ даровитыхъ и сильныхъ натуръ того времени въ средѣ провинціальной жизни. Не мало ихъ нарождалось въ русскомъ мірѣ, вообще не обиженномъ природою, не мало ихъ и гибло безвѣстно... Но приносили ли они какую-либо пользу? Можетъ быть, они и шевелили умы молодыхъ людей, вступавшихъ въ жизнь, но къ пользѣ или ко вреду, не беремся рѣшить.

IX.

Провинціальная жизнь, хотя и не во всей своей полнотѣ, нашла художественное выраженіе въ произведеніяхъ Гоголя и нѣкоторыхъ его послѣдователей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Нашъ геніальный художникъ-юмористъ умѣлъ угадать, какихъ основъ недостаетъ русской жизни, чтобы получить возможность правильно развиваться и подняться на извѣстную нравственную высоту. Онъ понималъ, что въ формахъ той жизни, какъ онѣ развились исторически, не могло правильно выразиться естественное стремленіе человѣка къ общественности, а потому не могло развиться и чувство общественности, безъ котораго все должно было ползти врознь, такъ какъ на первомъ мѣстѣ у каждаго стояли только личные интересы, и во имя ихъ каждый и хлопоталъ въ своей жизни. При неразвитости чувства общественности не могло быть и общественной нравственности, которая вызываетъ высшіе идеалы, а они одни даютъ направленіе семейному воспитанію и, такимъ образомъ, связываютъ семью съ обществомъ высшими интересами жизни. Вглядимся въ этотъ чиновничій міръ, который рисуетъ намъ Гоголь. Передъ нами раскрывается ихъ служебная сфера жизни, та сфера, которая отъ постороннихъ глазъ была скрыта или, по крайней мѣрѣ, явно

не проявлялась во всей своей полнотѣ. Но въ то же время она составляла самое главное содержаніе ихъ жизни. Удалимъ ихъ отъ этой сферы или, по крайней мѣрѣ, закроемъ глаза, чтобы не видать ее, и каждый изъ чиновниковъ представится намъ, можетъ быть, совсѣмъ не такимъ безобразнымъ и смѣшнымъ, у каждаго найдутся и свои достоинства, такъ что вы будете не прочь провести нѣкоторое время пріятно въ ихъ сообществѣ. Но они безобразны и смѣшны потому, что ихъ понятія нисколько не соотвѣтствуютъ той сферѣ дѣятельности, для которой они призваны. Поставленные блюсти общіе интересы и охранять законы, на которыхъ держится весь государственный строй, они являются безъ всякаго чувства общественности, безъ всякаго намека на то, что у нихъ есть какой-нибудь общественный идеалъ. Здѣсь они всѣ похожи другъ на друга, всѣ наивные расхитители казны и частныхъ кармановъ, хотя въ другой сферѣ у каждаго есть своя физіономія и часто очень приглядная. „Неужели есть такіе чиновники?“—спрашивали зрители комедіи „Ревизоръ“. „Есть и хуже“,—отвѣчалъ авторъ; но въ дѣйствительности они такъ рѣзко не поражали, потому что эта главная сторона ихъ жизни далеко не у всѣхъ была на виду, заслоняемая другими сторонами. Но всѣ ахнули, когда художникъ раскрылъ ее, и готовы были назвать его клеветникомъ и каррикатуристомъ.

То же самое выказывается и относительно помѣщиковъ, которыхъ представлялъ Гоголь: каждый самъ по себѣ, каждый баринъ со своей особенной физіономіей; но всѣ они похожи другъ на друга наивнымъ эгоизмомъ, которому нѣтъ никакого дѣла до общественныхъ интересовъ; ни одна черта ихъ физіономіи не оживляется чувствомъ общественности; они нравственно слабы и развращены въ своихъ замкнутыхъ семьяхъ и въ своихъ свѣтскихъ общественныхъ собраніяхъ, потому что живутъ или совсѣмъ безъ идеаловъ, или съ фальшивыми идеалами; безъ понятія объ общественной нравственности, они развращали подвластный имъ народъ и сами развращались.

Какъ бы ни было, а становилось ясно, что подтачивались и силы государства безъ той нравственной общественной силы, которой негдѣ было развиваться. Ясно было, что тутъ не поможетъ никакая мораль, что при этихъ условіяхъ безсильна какая бы ни была система воспитанія. Нужно было дать правильный исходъ естественнымъ человѣческимъ стремленіямъ, нужно было позаботиться создать общество въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вотъ къ какимъ выводамъ юмористъ-художникъ приводилъ каждаго логически-мыслящаго человѣка.

Въ сороковыхъ годахъ, въ критикахъ Бѣлинскаго высказывалось много интересныхъ выводовъ, которые онъ долженъ былъ выражать болѣе намеками, стѣсняемый условіями тогдашней печати. Онъ хорошо понималъ всю фальшь русской жизни и все зло, которое изъ того вытекало, и объяснялъ противорѣчіями между требованіями свѣтскаго общества и человѣческой природы. „Создаетъ человѣка природа,—говоритъ онъ,—но развиваетъ и образуетъ его общество. Никакія обстоятельства жизни не спасутъ и не защитятъ человѣка отъ вліянія общества, нигдѣ не скрыться, никуда не уйти ему отъ него. Самое усиліе развиться самостоятельно внѣ вліянія общества, сообщаетъ человѣку какую-то странность, придаетъ ему что-то уродливое, въ чемъ опять видна печать общества же. Вотъ отчего у насъ люди съ дарованіями и хорошими природными расположеніями часто бываютъ самыми несносными людьми, и вотъ по чему у насъ только геніальность спасаетъ человѣка отъ пошлости. По этому же самому у насъ такъ мало истинныхъ и такъ много книжныхъ, вычитанныхъ чувствъ, страстей и стремленій, словомъ, такъ мало истины и жизни въ чувствахъ, страстяхъ и стремленіяхъ, и такъ много фразерства во всемъ этомъ. Повсюду распространяющееся чтеніе приноситъ намъ величайшую пользу, въ немъ наше спасеніе и участь нашей будущности; но въ немъ же, съ другой стороны, и много вреда, такъ же какъ и много пользы для настоящаго... Наше общество, состоящее изъ образованныхъ сословій, есть плодъ реформы. Оно помнитъ день своего рожденія, потому что оно существовало прежде, нежели стало существовать дѣйствительно, потому что, наконецъ, это общество долго составлялъ не духъ, а покрой платья, не образованность, а привилегія. Оно началось такъ же, какъ и наша литература: копированіемъ иностранныхъ формъ безъ всякаго содержанія, своего или чужого, потому что отъ своего мы отказались, а чужого не только принять, но и понять не были въ состояніи... Иностранныя произведенія всѣ наполнены были любовными чувствами, любовными приключеніями, и мы, давай, тѣмъ же наполнять наши сочиненія. Но тамъ поэзія книги была отраженіемъ поэзіи жизни, любовь стихотворная была выраженіемъ любви, составлявшей жизнь и поэзію общества; у насъ любовь вошла только въ книгу, да въ ней и осталась. Это болѣе или менѣе продолжается и теперь. Мы любили читать страстные стихи, романы, повѣсти, и теперь подобное чтеніе не считается предосудительнымъ даже для дѣвушекъ. Иныя изъ нихъ даже сами кропаютъ стишки, и иногда не-

дурные. Итакъ, говорить о любви, читать и писать о ней, у насъ любятъ многіе; но любить... Это дѣло другого рода... Но худо то, что изъ этого другого дѣла необходимо родится третье, довольно уродливое. Когда между жизнію и поэзіей нѣтъ естественной живой связи, тогда изъ ихъ враждебно-отдѣльнаго существованія образуется поддѣльно поэтическая и въ высшей степени болѣзненная, уродливая дѣйствительность. Одна часть общества, вѣрная своей родной апатіи, спокойно дремлетъ въ грязи грубоматеріальнаго существованія, зато другая, пока еще меньшая числительно, но уже довольно значительная, изъ всѣхъ силъ хлопочетъ устроить себѣ поэтическое существованіе, сочетать поэзію съ жизнію. Это у нихъ дѣлается очень просто и очень невинно. Не видя никакой поэзіи въ обществѣ, они берутъ ее изъ книгъ и по ней соображаютъ свою жизнь. Поэзія говоритъ, что любовь есть душа жизни: и такъ надо любить. Силлогизмъ вѣренъ, само сердце за него вмѣстѣ съ умомъ. И вотъ нашъ идеальный юноша или наша идеальная дѣва ищетъ, въ кого бы влюбиться. По долгомъ соображеніи, въ какихъ глазахъ больше поэзіи—въ голубыхъ или черныхъ,—предметъ, наконецъ, избранъ. Начинается комедія—и пошла потѣха! Въ этой комедіи есть все: и вздохи, и слезы, и мечты, и прогулки при лунѣ, и отчаяніе, и ревность, и блаженство, и объясненіе—все, кромѣ истины чувства... Удивительно ли, что послѣдній актъ этой шутовской комедіи всегда оканчивается разочарованіемъ,—и въ чемъ же? въ собственномъ своемъ чувствѣ, въ своей способности любить. А между тѣмъ подобное книжное направленіе очень естественно: не книга ли заставила добраго, благороднаго и умнаго помѣщика Манчскаго сдѣлаться рыцаремъ донъ-Кихотомъ... Между поколѣніями отъ двадцатыхъ годовъ до настоящей минуты, сколько было у насъ разныхъ донъ-Кихотовъ? У насъ были и есть донъ-Кихоты любви, науки, литературы, убѣжденій, славянофильства и еще Богъ знаетъ, чего, всего не перечесть...“ [1]).

Въ критикѣ на извѣстную въ свое время повѣсть гр. Соллогуба „Тарантасъ“, Бѣлинскій замѣчаетъ автору, который характеризовалъ своего героя словами: и онъ „былъ совершенно славянской породы, т.-е. лѣнивый, но бойкій“—„такъ, русская лѣнь—большая помѣха во всемъ русскому человѣку, но еще не непреодолимое препятствіе, и не въ ней корень зла: корень лежитъ глубже, его надо искать въ отсутствіи опредѣленнаго общественнаго мнѣнія, которое бы каждому указывало его

[1]) Соч. Бѣлинскаго, часть VIII.

путь, а не становило бы его на распутіи, говоря: „иди куда хочешь“. Что же касается до Ивана Васильевича (героя повѣсти), корень зла его жизни заключался въ его слабой ничтожной натуришкѣ, неспособной ни къ убѣжденію, ни къ страсти, и вѣчно гонявшейся за убѣжденіями и страстями не по внутренней потребности, а по самолюбію и отъ скуки“.

Такъ отнесся Бѣлинскій къ тѣмъ характерамъ, которые выходили изъ дворянскаго воспитанія. Высоко цѣня европейское просвѣщеніе, которое создаетъ возвышенные идеалы жизни, онъ въ то же время хорошо понималъ ложь, вносимую въ русскую жизнь подъ именемъ европеизма. „Вотъ въ чемъ состоитъ европеизмъ господъ въ родѣ Ивана Васильевича,—говоритъ онъ,—этимъ господамъ и въ голову не входитъ, что если въ Европѣ всѣ стремятся къ опоэтизированію своего быта—за то никто, при недостаткѣ, при переворотѣ обстоятельствъ, при случаѣ, не постыдится вычистить себѣ, при нуждѣ, сапоги. Этого рода европейцевъ въ отличіе отъ истинныхъ европейцевъ не худо бы назвать европейцами-татарами“. И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „все на Руси волею или неволею тянется за европеизмомъ, коверкаетъ его на монгольскую стать“. Но онъ въ то же время хорошо понималъ, что всѣ эти явленія въ русской жизни есть явленія историческія, и слѣд. неизбѣжныя. „Все, что̀ есть или что̀ сдѣлалось,—говорилъ онъ,—есть и сдѣлалось по причинамъ неотразимымъ, и съ самаго начала носило въ себѣ сѣмена своего будущаго состоянія“ [1]). А если это такъ, то является необходимость обратить вниманіе на недоброкачественность этихъ сѣмянъ или, иначе, выяснить причины и постараться ослабить ихъ силу.

Считаю не лишнимъ напомнить еще одно разсужденіе Бѣлинскаго, которое связывается съ нашимъ вопросомъ. Говоря объ одностороннемъ взглядѣ Ивана Васильевича на чиновника, какъ потомка дворового человѣка, Бѣлинскій прибавляетъ: „дѣйствительно, эта генеалогія отъ дворового человѣка черезъ конторщика изъ вольноотпущенныхъ и приказнаго до чиновника, не только остроумна, но и отчасти справедлива. Реформа Петра Великаго, которой основнымъ принципомъ было преимущество личныхъ достоинствъ или способностей надъ породою, пересоздала дворового въ подъячаго, подъячій родилъ приказнаго, приказный—чиновника. Итакъ, дворовый—яйцо, подъячій—червь, приказный—куколка, чиновникъ—бабочка! Тутъ, какъ видите, есть развитіе, и каждая новая ступень выше и лучше прежней.

[1]) Соч. Бѣл. т. IX.

Мы сами не охотники до „чиновника“, но тѣмъ не менѣе мы чужды всякаго несправедливаго и односторонняго недоброжелательства къ сему почтенному члену нашего общества. Мы никакъ не можемъ согласиться съ Иваномъ Васильевичемъ, что лучшее сословіе у насъ—мужикъ и баринъ, а худшее—чиновникъ. Пусть образованіе чиновника трактирное, какъ увѣряетъ Иванъ Васильевичъ, пусть онъ пьетъ донское, куритъ жуковскій, ѣздитъ въ тарантасѣ и выписываетъ для жены своей чепцы съ серебряными колосьями да шелковыя платья: во всемъ этомъ есть своя хорошая сторона, которая состоитъ въ томъ, что форма жизни чиновника близко подходитъ къ формамъ жизни барина. Сынъ чиновника годится на все и всюду: онъ поступаетъ въ кадетскій корпусъ, и оттуда выходитъ хорошимъ офицеромъ; онъ поступаетъ въ университетъ, откуда для него открыты честные и благородные пути на всѣ поприща жизни, и онъ всегда способенъ съ честью идти по одному разъ избранному имъ поприщу; онъ можетъ быть ученымъ, художникомъ, литераторомъ, словомъ, всѣмъ, чѣмъ можетъ быть и баринъ. Скажутъ: кто же не можетъ? и почему это привилегія сына чиновника?—потому, отвѣчаемъ мы, что военный офицеръ, чиновникъ, приготовившійся къ службѣ университетскимъ образованіемъ, ученый, профессоръ, учитель, художникъ, литераторъ—изъ мужиковъ, изъ купцовъ, изъ духовнаго званія всѣ они больше исключеніе изъ общаго правила, нежели общее правило, и всѣ они находятся въ прямой противоположности съ формами жизни сословій, изъ которыхъ вышли. И потому-то образовавшись, они спѣшатъ выдти изъ своего сословія, съ которымъ чувствуютъ себя на вѣкъ разорванными черезъ образованіе, и слѣдовательно спѣшатъ увеличить собою чиновническое сословіе. Какъ? спросятъ насъ, да какое же отношеніе между музыкантомъ, напримѣръ, и чиновникомъ? — Очень большое: ихъ связываетъ одинаковость формъ жизни. И потому-то, сынъ чиновника, сдѣлавшись, напримѣръ, ученымъ и художникомъ, какъ будто совсѣмъ не выходитъ изъ своего сословія: его костюмъ тотъ же, комнаты тѣ же, образъ жизни—тотъ же, отъ утренняго чаю или кофе, до поклона знакомой дамѣ или до танца съ нею на балѣ. Скажемъ прямѣе: формы жизни чиновника могутъ быть нѣсколько грубѣе, аляповатѣе формъ жизни барина, но сущность тѣхъ и другихъ совершенно одинакова, и чиновникъ изъ бѣдныхъ людей, котораго образованіе допуститъ въ свѣтскій кругъ, никогда не будетъ такимъ страннымъ исключеніемъ, какимъ былъ бы человѣкъ изъ другого сословія, особенно купеческаго. Чиновническое сословіе

играетъ въ Россіи роль химической печи, проходя черезъ кото рую люди мѣщанскаго, купеческаго, духовнаго и, пожалуй, дворового сословія теряютъ рѣзкія и грубыя внѣшности этихъ сословій и отъ отца къ сыну вырождаются въ сословіе баръ. Это потому, что въ Россіи чинъ, обязывая человѣка носить европейскій костюмъ и держаться европейскихъ формъ жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ его во всемъ тянуться за бариномъ. Сверхъ того, между бариномъ и чиновникомъ существуетъ болѣе живая и крѣпкая связь, нежели между бариномъ и мужикомъ, купцомъ, духовнымъ или человѣкомъ изъ другого какого-либо сословія— это все чиновничество. Развѣ баринъ—не чиновникъ? Много ли у насъ дворянъ не служащихъ и не имѣющихъ чина? Скажутъ: они служатъ въ военной. Неправда: ихъ больше въ статской, и статскою службой по большей части оканчиваютъ и тѣ, которые начали съ военной. А сколько теперь дворянъ, сдѣлавшихся дворянами черезъ службу? Два-три поколѣнія — и вы ни въ какой телескопъ не отличите ихъ отъ родового дворянства. Что же касается до взяточничества, право, никому не легче давать взятки засѣдателю или исправнику, нежели стряпчему или писцу квартальнаго, потому что взятка—все взятка, кто бы не взялъ ее съ васъ"...

Въ этомъ разсужденіи Бѣлинскій, можетъ быть, самъ не сознавая, какъ нельзя вѣрнѣе опредѣлилъ сущность того, что у насъ разумѣлось подъ именемъ общества, къ которому тяготѣли всѣ семьи съ претензіей на образованіе: — это не люди, нравственно связанные между собою какими-либо общими интересами жизни или гражданскими стремленіями, а люди, соединенные въ одно формами жизни,—это полкъ, одѣтый въ одинаковую форменную одежду, двигавшійся стройно по командѣ. Всесильна была форма жизни, а какое же было содержаніе этой жизни и какія нравственныя ея основы? За формами жизни, облеченной въ мундиръ, скрывались взятки, хищенія, крѣпостническія отношенія ко всѣмъ, кто не возвышался до этого общества. Эти формы, выработавшіяся подъ вліяніемъ табели о рангахъ, сдѣлались проводниками въ свѣтъ и окоченѣли; нарушать ихъ стало преступленіемъ, являлось своего рода noblesse oblige. Эти формы сковывали всѣ понятія, дѣлали ихъ неподвижными и умерщвляли всякую новую живую мысль. Въ нихъ выражался образъ чиновника, но не могъ выразиться образъ человѣка въ нравственномъ смыслѣ; тамъ онъ, напротивъ, задыхался, и если хотѣлъ уцѣлѣть, то становился въ сторону. Вотъ какое было это общество, для котораго членовъ воспитывала не семья по

какимъ-либо своимъ идеаламъ, а казна по общимъ уставамъ, которые и составляли всю педагогію и психологію... И все, казалось, шло въ порядкѣ... Но вдругъ, при первомъ столкновеніи съ Европою, передъ которою мы кичились своею политическою и военною силою, оказалось наше жалкое ослѣпленіе: формы жизни, соединявшія всѣхъ въ одно общество, оказались безъ всякаго внутренняго содержанія. Стало яснымъ, что для живого общества, способнаго понимать и защищать интересы своей родины, кромѣ формъ нужно еще что-то такое, что̀ вызываетъ высшіе нравственные и общественные идеалы, что развиваетъ понятіе о службѣ родинѣ, не тожественное съ существовавшимъ понятіемъ о чиновничьей службѣ. Другими словами, у насъ не оказалось настоящаго общества, а была только публика, которая для развлеченія всегда сходилась на разныя зрѣлища подъ присмотромъ и защитою полиціи, и которая совершенно растерялась при неожиданномъ взрывѣ севастопольскихъ стѣнъ и кораблей.

Затѣмъ наступила другая эпоха. Передъ растерянной и потрясенной публикой заговорили тѣ немногочисленные кружки, которые въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ образовались въ сторонѣ отъ общества, и которые, благодаря нашимъ университетамъ, постарались воспитать въ себѣ идеальныя стремленія. Они понимали, въ чемъ заключается зло русской жизни и какихъ нравственныхъ основъ недостаетъ ей, чтобы свободно развиваться и крѣпнуть. Во главѣ ихъ явился покойный государь Александръ Николаевичъ, который, благодаря, можетъ быть, вліянію своего воспитателя Жуковскаго, воспиталъ въ себѣ тѣ же самыя идеальныя стремленія, несмотря на самую неблагопріятную для того атмосферу, его окружавшую. И вотъ сокрушено крѣпостное право, а за нимъ положены новыя основы для русской общественности. Прежнія формы жизни стали распадаться. Понятно, что безъ борьбы такой переворотъ не могъ совершиться. Преобразовались учрежденія, открылись новыя поприща жизни, вызвавъ новыя силы для дѣятельности. Но люди преобразоваться вдругъ не могли. Воспитанные въ старыхъ понятіяхъ, которыя имъ были навязаны какъ неоспоримыя истины, какъ догматы въ политической и гражданской ихъ жизни, всегда безпрекословно исполнявшіе волю начальства, считавшіе себя людьми съ правилами, а потому и нравственными, на первое время растерялись и не находили ничего въ свою защиту. А кругомъ стало раздаваться крайне страстное и повальное обвиненіе всей прежней жизни во всѣхъ ея формахъ. Слишкомъ долго насильственно сдерживалась критическая мысль, слишкомъ

чувствительно было униженіе передъ торжествующими врагами, чтобы спокойно относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни, старымъ и новымъ. Подъ этими впечатлѣніями выростало молодое поколѣніе и возвращалось въ свои семьи изъ казенныхъ заведеній; но возвращалось уже не съ тѣми понятіями, съ какими бывало прежде. Правда, школьная наука не давала ему многаго, не научила его правильно мыслить, не сообщила тѣхъ неоспоримыхъ данныхъ, которыя могли бы повести къ логическимъ выводамъ; зато оно на лету схватило все, что̀ печаталось въ журналахъ,—все, что̀ говорилось въ частныхъ собраніяхъ, бесѣдахъ, и воспитало въ себѣ ненависть ко всему прошлому, какъ заклемейнному крѣпостнымъ правомъ, холопствомъ, личнымъ угодничествомъ, неправдою... Съ этимъ вмѣстѣ для него потеряли значеніе авторитеты прошлаго, къ которымъ оно стало относиться подозрительно, съ недовѣріемъ... Оно стремилось жить по новымъ началамъ, вводимымъ въ русскую жизнь, стремилось выработать изъ самого себя новыя формы жизни, и въ своемъ крайнемъ увлеченіи полагалось только на свои силы, не подготовленныя въ то же время для новой дѣятельности ни воспитаніемъ, ни наукою; незнакомые и съ исторіей своего отечества, которая за полтораста лѣтъ у насъ была совсѣмъ неразработана, они не знали ее, имъ не было освѣщено прошедшее, не было и свѣточа, чтобы сколько-нибудь освѣтить будущее. Это поколѣніе самонадѣянно брало на себя трудъ не по силамъ, и оказалось безъ надлежащей почвы—въ такомъ же ложномъ положеніи, въ какомъ очутилась и семья въ своихъ старшихъ членахъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ.

Семья уже прежде потеряла свою авторитетность, потому что всѣ заботы о воспитаніи слагала съ себя на казну: близость между воспитанниками казны и ихъ отцами не могла развиться, откровенность также. Одни изъ отцовъ потеряли даже вѣру въ самихъ себя и въ свою способность руководить молодежью; другіе, закоренѣлые въ своихъ старыхъ понятіяхъ, не хотѣли дѣлать никакой уступки требованіямъ новаго времени; третьи считали себя какъ бы провинившимися передъ молодежью и предоставляли ей полную волю; наконецъ, четвертые не понимали, въ чемъ же они виноваты и наивно высказывали такія понятія, отъ которыхъ коробило дѣтей, увлекавшихся новыми идеалами. Произошло явленіе, небывалое въ исторіи: во многихъ семьяхъ разверзлась бездна между отцами и дѣтьми, явленіе тѣмъ болѣе драматическое, что тутъ не было явнаго разрыва, который выразился бы въ ссорахъ или раздорахъ, какъ бываетъ въ столк-

новеніяхъ за матеріальные интересы; тутъ чувствовался только разрывъ нравственный, одинаково приносившій сердечныя страданія и тѣмъ, и другимъ. Кто же виноватъ во всемъ этомъ? Исторія, конечно, подведетъ свои итоги, а мы задались только задачею прослѣдить глубокіе корни того дерева, которое принесло такіе горькіе плоды. Здѣсь мы и остановимся: намъ нужно было дойти до начала борьбы, а слѣдить за дальнѣйшимъ ея развитіемъ не входило въ наши цѣли.

X.

Припомнимъ однако вопросъ, вызвавшій настоящую статью. Въ самомъ ли дѣлѣ нужно винить нашу школу и школьное образованіе въ томъ разладѣ, который съ шестидесятыхъ годовъ сталъ являться въ русской семьѣ между отцами и дѣтьми? Вопреки г. Куницкому [1]), коснувшемуся вопроса о семьѣ въ нашей современной литературѣ, мы утверждали, что причины того разлада, на который указываетъ онъ, нужно искать не въ школѣ, а въ самой семьѣ, у которой никогда не было почвы для выработки общественнаго идеала, всегда руководящаго воспитаніемъ, и съ другой стороны—въ самомъ обществѣ, гдѣ не могло выработаться понятіе объ общественной нравственности, и гдѣ личные интересы всегда преобладали надъ общими, даже надъ государственными. Мы старались доказать все это исторически, и думаемъ, достаточно выяснили вопросъ.

Школа, изъ которой выходили Базаровы, первые, такъ сказать, зачинщики разлада, ничѣмъ пока не отличалась отъ прежней школы, изъ которой выходили всякаго рода служилые люди. Разладъ начался съ той поры, когда рушился прежній строй жизни, основанный на крѣпостномъ правѣ и на тѣхъ понятіяхъ, которыя поддерживались этимъ правомъ; когда семья оказалась безсильною направлять юные порывы своихъ младшихъ членовъ къ общественнымъ идеаламъ, вызываемымъ новою жизнью. Надо сказать правду, что образованіе у большинства было недостаточно, слѣдовательно его нельзя и притягивать къ суду.

За школой остается та честь, что она не отстала отъ общаго движенія и тотчасъ же занялась вопросами о новомъ воспитаніи. Можетъ быть, она далеко не дошла до конца въ своихъ рѣшеніяхъ; но ея положеніе было и есть самое затруднительное.

---

[1]) См. подстрочн. примѣчаніе на стр. 1.

Ее дѣлаютъ отвѣтственною передъ обществомъ и передъ семьею, между которыми она должна стать, какъ на свое законное мѣсто. Для общества она должна воспитать честныхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей, а отъ семьи должна принимать по большей части плохо воспитанныхъ и нравственно-невыдержанныхъ дѣтей. Отъ нея требуютъ хорошихъ гражданъ; но изъ какихъ данныхъ она составитъ себѣ идеалъ гражданина, если онъ въ самомъ обществѣ никогда не вырабатывался, если тамъ существуетъ самое темное понятіе объ общественной нравственности, если даже не установилось самое общество на тѣхъ новыхъ началахъ, которыя положены въ его основаніе для гражданской жизни, если еще ведется ожесточенная борьба на развалинахъ того, что уже рухнуло навсегда, но съ чѣмъ еще жалко разстаться многимъ.

Съ другой стороны, предъявляетъ къ школѣ свои требованія и семья, сознающая свою шаткость и нравственное безсиліе въ дѣлѣ воспитанія. Отъ ея имени въ заключеніи своей статьи г. Куницкій высказывается слѣдующими словами: „По моему, нѣтъ и не можетъ быть споровъ или вопросовъ о томъ, какъ поправить дѣло. Очевидно, тутъ могутъ помочь въ будущемъ только два лекарства: общій подъемъ и улучшеніе нравственности отцовъ, составляющихъ главенствующую часть семьи, и образованіе, и развитіе ихъ. Само собою, подъ отцами надо разумѣть и женщину, и мать, на долю которой въ семьѣ выпадаетъ даже болѣе видная роль, чѣмъ на долю мужчины. Нашей семьѣ недостаетъ образованной и нравственно-чистой матери, которая могла бы и понять новыя, лучшія стремленія своихъ дѣтей, и не оскорблять ихъ примѣромъ своей сквернои, безнравственной, пошлой жизни. Но скажутъ мнѣ: какъ же сдѣлать это? Гдѣ и какимъ образомъ найти средство для образованія въ нашемъ обществѣ такой матери?—А это, м. государи, не мое дѣло и не моя задача. Это дѣло тѣхъ, которые берутъ на себя заботы о воспитаніи и образованіи нашихъ дочерей. Это ихъ дѣло поставить дѣвушку и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи на ту высоту, на которой она должна явиться въ роли матери, и въ особенности въ нравственномъ отношеніи".

Какъ вѣрно сказался въ этихъ словахъ голосъ той семьи, которая уже давно отвыкла отъ воспитанія своихъ дѣтей, предоставляя это дѣло постороннимъ лицамъ. И сколько горькой ироніи звучитъ въ этомъ рѣшительномъ отвѣтѣ:—Не наше дѣло воспитывать нашихъ дочерей такъ, чтобы изъ нихъ вышли благонравныя и понимающія свое назначеніе матери. Это дѣло

тѣхъ, которые берутъ на себя заботы объ ихъ воспитаніи и образованіи. Признаемся: выступаетъ на лицѣ краска отъ подобныхъ словъ, такъ много выразилось въ нихъ нравственнаго цинизма. Кто же это тѣ, которые услужливо избавляютъ нашу семью отъ труда воспитывать дочерей? Кто же другой какъ не школа! На кого же возложить отвѣтственность за всю ту семейную фальшь, которая портитъ дѣтей въ первомъ самомъ нѣжномъ ихъ возрастѣ, и которая потомъ отражается на всей ихъ жизни? Школа должна исправить всѣ ошибки отцовъ и матерей семейства, которымъ некогда было заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей. Вотъ какое требованіе заявляетъ семья! Но что же на это можетъ ей отвѣтить школа?

Сто лѣтъ назадъ, Екатерина II вмѣстѣ съ Бецкимъ мечтала о созданіи новой породы отцевъ и матерей, думая сдѣлать это государственными силами, отдѣливъ дѣтей отъ отцовъ и матерей. Опытъ, какъ извѣстно, оказался неудачнымъ. Воспитаніе подчинилось требованіямъ свѣтскаго общества и его идеаламъ. Семья вдвойнѣ испортилась и обезсилѣла, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ ложное понятіе объ образованіи и самый фальшивый идеалъ образованной женщины. Пока существовало крѣпостное право, всѣ эти фальши крѣпко держались въ обществѣ и въ семьѣ, по крайней мѣрѣ дворянской и чиновничьей. Но послѣ него сталъ возвышаться голосъ изъ той же семьи: дайте намъ новыхъ отцовъ и матерей,—голосъ, возлагающій надежду на школу. Она попробовала отвѣтить на этотъ возгласъ, и, оперевшись на науку, замѣнить фальшивые свѣтскіе и съ тѣмъ вмѣстѣ пансіонскіе идеалы общечеловѣческими, развивая вмѣсто старой барской праздности стремленіе къ честному труду. И вотъ стали упрекать школу, будто она вноситъ разладъ въ семью, отвлекаетъ отъ домашняго очага, который уже давно былъ подрытъ въ основаніи исключительной свѣтской жизнію, праздностью и невѣжествомъ, и загрязненный уже давно перешелъ въ исключительное вѣдѣніе кухарокъ. Всѣ прежніе семейные грѣхи, которые стали теперь яснѣе, свалили на новую школу. А между тѣмъ все-таки приходится создавать намъ новый очагъ—это всѣ сознаютъ—и уже затѣмъ вокругъ него группировать и новыя семьи, сложившіяся на другихъ, болѣе естественныхъ началахъ: на истинномъ образованіи, на производительномъ трудѣ, на разумномъ воспитаніи дѣтей, и наконецъ на идеалахъ, связывавшихъ семью съ обществомъ, у котораго главными интересами жизни были бы интересы повыше свѣтскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что устроители новой, нравственной семьи должны пройти черезъ хорошую школу,

и понятно, что на школу теперь обращены взоры всѣхъ. Но для того, чтобы она могла выполнять свое дѣло, прежде всего пусть откажутся матери семейства, старыя и молодыя, отъ ложнаго и вреднаго, укоренившагося у насъ понятія объ образованіи женщины, — понятія, которое крѣпко продолжаетъ держаться только у насъ: будто блестящее образованіе женщины заключается исключительно въ иностранныхъ языкахъ,—и имъ приносится въ жертву все, до пренебреженія своего роднаго языка. Пусть онѣ оставятъ и свое тщеславіе, и непростительный родительскій эгоизмъ, благодаря которому онѣ начинаютъ отъ самаго ранняго дѣтства вымучивать таланты изъ своихъ дѣтей, воображая ихъ будущими артистами, учеными или замѣчательными умами. Это—величайшее зло, которое проявляется у многихъ современныхъ матерей, хотя оно въ нѣкоторой степени уже было и въ прежнемъ поколѣніи. Такимъ направленіемъ въ воспитаніи быстро истощаютъ дѣтскія силы, и духовныя, и физическія, и дѣлаютъ ихъ неспособными къ правильному естественному развитію. Немногія изъ дѣтей выносятъ это родительское насиліе и оправдываютъ надежды своихъ тщеславныхъ и неразумныхъ воспитателей. Разстроенное здоровье еще можно кое-какъ поправить, но притупленныя и надорванныя силы духа ничѣмъ не поправите. Талантъ, если онъ врожденъ ребенку, важнѣе, прочнѣе и естественнѣе разовьется, если позаботиться объ общемъ равномѣрномъ и посильномъ развитіи ребенка: онъ скорѣе сдѣлается гордостью матери. Въ наше время на это часто нужно указывать матерямъ, потому что онѣ злоупотребляютъ нѣжнымъ и безотвѣтнымъ возрастомъ дѣтей, и все потому, что нѣтъ у нихъ настоящаго идеала воспитанія, котораго никогда и не будетъ, какъ скоро не будетъ сознанія связи семьи съ требованіями общественной жизни, замѣнившей „свѣтскіе“ идеалы другими, болѣе нравственными и болѣе гражданскими.

Но откуда же семья можетъ ихъ принять, спросятъ насъ, если въ этомъ смыслѣ еще не сложилось у насъ и самое общество? Да, оно не успѣло еще сложиться, но тѣмъ не менѣе оно понемногу складывается, и даже начинаетъ сказываться въ исключительные моменты нашей жизни: развѣ дыханіе его не чувствовалось при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину, или на похоронахъ Тургенева. Нѣтъ, тамъ участвовала уже не публика, а общество, находящее пока свое единеніе только въ однихъ литературныхъ интересахъ; но вѣдь литература и есть то обширное поле, гдѣ понемногу вырабатываются живые идеалы, руководящіе общею жизнью, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и воспитаніемъ.

Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи.

(По поводу сочиненія г. Лавровскаго „О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой“).

I.

Передъ нами лежитъ книга, замѣчательная какъ первый опытъ исторіи воспитанія въ Россіи. Если бы она была изложена не вполнѣ удовлетворительно и даже поверхностно, то и тогда должна бы была обратить на себя вниманіе, какъ первый шагъ по пути, еще совсѣмъ неразработанному; но если она написана съ большимъ знаніемъ дѣла, съ яснымъ пониманіемъ важности предмета, съ глубокими историческими и теоретическими свѣдѣніями, то тѣмъ болѣе важна для насъ и должна привлечь на себя взоры всѣхъ, кто задумывается надъ отечественнымъ воспитаніемъ. Я разумѣю книгу г. Лавровскаго: „О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой“. Въ настоящее время она явилась особенно кстати, когда у насъ возбуждены вопросы о воспитаніи. Нужно замѣтить, что въ большей части нашихъ педагогическихъ статей мы обнаружили одинъ важный недостатокъ, а именно совершенное незнаніе нашего прошедшаго по этому предмету. Мы молчали слишкомъ долго, наконецъ заговорили и заговорили многое, думая, что говоримъ все новое; а между тѣмъ большая часть изъ этого была высказана у насъ прежде и даже лучше,—лучше потому, что оно не высказывалось только отвлеченно, а прямо примѣнялось къ дѣлу и къ современнымъ потребностямъ. Оказывается, что и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, мы повторили зады, не подозрѣвая того сами. Завидный прогрессъ, и есть чѣмъ похвастать передъ Европою! Вотъ что̀ значитъ упорно промолчать почти цѣлому поколѣнію!

Отъ этого произошло то, что и самый вопросъ о воспитаніи мы поставили и стали разрѣшать какъ-то неловко. Мы захотѣли своими силами прояснить себѣ идею общечеловѣческаго образованія, тогда какъ, не тратя трудовъ и времени, стоило только обратиться къ иностраннымъ литературамъ, какъ это разъ мы уже и сдѣлали почти сто лѣтъ назадъ; но это было такъ давно, что конечно мы успѣли забыть. Мы вздумали доказывать превосходство нравственнаго воспитанія и необходимость тѣсной связи его съ обученіемъ, хотя все это не только было прекрасно доказано у насъ прежде, но и тщательно примѣнено къ дѣлу. Мы занялись отвлеченнымъ рѣшеніемъ вопроса, тогда какъ, подражая старому времени, нужно бы было уже давно готовые отвѣты примѣнять къ нашей современности и прямо обратиться къ самому существенному для насъ вопросу о русскомъ воспитаніи: какъ оно можетъ и должно удовлетворить нашимъ общественнымъ потребностямъ. Ясно, что здѣсь одни отвлеченныя умозрѣнія нисколько не помогутъ дѣлу; здѣсь нужны факты изъ прошедшаго и настоящаго; нужно узнать, какіе опыты дѣлались въ прошедшемъ и какіе выходили изъ нихъ результаты, какія стремленія выказывались въ обществѣ и какъ удовлетворяло воспитаніе; нужно знать, какими преданіями пользуется въ этомъ дѣлѣ современность и какими идеалами живетъ она, стремясь осуществить ихъ.

Вопросъ о воспитаніи нельзя устранить отъ многихъ общественныхъ вопросовъ, если мы хотимъ, чтобъ наши разсужденія и выводы не остались только въ отвлеченной теоріи, а перешли бы въ практику. Конечно, этому дѣлу не помогутъ разсужденія о томъ, какъ распредѣлять по классамъ учебные предметы, и какія науки имѣютъ болѣе образовательной силы. Въ сущности едва ли важны подобныя разсужденія. Каждая наука можетъ имѣть сильное образовательное вліяніе, если только будетъ нарочно и хорошо къ тому направлена. Намъ нужно опредѣлить точку, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на русское воспитаніе въ связи съ общественными потребностями и съ этой точки оцѣнивать важность и достоинство предметовъ. Для этого опять нужны факты, безъ которыхъ нельзя остановиться ни на чемъ опредѣленномъ. Не много тутъ поможетъ намъ и устройство училищъ по иностранному образцу. Факты намъ говорятъ, что мы не разъ отправлялись за границу, чтобы тамъ ознакомиться съ формами училищнаго правленія и порядка, и потомъ согласно съ ними устраивали свои училища; но проходило не мало времени, а ожидаемыхъ успѣховъ не было, и вотъ мы снова отправлялись

заграницу за дополненіями, видѣли, какъ быстро тамъ все развивалось и улучшалось, и дивились, отчего у насъ оказывается такой застой. Ясно, что формы переносить намъ было легко; но какія же силы могли перенести духъ, одушевляющій эти формы? Онъ принадлежитъ народу и обществу и составляетъ ихъ народность, которую нельзя заимствовать; безъ него же формы быстро мертвѣютъ и обращаются въ утомительную пустую формальность. Не видно ли изъ этого, что въ каждомъ народномъ воспитаніи, при всемъ его общечеловѣческомъ направленіи, непремѣнно должна быть своя частица народности, которая и составляетъ всеоживляющій духъ?

Такимъ образомъ, русской педагогіи слѣдуетъ заняться рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, отвѣтовъ на которые она не найдетъ въ иностранныхъ литературахъ. Ей нужно вращаться не въ отвлеченностяхъ, а въ фактахъ. Намъ нечего стыдиться, если многіе изъ этихъ фактовъ окажутся неутѣшительны, нечего обманывать себя; лучше скорѣе проснуться и признаться другъ другу во всѣхъ своихъ несовершенствахъ, чтобъ успѣшнѣе прокладывать дорогу къ совершенству.

Въ этомъ случаѣ историческія монографіи много могутъ помочь намъ, обнаруживъ факты, въ которыхъ всегда заключается важный смыслъ для того, кто умѣетъ смотрѣть на нихъ, какъ слѣдуетъ. Вотъ отчего мы сказали, что книга г. Лавровскаго въ настоящее время явилась весьма кстати. Подробно и обстоятельно разсматриваетъ она педагогическія идеи Императрицы Екатерины Второй, которыя высказались во многихъ ея сочиненіяхъ, особенно же въ ея инструкціи, данной Салтыкову, какъ воспитывать Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, въ ея учебныхъ руководствахъ, написанныхъ съ тою же цѣлію. Едва ли какой монархъ такъ вникалъ въ воспитательныя идеи и такъ хорошо былъ знакомъ съ лучшими писателями по этой части, какъ Екатерина. Ея постоянныя заботы о разумномъ общественномъ воспитаніи принесли Россіи много пользы и дали русской исторіи нѣсколько прекрасныхъ страницъ, на которыя до сихъ поръ мы еще мало обращали вниманія. Слава ея заключается не только въ громѣ побѣдъ, но и въ училищахъ, которымъ она стремилась дать прочное основаніе. Она, при посредствѣ Бецкаго, зникомилась съ педагогикой по иностраннымъ писателямъ, образовала по нимъ свой взглядъ и заимствовала у нихъ весьма многое, какъ это видно изъ разбора и сравненій г. Лавровскаго. По нашему мнѣнію, лучше ей нельзя было ничего и сдѣлать, какъ разумно воспользоваться трудами многихъ

умныхъ людей, примѣнить ихъ къ дѣлу, и въ то же время не потерять изъ виду, что для Россіи нужно воспитать русскихъ людей, а не космополитовъ. Екатерина можетъ служить образцомъ и нашему времени. Большая часть ея идей теперь могутъ назваться старыми, но никакъ не устарѣлыми.

Ея человѣчественная личность прекрасно рисуется намъ въ сочиненіи г. Лавровскаго, хотя онъ, повидимому, и не старается совокуплять въ одно цѣлое многія яркія черты; но такъ какъ здѣсь имѣется дѣло съ ея собственными сочиненіями, то она сама высказывается въ нихъ, и надо отдать автору полную справедливость, что онъ удачно умѣлъ извлечь изъ нихъ все существенное. Трудъ его былъ не легокъ и не маловаженъ, въ чемъ убѣдится каждый, кто внимательно прочитаетъ его, а прочитать необходимо всѣмъ, занимающимся вопросами о воспитаніи. Что касается до разбора сочиненій Екатерины, до оцѣнки ихъ значенія, до самой ея личности, то здѣсь мы не можемъ сказать многое противъ автора; онъ исполнилъ свой трудъ старательно и добросовѣстно и выказалъ большія свѣдѣнія историческія и теоретическія по части педагогики.

Но при всемъ томъ, по прочтеніи книги г. Лавровскаго, рождаются вопросы, отвѣты на которые хотѣлось бы встрѣтить тутъ же для большаго педагогическаго ея интереса.

Екатерина хотѣла примѣнить всѣ свои воспитательныя идеи къ извѣстнымъ личностямъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ примѣнялись къ нимъ; спрашивается: какъ же онѣ осуществились въ питомцахъ, на сколько удачно и въ какой мѣрѣ оказались дѣйствительными по отношенію къ воспитанію? Тамъ, гдѣ въ виду извѣстныя личности, нужно только прослѣдить жизнь ихъ, чтобы отвѣчать на нашъ вопросъ. Историко-педагогическія изслѣдованія для полноты должны, какъ намъ кажется, непремѣнно обнимать два поколѣнія—старшее съ его идеями и стремленіями и младшее, на которое устремлены онѣ. Успѣхи и достоинство воспитанія оказываются вполнѣ только тогда, когда оно кончится, т.-е. въ дѣйствительной жизни, на полной свободѣ. Жизнь младшаго поколѣнія даетъ оцѣнку воспитательнымъ идеямъ и заботамъ старшаго; слѣдственно, для насъ весьма важно и поучительно видѣть, на сколько осуществились въ жизни и въ личностяхъ тѣ идеи, которыя такъ прекрасно выражались въ идеалѣ.

Разумѣется, эти высшіе идеалы, къ которымъ стремятся немногіе лучшіе люди вѣка, стараясь сообразовать съ ними и воспитаніе, не могутъ совершенно осуществиться. Этому непре-

мѣнно помѣшаютъ идеалы другого рода, идеалы большинства, не всегда безукоризненнаго въ своихъ стремленіяхъ. Счастливо было бы то общество, которое бы увлекалось только одними возвышенными идеалами, но этого почти никогда не бываетъ. Обыкновенно, большинство создаетъ себѣ идеалы блестящіе лишь внѣшностью, и хилые, больные нравственно, само не замѣчая того; чѣмъ оно невѣжественнѣе, тѣмъ пустѣе и грубѣе самые идеалы, къ которымъ оно стремится въ своей жизни. Соединяя съ ними свое одностороннее, матеріальное понятіе о счастіи, разумѣется, оно стремится осуществить ихъ въ своихъ дѣтяхъ посредствомъ воспитанія, потому что съ нимъ также необходимо сливается идея о счастіи. Кто не хочетъ счастія своимъ дѣтямъ? не каждый ли старается дать имъ воспитаніе сообразно съ своимъ понятіемъ о счастіи? это можно сказать утвердительно! Если, напримѣръ, вы думаете видѣть счастіе только въ одной блестящей внѣшности, то на эту сторону только и обратите вниманіе при воспитаніи своего сына или дочери. Ваше стараніе будетъ —осуществить въ нихъ свой идеалъ.

Конечно, такого понятія о счастіи не могутъ раздѣлять лучшіе, нравственные люди, не могутъ и увлекаться такими мишурными идеалами. Сознавъ ничтожность ихъ, они создаютъ себѣ другіе, возвышенные идеалы, соединивъ ихъ съ другимъ, очищеннымъ понятіемъ о счастіи и часто становятся въ противорѣчіе съ общественными стремленіями. Разумѣется, сообразное съ этимъ направленіе они стараются дать и воспитанію. Но какъ бы они ни стремились устранить притомъ всякое вліяніе общественныхъ понятій и идеаловъ, едва ли будутъ въ состояніи достигнуть этого: отъ большинства трудно уединиться; оно непремѣнно съ которой-нибудь стороны выкажетъ свою силу и оставитъ свои слѣды, а они могутъ помѣшать точно соображенному воспитанію и потомъ даже отозваться въ жизни.

Такимъ образомъ, если и не могутъ осуществиться вполнѣ педагогическія идеи немногихъ лучшихъ людей въ обществѣ, то все же онѣ должны выказать сильное вліяніе, когда были удобопримѣнимы къ дѣлу. Въ противномъ же случаѣ ихъ нужно назвать ошибкою, мечтою, утопіей, какъ бы ни казались онѣ хороши съ перваго взгляда. Прослѣдить это вліяніе, имѣя въ виду и тѣ и другіе идеалы, также задача для историко-педагогическаго сочиненія. Конечно, въ настоящемъ случаѣ сдѣлать это было бы, можетъ быть, довольно трудно и мы нисколько не ставимъ того г. Лавровскому въ вину, а только хотимъ прояснить вопросы, которые невольно родились у насъ при чтеніи его со-

чиненія. И мы въ настоящую минуту не беремся разрѣшать ихъ, хотя и убѣждаемся, на сколько намъ извѣстны жизнь и понятіе Императора Александра I, что педагогика Екатерины оказала свое доброе вліяніе, и слѣдственно заключала въ себѣ много здраваго и нравственно питательнаго; съ другой стороны, не можемъ не видѣть также и противоположнаго общественнаго вліянія, которое отчасти выказалось въ той же жизни...

Впрочемъ, для большаго оживленія своего труда г. Лавровскій легко бы могъ представить въ полномъ и живомъ образѣ идеалъ, съ которымъ Екатерина соединяла свои мысли о воспитаніи. Тогда бы онъ увидѣлъ, что главныя черты этого идеала совершенно тождественны съ идеалами русскихъ писателей, современныхъ Императрицѣ; тогда бы ему не пришлось такъ уединять ее отъ другихъ замѣчательныхъ русскихъ литературныхъ личностей, что̀ очень замѣтно въ его сочиненіи и что не представляетъ той жизни, какую Екатерина сообщала своимъ литературнымъ сотрудникамъ. Всѣ они, стремясь выразить одинъ и тотъ же идеалъ, такъ сходились съ нею въ мысляхъ и сами такъ много проясняли ей! Если русская царица не всегда могла найти сочувствіе своимъ лучшимъ стремленіямъ въ большинствѣ, то могла утѣшаться нелицемѣрнымъ восторгомъ самаго малаго кружка, который составляли люди лучшіе по своимъ понятіямъ. Въ нихъ она могла видѣть источникъ будущаго здраваго развитія народа, потому что каждая истина въ началѣ принимается немногими и ихъ устами мало-по-малу разносится по землѣ. Эта тѣсная связь идеаловъ русскихъ писателей съ идеалами Императрицы весьма замѣчательна и, характеризуя ея царствованіе, представляетъ утѣшительное явленіе въ нашей литературѣ. Коснувшись ихъ, г. Лавровскій необходимо долженъ бы былъ и комедіи Екатерины представить нѣсколько въ иномъ свѣтѣ.

Дидактизмъ, господствовавшій тогда въ европейской литературѣ, перешелъ и къ намъ и особенно полюбилъ выражаться въ формахъ сатиры и комедіи. Потерявъ изъ виду художественную цѣль, наши писатели въ качествѣ благородныхъ и нравственныхъ людей вступаютъ въ борьбу съ невѣжествомъ и избираютъ своимъ оружіемъ комедію и сатиру съ цѣлью обнаружить и осудить пороки. Всѣ русскія комедіи этого времени составляютъ, такъ сказать, особенный циклъ, имѣющій свой опредѣленный характеръ и живо рисующій тогдашнее общество. Екатерина является здѣсь въ числѣ прочихъ и послѣ опытовъ многихъ другихъ. Уже это одно показываетъ тѣсную связь ея съ общимъ литературнымъ направленіемъ и не позволяетъ уединять ее. Самые

нападки ея на уродливое воспитаніе не представляютъ той оригинальности, какую, повидимому, хочетъ видѣть г. Лавровскій: они были общи съ нападками другихъ писателей, начиная съ Кантемира и Сумарокова. Замѣчательно, что всѣ наши сатирическіе писатели прошедшаго столѣтія нападали особенно на дурное воспитаніе, въ которомъ видѣли корень всякаго зла. Фонъ-Визинъ сильнѣе и художественнѣе всѣхъ выразилъ такое печальное общественное явленіе. Онъ одинъ вполнѣ оправдываетъ то опредѣленіе, какое Екатерина дала комедіи: „комедія представляетъ дурные нравы и осмѣиваетъ то, что смѣха достойно“ [1]). Всѣ прочіе наши комики, не исключая и Императрицы, не осмѣивали, что̀ достойно смѣха, а осуждали, что̀ достойно осужденія; у всѣхъ нихъ весьма чувствителенъ недостатокъ комизма. Такимъ образомъ всѣ наши комедіи и даже сатиры екатерининскаго періода отличаются тѣмъ педагогическимъ значеніемъ, какое г. Лавровскій приписываетъ комедіямъ Екатерины, а это уже служитъ характеристикою цѣлой литературной эпохи, а не одной извѣстной личности.

Наконецъ, нельзя не замѣтить важнаго упущенія, которое бросается въ глаза при чтеніи книги г. Лавровскаго. Онъ слишкомъ мало оцѣнилъ Бецкаго и не опредѣлилъ вполнѣ того участія, какое этотъ великій мужъ имѣлъ въ развитіи педагогическихъ идей Императрицы. Сказать, что идеи Екатерины были идеями Бецкаго, слишкомъ недостаточно, потому что безъ него, можно сказать утвердительно, Екатерина не пріобрѣла бы тѣхъ основательныхъ понятій о воспитаніи, которыя она выказала въ заботахъ о своихъ внукахъ. Онъ былъ ея наставникомъ въ этомъ дѣлѣ, онъ наводилъ ее на тѣ и другія мысли; будучи ея чтецомъ съ начала ея царствованія до 1770 года, онъ выбиралъ и читалъ ей лучшія педагогическія сочиненія, какъ, напр., Локка, Монтаня и др., что̀ конечно составляло предметъ многихъ дѣльныхъ и важныхъ бесѣдъ между нимъ и Императрицею. Наконецъ, въ то время, какъ Екатерина писала инструкцію съ желаніемъ примѣнить свои педагогическія познанія къ воспитанію своихъ Августѣйшихъ внуковъ, идеи Бецкаго уже давно были примѣнены въ нѣсколькихъ воспитательныхъ заведеніяхъ и обѣщали добрые плоды. Всѣ планы и начертанія Бецкаго Императрица читала внимательно и нельзя не видѣть ихъ сильнаго вліянія на ея понятія. Вотъ отчего, по нашему мнѣнію, для полноты, для большей опредѣленности и исторической точности автору было

[1]) Комедія: Именины г-жи Ворчалкиной.

необходимо разобрать труды Бецкаго въ связи съ трудами Императрицы, тѣмъ болѣе необходимо, что до сихъ поръ о Бецкомъ у насъ не написано ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго сочиненія. Большинство о немъ забыло, а съ педагогической его системой знакомы развѣ очень и очень немногіе, не смотря на то, что большая часть его правилъ и теперь можетъ имѣть свою полную силу.

Сочиненіе г. Лавровскаго даетъ намъ поводъ нѣсколько очертить эту прекрасную личность и тѣмъ пополнить пробѣлъ, который замѣчается въ разбираемой книгѣ. Съ этимъ вмѣстѣ мы коснемся и педагогическихъ идей нѣкоторыхъ другихъ современныхъ Бецкому лицъ, которыя задумывались о воспитаніи. Въ настоящую минуту мы не беремся представить полную біографію Бецкаго, хотя онъ, какъ великій мужъ, вполнѣ того заслуживаетъ: для этого намъ нужно бы было иначе приготовиться. Здѣсь мы будемъ смотрѣть на него болѣе съ историко-педагогической точки, пользуясь тѣми біографическими фактами, которые мы успѣли собрать. Такимъ образомъ полная оцѣнка разнообразныхъ трудовъ Бецкаго здѣсь не можетъ имѣть мѣста.

II.

До 1763 года, когда Бецкій выступилъ на воспитательное поприще, у насъ было высказано очень мало нравственно-педагогическихъ идей внѣ круга спеціальнаго обученія. Не нужно говорить, какъ мы понимали воспитаніе до Петра Великаго. Хотя нельзя утверждать, что намъ были совершенно незнакомы идеалы нравственнаго человѣка, что отцы не думали о счастіи своихъ дѣтей; но всѣ эти понятія слишкомъ затемнялись и уродовались односторонними, матеріальными взглядами, излишнею привязанностью къ преданіямъ, которыя часто, потерявъ свой смыслъ, держались одною формою. Добрые примѣры и родительскія наставленія, конечно, имѣли мѣсто въ древней русской семьѣ, по крайней мѣрѣ въ той, которая стремилась жить по христіански.

Съ этимъ вмѣстѣ соединялось главное воспитательное орудіе —розга; въ педагогической ея силѣ и важности были убѣждены всѣ. Это достаточно показываетъ намъ г. Буслаевъ въ своей статьѣ о древней русской повѣсти „Горе злосчастіе“. (Русскій Вѣстн. 1846). Впрочемъ, нужно замѣтить, что вся Европа весьма долгое время при воспитаніи была особенно пристрастна къ розгѣ. Книжное обученіе у насъ было скудно даже и въ цар-

скихъ семействахъ (см. Бытъ русскихъ царей, Забѣлина. Отеч. Записки).

Съ Петра Великаго идея воспитанія сливается исключительно съ идеею книжнаго обученія. Въ идеалѣ царя русскій человѣкъ представлялся европейцемъ со всѣми его знаніями, искусствомъ, образомъ жизни и трудомъ. Стремясь осуществить въ себѣ этотъ идеалъ, онъ принуждалъ къ тому и всѣхъ другихъ; отсюда обученіе на первый разъ стало единственнымъ средствомъ сколько-нибудь приблизиться къ европейскому идеалу. Эта потребность вызвала школы преимущественно спеціальныя, потому что практическими спеціальными знаніями Европа особенно поразила Русскаго Царя, и въ нихъ онъ видѣлъ ея силу, богатство и блескъ. Въ этихъ-то первыхъ школахъ мы замѣчаемъ странное явленіе, которое, впрочемъ, легко объясняется: дѣти соединяются со взрослыми, съ мужами подъ общимъ названіемъ школьниковъ; и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ передаются одни и тѣ же знанія, по той идеѣ, что учиться никогда не поздно; а Петръ нашелъ въ одномъ ученіи средство воспитывать своихъ подданныхъ сообразно съ своимъ идеаломъ. Въ инструкціяхъ вновь заводимымъ школамъ изрѣдка только встрѣчаются намеки на нравственную сторону и то для сохраненія общаго порядка, какъ, напримѣръ, въ уставѣ Морской Академіи (1715 г.) правило, „чтобъ воспитанники послѣ молитвы расходились по классамъ и садились по своимъ мѣстамъ „со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузіи, не досадя другъ другу“. Въ то же время, для наблюденія за порядкомъ, было приказано дядькѣ во всякомъ классѣ „имѣть хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать онымъ хлыстомъ бить не смотря какой бы ученикъ фамиліи ни былъ“ [1]).

Такимъ образомъ розга замѣнилась здѣсь хлыстомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ приказано было „сѣчь по два дни нещадно батогами, или по молодости лѣтъ вмѣсто кнута наказывать кошками“. И эти наказанія еще не были самыя жестокія, потому что гоняли и шпицъ-рутенами сквозь строй, а потомъ снова сажали учиться [2]). Конечно, такія наказанія вызывались грубыми нравами общества, которое долго не могло забыть свои прежніе идеалы и, все еще любя ихъ и стремясь къ нимъ, всячески уклонялось отъ воли Петра. Грубая удаль вызывала молодежь на

[1]) Очеркъ Исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса Веселаго, стр. 41.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

отчаянные поступки, которые между прочимъ не удивляли и не приводили въ ужасъ никого; такъ къ числу тогдашнихъ школьныхъ шалостей принадлежали пьянство, буйство, разбой, воровство, побѣгъ и пр. т. п.

Вотъ какое направленіе въ своихъ семьяхъ получали многія дѣти! Можно себѣ представить, какъ они развивались нравственно и какъ не легко было школѣ сколько-нибудь смирить ихъ. Впрочемъ, главная цѣль школъ состояла, какъ мы сказали, въ обученіи, и онѣ дѣлали свое дѣло. Петръ же приписывалъ обученію также и сильное нравственное дѣйствіе. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его инструкція магистратамъ (1724 г.), гдѣ, въ 33 статьѣ, онъ приказываетъ: „стараться прилежно, чтобъ малолѣтныя не только зажиточныхъ, но и бѣдныхъ людей, гражданскихъ жителей дѣти читать, и писать, и ариѳметикѣ или цифирному счисленію обучались, и для того при церквахъ, или гдѣ пристойно, учреждать школы, чтобъ такія малолѣтнія, а особливо бѣдныхъ гражданъ дѣти, отъ которыхъ впредь граду польза и вспоможеніе можетъ быть, безъ обученія въ непотребство и въ какой-нибудь вредъ граду не возрастали“ [1]).

Въ 1731 году графъ Минихъ устроилъ въ Петербургѣ Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, какъ говорится въ уставѣ, по примѣру прусскаго, датскаго и прочихъ королевскихъ кадетскихъ домовъ. Здѣсь нѣкоторыя статьи обращаютъ на себя наше особенное вниманіе, представляя шагъ впередъ въ педагогическихъ пріемахъ. До этого времени дѣтей и юношей самовольно распредѣляли по спеціальнымъ школамъ, глядя по нуждѣ и требованію. Право свободнаго выбора не принадлежало почти никому. Въ уставѣ же кадетскаго корпуса уже намекаютъ на склонности [2]) молодыхъ людей; и хотя главная цѣль корпуса состояла въ образованіи военныхъ офицеровъ, слѣдственно и въ обученіи военнымъ наукамъ, но при этомъ давалась возможность также слѣдовать своимъ природнымъ склонностямъ: „А понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, такожъ и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе, того ради имѣть притомъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки

---

[1]) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. VII № 4624.

[2]) Впрочемъ, въ концѣ своей жизни и Петръ В. выразилъ подобную мысль при учрежденіи Академіи Наукъ: „каждаго ученика, назначаемаго къ одному изъ Академиковъ именно спросить, къ какой наукѣ онъ болѣе склоненъ и себя опредѣлитъ“; но эта мысль рѣдко исполнялась.

и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы видя прирожденную склонность, по тому бы и къ ученію опредѣлять“ [1]).

Въ защиту такой новой мѣры не нужно приводить никакихъ разсужденій: за нее стоятъ имена многихъ извѣстныхъ лицъ, получившихъ тамъ свое образованіе и потомъ прославившихся на разнообразныхъ поприщахъ, не исключая и литературнаго.

Прежнее бѣдственное положеніе учениковъ на вольныхъ квартирахъ, гдѣ отъ излишней свободы страдала ихъ нравственность, также обратило на себя вниманіе правительства. Устранить это дурное вліяніе можно было только однимъ средствомъ: взять за непремѣнное правило, чтобъ всѣ кадеты жили въ одномъ домѣ на полномъ казенномъ содержаніи, что давало возможность имѣть за ними постоянный надзоръ. Тутъ же было легче исполнять и нравственныя педагогическія предписанія, которыя въ уставѣ въ первый разъ высказываются съ нѣкоторою опредѣленностью, какъ правила важныя и которыя отличаются болѣе кроткимъ тономъ: „на ихъ нравы, обычаи и поступки надзиратели должны имѣть родительское смотрѣніе, дабы они о всѣхъ своихъ поведеніяхъ, то еже добродѣяніе, учтивость, пристойная покорность и честь повелѣваетъ, всегда чинили, а лжи и невѣрности, и прочіе шляхетству непристойные пороки заранѣе у нихъ весьма искоренены были“ [2]).

Впрочемъ, не со всѣми можно было употреблять только однѣ кроткія мѣры, такъ какъ въ корпусъ поступали юноши отъ 13 до 18 лѣтъ. Многіе изъ нихъ выросли въ помѣстьяхъ при самомъ дурномъ надзорѣ, въ грубой жизни, въ баловствѣ со стороны родителей и родныхъ, нянюшекъ и дядекъ, при рабскомъ подобострастіи со стороны крѣпостныхъ слугъ. Очень понятно, что воспитателямъ было весьма трудно справляться съ такими испорченными, избалованными и суровыми характерами. Молодые люди отъ дѣтства не были пріучены подавлять въ себѣ вспышки грубыхъ страстей и подчинять ихъ разсудку и волѣ, и потому нѣкоторые изъ нихъ, не задумываясь, рѣшались на отчаянные поступки. Въ корпусѣ стали оказываться побѣги даже дѣтей княжескихъ фамилій. Разумѣется, бѣглецовъ ловили, и чтобы отнять у другихъ охоту подражать имъ, положено было: отсылать пойманнаго бѣглеца въ гарнизонную школу для ученья съ солдатскими дѣтями, за первый побѣгъ на полгода, за второй на три

---

[1]) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. VIII № 5811.
[2]) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. VIII № 5881.

года [1]). Такимъ образомъ крайній недостатокъ первоначальнаго домашняго воспитанія вызывалъ крайнія мѣры со стороны воспитанія училищнаго. Если молодые люди бѣгали изъ корпуса, гдѣ получали самое завидное содержаніе, то нисколько неудивительны безпрестанные побѣги изъ тѣхъ школъ, гдѣ была крайняя скудость во всемъ, гдѣ кромѣ обученія не существовало никакихъ педагогическихъ правилъ, гдѣ даже не заботились о сохраненіи здоровья воспитанниковъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ разительный случай, разсказанный Бецкимъ со словъ доктора Саншеса. Въ 1734 г. призванъ былъ этотъ докторъ къ архимандриту Александро-Невскаго монастыря, чтобъ осмотрѣть дѣтей числомъ до пятидесяти, отъ восьми до пятнадцати лѣтъ: всѣ они были больны цынгою. Съ удивленіемъ онъ увидѣлъ, что у нихъ десны были гнилыя, зубы шатались, такъ что многіе изъ нихъ можно было вынимать пальцами. У иныхъ ротъ и небо были испорчены до самаго горла. Прежде всего докторъ старался узнать, что они ѣдятъ, пьютъ, въ чемъ упражняются, гдѣ и на чемъ спятъ. Спали они въ большой избѣ въ нижнемъ жильѣ въ спертомъ воздухѣ. Въ углу была деревенская большая печь; вмѣсто постели доски или нары, какъ въ многолюдной караульнѣ. Спали они часто не раздѣваясь [2]).

Такъ, при полномъ незнаніи педагогическихъ средствъ, начиналось у насъ общественное воспитаніе; потому учрежденіе шляхетнаго корпуса на болѣе опредѣленныхъ педагогическихъ основаніяхъ представляетъ намъ значительный шагъ впередъ. Укажемъ здѣсь еще на одну статью, обращающую на себя наше вниманіе. Въ корпусномъ уставѣ высказывается мысль, что успѣшное преподаваніе наукъ можетъ быть лишь на языкѣ отечественномъ; на иностранномъ же оно допускалось только тогда, когда нельзя было найти учителя, хорошо знающаго по-русски, и то только въ тѣхъ классахъ, гдѣ ученики хорошо могли понимать иностранные языки. Замѣтимъ, что до этого учащіеся должны были вынести много трудовъ, едва или совсѣмъ не понимая языка своихъ учителей-иностранцевъ; знанія добывались ими кровавымъ потомъ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны всему дворянскому сословію было предоставлено право опредѣляться въ школы по собственному выбору и врожденнымъ склонностямъ. Родителямъ позволялось воспитывать дѣтей дома до двадцатилѣтняго возраста съ

---

[1]) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. IX № 6395.

[2]) Генеральн. планъ Моск. Воспитат. Дома. Часть II.

обязательствомъ приготовить ихъ на службу и научить извѣстнымъ наукамъ; для повѣрки же они должны были представлять недорослей 7, 12 и 16 лѣтъ на смотръ и на экзамены. Дѣти же дворянъ недостаточныхъ или тѣхъ, которые не хотѣли взять на себя обязательство выучить ихъ опредѣленнымъ наукамъ, двѣнадцати лѣтъ отбирались отъ родителей и размѣщались по школамъ сообразно съ ихъ желаніемъ, способностями и склонностями.

Въ 1743 году мы находимъ еще одну новую нравственно-воспитательную мѣру, объявленную всенародно Сенатскимъ указомъ. Синодъ замѣтилъ, что въ русскихъ семействахъ не заботятся давать дѣтямъ христіанское воспитаніе, т.-е. не даютъ имъ правильнаго и яснаго понятія о Богѣ, о православной вѣрѣ и ея догматахъ, объ обязанностяхъ христіанина и пр.; почему и просилъ Сенатъ объявить указомъ, что дѣти дворянъ и людей другихъ чиновъ обязаны обучаться закону Божію съ нравственною цѣлію, чтобы знать пути праведной жизни и истиннаго спасенія. Съ этимъ вмѣстѣ предписывалось всѣмъ свѣтскимъ властямъ, по ихъ вѣдомствамъ, и священникамъ, по ихъ приходамъ, строго наблюдать за исполненіемъ того указа и неослабно понуждать нерадивыхъ. Если же отцы и опекуны обличатся, что нисколько не заботились о христіанскомъ воспитаніи дѣтей, то должны заплатить штрафъ—дворяне по десяти рублей, а прочіе по два—мѣра въ то время довольно дѣйствительная, которую нерѣдко употреблялъ и Петръ Великій, чтобы заставить дѣйствовать по указамъ. Штрафныя деньги назначались въ пользу Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. При этомъ же объявлено было, что для христіанскаго обученія Синодъ опредѣлитъ тамъ, гдѣ нужно, знающихъ людей и разошлетъ въ довольномъ числѣ буквари и катихизисы [1]).

Неизвѣстно, какъ исполнялся этотъ указъ; сомнительно, чтобы и при самомъ своемъ началѣ онъ имѣлъ полную силу, а съ теченіемъ времени, конечно, и совсѣмъ забылся, какъ это случалось часто со многими указами. Но для насъ здѣсь важно самое проявленіе мысли, какъ доказательство желанія правительства установить народное воспитаніе на прочныхъ началахъ. Едва ли можно было тогда найти достаточное число знающихъ законоучителей для всей Россіи; по крайней мѣрѣ въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ и въ Академіи, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, передъ обѣднею было заведено ученіе катихизическое

[1]) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. XI № 8726.

для народа [1]), передъ которымъ черезъ нѣсколько лѣтъ прославился юноша Петръ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Московскій Платонъ.

Съ учрежденіемъ Московскаго университета та же самая мысль о религіозномъ воспитаніи разъяснялась въ публичныхъ рѣчахъ нѣкоторыхъ профессоровъ, между которыми особенно отличался Барсовъ. Развивая идею о воспитаніи, онъ безпрестанно напоминалъ о необходимомъ соединеніи ученія съ благочестіемъ. О томъ же самомъ много заботился и директоръ университета Мелиссино: „учащемуся юношеству, говорилъ онъ, ничто такъ къ доброму воспитанію не нужно, какъ прежде всего влагать въ сердца ихъ страхъ Божій, знаніе христіанскаго закона и его таинствъ“ [2]). Особенно замѣчательна для насъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь Барсова о цѣли ученія, произнесенная въ 1760 году. „Конецъ и намѣреніе ученія, говоритъ онъ, есть знаніе. Но знаніе, подобно оружію—и во благо и во зло употребить его можно. Надобно умѣть управлять имъ: управляетъ знаніемъ сердце, а въ немъ добродѣтель. Знаніе должно быть дверію къ добродѣтели. Честное сердце предпочитается великому разуму. Но и этимъ нельзя ограничиться: надъ добродѣтелью возвышается законъ и благочестіе христіанское, безъ котораго никакое знаніе истинно полезно и никакая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ всегда соединять надлежитъ“ [3]). Здѣсь весьма замѣчательно опредѣленіе знанія, съ котораго исключительно началось европейское воспитаніе русскаго человѣка. Петръ Великій, смотря съ государственно-практической точки, видѣлъ въ знаніи одно добро; московскій профессоръ, смотря съ точки болѣе философской, справедливо замѣчаетъ, что его можно употребить и во зло, что оно одно слишкомъ недостаточно при воспитаніи, и что только нравственное развитіе сердца сообщаетъ знанію живительную и благодатную силу.

Въ 1759 году нужно было выбрать воспитателя для шестилѣтняго Великаго Князя, Наслѣдника Престола, Павла Петровича. Выборъ былъ сдѣланъ весьма удачно: онъ палъ на Никиту Ивановича Панина (впослѣдствіи графа). Еще за одиннадцать лѣтъ до этого онъ былъ назначенъ посланникомъ къ Швед-

---

[1]) Исторія Московской С. Г. Л. Академіи. Смирнова, стр. 116.
[2]) Исторія Моск. Универс. Шевырева, стр. 41.
[3]) Тамъ же, стр. 86.

скому двору за кротость нрава и проницательный разумъ, такъ какъ соединеніе этихъ двухъ качествъ необходимо было, чтобы воспрепятствовать Швеціи разорвать мирный ея союзъ съ Россіею. Панинъ умѣлъ пріобрѣсти въ Стокгольмѣ такое уваженіе, что, по свидѣтельству современниковъ, каждый шведъ произносилъ съ почтеніемъ его имя. Хорошо образованный, знакомый съ нѣсколькими европейскими языками и литературами, жившій довольно времени при разныхъ европейскихъ дворахъ, Панинъ могъ хорошо понимать важность истиннаго воспитанія и вообще каждаго человѣка, а въ особенности лица, рожденнаго для престола. Намъ неизвѣстенъ вполнѣ тотъ планъ, который по приказанію Императрицы Елисаветы онъ изготовилъ для воспитанія ея внука. Одна краткая біографія графа Панина [1]) говоритъ, что онъ изложилъ тамъ правила въ образѣ истинной нравственности, и приводитъ главныя его мысли, которыя мы повторяемъ здѣсь: „когда наслѣдникъ трона достигаетъ эпохи зрѣлости, въ которую развивается съ быстротою мысли жадное понятіе о достоинствѣ каждаго (тогда онъ), очень скоро принимаетъ къ своему сердцу одно полезное, чего отъ природы самый добрый государь, если не былъ руководимъ истиннымъ назначеніемъ, не запечатлѣетъ въ памяти. Онъ не вознесется и до доброй славы, если пренебрежетъ свой уставъ, отечество и его благо. Наставникъ особенное долженъ обращать попеченіе на то, чтобы ничего не дѣлали и не говорили передъ питомцемъ своимъ, что̀ могло бы хотя малѣйше повредить или ослабить сердце его къ тихимъ добродѣтелямъ; напротивъ, еще обязанъ наклонять мягкую и юную душу къ добру и честности; обогащать умъ его разительными примѣрами торжества заслугъ и посрамленія людей недостойныхъ. Чтобы возросли въ молодомъ сердцѣ плоды добра, не только надобно отвращать отъ всего дурного, но даже отъ того, что несовмѣстно съ скромностью. Во все продолженіе воспитанія нужно изгнать пышность и все то, что̀ легко портитъ юность. Украшеніями его чертоговъ должны быть доброта и чистота души; время не опоздаетъ привлечь тьму ласкателей. Наставники, пока еще не окончатъ его воспитанія, обязаны и по закону и по долгу развивать въ немъ нравственныя мысли и предохранять ихъ отъ порочныхъ направленій; они и сами въ обращеніи съ

[1]) Жизнь графа Н. И. Панина. 1786. Также сочиненіе Терещенко: „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи“. Часть II, стр. III.

нимъ должны быть во всемъ осторожны"... Трудно сказать, имѣлъ ли Панинъ подъ рукою сочиненія Локка, Монтаня и другихъ, писавшихъ до того времени, но нельзя не замѣтить, что эти педагогическія мысли совпадаютъ съ ихъ мыслями о воспитаніи—дѣйствовать на нравственную сторону воспитанника, преимущественно развивать ее и стараться удалять всякое дурное вліяніе. При общемъ стремленіи ко всему иностранному, Панинъ не забылъ, что Россіи нужно приготовить не космополита, а человѣка русскаго, который бы зналъ всѣ уставы своего отечества и могъ бы понимать его истинное благо. Эти мысли въ первый разъ въ Россіи такъ полно соображены и такъ полно примѣнялись къ дѣлу. Стоитъ только прослѣдить хотя одинъ мѣсяцъ въ Дневникѣ Семена Порошина, чтобы видѣть ихъ яркое отраженіе въ системѣ воспитанія, принятой умнымъ воспитателемъ. Намъ извѣстно, что наслѣдникъ престола до самой смерти своего воспитателя смотрѣлъ на него какъ на своего благодѣтеля, который и умеръ на его рукахъ, видя слезы и страшную скорбь своего бывшаго питомца.

Имѣя въ виду педагогическія мысли Н. И. Панина, мы можетъ думать, что и онъ имѣлъ немалое вліяніе на Императрицу Екатерину, и, можетъ быть, первый обратилъ ея вниманіе на воспитательныя идеи. Конечно, Екатеринѣ, по долгу матери, часто приходилось съ нимъ бесѣдовать о воспитаніи сына и соображать многое, относящееся къ педагогикѣ. Впослѣдствіи мысль о русскомъ воспитаніи развила она болѣе и опредѣленнѣе, но Панинъ первый сталъ примѣнять ее къ дѣлу. Здѣсь уже нельзя между ними не видѣть связи.

Такія же стремленія мы замѣчаемъ и въ современномъ русскомъ писателѣ, Сумароковѣ, который прояснялъ обществу идею истиннаго образованія, рисуя ему идеалы нравственнаго человѣка и народнаго правителя. Характеръ этихъ идеаловъ и отношеніе ихъ къ современности имѣлъ я уже прежде случай изслѣдовать и представить въ подробности [1]). Теперь же только замѣчу, что идея русскаго воспитанія безпрестанно занимала Сумарокова. Всѣ народныя черты, безъ которыхъ ни въ какое время русскій не можетъ назваться русскимъ и которыми многіе въ ту пору пренебрегали легкомысленно, онъ защищалъ горячо и даже не скупился на бранныя слова. Извѣстенъ его желчный отзывъ Панину о почтенномъ Бецкомъ, который, по его мнѣ-

[1]) Алекс. Петр. Сумароковъ въ Музык. и Театральн. Вѣстникѣ 1856 года, №№ 36—46.

нію, придавалъ французскому языку большое значеніе въ ущербъ русскому. Замѣчаніе его, что должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ русскомъ [1]), также имѣетъ немаловажное значеніе для того времени, когда по русски не занимались почти ни въ одномъ училищѣ.

Замѣчательно, что въ это же время промелькнула у насъ мысль о важности искусства при воспитаніи. Сумароковъ своими трагедіями даетъ учащемуся юношеству пріятныя забавы, въ которыхъ воспитатели находили пользу, ожидая отъ нихъ смягченія нравовъ. Наука вызывала артистическія натуры, которыя инстинктивно обращались къ искусству, и оно въ самомъ дѣлѣ должно было много помогать нравственному воспитанію.

У насъ до сихъ поръ вполнѣ не сознана педагогическая важность искусства: оно считается больше роскошью; на него смотрятъ, какъ на что-то придаточное, а потому и въ воспитаніи оно употребляется безъ всякаго соображенія. Надъ эстетическимъ образованіемъ задумываются немногіе, а между тѣмъ оно-то особенно благотворно и спасительно для каждаго человѣка и общества: таково было воспитаніе у древнихъ грековъ, и посмотрите, какъ многосторонне, какъ прекрасно развивались тамъ и личности, и цѣлый народъ. Развейте въ человѣкѣ искусствомъ эстетическія стремленія, научите его понимать все прекрасное и наслаждаться имъ, и вамъ не нужно будетъ читать ему мораль: число людей, совращающихся съ добраго пути, значительно сократится. Конечно, поэзія тутъ будетъ важнѣе прочихъ искусствъ, потому что она доступнѣе ихъ; театръ, какъ мѣсто драматическихъ представленій, могъ бы имѣть важное значеніе, если бы его силу поняли люди, которые могутъ устроить его. Въ первое свое время русскій театръ дѣйствовалъ на общественную нравственность болѣе чѣмъ нынѣ, потому что Сумароковъ, какъ директоръ театра и какъ писатель, хорошо понималъ и назначеніе драматическихъ зрѣлищъ и важность драматическихъ писателей. Русскій театръ, родившійся въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, привился и къ Московскому университету, тотчасъ по его основаніи [2]): Шуваловъ, заботясь о воспитаніи, смотрѣлъ на театръ съ большимъ уваженіемъ. Студенты Московсковской академіи, также съ самаго ея основанія, разъигрывали духовныя драмы, и хотя въ отношеніи искусства онѣ стоятъ на низшей степени, но въ отношеніи къ нравственному образова-

[1]) Записки Порошина 27 сентября 1765 года.

[2]) Истор. Моск. Универ., стр. 60.

нію юношества признавались небезполезными. Здѣсь же справедливо смотрѣли и на природу какъ на вспомогательное средство для нравственнаго развитія; такъ регламентъ совѣтовалъ, чтобъ въ рекреаціи ученики прогуливались по полямъ и мѣстамъ веселымъ и къ дворамъ загороднымъ: ибо сіе и здравію полезно и скуку отгоняетъ... [1]). Впослѣдствіи мы увидимъ, какое важное значеніе придавалъ Бецкій веселости духа.

Въ началѣ царствованія Екатерины Второй, при ея дворѣ присоединились къ Н. И. Панину еще два замѣчательные мужа, которые вмѣстѣ съ нимъ и съ Императрицею задумывались надъ воспитаніемъ и тѣмъ оказали Россіи несомнѣнныя услуги — это генералъ-поручикъ Иванъ Ивановичъ Бецкій и юный придворный проповѣдникъ, законоучитель Наслѣдника Престола, іеромонахъ Платонъ Левшинъ.

III.

У насъ нѣтъ довольно фактовъ для полной біографіи Бецкаго, и мы поневолѣ должны довольствоваться лишь скуднымъ очеркомъ его жизни, по тѣмъ немногимъ источникамъ, какіе можно имѣть подъ руками [2]).

Одинъ стихотворецъ по смерти Бецкаго писалъ о немъ между прочимъ слѣдующее:

Гранитнымъ берегомъ Петровъ красуясь градъ,
Ставъ мѣстомъ въ подпебесной славнымъ,
И лѣтами ему былъ равнымъ,
Хоть онъ и не его дитя,
Въ Стокгольмѣ бо рожденъ онъ въ дни войны со Свеи,
Отъ коихъ славные стяжавши Петръ трофеи,
Сей городъ основалъ при Невскихъ берегахъ,
Когда сей мужъ еще былъ въ нѣжныхъ пеленахъ? [3]).

Мысль поэтическая, если представить, что Петербургъ, такъ прекрасно украшенный Бецкимъ, гордящійся и теперь этими

[1]) Истор. Москов. С. Г. Л. Акад., стр. 188.

[2]) До сихъ поръ были напечатаны о немъ краткія біографическія извѣстія въ Словарѣ свѣтскихъ писателей, Евгенія (часть 1), въ Словарѣ достопамятныхъ людей, Бантышъ-Каменскаго (часть 1), въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ (т. 5), въ Сѣвер. Пч. 1847, въ Иллюстраціи (т. 4), въ Справочн. Энциклоп. Словарѣ (т. II) и въ Журн. Мин. Нар. Просв. т. LXXVII, въ статьѣ Матеріалы для біографіи И. И. Бецкаго.

[3]) Пукъ цвѣтовъ парнасскихъ. Матеріалы для біографіи Бецкаго въ журналѣ М. Н. Пр.

чудными украшеніями, былъ ровесникъ Бецкому; онъ основанъ почти въ то время, когда тотъ родился, и притомъ родился среди народа, у котораго только-что была отнята эта земля.

Мѣсторожденіемъ его былъ Стокгольмъ, гдѣ, послѣ несчастнаго нарвскаго дѣла, жило нѣсколько знатныхъ русскихъ плѣнниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и молодой князь, генералъ-маіоръ Иванъ Юрьевичъ Трубецкой. Онъ былъ уже женатъ, но въ столичномъ веселомъ обществѣ шведовъ забылъ о своей молодой женѣ, которая въ Россіи оплакивала его плѣнъ, увлекся страстью къ одной изъ стокгольмскихъ красавицъ—дѣвицѣ изъ почетнѣйшей фамиліи, баронессѣ Вреде, скрылъ, что онъ женатъ, и вступилъ съ нею въ бракъ. Отъ этого союза у нихъ родился сынъ, прославившійся впослѣдствіи подъ именемъ Ивана Ивановича Бецкаго [1]). 3-го февраля 1704 года—время его рожденія, означенное на медали, которую въ 1773 году Сенатъ поднесъ ему въ торжественномъ собраніи, встрѣчаетъ противорѣчіе въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, указывающихъ на 13-е февраля 1702 года [2]).

Какъ воспитывался Бецкій, ни русскій, ни шведъ, мы не знаемъ. Въ запискахъ Нащокина и Дюка де-Лиріа говорится объ его отцѣ, что онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и съ нѣжнымъ сердцемъ, хотя тамъ и не всегда выгодно отзываются объ его умѣ. Впрочемъ мальчикъ и не могъ долго находиться подъ вліяніемъ своего отца, котораго въ 1711 году мы уже находимъ въ городѣ Якобштатѣ вмѣстѣ съ другими русскими военно-плѣнными, Головинымъ, Хилковымъ, Долгоруковымъ и пр.; всѣ они назначены были къ отправленію въ шведскій городъ Уму. Изъ нихъ князю Долгорукову, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами и солдатами въ числѣ 44 человѣкъ, удалось искуснымъ образомъ спастись изъ плѣна и пристать къ Ревелю. Они-то принесли въ Россію извѣстіе о князѣ Трубецкомъ, но не могли сказать, отправленъ ли онъ вслѣдъ за ними въ мѣсто прежняго ихъ назначенія, или остался въ Якобштатѣ [3]).

Какъ бы то ни было, но мы можемъ видѣть, что Бецкій долженъ былъ расти болѣе подъ вліяніемъ матери, чѣмъ отца,

---

[1]) Въ такомъ видѣ разсказъ мы находимъ въ Иллюстраціи и въ Сѣверной Пчелѣ, гдѣ впрочемъ не указано на источники. Бантышъ-Каменскій называетъ Бецкаго побочнымъ сыномъ Трубецкаго.

[2]) Вотъ отчего и упомянутый нами стихотворецъ говоритъ, что Петербургъ былъ основанъ тогда, когда Бецкій былъ въ пеленкахъ. По другому числу Петербургъ нѣсколькими мѣсяцами старше его.

[3]) Русскія Вѣдомости, 1711 г. іюля 12.

и сколько можно заключить изъ его собственныхъ словъ, ему были хорошо знакомы нѣжныя материнскія ласки и заботы.

На двѣнадцатомъ году мы находимъ мальчика уже въ Копенгагенѣ въ кадетскомъ корпусѣ, хотя и не знаемъ причины, которая побудила его мать удалить сына изъ Стокгольма. Въ корпусѣ воспитаніе приноравливалось къ военной службѣ, и потому было нѣсколько сурово, такъ напримѣръ, малолѣтніе кадеты должны были содержать внѣшніе корпусные караулы даже въ самые жестокіе морозы. Впрочемъ Бецкій говоритъ, что какъ онъ, такъ и его товарищи, охотно исправляли всѣ эти должности, и даже находитъ въ томъ большую пользу для военнаго воспитанія [1]).

Восемнадцать лѣтъ пробылъ князь Трубецкой въ плѣну. Въ 1718 году онъ и генералъ Головинъ были вымѣнены на шведскаго генералъ-фельдмаршала графа Реншильда, взятаго въ плѣнъ подъ Полтавою. Бывъ еще прежде любимцемъ Петра Великаго, князь Трубецкой и теперь былъ встрѣченъ царскими милостями: онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и назначенъ быть кіевскимъ губернаторомъ, а въ 1721 году, при торжественномъ празднованіи ништадскаго мира, пожалованъ генералъ-аншефомъ и членомъ военной коллегіи.

Мы не знаемъ достовѣрно, какъ встрѣтила возвратившагося изъ плѣна супруга княгиня Трубецкая, которую впрочемъ одинъ біографъ Бецкаго называетъ женщиною великодушною: она, по словамъ его, сострадая къ судьбѣ малолѣтнаго Бецкаго и не имѣя сама сыновей, готова была принять его въ свое семейство съ радушіемъ и ласкою матери [2]). Но Бецкій, не ранѣе, какъ черезъ три года, пріѣхалъ къ отцу, уже хорошо воспитанный, знающій многіе языки и науки. Любопытно знать, понималъ ли онъ въ это время хоть сколько-нибудь по русски; впослѣдствіи онъ изъяснялся и писалъ какъ совершенный русскій; между прочимъ замѣчательно также, что онъ былъ православнаго закона. Недостатокъ подробныхъ фактовъ не позволяетъ намъ рѣшить нѣсколько интересныхъ вопросовъ, относящихся къ Бецкому.

Петръ Великій опредѣлилъ образованнаго юношу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ могъ быть весьма полезенъ, будучи знакомъ съ иностранными языками. Отсюда его часто

[1]) Уставъ Бецкаго о Сухопутн. кор. Полн. собран. россійск. закон., т. XVII, № 12741.

[2]) Иллюстр. т. IV. Въ этой біографіи такъ мало соображены факты, что нѣкоторымъ мы не рѣшились вѣрить на слово.

посылали курьеромъ въ разныя иностранныя земли, съ которыми на первый разъ онъ могъ ознакомиться довольно бѣгло. Въ 1722 году, говоритъ тотъ же его біографъ, онъ былъ въ Парижѣ, при россійскомъ послѣ князѣ Василіи Лукичѣ Долгоруковѣ въ качествѣ секретаря; но вскорѣ отправленъ былъ въ Кіевъ къ Трубецкому съ депешами по секретнымъ дѣламъ и перепискою Императора Петра Великаго съ французскимъ дворомъ, и съ тѣхъ поръ находился адъютантомъ при своемъ отцѣ. Въ Кіевѣ онъ между прочимъ занимался шелководствомъ и развелъ въ садахъ нѣсколько шелковичныхъ деревъ. Въ 1728 году Императоръ Петръ II возвелъ его отца въ генералъ-фельдмаршалы, а ему далъ чинъ поручика и черезъ годъ капитана. Числясь адъютантомъ при князѣ Трубецкомъ, онъ въ то же время продолжалъ службу въ иностранной коллегіи. Своими способностями и знаніями онъ обратилъ на себя вниманіе знаменитаго канцлера Остермана и нерѣдко исполнялъ дипломатическія порученія при иностранныхъ дворахъ. Въ царствованіе Анны Іоановны онъ дослужился до чина полковника; но въ 1740 году онъ былъ уволенъ отъ дѣйствительной службы и считался только состоящимъ при генералъ-фельдмаршалѣ по его собственнымъ, домашнимъ дѣламъ.

Въ 1742 году Императрица Елизавета Петровна обратила на Бецкаго вниманіе и пожаловала его каммергеромъ бригадирскаго чина. Впрочемъ, какъ видно, онъ не несъ никакой особенной службы, и въ 1747 году совсѣмъ взялъ отъ нея увольненіе, ссылаясь на разстроенное здоровье. Получивъ съ отставкою чинъ генералъ-маіора, онъ отправился заграницу и здѣсь на полной свободѣ нашелъ обильную пищу своему наблюдательному уму и изящному вкусу, переѣзжая изъ страны въ страну и изучая все достойное изученія. Здѣсь онъ бывалъ въ лучшихъ образованныхъ обществахъ Европы, бесѣдовалъ съ умнѣйшими людьми того времени, восхищался трудолюбивою жизнію Германіи, Франціи и Голландіи, съ искреннимъ сочувствіемъ смотрѣлъ на плоды европейскаго просвѣщенія, съ любопытствомъ осматривалъ благотворительныя заведенія, входилъ во всѣ подробности ихъ устройства, изучалъ все изъ одной любознательности, изъ одного человѣческаго чувства, еще не зная, что въ Россіи для него готовится обширное поприще, гдѣ ему пригодятся эти знанія. Здѣсь мы воспользуемся его собственными замѣчаніями, которыя впослѣдствіи онъ приводилъ въ видѣ примѣровъ и воспоминаній въ разныхъ статьяхъ, касающихся русскаго воспитанія. Такъ, путешествуя по нынѣшней Бельгіи,

онъ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаетъ, что тамъ во всѣхъ деревняхъ въ „праздничные дни иной забавы не имѣютъ, кромѣ стрѣлянія изъ лука въ цѣль“. И изъ этого онъ выводитъ заключеніе, которое впослѣдствіи примѣнилось къ дѣлу: „упражненіе въ натягиваніи лука много здоровью способствуетъ, приводитъ въ движеніе всѣ мышцы въ рукахъ, въ плечахъ, въ груди и въ спинѣ, расширяетъ грудь, отчего раздается и легкое, помогаетъ обращенію крови и пр. Когда примѣчаемъ крѣпость въ народѣ, который сражается на войнѣ стрѣляніемъ изъ лука, то согласно признать можно, что кромѣ описываемаго здѣсь упражненія прочей игры нѣтъ полезнѣе и способнѣе къ ободренію тѣла“ [1]).

Жизнь простого народа особенно обращала на себя его вниманіе и заставляла вникать въ его нравы и состояніе нравственности обоихъ половъ. „Въ чужихъ краяхъ достойно примѣчанія, говоритъ онъ, что гдѣ женскій полъ, сверхъ обыкновенныхъ и свойственныхъ оному трудовъ, употребляется и во всякія другія работы, тамъ обыватели несказанно довольственнѣе жизнь свою ведутъ, а паче въ чистотѣ, такъ что, въѣзжая въ городъ, ясно оное узнать можно. Нигдѣ такая разность не оказывается какъ при сравненіи Голландіи съ Италіей. Въ первой землевая работа отправляется женскимъ поломъ, а въ послѣдней вся мужскимъ, такъ что женщинъ почти и не видать. Сколько-жъ чистота первыхъ не только увеселительна, но и для здравія весьма надобна, столько жизнь вторыхъ гнусна и соединена со всякою неудобностію. Еще для яснаго доказательства, сколь нужно воспитаніе дѣвушекъ, примѣръ представляю слѣдующій. Случилось мнѣ, ѣдучи въ Байону, городъ, лежащій подлѣ Испанской границы, примѣтить, что 1) вся окололежащая земля являла видъ веселый и изобиліе не въ примѣръ лучше предъ тѣми мѣстами, откуда я ѣхалъ; 2) въѣзжая въ городъ по улицамъ и въ обывательскихъ домахъ, видѣлъ я противъ женскаго едва десятую часть мужескаго пола. Любопытство мое скоро удовольствовано было, когда жители изъяснили мнѣ всю вышеписанную о службѣ женскаго пола добродѣтель, съ такимъ еще прибавленіемъ, что мужикъ, не находя въ городѣ работы, принужденъ при своемъ земледѣліи оставаться“ [2]).

Но особенно восхищалось нѣжное, любящее сердце и христіанское чувство Бецкаго, когда онъ встрѣчалъ почти въ каж-

---

[1]) Генеральный планъ Московск. Воспит. Дома. Часть III.

[2]) Предувѣдомленіе къ Генеральн. плану Импер. Воспит. Дома.

домъ значительномъ городѣ богоугодныя учрежденія и узнавалъ, что сами жители всячески стараются въ томъ вспомоществовать правительству, преклоняемые человѣколюбіемъ, любовью къ отечеству и христіанствомъ. „Между прочимъ, писалъ онъ, сіе соболѣзнованіе къ бѣднымъ, воспитываемымъ въ такихъ домахъ, столь далеко простирается, что самыя знатныя и богатыя особы, какъ-то герцоги, графы, лорды и прочіе, принимаютъ на себя управленіе сихъ столь спасительныхъ учрежденій, а знатнѣйшія дамы или, составляя особливыя сообщества, собственнымъ своимъ иждивеніемъ содержатъ госпиталь для бѣдныхъ и безпомощныхъ родильницъ, или въ другія такія же ходя, спомоществуютъ и служатъ имъ, что все не иначе пріемлется, какъ за дѣйствіе истиннаго благоугожденія, человѣколюбія и смиренія. Особливо у Французовъ и Итальянцевъ первыя духовныя особы и знатнѣйшіе господа не только въ такіе дома чинятъ знатныя подаянія, или въ управленіе оныхъ съ охотою вступаютъ; но еще сами въ маскахъ, ходя по улицамъ и по домамъ, милостыни и подаянія на оныя собираютъ... Сколько я въ бытность мою тамъ ни имѣлъ разныхъ случаевъ съ великимъ пріятствомъ видѣть исполняемыя тамошними учителями душеспасительныя предпріятія, однако удивленіе мое паче всего умножилось, когда увидѣлъ я учрежденіе Ліонскаго госпиталя для больныхъ и тогда, забывъ все прежнее, нашелъ многое, чему подобнаго послѣ ни въ какомъ мѣстѣ не нахаживалъ. Главный попечитель онаго госпиталя выбирается ежегодно изъ первыхъ тамошнихъ жителей, и повѣрить невозможно, съ какимъ онъ усердіемъ, съ ревностью, трудолюбіемъ и радѣніемъ наложенную на него должность отправляетъ. Чрезъ все сіе время онъ какъ будто бы забываетъ, что въ Ліонѣ домъ, жену и дѣтей имѣетъ, устремляя всѣ свои мысли и тщаніе единственно къ пользѣ госпиталя, и стараясь только тѣмъ честь и славу себѣ найти и другихъ превзойти попеченіемъ. Словомъ, здѣсь я нашелъ такое усердіе, которое всѣмъ о такихъ учрежденіяхъ старающимся примѣромъ служить можетъ. Впрочемъ сіи благодѣтельныя мысли о вспомоществованіи бѣдствующему ближнему въ упомянутомъ знатномъ торговомъ городѣ столь общія, что какъ бы врожденными почитаются... нельзя также не упомянуть между прочимъ и о нынѣшнемъ заведеніи и учрежденіи госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Германіи въ городѣ Касселѣ, который, не взирая, что въ бывшую тогда войну самъ неоднократно осадою и взятіемъ разоренъ, но и вся малая окружность онаго, какова есть гессенская земля, опустошена и приведена въ крайнюю бѣдность, почелъ

однакожъ за долгъ богоугодности завесть особливый госпиталь для бѣдныхъ родильницъ, и всѣ свои возможности на то употребить.“ [1])

Читая все это, мы ясно себѣ представляемъ, какъ такіе примѣры возвышали Европу въ глазахъ добраго Бецкаго, какъ они вдохновляли его къ тѣмъ же подвигамъ, и откуда потомъ онъ самъ бралъ силы на своемъ трудномъ поприщѣ. Здѣсь, на европейской почвѣ, онъ создавалъ себѣ возвышенные идеалы и одинъ изъ нихъ осуществилъ въ самомъ себѣ. Разстроенное здоровье заставляло Бецкаго иногда проводить время въ Ахенѣ и Спа, гдѣ онъ по совѣту врачей пользовался теплыми водами, иногда же онъ жилъ у ландграфини Гессенъ-Гомбургской, своей родной сестры, къ которой питалъ самую искреннюю любовь и дружбу. Урожденная княжна Трубецкая, она двѣнадцати лѣтъ была выдана замужъ за бывшаго Молдавскаго господаря Димитрія Кантемира, и въ 1723 году овдовѣла еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Красавица, съ плѣнительнымъ умомъ и сердцемъ, она прельщала многихъ при русскомъ дворѣ; но только на пятнадцатый годъ своего вдовства рѣшилась вступить во второй бракъ съ владѣтельнымъ ландграфомъ Гессенъ-Гомбургскимъ, который нѣкоторое время жилъ при русскомъ дворѣ и имѣлъ тамъ большую силу. Бецкій грустилъ съ нею вмѣстѣ, узнавъ о смерти ея матери, княгини Трубецкой, въ 1749 году, и потомъ черезъ годъ, о смерти ихъ отца, престарѣлаго фельдмаршала. Наконецъ, черезъ пять лѣтъ, оплакалъ онъ и свою добрую сестру и долго не могъ утѣшиться. Оставшись въ мірѣ одинокій, онъ развлекалъ себя путешествіемъ. Въ Ангальтъ-Цербскомъ княжествѣ онъ былъ представленъ принцессѣ, матери русской Великой Княгини Екатерины. Умная женщина была очерована бесѣдою съ нимъ и сразу поняла, какая душа оживляетъ этого человѣка. Она вспомнила его черезъ нѣсколько лѣтъ, когда получила извѣстіе, что дочь ея сдѣлалась самодержавною императрицею. Въ Парижѣ Бецкій выбилъ три медали въ память умершихъ дорогихъ его сердцу. Въ 1758 году онъ путешествовалъ по Италіи и потомъ нѣкоторое время жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ его застало приглашеніе Императора Петра III снова вступить въ службу. Но Бецкій, перенеся сердечныя потери, страдалъ душевно, что изнуряло его силы и имѣло вліяніе на его здоровье: онъ не могъ совершенно оправиться отъ болѣзни. Къ тому же, считая себѣ пятьдесятъ восемь лѣтъ и называя себя старикомъ,

[1]) Предъувѣдомленіе къ Генер. пл. Им. Восп. Дома.

онъ уже не надѣялся на свои силы и не могъ разсчитывать на служебное поприще. Онъ медлилъ возвратиться въ Россію, не зная, что настоящее его поприще, гдѣ онъ прославитъ свое имя, еще и не начиналось. Наконецъ онъ явился передъ Императоромъ, который тотчасъ же пожаловалъ его чиномъ генералъ-поручика и кавалеромъ ордена св. Александра-Невскаго. Неизвѣстно, какое назначеніе готовилъ ему Петръ III; но съ восшествіемъ на престолъ Екатерины его положеніе быстро опредѣлилось. Принцесса Ангальтъ-Цербская писала о немъ своей августѣйшей дочери и указывала на него, какъ на человѣка рѣдкаго, достойнаго стать подлѣ ея трона. Екатерина поняла Бецкаго, оцѣнила его изящный вкусъ и ввѣрила его заботамъ канцелярію строеній и садовъ и Академію Художествъ. Въ то же время, сдѣлавъ его своимъ чтецомъ и сблизившись съ его стремленіями и взглядами, она угадала, какую сферу дѣятельности слѣдуетъ отдать Бецкому, и куда направить его знанія, опытность и таланты: она ввѣрила ему заботы о народномъ воспитаніи.

Бецкій съ жаромъ принялся за это новое дѣло. Сообразивъ положеніе и степень образованія русскихъ обществъ и сословій и сравнивъ ихъ съ иностранными, онъ понялъ, чего недостаетъ имъ, и остановился на смѣлой и поэтической мысли—создать чрезъ воспитаніе идеальное общество. Екатерина, всегда увлекавшаяся поэтическими стремленіями, высказала сочувствіе къ мысли Бецкаго, и вотъ вмѣстѣ они составили замѣчательный планъ.

IV.

Каждый истинный идеалъ вызывается своей современностью. Какъ бы ни казалась современность противоположна идеалу, но, всмотрѣвшись въ нее пристально, вы убѣдитесь, что она даетъ ему жизнь и значеніе и составляетъ его дѣйствительную почву; иначе идеалъ долженъ быть фантастическимъ, воздушнымъ призракомъ, слѣдственно созданіемъ празднаго или разстроеннаго воображенія; а такое созданіе не имѣетъ разумнаго значенія въ жизни. Обыкновенно замѣчается, что въ идеалахъ преобладаютъ тѣ добродѣтели, которыхъ недостаетъ въ общественной жизни. Этотъ недостатокъ, бросающійся въ глаза лучшимъ современнымъ людямъ, восполняется въ идеалахъ, какъ бы для сохраненія равновѣсія, и добродѣтели тамъ обрисовываются особенно ярко, чтобы на нихъ обратить преимущественное вниманіе. Одну изъ главныхъ чертъ идеаловъ Сумарокова составляетъ самое

строгое исполненіе общественнаго долга, потому что въ жизни было сильно замѣтно грубое преобладаніе личныхъ интересовъ надъ общественными. Его герои даже педантически хвалятся этою добродѣтелью и готовностью страдать и умереть за нее, потому что подобное явленіе было рѣдкостью въ жизни. Важная обязанность идеальнаго человѣка была — приводить въ гласность неправду и всѣ поступки людей, противорѣчащіе идеалу, потому что мнимая законность неправды и хладнокровіе къ уродливымъ нравственностямъ были отличительною чертою общества. Влагая въ уста своихъ героевъ такія требованія отъ идеальнаго человѣка, Сумароковъ выражается подобнымъ же образомъ и отъ своего лица: „Любовь къ отечеству,—говоритъ онъ,—не въ томъ только состоитъ, чтобы возжигать ему хвалебный ѳиміамъ, но въ томъ особенно, чтобы предъявлять то, что причиняетъ обществу вредъ, а отечеству наноситъ безславіе“. Согласно съ этимъ Сумароковъ желчно нападалъ на каждую незаконность и уродливость, не щадя ни лица, ни званія. Наконецъ, его идеалъ является нѣсколько суровъ и грубъ въ самой своей добродѣтели, потому что въ жизни порокъ нисколько не скрывался подъ нѣжными личинами и являлся во всей своей грубости. Въ своей статьѣ „Счастливое общество“ Сумароковъ представляетъ общество идеальное, гдѣ главное мѣсто занимаетъ самое строгое правосудіе, потому что общество дѣйствительное страдало отъ его недостатка.

Сообразивъ нравственное общественное положеніе и видя недостатокъ разумнаго воспитанія во всѣхъ сословіяхъ, Бецкій убѣдился, что въ такомъ обществѣ трудно идеальному человѣку осуществиться во многихъ личностяхъ. Онъ зналъ изъ многихъ наблюденій, „что добрые или худые нравы каждаго человѣка во всю его жизнь зависятъ отъ перваго его добраго или худаго воспитанія“, и потому напалъ на мысль составить изъ малолѣтнихъ дѣтей особенный міръ, устранить отъ него всякое общественное вліяніе и такимъ образомъ воспитывать ихъ по извѣстнымъ правиламъ, образуя людей честныхъ, правдивыхъ, трудолюбивыхъ, вкореняя въ нихъ все истинное, доброе, прекрасное,— словомъ приготовляя такихъ людей, въ какихъ современность чувствовала сильный недостатокъ. Образовавъ такимъ образомъ юношей и дѣвицъ и стараясь по возможности, чтобъ они вступали между собою въ бракъ, Бецкій надѣялся, что они будутъ воспитывать и своихъ дѣтей въ тѣхъ же правилахъ, и слѣдственно составятъ новую породу отцовъ и матерей, которые будутъ родоначальниками новаго общества, украшеннаго всѣми

лучшими качествами. Эта мысль новая, смѣлая, идеальная, увлекла и Екатерину, тѣмъ болѣе, что она въ это время уже задумывалась надъ мыслью объ идеальномъ государствѣ, мыслью, которая потомъ и выразилась въ ея знаменитомъ „Наказѣ“. Плодомъ бесѣдъ Бецкаго съ Императрицею были слѣдующія положенія; мы приводимъ ихъ вполнѣ, потому что они весьма замѣчательны, какъ основаніе всего плана воспитанія, которымъ занялся Бецкій.

„Съ давняго уже времени имѣетъ Россія Академію и разныя училища и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде совсѣмъ ничего, существенныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того непрямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ недоставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было. Изъ посланныхъ еще при Государѣ Петрѣ Великомъ, дворяне съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться. Другіе, изъ простого народа къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ; но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отъ чего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ степенемъ или среднимъ называется, Россія до сего времени и произвести не могла. Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго степени людей въ государствѣ ожидать, всуе себя и ласкать. По сему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, т.-е. произвести сперва способомъ

воспитанія, такъ сказать, повую породу или новыхъ отцовъ и матерей, которые могли бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя правила воспитанія въ сердце вселить, какія получили они сами и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдовали бы изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки".

„Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе какъ по пятому и по шестому году. Излишно было бы доказывать, какъ въ тѣ самые годы начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія, а еще не разсудительнѣе вѣрить, якобы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ худой нравъ, чѣмъ онъ заразился и поправляя его, тѣ правила добродѣтели твердо въ сердце его вкоренять, кои ему имѣть было потребно. Итакъ о воспитаніи юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестаго до осмнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые близкіе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не иначе, какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь онаго, весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые примѣры и образцы добродѣтелей".

„При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобъ страшились праздности какъ источника всякаго зла и заблужденія; научить пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ, и сколько въ ономъ есть полезнаго; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію и которыми въ свое время могутъ они быть

прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ".

„Такія и тому подобныя правила, когда посѣются въ сердцахъ воспитываемаго юношества, надѣяться можно тѣмъ лучшій плодъ произведутъ, что согласоваться будутъ съ младостію и непорочностію ихъ возраста. Просвѣщая при томъ ихъ разумъ науками и художествами по природѣ, полу и склонности каждаго, обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что прежде нежели станутъ обучать какому художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣть его склонности и охоту и выборъ оныхъ оставить ему самому. Душевныя его склонности всемѣрно долженствуютъ въ томъ надъ всѣми прочими уваженіями преимуществовать, ибо давно доказано, что не предъуспѣетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилежать по неволѣ, а не по своему желанію. При томъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ училищахъ, т.-е. дабы для юношества все то наблюдаемо было, что къ жизни, цѣлости здравія и крѣпости сложенія служить можетъ, какъ то въ построенныхъ жилищахъ приводомъ чистаго воздуха, неупотребленіемъ всякаго званія мѣдной посуды, также и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять, и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе, а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостію и прискорбіемъ назваться можетъ; и сего правила изъ памяти не выпускать".

„Отъ сихъ первыхъ учрежденій зависитъ все воспитаніе, какое дано будетъ первому отъ оныхъ новой породы происхожденію. Почему само собою понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ; имъ надобно быть всѣмъ извѣстной и доказанной честности и праводушія; а поведенія ихъ и нравы долженствуютъ быть напередъ ведомы и непорочны; особливо же надлежитъ имъ быть терпѣливымъ, разсмотрительнымъ, твердымъ и правосуднымъ, и однимъ словомъ таковыми, чтобы воспитывающееся юношество любило ихъ и почитало и во всемъ добрый отъ нихъ примѣръ получало".

„Сего ради остается въ дополненіе изъяснить, что все сіе единственно зависитъ отъ особливаго учрежденія и даваемыхъ наставленій, кои надлежитъ сочинить съ великимъ размышленіемъ и осторожностію, дабы все соображено было ясно, по-

нятно и точно, и чтобъ ничего того пропущено не было, что падлежитъ до учителей, до учениковъ, поведенія тѣхъ и другихъ и до общаго въ сихъ училищахъ наблюдаемаго порядка. Ибо при начинаніи сего, надобно сперва за точное принять правило: или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное; или такъ оставить и не начинать.“ [1])

Всѣ эти мысли ясно выражаютъ согласныя стремленія Екатерины и Бецкаго, и хотя многія изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь съ тѣми, которыя были высказаны уже прежде другими лицами при разныхъ случаяхъ, но нельзя не замѣтить, что до этого времени идея воспитанія только прояснялась въ правительствѣ, не опредѣлившись во всемъ своемъ объемѣ; теперь же она выразилась довольно полно и притомъ въ опредѣленной формѣ, въ ясномъ идеалѣ, съ тѣми рѣшительными мѣрами, которыя, казалось, нужно было принять для совершеннаго ея выполненія. Здѣсь уже нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ. Бецкій думалъ создать воспитаніемъ не только нравственныхъ людей, но даже цѣлое сословіе, котораго у насъ почти не было и которое такъ плѣняло его въ европейскихъ государствахъ. Это такъ-называемое третье или среднее сословіе, само себя образовавшее на Западѣ трудолюбіемъ, изобрѣтательностью, науками, художествами, обѣщало и Россіи много пользы и богатства; но пока еще оно представлялось въ идеальномъ образѣ. Бецкій не ошибался, что одно разумное воспитаніе могло ускорить образованіе этого сословія, хотя не обратилъ вниманія на нѣкоторыя другія, весьма неблагопріятныя обстоятельства, которыя даже и теперь мѣшаютъ его успѣшному развитію.

На приготовленіе способныхъ воспитателей, учителей и учительницъ Бецкій смотрѣлъ, какъ на основаніе этого сословія, и потому не жалѣлъ трудовъ въ начертаніи для нихъ самыхъ подробныхъ правилъ, которыя по своей основательности имѣютъ и для насъ свое практическое значеніе. Образовывать людей для средняго сословія назначалось Академіи Художествъ и особенно Воспитательнымъ домамъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ Бецкому. Его доброе, сострадательное сердце внушило ему первую мысль о нихъ—дать пріютъ несчастнымъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, которыхъ изъ стыда или нищеты матери покидаютъ и даже умерщвляютъ при самомъ ихъ рожденіи.

Къ этой первой мысли такъ естественно и легко примѣнялась и другая—мысль объ образованіи третьяго сословія посред-

---

[1]) Генеральное учрежденіе о воспитаніи.

ствомъ воспитанія. Такимъ образомъ съ богоугоднымъ дѣломъ соединялось и возможное удовлетвореніе государственной нужды.

Много жару, ревности и любви къ человѣчеству выказалъ Бецкій въ этомъ дѣлѣ. Государыня была вполнѣ согласна съ нимъ, опредѣлила въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ обширныя мѣста для Воспитательныхъ домовъ, назначила значительныя суммы денегъ, дала важныя привилегіи, наконецъ позволила обратиться къ общественной благотворительности, на которую Бецкій много разсчитывалъ. Въ своемъ Предувѣдомленіи онъ старается подѣйствовать на сердце читателей, чтобы склонить ихъ на доброе дѣло. „Не должно ли ожидать, говоритъ онъ, что всѣ безъ различія, какъ духовные, такъ и свѣтскіе чины, вседушно и по сущей христіанской должности подавать будутъ руку помощи невиннымъ симъ тварямъ, требующимъ человѣколюбія и соболѣзнованія? Будучи побуждаемы состраданіемъ къ бѣдствующему ближнему, представьте себѣ, любезная читательница, по мягкости и нѣжности сердца вашего, что̀ можетъ быть ужаснѣе состоянія бѣдной, отъ всѣхъ удалившейся или отъ всѣхъ оставленной родильницы? А что̀ можетъ быть жалостнѣе, какъ новорожденный младенецъ, который всякой помощи лишенъ и неминуемой гибели подверженъ безвинно и безвременно? Не первый ли тотъ предметъ состраданія человѣческаго быть долженъ? Не главнѣйшимъ ли душеспасительнѣйшимъ дѣломъ христіанскаго милосердія почесться можетъ подаяніе въ семъ случаѣ всякой помощи по силѣ и по мѣрѣ каждаго, и не самый ли то надежнѣйшій способъ къ снисканію и себѣ помилованія отъ Всевышняго Мздовоздаятеля“? и проч...

Надъ составленіемъ проекта и плана Воспитательнаго дома вмѣстѣ съ Бецкимъ трудился профессоръ Московскаго университета Барсовъ, который, какъ мы уже видѣли, не разъ излагалъ свои здравыя сужденія о воспитаніи. Получивъ проектъ, Императрица поручила разсмотрѣть его князю Шаховскому, Н. И. Панину и графу Миниху. Въ донесеніи своемъ они объявили, что „разумныя въ томъ планѣ установленія для построенія дома, для его управленія, да что главнѣйшее и для воспитанія въ немъ въ пользу общества пропадающихъ донынѣ безчеловѣчно бѣдныхъ и невинныхъ младенцовъ приносятъ много чести изобрѣтателю сего благочестиваго дѣла“. Такимъ образомъ утвердивъ проектъ, Екатерина объявила манифестомъ 1 сент. 1763 года объ основаніи Московскаго Воспитательнаго Дома. Сунодъ разослалъ по всей Россіи въ числѣ 20.000 экземпляровъ увѣщаніе къ народу смотрѣть на призрѣніе и воспитаніе

незаконнорожденныхъ дѣтей и бѣдныхъ сиротъ, какъ на дѣло благочестивое и святое, приводя между прочимъ въ примѣръ митрополита Іова, который устроилъ въ Новгородѣ до десяти сиропитательницъ, гдѣ наконецъ собралось до трехъ тысячъ сиротъ. Мысль этого увѣщанія намъ будетъ понятна, если мы припомнимъ, что даже послѣ него были толки, неблагопріятные для новаго учрежденія. Нѣкоторые говорили, что оно потворствуетъ разврату. Извѣстны, напр., свидѣтельства Сумарокова объ его родной сестрѣ, извѣстны и свидѣтельства самой Екатерины въ ея комедіяхъ. Таково было время и оно-то вызвало Сѵнодское увѣщаніе. Впрочемъ люди менѣе односторонніе и болѣе образованные откликнулись на приглашеніе Бецкаго и пожертвовали значительныя суммы; въ числѣ ихъ особенно выказалъ свою щедрость извѣстный Демидовъ. Для привлеченія къ пожертвованію купцовъ, Воспитательный домъ получилъ привилегію, которая оправдывается нравами и духомъ времени: каждый, пожертвовавшій болѣе 25 руб., пользовался за причиненное ему безчестье платою такой же суммы, какую пожертвовалъ, а за увѣчье вдвое; опекунское собраніе на это выдавало ему особенное свидѣтельство и публиковало въ вѣдомостяхъ да не дерзнетъ никто, какого бы званія ни былъ, его рукою или боемъ какимъ обидѣть. Не будемъ распространяться о всѣхъ подробностяхъ, касающихся воспитательныхъ домовъ, потому что въ настоящемъ случаѣ не пишемъ ихъ исторіи. По образцу Московскаго былъ учрежденъ Воспитательный домъ и въ Петербургѣ, въ 1770 году. При немъ, по мысли Бецкаго, были устроены сохранная и ссудная казны, гдѣ съ частными капиталами соединились общественная выгода и благотворительное дѣло; онѣ принесли неисчислимую пользу и государству и частнымъ лицамъ. Чтобы пріобрѣсти довѣріе публики къ новому учрежденію, Бецкій не задумался продать свои помѣстья, и, обративъ такимъ образомъ недвижимость въ капиталъ, внесъ четыреста тысячъ въ сохранную казну [1]).

Но не объ одномъ Воспитательномъ домѣ были заботы Бецкаго. По его представленію, Императрица опредѣлила учредить воспитательныя училища при Академіи Художествъ, при Смольномъ монастырѣ для двухъ сотъ дворянскихъ дѣвицъ и во всѣхъ губерніяхъ Имперіи. Бецкій не могъ исполнить только послѣдняго; во всемъ же прочемъ сдѣлалъ еще болѣе: заботясь о всѣхъ сословіяхъ, онъ впослѣдствіи открылъ при Смольномъ монастырѣ

[1]) Біограф. очеркъ въ Иллюст., т. VI.

отдѣленіе и для мѣщанскихъ дѣвушекъ; на пожертвованіе Демидова заботился объ основаніи въ Москвѣ Коммерческаго училища въ 1772 г.; ему же было ввѣрено въ 1766 году главное начальство надъ Сухопутнымъ шляхетнымъ корпусомъ. И для всѣхъ этихъ воспитательныхъ заведеній онъ писалъ проекты, уставы, соображенія. Изъ нихъ-то мы сдѣлаемъ строгій выборъ, чтобъ опредѣлить его систему воспитанія, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ.

V.

Взглядъ на сущность и способы воспитанія Бецкій составилъ себѣ болѣе по педагогическимъ сочиненіямъ иностранныхъ писателей, особенно Монтаня и Локка. Г. Лавровскій въ своей книгѣ довольно обстоятельно показываетъ значеніе этихъ послѣднихъ въ исторіи, выводя и отношеніе ихъ ко взгляду Императрицы Екатерины. Потому мы не будемъ повторять его, отсылая любопытныхъ къ упомянутой книгѣ. Здѣсь же только замѣтимъ, что Локкъ и Монтань имѣютъ болѣе непосредственное отношеніе къ системѣ Бецкаго, чѣмъ ко взгляду Екатерины; потому что Екатерина писала свою инструкцію почти черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ Бецкаго и видимо имѣла подъ рукою всѣ его начертанія, съ которыми и оказываются такъ сходны всѣ ея педагогическія правила.

Конечно, здѣсь же слѣдуетъ прибавить, что и Бецкій выдавалъ свои уставы и приводилъ ихъ въ исполненіе не безъ согласія Императрицы, и можетъ быть даже пользовался ея совѣтами; но все же главный трудъ мы должны отнести къ нему, потому что ему были ввѣрены всѣ заботы о воспитаніи, и отъ него выходили всѣ бумаги по этой части; у Императрицы же даже не было возможности въ короткое время спеціально изучить этотъ предметъ, какъ изучилъ его Бецкій, весь предавшись ему.

Слѣдственно, Екатерина только благоразумно пользовалась трудами своего вельможи; а подписывая и утверждая его постановленія и уставы, этимъ самымъ показывала, что согласна съ нимъ. Отсюда понятно, что взглядъ ея на воспитаніе образовался согласно со взглядомъ Бецкаго; отсюда ясно и посредственное отношеніе сочиненій Монтаня и Локка къ Императрицѣ.

Въ своихъ важныхъ соображеніяхъ о разумномъ и правиль-

номъ воспитаніи, Бецкій, какъ человѣкъ образованный и умный, долженъ былъ воспользоваться трудами и опытами европейскихъ ученыхъ. Слѣдственно, собственный его трудъ состоялъ въ выборѣ и оцѣнкѣ правилъ, въ ихъ примѣненіи къ плану русскаго воспитанія; при этомъ же условія русской современности необходимо заставляли его вникать во многія подробности, до которыхъ не касались его образцы. Кромѣ того онъ пользовался совѣтами доктора Саншеса, португальца, бывшаго въ русской службѣ и, какъ видно, спеціалиста въ дѣтскихъ болѣзняхъ. Такимъ образомъ составилась у Бецкаго своя система воспитанія; хотя по своимъ началамъ она болѣе всего приближается къ системѣ Локка, но имѣетъ и свои особенности въ примѣненіи къ русской дѣйствительности.

Какое направленіе общественное воспитаніе должно было принять въ Россіи, по мысли Бецкаго и Екатерины, можно видѣть изъ тѣхъ соображеній Государыни и ея вельможи, которыя мы привели прежде. Ихъ дополняютъ слѣдующія слова Бецкаго, сказанныя въ другомъ его докладѣ: Ваше Императорское Величество хощете, чтобы съ изящнымъ разумомъ изящнѣйшее еще соединялося сердце; ибо качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ; оно украшаетъ оныя, а не составляетъ“ [1]). Не нужно разъяснять силу и достоинство этихъ словъ; они говорятъ каждому сами за себя, и есть прямое слѣдствіе, выведенное изъ наблюденій надъ исторіею человѣчества и явленіями современности. Сохранить въ чистотѣ сердце, направивъ его къ добру, развить умъ, давъ ему столько, сколько онъ принять можетъ, вотъ главныя основы, на которыхъ построилась система Бецкаго. Примѣнить ее къ дѣлу онъ считалъ возможнымъ по той мысли, что „натура въ произведеніяхъ своихъ дѣйствуетъ единообразно“, слѣдовательно и дѣти въ первые годы не могутъ во многомъ различаться между собою. Онъ сравниваетъ младенца съ новою древесною отраслью, которую садовникъ обращаетъ по своей волѣ легче, чѣмъ нѣсколько застарѣлую, и можетъ изъ нея произвести здоровое, лучшее и плодовитое растеніе въ своемъ родѣ; но, прибавляетъ онъ, „никогда не должно хотѣть противъ здраваго разсудка и возможности, чтобы напримѣръ яблоня приносила ананасы“. Это ясно показываетъ, что Бецкій спеціальное образованіе допускалъ только тогда, когда въ воспитанникѣ выкажется къ тому склонность, а до этого опредѣлялъ

[1]) Докладъ ко 2 части Генеральнаго плана Моск. Воспи. дома.

лишь воспитаніе общее, которое приготовляло каждаго быть въ своемъ кругу добрымъ христіаниномъ и гражданиномъ.

Воспитаніе Бецкій разсматриваетъ съ четырехъ сторонъ—со стороны физической, физико-моральной, чисто-моральной и ученія. Такъ какъ въ здравомъ тѣлѣ и здравый духъ, то на воспитаніе физическое предписывается обращать особенное вниманіе; оно должно быть исключительное въ первые годы ребенка, чтобы приготовить его къ успѣшному моральному воспитанію. „Есть средство, говоритъ онъ, слѣдовать по стопамъ натуры, не превозмогая и не переламывая ее, но способствуя ей наклонять мало-по-малу отъ вреднаго къ полезному“. Эта постепенность въ природѣ служитъ примѣромъ для физическаго воспитанія, гдѣ должна быть естественность и свобода въ развитіи, на чемъ основывался и Локкъ. Такъ какъ пища и воздухъ—два основанія жизни и здоровья, то на нихъ обращается все вниманіе воспитателей, которымъ предлагаются подробныя правила, какъ вести дѣтей отъ перваго дня ихъ рожденія. Какъ важна была въ глазахъ Бецкаго эта часть воспитанія доказывается тѣмъ, что онъ собралъ наставленія лучшихъ европейскихъ педагоговъ, преимущественно же Локка, и вмѣстѣ съ совѣтами доктора Саншеса привелъ все въ нѣкоторую систему и издалъ подъ именемъ „Физическихъ примѣчаній о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества“. По указу Императрицы, въ концѣ 1766 года, Сенатъ разослалъ ихъ во множествѣ экземпляровъ по всѣмъ городамъ и присутственнымъ мѣстамъ Россіи съ тѣмъ, чтобы они были общедоступны народу. При такой мѣрѣ нужно было ожидать спасительнаго переворота въ народномъ воспитаніи; но по застарѣлымъ привычкамъ и небреженію малообразованныхъ обществъ самыя лучшія мѣры образованнаго правительства обыкновенно оказываются безуспѣшными. Такъ случилось и тутъ: несмотря на простоту и явную пользу всѣхъ совѣтовъ и правилъ, сколько можно догадываться, очень немногіе воспользовались ими; большинство же и до сихъ поръ воспитывается по старинным преданіямъ. Конечно, Физическія примѣчанія во многомъ противорѣчатъ этимъ преданіямъ, вотъ отчего не могли и утвердиться въ русскихъ семействахъ. Впрочемъ тамъ есть статьи, которыя одобряютъ и нѣкоторые народные обычаи, какъ напр., употребленіе бань, хотя и осуждаются крайности, съ какими многіе ими пользуются. О пользѣ русскихъ бань докторъ Саншесъ писалъ цѣлую диссертацію. Его же свидѣтельство приводится и въ Физическихъ примѣчаніяхъ: „дай Боже, говоритъ онъ, чтобъ физики и врачи въ Россіи испытали пользу, которую

весь народъ отъ бани получить можетъ. Они будутъ увѣрены и скажутъ, что по законамъ политическимъ во всякомъ россійскомъ городѣ, селѣ и деревнѣ быть должно банямъ по числу жителей подъ хорошимъ присмотромъ".

Физическое воспитаніе разсматривается Бецкимъ по возрастамъ: 1) отъ рожденія до отнятія отъ груди, 2) до пяти или шести лѣтъ, 3) до десяти лѣтъ, 4) до пятнадцати. Привожу статью, озаглавленную вопросомъ: „что должно наблюдать при воспитаніи", гдѣ высказывается направленіе физическаго воспитанія.

„Ежели кто ведетъ жизнь одинакую, тотъ ни къ какой перемѣнѣ неспособенъ. Не худо приготовлять по малу дѣтей ко всѣмъ чрезвычайнымъ случаямъ, дабы они все сносить могли, когда нужда ни потребуетъ, а особливо въ пищѣ, въ содержаніи тѣла, и иному бы правилу не слѣдовали, какъ только тому, чтобъ не имѣть никакого правила. Тотъ можетъ все сносить, кто ко всему пріученъ. Дѣтямъ должно привыкать къ перемѣнамъ, не дѣлая натурѣ принужденія. Она со временемъ на все преклонится. Симъ способомъ нечувствительно привыкнутъ къ трудамъ, побѣдятъ наконецъ все, къ чему они имѣли прежде отвращеніе, будутъ въ состояніи, когда нужда ни востребуетъ, сносить голодъ, жажду, жаръ и стужу: не повредитъ имъ роса вечерняя, ни долговременное бдѣніе, отъ пота и безпокойства силы ихъ не истощатся и пр.; „но при всемъ томъ надлежитъ вѣдать, что воздержность и работа суть лучшія лѣкарства для человѣка".

Читая основательные совѣты и правила Физическихъ примѣчаній [1]), невольно желаешь, чтобы они вновь были разсмотрѣны знающими людьми и съ нѣкоторыми добавленіями и исключеніями, сообразно съ новѣйшею наукою, были вновь разосланы по всѣмъ городамъ по примѣру стараго времени. Можетъ быть, новый опытъ будетъ удачнѣе, и многіе воспользуются руководствомъ, котораго теперь рѣшительно не имѣютъ; другой вѣкъ: отчего не надѣяться и на другое дѣйствіе? Мы будемъ еще не разъ обращаться къ этимъ статьямъ Бецкаго, такъ какъ моральное воспитаніе тѣсно связывается съ физическимъ.

„Если соображаясь со всѣмъ писаннымъ (въ Физическихъ

---

[1]) Вотъ главныя статьи ихъ: о кормилицахъ, объ одеждѣ дѣтской, какъ содержать дѣтей, о тѣлодвиженіяхъ, о чувствахъ, о чувствительности, о снѣ, о сохраненіи здоровья, о лѣкарствахъ, о спокойствіи духа, объ ученіи, о наказаніи, объ игрѣ, о темпераментѣ, объ упражненіяхъ, о чистотѣ, о баняхъ.

примѣчаніяхъ), говоритъ Бецкій [1]), смотря по крѣпости и слабости дѣтскихъ сложеній, будетъ ведена физика, тогда успѣхъ спасенія не сомнителенъ. Но хотя сія часть укрѣпляетъ здоровье, безъ котораго, еще повторяю, человѣкъ не можетъ быть ни къ чему способенъ, однако безъ моральнаго оное будетъ только питаніе или воскормленіе, а не воспитаніе. Прежде нежели дойдемъ до объясненія одной душевной морали, надлежитъ сказать, что съ оною физика должна быть тѣсно связана и одна другой помогать. То еще не много, что человѣкъ здоровъ, если привыкъ къ лѣни и бездѣйствію. Какая польза въ жизни его, когда онъ наклоненъ всегда къ покою, къ нѣгѣ? и достоинъ ли жить, содѣлавшись лѣнивцемъ, тунеядцемъ, не находящимъ въ себѣ самомъ никакихъ способовъ, и потому старающимся жить на счетъ другихъ, что производитъ всѣ пороки, не терпимые ни въ какомъ обществѣ [2]). Кажется, что таковыхъ сама натура наказываетъ, ибо пребывающій въ безпрестанномъ спокойствіи, портитъ кровь, цѣпенѣетъ и наконецъ погибаетъ".

Средство отвратить такую порчу нрава Бецкій видитъ въ физико-моральномъ воспитаніи, которое основываетъ на слѣдующей мысли: „праздность—мать всѣхъ пороковъ, а трудолюбіе—отецъ всѣхъ добродѣтелей".

„Одними трудами по мѣрѣ силъ своихъ и непрестаннымъ тѣлодвиженіемъ, отгоняя лѣность, уныніе, грусть, сіи предшественники дурныхъ нравовъ, человѣкъ сохраняетъ силу, бодрость и веселость духа, толь нужныя и для здоровья и для доброты сердца. А потому, какъ скоро младенцы въ состояніи понимать и дѣйствовать, надлежитъ всякимъ образомъ стараться приваживать ихъ не только къ мастерствамъ, рукодѣліямъ; но какъ человѣка участь неизвѣстна и онъ ко всему долженъ быть готовъ, то и ко всѣмъ домашнимъ и хозяйственнымъ, какова бы они званія ни были, работамъ; однако, такъ чтобы дѣти сами находили въ томъ удовольствіе, ибо все то отвратительно, что отягощаетъ; и мало по малу прибавлять ихъ труды смотря по умноженію не только лѣтъ, но силъ и способностей"...

Говоря объ играхъ, которыя должны занимать духъ дѣтей, Бецкій прибавляетъ: „впрочемъ, какъ бы ихъ рѣзвости опасны

---

[1]) Въ предъувѣдомленіи къ Собранію учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи.

[2]) Вспомнимъ, что и Петръ Первый особенно старался уменьшить число такихъ людей, и средство къ тому находилъ въ ученьи, на что мы уже указывали въ своемъ мѣстѣ.

ни казались, приставникамъ не должно показывать страшливости. Часто излишняя благоразумія предосторожность внушаетъ робость, видя бѣду тамъ, гдѣ нѣтъ ея, и чрезъ то лишаетъ духъ бодрости. Предводительствовать ихъ въ играхъ также не надлежитъ, ибо по приказанію веселиться невозможно, а тѣмъ менѣе дѣтямъ, которымъ всякое принужденіе несносно... Могутъ быть, что весьма рѣдко, изъ дѣтей сложенія печальнаго; сіе приставникамъ должно отъ нихъ какъ отраву отвращать"...

„Можетъ быть, говоритъ онъ далѣе, невникающему въ сущность воспитанія покажется, что о всемъ этомъ не стоитъ и говорить; но на дѣлѣ опыты показываютъ, что кромѣ всего сказаннаго забавы приносятъ еще и ту пользу, что преклоняютъ къ чувствамъ дружества, рождаютъ проворство, ловкость и по замысламъ въ играхъ открываютъ природныя способности дѣтей, о чемъ воспитателямъ необходимо знать, чтобы предвидѣть къ чему кого должно употребить". Дѣлаю по необходимости эти выписки, чтобы обнаружить тѣ мысли, которыя въ наше время намъ выдаются за новыя, и на которыя воспитателямъ не худо обратить вниманіе.

Третью часть воспитанія, по взгляду Бецкаго, составляетъ чистая мораль, или нравоученіе, что столько же важно для души, замѣчаетъ онъ, сколько физика для тѣла. „Здѣсь не должно разумѣть мораль школьную, по которой люди не исправляясь выученное наизусть такъ добродѣтельно говорятъ и такъ порочно поступаютъ. Зная, что не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ, здѣсь должно быть нравоученію самому естественному, а именно удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ".

„На сіе то надлежитъ устремлять весь свой разумъ, какъ на самое труднѣйшее и важнѣйшее дѣло для составленія истиннаго благонравія, ибо безъ сего всѣ наставленія никуда негодятся. Быть можетъ, спросятъ, продолжаетъ онъ, какимъ же образомъ предостеречь отъ зла того, кто его не знаетъ? и можно ли заставить гнушаться порокомъ, когда неизвѣстно ребенку, что такое порокъ? Сей вопросъ подобенъ тому, отвѣчаетъ онъ, что если бы человѣкъ безпрестанно наслаждался при солнечномъ сіяніи зрѣніемъ однѣхъ красотъ натуры, не видя ея безобразій, не ужаснулся ли бы онъ, когда бы вдругъ настала мрачная и ненастливая ночь конечно болѣе, нежели тотъ, который уже привыкъ?"

„Но еще мало только не знать порочнаго, объясняетъ Бецкій, а надлежитъ быть при томъ и добродѣтельнымъ, и полез-

нымъ, и угоднымъ обществу. Такъ какъ въ гибкомъ и чувствительномъ сердцѣ ребенка и юноши сильно впечатлѣвается всякое видимое дѣйствіе, то въ моральномъ воспитаніи выше всего ставятся живые примѣры воспитателей; они, по словамъ Бецкаго, дѣйствительнѣе всякихъ словесныхъ наставленій, какъ скоро дѣло касается благонравія". Эта мысль проходитъ черезъ всѣ разсужденія Бецкаго о воспитаніи, и если бы она оказалась ложною, то рушилась бы и вся его система. Но противъ нея спорить невозможно; она опирается на сильныя доказательства апріорическія и эмпирическія. Живой примѣръ въ моральномъ воспитаніи у Бецкаго то же, что у Локка — привычка, и оба они правы въ своихъ основаніяхъ. При такомъ убѣжденіи, конечно, Бецкій долженъ былъ обратить особенное вниманіе на самихъ воспитателей, и отсюда у него создался идеалъ воспитателя, который онъ старается обрисовать во многихъ своихъ разсужденіяхъ. Онъ признается, что ни у одного изъ извѣстныхъ ему писателей не нашелъ разсужденій о томъ, что̀ нужно хорошему воспитателю, и этимъ свидѣтельствуетъ, что тутъ съ его стороны нѣтъ большихъ заимствованій. Конечно его идеалъ нѣкоторыми своими сторонами сталъ въ явное противорѣчіе съ современной дѣйствительностью, и оно не укрылось отъ глазъ Бецкаго; онъ самъ указалъ на него и сильно напалъ на тѣ явленія, которыя мѣшали моральному воспитанію.

„Сынъ знатной особы, говоритъ онъ, изнуряется большимъ числомъ учителей, для чего? Для того, что такой отецъ приличное дворянству ученіе признаетъ необходимо нужнымъ, разсуждая, что сынъ его безъ сей науки не можетъ отправлять должностей по чинамъ въ арміи, во флотѣ или при дворѣ. Имѣя крѣпостныхъ людей, не думаетъ онъ, чтобъ они полезны и надобны были къ иному чему, кромѣ обыкновенной въ домѣ службы, либо за нимъ ѣздить. Утверждаетъ при томъ смѣло, что наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, имъ не только не потребно, но еще не полезно и вовсе непадобно. Въ заключеніе суровымъ голосомъ скажетъ: не хочу, чтобы философами были тѣ, кои мнѣ служить должны. Коль бѣденъ человѣкъ, такимъ образомъ ослѣпившійся! Иль того ты не видишь, что тотъ самый крѣпостной, котораго ты столь презираешь и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникомъ твоему сыну, въ которомъ однакожъ ты все свое полагаешь благополучіе и всю надежду. Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная первый будетъ наперсникъ или наперсница, первый другъ или подруга сыну

или дочери твоей. Дѣти твои, коихъ ты любишь какъ утробу свою, напитаются съ первымъ млекомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостію и всѣми худыми разговорами отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо и столь надменно пренебрегаешь. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣдуютъ они невѣжество, развратные нравы: въ ихъ мысли вперяются разсказы тѣмъ гнуснѣйшіе и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешь съ рабами. Такіе-то плоды пріобрѣтаетъ человѣкъ, воспитанный тамъ, гдѣ глупость и коварство, гдѣ общество подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормилицъ и безстыдныхъ служанокъ обитаютъ, и жалуются безпрестанно, что несчастныхъ имѣютъ дѣтей, неоказывающихъ почтенія родителямъ, ненавидящихъ всякое наставленіе и трудъ, праздныхъ, живущихъ въ нечистотѣ и утопающихъ въ пьянствѣ или звѣрскомъ буйствѣ. Отецъ (говорю о разумномъ, потому что многіе родители и того не чувствуютъ) болѣзнуетъ непрестанно о своемъ сынѣ, всему полагаетъ причиною злую природу бѣднаго сего юноши, думаетъ, что родился подъ худою планетою. Смѣшная мечта, съ давняго времени за справедливую почитаемая! Но никогда въ мысль ему не приходитъ, что сіе отъ того единственно произошло, когда сихъ дѣтей подлые рабы первыми учителями, сверстниками и друзьями были и вкоренили въ ихъ сердце и разумъ то, что ему толь горестно кажется“.

Бецкій болѣе всего хлопочетъ, чтобы родители и начальники всѣми мѣрами старались возвысить лица, которымъ они ввѣряютъ воспитаніе своихъ дѣтей или даже простой надзоръ за ними. Передъ глазами дѣтей онъ не допускаетъ даже самаго малѣйшаго раболѣпства; на нихъ должна вѣять совершенная свобода духа, отъ котораго зависятъ всѣ лучшія качества души: рабъ не можетъ быть примѣромъ для подражанія. „Неминуемо требуется, говоритъ онъ, чтобы дѣти почитали и любили своихъ наставниковъ и наставницъ, какъ совершенныхъ отцовъ и матерей. Но всуе себя о томъ ласкать, когда начальники не поступятъ съ требуемою осторожностію, которая въ томъ состоитъ, чтобъ никогда не оказывать симъ мнимымъ отцамъ и матерямъ грубости, злобы или брани, а паче при дѣтяхъ. Хотя въ числѣ приставниковъ находятся и такіе, кои родилися и воспитаны въ рабствѣ, однакожъ необходимость требуетъ, чтобы всѣ начальники поступали съ ними пріятно, ласково и съ учтивствомъ, дабы такое обхожденіе поверженный ихъ духъ возвышало. Когда слѣдовано и въ основаніе принято будетъ сіе о кротости пред-

писаніе, безъ сомнѣнія привлечетъ оное ихъ самихъ съ любовью поступать съ питомцами также, какъ начальники съ ними обходиться будутъ. Какое изящество, какая добродѣтель, какое праводушіе могутъ произрасти въ сердцахъ дѣтей, когда съ тѣми, коихъ они родителями себѣ по справедливости признаютъ и почитаютъ, поступать будутъ какъ съ невольниками... Все, принадлежащее къ воспитанію, должно дѣтямъ пріобрѣтать слухомъ и зрѣніемъ, т.-е. подражая добрымъ примѣрамъ, которые бы имъ побудительны были и привлекали ихъ къ себѣ каждый день и каждую минуту. Сіе подѣйствуетъ больше всѣхъ предписаній и больше всѣхъ правилъ и увѣщаній. Если въ таковыхъ образцахъ, предлагаемыхъ имъ для подражанія, предстоятъ всегда добродѣтель, трезвость, кротость, снисхожденіе и любовь... нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣтяхъ заблаговременно вкоренится привычка къ добрымъ дѣламъ такъ же, какъ обыкновенно привыкаютъ говорить на своемъ родномъ языкѣ. Словомъ, буде начальники хотятъ, чтобъ дѣти научились добродѣтели, должно имъ прежде всего учинить учителей и приставниковъ добродѣтельными и примѣра достойными“ [1]).

„Ни единой бѣдной женщины, кормилицы или служанки уничтожать, ниже подлыми и презрѣнія достойными признавать не должно; ибо и самаго нижняго чина люди, содѣйствующіе общему благополучію, великой цѣны достойны. Кто презираетъ ихъ, тотъ самъ, какого бы рода ни былъ, не достоинъ начальствовать оными“ [2]).

„Великая важность требуетъ узаконить надежныя средства, чтобы дѣти совершенно привыкли быть учтивы и вѣжливы при всѣхъ упражненіяхъ своихъ и при всѣхъ забавахъ, не только другъ передъ другомъ, но и передъ всякимъ человѣкомъ до послѣдняго въ домѣ; для того всѣ надзиратели, воспитатели и начальники сами должны необходимо оказывать въ томъ собою примѣры для подражанія, безъ чего ни питомцы, ни служители къ сему, на человѣколюбіи основанному и къ обузданію нравовъ много способствующему, обхожденію никогда не привыкнутъ... Дабы произвести поддапныхъ отечеству полезныхъ, надобно необходимо воспитателямъ и всѣмъ приставникамъ хранить въ сердцахъ питомцевъ своихъ веселость, вольныя дѣйствія души и пріятное учтивство, чему быть не можно, ежели сего во всемъ обществѣ, во всякое время и при всякомъ упражненіи

[1]) Глава VIII 3 част. Генеральн. плана Моск. Восп. дома.

[2]) Тамъ же, глава III.

наблюдать не будутъ. Отвергнуть надлежитъ печаль и уныніе отъ всѣхъ живущихъ въ домѣ. Быть всегда веселу и довольну, пѣть и смѣяться есть прямой способъ къ произведенію людей здоровыхъ, добраго сердца и остраго разума“... [1]).

Для полной обрисовки идеала воспитателя, представляю еще описаніе, какое Бецкій сдѣлалъ главному надзирателю заведенія. „Ему должно быть человѣку безъ предъувѣреній и правду любящему, не своенравному, но человѣколюбивому. Хотя другіе приставники и служители состоятъ подъ его повелѣніями, но онъ признавать ихъ долженъ не какъ подчиненныхъ, но какъ друзей своихъ, защищать ихъ, всякому по заслугѣ безпристрастно воздавать справедливость и награжденіе, управлять ими съ любовію, увѣщевать и побуждать къ наблюденію званія... Нѣтъ нужды, чтобъ главный надзиратель былъ ученый человѣкъ въ разсужденіи наукъ, того менѣе надобно быть ему всегда изъ знатныхъ людей: потребенъ человѣкъ разумъ имѣющій, здравыя и достаточныя силы разсудка, сердце непорочное, мысли вольныя, нравъ къ раболѣпству непреклонный и не такое великодушіе, которое въ гордость и высокоуміе превращается; говорить долженъ какъ думаетъ, а дѣлать какъ говоритъ; отъ неправды и притворства при всякомъ случаѣ убѣгать, какъ отъ самыхъ мерзкихъ дѣлъ“... [2]).

Хотя Бецкій и вполнѣ сознавалъ, какъ трудно найти воспитателей, которые бы подходили подъ этотъ идеалъ, но совершенно былъ увѣренъ, что безъ нихъ воспитаніе ненадежно. „Всѣ наставленія будутъ безполезны, говоритъ онъ, когда приставники сами не окажутъ примѣровъ исполненія честностію своею, скромностію, трезвостію и кротостію. Въ ихъ особѣ и въ ихъ поступкахъ представляются питомцамъ всѣ нравоучительныя книги...“ [3]).

Зато, если найдется подобный воспитатель, Бецкій совѣтуетъ не щадить для него ничего, заботиться объ его благосостояніи, покоѣ, чести, всѣми силами подкрѣплять благія его намѣренія, защищать его при всякомъ случаѣ отъ зависти, клеветы, гоненій и пр. Вотъ награда, достойная воспитателю! Одна она уже показываетъ, съ какой возвышенной точки образованный вельможа смотрѣлъ на дѣло воспитанія. Но онъ уже съ сокрушен-

---

[1]) Тамъ же, глава IX.

[2]) Тамъ же, часть 2, глава III.

[3]) Тамъ же, часть 3, глава IX.

нымъ сердцемъ признается, какъ мало представлялось надежды имѣть достаточное число лицъ съ нужными качествами. „Можетъ быть, говоритъ онъ, нужда велитъ намъ довольствоваться тѣмъ только, чтобъ приставники не подвержены были хотя двумъ симъ мерзкимъ и въ простомъ народѣ толь сильно вкоренившимся порокамъ: пьянству и праздности. Счастливы будемъ еще, когда, избѣжавъ сей язвы, одарены будутъ хотя мало кротостію и здравымъ разумомъ, дабы по крайней мѣрѣ въ состояніи были слѣдовать письменнымъ инструкціямъ".

Въ Физическихъ примѣчаніяхъ Бецкій совѣтуетъ удалять отъ дѣтей всѣхъ жадныхъ, пьяницъ, лѣнивыхъ, дерзкихъ, жестокихъ, злыхъ людей, и болѣе всего сластолюбцевъ.

Конечно, исполнить всѣ эти условія едва ли возможно при нашемъ воспитаніи, хотя и нельзя не согласиться съ ихъ разумностью. Но нужно имѣть въ виду, что Бецкій замышлялъ отдѣлить рождающееся поколѣніе отъ дѣйствующаго общества и устранить неблаготворное вліяніе этого послѣдняго на воспитаніе. При такомъ условіи представлялось больше возможности примѣнить къ дѣлу всѣ упомянутыя предписанія.

Изъ нашихъ выписокъ читатель уже могъ замѣтить, что съ воспитаніемъ Бецкій соединялъ родительскія чувства—кротость и любовь. Отсюда опредѣляется и самый характеръ наказаній, безъ которыхъ нельзя обойтись воспитателю. Здѣсь Бецкій поступилъ рѣшительнѣе Локка, который, возставая противъ тѣлесныхъ наказаній, въ то же время не рѣшался изгнать ихъ совершенно изъ практическаго воспитанія, уступая преданіямъ и обычаямъ современности [1]). Бецкій рѣшительно запрещалъ тѣлесное наказаніе всякаго рода, не только надъ дѣтьми, но даже и надъ нижними служителями воспитательнаго заведенія, дабы юношество не пріобучить къ суровости" [2]). Хотя онъ и здѣсь становился въ явное противорѣчіе съ обычаями своей современности, но, имѣя въ виду создать новое общество, онъ ни въ чемъ не уступалъ старому. Здѣсь мы опять воспользуемся нѣсколькими выписками, чтобъ яснѣе опредѣлить взглядъ Бецкаго, сходный со взглядомъ Локка и достойный нашего вниманія.

„Когда обходиться станутъ съ питомцами какъ съ рабами, не только вкоренятъ въ нихъ то же, что рабамъ прилично, но чрезъ то ввергнутъ ихъ въ погибель толь великую, что можно уже тогда сказать справедливо:

---

[1]) Педагог. значен. соч. Импер. Екат. гл. II.

[2]) Генер. планъ воспит. дома, часть 1 гл. V.

„О коль бѣдны сіи созданія!“ [1]).

„Не возможно, кажется, опредѣлить точнаго установленія о наказаніяхъ, которыя бы особливо у насъ употреблять можно. Съ одной стороны, когда разсмотримъ всѣ обыкновенія, видимъ, что безъ употребительныхъ наказаній обойтися не можно. Но съ другой, мнѣніе сіе отвергается, когда разсудимъ о естествѣ человѣческомъ, о животныхъ въ домахъ и о самыхъ лютыхъ звѣряхъ, когда вспоминаемъ чудныя дѣйствія, которыя въ людяхъ и въ тѣхъ же животныхъ воспитаніе производитъ“ [2]).

„Я знаю, что несравненно легче воспитателю съ лозою въ рукахъ довести юношу до своихъ своенравныхъ поученій, которыя ему для того только угодны, что онъ имъ самъ учился; но священная должность его состоитъ въ томъ, чтобъ образовать человѣка не ему подобнаго, а полезнаго обществу... Воспитатель получаетъ въ колыбели младенца, коего душа подобна водѣ безъ всякаго примѣса, то, если вмѣсто того, чтобы, слѣдуя физическимъ и моральнымъ правиламъ, вести ее по прекраснымъ лугамъ, онъ отъ неискусства ли или отъ упрямства заставитъ течь по болотамъ; тогда не воспитанниково, а его собственное будетъ преступленіе, когда надлежитъ душу очищать отъ грязи; слѣдовательно одно искусство воспитанія отвращаетъ непреложно всякую варварскую необходимость въ наказаніяхъ; ибо нѣтъ врожденныхъ пороковъ и злодѣйствъ, но дурные примѣры ихъ внушаютъ“ [3]).

„Ежели съ младенчества поступятъ съ дѣтьми съ предусмотрѣніемъ и осторожностью, какъ узаконено, есть надежда, что наказанія будутъ весьма рѣдки и безполезны. Единожды навсегда ввести неподвижный законъ, и строго утвердить—никогда и ни за что не бить дѣтей, ибо не удары въ ужасъ приводятъ, но страхъ умножается въ нихъ отъ рѣдкости наказаній, что есть самое дѣйствительное средство къ ихъ поправленію; да и по физикѣ доказано, что бить дѣтей, грозить имъ и бранить, и хотя причины къ тому бываютъ, есть существенное зло. Кромѣ того, что сіе дѣлаетъ перемѣну въ ихъ здоровьѣ, слѣдовательно и въ живости естественной, становятся чрезъ то мстительны, притворны, обманщики, угрюмы и нечувствительны. Сердца ихъ ожесточаются; въ нравахъ лишаются кротости, которая есть мать человѣчеству“.

---

[1]) Глав. X, 3 части Генер. плана.

[2]) Тамъ же, гл. XI.

[3]) Предварит. объясненіе къ собран. учрежд. и пр.

„Легчайшимъ наказаніемъ служить можетъ: 1) заставлять дѣтей одинъ или два часа, смотря по ихъ лѣтамъ, стоять на одномъ мѣстѣ, ни на что не опираясь; 2) не пускать съ другими гулять; сіе весьма чувствительно дѣтямъ, ибо отъ природы не любятъ покоя и насилія, что и доказывается въ молодыхъ животныхъ; 3) дѣлать выговоръ наединѣ, побуждая къ раскаянію; 4) пристыжать публичнымъ выговоромъ; 5) хлѣбъ и вода на 12 или на 24 часа сносны для возраста отъ 5 до 10 лѣтъ; 6) смотря по ихъ возрасту заставлять и поститься, т.-е. лишать завтрака, а иногда и обѣда, но никогда не отнимать ужина“.

„Ежели бы слѣдовало опредѣлять особливыя наказанія за каждую погрѣшность, требующую исправленія, надлежало бы пространное для того сдѣлать сочиненіе о порокахъ, отъ разума и отъ сердца происходящихъ. Приставникамъ и наставникамъ, руководствующимъ юношество, вѣдать должно дѣйствія души и страстей нашихъ. Правда, такимъ образомъ требуется отъ нихъ нѣчто невозможное; но кто приближается сколь можно къ сему познанію, тотъ всегда предпочтительнѣе другихъ. Сообщу однакожъ нѣкоторыя примѣчанія для желающаго разсуждать, какія погрѣшности требуютъ больше или меньше строгости. Дабы поступать въ наказаніяхъ разсудительно и съ надлежащимъ порядкомъ, нужно имѣть напечатанное краткое сочиненіе, которое бы учители воспитатели и надзиратели знали прежде сами наизусть. Предписать должно: 1) повиноваться отцу, матери, учителямъ и наставникамъ; за погрѣшность противъ сего правила такое-то наказаніе; 2) жить мирно между собою и со всѣми. Погрѣшившему противъ сего правила, а особливо тому, кто побьетъ сверстника своего, такое-то наказаніе. Однакожъ поступки отъ недостатка въ разсужденіи и безъ худого умысла происходящія различать отъ дѣйствій злости и явнаго коварства. При томъ вѣдать, что за ложь или неправду больше, нежели за всѣ вышепоказанныя погрѣшности наказывать должно“...

„Не приступая къ наказанію, надлежитъ всего прежде имѣть прибѣжище къ помянутому краткому сочиненію и изъяснять на словахъ виноватому предписаніе, касающееся до преступленія его. Отъ сего произойдутъ удивительныя дѣйствія, ибо когда дѣтямъ нѣсколько разъ повторены будутъ предписанія, почувствуютъ они тогда жъ, что не по пустому воображенію, не по прихоти и не по страсти, но праведно осуждаются отъ начальниковъ своихъ и наказываются силою устава, что особливую еще принесетъ пользу, а именно питомцы, будучи въ дѣтствѣ, невидимо наставляются въ познаніи того, что праведно и не-

праведно. Своимъ разумомъ уже постигнутъ, какая страсть хулы достойна“... [1]).

„Когда дѣти въ игрѣ или рѣзвостяхъ чѣмъ себя зашибутъ или повредятъ, за то ихъ не только наказывать, но и бранить отнюдь не надлежитъ. Чрезъ то родители, конечно, избавятъ дѣтей своихъ отъ многихъ бѣдъ и болѣзней. Изъ повседневныхъ примѣровъ видно, сколько въ свѣтѣ отъ сей неосторожности слабыхъ, сколько уродовъ и сколько померло по большей части отъ того, что дѣти, опасаясь наказанія, никому не говорятъ о своей болѣзни и, перемогаяся, скрываютъ оную иногда до неизлѣчимости. Сколь жалки тѣ бѣдныя дѣти, которыя за игру и невинныя забавы, лѣтамъ необходимо потребныя, предаются столь часто на жертву ненавистному гнѣву и своенравію родителей или дядекъ. Приличнѣе называть таковыхъ тиранами, нежели воспитателями“ [2]).

Здѣсь я не привожу сравненій Бецкаго съ Локкомъ, но указываю на дѣльныя разсужденія г. Лавровскаго, имѣющія такое же отношеніе ко взгляду Екатерины, какъ и къ Бецкому [3]). Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, какъ сильно выказывается въ этихъ кроткихъ мѣрахъ личность самого Бецкаго—душа нѣжная, любящая, человѣчественная. Онъ не ограничивается одними холодными разсужденіями и предписаніями; нѣтъ, во всѣхъ словахъ его столько жару, столько любви, столько сердечнаго желанія облагородить человѣка, столько уваженія къ человѣческимъ достоинствамъ, столько страха, чтобъ они какъ-нибудь не были повреждены. Конечно, въ наше время, общественныя воспитательныя заведенія не могутъ слѣдовать вполнѣ его совѣтамъ, потому что туда поступаютъ многія дѣти уже испорченныя домашнимъ воспитаніемъ, уже зараженныя дурными примѣрами, уже съ развращеннымъ воображеніемъ, такъ что однѣ кроткія мѣры для нихъ часто бываютъ недостаточны. Но по крайней мѣрѣ желательно, чтобы наши воспитатели исполнились тою же любовью, тою же кротостью и ими по возможности дѣйствовали на своихъ питомцевъ, пробуждая и въ нихъ подобныя же чувства. Сильнѣе любви нѣтъ ничего на свѣтѣ.

О наградахъ при воспитаніи Бецкій говоритъ довольно неопредѣленно. Въ одномъ мѣстѣ онъ совѣтуетъ внушать дѣтямъ „столько самолюбія, дабы, не думая никогда, что уже совершенны, старались они часъ отъ часу лучше быть. Сіе весьма

[1]) Глава XI, 3 части Генер. плана.

[2]) Физич. примѣч. глав. 3 о наказан.

[3]) Педагогическ. знач. сочин. Екат. гл. II и III.

удобно произвести, прибавляетъ онъ, поселеніемъ между ними соревнованія чрезъ похвалы и награжденія свойственныя и безпристрастныя [1]). Другія его замѣчанія по этому предмету относятся къ тѣмъ, которые достойно окончили курсъ наукъ [2]).

VI.

Послѣднюю часть воспитанія, по взгляду Бецкаго составляетъ обученіе. На него онъ смотрѣлъ глазами Монтаня и Локка, не видя въ немъ никакого образовательнаго вліянія. Развитіе умственныхъ силъ предоставлялось природѣ и отдавалось на долю нравственныхъ наставленій; а обученіе признавалось необходимымъ только потому, что необходимы намъ нѣкоторыя знанія какъ для гражданской жизни, такъ и для добыванія куска хлѣба. При такомъ взглядѣ, разумѣется, Бецкій не могъ сочувствовать тѣмъ воспитателямъ, которые сажали дѣтей за книгу отъ ранняго ихъ дѣтства. Въ этомъ онъ видитъ насиліе и возстаетъ противъ него въ защиту дѣтей. Онъ хочетъ, чтобы дитя училось играючи, и нельзя во многомъ не согласиться съ нимъ, если имѣть въ виду только дѣтскій возрастъ; но онъ распространяетъ эту мысль на весь курсъ обученія и хочетъ, чтобы науки доставались безъ всякаго труда и усилія. Здѣсь онъ, какъ будто, противорѣчитъ самъ себѣ; потому что пріучать къ труду считаетъ одною изъ обязанностей воспитанія; а что лучше можетъ развить силы и заставить свыкнуться съ трудомъ, какъ не строгое научное обученіе! Здѣсь онъ увлекся доводами Монтаня и Локка, которые въ своихъ сужденіяхъ впали въ крайность, возставая противъ другой крайности, господствовавшей тогда въ Европѣ, именно противъ обычая обременять дѣтскія головы всевозможными знаніями, часто мертвыми, схоластическими и ни къ чему непригодными.

„Я думаю,—говоритъ Бецкій,—справедливо мнѣніе тѣхъ писателей, почтенныхъ друзей человѣчества, которые для пользы опаго всю жизнь посвятили на изслѣдованіе всего, что служитъ къ блаженству обществъ. Они желали бы, чтобы и въ училищахъ, опредѣленныхъ для произведенія ученыхъ, науки были легко, т.-е. самыя первоначальныя только правила оныхъ, пре-

[1]) Предвар. объясн. къ Собранію учрежденій и предписаній и пр.

[2]) Гл. V Генер. плана воспитательнаго дома.

подаваемы безъ утомленія юношества, которое, чувствуя обремененіе, теряетъ и врожденное. Если бы,—говорятъ они,—такимъ образомъ поступали, тогда освобожденные отъ оковъ принужденія и побуждаемые желаніемъ славы, сами собою неодолимою склонностію устремлялись бы къ тому, для чего они рождены и оставили бъ далеко назади даже своихъ учителей. Прочіе жъ неспособные по крайней мѣрѣ не будутъ утомлены и могутъ быть полезны въ другомъ“...

„Всякое противъ природы и склонности отягощеніе, вмѣсто того, чтобы изощрять, притупляетъ чувства. Надлежитъ или отречься отъ воспитанія, или вести дѣтей, такъ сказать, играя и съ пріятностію. А паче всего внушая вкусъ къ чтенію, открывать и истинный путь природному разуму, который, если умѣютъ давать ему свободу самому дѣйствовать, летитъ на крыльяхъ; когда же налагаютъ на него бремя педантической методы, то едва двигается, ползаетъ“... [1]).

„Иные думаютъ скорѣе получить пользу, спѣша дѣтей скорѣе преклонить къ наукамъ и трудамъ; симъ образомъ не токмо совсѣмъ поступаютъ вопреки, но удаляются отъ полезныхъ средствъ отъ часу больше, и дѣлаютъ только вредъ, котораго, наконецъ, отвратить не можно“ [2]).

Въ Физическихъ примѣчаніяхъ Бецкій говоритъ объ ученіи слѣдующее: „приводить дѣтей къ ученію подобно какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле. Тернія, въ ономъ находящіяся, раздражаютъ природу, особливо спачала, а сіе происходитъ единственно отъ неразумія воспитателей. Чтобъ дѣти съ веселіемъ исполняли свою должность, надлежитъ стараться всемѣрно вперить въ нихъ любовь къ ученію такъ, чтобъ оное награжденіемъ себѣ почитали. Сіе единое способствуетъ къ большему просвѣщенію ихъ разума. Неумѣренное ученіе вредно здоровью. Не должно тревожиться, видя умы не скоро зрѣющіе, а желать надобно, чтобъ дѣти имѣли только здоровый разумъ и доброе сердце, о чемъ паче всего прилагать должно стараніе съ самаго ихъ младенчества, такъ же и о томъ, чтобъ они были крѣпкаго сложенія“...

Повторимъ еще разъ, что за всѣми этими положеніями нельзя не признать основательности, если имѣть въ виду одинъ дѣтскій возрастъ, которому нужно дать болѣе времени для свободныхъ игръ, чѣмъ для уроковъ. Нельзя не согласиться и со слѣдую-

---

[1]) Предварит. объясненіе къ Собранію учрежд. и предпис. и пр.

[2]) Глава XII, части 3 Генер. плана.

щими словами Бецкаго: „Назначая питомцамъ уроки при нѣжномъ ихъ возрастѣ, принуждаютъ сидѣть ихъ по два и по три часа по утру и столько же послѣ обѣда. Насильное сіе положеніе тѣла, угнетаемое еще страхомъ и должностію оказывать почтеніе предсидящимъ учителямъ и наставникамъ, истощаетъ, наконецъ, силы и дѣлаетъ ихъ разслабленными“... [1]).

Идеалъ, который создался въ воображеніи Бецкаго для воспитателя, во всемъ согласенъ и съ идеаломъ учителя. Онъ долженъ обладать всѣми тѣми же качествами, долженъ такъ же разсчитывать на благотворное вліяніе добрыхъ примѣровъ и сдѣлать себя предметомъ подражанія. Въ своемъ разсужденіи о новомъ устройствѣ кадетскаго корпуса, Бецкій дополняетъ новыми чертами описаніе идеальнаго учителя:

„Если учители,—говоритъ онъ,—будутъ поступать съ благоразсужденіемъ и наставлять питомцевъ своихъ съ любовью и ласкою, если учить ихъ станутъ больше разговорами и разсужденіями, нежели заставляя сидѣть безпрерывно надъ урокомъ въ принужденномъ и здоровью ихъ вредительномъ наклоненіи, то юношество окажетъ великіе во всемъ успѣхи, чего только отъ возраста его требовать можно... Отвергнемъ на часъ грозный и повелительный взглядъ и голосъ учителей и дядекъ, увидимъ съ удовольствіемъ какъ дитя подражаетъ намъ поступками, разговоромъ и самымъ произношеніемъ... Все зависитъ отъ удачнаго выбора начальниковъ и учителей, одаренныхъ здравымъ разумомъ и благонравіемъ, а не заразившихся надутымъ видомъ и угрюмостію. Педантизмъ есть сущая пагуба воспитанію юношества вообще, а благороднаго особливо. Если должно выбирать изъ двухъ золъ меньшее, то лучше взять учителя нѣкоторымъ недостаткамъ подверженнаго, нежели педанта, ученіемъ своимъ надутаго и во всемъ поведеніи столь же нестерпимаго, сколь смѣху достойнаго“... [2]).

Но, рисуя такой идеалъ учителя, Бецкій мало надѣялся найти довольное число людей, которые бы подходили подъ этотъ совершенный образъ. Онъ даже приводитъ слова Ришелье, который говорилъ, что совѣтовалъ бы устроить училища словесныхъ наукъ въ каждой деревнѣ, если бы легко было находить хорошихъ учителей.

---

[1]) Опытъ о наставленіи и обученіи. Глава IX, 3 части Генеральн. плана для воспитат. дома.

[2]) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. XVII, № 12741.

По предписанію Бецкаго, науки должны были преподаваться на русскомъ языкѣ. „Если ученики,—говоритъ онъ,—станутъ обучаться исторіи, географіи и другимъ наукамъ не на своемъ природномъ языкѣ, то изъ того польза будетъ невелика. Пускай дитя отъ пяти и шести лѣтъ своего возраста учится по нѣмецки и по французски, но по прошествіи 14 и 15 лѣтъ не будетъ онъ еще имѣть объ исторіи и географіи прямого понятія. Если онъ тому обучился на чужомъ языкѣ, то ему покажутся сіи науки совсѣмъ новыми и не слыханными на своемъ природномъ... Что въ томъ есть великая разность, на какомъ языкѣ науки преподаются, ясные видимъ мы опыты изъ того, что нынѣ въ корпусѣ кадеты лифляндцы и другіе иноземцы скорѣе и больше изучаются нежели россійскіе, потому что всему учатся на своемъ языкѣ“... [1]).

Въ то же время Бецкій возсталъ противъ стараго обычая начинать учиться грамотѣ съ церковно-славянскаго языка, и не обращать никакого вниманія на изученіе русскаго, на томъ основаніи, что ученикъ и безъ того долженъ знать свой природный языкъ „Смѣха достойный присвоили мы обычай“, говоритъ онъ, „учить дѣтей въ школахъ грамотѣ по книгамъ на языкѣ и буквахъ славянскихъ и провождать въ семъ ученіи по нѣскольку лѣтъ. Не вводить сего способа ученія, ибо дѣтямъ прежде начатія славянскаго, должно учить буквари, печатанные на употребляемомъ нынѣ языкѣ“...

„Извѣстно, что всякому человѣку въ обществѣ должно знать всю силу и все пространство языка своего отечества. Безъ сего познанія не будетъ разумѣть правъ, уложенія и законовъ, издаваемыхъ отъ монарховъ, не можетъ надежно вступать въ обязательства, въ нужныя переписки и пр. и того меньше въ важные договоры“... [2]).

Обращаю здѣсь вниманіе на доводы, которые приводятся въ доказательство, что изученіе отечественнаго языка необходимо; въ наше время они могутъ показаться слишкомъ слабыми, но въ то время они имѣли свою силу, потому что нашъ письменный языкъ, какъ административный, такъ и литературный, былъ далекъ отъ обыкновеннаго разговорнаго, слѣдственно чтобы вполнѣ разумѣть его, нужно было обучаться ему; въ этомъ пока выразилась первая цѣль изученія отечественнаго языка, на который до тѣхъ поръ въ школахъ не обращали вниманія.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Глава IX, части 3 Генер. плана воспи. дома

Изученіе славянскаго языка Бецкій также считаетъ нужнымъ, чтобы понимать языкъ церкви и особенно „дабы россійскимъ писать правильно и краснорѣчиво“ [1]). Эта послѣдняя цѣль является въ строгой связи съ грамматикой и риторикой Ломоносова, перваго законодателя нашего литературнаго языка. Впрочемъ, нужно замѣтить, что изученіе славянскаго языка, по взгляду Бецкаго, было необходимо только тѣмъ, которые готовили себя къ жизни спеціальными занятіями въ наукахъ и искусствахъ, т.-е. къ жизни въ обществѣ образованномъ.

Самымъ главнымъ и основнымъ предметомъ обученія Бецкій по справедливости считаетъ законъ Божій, на которомъ должно основываться нравственное воспитаніе дѣтей. Заботы объ этомъ онъ предоставляетъ благоразумнымъ духовнымъ лицамъ, и только совѣтуетъ не устрашать дѣтей разсказами о мученіяхъ ада, потому что „ничто такъ не вредитъ дѣтямъ какъ эти разсказы; нѣжныя сердца, таковымъ ужасомъ единожды пораженныя, во всю жизнь дѣлаются робкими и боязливыми“.

Первый періодъ обученія Бецкій ограничиваетъ временемъ отъ пятилѣтняго возраста до тѣхъ поръ, пока дѣти сами могутъ одѣваться. Онъ справедливо защищаетъ этотъ возрастъ отъ преждевременныхъ занятій, за которыя воспитатели усаживаютъ дѣтей. „Всѣ отцы и матери, начальники и приставники стараются обучать дѣтей, какъ скоро начинаютъ говорить; иные заставляютъ ихъ непрестанно твердить молитвы и пр. Намѣреніе само въ себѣ хорошее; но безвременное въ томъ упражненіе вредитъ слабому еще понятію дѣтскому... Не должно инымъ способомъ къ ученію приводить сего возраста питомцевъ, какъ совѣтомъ и подавая случай къ подражанію“ [2]).

Обученіе здѣсь должно было ограничиться первыми понятіями о Богѣ, рисованіемъ и чтеніемъ „для того только, чтобъ зрѣніемъ привыкали къ познанію литеръ“.. Важность учительскаго искусства,—замѣчаетъ при этомъ Бецкій,—состоитъ здѣсь въ томъ, чтобъ питомцы полагали въ семъ упражненіи свою забаву.

Съ той поры, какъ дѣти сами могутъ одѣваться, до одинадцатаго года Бецкій дозволяетъ имъ быть въ школѣ только одинъ часъ въ день и учиться тамъ читать и первымъ основаніямъ вѣры, чтобы заблаговременно вкоренился въ нихъ страхъ Божій [3]). Но совѣтуетъ: „не принуждать дѣтей учить много наизустъ, и

---

[1]) Полное Собраніе Рос. Зак. Т. XVII, № 12741.

[2]) Глава III, части 3. Генер. пл. восп. дома.

[3]) Гл. II, час. 2 Генерал. пл. восп. дома.

довольно для отроческаго ихъ возраста, когда вытвердятъ и поймутъ „Отче нашъ, Символъ вѣры, десять заповѣдей и молитвы вечернія и утреннія. Время драгоцѣнное заставляетъ терять тотъ, замѣчаетъ онъ, кто приказываетъ имъ твердить уроки по нынѣшнему обыкновенію: въ великую слабость приводятъ сложеніе тѣла ихъ, порабощая разумъ и требуя отъ нихъ то знать, чего не понимаютъ и вовсе не разумѣютъ [1])".

Дѣти должны были начинать учиться писать тогда только, когда научались нѣсколько свободно рисовать: „писать и изображать цифирь легко уже покажется имъ, какъ скоро свободно рисовать начнутъ". Такое предписаніе основано на томъ соображеніи, что дѣти въ самомъ раннемъ дѣтствѣ охотно хватаются за карандашъ и чертятъ разныя фигуры; отсюда очень легко сдѣлать переходъ къ письму.

Въ этомъ же возрастѣ Бецкій опредѣляетъ начинать учить иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ и географіи. Въ спеціальныхъ же училищахъ прибавляются сюда еще нѣкоторыя науки, нужныя по цѣли заведенія. Но на образовательное вліяніе, какъ видно, Бецкій нигдѣ не расчитываетъ; науки у него преподаются какъ полезныя въ примѣненіи къ гражданской жизни. Нравственнаго значенія онъ не придаетъ имъ и не замѣчаетъ, какое важное вліяніе онѣ оказываютъ и на моральное воспитаніе. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться со словами г. Лавровскаго, который, разсуждая о такомъ же взглядѣ Екатерины, замѣчаетъ: „Въ наше время можетъ показаться странною мысль о нравственности безъ правильно установленнаго и, по возможности, полнаго образованія, потому что истинное образованіе есть основаніе истинной нравственности; пока не приведены въ надлежащую ясность по крайней мѣрѣ важнѣйшія отношенія воспитанника къ окружающему міру и къ Творцу міра, важнѣйшіе интересы и вопросы его жизни, а вмѣстѣ и его назначеніе, до тѣхъ поръ не можетъ быть ни одного, въ строгомъ смыслѣ, нравственнаго рѣшенія, потому что послѣднее предполагаетъ сознательное и свободное опредѣленіе себя къ дѣйствію, независимое отъ преданія, привычки и авторитета" [2]). А на такую точку, прибавимъ мы, ставитъ человѣка лишь наука.

Какой ничтожный смыслъ въ воспитаніи имѣло научное обученіе, по взгляду Бецкаго, видно особенно въ томъ ограниченномъ числѣ наукъ, которыя опредѣлялось преподавать въ жен-

[1]) Гл. IV, част. 3 Генер. пл.

[2]) О педаг. знач. соч. Ек. В., стр. 58.

скихъ заведеніяхъ: кромѣ языковъ и закона Божія, ариѳметика, географія, исторія, вотъ и все, и это до восемнадцатилѣтняго возраста. Конечно, если имѣть въ виду, какъ образовывалась русская женщина до этого времени, то нельзя не отнестись къ Бецкому съ полною благодарностію; но здѣсь мы только разсуждаемъ объ его взглядѣ на значеніе науки.

Бецкій прекрасно понялъ, какъ важно образованіе женщины, и всѣми мѣрами старался распространить эту идею. „Кто бы не желалъ, писалъ онъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными. Будучи матерями лучше и разсудительнѣе воспитаютъ своихъ и чужихъ ввѣренныхъ имъ дѣтей; будучи въ супружествѣ прилежнѣе исполняютъ свою должность; будучи кормилицами или нянъками прежде или послѣ отлученія дѣтей отъ груди, не помрачатъ ихъ пустыми разсказами, странными повѣстьми о привидѣніяхъ, превращеніяхъ, колдовствахъ. Напротивъ того разговоры ихъ будутъ подражанія достойны, страсти обузданы, обхожденіе пріятно и человѣколюбія исполнено...“ [1]).

Прекрасно понималъ онъ и нѣжную женскую природу, и зато какъ деликатно заботился о развитіи лучшихъ ея сторонъ. Воспитывая ее, онъ хотѣлъ указать ей, что содержанія для своей жизни она должна искать въ семействѣ и въ своихъ семейныхъ обязанностяхъ.

Нельзя между прочимъ не замѣтить, что Бецкій считалъ бухгалтерію необходимою для всѣхъ сословій, чтобы каждый могъ устроить разумный порядокъ въ своихъ дѣлахъ, чего недоставало большинству семействъ. Онъ ссылается и на Локка, который совѣтовалъ дворянамъ въ молодыхъ лѣтахъ весьма прилежно учиться этому искусству. „Но по несчастію, замѣчаетъ Бецкій, удобнѣе желать, нежели приводить въ дѣйствіе; ибо не малою сему причиною злоупотребленіе, которое вошло по-неволѣ въ обычай: большая часть нашихъ доходовъ состоитъ въ собираніи съѣстныхъ припасовъ не для чего какъ для содержанія большаго числа служителей, причиняющаго только неустройство и замѣшательство, что̀ обыкновенно приводитъ къ расточенію. Сей источникъ несчастія, которому многіе подвергаются, видимъ мы изъ ежедневныхъ опытовъ...“ [2]).

Такимъ образомъ Бецкій постоянно старался черезъ воспи-

[1]) Глав VI, част. 3 Генер. ил.

[2]) Тамъ же, глава VII.

таніе снабдить русскаго человѣка тѣми средствами, которыя онъ можетъ съ успѣхомъ противопоставить современнымъ несообразностямъ. Эти соображенія достойны особеннаго вниманія.

„На пятнадцатомъ году, говоритъ Бецкій, въ юношѣ начинаетъ оказываться свойство сложенія, которое будетъ впослѣдствіи въ немъ владычествовать“ [1]). Съ этого времени онъ велитъ тщательно наблюдать, къ чему будутъ выказываться склонности въ молодой душѣ. Въ уставѣ для корпуса онъ даетъ даже нѣкоторыя правила, какъ это производить: „дѣлать прилежные опыты склонностямъ питомцевъ, дабы узнать кто къ какому званію способнѣе. Опытами разумѣется то, чтобъ въ разныхъ родахъ наукъ и экзерцицій примѣчать, къ чему точно они способны окажутся во время гулянья, забавъ и при другихъ случаяхъ, наблюдая при томъ, чтобъ не нарушался порядокъ ихъ ученія, для того стараться, чтобы всѣ игры и гулянья служили имъ въ пользу и въ увеселеніе и оставлять имъ благопристойную вольность выбирать оныя по своимъ лѣтамъ такъ, чтобъ самыя забавы не оказались имъ должностію. Симъ способомъ спознавать ихъ склонности, дабы тѣмъ удобнѣе употребить оныя въ ихъ пользу“... [2]).

Разсуждая объ ученіи въ Воспитательныхъ домахъ, Бецкій дѣлитъ дѣтей по ихъ дарованіямъ на три разбора: „первому состоять изъ тѣхъ, которые очевидно могутъ отличиться въ наукахъ и художествахъ; второму, и который конечно величайшее число въ себѣ заключаетъ, изъ опредѣленныхъ быть ремесленниками и рукодѣльниками; а третьему, коихъ понятія тупы, изъ простыхъ работниковъ. По извѣданнымъ опытамъ, продолжаетъ онъ, такое распоряженіе сходствуетъ съ самою натурою, которая равно какъ во всемъ, такъ и въ людяхъ рѣдко чрезмѣрныя крайности производитъ, т.-е. отмѣнно остроумныхъ или совершенно тупыхъ; а большая часть посредственныхъ, рожденныхъ жить не столько замысловатостью головы, сколько искусствомъ рукъ...“ [3]).

Особенно заботился Бецкій о томъ, чтобы не были заглушены дарованія и своевременно были поставлены на тотъ путь, къ которому они стремятся. Такимъ образомъ онъ опредѣлилъ оказавшихъ склонность къ наукѣ отсылать въ Академію Наукъ или въ Московскій университетъ; юношей со стремленіями къ живописи, ваянію или архитектурѣ, переводить въ Академію Худо-

---

[1]) Физич. примѣч. о темпераментѣ.

[2]) Полн. Собр. Рос. Зак. № 12741, т. XVII

[3]) Предвар. объясн. къ Собранію учрежденій и пр.

жествъ. Вообще артистическимъ натурамъ предоставлялся легкій исходъ на всѣ поприща: для музыкантовъ назначались музыкальные уроки; для актеровъ—домашніе спектакли. Равнымъ образомъ по своимъ склонностямъ питомцы выбирали и мастерства всякаго рода и обучались имъ у знающихъ мастеровъ. Но надъ всѣми этими спеціальностями должно было господствовать образованіе нравственное. „Сіе только одно не выше возможности добродѣтельнаго и разумнаго попеченія, пишетъ заботливый Бецкій: чтобы образовать человѣка такъ, дабы онъ, великія ль малыя ль способности имѣя, могъ въ кругѣ имъ занимаемомъ быть полезенъ себѣ и обществу, не только во время своей жизни, но и навсегда, оставя добрые нравы своимъ потомкамъ. Впрочемъ къ чему бы и съ какою бы остротою онъ ни былъ произведенъ, художникъ ли, ученый ли или что нибудь другое, не имѣя души возвышенной благонравіемъ, рождающимъ благородныя мысли и чувствованія, никогда въ своемъ искусствѣ не можетъ дойти до превосходства отличныхъ людей; а если какимъ чудеснымъ образомъ и достигнетъ, что въ талантѣ, когда человѣка нѣтъ. И такъ, что касается до дарованій, которыхъ требуютъ науки и художества, сіе есть дѣло натуры, и того, если кто не имѣетъ врожденнаго, никакое человѣческое стараніе дать не можетъ, а только испортитъ“ [1]).

По такому взгляду наука приходилась на долю очень немногихъ. Къ тому же Бецкій строго держался той мысли, „чтобъ предпринимать просвѣщеніе питомцевъ не больше того, чего требуетъ званіе, къ которому они назначаются“ [2]). Эта мысль даже поставила его въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою: для дворянскаго званія оказалась необходимость знать множество наукъ, тогда какъ, по его убѣжденію, никакъ не слѣдовало обременять науками воспитывающееся юношество, а учить его шутя, играючи. Разсуждая о преобразованіи кадетскаго корпуса, онъ замѣчаетъ: „изъ исторіи древнихъ и новыхъ временъ видно, что преславные полководцы неустрашимое свое мужество украшали такими науками, какія нужно и законодателю и побѣдителю“ [3]). Это заставило уступить необходимости и ввести въ кругъ обученія кадетовъ значительное число наукъ [4]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Глава XII части 3 Генер. пл.

[3]) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. XVII, № 12741.

[4]) Всѣ эти науки Бецкій раздѣляетъ на слѣдующіе разряды:

1. Руководящія къ познанію прочихъ наукъ: логика, начальныя основа-

Здѣсь же Бецкій часто указываетъ на наставленія Монтаня и Вегеція, издавшаго въ 1759 г. сочиненіе „о томъ, какъ сдѣлать человѣка здоровымъ и способнымъ сносить воинскіе труды“.

О способахъ преподаванія онъ нигдѣ не распространяется, хотя и говоритъ, что „усмотрѣнные понынѣ недостатки въ воспитаніи юношества вообще состоятъ въ затрудненіяхъ отъ вредительныхъ способовъ ученія, которымъ питомцевъ подвергаютъ [1])“. Впрочемъ онъ признаетъ превосходство практическаго обученія надъ теоретическимъ; допускаетъ также, чтобъ учитель употреблялъ лучшихъ учениковъ „къ наученію другихъ, отчего всегда между ними возрастаетъ охота къ подражанію, и увидитъ онъ съ удовольствіемъ и въ другихъ ученикахъ успѣхи и себѣ облегченіе получитъ...“ [2]).

Кромѣ того, онъ признаетъ за полезное обучать морали наглядным способомъ, т.-е. надъ всѣми дверьми внутри и внѣ покоевъ и на стѣнахъ въ залахъ написать большими буквами общія правила нравоученія, какъ напр.: Не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь. Поступай съ другими, какъ хочешь, чтобъ съ тобой поступали. Не дѣлай зла и не досаждай никому. Не лги. Не будь никогда празденъ, и проч. „Учителя, обходясь съ питомцами своими, изъяснять имъ должны съ пристойными доводами все, что заключается въ сихъ правилахъ, дабы сіе впечатлѣлося въ ихъ сердца“... [3]). Конечно при этомъ требуется, чтобы наставники и сами собственнымъ примѣромъ оправдывали всѣ эти изреченія, безъ чего Бецкій не ожидалъ отъ нихъ никакой пользы.

Нельзя не замѣтить, что способъ нагляднаго обученія употреблялся и въ другихъ предметахъ. По свидѣтельству Павла Сумарокова, ограда въ саду кадетскаго шляхетнаго корпуса изо-

---

ванія математики, краснорѣчіе, физика общая и особенная, исторія священная и свѣтская, географія и хронологія, языки употребительные и для наукъ потребные, математика, механика.

2. Предпочтительно нужныя гражданскому званію: правоученіе, право естественное, всенародное и государственное, экономія государственная.

3. Полезныя: генеральная и экспериментальная физика, астрономія географія вообще, навтика, натуральная исторія, воинское искусство, фортификація, артиллерія и химія.

Кромѣ того, четвертый разрядъ составляютъ искусства или художества: рисованіе, живопись, гравированіе, изваяніе, архитектура, музыка, танцы и фехтованье.

[1]) Гл. I, части 3 Генер. пл.

[2]) Гл. IX, части 3 Генер. пл.

[3]) Гл. IX, части 3 Генер. пл.

бражала разныя страны, столицы, города, рѣки, горы, съ именами государей по хронологическому порядку; оттого она называлась говорящею стѣною. Дѣти, гуляя и рѣзвясь, безъ уроковъ и принужденія нечувствительно почерпали познанія [1]).

VII.

Обращая особенное вниманіе на нравственное развитіе въ воспитаніи, Бецкій признавалъ за необходимое сочинить краткую нравоучительную книгу, которую дѣти могли бы читать и даже выучивать. Она должна была заключать въ себѣ всѣ тѣ правила и идеи, которыми человѣкъ обязанъ руководствоваться въ жизни.

Отъ сочинителя такой книги онъ требуетъ особеннаго искусства и даетъ ему нѣкоторые совѣты, хотя и признается, что самъ не въ силахъ совершить этотъ трудъ. Образцевъ ему онъ не находитъ даже и въ иностранныхъ литературахъ. „Сочиненія Ксенофонтовы, говоритъ онъ, Цицероновы, Сенеки, Плутарха, Марка Аврелія, Пуфендорфа, любви достойнаго Локка и другихъ никогда не помогутъ, ниже наставятъ насъ въ сдѣланіи требуемаго здѣсь краткаго нравоученія, ибо всѣ правила метафизическія, доказывающія должности наши, всѣ разсужденія философскія, по которымъ мы увѣрены, что добродѣтели и безъ всякаго воздаянія должны мы слѣдовать непремѣнно, но не имѣютъ мѣста въ семъ сочиненіи. Здѣсь не теоретическія основанія, но только то надобно просто и явственно представить, что ощутительно и что дѣти разумѣть и исполнить могутъ во всю свою жизнь. Не должно себѣ воображать, что курсъ морали или весь порядокъ нравоученія имъ надобенъ. Время только на то потеряно будетъ, хотя бы и учители способны были къ сему обученію [2]).

За тѣмъ Бецкій совѣтуетъ многосторонне развить идею о Богѣ и вывести наше отношеніе къ Нему, съ чѣмъ соединяется идея о добродѣтели, которая есть „не что иное, какъ полезныя и пріятныя дѣла, творимыя нами для себя самихъ и для ближняго съ благопристойностію и во исполненіе закона“; представить наше отношеніе къ родителямъ, къ государству, къ согражданамъ и вообще къ человѣку. Все это, по плану Бецкаго, слѣ-

[1]) Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія. Павла Сумарокова 1832, часть 1, стр. 104.

[2]) Гл. X, час. 3 Генер. плана воспит. дома.

довало изъяснять въ вопросахъ и отвѣтахъ. Для примѣра онъ самъ предлагаетъ нѣкоторые вопросы и пишетъ на нихъ отвѣты, какъ напр. „какія суть средства благодѣяній и какъ оныя оказывать? Что есть страннопріимство, миролюбіе, терпѣніе, трудолюбіе?“ и пр. Приводимъ здѣсь отвѣтъ на терпѣніе, гдѣ между прочимъ высказывается тотъ духъ, въ которомъ Бецкій хотѣлъ воспитать новое поколѣніе:

„Въ обществѣ, гдѣ мы находимся или гдѣ жить принуждены, есть по несчастью люди развратнаго поведенія, испорченныхъ нравовъ, легкомысленны, звѣрообразны, неистовы въ словахъ, въ поступкахъ и въ коварныхъ разговорахъ своихъ такъ нахальны и злы, что родилися, кажется, только для произведенія вражды въ обществѣ и для истребленія онаго. Примѣръ: кто слышитъ страшный крикъ лютаго звѣря или бѣшенаго человѣка, ума лишившагося, тотъ конечно отъ нихъ удаляется: равномѣрно убѣгать должно и сихъ людей, человѣчества отрекшихся. Ежели намъ сего учинить не можно для того, что мы принуждены необходимо жить съ ними въ одномъ домѣ, путешествовать, и пр., въ такомъ случаѣ должно имѣть терпѣніе — спокойно сносить всѣ приключенія, и слѣдовательно быть совершенно терпѣливыми. Такимъ же образомъ поступать со всѣми, коихъ мнѣнія съ нашими не сходствуютъ, которые иначе думаютъ въ дѣлахъ до гражданства, до всей жизни человѣческой и наипаче до вѣры касающихся. Ежели услышишь самоѣда, хвалящагося язычествомъ, татарина магометанствомъ и прочихъ, полагающихъ непорочность въ своей вѣрѣ, сноси, не противоборствуй ни словами, ни дѣломъ, будь терпѣливъ; ни малѣйшаго права не имѣешь управлять разумомъ другого; онъ такой же человѣкъ, какъ и ты. Ежели иначе думаешь, хотя бы ты и зналъ объ его заблужденіи, сожалѣй о немъ и проси Бога объ обращеніи на путь истинный. Властителямъ только, а наипаче Государямъ принадлежитъ людей судить и знать, лишились ли они здраваго разума, сколь важны ихъ преступленія и достойны ли наказанія [1]).

Хотя въ нравственномъ достоинствѣ этихъ предписаній мы не можемъ вполнѣ согласиться съ Бецкимъ, признавая такую крайнюю терпимость болѣе вредною, чѣмъ полезною; но нельзя не обратить вниманія на то основаніе, изъ котораго развился такой взглядъ: онъ такой же человѣкъ какъ и ты—это уваженіе личности человѣка, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, —уваженіе, котораго не доставало въ тогдашнемъ русскомъ

[1]) Глав. X, част. 3 Генер. плана восп. дома.

обществѣ, отчего часто не признавались и человѣческія достоинства, неприкрашенныя почетнымъ званіемъ или чиномъ и т. п.

Разрѣшеніе многихъ изъ этихъ вопросовъ является у Бецкаго отвлеченно и нѣсколько тяжело для дѣтей; иногда онъ даже впадаетъ въ тонъ холодной проповѣди, чего никакъ нельзя допустить въ дѣтскомъ чтеніи. Впрочемъ онъ самъ сознаетъ свое несовершенство и совѣтуетъ написать книгу простымъ нарѣчіемъ, чтобъ она вѣрнѣе достигла своей цѣли.

Мы разсмотрѣли въ подробности всю систему воспитанія, на которую Императрица и Бецкій возлагали большія надежды. Вызванная современностью и основанная на опытахъ и ученіи лучшихъ европейскихъ писателей, она не могла вполнѣ осуществиться за недостаткомъ опытныхъ воспитателей и строгихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, куда воспитанное новое поколѣніе должно было вступить для дѣйствительной жизни; но тѣмъ не менѣе она важна для насъ и въ идеѣ, выражая благія стремленія. Бецкій самъ предчувствовалъ, что общественное вліяніе разрушитъ лучшія его мечты и повредитъ этимъ новымъ людямъ, какъ бы хорошо они ни были направлены при воспитаніи. Особенно опасался онъ за питомцевъ Воспитательныхъ домовъ, за тѣхъ, кому предназначалось образовать среднее сословіе. „Когда разсудимъ, говоритъ онъ, что люди, единымъ между собою сопряженные обществомъ, рѣдко ведутъ себя по разуму, но почти всегда по воображенію и прихотямъ, особливо купцы и фабриканты—брадоносцы ложною честію и мнимымъ правовѣріемъ ослѣпленные,—когда разсмотримъ, говорю, обыкновенія и нравы сихъ людей, между которыми нашимъ обоего пола питомцамъ необходимо обращаться должно, найдемъ великія трудности въ произведеніи желаемой нами пользы; ибо большая часть таковыхъ по ненависти уже одной пренебрегутъ и отвергнутъ отъ нѣдръ своихъ, отъ сожитія и сообщества своего новыя сіи растенія; не помыслятъ никогда, какая польза произойти можетъ государству отъ новыхъ сихъ подданныхъ. Трудно одолѣть застарѣвшую ненависть, упрямство и зависть, кои причиною худого ихъ воспитанія и противъ питомцевъ нашихъ неминуемо возстанутъ; не меньше опасно, чтобъ нѣкоторая часть новыхъ сихъ жителей нечувствительнымъ образомъ таковыхъ худыхъ примѣровъ не обратили себѣ въ правило и не переняли бы злыхъ нравовъ и обычаевъ, которые истребятъ всѣ плоды добраго ихъ воспитанія...“ [1]).

---

[1]) Гл. XIII, части 3 Генер. плана.

Чѣмъ ближе подходило время къ выпуску воспитанниковъ, тѣмъ опасеніе Бецкаго за ихъ будущность, повидимому, увеличивалось. Онъ боится, чтобы не пострадала слава добраго воспитанія, и потому въ защиту его заранѣе дѣлаетъ оговорку передъ обществомъ. „Если бы случилось, говоритъ онъ (чего однако же неуповательно), что изшедшій въ свѣтъ, получа воспитаніемъ все, что должно какъ для просвѣщеннаго разума, такъ и для благонравія, и будучи уготованъ быть полезнымъ членомъ общества, уклонился бы отъ пути, на которомъ онъ поставленъ, то сіе уже не можетъ относиться къ отроческому воспитанію, почему и слѣдующее уподобленіе кажется быть совмѣстно съ помянутымъ обстоятельствомъ: когда бы, напримѣръ, садовникъ искусствомъ и стараніемъ своимъ возрастилъ дерево, и покрытое цвѣтомъ, предвѣщающимъ обиліе будущихъ плодовъ, возвратилъ его тому, отъ кого принялъ его въ то время, когда оно было еще малѣйшимъ быліемъ; кому бы то приписать въ вину, если бы оное по нѣкоторомъ времени, вмѣсто того, чтобы плодъ приносить, стало увядать? конечно не садовнику [1]).

Всѣ эти опасенія ясно показываютъ, какъ любилъ Бецкій дѣтей, которыя воспитывались подъ его надзоромъ, и какъ радовалось отеческое его сердце, когда онъ обращалъ на нихъ свои взоры. Въ самомъ дѣлѣ, онъ могъ наслаждаться цвѣтомъ своихъ трудовъ, хотя и опасался за плоды ихъ. Чтобы внушить обществу довѣріе къ воспитательнымъ домамъ, онъ вздумалъ издавать съ 1778 года ежемѣсячные листы подъ названіемъ: Извѣстія Воспитательнаго дома, къ удовольствію общества служащія, которыя въ настоящее время представляютъ обильный матеріялъ для исторіи. Тамъ онъ не упускаетъ ни одного случая доводить до общаго свѣдѣнія искреннія похвалы тѣхъ лицъ, которыя осматривали заведеніе, и самъ выказываетъ имъ особенное сочувствіе. „Отъ сердца искреннія похвалы, говоритъ онъ съ восторгомъ, при видѣ въ питомцахъ цвѣтущаго вида, бодрости, веселости и живости духа, сихъ сопутниковъ здравія и непорочности“ [2]).

Въ 1773 году 20 мая, Бецкій, съ согласія Императрицы, вздумалъ показать Петербургской публикѣ воспитанницъ Смольнаго монастыря. Для этого онъ сдѣлалъ съ ними прогулку сперва на шлюпкахъ въ эрмитажъ и потомъ пѣшкомъ по Невской набережной въ Лѣтній садъ, гдѣ ожидало ихъ большое стеченіе

[1]) Извѣстія Император. вос. дома, къ удовольствію общества служащія, 1779 г Февраль.

[2]) Тамъ же.

народа. Мы имѣемъ подробное и любопытное описаніе этой прогулки, напечатанной тогда же въ вѣдомостяхъ, откуда мы и извлекаемъ нѣсколько интереснихъ заключеній: „Они гуляли въ саду и осматривали всѣ лучшія мѣста, между прочимъ заходили въ гротъ. Тутъ большее вниманіе ихъ было ко мраморнымъ статуямъ, кои осматривая, дѣлали примѣчанія и разсуждали знающимъ и похвальнымъ образомъ о скульптурѣ, равно какъ примѣтно было ихъ знаніе изъ разсужденій о живописи и о исторіяхъ картинъ, которыя онѣ смотрѣли, будучи въ эрмитажѣ и въ присовокупленныхъ къ нему галлереяхъ... Во время гулянія всякій могъ примѣтить въ нихъ благопристойную смѣлость. Всѣмъ нравилась ихъ благородная незастѣнчивость. Множество разныхъ людей начинали съ ними говорить о разныхъ матеріяхъ, гдѣ онѣ со всѣми и обо всемъ изъяснялися свободно, непринужденно и съ особливою пріятностію, и на всѣ вопросы отвѣчали ко удовольствію каждаго любопытствующаго узнать о ихъ попятіи и знаніяхъ. Однимъ словомъ сказать, что данное имъ рачительное воспитаніе столь уже примѣтно, что всякаго вниманія и похвалу заслуживаетъ. Ихъ таланты уже видны и желаемая отъ воспитанія польза явно открывается. Все сіе неоспоримо честь приноситъ тому, кто съ такимъ успѣхомъ имѣлъ стараніе о воспитаніи ихъ. Весьма пріятно было видѣть изображенное удовольствіе на лицахъ всего общества, даже что и самый простой народъ самыми простыми и свойственными его идеямъ выраженіями, сихъ дѣвицъ и данное имъ воспитаніе выхвалялъ... Изъ многихъ устъ гуляющихъ людей можно было услышать изрекаемыя благодаренія всеавгустѣйшей нашей Монархинѣ, какъ будто отъ избыточества не помѣстясь во внутренности, вырывалися невольно изъ глубины сердецъ. Сіи насажденныя воспиталища Монархинею нашею возрастятъ Россіи хорошихъ женъ, попечительныхъ матерей, рачительныхъ хозяекъ; въ мужскомъ же полѣ произведутъ хранящихъ истину судей, остроумныхъ министровъ, славныхъ героевъ, вѣрныхъ друзей и сыновъ, прямо любящихъ отечество свое...“ [1]).

Отсюда видно, что въ обществѣ было сочувствіе къ новому воспитанію; оно высказывается также и во многихъ письмахъ, напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Воспитательнаго дома. Но спрашивается: оправдались ли эти блестящія надежды, которыя возлагались на воспитывавшееся поколѣніе? При такомъ вопросѣ необходимо слѣдуетъ замѣтить, что въ общей массѣ это была

[1]) Матер. для біогр. Бецкаго въ Жур. Мин. Нар. Пр. т. LXXVII.

капля въ морѣ. Чтобы вполнѣ достигнуть той цѣли, которую имѣлъ въ виду Бецкій, т.-е. создать новое общество съ новою породою отцовъ и матерей, нужно было построить воспитательные дома для всего новаго поколѣнія, чего, конечно, сдѣлать было невозможно. Но даже и въ этомъ случаѣ нельзя бы было никакими силами устранить вліяніе общества стараго, дѣйствующаго, въ которомъ приходилось жить молодымъ людямъ, выпущеннымъ изъ воспитательныхъ заведеній. При всемъ томъ новое поколѣніе замѣтно отличалось отъ стараго, что мы можемъ видѣть, наблюдая надъ высшимъ обществомъ послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины; слѣдовательно новое воспитаніе имѣло свое важное значеніе, хотя вполнѣ и не достигало предположенной цѣли. Что же касается до образованія средняго сословія, то здѣсь надежды Бецкаго не исполнились, а опасенія его сбылись очень вѣрно. Въ 1784 году въ Извѣстіяхъ было объявлено, что изъ воспитательнаго дома выпущено воспитанниковъ и воспитанницъ болѣе семисотъ. „Изъ сего числа воспитанники, приуготовленные по мѣрѣ ихъ природныхъ дарованій къ разнымъ искусствамъ, художествамъ и ремесламъ, иные по добровольному ихъ желанію остались при домѣ и употреблены къ заведеннымъ въ ономъ фабрикамъ, мануфактурамъ и мастерствамъ; иные употребили себя писцами въ разныя команды; нѣкоторые опредѣлася въ лѣкарскіе ученики, нынѣ по признаннымъ въ нихъ способностямъ произведены лѣкарями, иные, обучившіеся бухгалтеріи приняты въ купеческія конторы; иные опредѣлилися къ театрамъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ актерами, музыкантами и танцовщиками; многіе избрали состояніе ремесленниковъ всякихъ родовъ мастерствъ и вольными иностранными мастерами съ такою же охотою какъ иностранцы принимаются; тѣ же, кои оказали склонность отличную къ свободнымъ художествамъ, опредѣлены въ Академію Художествъ для приведенія въ совершенство ихъ природныхъ дарованій. Равномѣрно и воспитанницы, обученныя разнымъ рукодѣліямъ и знаніямъ, до ихъ пола касающимся, многія по желанію госпожъ приняты съ удовольствіемъ къ разнымъ услугамъ въ ихъ домы, а иныя къ Обществу благородныхъ дѣвицъ для разныхъ должностей, кои съ желаемымъ успѣхомъ исправляютъ, нѣкоторыя опредѣлилися къ театрамъ въ актрисы, пѣвицы и танцовщицы, а многія употреблены при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ домѣ въ заведенномъ здѣсь училищѣ искусству повивальныхъ бабокъ и акушерству; а наконецъ многія изъ нихъ вышли уже и въ замужество, какъ за

добропорядочныхъ мѣщанъ, такъ и за служащихъ разнаго званія людей...“

Такимъ образомъ Воспитательный домъ, повидимому, преслѣдовалъ свою цѣль, выпускалъ молодыхъ людей на поприща весьма разнообразныя; а между тѣмъ они не составили того новаго общества или сословія, о которомъ мечталъ Бецкій. Это особенно замѣтно въ ремесленномъ классѣ, гдѣ и до сихъ поръ у насъ преобладаютъ имена иностранцевъ. Общество, мало развитое и необразованное, принявъ къ себѣ новыхъ воспитанныхъ людей, должно было всасывать ихъ въ себя такъ, что они дѣлались незамѣтными въ этой массѣ. Здѣсь повторилось то же, что было при Петрѣ Великомъ съ русскими людьми, возвращавшимися изъ-за границы; они терялись въ томъ обществѣ, въ которомъ по своему состоянію, должны были жить, что свидѣтельствуетъ намъ манифестъ Екатерины. При томъ нельзя не замѣтить, что въ самой системѣ воспитанія были недостатки, которые въ то время, можетъ быть, трудно было сообразить. Бецкій болѣе всего заботился о развитіи нравственнаго человѣка съ кроткимъ нравомъ, съ нѣжнымъ сердцемъ, съ терпѣливымъ характеромъ; конечно, все это хорошо; но онъ не сообразилъ, что этимъ людямъ придется жить въ обществѣ, гдѣ слишкомъ ярко выказывались невѣжество, грубость, закоснѣлые предразсудки, что со всѣмъ этимъ придется бороться нравственному человѣку, если онъ не захочетъ подчиниться имъ. А къ такой борьбѣ воспитаніе ихъ вовсе не готовило. Мы нигдѣ не видимъ, чтобы предписывалось обращать вниманіе на развитіе воли питомцевъ, которая одна можетъ поддерживать борьбу. Безъ нея же что можетъ сдѣлать человѣкъ съ мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ? онъ является жертвою сильнаго большинства или въ своемъ безсиліи самъ незамѣтно переходитъ на сторону своихъ противниковъ.

Съ другой стороны эти же воспитанные люди не могли опереться и на основательныя спеціальныя знанія, чтобы возвысить свое дѣло или мастерство, которому себя посвящали, и тѣмъ выказать себя выше толпы и получить право на общественное вниманіе. Такимъ образомъ принужденные трудомъ добывать себѣ насущный хлѣбъ и, можетъ быть, терпя недостатки, они могли оставаться нравственными людьми, благодаря воспитанію; но не могли составить изъ себя новое общество, которое борьбою, искусствомъ, знаніями, изобрѣтательностью должно было возвыситься надъ старымъ. У насъ, къ сожалѣнію, еще нѣтъ полной и подробной исторіи Воспитательнаго дома, и потому мы не можемъ самоувѣренно разрѣшать нѣкоторые вопросы; но

передъ глазами у насъ ясный фактъ: неудавшееся образованіе средняго сословія. Онъ и даетъ намъ возможность заключать о воспитаніи, недостигшемъ своей цѣли.

Въ заключеніе о воспитательной системѣ Бецкаго не можемъ не остановиться на инструкціи, написанной имъ для одного знатнаго Россіянина, отправлявшагося въ путешествіе. Она напечатана въ тринадцатой части Отечественныхъ записокъ Свиньина 1823 г. Бецкій считалъ, что путешествіе можетъ быть прекраснымъ довершеніемъ высшаго образованія, но не такое путешествіе, какое обыкновенно совершали русскіе баричи отъ Петербурга до Парижа. Кто былъ этотъ знатный Россіянинъ, намъ неизвѣстно, но, судя по тону, по тѣмъ приготовленіямъ къ путешествію, по тѣмъ заботамъ, которыя видятся въ инструкціи, мы можемъ догадываться, что особа эта была дѣйствительно важная, обращавшая на себя заботливое попеченіе самой императрицы. Бецкій между прочимъ совѣтуетъ обратить вниманіе на новое учрежденіе намѣстничествъ въ Россіи, слѣд. инструкція его писана никакъ не ранѣе 1775 года. Изъ ея содержанія видно, что къ этой особѣ назначались въ сотоварищи трое сверстниковъ и съ ними опытное и знающее лицо, которое обязано было руководить ихъ неопытность; но, по взгляду Бецкаго, оно не должно было стѣснять ихъ строгимъ надзоромъ. „Оно, конечно, писалъ онъ, пріобрѣтетъ вашу довѣренность своимъ благонравнымъ съ вами обращеніемъ, зная, что кроткіе совѣты отъ другого всегда съ пріятностію въ сердцѣ остаются, а повелительныя поученія суроваго охуждателя, не исправляя оное, лишь пуще возмущаютъ; почему благоразуміе его не будетъ никогда принимать на себя вида поверхности обыкновенныхъ надзирателей, а единственно стараться снискать ваше дружелюбіе“... Здѣсь нельзя не замѣтить знанія человѣческаго сердца и тонкаго пониманія юношеской природы. На это путешествіе назначалось три года; но Бецкій совѣтуетъ начать его съ Россіи, такъ какъ „знаніе своей земли необходимо нужно для каждаго благорожденнаго гражданина, который готовится служить съ отмѣнною пользою отечеству“. Онъ совѣтуетъ посѣтить всѣ замѣчательныя мѣста Россіи, гдѣ только можно пріобрѣсти полезныя о ней знанія, даже до Пермской губерніи, и подъ руководствомъ опытнаго лица дѣлать наблюденія надъ всѣмъ, что касается природы и жителей: „какъ-то, о новомъ учрежденіи намѣстничествъ, о естественныхъ произведеніяхъ, о хлѣбопашествѣ, о торговлѣ, о правахъ и обычаяхъ жителей, о ихъ привольяхъ и недостаткахъ“. При этомъ Бецкій считаетъ „за

весьма нужное вести свои дневныя записки или журналъ всему, что видѣли, присоединяя свои собственныя примѣчанія и разсужденія"...

Познакомившись съ Россіей, путешественники, съ большею пользою могутъ объѣхать и Европу. „Путешествіе въ чужихъ краяхъ, замѣчаетъ Бецкій, должно имѣть себѣ предметомъ просвѣщеніе, пріобрѣтаемое познаніемъ свѣта". Здѣсь онъ совѣтуетъ обращать вниманіе на все, что возбуждаетъ мысль образованнаго человѣка, который въ настоящемъ видитъ слѣдствіе прошедшаго и изучаетъ то и другое; совѣтуетъ „замѣчать не только то, что достойно похвалы и подражанія, но подвержено и осужденію для избѣжанія онаго"... „Эта пространная живая книга, прибавляетъ Бецкій, разительнѣе всякихъ книгъ научаетъ почерпать всѣ важныя свѣдѣнія къ большему образованію сердца и разума, дабы со временемъ принесть существенныя услуги своему отечеству"...

Конечно, говорить обо всемъ этомъ Бецкій имѣлъ право болѣе, чѣмъ кто-нибудь: ему хорошо была знакома Европа изъ его собственныхъ путешествій; онъ самъ научился изъ нихъ многому, что такъ пригодилось ему на отечественной службѣ. Слова его заслуживали особеннаго довѣрія. Не забылъ онъ дать совѣтъ юношѣ и въ томъ, какъ онъ долженъ вести себя во время путешествія. Отдавая въ полное его распоряженіе всѣ путевыя деньги, и совѣтуя избѣгать вредной расточительности, Бецкій прибавляетъ: „надѣюся, что вы станете отвращаться и отъ постыдной скупости, означающей низость духа, не будете навлекать негодованіе лишеніемъ должныхъ награжденій за оказанныя вамъ услуги; ибо если расточительность вредна только для самаго себя, то скупость, источникъ всякихъ подлостей, дѣлая человѣка посмѣшищемъ и отвращая отъ него всѣхъ, сколько постыдна и мучительна для корыстолюбца, столько вредна и для тѣхъ, кои съ нимъ дѣло имѣютъ или отъ него зависятъ". Далѣе Бецкій замѣчаетъ: „за долгъ мой почитаю вамъ для вашей чести напомянуть, сколько низко и малодушно давать чувствовать свои благодѣянія, и что суровая гордость, помрачая оныя, теряетъ ихъ цѣну и отгоняетъ искренное дружество, которое всего дороже"...

Все это вытекало изъ глубокихъ убѣжденій самого Бецкаго и потому прекрасно рисуетъ его личность.

VIII.

Если теперь мы обратимся къ педагогической теоріи Екатерины II, то увидимъ, что вся она вытекаетъ изъ системы Бецкаго. Впрочемъ мы не хотимъ утверждать, что Императрица не пользовалась непосредственно сочиненіями европейскихъ мыслителей. Нѣтъ, они были хорошо ей знакомы, и очень вѣроятно, что нѣкоторыя изъ нихъ были у нея подъ рукою, когда она писала свои мысли о воспитаніи. Мы только замѣчаемъ, что она не приняла изъ нихъ ничего, что̀ не было принято Бецкимъ, и въ то же время воспользовалась всѣми примѣненіями, которыя онъ сдѣлалъ къ русскому воспитанію, и всѣми дополненіями, которыхъ требовала русская современность. Конечно, такое согласіе вытекло изъ взаимныхъ бесѣдъ мудрой царицы съ умнымъ и человѣколюбивымъ вельможею; но разработку самого предмета мы все же должны отнести къ Бецкому, какъ человѣку, занявшемуся спеціально тѣмъ, что̀ было ему ввѣрено монаршею волею. Случай сблизилъ эти два ума, одинаково смотрѣвшіе на одинъ и тотъ же предметъ, эти двѣ самостоятельныя личности, одинаково сочувствовавшія одному и тому же дѣлу, и за Екатериною остается честь, что она умѣла какъ нельзя лучше воспользоваться трудами и дѣятельностью своего подданнаго. Она, какъ и Бецкій, особенно уважала Локка и даже вступилась за него, когда д'Аламберъ писалъ ей, что во французской литературѣ только одна новость: Епископъ Дюпюи провозгласилъ Локка и Ньютона нечестивыми. „Локкъ и Ньютонъ, на это писала она, не должны чувствовать боли отъ укушенія шмеля; тотъ не другъ истины, кто откажется назвать ихъ великими мужами; въ томъ нѣтъ ума, кто придаетъ имъ эпитетъ нечестивыхъ“ [1]). Взглядъ Локка на воспитаніе какъ нельзя лучше примѣнялся къ тому идеальному государству, которое Императрица рисовала въ своемъ воображеніи въ началѣ своего царствованія, а идеи и предположенія Бецкаго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали ея планамъ.

Въ своемъ Наказѣ она посвящаетъ воспитанію особую главу, достойную вниманія историка; она тѣсно связана съ идеалами Екатерины.

„Правила воспитанія, говоритъ она, суть первыя основанія, приготовляющія насъ быть гражданами. Каждая особенная

[1]) Изъ писемъ къ д'Аламберу.

семья должна быть управляема по примѣру большой семьи, включающей въ себѣ всѣ частныя. Невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того устроенныхъ домахъ; и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ [1]). Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страху Божію, какъ началу всякаго цѣломудрія и вселять въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи своемъ, и православная наша восточная и греческая вѣра въ правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ [2]). Также вперять въ нихъ любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительство своего отечества какъ пекущееся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на землѣ... Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ-то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и тому подобныхъ поступковъ и не дозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры [3]). Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку, ибо ложь изъ всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ“ [4]). Далѣе слѣдуетъ длинная выписка изъ генеральнаго учрежденія о воспитаніи [5]), гдѣ указывается, къ чему именно нужно стремиться при воспитаніи юношества.

Въ главѣ о наслѣдствахъ Императрица опять касается того же предмета. „Естественный законъ, говоритъ она, повелѣваетъ отцамъ кормить и воспитывать дѣтей своихъ, а не обязываетъ ихъ дѣлать оныхъ своими наслѣдниками. Отецъ, напримѣръ, обучившій сына своего какому-нибудь искусству или ремеслу, могущему его пропитать, дѣлаетъ его чрезъ то гораздо богатѣе, нежели когда бы онъ оставилъ ему малое свое имѣніе, учиня его лѣнивцемъ или празд-

---

[1]) Эти слова имѣютъ тѣсную связь съ Физическими примѣчаніями Бецкаго, о которыхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Это предписаніе какъ бы повторяетъ Сенатскій указъ 1743 года, уже знакомый народу, о чемъ мы также говорили въ своемъ мѣстѣ.

[3]) Мѣра, положенная Бецкимъ въ основу воспитанія во всѣхъ воспитательныхъ заведеніяхъ.

[4]) Наказъ Комиссіи глава XIV статьи 348—355.

[5]) Его привели мы въ IV гл. нашей статьи.

нымъ... Правило сіе общее воспитывать дѣтей своихъ есть обязательство права естественнаго...“

Укажемъ при этомъ, какими чертами обрисовывался въ воображеніи Императрицы идеалъ нравственнаго человѣка, когда она задумывалась о воспитаніи. Въ своей Инструкціи Салтыкову она замѣчаетъ: „Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустого опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится. Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренилась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго; въ любви къ истинѣ, въ щедрости, въ воздержаніи, въ умѣ, основанномъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ...“ [1]).

Увлекаясь своимъ идеаломъ, Екатерина въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей Инструкціи повторяетъ главныя черты его, какъ будто бы желая вполнѣ его выяснить. Къ этимъ общимъ чертамъ присоединялись и черты мѣстныя, народныя, по той мысли, что каждый человѣкъ долженъ быть и гражданиномъ своей земли. Мы уже замѣтили, что эту идею разъяснялъ еще Сумароковъ; видѣли также, что ее коснулся и Панинъ; равнымъ образомъ и Бецкій часто имѣлъ ее въ виду при своихъ соображеніяхъ. Екатерина опредѣленнѣе другихъ выразила, что русскій человѣкъ долженъ знать Россію въ всѣхъ ея частяхъ, и слѣдственно національный элементъ въ воспитаніи долженъ былъ состоять между прочимъ въ изученіи своего отечества; не говоримъ о православіи и отечественномъ языкѣ, которые по теоріи положены были въ основу русскаго воспитанія. Вотъ какъ выразилась Императрица въ своей Инструкціи: „Предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія лишь примѣняясь къ оной представлять надлежитъ и для того приказать по временамъ составить таблицы частей, водя ихъ Высочества отъ части до части. Карта всея Россіи и особо каждой

[1]) Въ Смирдинскомъ изданіи, часть I, стр. 215—216.

губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ генералъ-губернаторовъ, къ тому служить могутъ, чтобъ знать слой земли, произрастенія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія; также рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости и строенія знаменитыя, описаніе народовъ въ каждой губерніи живущихъ, одежду и нравы ихъ, обычаи, веселіе, вѣру, законы и языки...“ [1]).

Такимъ образомъ знаніе Россіи прикрѣпляло этотъ идеалъ нравственнаго человѣка къ русской почвѣ и давало ему, такъ сказать, гражданское значеніе... Онъ рисуется также и въ знаменитомъ Наказѣ. Мы уже замѣтили, что въ идеалахъ Императрицы было много общаго съ идеалами современныхъ ей русскихъ писателей, которые въ своихъ произведеніяхъ стремились обрисовать ихъ то въ образахъ, то въ отвлеченныхъ поясненіяхъ, то путемъ отрицательнымъ, въ комедіяхъ, въ сатирахъ, то положительнымъ, въ одахъ, трагедіяхъ. Между послѣдними главное мѣсто занимаетъ Державинъ. Онъ искалъ осуществленія своего идеала въ дѣйствительности и воспѣвалъ тѣхъ, кто по его взгляду приближался къ этому идеалу которою-нибудь своею стороною. Человѣкъ нравственный и русскій также сливались у него въ одной идеальной личности; добродѣтель и забота о славѣ Россіи были лучшими ея качествами. Онъ не довольствуется представленіемъ однихъ образовъ, онъ какъ будто боится, что ихъ не поймутъ, не замѣтятъ въ нихъ того, что составляло главныя его стремленія, и вотъ онъ старается пояснять ихъ разсужденіями, философскими выводами. Отсюда и многія его оды распадаются на двѣ части — представленіе идеала въ образѣ и въ отвлеченномъ анализѣ. Съ этой точки онѣ представляютъ строгое единство, хотя въ то же время выказываютъ какую-то слабость творчества поэта, который ищетъ опоры своимъ образамъ въ отвлеченныхъ поясненіяхъ; конечно, тутъ поэзія страдаетъ весьма много, но наша рѣчь теперь не о ней. Екатерина болѣе всѣхъ другихъ приближалась къ идеалу Державина, какъ личность, создававшая сама идеалы, безъ которыхъ не живетъ ни одинъ сколько-нибудь возвышенный человѣкъ. Оттого Державинъ и воспѣвалъ ее болѣе чѣмъ кого-нибудь въ стихахъ дѣйствительно восторженныхъ. Она является у него существомъ истинно идеальнымъ. Не станемъ здѣсь разсматривать, на сколько другія современныя личности могли удовлетворить идеалу нашего поэта;

[1]) Тамъ же, стр. 230.

но только сберемъ изъ нѣсколькихъ его одъ болѣе рѣзкія черты, которыми онъ описывалъ свои идеалы. Мы увидимъ, какъ онѣ сходны съ чертами, высказанными Екатериною.

Лишь добродѣтель есть любезна
Плѣненнымъ истиной сердцамъ.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ почтенна
Она вездѣ по всѣмъ странамъ.
На тронѣ Филаретъ, въ темницѣ,
Какъ праведникъ всегда почтенъ,
Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ
Какъ извергъ завсегда презрѣнъ.
Не тронъ, не подвиги чьи громки,
Чтутъ безпристрастные потомки
Лишь добродѣтель. Ей священный
Повѣренъ ключъ весть чести въ храмъ... [1]).
Знай: какъ свѣтлый метеоръ
Такъ блескъ тріумфовъ пролетаетъ—
Почти тогда жъ и исчезаетъ
Коль скоро удивляетъ взоръ;
А добродѣтели святыя,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ [2]).

Добродѣтель описывается у Державина безпрестанно, какъ главная черта идеала нравственнаго человѣка.

Вотъ другія замѣчательныя его черты, также выраженныя во многихъ произведеніяхъ поэта:

Блаженъ, когда стремясь за славой
Онъ пользу общую хранилъ,
Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
И самыхъ жизнь враговъ щадилъ;
Благословенъ средь позднихъ вѣковъ
Да будетъ другъ сей человѣковъ.
Благословенна похвала
Надгробная его да будетъ,
Когда всякъ жизнь его, дѣла
По пользамъ только помнить будетъ.
Когда не блескъ его прельщалъ
И славы ложной не искалъ...
Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
А болѣе полезнымъ быть,
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить
И тихимъ въ далекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать вниманьемъ?

---

[1]) Ода на панихиду Людовика XVI.
[2]) На покореніе Дербента.

Пусть на обросшій дерномъ холмъ
Пріидетъ путникъ и возсядетъ
И, наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба, скажетъ:
„Не только славный лишь войной,
„Здѣсь скрытъ великій мужъ душой!“ [1]).

Или вотъ еще нѣсколько стиховъ въ дополненіе къ предъидущимъ:

...Тотъ блаженъ, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идетъ середнею стезей,
И слѣдъ во всякомъ состояньи
Цвѣтами усыпаетъ свой;
Кто при концѣ своихъ ристаній
Вдали зрѣть можетъ за собой
Аллею подвиговъ прекрасныхъ,
Давъ совѣсти своей отчетъ
Въ минутахъ свѣтлыхъ и ненастныхъ;
Съ улыбкою часы тѣ чтетъ
Какъ самъ благами наслади́лся,
Какъ спасъ другихъ отъ бѣдъ, отъ нуждъ,
Какъ быть всѣмъ добрымъ торопи́лся,
Раскаянья и вздоховъ чуждъ [2]).

Замѣчательна также ода на смерть Бецкаго, который едва ли не больше всѣхъ приближался къ современному идеалу. Здѣсь поэтъ какъ бы груститъ, что при жизни этотъ человѣкъ не пользовался тою громкою славою, какою пользовались завоеватели, и обвиняетъ даже исторію, которая на послѣднихъ обращаетъ болѣе вниманія чѣмъ на истинныхъ благотворителей человѣчества. Тутъ онъ вступается за свой идеалъ. Вотъ эти многозначительныя строфы:

Кто въ бранѣхъ лилъ потоки крови,
Кто грады въ прахъ преобращалъ—
Ты милосердья полнъ, любови,
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ—ты устранялся;
Кто богатѣлъ—ты ущедрялся,
Кто расточалъ—ты жизнь берегъ,
Кто для себя—ты жилъ для всѣхъ...
Но коль несчастны человѣки!
Не благодаренъ смертныхъ родъ!

---

[1]) Водопадъ.
[2]) На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи.

То всѣ доказываютъ вѣки,
Что лишь за громомъ громъ идетъ.
Увы! когда въ предѣлахъ свѣта
Убійцъ бываетъ слава пѣта,
Тогда забытъ отецъ семействъ!
Исторія есть цѣпь злодѣйствъ!
Почій покойно, персть почтенна!
Мірская слава только дымъ:
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
„О смертные! добро творите
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ;
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ!“ [1]).

Кажется, довольно этихъ стиховъ, чтобы видѣть сходство державинскихъ идеаловъ съ идеалами Екатерины. Если мы обратимся къ комедіямъ того времени, то и тамъ увидимъ стремленіе къ такимъ же идеаламъ. Въ нихъ между прочимъ нельзя не обратить вниманія на такъ-называемыя резонерства добродѣтельныхъ лицъ. Большая часть изъ нихъ направлена къ тому, чтобъ обрисовать главныя черты знакомаго намъ идеала. Это тѣ же пріемы, какіе употреблялъ и Державинъ, не довольствуясь однимъ представленіемъ поэтическихъ образовъ. Наши комики также не довольствовались отрицательною стороною своихъ представленій и хотѣли дополнить ее поясненіями, въ которыхъ описывались главныя черты ихъ идеаловъ. Конечно такіе способы представляютъ слишкомъ ограниченный, скажемъ даже, младенческій взглядъ на искусство; оттого оно и выразилось въ формахъ весьма несовершенныхъ. Но тѣмъ не менѣе самые идеалы обращаютъ на себя все наше вниманіе. Они вытекаютъ прямо изъ своей современности, отчасти подъ вліяніемъ французскаго ученія. Если мы сравнимъ ихъ съ идеалами Сумарокова, то увидимъ, что они уже не такъ суровы и не представляютъ того строгаго идеальнаго геройства, являясь образами болѣе человѣческими, чѣмъ геройскими; но въ то же время видна и тѣсная между ними связь. Первые какъ бы переродились во вторые. Качества ихъ остались почти тѣ же, но самое направленіе измѣнилось. Необходимость отчаянной борьбы съ порокомъ и низкими стремленіями смѣнилась самообразованіемъ, постояннымъ наблюденіемъ за собою, чтобы сдѣлаться достойнымъ примѣромъ для другихъ, чтобы сѣять какъ можно болѣе добра и этими

[1]) На кончину Благотворителя.

мѣрами смягчать нравы. Не трудно видѣть, откуда произошло такое измѣненіе: правительство, да и общество сдѣлало шагъ впередъ въ своей жизни.

При такихъ идеалахъ система воспитанія, составленная Бецкимъ и утвержденная Екатериною, могла казаться самою лучшею и вѣрною для достиженія цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, все въ ней, повидимому, было направлено къ тому, чтобъ образовать личности, подходящія подъ идеалъ, которымъ увлекались лучшіе и болѣе развитые люди. Уже познакомившись съ нею вполнѣ, теперь мы можемъ ближе разсмотрѣть вопросъ, могла ли она дѣйствительно достигать этой цѣли. Мы видимъ, что она преимущественно дѣйствовала на сердце и слѣдственно односторонне; умъ подъ ея вліяніемъ не получалъ должнаго развитія, на которое могла бы твердо опереться нравственность; наука въ самомъ маломъ объемѣ назначалась не для этого, слѣдственно не могла дать уму и содержаніе въ жизни; отсюда легко могла родиться праздность ума, которая давала просторъ страстямъ, а отъ нихъ въ сердцѣ нечего искать защиты, какъ бы оно ни было развито для нравственной жизни. Преданіе говоритъ, что многіе воспитанники Воспитательныхъ домовъ оказывались самыми пустыми и даже безнравственными людьми въ жизни. Отчего могло произойти это, если при ихъ воспитаніи всѣ заботы были устремлены на ихъ нравственность? Отчего въ нихъ не осуществились возвышенные идеалы вѣка?

Односторонность помѣшала достигнуть прекрасно предположенной цѣли и осталась въ исторіи поучительнымъ фактомъ. Екатерина смотрѣла на науку тѣмъ же локковскимъ взглядомъ, какъ и Бецкій; но положеніе и будущее назначеніе воспитанниковъ, для которыхъ она писала инструкцію, заставили ее ввести довольное число наукъ въ кругъ обученія Великихъ Князей. Точно такъ же необходимость заставила и Бецкаго утвердить обширный научный курсъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Замѣтимъ, что изъ этого корпуса въ прошедшемъ столѣтіи выходило наибольшее число людей дѣльныхъ и способныхъ на всѣхъ поприщахъ. Наука противъ соображенія воспитателей оказывала здѣсь свое благотворное дѣйствіе, особенно при тѣхъ нравственныхъ мѣрахъ, которыя всегда сохранятъ свою цѣну и достоинство. Конечно было бы еще лучше, если бы смотрѣли на науку, какъ на образовательное средство, и съ этой бы точки преподавали ее.

Говоря, что мысли Екатерины о воспитаніи вытекаютъ изъ педагогической системы Бецкаго, мы не разумѣемъ, что она

буквально повторяла его; нѣтъ, этого она не могла сдѣлать уже потому, что имѣла въ виду домашнее воспитаніе, тогда какъ Бецкій устраивалъ воспитаніе общественное; съ другой стороны и самое назначеніе воспитанниковъ требовало также нѣкоторыхъ другихъ соображеній. Иное, чего Бецкій коснулся слегка, Императрица развивала болѣе, или наоборотъ, касалась вскользь того, что̀ значительно развито у Бецкаго. Все это читатель легко можетъ замѣтить изъ чтенія книги г. Лавровскаго, и потому мы не будемъ повторять его. Въ сущности взглядъ и стремленіе остаются тѣ же самые. Учебныя руководства, составленныя Императрицею, также въ подробности и съ большимъ знаніемъ дѣла разобраны г. Лавровскимъ. Многими его мыслями о дѣтскомъ чтеніи должны воспользоваться писатели, посвятившіе себя дѣтской литературѣ. Вообще въ его книгѣ встрѣчается довольно такихъ страницъ, которые не разъ съ удовольствіемъ прочитаетъ каждый воспитатель. На нихъ мы теперь не останавливаемся, имѣя въ виду только историческую сторону предмета.

IX.

Среди немногихъ лицъ, размышлявшихъ о разумномъ воспитаніи въ царствованіе Екатерины II, обращаетъ на себя наше вниманіе и митрополитъ Московскій, Платонъ. Блистательно окончивъ курсъ наукъ въ Московской Академіи въ 1757 году, онъ занялъ тамъ же мѣсто учителя піитики и греческаго языка. Назначенный въ числѣ лучшихъ студентовъ въ Московскій Университетъ для продолженія курса, онъ отказался отъ этой чести, которой добивались многіе; отказался и отъ нѣкоторыхъ другихъ предложеній перейти въ свѣтское состояніе: онъ чувствовалъ въ себѣ сильную склонность къ монашеской жизни. Вскорѣ ему представился случай прославить себя передъ московскимъ народомъ въ званіи духовнаго учителя: на него была возложена должность публично толковать катихизисъ по воскреснымъ днямъ, о о чемъ я уже упомянулъ въ началѣ своей статьи. Этими бесѣдами Платонъ (тогда еще носившій свое свѣтское имя Петръ) увлекалъ всѣхъ слушателей, число которыхъ съ каждымъ праздникомъ увеличивалось. Впослѣдствіи онъ признавался самъ, что во всю свою жизнь онъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ это время. Онъ испыталъ, по собственному его сознанію, что „ученіе, дабы дѣйствительно, не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности

сердца учителева"! [1]). Эта слава проложила юношѣ дорогу къ почетной должности законоучителя наслѣдника престола. Въ 1763 году, бывъ уже іеромонахомъ, онъ получилъ это назначеніе и въ качествѣ придворнаго проповѣдника обратилъ на себя вниманіе всего двора. Какъ умъ образованный и еще не застарѣвшій въ рутинахъ, какъ человѣкъ съ чистымъ и горячимъ сердцемъ, онъ не могъ не сочувствовать тѣмъ человѣчественнымъ стремленіямъ, какія выказывали Екатерина и Бецкій въ дѣлѣ воспитанія. Идеалы вѣка конечно были не чужды и ему, и онъ увлекался ими; онъ даже возвышалъ ихъ, давая имъ опору въ строгомъ и чистомъ христіанскомъ ученіи; онъ даже поражалъ своимъ сильнымъ пастырскимъ словомъ тѣхъ, которые уклонялись отъ нихъ.

Платонъ явился ревностнымъ помощникомъ Панина въ воспитаніи малолѣтняго Великаго Князя. Объ этомъ говорятъ многія историческія свидѣтельства, изъ которыхъ г. Терещенко [2]) выбралъ слѣдующіе факты: „По совѣщаніи Панина съ Императрицею назначено преподавать богословское ученіе Великому Князю три раза въ недѣлю, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, предъ божественною литургіею, читать Евангеліе съ объясненіемъ. Августѣйшій питомецъ, одаренный пылкимъ умомъ, былъ горячъ и нетерпѣливъ; но искусство наставниковъ смягчало его нравъ. Панинъ и Платонъ въ общемъ дѣлѣ воспитанія часто одинъ другому давали пособіе. Когда юный Князь оказывалъ нетерпѣливость, Панинъ останавливалъ его напоминаніемъ понравившейся ему Платоновой проповѣди на текстъ: „въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши". Примѣняясь къ характеру своего питомца, законоучитель умѣлъ уроки превращать въ бесѣды, а бесѣды—въ уроки. Когда придворныя увеселенія или дѣтскія забавы прерывали богословское упражненіе, питомецъ жалѣлъ объ утратѣ времени. Императрица часто раздѣляла съ сыномъ своимъ наставленія законоучителя. Внимая однажды поученію въ день рожденія и причащенія своего сына, она тронулась до слезъ и сказала: „отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобъ мы плакали, и мы плачемъ". Въ другой разъ Платонъ, говоря въ придворной Церкви о милосердіи, вооружался противу тѣхъ, которые, расточая имѣніе свое на суетныя вещи, оставляютъ бѣдныхъ безъ всякой помощи. Екатерина, обратив-

[1]) Исторія Московской Академіи, Смирнова, стр. 258.

[2]) Біографія графа Н. П. Панина въ Опытѣ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, 1837.

шись къ окружающимъ ее, сказала: „Отецъ Платонъ сердитъ сегодня!“ — „Да, замѣтилъ тогда одинъ изъ вельможъ, проповѣдникъ при дворѣ всегда покажется сердитымъ, когда будетъ говорить прямо истину“.

Наконецъ Платонъ явился въ Москвѣ въ санѣ митрополита. Въ 1775 году Синодскимъ указомъ онъ былъ назначенъ также полнымъ директоромъ и протекторомъ Московской Академіи, съ которою сердце его было крѣпко связано воспоминаніями о первой молодости. По собственному его признанію: „онъ почелъ долгомъ стараться о приведеніи Академіи въ лучшее совершенство“. Здѣсь онъ имѣлъ полную возможность примѣнить педагогическія идеи, о которыхъ онъ размышлялъ вмѣстѣ съ Панинымъ и Бецкимъ.

Нравственное воспитаніе онъ также поставилъ выше всего и также основалъ его на добромъ вліяніи воспитателей: „наблюдайте сей долгъ передъ Богомъ всеприлежно, писалъ онъ, чтобъ учители не только учительствомъ, но еще болѣе честнымъ житіемъ юношество наставляли, такъ же и объ ученикахъ, чтобы не только въ наукахъ, но еще болѣе въ добродѣтели преуспѣвали... Наблюдайте, чтобъ болѣе моральными нежели физическими наказаніями ученики къ своей должности были приводимы... всемѣрно стараніе приложить, чтобъ въ школахъ всегда была сохраняема чистота и опрятность и чтобъ въ нихъ зимою надлежащая теплота была“ [1]).

Всѣ эти идеи и идеалы были тогда новы для Академіи, гдѣ воспитаніе отличалось суровостію и схоластическимъ характеромъ. Идеи нравственнаго воспитанія Платону было примѣнить труднѣе, чѣмъ Бецкому, который заключалъ дѣтей въ стѣны воспитательныхъ заведеній съ пятилѣтняго ихъ возраста: въ Академіи же большая часть учениковъ были вольноприходящіе. Платонъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на поведеніе учениковъ внѣ Академіи и для этого было придумано нѣсколько новыхъ мѣръ. Старшіе изъ студентовъ, или сеніоры, обязаны были смотрѣть за нравственностію младшихъ товарищей, ходить по ихъ квартирамъ и освѣдомляться о причинѣ неявленія учениковъ въ классы.

Родные учениковъ должны были увѣдомлять Академію объ ихъ болѣзни, въ противномъ же случаѣ тѣ признавались за бѣглецовъ и исключались. Если же въ родителяхъ или родственникахъ замѣчалось потворство и послабленіе къ дѣтямъ, то съ нихъ

---

[1]) Истор. Москов. Акад. Смирнова, стр. 261.

брали денежный штрафъ, и этимъ средствомъ заставляли ихъ принимать участіе въ разумномъ воспитаніи ихъ дѣтей [1]).

Такъ какъ будущее званіе учениковъ Академіи требовало многихъ знаній, то Платонъ не только не устранилъ, но даже усилилъ научное образованіе, значительно расширивъ кругъ наукъ. Впрочемъ взглядъ его на преподаваніе не согласовался со взглядами тогдашнихъ преподавателей. Онъ нисколько не уважалъ сухую и тяжелую схоластику и всѣми мѣрами заботился ввести свѣтлое воззрѣніе на науку и тѣмъ облегчить ея преподаваніе. Для этого онъ устранилъ кіевскихъ ученыхъ съ ихъ устарѣлыми системами и старался образовать своихъ, сообщая имъ всѣ средства къ пріобрѣтенію новыхъ знаній. Усиленіе русскаго языка въ школѣ было также дѣломъ Платона: до него предметомъ изученія были языки славянскій и латинскій; на послѣднемъ читались даже лекціи и производились диспуты; Платонъ ввелъ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на языкѣ отечественномъ, на которомъ стали писать наконецъ и сочиненія и говорить на диспутахъ [2]).

Съ другой стороны Платонъ понималъ, что воспитаніе духовенства при всемъ общечеловѣческомъ направленіи должно отличаться отъ воспитанія свѣтскаго; цѣль его опредѣляетъ и самый его характеръ. Приведемъ здѣсь сужденіе г. Смирнова: „классическое воспитаніе учениковъ Академіи по цѣли, къ которой было направлено, отличалось характеромъ нравственно-церковнымъ. Пріучая ихъ съ малолѣтства къ книгамъ церковнымъ, Академія постоянно вела ихъ по пути духовнаго знанія къ одной цѣли—образовать изъ нихъ слугъ Божіихъ и строителей таинъ церкви. При Платонѣ такое направленіе образованія обнаружилось во всѣхъ занятіяхъ учениковъ; если обратить вниманіе даже на предметы сочиненій, задаваемыхъ ученикамъ, то всѣ они сходятся къ понятіямъ: Богъ и добродѣтель, молитва и покаяніе, мудрость и суета земныхъ благъ и т. п. Платонъ требовалъ отъ учениковъ частыхъ молитвенныхъ упражненій, въ которыхъ видѣлъ вѣрное средство къ преуспѣянію въ ученіи и къ нравственному совершенствованію; кромѣ ежедневныхъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ было постановлено правиломъ, чтобы ученикъ не опускалъ службы церковной въ праздничные и воскресные дни подъ опасеніемъ строгаго взысканія; учитель каж-

[1]) Тамъ же, стр. 288.
[2]) Тамъ же, стр. 259—260.

даго класса обязанъ былъ съ своими воспитанниками ходить въ церковь и наблюдать, чтобы они стояли благочинно“ [1]).

Въ дополненіе къ этому сдѣлаемъ выписку изъ біографіи Платона, написанной г. Снегиревымъ; она ясно покажетъ намъ, какое непосредственное участіе въ воспитаніи принималъ самъ Платонъ, и какъ онъ старался сообщить ему собственнымъ примѣромъ жизненность и свободу.

„Если провидѣлъ въ комъ талантъ по врожденной проницательности своей, если замѣчалъ отличный успѣхъ или неусыпное прилежаніе, на того обращалъ Платонъ особенное вниманіе и никогда не упускалъ его изъ виду, доставляя ему средства къ усовершенствованію себя, бесѣдуя съ нимъ и въ классѣ и въ кельѣ своей и приглашая его къ столу своему, къ прогулкамъ съ собою, кои умѣлъ дѣлать занимательными и поучительными. Монастырскіе сады и рощи Лавры, Виѳаніи, Перервы, Корбухи Черкизово превращались имъ въ академію, гдѣ юноши учились мудрствовать съ своимъ Платономъ и смѣнять умственные подвиги тѣлесными трудами на сѣнокосѣ, въ огородѣ и на лугу; тамъ они съ наставникомъ своимъ то шевелили сѣно, то собирали лѣкарственныя травы для домашней аптеки, то поливали цвѣты, то срывали ихъ для украшенія авдиторіи или церкви. Его поощреніями пробуждались и окрилялись таланты, рождалось соревнованіе. Такими средствами успѣлъ Архипастырь Московскій приготовить достойныхъ и знаменитыхъ пастырей, трехъ сряду преемниковъ своихъ іерархескаго престола въ Москвѣ: Августина, Серафима и Филарета... [2]).

„Часто окружая себя отличными учениками для испытанія ихъ умовъ и наклонностей, онъ нарочно заводилъ съ ними полезные разговоры и даже вовлекалъ ихъ въ состязаніе между собою; дѣлилъ съ ними свои мысли и чувствія, сообщая имъ свои опыты, задавалъ темы для сочиненій и придумывалъ лестныя награды для поощренія талантовъ: то самъ читалъ при собраніи отличныя ихъ сочиненія, то печаталъ ихъ золотыми буквами, то дарилъ сочинителямъ книги съ надписью своею, приглашалъ къ обѣду и къ прогулкамъ съ собою, посылалъ къ нимъ разные подарки, представлялъ имъ случаи испытать свои способности и отличиться“... [3])

Въ то время какъ Платонъ примѣнялъ свои педагогическія идеи

---

[1]) Тамъ же, стр. 342.

[2]) Житіе Платона Митр. Моск. Снегирева, часть I, стр. 52.

[3]) Тамъ же, часть II, стр. 80.

и соображенія къ Московской Академіи, профессора Московскаго Университета старались прояснять и развивать идеи воспитанія и образованія съ высшей философской точки зрѣнія, нападая въ то же время и на закоснѣлые и несообразные воспитательные пріемы и привычки русскаго общества. Этимъ стремленіямъ ученыхъ сочувствовали и кураторы Университета. Такъ Шуваловъ не разъ предписывалъ быть мягче съ учениками и избѣгать жестокости въ наказаніяхъ. Учитель Рехтъ, въ 1766 году, за неисполненіе этого предписанія самъ подвергся наказанію конференціи; она возставала также противъ обычая учителей бить ферулами по рукамъ учениковъ гимназіи и предлагала замѣнить это наказаніе крестьянскою одеждою [1]). Обращая вниманіе на разумное домашнее и пансіонское воспитаніе и желая сообразовать его съ гимназическимъ, въ 1771 году Университетъ издалъ, по желанію куратора Мелиссино, Способъ ученія, приготовляющій къ университету. Онъ начинается словами: „Никто, неимѣющій воспитанія самъ, другихъ воспитывать не можетъ“. Затѣмъ обращено главное вниманіе на изученіе иностранныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, причемъ даются совѣты, чтобъ ученіемъ не истребить охоты къ ученію... Далѣе исторія названа наставницею жизни, философіею, приноровленною ко всѣмъ ея случаямъ: поэтому учителю исторіи вмѣнено въ обязанность дать преподаванію нравоучительный характеръ... [2]).

Изъ московскихъ профессоровъ, высказывавшихъ въ своихъ рѣчахъ идеи о воспитаніи, особенно замѣчательны Шаденъ и Шварцъ не только своими идеями, но и педагогическою дѣятельностію. Оба, получившіе строгое образованіе въ германскихъ университетахъ, оба полюбившіе Россію всею душою, найдя въ русскомъ народѣ зародыши многихъ прекрасныхъ качествъ, они старались принести существенную пользу государству, которое пригласило ихъ во имя науки. Шаденъ прибылъ въ Москву въ 1756 году и получилъ мѣсто ректора Гимназіи. Всматриваясь въ московское общество, онъ замѣтилъ, какъ шатки были понятія москвитянъ о воспитаніи. Этотъ предметъ послужилъ ему темою для многихъ рѣчей. Основаніемъ истиннаго воспитанія онъ считалъ религію и въ этомъ случаѣ сочувствовалъ религіозному направленію русскаго народа. Онъ былъ убѣжденъ, что въ Россіи легче чѣмъ гдѣ-нибудь можно устроить правильное и разумное воспитаніе. „Россія, говорилъ онъ, есть истинно такая страна,

---

[1]) Исторія Москов. Универ. Шевырева, стр. 167.

[2]) Тамъ же, стр. 180.

которую никакія сѣмена предразсужденій, художествамъ и наукамъ враждебныхъ, ядомъ своимъ еще не заразили и не повредили: въ ней ни единаго нѣтъ закона, который бы запиналъ распространеніе мудрости и добродѣтели, отъ неискуснаго происшедъ законоположенія, съ каковыми другія страны еще борются: въ ней потребенъ единственно вертоградарь, доброту сѣмянъ и земли свѣдущій".

Можетъ быть, профессоръ здѣсь и односторонне взглянулъ на Россію, имѣя въ виду только русскіе законы, и не обративъ вниманія на общественные идеалы и стремленія; но взглядъ его показываетъ, какъ лежало его сердце къ этой странѣ, и какую обширную дѣятельность открывалъ онъ каждому педагогу. Въ рѣчи о правѣ родителей на воспитаніе дѣтей, Шаденъ указываетъ на значеніе семейства въ обществѣ и на задачу въ немъ родителей—на воспитаніе дѣтей; сознаетъ необходимость для каждаго государства имѣть свою систему воспитанія, тѣсно связанную съ его общественными потребностями. Такой взглядъ заставлялъ Шадена задумываться о русскомъ воспитаніи, останавливаться на коренныхъ основахъ русскаго государства, на потребностяхъ русскаго народа, и хотя онъ не создалъ никакой особенной системы воспитанія, но по-крайней мѣрѣ старался прояснить идею русскаго воспитанія и проложить ему дорогу. Онъ нападалъ на предразсудки русскихъ дворянъ, искавшихъ воспитателей для своихъ дѣтей на рынкахъ между портными и парикмахерами; доказывалъ необходимость школъ, призывая родителей содѣйствовать ихъ усовершенствованію. Сколько можно заключить изъ его рѣчей, онъ предпочиталъ воспитаніе общественное домашнему. „Университеты и Гимназіи, говоритъ онъ, должны быть свѣтилами государствамъ и дѣйствительно будутъ свѣтилами, когда учащихъ содержать, и по достоинству содержать будутъ, честностію и добронравіемъ одаренныхъ любовію къ истинѣ и отечеству, любовію къ государю пылающихъ, отъ немаловременнаго упражненія искусныхъ, опытами просвѣщенныхъ, существенность и свойства монархіи свѣдущихъ и наконецъ истинную честь хранящихъ". Коснувшись воспитанія чувствъ, Шаденъ утверждаетъ, что въ Россіи особенно должно дѣйствовать на нихъ воспитаніемъ, потому что у народовъ Сѣвера груба чувствительность [1]).

Извѣстно, что Шаденъ нѣсколько лѣтъ содержалъ пансіонъ,

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, часть II—Біографія Шадена.

и конечно въ немъ старался примѣнить свои идеи о воспитаніи. Подъ его-то вліяніемъ образовался Карамзинъ, который одинъ можетъ стоять за достоинство своего наставника. Но и кромѣ него до насъ дошло нѣсколько другихъ свидѣтельствъ, которыя убѣждаютъ насъ, что Шаденъ и въ практикѣ былъ замѣчательный педагогъ.

Шварцъ пріѣхалъ въ Москву въ 1776 г. [1]) и тотчасъ же сталъ изучать русскій языкъ и литературу. Вскорѣ онъ подружился съ извѣстнымъ Новиковымъ, благородною личностью, въ которой, по собственнымъ его словамъ, онъ замѣтилъ особенную ревность къ просвѣщенію, горячую любовь къ отечеству, энергію на томъ поприщѣ, гдѣ слѣдовало рисковать всѣмъ, надѣяться немногаго. Новиковъ далъ себѣ трудную задачу — распространять образованіе во всѣхъ русскихъ сословіяхъ. Шварцъ, любившій просвѣщеніе для просвѣщенія, для человѣчества, не могъ не сочувствовать всею душою стремленіямъ Новикова и полюбилъ русскій народъ во имя его будущихъ совершенствъ, до которыхъ должно довести его образованіе. Онъ хотѣлъ посвятить всѣ свои силы, способности и знанія на пользу этой части человѣчества, этой меньшей братіи между европейскими народами, и дѣйствительно своею жизнію, своими трудами доказалъ искренность своихъ чувствъ, безкорыстіе своихъ стремленій, честность своей службы. Благородный иностранецъ служитъ прекраснымъ примѣромъ всѣмъ намъ, какъ нужно служить просвѣщенію и народу. Онъ хорошо понималъ, что разумное воспитаніе есть одно изъ главныхъ средствъ просвѣщенія; а чтобъ видѣть, какъ недостаточно было оно въ русскомъ обществѣ, ему не нужно было много наблюдать.

Проникнутый высокимъ религіознымъ духомъ, онъ замѣтилъ сильное на насъ вліяніе французской литературы и вліяніе не совсѣмъ безвредное, такъ какъ французская философія чуждалась религіи. Въ противодѣйствіе этому онъ сталъ распространять у насъ знакомство съ литературой нѣмецкой, начавъ, разумѣется, съ нѣмецкаго языка, которымъ у насъ почти не занимались основательно. При этомъ онъ хотѣлъ внести въ воспитывающую науку жизнь, дѣйствовать на слушателей развитіемъ идей, которыя однѣ могутъ дать разумное содержаніе нашей жизни и внести въ нашу душу убѣжденіе въ святости нравственной дѣятельности. Въ изученіи языка онъ употреблялъ историко-сравнительную ме-

---

[1]) Всѣ данныя о Шварцѣ мы заимствовали изъ Біографическаго Словаря профессоровъ Московскаго Университета, часть II.

тоду, касаясь при этомъ всѣхъ искусствъ и возставая противъ старой риторики.

Убѣжденія, руководившія дѣятельностью Шварца, вытекали изъ философіи, тѣсно связанной съ религіею.

„Человѣкъ въ сей жизни только путешественникъ, говоритъ онъ, а въ будущей гражданинъ, и потому для своего блага онъ долженъ стремиться къ полезнымъ познаніямъ, которыя научаютъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ высшимъ понятіямъ. Хотя науки и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего, но онѣ суть дары, происходящіе отъ Бога, и человѣкъ, преданный Богу и для ближняго стремящійся къ этимъ наукамъ, учиняется способнѣйшимъ орудіемъ, чрезъ которое Богъ помощію самыхъ сихъ наукъ привлекаетъ къ себѣ падшихъ людей... Истинная пружина человѣческихъ дѣйствій есть стремленіе къ расширенію совершенствъ своихъ; философъ исполняетъ, вѣдая то, а невѣжда исполняетъ, не вѣдая того, какъ слѣпецъ. Есть такіе люди, которые остаются при исправленіи одной только организаціи, а далѣе способности свои не расширяютъ; сему злу причиною бываетъ худое воспитаніе“.

Младенецъ, хотя и имѣетъ уже въ себѣ сѣмена совершенства, но ежели поведенъ будетъ ложнымъ путемъ, ежели память его отягчатъ ненужными и безполезными знаніями, ежели воображеніе его пріучатъ къ однѣмъ бездѣлкамъ и ко внѣшнимъ украшеніямъ тѣла, то сѣмена совершенства будутъ подавлены терніемъ и никогда не произведутъ желаемаго плода. Такъ какъ мысли суть источникъ всѣхъ совершенствъ и несовершенствъ нашихъ, то для приведенія ихъ помощію воображенія въ порядокъ и гармонію, нужно молодыхъ людей упражнять въ словесныхъ наукахъ, въ музыкѣ, въ живописи и занимать ихъ гармоніею природы, которая красотами своими привлекая чувства человѣческія, дѣлаетъ ихъ нѣжнѣйшими и удобнѣйшими къ чистой любви и приводя въ пріятное восхищеніе, заставляетъ примѣчать дѣйствія природы, приводитъ ихъ въ удивленіе порядку оной, возвышаетъ ихъ мысли до источника природы и наконецъ воспламеняетъ въ нихъ чистую любовь къ Богу“.

Дѣятельность Шварца не ограничивалась одною профессорскою каѳедрою; не менѣе сильно было и личное его вліяніе. Молодые люди полюбили его; даже родители являлись къ нему съ благодарностью; съ нимъ совѣтовались о методѣ занятій даже семейства, гдѣ были свои учителя. „Я приходилъ въ негодованіе, говоритъ Шварцъ, видя, что недостойные своекорыстные ино-

странцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцовъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ должно приняться за дѣло...“

Видя все это, Шварцъ увлекся мыслію устроить общество, которое бы устранило все зло, т.-е. 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія, 2) поддержало бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были бы способны давать воспитаніе, или, что еще лучше, воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ. Хотя это общество и не могло основаться вдругъ, однако личное его вліяніе было такъ велико, что нѣкоторыя семейства выписали въ домашніе учителя дѣйствительно ученыхъ людей.

Стараясь всѣми силами образовать хорошихъ переводчиковъ для Новикова, Шварцъ въ то же время представилъ университетской конференціи проэктъ объ образованіи педагогической семинаріи, и при помощи нѣкоторыхъ своихъ друзей доставилъ средства для нужныхъ расходовъ. Въ 1779 году семинарія была основана, и Шварцъ сдѣланъ ея инспекторомъ: шесть человѣкъ студентовъ подъ его педагогическимъ надзоромъ готовились въ профессоры и учителя. Наконецъ исполнилось и самое искреннее желаніе Шварца: въ 1781 году составилось дружеское ученое общество, душою котораго явился вмѣстѣ съ нимъ и Новиковъ; но благородный профессоръ не долго могъ служить общему дѣлу: въ 1784 году онъ умеръ.

Какое сильное вліяніе имѣлъ Шварцъ на юношей, мы заключаемъ изъ свидѣтельства нѣкоторыхъ его слушателей. „Въ то самое время, говоритъ одинъ изъ нихъ, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, онъ принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки и безъ всякаго иного призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинства каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію...“

„Онъ одинъ могъ, говоритъ другой, совратившееся съ пути истиннаго юношество наставить и убѣдить—исповѣсть свою слабость и признать свою зависимость отъ Премудрѣйшаго Строителя вселенной. Все же сіе онъ учинилъ преподаваніями своихъ лекцій у себя на дому, допущеніемъ къ слушанію оныхъ всякаго рода и званія людей и изъясненіемъ отборнѣйшихъ мѣстъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, уразумительнѣйшимъ образомъ доказывающихъ истину Творца и словъ священнаго писанія...“

Вотъ откуда могли выйти тѣ воспитатели, которые нужны были Бецкому и которые легко могли бы дополнить его систему, внести въ нее жизнь, идеи и направленіе, и конечно сѣмена, сѣянныя Шаденомъ, Шварцемъ и другими, не заглохли бы безплодно; но тутъ произошло замѣшательство, достойное вниманія исторіи. Екатерина, увлекавшаяся своими идеалами, дававшая широкіе и свободные размѣры своимъ стремленіямъ, вдругъ стала выказывать къ нимъ недовѣріе, опасеніе. Она какъ будто испугалась ихъ; ужасы французской революціи отуманили тогда многіе свѣтлые умы; напуганное воображеніе стало создавать себѣ призраки и само трепетало отъ нихъ. Такое отрицаніе должно было произвести свое слѣдствіе; дальнѣйшее естественное развитіе было остановлено, и отсюда увеличились тѣ безпорядки, о которыхъ говоритъ Императоръ Александръ Павловичъ въ письмѣ своемъ къ Кочубею [1]). Разумѣется, въ этомъ сомнительномъ, неопредѣленномъ положеніи, когда скрылась путеводная звѣзда, трудно было свободно развиваться и педагогическимъ идеямъ и стремленіямъ. Они стали на отдаленный планъ, а педагогика обратилась въ школьное устройство, которое также имѣетъ свое значеніе; но о немъ мы не говоримъ, такъ какъ оно достаточно изложено въ прекрасной книгѣ г. Воронова „Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ этотъ періодъ времени явилось у насъ нѣсколько переводовъ иностранныхъ сочиненій о воспитаніи. Локкъ былъ переведенъ еще въ 1759 году Николаемъ Поповскимъ. Тогда же вышелъ переводъ книги аббата Беллегарда „Совершенное воспитаніе дѣтей“; изданіе его повторилось въ 1775 г. Но трудно сказать, какъ расходились эти переводы въ публикѣ и имѣли ли какое-нибудь вліяніе на русскія семейства.

---

[1]) Восшествіе на престолъ Императора Николая I, барона Корфа.

Такимъ образомъ за Бецкимъ все же остается главная заслуга въ устройствѣ русскаго воспитанія; его учрежденія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, приносили и приносятъ пользу Россіи. Чтобы дать имъ твердое основаніе и жизнь, нуженъ былъ не только государственный мужъ, но и добродѣтельный человѣкъ съ сердцемъ самымъ горячимъ ко всему человѣческому. Онъ служилъ какъ истинный сынъ Россіи безъ всякой задней мысли, и зато исторія никогда не забудетъ его. При жизни своей онъ постоянно содержалъ на свой счетъ нѣсколько воспитанниковъ и воспитанницъ въ учебныхъ заведеніяхъ, надъ которыми онъ начальствовалъ и которымъ завѣщалъ по смерти до 300,000 рублей. Восьмидесяти-семи-лѣтнимъ старцемъ сошелъ онъ съ государственнаго поприща и умеръ на девяносто второмъ году, почти за годъ до смерти Екатерины. Императрица щедро награждала его чинами, орденами и помѣстьями; но самая торжественная награда была ему 10 декабря 1773 года, когда Сенатъ въ полномъ собраніи, при громѣ музыки, поднесъ ему золотую медаль съ собственнымъ его портретомъ въ знакъ признательности за его заслуги, оказанныя отечеству [1]). По словамъ Анастасія Братановскаго, онъ былъ украшенъ собственнымъ своимъ изображеніемъ [2]).

Прахъ Бецкаго покоится въ Александро-Невской Лаврѣ. На бѣло-мраморномъ пирамидальномъ памятникѣ его, вмѣстѣ съ изображеніемъ обѣихъ сторонъ поднесенной ему медали, вырѣзанъ латинскій стихъ:

Quod aevo promeruit, aeterne obtinuit.
(Что заслужилъ при жизни, получилъ на вѣки).

Портреты Бецкаго сохраняются въ С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ и въ Академіи Художествъ; здѣсь же находится и мраморный бюстъ его, изваянный по желанію Императрицы Екатерины и поставленный ею въ эрмитажѣ.

---

[1]) Подробности объ этомъ въ Иллюстраціи, томъ IV и въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. LXXVII.

[2]) Рѣчь Анастасія на погребеніи Бецкаго.

Изъ исторіи воспитанія въ Россіи.

въ началѣ XIX столѣтія *).

I.

Когда въ 1802 году воцарившійся императоръ Александръ I разсуждалъ съ своими сотрудниками объ учрежденіи особаго министерства, которое бы заботилось объ умственномъ и нравственномъ развитіи его подданныхъ, равно какъ и о распространеніи среди нихъ полезныхъ знаній, то возникъ вопросъ, какъ назвать это министерство: общественнаго образованія или общественнаго воспитанія. Послѣ долгихъ споровъ нашли наконецъ третье слово просвѣщеніе, на которомъ и остановились. Рѣшили быть министерству народнаго просвѣщенія. Но судя по спору, который въ немногихъ словахъ записалъ въ протоколѣ графъ Строгановъ, можно заключить, что самыя понятія воспитаніе, образованіе, просвѣщеніе у всѣхъ были довольно сбивчивы и неясны. Такъ графъ Кочубей убѣждалъ употребить слово воспитаніе, а не образованіе, потому что первое менѣе громко, и опасался, что слово образованіе поведетъ къ ложнымъ толкамъ, по господствующему у насъ предразсудку, будто просвѣщеніе опасно. Другіе хотя и признавали, что не слѣдуетъ смѣшивать этихъ понятій, но выясняли ихъ такимъ образомъ, что трудно судить, какъ они сами принимали ихъ. Одни утверждали, что слово образованіе болѣе точно, чѣмъ слово воспитаніе, что воспитаніе совершенно иное дѣло, что о немъ теперь нельзя и помышлять. Другіе доказывали, что слово образованіе не могло повести ни къ чему дурному, потому что просвѣщеніе, рас-

*) Глава изъ приготовляемаго къ печати сочиненія: „Исторія русскаго воспитанія“.

пространяемое правительствомъ, не возбудитъ ни чьихъ сомнѣній. Графъ же Строгановъ выставлялъ, что не было никакого неудобства не только употребить слово воспитаніе, но впослѣдствіи даже давать общественное воспитаніе. По его мнѣнію, слово воспитаніе имѣло болѣе обширный смыслъ и заключало въ себѣ также и обученіе; онъ полагалъ, что ошибочно возставать противъ общественнаго воспитанія, и что его не слѣдуетъ смѣшивать съ народнымъ воспитаніемъ, невозможнымъ въ дѣйствительности. Общественное воспитаніе есть то, которымъ могутъ пользоваться всѣ граждане,—опредѣлялъ онъ,—а народное то, которое давалось бы всѣмъ гражданамъ безъ различія. Но все это едва-ли могло выяснить различіе между понятіями. Неясность же ихъ указываетъ, что и цѣли новаго министерства не были вполнѣ ясно и точно опредѣлены,—чего собственно хотѣли учредители министерства народнаго просвѣщенія. Какъ кажется, и слово народный производило колебаніе между совѣтниками. Такъ біографъ Мартынова, перваго директора канцеляріи министерства просвѣщенія, говоритъ, что въ началѣ это министерство оффиціально названо просто министерствомъ просвѣщенія; но Мартыновъ подалъ свое мнѣніе: „такъ какъ цѣль вѣдомства заботиться о просвѣщеніи въ цѣломъ государствѣ, то не прилично ли будетъ назвать его министерствомъ народнаго просвѣщенія“ [1]). Тогда этотъ эпитетъ былъ принятъ окончательно, но не въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ ему; скорѣе онъ имѣлъ смыслъ государственный; да и странно было бы предполагать тутъ весь народъ, которому путь къ просвѣщенію былъ заваленъ мусоромъ крѣпостного права.

Неясность всѣхъ этихъ понятій выражалась въ то же время и въ литературѣ, во многихъ журнальныхъ статьяхъ о воспитаніи, образованіи, просвѣщеніи. Ихъ сбивчивость вела къ разнымъ страннымъ и нелѣпымъ выводамъ и заключеніямъ. Одни смѣшивали воспитаніе съ обученіемъ, другіе въ просвѣщеніи представляли развращеніе нравовъ и хотѣли уберечь народную нравственность, ограждая ее отъ просвѣщенія; третьи считали нѣкоторыя науки вредными для просвѣщенія. Вотъ для примѣра фразы изъ журнала „Сѣверный Вѣстникъ“, который велъ самъ директоръ канцеляріи министерства просвѣщенія Мартыновъ, принадлежавшій къ средѣ самыхъ образованныхъ русскихъ людей того времени: „Не всѣ состоянія народа должны получать одинаковое просвѣщеніе. Науки, такъ называемыя свободныя

[1]) „Литературные дѣятели прежняго времени“, Колбасина, стр. 58.

художества и всѣ наставленія, которыя составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ неприличны для черни и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ. Но крайне несправедливо было бы отказать народу въ пособіяхъ начальнаго образованія“ [1]). Не каждая сфера дѣятельности требуетъ высшаго образованія—вотъ мысль автора, а между тѣмъ какое вышло странное смѣшеніе понятій: воспитаніе, образованіе, просвѣщеніе, ученіе. Мы могли бы привести много выписокъ изъ разныхъ журналовъ, если бы не жалѣли мѣста.

Нужно ли говорить о смѣшеніи всѣхъ этихъ словъ въ русскихъ семействахъ, гдѣ и не заглядывали въ журналы: „Въ Россіи,—замѣчаетъ Винскій въ своихъ запискахъ о тѣхъ временахъ:—въ Россіи ученіе почти повсемѣстно принимается за воспитаніе. Я самъ, скажу со стыдомъ, проживъ болѣе половины моего вѣка и бывши по несчастію уже домашнимъ учителемъ, различія въ семъ даже и не подозрѣвалъ“ [2]).

Отъ неясности понятій въ общественномъ сознаніи не оправдалась и увѣренность совѣтниковъ государя, что просвѣщеніе, распространяемое правительствомъ, не возбудитъ ни чьихъ сомнѣній. Напротивъ, дальнѣйшая исторія показываетъ, что въ самыхъ правительственныхъ лицахъ явились сомнѣнія, что даже министры народнаго просвѣщенія, смѣняя одинъ другого, дѣйствовали наперекоръ другъ другу, каждый являясь съ своими особенными понятіями о воспитаніи, образованіи, просвѣщеніи.

Такимъ образомъ, если съ неясными понятіями было приступлено къ дѣлу, то самое дѣло должно было выяснить и выработать эти понятія; но такимъ путемъ понятія выясняются въ борьбѣ между дѣятелями; а въ борьбѣ являются ошибки, противорѣчія, увлеченія, отступленія, ослѣпленія, наконецъ жертвы, побѣдители, гонимые, гонители. Никто конечно не предугадывалъ, что въ понятіяхъ, положенныхъ въ основаніе министерства народнаго просвѣщенія, кроется сѣмя долгой и сильной борьбы, подъ вліяніемъ которой должно было воспитываться молодое поколѣніе, даже не одно—борьбы, которая никакъ не благотворно вліяла на него. Но въ то время объявленіе объ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія было встрѣчено почти съ общимъ восторгомъ.

[1]) Монографіи и критическія статьи, Пятковскаго, т. II. Очерки изъ исторіи русской журналистики, стр. 179.

[2]) „Рус. Арх.“ 1877 г., № 1.

II.

Императоръ Александръ I своими идеальными стремленіями привлекъ къ себѣ сердца всего юношества, учащагося и недавно оставившаго учебныя скамейки. Онъ, такъ сказать, далъ направленіе ихъ собственному самовоспитанію: юноша воспитываетъ себя идеями, которыя проникаютъ въ сердце и обѣщаютъ жизни что-нибудь лучшее. Что же могло быть лучше того, что обѣщали стремленія молодого государя; они такъ согласовались съ новыми европейскими идеалами, которые давали человѣку нравственное благородство сознаніемъ высшихъ интересовъ жизни, идеалами, которыми увлекалось юношество, знакомясь съ европейскими литературами. Отцы и дѣды ихъ уже начинали враждебно относиться къ этимъ новымъ идеаламъ, съ которыми не мирились ихъ личные или сословные интересы. Дѣти же не могли мириться съ тѣми старыми понятіями, потому что въ новомъ идеалѣ блистали передъ ними только нравственныя достоинства человѣка. И вотъ они съ радостью смотрятъ на тотъ путь, который имъ указывается съ престола; идти за своимъ государемъ значитъ имѣть на своей сторонѣ законную силу, значитъ идти дорогою ровною, гладкою, безъ борьбы, съ одной надеждою достигнуть чего-то лучшаго для жизни. Оставалось только смѣло готовить неразвитую массу къ тому, что создавалось для нея въ воображеніи Александра. И какъ свѣтло представлялось будущее неопытнымъ идеалистамъ!

Императоръ Александръ въ первое же время своего царствованія показалъ, что у него сложились не такія понятія о верховной власти, въ какихъ развивалось изстари большинство русскаго дворянства. Хотя въ отношеніяхъ подданнаго къ царю еще Екатерина II уничтожила слово рабъ, но взглядъ на эти отношенія въ массѣ оставался тотъ же самый, такъ какъ съ нимъ связывались интересы сословія. Всѣ смотрѣли, такъ сказать, въ руки государя съ единственною мыслью получить отъ него какую-нибудь благостыню, но не за личную службу, не за труды, а такъ, изъ государской милости, потому что на милость нѣтъ закона. Каждый думалъ, что для него по одному личному расположенію власть можетъ поступить вопреки закона, и такое распоряженіе никѣмъ не считалось несправедливостью; это была такая же милость, какую могъ оказывать и каждый помѣщикъ тому или другому изъ своихъ крѣпостныхъ, если тотъ съумѣетъ чѣмъ-либо умилостивить его или ему понравиться, —

съ законами тутъ не справлялись, и о несправедливости не могло быть и рѣчи. Ясно, что такія отношенія были выгодны тѣмъ, кто хлопоталъ только о своихъ личныхъ интересахъ, а такихъ всегда было большинство, и они всегда усердно пользовались выпрашиваніемъ себѣ разныхъ благостынь. Такъ, вскорѣ по воцареніи Александра Павловича обратилась къ нему княгиня Голицына, урожденная княжна Вяземская, еще молодая женщина: ей не хотѣлось платить долги мужа-камергера продажею нѣкоторой части его имѣнія, и она по многимъ прежнимъ примѣрамъ отнеслась къ монаршей власти съ просьбою остановить взысканіе долговъ. Императоръ въ учтивомъ и мягкомъ письмѣ отказалъ ей, выразивъ тутъ же и свои понятія о верховной власти:

«Какъ скоро я себѣ дозволю, писалъ онъ, нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ если бы я и могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ... законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ» [1]).

Или вотъ другой примѣръ: одно изъ важныхъ лицъ просило себѣ въ даръ у молодого государя помѣстье: „Большая часть крестьянъ въ Россіи—рабы, отвѣчалъ ему въ письмѣ императоръ: считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ, и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность“ [2]).

Какъ новы были эти мысли для большинства и въ какое противорѣчіе ставили онѣ верховную власть съ укоренившимися понятіями! Въ то время такія мысли назывались либеральными идеями и ставились многими въ упрекъ молодому государю; но онѣ имѣли воспитательное значеніе для молодого поколѣнія, изъ котораго мало по малу стали выходить и дѣятели въ новомъ направленіи.

Поражало людей съ прежними понятіями и отношеніе императора къ тѣмъ лицамъ, которыя раздѣляли его стремленія и взгляды. Они были его усердные совѣтники, но не являлись важными чиновниками, временщиками, у которыхъ мундиры были

---

[1]) „Русская Старина“ 1870 г., янв., стр. 45. Во второмъ бракѣ княгиня Голицына была за графомъ Разумовскимъ, „Русск. Арх.“, 1877 г., янв.

[2]) „Графъ Блудовъ и его время“, Ковалевскаго, стр. 30.

бы украшены звѣздами; не спѣшилъ государь отличать ихъ внѣшними почестями и крупными наградами, какъ это бывало въ старину съ государевыми любимцами; среди придворной знати и лицъ, еще недавно имѣвшихъ важное значеніе, они являлись скромно и просто, не всегда даже украшаясь и тѣми внѣшними отличіями, которыя имѣли. Это особенно причиняло досаду многимъ чиновнымъ людямъ, которые полагали, что важныя обязанности могутъ исполняться только въ блестящихъ мундирахъ со многими звѣздами [1]). Это также относили къ либерализму. Говорятъ, что и императоръ любилъ больше простое гражданское платье чѣмъ блестящій мундиръ. „Дайте знать молодымъ умникамъ, писалось въ одномъ тогдашнемъ журналѣ, что гражданину отнюдь не предосудительно, какъ они думаютъ, носить знакъ отличія, полученный за службу; что пріятнѣе щеголять имъ, нежели шелковымъ черезъ плечо шнуркомъ съ прицѣпленнымъ къ нему лорнетомъ“ [2]). Эти послѣднія слова намекали на одного изъ любимцевъ государя.

При воцареніи Александра Павловича Каразинъ, тогда еще неизвѣстный молодой человѣкъ, которому впослѣдствіи такъ много обязанъ харьковскій университетъ, прислалъ государю анонимное письмо, гдѣ откровенно высказалъ, чего ожидаетъ отъ него молодое поколѣніе и на какихъ принципахъ можетъ развиться народное благоденствіе. Мысли Каразина, высказанныя отъ сердца, пришлись по сердцу государю; онъ тотчасъ же приказалъ графу Палену и Трощинскому постараться узнать имя корреспондента. По нѣкоторымъ догадкамъ анонимъ былъ открытъ, и государь весьма привѣтливо принялъ Каразина, обнялъ его, далъ право во всякое время обращаться къ нему лично или письменно, и потомъ давалъ ему разныя секретныя порученія, въ которыхъ выражалось особенное довѣріе. Но эта близость къ государю не сопровождалась никакими чиновными возвышеніями и внѣшними отличіями. Этимъ Александръ показывалъ, что онъ различаетъ службу государству, которая необходимо требуетъ поощренія, возвышенія и награжденія, и стремленіе честнаго подданнаго помочь ему совѣтами и указаніемъ на общественныя нужды. За довѣрчивость онъ платилъ довѣрчивостью съ своей стороны, понимая хорошо, что честныя намѣренія вызываются чувствомъ, а не наградами. Все это многимъ казалось страннымъ либерализмомъ въ молодомъ государѣ, но въ то же время сильно дѣй-

---

[1]) Записки Шишкина.

[2]) Изъ исторіи рус. журналистики, Пятковскаго, ст. 161.

ствовало на молодыя сердца. Вотъ, напр., что разсказываетъ московскій студентъ Жихаревъ въ 1805 г.

«Петербургскому главнокомандующему подали или подложили безъименное письмо съ эпиграфомъ: nov or never, въ которомъ заключались очень здравыя мысли, благонамѣренныя сужденія и множество дѣльныхъ замѣчаній о настоящей политикѣ нашего кабинета и объ отношеніяхъ нашихъ къ другимъ европейскимъ державамъ. Между прочимъ неизвѣстный сочинитель письма изложилъ также мнѣніе, что, несмотря на побѣды Бонапарте, не должно оставлять его въ покоѣ и давать ему усиливаться, а, напротивъ, безпрерывно воевать съ нимъ и тревожить его, хотя бы то было съ нѣкоторыми потерями, что настоящее время есть самое удобнѣйшее для того, чтобъ соединенными силами имѣть надъ нимъ поверхность, и что если это время будетъ упущено, то съ нимъ послѣ не сладишь: nov or never.—Генералъ Вязмитиновъ, получивъ это письмо, представилъ его государю, который не токмо не прогнѣвался на смѣлость сочинителя письма, но пожелалъ даже узнать его и потому приказалъ обвѣстить черезъ полицію с.-петербургскихъ жителей и вмѣстѣ публиковать въ газетахъ, чтобы тотъ, кто обронилъ бумагу съ надписью nov or never, явился къ нему, генералу Вязмитинову, безъ всякаго опасенія.

Премудро и премилосердо!—восторженно восклицаетъ семнадцатилѣтній студентъ послѣ этого разсказа. Онъ же въ другомъ мѣстѣ своего дневника записалъ:

«Я слышалъ вчера, что Петербургъ встрѣтилъ государя съ такимъ восторгомъ, какому не бывало примѣра. Послѣдствіемъ этой встрѣчи былъ рескриптъ петербургскому главнокомандующему, съ котораго списки уже ходятъ здѣсь (въ Москвѣ) по рукамъ... Вотъ нѣкоторыя изъ него подлинныя фразы, достопамятныя по чувству и выраженію. Государь, поручая главнокомандующему повторить жителямъ Петербурга признательность его, между прочимъ, изволитъ изъясняться такъ: «Любовь любезнаго мнѣ народа есть моя лучшая награда и единый предметъ всѣхъ моихъ желаній». Наши москвичи и особенно стихотворцы въ порывахъ своего усердія и преданности къ государю обыкновенно называютъ его Титомъ, Маркомъ Авреліемъ, Антониномъ и проч., потому что не могутъ ступить шагу безъ древнихъ громкихъ именъ; но я спрашиваю: справедливо ли нашего благочестиваго батюшку-царя сравнивать съ римскими не христіанскими владыками? Тѣ кесари любили тріумфы, любили лесть и обожаніе, а нашъ императоръ отказывается даже и отъ тѣхъ почестей, которыя принадлежатъ, независимо отъ сана, его личнымъ заслугамъ, и вотъ тому разительный примѣръ: въ день рожденія государя кавалерская дума поднесла ему чрезъ депутатовъ своихъ орденъ св. Георгія 1-ой степени, но государь, не принявъ его, приказалъ сказать думѣ, что онъ благодаритъ ее за вниманіе къ такимъ дѣяніямъ его, которыя онъ почитаетъ своею обязанностью; но что знаки 1-ой степени ордена св. Георгія должны быть за распоряженія начальственныя, что онъ не командовалъ, а храброе войско свое привелъ на помощь своего союзника, который всѣми онаго дѣйствіями распоряжалъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ, и что потому не думаетъ онъ, чтобъ все то, что онъ въ семъ случаѣ сдѣлалъ, могло доставить ему сіе отличіе; что во всѣхъ подвигахъ своихъ раздѣлялъ онъ только неустрашимость своихъ войскъ и ни въ какой опасности

себя отъ нихъ не отдѣлялъ и что сколько ни лестно для него изъявленное кавалерской думой желаніе, но, имѣвъ еще единственный случай оказать личную свою храбрость и въ доказательство сколь уважаетъ онъ военный орденъ, находитъ теперь приличнымъ принять только знакъ 4-ой степени.— Стоитъ только прочитать этотъ отзывъ государя,—прибавляетъ восторженный студентъ, чтобъ вполнѣ почувствовать блаженство быть его подданнымъ и жить подъ его державою».

Приводя изъ рескрипта государя генералу Вязмитинову, петербургскому главнокомандующему слова: „Никогда болѣе не наслаждался я честью быть начальникомъ столь почтенной и отличной націи; изъявите равномѣрно всѣмъ, что единое мое желаніе есть заслужить то званіе, которое я на себѣ ношу, и что всѣ мои старанія къ сему одному предмету обращены“, юноша восклицаетъ: „Какія чувства, какая великость души и какая любовь къ своему народу!.. Рескриптъ читаютъ во всѣхъ домахъ, восхищаются имъ и благословляютъ провидѣніе, ниспославшее Россіи такого царя-отца“. Онъ же свидѣтельствуетъ, что московскій театръ, охотно посѣщаемый молодежью, колебался отъ рукоплесканій и криковъ „браво“, когда актеръ произносилъ стихи Озерова изъ трагедіи „Эдипъ въ Аѳинахъ“.

Гдѣ на законахъ власть царей установлена,
Сразить то общество не можетъ и вселенна.

Спасибо нашей публикѣ,—прибавляетъ студентъ,—которая, какова ни есть, не пропускаетъ однакожъ ничего, что только можетъ относиться къ добродѣтелямъ обожаемаго государя“! [1]).

Все это говорилось конечно не напоказъ, потому что дневникъ писался для чтенія только одного человѣка, и все это хорошо показываетъ, въ какомъ настроеніи чувствъ было юношество въ періодъ его самовоспитанія. Прибавимъ сюда свидѣтельство Вигеля, который говоритъ о своихъ юныхъ товарищахъ, служившихъ въ московскомъ архивѣ въ 1802 г. (въ числѣ ихъ были Блудовъ и Тургеневъ):

«Многіе изъ моихъ товарищей все твердили о Петербургѣ, жилищѣ свѣтозарнаго ангела, земномъ раѣ, гдѣ люди свободны, блаженствуютъ и трудятся единственно только для добра... Всѣ завидовали тѣмъ счастливцамъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ» [2]).

---

[1]) Записки современника, часть I. Дневникъ студента, изд. 1859 г.

[2]) Воспоминанія, ч. I, стр. 235.

III.

Среди руководителей юношества вначалѣ является въ министерствѣ просвѣщенія нѣсколько личностей, которыя могли цѣнить стремленія государя и поддерживать идеализмъ молодого поколѣнія, понимая природу юношей. Между этими руководителями видное мѣсто занимаетъ бывшій наставникъ государя, сотрудникъ Лагарпа, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. При учрежденіи министерства просвѣщенія его назначили товарищемъ министра и попечителемъ московскаго университета. Объ его личности мы можемъ судить по немногимъ его литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ выказались и степень его образованія, и идеальное его отношеніе къ жизни. Онъ принималъ къ сердцу всѣ новыя европейскія идеи о свободѣ и благородствѣ натуры человѣка и развитый подъ вліяніемъ европейскихъ литературъ и искусства, представлялъ себѣ человѣка, способнаго найти свое счастіе въ самомъ себѣ, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Но его идеалу слишкомъ противорѣчили условія дѣйствительной тогдашней жизни; онъ же въ своихъ мечтахъ хотѣлъ примирить эти противорѣчія, не допуская никакой существенной борьбы между ними. Осуществленіе идеала въ жизни ему кажется возможнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ жизнь съ ея крѣпостными условіями, съ преобладаніемъ личныхъ интересовъ должна была совершенно подавить его. Тайное сознаніе этого послѣдняго обстоятельства развиваетъ въ немъ крайне сантиментальное отношеніе къ своему идеалу. Онъ является какимъ-то отвлеченнымъ созданіемъ, стоявшимъ не на русской почвѣ. Два его мечтательныя произведенія „Обитатель предмѣстья“ и „Эмиліевы письма“ достаточно представляютъ раздвоеніе тогдашняго русскаго образованнаго человѣка, стремившагося прикрѣпить новые идеалы европейской жизни къ русской почвѣ. Умъ и сердце его не могли отказаться отъ первыхъ, силы его не могли перемѣнить послѣдней; оставалось воображенію дѣлать усиліе соединять несоединимое. Вотъ какъ Муравьевъ рисуетъ русскаго господина, графа Благотворова:

«Добродушіе господина перешло, кажется, во всѣхъ его домашнихъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не имѣетъ слугъ, ежели симъ именемъ означаются несчастные и равные намъ люди, которые принуждаются бѣдностію состоянія своего исполнять безъ награжденія всѣ наши своенравія. Онъ, кажется, окруженъ толпою внимательныхъ пріятелей, которыхъ покровительствуетъ. Не помнятъ въ домѣ, чтобъ онъ огорчилъ кого грубымъ словомъ, не

для того (не потому), чтобъ не случалось никогда оплошности—это невозможно; но онъ почитаетъ должностію своею исправить преступившаго съ тихостію и думаетъ, что обезчеститъ самого себя, ежели въ домашнемъ своемъ унизитъ ругательствомъ достоинство человѣка. Часто отлагаетъ и самыя кроткія увѣщанія свои, затѣмъ что видитъ въ стыдѣ преступника величайшее наказаніе. Тотъ, который былъ удостоенъ его выговора, не промѣнялъ бы ни за что утѣшенія быть имъ наставлену. Столько тихость господина дѣлаетъ сердца служителей кроткими и чувствительными. Всѣ его домашніе наполнены истинной учтивости и доброжелательства. Никакой бѣдный человѣкъ не былъ ими отверженъ съ презрѣніемъ. Видя ихъ поступки, иной бы принялъ ихъ за благородныхъ, оттого что графъ признаетъ одно благородство сердечное. Говоря съ слугами своими, онъ никогда не забываетъ, что говоритъ съ людьми. Всѣ его приказанія умягчены какою-нибудь ласкою: «потрудись, другъ мой; не тяжело ли тебѣ будетъ»? или что-нибудь подобное. При исполненіи какого-нибудь порученія никогда не премнетъ хвалить за скорость и исправность. «Они люди и несчастны (вотъ слова его), слѣдовательно имѣютъ право на сожалѣніе наше. Но они еще намъ служатъ, слѣдовательно мы обязаны имъ благодарностію. Такъ, какъ и они, я могъ бы родиться слугою, и нечувствительный господинъ изпурялъ бы меня трудомъ и унижалъ презрѣніемъ. Я очень счастливъ, что могу облегчать судьбу мнѣ подобныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, никто не разумѣетъ лучше его искусства дѣлать людей счастливыми. Все, что его окружаетъ, испытываетъ вліяніе добродушія его и привѣтливости и заимствуетъ у него навыкъ пріятности и снисхожденія: жена, дѣти, родственники, друзья, знакомые, подчиненные, самые служители, которыхъ онъ называетъ своими несчастными друзьями. По одному разговору узнаешь, что они пользовались обхожденіемъ графа Благотворова. Въ его домѣ нѣтъ ни злословія, ни переговоровъ, ни подлыхъ происковъ. Какимъ бы образомъ злобный наушникъ осмѣлился приблизиться къ графу? Онъ ненавидитъ одни пороки и любитъ исправлять порочныхъ терпѣніемъ и благоразуміемъ. Его камердинеръ самый счастливѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Онъ видитъ каждый день добродѣтельнѣйшаго человѣка и каждый день становится добрѣе и просвѣщеннѣе. Онъ читаетъ въ библіотекѣ графской, и я знаю, что онъ употребляетъ половину жалованья своего на содержаніе бѣдныхъ [1])...

Наши прекрасные Малиники не принадлежатъ болѣе графу. Онъ самъ произнесъ рѣшеніе, которымъ отданы они во владѣніе оставшемуся въ неизвѣстности и убожествѣ Былинскому. Пренебреженъ гордымъ своимъ родственникомъ и отягощенъ многочисленнымъ семействомъ, бѣдный дворянинъ сей снискивалъ пропитаніе въ потѣ лица своего. Нечаянно услышалъ графъ имя его. Сего довольно было, чтобъ отыскать его, развѣдать происхожденіе, разсмотрѣть право его къ наслѣдству. Всѣ наши законовѣдники утверждали, что, имѣя деревню по завѣщанію, графъ не обязанъ отдать ее въ поколѣніе. Но Благотворовъ сказалъ имъ, что никакой положительный законъ не можетъ освободить его отъ приказаній совѣсти его; что не довольно быть праву въ глазахъ общества и закрывать себя подъ вѣшностію судебнаго порядка, надобно еще быть справедливу въ собственныхъ глазахъ своихъ: «и меня, продолжаетъ онъ, ничто не можетъ спасти отъ строгости судіи, котораго я имѣю въ самомъ себѣ. Не узнаютъ другіе, но я знать буду. Я по-

[1]) Обитатель предмѣстья, соч. Муравьева, т. I.

теряю почтеніе къ самому себѣ, я буду несчастливъ. И есть существо всевѣдующее, всеблагое, которое испытуетъ современныя наши мысли, и которому ничто столько не угодно, какъ сердце правое и непорочное»... Не восхищаться ли симъ достойнымъ почтенія характеромъ, который соединяетъ въ толь высокой степени благотворительность и правосудіе, сіи два источника человѣческихъ добродѣтелей? Позабыть самого себя, пожертвовать своими собственными выгодами для исполненія справедливости, для удовольствія нравственнаго чувства, чрезъ которое различаемъ добро и зло въ нашихъ дѣйствіяхъ естественно, безъ размышленія: есть ли что-нибудь сего величественнѣе?... Но Благотворовъ неспособенъ помѣстить въ сердцѣ своемъ подлаго корыстолюбія. Въ препровожденіи уѣзднаго судьи Правдина привозитъ онъ Былинскаго въ Малинники, поручаетъ ихъ во владѣніе ему и, обращаясь къ міру крестьянъ, погруженныхъ въ глубокую печаль: «друзья мои, говоритъ имъ, слезы ваши трогаютъ и награждаютъ меня вмѣстѣ. Но я не былъ бы достоинъ любви вашей, если бы минуту хотѣлъ воспользоваться несправедливостью. Я поручаю васъ господину не менѣе доброму; я за него ручаюсь. Онъ воспитанъ въ несчастіи: онъ знаетъ, чѣмъ обязаны счастливые къ безсильнымъ и бѣднымъ, что долгъ помѣщика состоитъ въ томъ, чтобъ быть благодѣтелемъ земледѣльцевъ. Исполняйте вы свой долгъ — повиновенія и трудолюбія». При семъ вручаетъ Былинскому 30.000 руб. доходовъ, которые собралъ онъ съ Малинниковъ во время своего владѣнія и какъ будто бы добродѣтели были заразительны; въ то же мгновеніе Былинскій проситъ Правдина внести ихъ отъ имени графскаго въ приказъ общественнаго призрѣнія [1])...

Не хотимъ обижать людей вопросомъ, возможны ли такіе святые люди и помѣщики; мы знаемъ, что бывали и бываютъ люди, способные на разные нравственные подвиги, можемъ указать даже на самого автора,—но остановимся на вопросѣ, примиряетъ ли идея его разсказа съ дѣйствительностью, противъ которой онъ невольно протестуетъ. Онъ признаетъ положеніе крѣпостныхъ людей несчастнымъ, но находитъ возможнымъ смягчить горечь этого чувства сознаніемъ, что долгъ помѣщика состоитъ въ томъ, чтобъ быть благодѣтелемъ земледѣльцевъ, сознаніемъ, до котораго можно дойти черезъ высокое нравственное образованіе. Это же образованіе можетъ поставить помѣщика въ необходимость уступить чувству справедливости — передать облагодѣтельствованныхъ имъ крестьянъ въ руки другого, положимъ даже, такого же идеальнаго помѣщика; но развѣ самымъ этимъ актомъ не возбудится въ сердцахъ крестьянъ горечь ихъ положенія отъ неизбѣжнаго сознанія, что они составляютъ полную собственность другихъ, которые могутъ передавать ихъ изъ рукъ въ руки, какъ и когда угодно; а при такомъ сознаніи развѣ возможно нравственное облагороженіе человѣка, а слѣдо-

[1]) Эмиліевы письма, соч. Муравьева, т. I, 78.

вательно и всей массы подвластныхъ людей. Да и самъ нравственно развитой помѣщикъ могъ ли примириться съ мыслью, что благосостояніе каждаго изъ крестьянъ, какъ бы тотъ ни былъ послушенъ и трудолюбивъ, зависитъ отъ случайностей, отъ произвола не только помѣщика, но его управляющаго. Развѣ его не должна была тревожить мысль, что обстоятельства жизни на каждомъ шагу должны были ставить его идеалъ въ противорѣчіе съ существующими порядками; онъ или его наслѣдники могли быть поставлены въ необходимость продать имѣніе, населенное крестьянами, а при продажѣ развѣ можно разбирать нравственныя свойства покупателя; и вотъ люди, на время забывшіе свое несчастное положеніе, должны были перейти въ руки какого-нибудь людоѣда, который совершенно законнымъ образомъ могъ заставить ихъ очень рѣзко почувствовать это положеніе. Но тогдашніе идеалисты закрывали глаза передъ всѣми подробностями жизни: имъ казалось, что только нѣсколькимъ людямъ стоитъ поработать надъ усовершенствованіемъ своей нравственности, и вся масса народа будетъ счастлива, въ какія бы неестественныя отношенія они ни были поставлены дѣйствительностью. Въ другой главѣ мы увидимъ, какъ нѣкоторыми изъ молодаго поколѣнія практиковался этотъ идеализмъ въ стремленіи примирить его съ крѣпостнымъ правомъ.

Чтобъ дойти до нравственной высоты, какъ она представлялась въ идеалѣ, нужно быть хорошо воспитаннымъ человѣкомъ. Муравьевъ рисуетъ намъ идеальное воспитаніе въ лицѣ двухъ лицъ—Полосовскаго и Славина [1]).

«Превосходное сердце, разумъ, украшенный познаніями, достоинства, заемлющія еще болѣе блеска отъ любви достойнаго и непринужденнаго обращенія въ обществѣ; путешествіе въ чужіе края одно могло прибавить совершенства воспитанію его (Полосовскаго). Онъ въ полку у Славина: и съ первой минуты почувствовали они другъ къ другу сіе взаимное почтеніе, которое соединяетъ облагороженныя души. Славинъ можетъ служить образцомъ въ обхожденіи. Всѣ его поступки ознаменованы благоразуміемъ. Никогда нескромность, оскорбительное слово или взоръ не сдѣлали обращенія его непріятнымъ. Но, отдавая принадлежащее уваженіе каждому, онъ не теряетъ подлыми угожденіями того почтенія, которымъ ему другіе обязаны. Правость разума его и сердца столь общепризнаны, что всѣ охотно подвергаются суду его. Всѣ бы желали имѣть его другомъ; но онъ разборчивъ въ дружбѣ и, кого Славинъ почитаетъ, тотъ не можетъ быть посредственнаго достоинства. Одно изъ самыхъ удивительныхъ его качествъ—хладнокровіе. Среди сраженія, сказываютъ, такъ, какъ въ обществѣ, онъ всегда равенъ, всегда властелинъ разума и чувствъ своихъ, всегда готовъ встрѣтить опасность и преодолѣть

[1]) Эмиліевы письма.

ее. Такія дарованія природныя украсилъ онъ воспитаніемъ и ученіемъ. Онъ знакомъ со всѣми писателями древности. Я видѣлъ въ палаткѣ его Плутарха, Полибія, Ксенофонта. Какъ ему пріятно будетъ найти въ Полосовскомъ товарища и службы и сихъ удовольствій, происходящихъ отъ ученія и прекрасныхъ письменъ (изящной литературы). Мнѣ особливо нравится въ Полосовскомъ прилежность его къ ученію и желаніе знаній. Какимъ образомъ проводитъ онъ праздное время въ лагерѣ? Вчера еще засталъ я его въ ставкѣ переписывающаго уроки «Нравственной философіи» славнаго Фергюссона, его учителя. При этомъ случаѣ разсказывалъ онъ мнѣ, какимъ образомъ привлеченный славою сего ученаго, ѣздилъ онъ нарочно въ Эдинбургъ, чтобъ воспользоваться разговоромъ и наставленіемъ свѣдущаго и доброжелательнаго человѣка. Съ какимъ почтеніемъ, съ какою благодарностью говоритъ онъ о своемъ учителѣ».

Въ поясненіе замѣтимъ, что Муравьевъ представляетъ свои идеалы въ военномъ мундирѣ, потому что въ то время военная служба наиболѣе привлекала къ себѣ изъ молодыхъ людей, которыхъ можно было назвать воспитанными. Но не чуждъ былъ Муравьеву и идеалъ гражданина, не въ смыслѣ горожанина, какъ это слово употреблялось прежде, а въ смыслѣ члена политическаго общества. Надо замѣтить, что это слово вмѣстѣ съ словомъ „отечество“ было въ числѣ опальныхъ словъ при императорѣ Павлѣ и сдѣлалось любимымъ словомъ у молодыхъ писателей и вообще у образованной молодежи въ началѣ царствованія Александра Павловича; съ нимъ соединялось понятіе о человѣкѣ съ политическимъ развитіемъ, которое непремѣнно входило въ новый идеалъ.

«Люди умѣли привести въ совершенство искусство ужасное и необходимое—защищать безопасность и славу отечества—говоритъ Муравьевъ. Ахъ, если бы они были столько же удачны въ умноженіи счастія, просвѣщенія и добродѣтели. Воинъ можетъ быть достоинъ почтенія и заслужить безсмертную память днями убійства и раззоренія. Гражданинъ, который служитъ отечеству, не раззоряя, трудами рукъ своихъ, искусствомъ, совѣтомъ, разумомъ, можетъ быть каждый день полезенъ, и честь его не смѣшана ни съ какими сожалѣніями. Мы забавляемся движеніями полковъ. Зачѣмъ проходимъ безъ примѣчанія мимо трудовъ земледѣльца, проливающаго потъ надъ собственною полосою? Зачѣмъ не обращаемъ вниманія на сихъ простыхъ людей, которыхъ руки обрабатываютъ произведенія земли и пріуготовляютъ ихъ торговлѣ и художествамъ? Гражданинъ, достойный сего имени, который намѣренъ служить своему отечеству, долженъ вникнуть во всѣ части общежитія и узнать нужды и пользы общества... Графъ Благотворовъ, будучи предводителемъ дворянства, созывалъ его въ собраніе, чтобы предложить нѣкоторыя новыя учрежденія и совѣтоваться о нуждахъ общественныхъ. Здѣсь прямо чувствуется достоинство гражданина. Нѣтъ упражненія важнѣе и приличнѣе человѣку, какъ служить своему обществу, защищать безсильнаго и участвовать въ благополучіи цѣлой страны» [1])... «Часто случалось мнѣ разсуждать въ

[1]) Эмиліевы письма.

самомъ себѣ, можетъ ли гражданинъ уклониться отъ безпокойствія общественныхъ дѣлъ и, воспретивъ себѣ всякое честолюбіе, согласиться провести дни свои въ глубокой неизвѣстности и ненарушимомъ покоѣ—состояніе, столько возвышаемое послѣдователями нѣкоторой древней философіи и которое иногда находитъ защищеніе свое въ глубинѣ человѣческаго сердца. Мнѣ казалось всякій разъ, что сіе робкое удаленіе отъ трудовъ, опасностей и раздѣленія общаго бремени столько же противно самому началу общества, сколько уничижительно для человѣческой природы. Ибо, если одинъ членъ общества почитаетъ позволеннымъ себѣ отнятіе содѣйствія своего, то и всѣ члены, будучи столько же въ томъ оправданы, могутъ пресѣчь общіе труды свои—и узы общества разрушаются. Если же сей одинъ гражданинъ присвояетъ себѣ исключительное право покоиться, между тѣмъ какъ другіе въ потѣ лица своего жертвуютъ жизнію и здравіемъ для доставленія ему благоденствія, то онъ присоединяетъ къ несправедливости мрачнѣйшую неблагодарность. Онъ дѣлается тягостію общества, посреди котораго родился. Съ другой стороны, спрашиваю: когда человѣкъ достигаетъ большаго совершенства? Когда окруженный трудными обстоятельствами, онъ умѣетъ исполнить высокія должности, принесть великія жертвы и отрицаніемъ самого себя превзойти всѣ подвиги мужества... Природа не безъ пользы положила въ человѣкѣ желаніе славы. Сею пружиною возбуждаются невѣдомыя способности, спящія въ глубинѣ сердца. То, которое умерло для славы, умерло для добродѣтели... Ежели не можно приблизиться смертнымъ къ самой безкорыстной добродѣтели, пускай благородныя души научатся справедливымъ образомъ удивляться подвигамъ, честь или пользу человѣчеству доставляющимъ; пускай посвятятъ они жизнь свою похвальнымъ трудамъ; пускай отъ самой младости боятся очарованій лѣности и пагубной роскоши» [1])...

Кромѣ всѣхъ этихъ мыслей, также либеральныхъ, въ сочиненіяхъ бывшаго наставника Александра Павловича мы можемъ оцѣнить и широту его образованія, которое служитъ и характеристикою той эпохи. Это образованіе выносилось не изъ школы черезъ изученіе наукъ, а пріобрѣталось самостоятельно въ юномъ и зрѣломъ возрастѣ черезъ прилежное чтеніе и путешествія, чему, конечно, помогало знакомство съ иностранными языками и способность русскаго человѣка легко овладѣвать ими. Въ то время, какъ высшее общество увлекалось французскимъ языкомъ, литературою, театромъ и обычаями французской жизни, болѣе даровитые русскіе люди не оставляли безъ вниманія и другія европейскія литературы и искусства, знакомясь съ произведеніями древне-греческими и римскими, равно какъ съ итальянскими, нѣмецкими, англійскими и не только съ одной поэзіей, но и съ философіей, и съ исторіей. Это литературное самообразованіе много способствовало нравственному и эстетическому развитію и давало матеріалъ для созданія высокихъ нравственныхъ идеаловъ; они и наполняли душу въ замѣнъ дѣйствительныхъ пріятныхъ

[1]) Тетрадь для сочиненій, соч. Муравьева.

впечатлѣній, которыхъ мало давала развитому человѣку настоящая жизнь съ своими крѣпостными отношеніями и нравственной распущенностью. Это образованіе развивало тотъ широкій космополитизмъ, который сдерживалъ крайнее увлеченіе чужою національностью, уродливо проявлявшееся въ русской общественной жизни. Онъ наконецъ долженъ былъ повести къ разумному сознанію и исканію своей національности, отъ которой отреклось было общество, желавшее слыть за образованное. Мы знаемъ, что этотъ космополитизмъ перешелъ и къ воспитаннику Муравьева, его родственнику, молодому поэту Батюшкову, который въ своей жизни выказалъ стремленія своего воспитателя, а въ своихъ произведеніяхъ духъ, воспитанный поэзіей греческой и итальянской.

Нѣтъ сомнѣнія, что молодое поколѣніе, сходившее со школьной скамейки, воспитывало себя идеями, высказанными Муравьевымъ, и въ его идеалы входила та же мораль, какую развивалъ и Муравьевъ. Батюшковъ впослѣдствіи благоговѣлъ къ его памяти, и это показываетъ духовную родственную связь между ними.

IV.

Опредѣляя идеи, которыми воспитывалось молодое поколѣніе въ началѣ царствованія Александра Павловича, мы разумѣемъ то меньшинство, изъ котораго потомъ вышли передовые люди и лучшіе дѣятели въ русской жизни, и которымъ потомъ пришлось провести свою собственную жизнь не безъ борьбы и страданій за свои идеалы. Понятно, что воспитаніе, которое получало это поколѣніе дома и въ школѣ, не могло всѣхъ вывести на тотъ путь, на какой попали болѣе даровитые, сильные или счастливые юноши.

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, въ своей автобіографической запискѣ, написанной въ годъ его смерти (1805), сравнивая русское воспитаніе при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, когда онъ самъ воспитывался, съ послѣднимъ временемъ, замѣчаетъ слѣдующее:

«Въ нашемъ отеческомъ домѣ мой отецъ, несмотря на свою молодость, на разсѣянную жизнь при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, позаботился дать намъ воспитаніе хорошее, какое только возможно было въ это время. Мой дядя выслалъ изъ Берлина для насъ гувернантку, которая тамъ пользовалась хорошею репутаціею. Она дѣйствительно много занималась съ нами. За нею слѣдовала мадамъ Бержеръ. Мы незамѣтно выучились пофранцузски, и когда мнѣ было пять-шесть лѣтъ, я уже чувствовалъ наклонность къ чтенію. Нужно сказать, что данное намъ воспитаніе, хотя и не было такое блестящее и не

требовало такихъ страшныхъ расходовъ какъ теперь, но въ немъ между тѣмъ было много хорошаго: тогда не относились съ пренебреженіемъ къ русскому языку, который уже не входитъ въ планъ нынѣшняго воспитанія. Можно сказать, что Россія единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ своего роднаго языка, и все то, что относится къ родной странѣ, чуждо настоящему поколѣнію. Лицо съ претензіей на просвѣщеніе въ Петербургѣ и въ Москвѣ заботится научить своихъ дѣтей пофранцузски, окружаетъ ихъ иностранцами, нанимаетъ для нихъ за дорогую цѣну учителей танцевъ и музыки и не научаетъ ихъ отечественному языку, такъ что это прекрасное и очень дорогое воспитаніе ведетъ къ совершенному невѣжеству относительно своей страны, къ равнодушію, можетъ быть, даже къ презрѣнію къ той странѣ, съ которой связано собственное существованіе, и къ привязанности ко всему тому, что касается чужихъ правовъ и странъ, въ особенности же Франціи» [1]).

Къ этому графъ Воронцовъ прибавляетъ: „нужно признаться, что дворянство во внутреннихъ губерніяхъ не раздѣляетъ этого непростительнаго пристрастія“. Здѣсь онъ былъ правъ только отчасти, но вообще характеристика воспитанія въ высшемъ классѣ сдѣлана имъ довольно вѣрно. Здѣсь пренебреженіе ко всему русскому вытекало изъ ложнаго взгляда на просвѣщеніе. Въ XVIII стол. все, что̀ называлось просвѣщеннымъ, европейскимъ, у насъ являлось въ чужихъ формахъ и противополагалось русскому, которое слѣдовательно должно было получать значеніе невѣжественнаго. Понятно, что лица, которыя хотѣли слыть за просвѣщенныхъ, не могли не чуждаться русскаго, какъ невѣжественнаго, и отсюда уже недалекъ былъ переходъ къ идеализаціи всего европейскаго, какъ бы ничтожно, уродливо и безнравственно оно ни было. Съ другой стороны очень естественно являлось стремленіе родителей воспитать своихъ дѣтей въ европейскомъ духѣ. Не находя никого изъ русскихъ людей, способныхъ для этого, они обращались къ иностранцамъ, въ особенности же французамъ и француженкамъ, которые и удовлетворяли ихъ, сообщая дѣтямъ то, что̀ искалось, т.-е. дѣти понимали языкъ, на которомъ говорили просвѣщенные люди, принимали наружность просвѣщенныхъ людей,—этого на первый разъ для большинства и было довольно. Такъ воспиталось уже два поколѣнія, и второе изъ нихъ въ этомъ случаѣ было несчастнѣе перваго. Отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ оно было подъ вліяніемъ иностранныхъ воспитателей, которые не могли пріязненно относиться ко всему русскому; отношеніе ихъ было по большей части презрительное и насмѣшливое, къ этому же вся обстановка жизни была новомодная, по чужому образцу; и она не могла развить національнаго чувства. Впослѣдствіи поэтъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату признавался, что

[1]) Архивъ князя Воронцова, книга 5, стр, 12.

онъ долженъ былъ изученіемъ русскихъ сказокъ „вознаграждать недостатки проклятаго своего воспитанія“. У кого же могла явиться забота изучать все то, что̀ называлось русскимъ, если и безъ того можно было пользоваться правами дворянства, службы и наконецъ пріятною жизнію. Если отцы не чувствовали недостатка отъ малаго знакомства съ Россіей, гдѣ требовалось все устраивать по европейскимъ образцамъ, то и дѣтей нечего было утруждать такими занятіями, для которыхъ не легко было найти даже порядочныхъ учителей. До понятія же о нравственномъ значеніи національнаго чувства пока никто еще не доходилъ. Понятно, что нравственное вліяніе этихъ иностранныхъ воспитателей въ большинствѣ случаевъ должно быть было растлѣвающимъ; если даже и не брать въ разсужденіе личной ихъ нравственности, но и это не стояло на высокомъ уровнѣ. Понятно, какая распущенность должна была явиться въ этомъ классѣ, если прибавить, что и о религіозномъ образованіи прилагалось мало заботъ. Лучшими изъ юношей выходили еще тѣ, которыхъ родители посылали доучиваться въ заграничныхъ университетахъ: они по крайней мѣрѣ пріобрѣтали нѣкоторыя научныя познанія и болѣе здравыя идеи о политической жизни.

Французская революція помогла намъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что между воспитателями или гувернерами въ нашихъ семействахъ стали являться эмигранты, дѣйствительно образованные и нравственные люди, которые своимъ личнымъ вліяніемъ могли нравственно воспитывать молодыхъ людей. Мы знаемъ нѣсколькихъ русскихъ историческихъ людей, которые были благодарны ихъ хорошему вліянію на свои молодые годы. Такъ, мы читаемъ въ біографіи графа Блудова (род. 1785 года [1]):

«Основательному изученію французскаго языка Блудовъ обязанъ своему гувернеру Реми, человѣку ученому, который внушилъ ему страсть къ занятіямъ болѣе серьезнымъ и любовь къ греческому и латинскому языкамъ, которые онъ не забылъ до старости; но самое сильное на него вліяніе въ дѣтствѣ имѣлъ другой эмигрантъ, графъ де-Фантень; это былъ человѣкъ блистательнаго ума, глубокаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ изящными манерами высшаго свѣтскаго французскаго круга; онъ сильно пострадалъ во время революціи, лишился не только состоянія, но многихъ близкихъ родныхъ и друзей, что конечно возбуждало еще болѣе участія молодого человѣка, который еще болѣе привязался къ нему... Блудовъ оставлялъ для него игры и танцы молодежи и, забившись куда-нибудь въ уголъ, проводилъ цѣлые вечера съ пожилымъ собесѣдникомъ, который разсказывалъ ему то о блистательномъ циклѣ французскихъ энциклопедистовъ, восторжествовавшихъ надъ предразсудками вѣка и касты, то о французской литературѣ, вообще имѣв-

[1]) Графъ Блудовъ и его время. Ев. Ковалевскаго.

шей въ то время сильное вліяніе въ Европѣ, то, наконецъ, объ ужасахъ революціи».

Укажемъ еще на воспоминанія Вигеля [1]), гдѣ рисуется другой эмигрантъ, въ семействѣ князя Голицына, жившемъ въ кіевскомъ помѣстьѣ:

«Благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіозными чувствами и строгою нравственностью, Керлеро не пріѣхалъ, а пришелъ въ Россію съ корпусомъ принца Конде. Какъ искуснаго инженернаго офицера его бы охотно приняли во всякую иностранную службу, но онъ предпочелъ надѣть ладунку, взять ружье и стать въ ряды простыхъ воиновъ, защитниковъ королевскихъ правъ, кои почитали они священными. Когда корпусъ, къ коему принадлежалъ онъ, былъ принятъ въ русскую службу, то, скоро наскучивъ гарнизонною жизнію, онъ опредѣлился учителемъ въ домъ Голицыныхъ..... Онъ съ добродушною настойчивостью побѣдилъ во мнѣ отвращеніе къ математическимъ наукамъ, и въ одно лѣто прошли мы съ нимъ геометрію и алгебру; ему обязанъ я, что не остался совсѣмъ безчестнымъ. Съ величайшимъ терпѣніемъ училъ онъ маленькихъ князьковъ...

Воспользуемся тѣми же воспоминаніями, чтобы представить другой типъ русскаго гувернера-француза въ лицѣ Шевалье-де-Роленъ де-Бельвиль, который воспитывалъ сыновей того же Голицына:

«Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, онъ старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться—старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною (мальчикомъ) съ самой первой минуты меня плѣнило... Во время нашихъ прогулокъ онъ часто забавлялъ меня остроумной болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ какъ всѣ французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ, и съ состраданіемъ болѣе, чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало по малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ избранный народъ, надъ всѣми другими поставленный... При словѣ религія онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однако же ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно по его мнѣнію, пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ именами (не съ сочиненіями) Расина, Мольера, Буало, о которыхъ я, къ стыду моему, доселѣ не слыхивалъ, и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть. Посреди сихъ разговоровъ вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и разсказывать самые непристойные и даже отвратительные анекдоты: я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда. А онъ наслаждался моимъ смятеніемъ: еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезла моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между французами таковые были поборники вѣры и законнаго правительства, то что же такое были ихъ противники».

---

[1]) Часть I, стр. 138.

Къ услугамъ провинціальному русскому дворянству подобные иностранные воспитатели устраивали въ Москвѣ и въ Петербургѣ училища или пансіоны, гдѣ предлагались французскій языкъ, танцы, манеры хорошаго обращенія, французская литература, миѳологія и всѣ науки, съ которыми они и сами не были знакомы. Такіе пансіоны предпочитались лучшимъ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, какъ напр., московскому университетскому пансіону, гдѣ было недостаточно практики во французскомъ языкѣ, который, какъ говоритъ Вигель, былъ вывѣскою совершенства воспитанія. Лучшею рекомендаціею пансіона было свидѣтельство, что оттуда молодые люди выходятъ настоящими французами. По такой же рекомендаціи поступилъ и Вигель въ московскій пансіонъ мадамъ Форсевиль въ сосѣдствѣ съ упраздненнымъ Новинскимъ монастыремъ. Для характеристики его могутъ служить слѣдующія слова Вигеля:

«Видно на роду у меня было написано не получить основательнаго образованія. Въ пансіонѣ воспитывались дѣти обоего пола подъ непосредственнымъ наблюденіемъ его содержательницы. Она деспотически управляла ввѣренными ей ребятишками, въ особенности дѣвочками; отъ взгляда ея, отъ одного движенія губъ, онѣ приходили въ ужасъ. Но особеннымъ благоволеніемъ мадамы пользовался шестнадцатилѣтній дюжій юноша, который ничему не учился, ничего не дѣлалъ или, лучше сказать, дѣлалъ все, что ему было угодно. Товарищи мои рѣчами и манерами напоминали деревню; каждый изъ нихъ былъ оттуда прямо привезенъ въ училище, въ Москвѣ никого почти не зналъ и могъ только въ незанимательныхъ разговорахъ своихъ познакомить меня съ образомъ жизни нашихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Ихъ было человѣкъ тридцать... Чему же мы тамъ учились? Богъ знаетъ, помнится всему, только элементарно. Эти иностранные пансіоны, коихъ въ Москвѣ считалось до двадцати, были хуже, чѣмъ народныя школы, отъ которыхъ отличались только тѣмъ, что въ нихъ преподавались иностранные языки. Учителя ходили изъ сихъ школъ давать намъ уроки, которые всегда спѣшили они кончить, разсѣянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчасъ послѣ классовъ: мы были настоящее училище попугаевъ».

Для болѣе рѣзкой характеристики наблюдательный Вигель представляетъ и общую судьбу тѣхъ дворянъ, которые воспитывались въ подобныхъ пансіонахъ:

«Въ пятнадцать или въ шестнадцать лѣтъ ихъ опредѣляли въ армейскіе полки унтеръ-офицерами, потомъ черезъ годъ или два производили въ прапорщики: одни воспользовались симъ первымъ чиномъ, чтобы выйти въ отставку, другіе, болѣе алчные къ почестямъ, дослужились до поручиковъ или штабсъ-капитановъ, но, наскучивъ службою, также ее оставили. Всѣ они зарылись въ деревню, начали гоняться за зайцами, бить мужиковъ, обольщать дѣвокъ, потомъ завелись женой и дѣтьми; одни спились, промотались и потомство свое привели въ состояніе однодворцевъ, другіе, болѣе степенные, пошли служить по выборамъ и попали уже вѣрно не болѣе какъ въ засѣда-

тели или исправники; безъ угрызенія совѣсти, слѣдуя общему примѣру, стали неправо наживаться, чтобы каждаго сына, сколь бы ихъ много ни было, поставить на ту точку, съ которой сами пошли [1]).

Съ усилившейся французской эмиграціей тѣ французы, которые были поплоше и ничѣмъ не могли прельстить въ болѣе требовательныхъ столицахъ или въ барскихъ семействахъ, стали разъѣзжаться по всѣмъ сторонамъ Россіи, преимущественно принимая на себя обязанности учителя, хотя не всѣ ясно и понимали эти обязанности. Скоро даже небогатый помѣщикъ въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ получилъ возможность нанимать учителя-француза. Но едва-ли отъ этого выиграло воспитаніе.

Вотъ какъ описываетъ въ своихъ запискахъ Левшинъ деревенское воспитаніе [2]):

«Не зная еще отечественнаго языка, меня по модѣ XVIII вѣка съ самыхъ малыхъ лѣтъ стали учить иностранному—пофранцузски и понѣмецки. Французскій языкъ знали родители мои и бабушка; говорить всѣ учили меня, и какъ я, такъ и всѣ братья и сестры, какъ попугаи, выучились поговаривать изрядно; но для сихъ предметовъ браты были безпрестанно учителя и учительницы, конхъ до шестнадцатилѣтняго моего возраста перемѣнено несчетное число. Ригперъ былъ солдатомъ у генерала Костюшки, смирный, добрый малый, науки зналъ плохо. Ранси—итальянецъ, невѣжа и неопрятный, вѣроятно прибылъ въ Россію съ канарейками, суркомъ или собаками. Пине, французъ, говорилъ изрядно, о грамматикѣ и прочихъ наукахъ не вѣдалъ. Онъ же училъ насъ и рисовать перомъ. Не зная нисколько правилъ искусства, заставлялъ онъ насъ чертить по бумагѣ, клѣтки городить. Г-жа Пине (дочь генерала Адамовича), была безграмотная, говорила парѣчіемъ бѣлорусскимъ, а въ довершеніи такъ зла, что мы ея боялись какъ огня. Только бывало и слышишь, что бьетъ единственную свою крѣпостную дѣвку. Ученье было плохое, и примѣровъ добронравія отъ учителевой семьи занять было невозможно. Когда требовалось имѣть учителя, то, отправляя стараго, поручалось нанять и привезть на той же повозкѣ новаго. Обыкновенно сіе дѣлалось на удачу—какой попадется. Нерѣдко бывало и такъ, что бывшій собственный писарь или стряпчій пойдетъ на Кузнецкій мостъ или въ католическую церковь въ воскресный день и у крыльца спрашиваетъ учителей, беретъ ихъ адресы, сторгуется въ цѣнѣ и непремѣнно привезетъ учителя или мадамъ, а иногда учителя съ мадамой... Вмѣсто систематическаго толковаго ученья, я большею частью развлекаемъ былъ домашними новостями, а больше всего по охотѣ псовой»...

Надо замѣтить, что страсть къ охотѣ особенно сильно развивалась русскимъ деревенскимъ воспитаніемъ,—страсть, которая у нѣкоторыхъ юношей доходила до болѣзненнаго разстройства нервъ, что̀ такъ живо представляется намъ въ С. Т. Аксаковѣ,

[1]) Воспоминаніе Вигеля, т. I, стр. 113—117.

[2]) Домашній памятникъ Левшина, Рус. Стар. 1873 г., т. I.

авторѣ „Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука“. Изъ среды воспитанныхъ такимъ образомъ являлись у насъ даже талантливые пѣвцы охоты, которые поэтизировали ее, внося въ русскую литературу прекрасныя произведенія. Можетъ быть деревенская охота въ то время даже подготовляла къ такого рода службѣ, которая предпочиталась всякой другой—службѣ военной. За неимѣніемъ лучшей школы она служила также воспитательнымъ средствомъ. Какъ ни зависѣло отъ разныхъ случайностей деревенское воспитаніе, оно все же стояло въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ барское столичное. Не говоря уже о большей свободѣ, среди которой росли дѣти и не обезличивались до безхарактерности и нравственной дряблости, не говоря и о физическомъ запасѣ силъ, который пріобрѣтался на деревенскомъ просторѣ, оно было болѣе благопріятно и въ нравственномъ отношеніи. Здѣсь матери болѣе лично заботились о воспитаніи, хотя и не всегда ясно понимали разумныя цѣли его. У насъ есть много свидѣтельствъ лицъ, впослѣдствіи сдѣлавшихся извѣстными въ русской жизни, которые признаютъ заслугу за своими матерями, давшими имъ нравственное направленіе. Правда, нѣкоторыя изъ чрезмѣрной любви избаловывали, изнѣживали своихъ сыновей, развивали излишнее самолюбіе, и вообще портили характеры, но вмѣстѣ съ этимъ бросали въ ихъ души такія сѣмена, изъ которыхъ развивались нравственныя силы, а съ ними сыновья ихъ впослѣдствіи могли бороться противъ вліяній распутства окружающей среды. Такъ, мать С. Т. Аксакова, хотя и довела его до крайняго нервнаго разстройства и привила ему нѣкоторые недостатки характера, но все же съумѣла какъ образовать его сердце, устраняя отъ него вредныя, по ея мнѣнію, вліянія, такъ и вызвать въ немъ умственныя силы [1]).

Матери-помѣщицы, не имѣя подъ рукою русскихъ учителей, сами, какъ могли, занимались съ своими дѣтьми и обращали особенное вниманіе на религіозное вліяніе:

«Матушка моя, говоритъ Левшинъ, была истинная христіанка, весьма богомольна: уроки русскіе преподавала всѣмъ дѣтямъ своимъ большею частію по книгамъ священнаго писанія, отчего я свободно научился читать подъ титлами, зналъ довольно изъ евангелія и каноновъ, даже разумѣлъ нѣсколько кругъ церковный, всегда пѣвалъ на клиросѣ съ дьячками»...

Семнадцатилѣтній студентъ Жихаревъ записалъ въ 1805 г. въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

«Отговѣли, какъ слѣдуетъ христіанамъ. Я отдохнулъ и освѣжился. Кажется, смѣшно, чтобъ въ 17 лѣтъ нужно было освѣженіе, однакожъ это

[1]) Записки Багрова-внука, Аксакова.

такъ: въ продолженіе года насмотришься, наслушаешься, наберешься невольно такой дряни, что чувствуешь себя гораздо легче, когда смоешь ее съ себя банею покаянія. Теперь только я начинаю понимать, какъ полезно было для меня это русское деревенское воспитаніе, надъ которымъ такъ издѣвались сосѣди—эти ежедневныя утрени, молебны и всенощныя, въ которыхъ я исправлялъ должность дьячка: читалъ словословіе, кафизмы, пареміи, пѣлъ ирмосы, кондаки, антифоны и проч. Все это пригодилось мнѣ не только въ нравственномъ, но и въ общественномъ отношеніи. Нашлись добрые люди, которые оцѣнили это воспитаніе и обратили его мнѣ въ средство; а прочее, чего по мнѣнію великолѣпныхъ В. и велеумныхъ М. и Б., мнѣ недоставало, пришло само собою, такъ что я успѣлъ не только догнать, но перегнать пресловутыхъ товарищей моего дѣтства, старѣйшихъ меня лѣтами, которыхъ мнѣ всегда въ образецъ ставили» [1])...

Нельзя не указать, что вліяніе природы было важной воспитательной силой въ деревенскомъ воспитаніи. Она участвовала въ развитіи лучшихъ русскихъ людей, которые потомъ въ жизни имѣли случай выказать свои нравственныя силы.

«Село Романовка, говорится въ біографіи графа Блудова —находится въ уединенной мѣстности: обширный садъ, темная роща, спускавшаяся по скату горы до самой рѣчки; домъ и окрестности, полныя историческихъ воспоминаній—все это возбуждало къ мечтательности ребенка. Впослѣдствіи Дмитрій Николаевичъ (Блудовъ) особенно любилъ вспоминать, какъ онъ отправлялся въ эту рощу и заслушивался до поздней ночи соловьевъ и какъ часто поджидалъ онъ, что кто-нибудь откликнется на эти пѣсни кромѣ его собственнаго сердца, бившагося усиленно или ноющаго какъ-то странно и отъ этихъ пѣсенъ, и отъ всего, что чуялось ему въ тиши, и вотъ, бывало, гдѣ-нибудь послышится гулъ или шелестъ, и сердце дитяти замретъ страхомъ, а все не хочется уйти изъ рощи» [2])...

Въ запискахъ В. И. Панаева, въ свое время извѣстнаго поэта и хорошаго человѣка, видное мѣсто въ описаніи его дѣтства занимаетъ воспоминаніе о впечатлѣніяхъ, оставленныхъ природою.

«Маленькій городъ Тетюши расположенъ на прекраснѣйшемъ мѣстѣ—на крутомъ нагорномъ берегу Волги, имѣющемъ тамъ высоты, по крайней мѣрѣ саженъ шестьдесятъ отъ уровня рѣки, тамъ, гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ и гдѣ этотъ высокій берегъ, образуя обширный полукругъ, открываетъ зрителю, на немъ стоящему, живописные виды во всѣ три стороны на необозримое пространство... Въ весеннее половодье виды эти становятся еще великолѣпнѣе... Мы часто всею семьею хаживали любоваться этою дивною картиною природы. Я же, когда мнѣ было отъ 8 до 10 лѣтъ, особенно любилъ, уйдя тайкомъ изъ дома, забраться подалѣе въ сторону, туда, гдѣ Тетюшинская гора принимаетъ суровый и пустынный видъ и гдѣ съ половины ея бьетъ ключъ Гремячъ, источникъ прозрачной холодной воды. Какъ ни дико было это мѣсто, какъ ни страшно мнѣ было оставаться тутъ одному, но я

---

[1]) Дневникъ студента, изъ записокъ современника, стр. 39.

[2]) Графъ Блудовъ, Ковалевскаго, стр. 10.

находилъ своего рода удовольствіе, превозмогая страхъ мой,—сидѣть тамъ, смотрѣть, какъ ключъ Гремячъ вырывается изъ нѣдръ горы, скользитъ широкою струею по желобамъ и теряется въ темной безднѣ, какъ внизъ по Волгѣ несутся суда съ круто-надувшимися парусами, какъ изъ-за лѣсовъ противоположной луговой стороны рѣки выказываются два древніе болгарскіе минарета, какъ плоскій берегъ этой стороны, постепенно удаляясь вправо и влѣво, синѣя и блѣднѣя, исчезаетъ наконецъ отъ взора... Эта дерзость уходить одному на ключъ Гремячъ была не послѣднимъ изъ тогдашнихъ подвиговъ... Я однажды спустился въ страшный оврагъ, глубиною въ саженъ 50, огибавшій домъ нашъ съ одной стороны... мнѣ непремѣнно хотѣлось узнать, что тамъ на днѣ его? Много разъ я подходилъ къ нему, смотрѣлъ въ бездну, но не рѣшался. Наконецъ любопытство превозмогло. Цѣпляясь за находившіеся кусты и высокую толстую траву, я спустился до самаго низу, и очень былъ доволенъ, что сдѣлалъ открытіе—пашелъ тамъ ручеекъ, стекавшій въ Волгу. Но вѣдь я могъ найти тамъ змію или наткнуться на волка... Перелѣзать заборы, карабкаться на деревья было для меня также непочемъ» [1])...

А вотъ какъ проводилъ лѣто тотъ же Панаевъ уже семнадцатилѣтнимъ студентомъ:

«Лѣтомъ—верховая ѣзда, охота съ ружьемъ, прогулка всею семьею въ поле или въ лѣсъ за ягодами, окружавшій деревню со всѣхъ сторонъ и рисовавшійся на горизонтѣ въ различныхъ живописныхъ очертаніяхъ, всего съ полверсты отъ дома. И что это былъ за лѣсъ! Его наполняли ни сосна, ни береза, ни ольха, а огромные дубы, вязъ, кленъ, липа, сплошной орѣшникъ и малинникъ. О, какъ я любилъ забраться въ самую глушь его—побесѣдовать съ самимъ собою, прислушаться къ щебетанью птицъ или къ отдаленной пѣснѣ дровосѣка. Тамъ находилъ я отжившія свой вѣкъ, поврежденныя вѣтромъ, такія деревья, что съ трудомъ могъ перелѣзть черезъ нихъ. Еще съ большимъ удивленіемъ останавливался я надъ пнями, имѣвшими, почти невѣроятно, около сажени въ поперечникѣ. Дубъ, стоявшій когда-то на этомъ подножіи, конечно засталъ еще болгарское въ странахъ сихъ владычество и видѣлъ Батыево нашествіе»...

Еще съ большей восторженностью говоритъ Аксаковъ о своей дѣтской связи съ природою:

«Зима прошла и наступила весна, все зазеленѣло и расцвѣло, открылось множество новыхъ живѣйшихъ наслажденій: свѣтлыя воды рѣки, мельница, прудъ, грачевая роща и островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ старымъ и новымъ Бугурусланомъ, обсаженный тѣнистыми липами и березами, куда бѣгалъ я по нѣскольку разъ въ день, самъ не зная зачѣмъ; я стоялъ тамъ неподвижно какъ очарованный съ сильно бьющимся сердцемъ, съ прерывающимся дыханіемъ... Подъ самымъ окномъ, наклонясь надъ водой, росла развѣсистая береза, одинъ толстый ея сучекъ выгибался у ствола, какъ кресло, и я особенно любилъ сидѣть на немъ съ сестрой... О, гдѣ ты, волшебный міръ, Шехеразада человѣческой жизни, съ которымъ часто такъ неблагосклонно, грубо обходятся взрослые люди, разрушая его очарованіе насмѣшками и прежде-

[1]) Воспоминанія В. И. Панаева,—„Вѣстникъ Европы“ 1867 г., т. III.

временными рѣчами. Ты, золотое время дѣтскаго счастія, память котораго такъ сладко и грустно волнуетъ душу старика! Счастливъ тотъ, кто имѣлъ его, кому есть что вспомнить. У многихъ проходитъ оно незамѣтно или нерадостно, и въ зрѣломъ возрастѣ остается только память холодности и даже жестокости людей» [1])...

V.

Взглянемъ теперь, съ какимъ образованіемъ вступало юношество въ жизнь. Жизнь и служба въ понятіяхъ дворянскихъ семействъ было почти одно и то же. Каждый юноша долженъ былъ начинать жизнь государственною службою, которая только одна давала ему общественное положеніе и обезпечивала его въ случаѣ его несостоятельности. Изъ этихъ понятій развивался взглядъ и на самую науку или ученье. „Мужчинѣ надобно служить, а для службы необходимо учиться“, говорила мать Аксакова своему сыну-ребенку [2]). Это сознаніе было почти у всѣхъ, но чему, какъ и сколько учиться, надъ этимъ очень немногіе могли задумываться. Въ глазахъ огромнаго большинства ученье не стояло выше грамотности. Кто же заботился объ образованіи своихъ дѣтей, тотъ хлопоталъ только о томъ, чтобы научить ихъ говорить пофранцузски и понѣмецки, — иного образованія не понимали. Главная общая забота родителей состояла въ томъ, чтобы опредѣлить мальчика какъ можно моложе на службу. Сколько разговоровъ и хлопотъ бывало въ семействахъ, какъ скоро мальчикъ вступалъ въ четырнадцати или пятнадцатилѣтній возрастъ. Въ эти годы по большей части и поступали на службу. Все, что̀ черезъ ученье пріобрѣталось юношею до этого возраста и составляло его научное образованіе—дальше этого онъ уже не шелъ. Настоящею школою для него считалась служба, а ученье только подготовленіемъ къ этой школѣ. Левшинъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „недоученаго меня по всѣмъ наукамъ, даже и по русской грамотѣ, родители рѣшили скорѣе отдать въ военную службу, примолвивъ, какъ сейчасъ помню: военная служба —душа всему, тамъ всему выучатъ“ [3]). Когда шестнадцатилѣтній юноша Жихаревъ, въ 1805 г, надѣвъ въ первый разъ студенческій мундиръ, явился къ фельдмаршалу графу Каменскому, то былъ привѣтствуемъ такими словами: „въ какой это ты, братецъ,

---

[1]) Воспоминанія Аксакова.

[2]) Воспомин. Аксакова, стр. 176.

[3]) Рус. Стар. 1873.

мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ надлежало послужить солдатомъ—скорѣе бы повытерли [1]). Это говорилъ престарѣлый заслуженный фельдмаршалъ, который самъ когда-то учился въ кадетскомъ корпусѣ. Значитъ, продолжительная его жизнь ни разу не дала ему случая убѣдиться въ выгодахъ научнаго образованія; онъ побѣждалъ турокъ, пользовался огромнымъ богатствомъ, почестями, наградами, независимо отъ науки, и на нее у него выработался солдатскій взглядъ. Но въ то же время его мнѣнія имѣли силу въ московскомъ обществѣ, гдѣ онъ занималъ высокое положеніе. На это мнѣніе конечно поддакивали многіе изъ вельможныхъ лицъ. Ясно, что воспитывающее поколѣніе не могло имѣть ободряющаго вліянія на научное образованіе юношества. Тотъ же самый Жихаревъ, который съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ выслушалъ старческій совѣтъ заслуженнаго солдата, не успѣлъ пробыть и года въ университетѣ, а ужъ сталъ поддаваться такимъ генеральскимъ убѣжденіямъ: для успѣховъ въ службѣ серьезныя занятія, продолженіе ученія — все вздоръ, а нужна скорѣе благосклонность общества и особенно женщинъ [2]). На второй же годъ своей студенческой жизни онъ уже сталъ глядѣть вонъ изъ университета и думать о выгодахъ службы и о чинахъ.

Вотъ что между прочимъ онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ:

«Пишутъ изъ Петербурга, что непремѣнно опредѣленъ буду. Дай Богъ! Сколько молодыхъ людей не старше меня лѣтами, давнымъ давно не только опредѣлены, но по какому-то слѣпому счастію, имѣютъ уже и чины: кто переводчикъ, кто колежскій ассесоръ, а есть нѣкто, Горяиновъ, который еще въ пансіонѣ у Ронка (гдѣ учился и Жихаревъ) былъ надворнымъ совѣтникомъ. Не знаю, какъ это дѣлается, только, признаюсь, хотѣлось бы того же и мнѣ.

Въ тотъ же годъ записаны и слѣдующія слова:

«Я опредѣленъ въ коллегію... Домашніе мои въ восторгѣ, но есть и не домашніе, которые сверхъ чаянія моего столько же радуются. И такъ, студенчество мое благодаря Бога кончилось.

Отсюда ясно, сколько характера нужно было имѣть юношѣ, чтобы не поддаться внушеніямъ взрослыхъ невѣждъ, стать выше представляемыхъ примѣровъ и окончить полный курсъ наукъ. А между тѣмъ юноша Жихаревъ былъ очень даровитый, развитой чтеніемъ и съ удовольствіемъ посѣщалъ лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ, даже восхищался иными изъ нихъ. Но научное его

[1]) Записки современника, ч. I, стр. 4.

[2]) Записки совр., ч. 1, стр. 145.

образованіе не было выше элементарнаго. О немъ можно судить по тому, что уже въ университетѣ ему пришлось учить дроби и переходить къ тройному правилу; на математику при вступительномъ экзаменѣ въ университетъ, по его словамъ, не обратили и вниманія. Впрочемъ и оффиціальныя требованія университета для желающихъ вступить въ него были очень невелики. Въ 1804 г. на основаніи новаго устава московскій университетъ объявлялъ: всѣ тѣ, которые черезъ домашнее ученіе положили основаніе въ исторіи и географіи, въ ариѳметикѣ и геометріи, въ знаніи природнаго языка и одного или двухъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ, имѣютъ право на вступленіе въ университетъ [1]). Даже латинскій языкъ не ставился въ необходимое условіе для поступленія. При этомъ обѣщалось студентамъ по окончаніи трехлѣтняго курса производство въ оберъ-офицерскій чинъ. И при такой скудной вступительной программѣ еще оказывалось снисхожденіе экзаменовавшимся юношамъ. Поэтому можно судить, какъ былъ низокъ уровень научнаго образованія молодыхъ людей, вступавшихъ въ жизнь. Мало привлекало и обѣщаніе оберъ-офицерскаго чина окончившимъ университетскій курсъ: этотъ чинъ пріобрѣтался скорѣе раннимъ поступленіемъ на службу безъ всякихъ экзаменовъ. Вигеля не отдали въ московскій университетскій пансіонъ на томъ основаніи, что ему предназначено быть свѣтскимъ и военнымъ человѣкомъ, а не ученымъ и юристомъ [2]). Ученость же этого пансіона опредѣляется лучшимъ его воспитанникомъ, кончившимъ тамъ курсъ съ золотою медалью, поэтомъ Жуковскимъ. Когда въ 1810 г. уже на двадцать седьмомъ году возраста онъ убѣдился, что ему нужно заняться самообразованіемъ, чтобы литературная его дѣятельность могла назваться службою отечеству, то онъ увидѣлъ, что ему недостаетъ многихъ элементарныхъ познаній. Entre nous soit dit, писалъ онъ А. И Тургеневу, я совершенный невѣжда въ исторіи“, а между тѣмъ исторію онъ считалъ изъ всѣхъ наукъ „самою важнѣйшею, важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, т.-е. практическая, слѣдовательно полезная; для литератора и поэта, по его словамъ, исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятія и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное“. Ему нужно было пріобрѣсти философскій взглядъ на исторію, для чего необходимо было имѣть

---

[1]) Истор. москов. унив., Шевырева, стр. 361.

[2]) Воспом. Вигеля, ч. 1, стр. 112.

въ памяти запасъ фактовъ въ ихъ внѣшней, хронологической связи. Даже этого ему недоставало, а потому онъ чувствовалъ себя не въ силахъ тотчасъ же приступить къ чтенію лучшихъ ученыхъ историковъ. Ему нужно подготовить себя элементарными работами, которыя должны продѣлываться собственно въ школѣ.

«Составляя нѣсколько картъ того времени,—писалъ Жуковскій,—о которомъ читалъ, на картахъ въ хронологическомъ и вмѣстѣ синхронистическомъ порядкѣ изображаю главнѣйшія происшествія; это оставляетъ въ головѣ чрезвычайно ясную идею о перемѣнахъ и ихъ послѣдствіи. Кончивъ этотъ трудъ, пишу изъ головы общее обозрѣніе происшествій прочитаннаго. Такъ составится у меня цѣлый курсъ всеобщей исторіи. Подробностей знать не буду, но теперь они мнѣ еще и не нужны. Я хочу имѣть одинъ планъ, съ которымъ можно было бы не заблудиться посреди безчисленныхъ подробностей. Составивъ этотъ планъ, мнѣ уже будетъ весьма легко послѣ заниматься отдѣльно чтеніемъ классиковъ... Русская исторія однако будетъ другого рода занятіемъ. Тутъ уже нечего думать о классикахъ, а надобно добираться самому до источниковъ. Но и для русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна будетъ какая-нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная русская исторійка».

И такъ, дѣло нужно было начинать съ краткихъ учебниковъ. Съ этимъ вмѣстѣ для насъ получаетъ цѣну и слѣдующее признаніе Жуковскаго:

«Я нахожу удовольствіе даже и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса, воображая, что современемъ буду читать Виргилія и Тацита. Теперь главныя занятія мои составляютъ исторія всеобщая какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ, и языки, пока латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческій. Три года будутъ посвящены труду приготовительному, тяжелому» [1]).

Изъ всего этого мы можемъ видѣть, что научное образованіе было слишкомъ элементарно даже у тѣхъ юношей, которые впослѣдствіи своими талантами пріобрѣли извѣстность на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Но этимъ мы нисколько не хотѣли сказать, что то были люди невѣжественные, неразвитые. Нѣтъ, они подобно Жуковскому много труда употребили на самообразованіе, и трудъ этотъ былъ особенно проченъ и производителенъ, потому что онъ былъ самостоятельный. Мы только хотимъ указать, что въ школьный возрастъ умъ этихъ юношей не проходилъ той научной школы, которая, вырабатывая различныя методы мышленія, требуетъ усиленнаго умственнаго труда (о семинарскомъ образованіи мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ).

---

[1]) Русск. Арх. 1867, № 5, 6.

Но онъ не оставался неразвитымъ и необразованнымъ: онъ съ успѣхомъ проходилъ другую школу, которую можно назвать литературною. У молодыхъ даровитыхъ людей рано пробуждалась охота къ чтенію, для котораго оказывалось достаточно времени, а иногда и достаточно книгъ. Рано они знакомились съ произведеніями лучшихъ европейскихъ писателей, кто въ переводахъ, кто въ подлинникахъ, читали то, что̀ нравилось, безъ принужденія. Отсюда съ одной стороны они легко обогащались разнообразными идеями, съ другой незамѣтно воспитывали свой вкусъ. Хотя такое чтеніе и было пассивнымъ пріобрѣтеніемъ идей, но тѣмъ не менѣе оно служило важнымъ образовательнымъ средствомъ; оно мало воспитывало для самостоятельно-умственнаго труда, зато вызывало стремленіе стать въ уровень съ европейскими понятіями и образованіемъ; оно давало матеріалы для созданія новыхъ идеаловъ жизни. Образованные юноши того времени обращаютъ вниманіе своею начитанностью. Тотъ самый Жихаревъ, который въ университетѣ училъ дроби и тройныя ариѳметическія правила, уже былъ знакомъ съ Вольтеромъ, Дидро, Гельвеціемъ, и прочими энциклопедистами, уже разсуждалъ, что ихъ сочиненія никогда не наполнятъ такъ души и не утѣшатъ сердца, какъ задушевныя стихотворенія Шиллера и многихъ другихъ авторовъ. Онъ, чистосердечно сознававшійся въ семнадцать лѣтъ, что наука ему въ голову не лѣзетъ, читалъ и Шекспира, и Гете, и Данте, и всѣхъ русскихъ писателей. Французская литература семидесятыхъ годовъ ему уже казалась отсталою. Въ перепискѣ молодыхъ людей того времени безпрестанно попадаются имена извѣстныхъ европейскихъ писателей, съ которыми, какъ видно, они были хорошо знакомы.

Такъ юный Грамматинъ, впослѣдствіи извѣстное лицо въ русскомъ ученомъ мірѣ, писалъ къ юношѣ Дашкову, впослѣдствіи министру юстиціи:

«Вотъ уже двѣ недѣли прошли, а я сдѣлалъ только то, что прочиталъ съ лексикономъ семь Вольтеровыхъ рѣчей, двѣ поэмы его, «Естественный законъ» и «На разрушеніе Лиссабона», «Храмъ вкуса и дружбы», «Корнеліева Горація» и «Цинну».

Дашковъ, удивляясь такому быстрому чтенію, прибавляетъ:

«Я взялъ у сестры перечитать одно изъ лучшихъ Вольтеровыхъ историческихъ сочиненій: «Le siécle de Louis XIV»; правда, его два тома, но въ прозѣ; я же читаю безъ лексиконовъ, но не надѣюсь кончить прежде недѣли. Не удивляюсь тому—замѣчаетъ онъ же—что Вольтеръ нравится тебѣ больше Корнелія. Самые недостатки перваго плѣнительны, а многія изъ лучшихъ мѣстъ втораго скучны и холодны для молодаго пылкаго человѣка. Мнѣ досадно

только то, то ты обижаешь Вольтера, говоря, что онъ упалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ругаетъ своихъ противниковъ... Должно сказать, что онъ не начиналъ первый ни съ кѣмъ браниться... Остерегайся, любезный другъ, судить несправедливо такого человѣка, который конечно достоинъ нашего почтенія и благодарности».

Въ другомъ письмѣ Дашковъ высказываетъ свою радость что Грамматинъ, увлекавшійся Шекспиромъ, сталъ наконецъ цѣнить и французскихъ писателей:

«Отъ всего сердца поздравляю тебя съ твоимъ обращеніемъ. Вольтеръ кажется мнѣ теперь вдесятеро больше, когда я вижу на его сторонѣ столь жаркаго заступника англійскаго піиты. Въ самомъ дѣлѣ поздравляю тебя. Главный шагъ уже сдѣланъ: нѣжныя и великолѣпныя красоты французовъ прельстили тебя, и съ сихъ поръ ты не иначе будешь смотрѣть на англичанъ, какъ съ сожалѣніемъ, что они со всѣми ихъ талантами не родились, не образовались среди французовъ XVII и половины XVIII вѣка» [1]).

Съ уваженіемъ относились наши юноши и къ русской литературѣ; но уже съ большимъ разборомъ смотрѣли на прежнихъ русскихъ писателей. Въ этомъ случаѣ на нихъ имѣли вліяніе критики Карамзина. Имя Ломоносова все еще пользовалось почетомъ въ ихъ средѣ; но съ нимъ они уже не смѣшивали имя Сумарокова, подобно прежнему поколѣнію. Новѣйшія произведенія Державина ихъ нисколько не трогали, но его продолжали цѣнить за его прежніе труды и съ благоговѣніемъ подходили къ состарѣвшемуся поэту: всѣ лучшія его оды знали наизустъ. Изъ современныхъ писателей Карамзинъ возбуждалъ особенный восторгъ. О немъ заводили споры студенты въ университетахъ, его читали тайкомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ старые педагоги не позволяли читать его, считая черезъ-чуръ либеральнымъ, подкапывающимъ нравственныя понятія юношей. Какъ сильно дѣйствовалъ Карамзинъ на воображеніе молодыхъ людей, можно видѣть изъ письма къ юношѣ Остенеку (впослѣдствіи знаменитому Востокову) отъ столь же юнаго его друга Иванова. Оба они воспитывались въ Академіи Художествъ:

«Дача Тюфили,—пишетъ Ивановъ,—лежитъ подлѣ Симонова монастыря, границы оной касаются границъ монастырскаго владѣнія, къ которому, кажется, принадлежитъ и Лизинъ прудъ; сіе мѣсто, очарованное Карамзиновымъ перомъ, давно сдѣлалось уже мнѣ очень коротко знакомымъ—и ты этого не знаешь? О, виноватъ я, сто разъ виноватъ, зачѣмъ я не писалъ по первой почтѣ послѣ того, хотя бы въ трехъ только словахъ, которыми бы ты былъ доволенъ: я видѣлъ пруды, но нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы все увидѣть, что достойно любопытства, и вдругъ потомъ ослѣпить тебя тѣмъ. Въ самый Петровъ день ходилъ я туда въ первый разъ, не забывши взять и твои вы-

[1]) Библіогр. Записки 1859, переписка Дашкова.

писки (изъ «Бѣдной Лизы» Карамзина), которыми ты меня ссудилъ и которыя теперь лежатъ у меня въ чемоданѣ во всякой цѣлости; представь себѣ, если бы ты былъ на моемъ тогда мѣстѣ... видѣть то, о чемъ въ книжкахъ пишутъ? Не пріятно ли заниматься ожиданіемъ увидѣть, похоже ли это мѣсто на то, какъ мнѣ воображалось? такъ и мнѣ казалось, что я отдѣляюсь отъ обыкновеннаго міра и переселяюсь въ книжный фантастическій міръ: деревья, бугорки и кусты какимъ-то неизъяснимымъ образомъ напоминали мнѣ о Лизѣ. Шелъ я и въ самомъ дѣлѣ напрекраснѣйшими мѣстами, какъ вдругъ представились передо мною странныя мрачныя башни монастырскія на крутой горѣ. Поднявшись на оную, сѣлъ я въ тѣни стѣнъ его и вынулъ изъ кармана свернутую тетрадь твою: все, какъ Карамзинъ описывалъ, такъ и я видѣлъ; при словѣ: «тамъ рыбы падаютъ съ неба» полюбопытствовалъ я посмотрѣть вверхъ, кажется ли пространство надъ моею головою способнымъ производить рыбы, но особливаго ничего не примѣтилъ. Монастырь нынѣ уже не пустъ; въ немъ множество монаховъ... я нашелъ хижину, которая по всему должна быть та самая, наконецъ нашелъ и прудъ, стоящій среди поля и окруженный деревьями и валами... опять сѣвши, я продолжалъ читать, но... о, Остенекъ, твоя тетрадь чуть не вырвалась у меня изъ рукъ и не скатилась въ самый прудъ къ великой чести Карамзина, что копія его во всемъ сходствуетъ съ оригиналомъ. Нынѣ прудъ здѣсь въ великой славѣ, часто гуляетъ около него народъ станицами и читаетъ надписи, вырѣзанныя на деревьяхъ вокругъ пруда, и я читалъ ихъ, но ни одной не нашелъ путной»... [1]).

Карамзинъ, жившій въ Москвѣ, былъ предметомъ любопытства юношей, пріѣзжавшихъ туда: они порывались видѣть его и бесѣдовать съ нимъ, какъ онъ нѣкогда за границей искалъ знакомства съ разными литературными и учеными знаменитостями. Нѣкоторые даже разочаровывались при встрѣчѣ съ нимъ, не найдя въ его внѣшности ничего необыкновеннаго и идеальнаго, какъ они составили себѣ его образъ по его сочиненіямъ. Карамзинъ часто являлся въ свѣтскомъ обществѣ и ничѣмъ особеннымъ передъ другими не отличался. На нѣкоторыхъ восторженныхъ юношей онъ не производилъ того впечатлѣнія, какого они ожидали. Такъ, тотъ же Ивановъ писалъ къ своему другу:

«Здѣсь такъ объ немъ худо говорятъ, что я потерялъ къ нему половину прежняго почтенья и любопытство его видѣть, и оттого по сю пору не видалъ его. Однако же по наслышкѣ могу дать понятіе объ его видѣ: онъ, говорятъ, во всемъ походитъ на Дмитріева, такой же лысый лобъ, такой же носъ, только ростомъ немного пониже, физіономія его показываетъ самаго тихаго, скромнаго и добраго человѣка, губы толстыя и говоритъ хриповато... Мнѣ кажется, онъ былъ нѣкогда таковымъ, какимъ онъ по сочиненіямъ своимъ прежде тебѣ казался, жилъ такъ, какъ въ книжкахъ пишутъ, пока не вступилъ въ большой свѣтъ. Ему въ доказательство можно поставить посланіе его къ Дмитріеву: «конечно такъ, ты правъ, мой другъ»; онъ тамъ говоритъ, что мы въ юности располагаемъ планъ будущей жизни такъ и такъ, по книж-

[1]) Переписка Востокова, Сборникъ статей Имп. Акад. Наукъ, т. V.

ному, но узнавши людей, съ сожалѣніемъ увидимъ, что такъ между ними не можно жить—ты, можетъ быть, сію пьесу наизусть знаешь. Она, мнѣ кажется, положила предѣлъ Карамзиновой невинной жизни. Съ сихъ поръ, онъ, видя, что оная между людьми совсѣмъ неумѣстна и, находя себя имѣющимъ право пользоваться мірскими благами такъ, какъ всѣ пользуются, вырывая другъ у дружки, сталъ жить какъ умный человѣкъ»...

Такъ толковали о Карамзинѣ одни; другіе же очаровывались его простотою съ перваго разговора. Юноша Блудовъ пламенно желалъ его видѣть и наконецъ попалъ къ нему въ кабинетъ при содѣйствіи Жуковскаго также еще юнаго. Блудовъ, пишетъ его біографъ, любилъ вспоминать объ этомъ первомъ знакомствѣ, прибавляя, что ни прежде, ни послѣ того ни одна личность не произвела на него такого глубокаго впечатлѣнія. Онъ воротился домой, очарованный бесѣдою ученаго исторіографа, столько же какъ и его простымъ, открытымъ обхожденіемъ и нѣкоторое время находился въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи.

Юноша Вигель о своей первой встрѣчѣ съ Карамзинымъ говорилъ такимъ образомъ: „я обомлѣлъ, когда невзначай пришлось ему сказать мнѣ нѣсколько словъ: власти и заслуженныя почести всегда вселяли во мнѣ уваженіе, но этотъ благоговѣйный страхъ могли произвести только добродѣтели и высокій талантъ“ [1]).

Дмитріевъ и Капнистъ также жадно читались на школьной скамейкѣ, а скоро потомъ любимцемъ молодежи сдѣлался Озеровъ съ своими драмами. Но съ профессорскихъ каѳедръ эта молодежь мало слышала сочувствія своимъ любимцамъ. Аксаковъ говоритъ, что въ казанскомъ университетѣ профессоръ словесности морщился при одномъ имени Карамзина и сожалѣлъ, что университетское юношество заражено этимъ опаснымъ писателемъ. Извѣстно, что послѣ Муравьева попечитель московскаго университета доносилъ правительству, будто университетская молодежь развращается сочиненіями Карамзина.

Драматическое искусство также увлекало молодыхъ людей, театръ былъ любимымъ удовольствіемъ наиболѣе развитыхъ и талантливыхъ юношей; но они цѣнили не какія-нибудь пустыя или пикантныя піесы, а рвались на представленія трагедій и серьезныхъ комедій, и надо сказать, что не совсѣмъ легко можно было угодить ихъ требованіямъ. Правда, эта сценическая страсть часто отвлекала ихъ отъ научныхъ занятій, но она же отвлекала и отъ разгула, соединеннаго съ цинизмомъ. Аксаковъ въ своихъ

[1]) Воспомин. Вигеля т. I, стр. 195

воспоминаніяхъ довольно подробно разсказываетъ, какъ казанскіе студенты попадали въ театръ:

«Ходить часто въ партеръ или кресла студенты были не въ состояніи; мѣсто въ партерѣ стоило рубль, а кресло—2 рубля 50 коп. ассигнаціями, а потому мы постоянно ходили въ раекъ, платя за входъ 25 коп. мѣдью. Но раекъ представлялъ для насъ важное неудобство: спектакли начинались въ 6½ часовъ, а классъ и лекціи оканчивались въ шесть; слѣдовательно оставалось только время добѣжать до театра и помѣститься уже на заднихъ лавкахъ въ райкѣ, съ которыхъ ничего не было видно, ибо передніе занимались жителями задолго до представленія. Для отвращенія такого неудобства употреблялись слѣдующія мѣры: двое изъ студентовъ, а иногда и трое покрупнѣе и посильнѣе, часовъ въ пять и ранѣе, отправлялись въ театръ, занимали по краямъ нижнюю лавку и не пускали на нее никого. Сначала это не обходилось безъ ссоръ, но потомъ посѣтители райка привыкли къ такому порядку, и дѣло обходилось мирно. Мы приходили обыкновенно передъ самымъ поднятіемъ занавѣса и садились на приготовленныя мѣста. Сначала передовые студенты уходили изъ классовъ потихоньку, но впослѣдствіи многіе профессора и учителя, зная причину, смотрѣли сквозь пальцы на исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, а достолюбезный Ибрагимовъ (профессоръ) нерѣдко говаривалъ: «а что, господа, не пора ли въ театръ», даже оканчивалъ иногда ранѣе получасомъ свой классъ. Доставанье афишъ возлагалось на своекоштныхъ студентовъ. Печатныхъ афишъ тогда въ городѣ не было; нѣкоторыя почетныя лица получали афиши письменныя изъ конторы театра, а городъ узнавалъ о названіи піесы и объ именахъ дѣйствующихъ лицъ и актеровъ изъ объявленія, прибиваемаго четырьмя гвоздиками къ колоннѣ или къ стѣнѣ главнаго театральнаго подъѣзда. Я долженъ признаться, что мы воровали афиши. Подъѣдешь бывало къ театральному крыльцу, начнешь читать афишу и, выждавъ время, когда кругомъ никого нѣтъ, сорвешь объявленіе, спрячешь въ карманъ и отправляешься съ добычею въ университетъ. Впослѣдствіи содержатель театра, узнавъ студентскія продѣлки, далъ позволеніе студентамъ получать афишу въ конторѣ театра».

Изъ дневника Жихарева мы узнаемъ, что и въ средѣ московскихъ студентовъ былъ кружокъ театраловъ, которымъ отъ представленія той или другой трагедіи не всегда было до профессорскихъ лекцій. Впрочемъ, нѣкоторые изъ начальственныхъ лицъ понимали воспитательную силу драматическаго искусства и позволяли устраивать домашніе спектакли даже въ стѣнахъ заведенія. Такъ какъ большая часть трагедій и комедій въ то время писались стихами, то молодымъ любителямъ театральныхъ представленій приходилось обращать вниманіе на декламацію и въ подражаніе тому или другому присяжному актеру вырабатывать собственное изящное чтеніе стиховъ. Все это занимало молодыхъ людей и отвлекало отъ безнравственнаго препровожденія времени. Въ то время столичные актеры Плавильщиковъ, Яковлевъ, Шушеринъ своею декламаціей вызывали многихъ подражателей и

увлекали даже студентовъ духовной семинаріи. Такъ, по свидѣтельству историка с.-петербургской духовной академіи Чистовича, въ произношеніи ученическихъ проповѣдей многіе студенты подражали Яковлеву: въ семинаріи этотъ тонъ поддерживаемъ былъ уроками молодого учителя Сперанскаго (впослѣдствіи столь извѣстнаго человѣка), изъяснявшаго воспитанникамъ теорію церковнаго проповѣдничества“ [1]).

Но участвуя съ удовольствіемъ на домашнихъ сценахъ, дворянская молодежь продолжала смотрѣть на призваніе артиста глазами своихъ дѣдовъ. Такъ Жихаревъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ писалъ въ дневникѣ объ одномъ изъ своихъ товарищей, которому вздумалось играть на нѣмецкомъ театрѣ:

«Сколько мы ему ни возражали и ни указывали на неприличіе такого поступка, онъ стоитъ на своемъ. На прощаньи объявилъ, что уже выучилъ нѣсколько ролей и скоро дебютировать будетъ въ какой-то роли влюбленнаго башмачника... Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, студентъ, получившій золотую медаль и котораго имя какъ отличнѣйшаго воспитанника осталось на золотой доскѣ, будетъ играть влюбленнаго башмачника... Теперь, если убѣжденія на него не дѣйствуютъ, придется прибѣгнуть къ другому лѣкарству—свисткамъ: авось, они отучатъ его отъ паясничества... Ну, просимъ не прогнѣваться, а мы отдѣлаемъ тебя. Кажется, малый—душа, а дѣлаетъ глупость, которая можетъ испортить ему всю карьеру по службѣ его въ кремлевской экспедиціи. Пострѣлъ»!

Впрочемъ, чтобъ не слишкомъ строго отнестись къ такому взгляду, нужно вспомнить, изъ какихъ людей обыкновенно состояла публичная театральная труппа: на половину въ ней были крѣпостные люди, которыхъ отдавали помѣщики на оброкъ. Въ модѣ было у богатыхъ господъ составлять даже собственныя труппы изъ своихъ дворовыхъ людей. На театральныхъ афишахъ можно было даже узнать, какой актеръ или актриса изъ крѣпостныхъ: передъ ихъ именемъ не становилась буква г., т.-е. господинъ или госпожа; каждый зритель зналъ, что когда они зашибаются, что случалось нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода [2]).

Литературное образованіе вызывало въ молодыхъ людяхъ стремленіе испытывать собственныя силы въ литературѣ. Эти опыты обыкновенно начинались стихами, и какой-нибудь удачный стихъ уже давалъ право считаться литераторомъ, а это въ свою очередь вызывало славолюбіе и подталкивало на новые труды. Притомъ же представители тогдашней литературы старались всѣми

---

[1]) Исторія с-петербургской духовной академіи, Чистовича, стр. 81.

[2]) Дневникъ студента, стр. 20.

силами поощрять и поддерживать въ молодыхъ людяхъ проявившуюся любовь къ словесности. Они, по справедливому замѣчанію Колбасина [1]), воспитывали, быть можетъ, гораздо болѣе людей въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, чѣмъ нынѣшніе университеты и различныя заведенія. Тогда еще и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ на публичныхъ экзаменахъ часто въ присутствіи извѣстныхъ писателей учитель русской словесности разбиралъ ихъ сочиненія и лучшій изъ воспитанниковъ произносилъ длинный монологъ изъ драмы автора, тутъ же сидѣвшаго, и публика съ умиленіемъ посматривала на улыбающееся лицо сочинителя. Даровитымъ юношамъ вручались книги съ собственноручными надписями извѣстныхъ тогдашнихъ писателей. Мы видѣли одну изъ нихъ, говоритъ Колбасинъ, и можемъ сообщить ея содержаніе: „сему Степану Варышову отъ Владислава Озерова за отлично продекламированные стихи онымъ малолѣткомъ изъ моего „Эдипа въ Аѳинахъ“. И тутъ же сдѣлана другая приписка дрожащимъ дѣтскимъ почеркомъ:

Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ!
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Припомнимъ и извѣстный разсказъ юноши-поэта Пушкина о лицейской встрѣчѣ его съ Державинымъ въ 1815 г... Это, по словамъ того же Колбасина, давало бодрость и крылья тогдашнему юношеству: „тогда совершенно не было тѣхъ скверныхъ учебниковъ, которые впослѣдствіи притупили и учителей, и учениковъ, тогда учителямъ не дѣлали на каждомъ шагу преграды и мертвящими регламентаціями не забивали въ нихъ педагогическій духъ; тогда начальство не хотѣло, чтобъ дѣти выносили изъ заведенія безжизненныя округленно-казенныя воззрѣнія“ [2]).

Такая связь между литературой и воспитаніемъ имѣла важное нравственное значеніе для послѣдняго. И нѣкоторые изъ молодыхъ педагоговъ сознавали это. Нѣкто Быковъ, содержатель частнаго пансіона гдѣ-то въ провинціи, каждый годъ пріѣзжалъ въ Москву и Петербургъ на поклонъ къ Державину, Каннисту, Мерзлякову. Онъ показывалъ имъ лекціи, которыя прочитывались въ его заведеніи и, интересуясь ихъ мнѣніемъ, по ихъ рекомендаціи выбиралъ учителей. Говорятъ, что одинъ разъ Каннистъ сдѣлалъ ему такое замѣчаніе: давайте юношеству млеко, хотя бы жиденькое и подмѣшанное, но избави Господи останавливать порывъ его гнилою моралью и скучнымъ преподаваніемъ наукъ [3]).

[1]) Литературные дѣятели прежняго времени, Колбасина. 1859, стр. 249.

[2]) Тамъ же, стр. 247.

[3]) Тамъ же.

Конечно, русскій писатель былъ не противъ наукъ, а противъ скучнаго преподаванія.

Литературная дѣятельность молодыхъ людей выказывалась въ переводахъ и въ собственныхъ сочиненіяхъ. Для переводовъ, преимущественно съ французскаго языка, выбирали произведенія болѣе извѣстныхъ писателей: Вольтера, Жанъ-Жакъ-Руссо, Августа Лафонтена, Шатобріана и др. Въ императорской публичной библіотекѣ хранится огромный рукописный томъ подъ заглавіемъ: „Дипломатическія статьи изъ всеобщаго Рабинстонова словаря, перев. при московскомъ архивѣ служащими благородными юношами въ 1802, 1803, 1804 и 1805 годахъ подъ надзираніемъ статскаго совѣтника Алекс. Малиновскаго". Малиновскій—личность извѣстная въ нашей ученой литературѣ, былъ совѣтникъ канцеляріи Бантышъ-Каменскаго, управляющаго московскимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ въ то время числилось въ службѣ множество юношей, избѣгавшихъ военной службы. Пользуясь ихъ знаніемъ французскаго языка, Малиновскій спасалъ ихъ отъ праздности, заставляя переводить разныя сочиненія, такъ какъ въ самомъ архивѣ работы для нихъ не находилось. Конечно, большинство изъ нихъ были воспитанія домашняго и съ русскимъ литературнымъ языкомъ было знакомо очень мало, но между ними встрѣчаемъ имена Блудова, братьевъ Тургеневыхъ, которые впослѣдствіи сдѣлались очень извѣстны. Испытавъ здѣсь свои силы, молодой Блудовъ сталъ переводить и для журналовъ мелкія статейки, и когда служба была ему не совсѣмъ по сердцу, то нѣкоторое время онъ тѣшилъ себя мыслію бросить службу и посвятить себя литературѣ. Молодой Дашковъ, впослѣдствіи министръ, также вначалѣ прельщался журнальной дѣятельностью. Всѣ они были участниками въ извѣстномъ литературномъ спорѣ о русскомъ слогѣ, всѣ почти стояли за Карамзина: всѣ изощряли свое остроуміе въ колкихъ эпиграммахъ на его противниковъ, всѣ отстаивали тѣ идеи, которыя тогда считались либеральными, всѣ благословляли императора Александра за его стремленія.

Но насколько воспитаніе и образованіе приготовило эту передовую молодежь къ дѣйствительному труду и службѣ это—вопросъ, который стоитъ разсмотрѣть подробно въ особой статьѣ.

Мысли о нашихъ гимназіяхъ.

Нравственные недостатки русскаго общества, безпрестанныя, безнравственныя явленія, на которыя большинство стало смотрѣть хладнокровно, какъ на явленія обыкновенныя, житейскія, или какъ на неизбѣжное зло, господство личныхъ интересовъ надъ общественными, неуваженіе личности человѣка и проч., вызвали, наконецъ, къ гласности такія лица, которыя, слѣдя за европейскимъ просвѣщеніемъ, хорошо понимали это неестественное и больное состояніе общества. Они указали ему на ту бездну, надъ которой оно стоитъ. И вотъ оно встрепенулось, затронутое еще передъ этимъ нашими неуспѣхами въ послѣдней войнѣ. Его самолюбіе было сильно задѣто, а оно, какъ извѣстно, составляетъ въ дѣятельности одну изъ важныхъ силъ. Тогда уже всѣ, и приготовленные и неприготовленные, стали разсуждать объ общественныхъ вопросахъ, придумывать средства исправленія, составлять разные планы, предлагать свои соображенія и проч. Одни писали, другіе съ жадностью читали. Нечего говорить, что большая часть изъ всего написаннаго представляетъ самыя шаткія понятія о гражданской жизни, самыя странныя убѣжденія, развившіяся не на научной основѣ, а на однихъ дѣдовскихъ преданіяхъ,—самые близорукіе взгляды, которые дальше своего муравейника не видятъ ничего,—самое малое знакомство съ дѣломъ, о которомъ начинали говорить. Какъ бы то ни было, но и эти голоса обрадовали благоразумнаго наблюдателя: въ нихъ выразилось ясное громогласное сознаніе въ необходимости реформы, сознаніе,—что въ такомъ положеніи оставаться намъ болѣе нельзя. Стали отыскивать причины такихъ несообразныхъ явленій въ обществѣ, и разумѣется прежде всего напали на причины ближайшія, не замѣтивъ сразу, что онѣ сами есть только слѣдствіе другихъ отдаленныхъ причинъ, что ихъ уничтожить нельзя, не уничтоживъ эти. Одною изъ ближайшихъ причинъ, конечно,

представилось недостаточное воспитаніе юношества. Всѣ заговорили о воспитаніи, кто явился съ своими воспоминаніями, кто съ сатирой, кто съ теоріей, кто съ новыми планами. Не нужно говорить, что всѣ эти голоса, хотя часто кричали и неосновательно, и необдуманно, и безъ знанія дѣла, но принесли обществу большую пользу: они распространили въ немъ идею о здравомъ воспитаніи, заставили очень многихъ задуматься надъ этимъ важнымъ дѣломъ и заняться имъ не такъ легкомысленно, какъ занялись бы въ было время. Тутъ польза очевидная. Дѣло, повидимому, прояснилось. Воспоминанія и сатиры представили намъ дѣйствительность; теорія, выработанная на германской почвѣ, разъяснила, какъ нужно смотрѣть на воспитаніе и какъ вести его, и наконецъ разнообразные планы предлагаютъ намъ новое устройство училищъ, сообразно съ новыми потребностями. Чего же больше? осталось только приступить къ дѣлу.

Но въ самомъ ли дѣлѣ мы прояснили себѣ все, что слѣдуетъ, и можемъ приступить къ дѣлу съ полною увѣренностію, что новое воспитаніе дастъ намъ отличныхъ людей, дѣятельныхъ гражданъ, прекрасныхъ спеціалистовъ. Обществу останется только наслаждаться, любуясь на новое поколѣніе, какъ чадолюбивый отецъ на своихъ дѣльныхъ дѣтей, выходящихъ въ люди. Не оказалась бы такая надежда слишкомъ наивною. Лица образованныя и знающія дѣло, разбирая общественные вопросы, выходя изъ разныхъ пунктовъ и переходя отъ ближайшихъ причинъ къ дальнѣйшимъ, всѣ наконецъ пришли къ одному заключенію; не подѣйствуютъ на общественную нравственность никакія сатиры и проповѣди, никакія нападки и убѣжденія, никакіе законы и наказанія, никакія теоріи и формальныя преобразованія, если не будутъ уничтожены коренныя причины безнравственныхъ и беззаконныхъ явленій, если не будутъ устранены препятствія, подавляющія развитіе здравыхъ идей въ массѣ и стѣсняющія полезную дѣятельность. Какъ ни мѣняйте колеса въ машинѣ, но если останется ржавымъ и никуда негоднымъ главное, то ничего не добьетесь. Это послѣднее слово, сказанное при разборѣ общественныхъ вопросовъ. Только вопросъ о воспитаніи, кажется, не дошелъ до него. Онъ все вертѣлся на способахъ образованія человѣка, да на обвиненіяхъ, что не умѣли до сихъ поръ дѣлать этого, повидимому, простого дѣла. Послѣднее слово, касающееся русскаго воспитанія, относится къ гимназіямъ: ихъ немножко побранили, указали на ихъ недостатки и наконецъ предложили средства къ исправленію. Каждый исправитель увѣ-

ренъ, что если устроить дѣло по его системѣ, то оно пойдетъ отлично. Дай Богъ, чтобъ это было такъ.

Двѣ вины приписывали гимназіямъ и вины такія тяжелыя, за которыя онѣ должны отвѣчать передъ отечествомъ и передъ потомствомъ, — значитъ, на нихъ нельзя смотрѣть легкомысленно и изъ милости простить ихъ: Богъ, дескать, съ вами, „кто передъ Богомъ не грѣшенъ, передъ царемъ не виноватъ". Тутъ нуженъ судъ самый строгій и внимательный, нужны всѣ улики налицо.

Одна вина гимназіи та, что онѣ не умѣли готовить людей для жизни, сообщая имъ какія-то познанія, которыя въ жизни нейдутъ къ дѣлу и быстро забываются; не умѣли развивать гражданскихъ доблестей, чтобы доставлять обществу добросовѣстныхъ гражданъ и честныхъ дѣятелей. Другая вина та, что онѣ присылали въ университеты слушателей съ ограниченными познаніями, такъ что университеты рисковали сдѣлаться школами для недоучекъ. Какъ видите: вины очень не маленькія, и объ онѣ не разъ слышались изъ однихъ и тѣхъ же устъ: для жизни давалось гимназіями много ненужныхъ знаній, для университетовъ слишкомъ мало тѣхъ же самыхъ знаній, наконецъ и туда и сюда представлялись люди, слишкомъ мало развитые. Что же дѣлали преподаватели гимназій? Да занимались борьбою съ учениками за баллы; баллопромышленничество поглощало всю дѣятельность и ихъ и гимназистовъ [1]). А между тѣмъ тѣ же самые обвинители признаютъ за гимназіями первое мѣсто въ кругу всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній; сознаются, что гимназисты оказываются въ университетахъ студентами сравнительно лучшими передъ другими, наконецъ и между гимназическими учителями находятъ не мало людей образованныхъ, умныхъ и знающихъ свое дѣло. Если все это точно такъ, то оказывается, что гимназіи шли впереди всѣхъ другихъ заведеній и домашняго воспитанія, за что имъ, конечно, должно быть большое спасибо. Разумѣется, это не избавляетъ ихъ отъ суда за недостатки, которые дѣйствительно существуютъ въ нихъ; но это же самое заставляетъ поискать и другихъ причинъ, почему ихъ питомцы не оказывались такими въ жизни, какими бы хотѣлось ихъ видѣть. Если найдутся такія причины, то и самый вопросъ будетъ тогда поставленъ совершенно иначе, и дѣло о гимназіяхъ, облегченныхъ отъ тяжести всѣхъ этихъ обвиненій, явится въ другомъ свѣтѣ. Слѣдственно, тутъ рѣчь не о защитѣ гимназіи, а о правильномъ рѣшеніи

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ", 1859, октябрь, № 2, статью г. Робера.

важнаго для насъ вопроса: не было ли постороннихъ препятствій гимназіямъ въ достиженіи тѣхъ цѣлей, какихъ должны онѣ достигать; есть ли возможность устранить ихъ и, сообразно со всѣмъ этимъ, какого рода преобразованія можно сдѣлать въ гимназіяхъ?

Представимъ себѣ самую идеальную гимназію или одну изъ тѣхъ совершенныхъ германскихъ гимназій, которыя многими ставятся намъ въ образецъ, представимъ ее въ Петербургѣ или въ Москвѣ или въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, наполненную русскими дѣтьми и юношами. Она гармонически развиваетъ всѣ способности своихъ питомцевъ, сообщаетъ имъ прочныя знанія, старается, чтобъ они сознали человѣческое достоинство въ себѣ и въ другихъ, пріучились бы уважать личность, поняли бы значеніе гражданина, полюбили бы трудъ, правду, исполненіе долга. Какъ ни трудно было ей уберечь своихъ юношей отъ вреднаго вліянія общества, съ его дикими понятіями и сословными предразсудками, но она уберегла ихъ, и наконецъ передала обществу для настоящей жизни семнадцати- и осьмнадцатилѣтнихъ гражданъ. Богатые изъ нихъ, или съ именемъ, или съ протекціями тотчасъ бы были пристроены своими близкими при видныхъ мѣстахъ, стали бы трудиться, и, можетъ быть, были бы счастливы. Вдругъ они, вѣроятно, и не замѣтили бы, какъ имъ достались мѣста и что такое добываніе мѣстъ уже несовсѣмъ согласно съ тѣми убѣжденіями, какія старались внушить имъ. Они не сами добывали, а имъ достали старшіе, слѣдственно, тутъ совѣсть можно успокоить. Но не о нихъ теперь рѣчь. Большинство изъ юныхъ гражданъ—люди бѣдные, безъ имени, безъ протекціи, принужденные сами о себѣ заботиться. Что же встрѣчаютъ въ жизни эти юноши, развитіе которыхъ далеко еще не кончилось? Они хотятъ трудиться прежде всего для куска хлѣба, должны выбрать поприще для дѣятельности. Но какія же у насъ поприща для бѣднаго гимназиста—копіиста въ какомъ-нибудь судѣ и уѣзднаго учителя—частныя занятія требуютъ болѣе или менѣе спеціальныхъ знаній, которыхъ не можетъ быть у гимназиста. И вотъ послѣ многихъ просьбъ и поклоновъ, при которыхъ не разъ оскорблялось и его человѣческое достоинство и его личность, онъ получаетъ то или другое мѣсто. Онъ начинаетъ трудиться съ полнымъ сознаніемъ, что онъ гражданинъ, съ полнымъ желаніемъ принести пользу обществу. Но вдругъ видитъ, что никто и знать не хочетъ, что онъ гражданинъ, что это понятіе и не существуетъ въ обществѣ, слышитъ приказаніе выкинуть изъ головы эти школьныя бредни, такъ какъ его гражданскія стремле-

нія противорѣчатъ распоряженіямъ начальства, которому нужно также ѣсть, пить, одѣваться и воспитывать дѣтей, для чего нужны средства. Къ довершенію всего юноша замѣчаетъ, что и труды-то его не вознаграждаются; онъ долженъ бороться съ нищетою, если не хочетъ подражать дурнымъ примѣрамъ въ добываніи разныхъ средствъ. Хоть бы за все это уваженіе въ самомъ обществѣ, для котораго онъ трудится. Куда! въ этомъ обществѣ для такихъ бѣдняковъ не раскрываются многія двери; тамъ на него смотрятъ съ пренебреженіемъ, тогда какъ съ почетомъ принимаются равные ему, умѣющіе украшать свою внѣшность на благія даянія.

Конечно, вы скажете, что гимназія развила въ немъ силу воли, твердость въ убѣжденіяхъ и проч.; слѣдовательно, онъ долженъ подчиниться этимъ невзгодамъ жизни и мужественно примирить свою мысль съ этимъ незавиднымъ положеніемъ; его надеждою должно быть сознаніе, что онъ честно исполняетъ свой долгъ, что совѣсть его ничѣмъ не запятнана. Прекрасно! но если вы требуете, чтобы онъ былъ постоянно вѣренъ всѣмъ своимъ убѣжденіямъ, то вѣрно не осудите его, если онъ будетъ горячо возставать противъ всего того, что̀ явно проворѣчитъ его высокому идеалу гражданина, если онъ будетъ вступаться за свое оскорбленное человѣческое достоинство, если онъ будетъ указывать на всѣ тѣ беззаконія, которыя служатъ въ пользу личностямъ и вредятъ общественной пользѣ, если наконецъ онъ захочетъ служить дѣлу, а не лицамъ. Но если онъ сознаетъ свое безсиліе бороться съ общимъ теченіемъ, уступитъ ему и даже самъ втянется въ эту тину, будете ли вы винить гимназію, которая напрягала всѣ силы, чтобы сдѣлать изъ него гражданина и развить его до извѣстной степени? Виновата ли она, что дальнѣйшее и самое важное развитіе его было подъ сильнымъ безнравственнымъ вліяніемъ общества? Развѣ обязана готовить она героевъ для битвы съ обществомъ? Такимъ образомъ и образцовая гимназія мало успѣетъ въ томъ обществѣ, которое само не постарается преобразовать или перевоспитать себя. Можно ли же упрекать наши гимназіи за то, что въ обществѣ оказывается мало истинныхъ гражданъ и трудолюбивыхъ дѣятелей? Какъ бы онѣ ни были плохи, но никакъ нельзя предположить, чтобы онѣ внушали своимъ питомцамъ сочувствіе ко всѣмъ безнравственнымъ явленіямъ общества. Нѣтъ, основы истинной гражданской жизни непремѣнно полагались ими; дѣйствительности предоставлялось только развивать ихъ; но если эта жизнь съ перваго шага подавляла всѣ лучшія проявленія юной души, то должны

ли отвѣчать за то гимназіи. Наши гимназіи далеки отъ идеальнаго совершенства; но и изъ нихъ выходятъ люди съ жаждою благородной дѣятельности, съ энергіею вступаютъ въ борьбу съ жизнію и, разумѣется, остаются побѣжденными. Развѣ мало такихъ несчастныхъ скитается на святой Руси?

Что касается до отношенія гимназій къ университетамъ, то здѣсь гимназіи могутъ защищаться признаніемъ самихъ профессоровъ, что гимназисты всегда были лучшими студентами; значитъ, не онѣ виноваты, что университеты должны были стоять въ уровень съ шаткимъ домашнимъ образованіемъ. Въ послѣднее время были обнаружены и недостатки нашихъ университетовъ, которыми уравновѣшиваются недостатки гимназій.

Теперь посмотримъ, какъ могли дѣйствовать гимназіи въ той сферѣ, которая опредѣлена имъ. Мы имѣемъ въ виду не настоящее, а прошедшее, такъ какъ воспитаніе лицъ, нынѣ дѣйствующихъ, за которыя гимназіи получили упрекъ, относится къ прошедшему времени. Возьмемъ учителей, дѣйствительно образованныхъ, добросовѣстныхъ, понимающихъ важность своего назначенія. Такіе учителя не могутъ ограничиться одною формальностью, однимъ механизмомъ преподаванія; нѣтъ, у нихъ есть идеалъ человѣка и гражданина, которымъ они живутъ сами и къ которому стремятся вести своихъ питомцевъ. Они развиваютъ въ юношахъ сознаніе человѣческаго достоинства, убѣжденные, что безъ этого чувства не можетъ развиваться человѣкъ въ томъ смыслѣ, какого отъ нихъ требуютъ для общества, не можетъ развиться и чувство гражданина, котораго они обязаны готовить на службу отечеству. Съ тѣмъ же самымъ убѣжденіемъ они развиваютъ въ немъ и уваженіе личности какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ, осуждаютъ низкопоклонничество, лесть и все прочее тому подобное, и вотъ въ одинъ прекрасный день является въ классъ громогласный господинъ, сознающій свое начальническое достоинство, уничтожающій своими юпитеровскими взглядами и директора, и учителя, и робкихъ учениковъ. Это бы еще ничего, мало ли какіе взгляды бываютъ; но вотъ показалось ему, что на лицѣ одного мальчика промелькнула улыбка; и накинулся онъ на бѣднаго, принявъ эту тѣнь улыбки за неуваженіе къ начальству; вздумалъ-было защищаться бѣдняга, вышло еще хуже; защита своей оскорбленной личности показалась господину рѣшительнымъ либерализмомъ, выбранилъ онъ мальчика и поставилъ передъ всѣмъ классомъ на колѣни. Потомъ уже напустился и на директора, и на учителя, „зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству“. Словомъ, и человѣческое достоинство, и

личность оскорблены были во всѣхъ грубыми словами и даже бранью. Что оставалось дѣлать учителю, который постоянно проповѣдовалъ о человѣческомъ достоинствѣ. Разумѣется, вступиться за себя, показать господину всю неумѣстность и беззаконность его выходки—этого требовали даже педагогическія правила—быть ученикамъ примѣромъ нравственности, чтобъ слово не расходилось съ дѣломъ. И онъ вступился, а на другой день долженъ былъ подать въ отставку,—вотъ вамъ и педагогическая карьера. Но случалось, что иные, считая безумнымъ вступать въ борьбу съ нимъ, отмалчивались и оставались на своихъ мѣстахъ; за то въ какомъ видѣ должны были представляться они ученикамъ. Какую же силу имѣли всѣ ихъ нравственныя внушенія, если они, уступивъ нуждѣ, сами невольно становились въ двусмысленное, безнравственное положеніе. Мы сами были свидѣтелями, какъ одинъ ярый господинъ, когда-то командовавшій полкомъ, громогласно объявилъ на экзаменѣ, обратившись ко всему собранію учителей: „замѣтьте вы всѣ, господа, себѣ на носу, что я пріѣзжаю не слушать учениковъ, а повѣрять васъ“, —и какъ тутъ же въ порывѣ патріотизма воскипѣлъ гнѣвомъ, услышавъ, что одинъ изъ экзаменующихся, разсказывая изъ русской исторіи о какомъ-то трудномъ походѣ XVIII-го столѣтія, замѣтилъ, что войско начало выказывать ропотъ. Даже пѣна закипѣла у почтеннаго слушателя: „врешь ты, закричалъ онъ, топнувъ ногой: русское войско никогда не ропщетъ и не смѣетъ роптать; если это тебѣ сказалъ учитель, то онъ сказалъ глупость, а если ты выдумалъ самъ, то ты—дуракъ“. Да и такія ли сцены происходили въ гимназическихъ классахъ. А эти предписанія строго держаться такихъ-то руководствъ, которыя или представляютъ всѣ факты наизворотъ, или наполнены нелѣпой схоластикой, не сообщающей никакихъ полезныхъ знаній. Добросовѣстный учитель не могъ распоряжаться своею наукою по созданному имъ плану, чтобы съ успѣхомъ развивать своихъ учениковъ. Онъ видѣлъ, что науку хотятъ употребить для какихъ-то другихъ постороннихъ цѣлей, а не для воспитанія, и потому извращаютъ ее, а его дѣлаютъ орудіемъ этого извращенія. Онъ постоянно находился между двумя огнями, видѣлъ, какъ его насильно ставятъ въ безнравственное положеніе передъ учениками. Какое же тутъ могло быть воспитаніе гражданина, какое развитіе силы воли, какая твердость нравственности? Что выстрадали такіе учителя, о томъ они когда-нибудь скажутъ, и можетъ быть, найдутся люди, которые поймутъ ихъ тяжелое положеніе. Спасибо имъ и за то, что они не совершенно махнули рукой,

уступивъ тому, чего отъ нихъ требовали, что они не отказались отъ своихъ идеаловъ и вели гимназіи впереди всѣхъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Я не вхожу въ подробности всей внутренней жизни гимназій, которая еще рѣзче представила бы, въ какомъ стѣснительномъ положеніи находились добросовѣстные воспитатели. Имъ то и дѣло, что толковали о необходимости развивать въ ученикахъ нравственность, и въ то же время подавляли ихъ дѣятельность казенными понятіями о нравственности, которыя часто уничтожали въ основѣ истинную человѣческую нравственность.

Представляя все это, я никакъ не хочу утверждать, что въ гимназіяхъ не было своихъ недостатковъ, которые вкоренились въ нихъ и отъ рутины и отъ шаткихъ взглядовъ на воспитаніе, и отъ другихъ причинъ, зависящихъ отъ нихъ самихъ. Я только хотѣлъ представить, что сами по себѣ, своими силами, онѣ не могутъ дойти до того совершенства, какого отъ нихъ требуютъ, если не устранятся препятствія, отъ нихъ независящія, и та обстановка, какая ожидаетъ бѣднаго юношу въ жизни.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что въ послѣднее время были указаны нѣкоторые недостатки гимназій и представлены планы, какъ ихъ устроить по новому. Но нужно сказать: всѣ эти мнѣнія съ такими разными взглядами, такъ противорѣчатъ одно другому, что нѣтъ никакой возможности согласовать ихъ. Остается разсмотрѣть каждое изъ нихъ, заслуживающее вниманіе, чтобы видѣть, которое удобнѣе примѣнить къ дѣлу. Я не буду разбирать каждую статью въ отдѣльности; но буду, по возможности, изъ всѣхъ ихъ группировать факты и мнѣнія, такъ какъ всѣ они касаются одного и того же дѣла [1]). Слѣдственно здѣсь главная сила въ выборѣ точки зрѣнія, которая уже принадлежитъ мнѣ и о которой судить предоставляю читателямъ.

Во всѣхъ статьяхъ, прочитанныхъ нами, мы замѣтили одинъ весьма важный недостатокъ, ни въ одной ясно не высказано тѣхъ принциповъ, на которыхъ авторъ хочетъ основать воспитаніе; во всѣхъ нихъ встрѣчаются соображенія, основанныя на наблюденіяхъ и опытахъ, во всѣхъ нихъ вы читаете дѣльныя личныя мнѣнія; но всего этого мало, чтобы построить цѣлую си-

[1]) Я имѣю въ виду слѣдующія статьи: Объ организаціи учебной части гимназій г. Галярина (Русскій Вѣстникъ, 1858, ноябрь № 2), Коренной недостатокъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Робера (Русскій Вѣстникъ, 1859, октябрь, № 2), статья г. Разумѣева по поводу статьи г. Робера (Русскій Міръ, 1860, №№ 6, 7, 8), О назначеніи гимназій въ системѣ народнаго образованія (Морской Сборникъ, 1860, № 3), Педагогическія замѣтки г. Благовѣщенскаго (Библіотека для Чтенія, 1860, февраль).

стему воспитанія; вы хотите добраться до самыхъ основъ, чтобъ видѣть не одну только форму, которую искусно лѣпятъ передъ вами, а самое содержаніе, которое даетъ полную законность формѣ, выработывая ее такъ, а не иначе. Вотъ этого-то мы и не находимъ тамъ. Правда, всѣ онѣ указываютъ на цѣль гимназическаго воспитанія: развить и приготовить человѣка для жизни; но эта фраза отъ частаго повторенія сдѣлалась такою неопредѣленною, такимъ общимъ мѣстомъ, что нужно наконецъ признаться: хотѣлось бы яснѣе видѣть всѣ черты идеала того человѣка, который тутъ подразумѣвается. Мнѣ кажется, мы сами хорошо не условились въ этомъ понятіи, разсуждая о воспитаніи, оттого между нами являются и разнорѣчія, которыя не знаешь, какъ согласить. Одна только статья Морского Сборника позаботилась представить, какія качества, по мнѣнію автора, требуются отъ правильно развитого и воспитаннаго человѣка; вотъ они: твердость нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, способность легко понимать, правильно мыслить, точно, ясно и, буде возможно, изящно выражаться, сочувствовать всему высокому, доброму и великому; любить свою отчизну, быть постояннымъ въ своихъ намѣреніяхъ; твердымъ и непоколебимымъ въ ихъ исполненіи. Все это прекрасно; но мы могли бы прибавить сюда еще двадцать другихъ качествъ, и идеалъ нашъ, конечно, вышелъ бы полнѣе, слѣдственно мы имѣли бы еще большее право сказать, что „эти качества обусловливаютъ мужа и гражданина; они одинаково нужны на поприщахъ общественныхъ, государственныхъ, промышленныхъ, ученыхъ; однимъ словомъ, изъ нихъ слагается человѣкъ, какъ разумное существо“. Отвлеченно можно создавать идеалы, какіе вамъ угодно; но дѣло въ томъ, что для насъ имѣютъ значеніе только тѣ, которые создались на основаніи дѣйствительности. Человѣкъ и гражданинъ не существуютъ отвлеченно, а существуютъ въ жизни, съ плотью и съ кровью, въ извѣстной мѣстности, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣютъ свою исторію, свои потребности. Нашъ идеалъ тогда будетъ живое существо, когда мы выносили его въ этой самой средѣ, когда онъ способенъ дѣйствовать въ ней; безъ этого наскажите хоть сотню качествъ, они все-таки не дадутъ вамъ ничего опредѣленнаго, и по нимъ все-таки не воспитаете человѣка. Идеалъ обыкновенно развивается тою своею стороною, которая слабо развита въ дѣйствительности; недостатокъ въ ней тѣхъ или другихъ качествъ восполняется въ идеалѣ. Вотъ эта-то сторона для насъ и важна, чтобы обратить на нее вниманіе при воспитаніи.

Нѣтъ ни одного человѣка, который бы назвалъ себя нечеловѣкомъ, да и мы не назовемъ такъ ни одного, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ въ нашихъ глазахъ, слѣдственно человѣческія черты выказываются и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ, и наконецъ во всѣхъ, въ цѣломъ обществѣ, въ народѣ, значитъ человѣка развиваютъ природа, жизнь. Отчего же мы вопіемъ, что у насъ нѣтъ людей, что воспитаніе не давало намъ человѣка? Развѣ во всѣхъ ихъ не встрѣчаются качества, исчисленныя статьею Морского Сборника? Напротивъ, большая часть изъ нихъ встрѣчается если не во всѣхъ, то въ большинствѣ, а людей все-таки нѣтъ или очень мало. Какихъ же человѣческихъ чертъ недостаетъ имъ, чтобы подойти подъ этотъ идеалъ, который насъ плѣняетъ? Вотъ въ этомъ-то опредѣленіи вся и задача. Тутъ не поможетъ намъ и Германія, у которой мы такъ охотно перенимаемъ всѣ системы воспитанія. Конечно, нашъ идеалъ не отсталъ отъ германскаго, но у насъ другая дѣйствительность, слѣдственно и другое примѣненіе къ ней того же самаго идеала. Изъ этого-то и вытекаетъ народность воспитанія, безъ которой само оно не имѣетъ жизни и не приноситъ желанныхъ плодовъ. Итакъ волей и неволей нужно обратиться къ дѣйствительности, отъ которой многіе педагоги хотѣли бы оторвать воспитаніе, чтобы основать его на одной отвлеченной теоріи.

Что же представляетъ намъ русская дѣйствительность? Она представляетъ генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, помѣщиковъ, артистовъ, ученыхъ, купцовъ. У всѣхъ ихъ есть свои сословные интересы, свои стремленія, свои спеціальности, но поищите между ними чего-либо общаго, едва ли что-нибудь найдете, конечно, кромѣ внѣшнихъ признаковъ народности, наприм. языка и т. п. Вотъ это-то общее могутъ составить только интересы гражданскіе или человѣческіе; ихъ-то и нѣтъ дѣйствительно въ русской средѣ. Въ этомъ-то смыслѣ мы и говоримъ, что у насъ нѣтъ человѣка, нѣтъ людей, отсюда-то и все наше горе, всѣ недостатки, несовершенства и неудачи. Развитіе сословныхъ спеціальныхъ интересовъ у насъ помѣшало развиться сознанію человѣческаго достоинства, уваженію личности, произвело разъединеніе, которое разслабило всѣхъ и поставило чуть не во враждебныя отношенія. Вотъ какою стороною представляется намъ идеалъ человѣка, съ которымъ тѣсно связывается идеалъ гражданина. Одного безъ другого мы не должны представлять, потому что одинъ помогаетъ развитію другого. До сихъ поръ воспитаніе насъ только отрывало отъ народа, а не сближало съ нимъ, и онъ уже давно пересталъ понимать насъ, а мы входить

въ его интересы. Могло ли же тутъ выработаться сознаніе интересовъ гражданскихъ, съ ними и человѣческихъ; могло ли явиться стремленіе дѣйствовать во имя идеи, правды, законности, могли ли окрѣпнуть убѣжденія, а безъ нихъ могла ли развиться сила воли? на что она могла опереться? чѣмъ дѣятель могъ вдохновиться? развѣ только однимъ личнымъ интересомъ! Да этимъ-то постоянно и вдохновлялись, и посмотрите, что изъ того выходило. И я, и вы конечно знаемъ не мало людей, которые легко подойдутъ подъ идеалъ статьи Морского Сборника: въ нихъ очень развиты многія прекрасныя стороны человѣка, за что ихъ всѣ уважаютъ; но лишь только они приходятъ въ столкновеніе съ людьми другого сословія, высшаго или низшаго, они тотчасъ выказываютъ слабую неразвитую свою сторону, вы видите, что интересы гражданскіе и человѣческіе имъ чужды. Само правительство наконецъ сознало этотъ недостатокъ русскаго общества, встрѣчая повсюду преобладаніе личныхъ или сословныхъ интересовъ. Оно хочетъ дѣйствовать для общей пользы, отдаетъ дѣло въ руки исполнителей; а исполнители, смотря на все только съ личной, частной, сословной точки, даютъ ему другой смыслъ, и общая польза замираетъ. Спрашивается: могла ли тутъ выработаться нравственность человѣческая? Нѣтъ, выработалась только нравственность казенная подъ вліяніемъ сословныхъ или личныхъ интересовъ.

Послѣ этого напрасно намъ указывать на множество отвлеченныхъ качествъ, которыя требуется развить въ человѣкѣ; укажите намъ на одно коренное, изъ котораго всѣ прочія вытекаютъ сами собою, положите его какъ принципъ, и тогда вы ясно опредѣлите намъ, къ какому идеалу мы должны стремиться при воспитаніи.

Наше правительство наконецъ сознало, что оно одно не можетъ заботиться о всѣхъ, удовлетворить всѣмъ потребностямъ, да и не имѣетъ возможности узнать всѣ эти потребности, потому оно отдало самому обществу многое, что прежде было въ его рукахъ, показавъ этимъ, что общество само должно быть дѣятельно, само должно стараться удовлетворять своимъ потребностямъ. Позволеніе народу заводить у себя школы безъ всякихъ формальностей и оффиціальныхъ испрашиваній въ нашихъ глазахъ фактъ весьма важный. Эти школы быстро будутъ распространяться, но непремѣнно сообразно съ общественными потребностями. Если общество призывается къ дѣятельности, и если оно сознало свои недостатки и необходимость идти впередъ, какъ это дѣлается замѣтнымъ въ нашемъ обществѣ, то оно само

должно воспитать и образовать себѣ дѣятелей. Принциповъ при воспитаніи можетъ быть много, пусть только будетъ свобода учреждать училища; тѣ, которыя будутъ удовлетворять болѣе общественнымъ потребностямъ, болѣе будутъ и наполняться, и такимъ образомъ выработается у насъ народное воспитаніе.

Правительство съ Петра Великаго учреждало у насъ училища, имѣя въ виду прежде всего свои собственныя потребности, чего конечно нельзя ставить ему въ вину. Оно нуждалось въ спеціалистахъ, въ офицерахъ, чиновникахъ, и устраивались такія школы, и готовились нужные спеціалисты, которымъ и давались привилегіи, чтобы привлечь достаточное число людей на правительственныя поприща; слѣдственно правительственныя школы дѣлали свое дѣло. Рядомъ съ ними основывались и частныя училища, но какіе принципы полагали они для своего воспитанія, какимъ общественнымъ потребностямъ думали удовлетворить? Потребности эти были немногосложны: получить личныя права и привилегіи черезъ правительственное образованіе; съ ними опредѣлялась уже вся жизнь до гроба. Вся задача состояла попасть въ ту или другую привилегированную школу, и вотъ частные училища и пансіоны предложили свои услуги готовить дѣтей въ казенныя заведенія. Разумѣется, цѣль оправдывала и средства. Начала тутъ были чисто спекулятивныя, а потому и школы обращались въ фабрики, гдѣ фабриковали дѣтей для экзаменовъ; дѣти дѣйствительно поступали въ казенныя заведенія, хотя и съ забитыми способностями; но общественныя потребности удовлетворялись, и всѣ были правы. Такія школы существуютъ въ немаломъ числѣ и теперь; но въ самомъ обществѣ уже замѣтны другія стремленія. Стали основываться и училища уже совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, и, какъ слышно, они наполняются учениками. Есть слухи, что имѣется въ виду основаніе другихъ новыхъ училищъ; слѣдственно развитіе разныхъ системъ воспитанія сдѣлалось возможнымъ; а потому вопросъ о воспитательныхъ принципахъ мы считаемъ однимъ изъ самыхъ современныхъ вопросовъ. Общество, сознавъ, что у него нѣтъ дѣятелей—гражданъ и людей, само для себя должно и воспитывать и образовывать ихъ, иначе было бы странно, еслибы мы все продолжали требовать, чтобы другіе воспитывали намъ людей для нашихъ потребностей. Прежде, напр., посылали русскихъ дѣтей воспитываться даже за границу; но теперь почти всѣ сознаютъ нелѣпость такого воспитанія подъ исключительнымъ вліяніемъ людей, которые не могутъ знать ни нашихъ нуждъ, ни нашихъ стрем-

леній, и которые, можетъ быть, имѣютъ даже интересъ противодѣйствовать нашему правильному развитію.

Когда общество само будетъ воспитывать для себя гражданъ и людей, тогда и правительству не нужно много заботиться о воспитаніи спеціалистовъ для своихъ потребностей. Оно можетъ выбирать себѣ дѣятелей изъ тѣхъ же гражданъ, и они вѣрно принесутъ ему много пользы, потому что будутъ дѣйствовать не въ духѣ своихъ сословныхъ исключительныхъ интересовъ, какъ дѣйствуютъ теперь, а въ духѣ гражданскомъ и человѣческомъ, распространяя въ массѣ тѣ блага, которыя имѣются въ виду у правительства. Тогда у этихъ дѣятелей разовьется любовь къ массѣ, такъ какъ при общихъ интересахъ ничто не будетъ ихъ отторгать отъ нея; она же также будетъ смотрѣть на нихъ довѣрчиво, такъ какъ будетъ видѣть, что одною своею стороною они принадлежатъ ей. Вслѣдствіе всего этого, конечно, въ ней разовьется довѣрчивость и къ правительству. Кто не согласится, что можно ожидать отъ жизни много хорошаго тогда, когда разовьется все это, а развиться можетъ только въ такомъ случаѣ, если само общество возьмется за правильное воспитаніе, и если воспитаніе училищное будетъ вести свое дѣло согласно съ коренными общественными потребностями.

Статья Морскаго Сборника, рисуя намъ отвлеченный идеалъ человѣка, и въ то же время смѣшивая многія разныя понятія, какъ, напр., отечество и правительство, высказываетъ наконецъ чрезвычайно странную мысль: она требуетъ устраивать училища по сословіямъ, съ тѣмъ, чтобы каждый сверчокъ зналъ свой шестокъ; видите ли: виновато образованіе въ низшихъ сословіяхъ въ Европѣ, если тамъ возникли враждебныя чувства междусословныя, которыя такъ много способствовали потрясенію общественнаго порядка, такъ какъ излишнее просвѣщеніе созидаетъ нужды искусственныя, неудовлетворимыя, порождающія только неудовольствіе и проч. Признаемся откровенно: у насъ едва поднялась рука только переписать такую дикую мысль, которая явно показываетъ, какъ не глубоко плаваетъ авторъ; скользить на лодочкѣ по поверхности моря и дѣлать заключенія о томъ, что находится на днѣ его, позволительно каждому, но ужъ лучше бы не высказывать такихъ заключеній, а таить ихъ про себя. Мы не считаемъ даже нужнымъ опровергать ихъ, такъ какъ уже высказали свой взглядъ, замѣтивъ, что у насъ исключительные сословные интересы и такъ подавляли интересы гражданскіе и человѣческіе. Это фактъ, съ которымъ едва ли кто будетъ спорить. А намъ вдругъ предлагаютъ разграничить даже воспитаніе по со-

словіямъ, и замѣчательно, что въ то же время боятся междусословныхъ враждебныхъ чувствъ. Не явное ли тутъ противорѣчіе? Вмѣсто того, чтобы всѣми силами сближать сословія между собою, мы будемъ устраивать особыя системы, чтобы окончательно разъединить всѣхъ. Интересно знать, къ чему же авторъ силился нарисовать намъ идеалъ человѣка съ тѣми качествами, которыя обусловливаютъ мужа и гражданина, изъ которыхъ слагается человѣкъ какъ разумное существо. Ему было бы сподручнѣе представить просто идеалъ чиновника, идеалъ купца, мѣщанина, крестьянина, да на томъ бы и покончить. Вотъ что̀ значитъ сочинять себѣ идеалы, потомъ и сами не знаете куда съ нимъ дѣваться. Впрочемъ, подобнаго рода противорѣчій не мало встрѣчается въ упомянутой статьѣ, въ которой поваго-то и есть только что это; большая же часть представляетъ одни повторенія того, что̀ уже прежде было высказано другими въ разныхъ журналахъ.

По нашему мнѣнію, воспитательныя заведенія только и можно раздѣлять, что по полу да по возрасту: три возраста—дѣтскій, отроческій, юношескій—требуютъ трехъ родовъ заведеній. Образованіе въ каждой школѣ опредѣляетъ гражданина, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. При посредствѣ благодѣтельной гласности каждой можно дать свободу въ развитіи: злоупотребленія въ ней тотчасъ же будутъ обнаружены.

Мы считаемъ гимназіи также общественными училищами, которыя должны удовлетворять потребностямъ общества или пожалуй народа, если его принимать не въ исключительномъ смыслѣ простого народа, считаемъ такъ потому, что отъ гимназій самимъ правительствомъ отнята всякая спеціальность, слѣдственно онѣ устранены и отъ сословныхъ интересовъ. Онѣ должны теперь тѣсно сблизиться съ обществомъ, съ народомъ, а слѣдственно и удовлетворять общимъ нравственнымъ потребностямъ. Я уже показалъ, въ чемъ въ настоящее время мы всѣ нуждаемся; въ чемъ заключаются наши коренныя общественныя потребности, какихъ людей и какихъ гражданъ дожидаемся мы для дѣятельности; и по моему мнѣнію, если систему воспитанія устраивать для жизни, а не для какихъ-нибудь другихъ отвлеченныхъ цѣлей, то слѣдуетъ взять за принципъ именно то, на что̀ указалъ я. У насъ обыкновенно говорятъ, что развитіе душевныхъ силъ или способностей должно составлять самое главное въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что если юноша, оканчивающій курсъ, выкажетъ въ себѣ значительное развитіе, то воспитательное заведеніе сдѣлало свое дѣло; отъ него больше ничего и не потребуется: развитой юноша съ извѣстнымъ запасомъ разнообразныхъ науч-

ныхъ познаній можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ. Противъ этого, конечно, спорить нельзя; но нельзя и не замѣтить, что ко всему этому недостаетъ еще одного весьма важнаго условія. Можно быть человѣкомъ развитымъ и образованнымъ такъ, какъ наша современность понимаетъ образованіе, но безъ всякаго направленія своихъ душевныхъ силъ; можно даже казаться человѣкомъ съ убѣжденіями, но безъ всякаго стремленія къ дѣятельности; такими большинство изъ развитыхъ юношей и выходитъ изъ гимназій. Еслибы все дѣло воспитанія состояло въ одномъ развитіи, тогда не о чемъ было бы много задумываться и спорить, какіе взять научные предметы для воспитанія, какъ распредѣлить ихъ, чѣмъ у насъ, по правдѣ сказать, теперь и занимаются въ вопросахъ о гимназическомъ воспитаніи. Каждый научный предметъ можетъ быть хорошимъ средствомъ для развитія, въ рукахъ порядочнаго педагога; выберите ихъ нѣсколько разнообразныхъ, пожалуй, хоть такихъ, какіе употребляютъ въ германскихъ училищахъ, какъ уже испытанные, непремѣнно достигнете своей цѣли, разумѣется, съ педагогическимъ умѣньемъ и тактомъ.

Но мы хотимъ, чтобы въ молодомъ человѣкѣ, вступающемъ въ жизнь, было какое-нибудь направленіе, безъ котораго онъ не будетъ знать, куда ему устремить свои силы. А направленіе его зависитъ отъ того, надъ чѣмъ болѣе приходилось ему думать, что давало ему матерьялъ для мышленія въ то время, когда еще развивались его умъ и нравственныя силы. Это обстоятельство весьма важно, и на него необходимо обратить вниманіе. Если вы занимали юношу только цифрой да буквой, то, конечно, и при этихъ условіяхъ онъ могъ хорошо развиться; но не требуйте отъ него такого направленія, какого у него не могло тутъ выработаться. Если вы заставляли его безпрестанно скакать отъ предмета къ предмету, такъ что у него не было возможности задумываться ни надъ одной живительной мыслью, то опять не требуйте отъ него того, чего онъ не могъ себѣ выработать. Надъ чѣмъ же слѣдуетъ заставлять его задумываться? надъ чѣмъ преимущественно останавливать его вниманіе? Это зависитъ отъ того принципа, который вы полагаете въ основаніе для образованія человѣка и безъ котораго мы не признаемъ возможности развить какую-нибудь правильную воспитательную систему. Онъ-то опредѣляетъ намъ, что поставить главнымъ воспитательнымъ орудіемъ, чему дать предпочтеніе передъ другими предметами, надъ чѣмъ остановить мысль ученика и развить ее. Берите принципъ, какой вамъ угодно, но не иначе какъ по немъ

выбирайте и распредѣляйте предметы ученія,—тогда у васъ будетъ единство въ воспитаніи, тогда будетъ и полная, закругленная система.

Разсмотрю это дѣло съ принятой мною точки зрѣнія. Здѣсь прежде всего я считаю нужнымъ обратиться къ статьѣ г. Робера „Коренной недостатокъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи", напечатанной въ 1859 г. въ октябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника. Авторъ ея, какъ видно, человѣкъ съ весьма сильнымъ воображеніемъ, и потому представилъ намъ картину современнаго гимназическаго воспитанія слишкомъ преувеличенно, мѣстами даже и каррикатурно, хоть въ ея основаніи есть много и правды; но мы не хотимъ останавливаться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ тѣшилась фантазія г. Робера, тѣмъ болѣе, что протестъ противъ нея уже былъ напечатанъ въ статьѣ г. Разумѣева [1]), а воспользуемся только его указаніемъ на тотъ недостатокъ, который дѣйствительно нужно признать кореннымъ въ нашихъ гимназіяхъ, и который г. Роберъ обрисовалъ довольно вѣрно— это обиліе научныхъ предметовъ. Ученикъ долженъ безпрестанно переходить отъ предмета къ предмету, не имѣя возможности ни на одномъ сосредоточиться; четыре или пять уроковъ въ классахъ съ учителями, да столько же вечеромъ во время приготовительныхъ занятій къ другому дню, и все разные предметы и всѣ требуютъ вниманія и болѣе или менѣе напряженія силъ. Но воспользуемся картиной самого Робера. „Попробуйте усиленно заняться, говоритъ онъ, въ одинъ день восемью разными предметами безъ отдыха въ продолженіе 14-ти часовъ, что выйдетъ въ головѣ вашей отъ этой работы? Едва ученикъ приглядится къ формамъ латинскимъ, онъ берется за географическія имена; едва умъ его началъ свыкаться съ ними, онъ берется за математическія выкладки; одно впечатлѣніе смѣняется другимъ, одно вытѣсняетъ другое, и у ученика въ концѣ дня не остается въ умѣ ничего опредѣленнаго, ни въ какомъ предметѣ онъ не сдѣлалъ ни шага впередъ, одна память удержала значительное число словъ, фактовъ, предложеній; но на долго ли? На другой день память его принимаетъ новую массу словъ, фактовъ, предложеній; на третій еще новую: какая же память въ состояніи удерживать все это?.. А посмотрите, какой вредъ выходитъ изъ этихъ требованій: въ низшихъ классахъ ученикъ еще работаетъ; тамъ и предметовъ меньше и классы чистописанія дѣлаютъ то, что онъ готовитъ почти каждый день только по три урока. Но

[1]) Русскій Міръ, 1860, №№ 7, 8, 9.

онъ еще малъ, онъ только что выучился читать и писать; онъ еще не умѣетъ серьезно учиться. А между тѣмъ ему преподаютъ вдругъ семь предметовъ, и онъ бѣдный, проработавъ весь день, рѣдко ложится спать раньше одиннадцатаго часа. Но чѣмъ больше онъ ростетъ, чѣмъ болѣе развивается, тѣмъ болѣе требованія увеличиваются, и ученикъ, вслѣдствіе совершенной невозможности честно исполнять требуемое, мало-по-малу перестаетъ работать, такъ что въ высшихъ классахъ добросовѣстно никто не готовится (надо прибавить: ко всѣмъ предметамъ). Большею частью готовятъ одною памятью только тотъ урокъ, который, по разсчету ученика, спроситъ учитель; прочаго рѣшительно не готовятъ".

Дѣйствительно, нужно признаться, что это обиліе научныхъ предметовъ много вредитъ современному воспитанію. Ученику рѣшительно некогда думать, некогда заняться какою-нибудь самостоятельною работою, некогда даже читать; между тѣмъ какъ чтеніе играетъ чрезвычайно важную роль въ разумномъ воспитаніи. Тутъ съ одной стороны естественное развитіе, съ другой стороны свободная дѣятельность духа. Случается, что ученикъ пристрастится къ какому-нибудь предмету и дѣйствительно хочетъ заняться имъ, поработать надъ нимъ, овладѣть имъ; представьте, какая въ это время дѣятельность совершается въ душѣ его; тутъ у него одинъ мѣсяцъ стоитъ года въ другую пору. Но, отдавъ этому предмету нѣсколько болѣе времени, онъ поневолѣ долженъ пренебречь двумя или тремя другими предметами, и поплатится за это неудовлетворительными отмѣтками, а можетъ быть и лишнимъ годомъ въ классѣ. Но осудите ли вы его за то, что онъ хотѣлъ работать самостоятельно надъ наукою, которая успѣла увлечь его? Ученики со слабыми силами, безпрестанно переходя отъ предмета къ предмету и развлекаясь, удерживаютъ изъ каждаго предмета кое-что; конечно, ужъ тутъ не можетъ быть никакого увлеченія, тутъ только одно смѣшеніе въ головѣ, которое никакъ не можетъ удовлетворить ни одну сколько-нибудь живую натуру; иные, видя свое безсиліе, совсѣмъ бросаютъ заниматься и ищутъ удовлетворенія потребностямъ своему юному духу въ чтеніи; но чтеніе это происходитъ, конечно, тайкомъ, и книгъ безъ всякаго выбора, направленія тутъ также никакого не можетъ образоваться. Есть и такіе прилежные ученики съ развитымъ честолюбіемъ, которые хотятъ получать хорошія отмѣтки отъ всѣхъ учителей, и они дѣйствительно учатъ твердо уроки по всѣмъ предметамъ, и при внимательности въ классѣ, повидимому, хорошо понимаютъ ихъ, и развиваются; но зато ужъ у нихъ не

остается никакого свободнаго времени, чтобы предаться чтенію, чтобы заняться какимъ-либо умственнымъ трудомъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ урокамъ учителя: а чуть который позволилъ себѣ то или другое, смотритъ — ужъ и отсталъ отъ какого нибудь предмета. Гдѣ существуютъ ученическія библіотеки, можно замѣтить, что прилежные ученики рѣже, чѣмъ другіе, берутъ книги для чтенія, на томъ основаніи, что имъ некогда читать, и это совершенно основательно. Иной учитель, понимая всю важность самостоятельныхъ работъ, и хотѣлъ бы занять ими своихъ учениковъ, но никакъ не можетъ настаивать на этомъ: онъ знаетъ, что для такихъ занятій нужно имѣть сколько-нибудь лишняго времени, котораго ученикъ не можетъ найти; отнимать же у него даже часъ гулящаго времени или праздника было бы ужъ рѣшительно безжалостно. Надо подумать и о физической сторонѣ человѣка. Нѣсколько помогаютъ горю только однѣ каникулы, когда юноша можетъ предаться нѣкоторой самодѣятельности духа. Напрасно иные думаютъ, что въ каникулы ученикъ ничего не дѣлаетъ и что это время для него совершенно пропащее. Да, онъ дѣйствительно не дѣлаетъ того, что дѣлалъ въ теченіе года; но душа его дѣлаетъ больше, она живетъ полнѣе; онъ думаетъ и передумываетъ многое, что̀ у него накопилось прежде и надъ чѣмъ онъ не имѣлъ времени подумать; онъ предается своимъ склонностямъ, однимъ словомъ, духъ его невидимо работаетъ. Кто изъ внимательныхъ педагоговъ не замѣчалъ, что половина, если не болѣе изъ его учениковъ, явившись послѣ каникулъ въ классъ, оказывается значительно болѣе развитою, чѣмъ была за шесть или за семь недѣль до этого. Такой фактъ также заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. А между тѣмъ иные педагоги требуютъ, чтобы ученики ихъ и во время каникулъ не оставляли своихъ прежнихъ книжныхъ занятій съ цыфрами и съ буквами, отъ которыхъ они имѣютъ явную потребность въ отдыхѣ.

Обременяя и развлекая юношей множествомъ разнообразныхъ предметовъ, можемъ ли мы требовать отъ нихъ какихъ-нибудь убѣжденій, какого-либо направленія, когда имъ не приходилось преслѣдовать никакой мысли, не приходилось ни надъ чѣмъ долго и серьезно задумываться за неимѣніемъ времени. Правда, у лѣнивыхъ и недѣятельныхъ учениковъ есть довольно свободнаго времени; но оно проводится безъ всякой пользы, потому что никто имъ не управляетъ, и въ результатѣ не оказывается ни основательныхъ познаній ни въ одномъ предметѣ, ни развитія, ни направленія.

Отъ всего этого происходитъ, что часто даже очень хорошіе

ученики, оканчивая курсъ въ гимназіи, рѣшительно не знаютъ, какой выбрать себѣ университетскій факультетъ. Они до этихъ поръ не имѣли возможности почувствовать особенную склонность ни къ одному научному предмету, потому что хотѣли успѣвать во всѣхъ одинаково и тратили на это все свое время. И факультетъ выбирается нерѣдко взвѣшиваніемъ выгодъ, какія отъ него можно получить въ будущемъ. Иные же выбираютъ такой, въ которомъ не читается ни одинъ изъ гимназическихъ предметовъ, такъ имъ надоѣли всѣ эти предметы, и надоѣли потому, что должны были гоняться за всѣми, а овладѣть не имѣли силъ ни однимъ.

Необходимость дать ученикамъ болѣе свободнаго времени для занятій самостоятельныхъ, замѣтилъ еще въ 1858 году г. Гаяринъ въ статьѣ „Объ организаціи учебной части гимназій“ [1]). Онъ предложилъ въ шестомъ и седьмомъ классахъ одинъ день въ серединѣ недѣли сдѣлать совершенно свободнымъ; но вмѣсто того, чтобъ уменьшить число научныхъ предметовъ, онъ хотѣлъ еще увеличить ихъ англійскимъ языкомъ, естественными науками, химіей. Значитъ, ученикъ долженъ бы былъ еще болѣе развлекаться, скользя отъ одного предмета къ другому, и свободный день пошелъ бы не на самостоятельный трудъ, а на тѣ же приготовленія къ ежедневнымъ урокамъ, къ которымъ онъ почему либо не успѣлъ прежде приготовиться. Ясно, что желанной пользы не можетъ быть отъ такой мѣры.

Чтобы сосредоточивать вниманіе юношей только на предметахъ извѣстнаго рода, г. Благовѣщенскій, въ статьѣ „Педагогическія замѣтки“ [2]), предлагаетъ факультетское раздѣленіе высшихъ классовъ гимназій. При этомъ онъ имѣетъ въ виду ввести въ гимназическій курсъ нѣсколько новыхъ предметовъ, какъ, напр., технологію, химію и проч., такъ какъ сознаніе важности и необходимости ихъ для нашего времени и въ особенности для Россіи все болѣе и болѣе проникаетъ въ наше общество. „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, съ одной стороны правительство было бы избавлено отъ необходимости основанія множества отдѣльныхъ реальныхъ школъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся; а съ другой —въ филологическихъ отдѣлахъ нашихъ гимназій легко можно было бы возвысить изученіе различныхъ словесныхъ и историческихъ наукъ до тѣхъ размѣровъ, какіе при теперешнемъ устройствѣ упомянутыхъ заведеній рѣшительно невозможны. Упомянутое

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1858, ноябрь, № 2.

[2]) Библіотека для Чтенія, 1860, февраль.

устройство гимназій, продолжаетъ онъ, удовлетворило бы требованіямъ и гуманистовъ и реалистовъ, которые, благодаря своему излишнему увлеченію и одностороннему взгляду на дѣло, впали въ двѣ противоположныя крайности... Распространеніе программъ тѣхъ наукъ, далѣе замѣчаетъ авторъ, которыя преподаются въ гимназіи и пополненіе ихъ новыми предметами возвысило бы общій уровень нашей цивилизаціи... Необходимо поднять уровень науки въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ концѣ опять говоритъ онъ, чтобы поселить къ ней уваженіе и любовь въ русскомъ обществѣ, а этого при настоящемъ устройствѣ нашихъ гимназій сдѣлать рѣшительно невозможно. Факультетское раздѣленіе высшихъ классовъ—вотъ единственное средство, прямымъ путемъ ведущее къ этой возвышенной и желанной цѣли. Холодность русскаго общества къ наукѣ, прибавляетъ авторъ, много зависитъ между прочимъ отъ того отвращенія, которое поселяетъ къ ней наша школа. Не странно ли, что человѣкъ, съ громадными усиліями прошедшій чрезъ многонаучное семиклассное чистилище, съ цѣлію попасть на одну изъ ступеней четырнадцатиклассной гражданской лѣстницы, кидаетъ—употребимъ техническое выраженіе—книги въ печку и прощается съ ними навсегда. При множествѣ предметовъ, входящихъ въ гимназическую программу, и учебники и наставники принуждены сообщать своимъ паціентамъ самыя сухія и элементарныя свѣдѣнія, гдѣ главное мѣсто отведено номенклатурѣ и числамъ. Можетъ ли при такомъ условіи наука оказать на общество свое нравственное цивилизующее вліяніе? Да, къ сожалѣнію, русскому юношѣ она до сихъ поръ является почти исключительно въ формѣ безжизненнаго, безобразнаго скелета, безъ плоти и крови“...

Съ мыслію г. Благовѣщенскаго о факультетскомъ раздѣленіи гимназій сходится и г. Разумѣевъ [1]). „Требуя обширныхъ знаній отъ гимназистовъ, говоритъ онъ, мы только теряемъ время, которое могли бы употребить на развитіе дѣльныхъ понятій о преподаваемыхъ предметахъ. Видя несостоятельность нынѣшнихъ требованій, слѣдуетъ отказаться отъ нихъ откровенно. Тогда мы не увидимъ болѣе экзаменной учености нашихъ учениковъ, но зато услышимъ отъ нихъ разумные отвѣты, что называется, своими словами, и будемъ увѣрены, что каждый ученикъ, получивъ отъ насъ средство къ продолженію занятій, имѣетъ полную возможность дѣльно продолжать пріобрѣтеніе какой угодно отрасли знаній... Хорошо было бы, если бы съ V-го класса, тѣхъ уче-

[1]) Русскій Міръ, 1860, № 9.

никовъ, которые показываютъ больше другихъ склонности къ математикѣ, вовсе избавили бы отъ латинскаго языка и заняли вмѣсто того математикою, физикою и математическою географіей, а тѣхъ, которые имѣютъ больше склонности къ изученію языковъ, избавили бы отъ математики, математическихъ формулъ въ физикѣ и заняли древними языками и исторіей. При переходѣ въ V-й классъ всегда можно опредѣлить, къ чему больше склоненъ ученикъ, къ языкамъ или къ математикѣ, и мы можемъ воспользоваться этою склонностью, зная, что научный предметъ успѣшно развиваетъ только тогда, когда легко дается и допускаетъ поэтому самостоятельный трудъ. Это раздѣленіе учениковъ по склонности придумано не мною, а есть фактъ, хорошо извѣстный и ученикамъ и учителямъ. Если ученикъ правильно разовьется, то ему не будетъ препятствія идти въ любой факультетъ, потому что недостающія фактическія знанія не трудно пріобрѣсть частными занятіями“...

Всѣ эти предложенія ясно доказываютъ необходимость сократить для гимназистовъ число научныхъ предметовъ, но мы приводимъ ихъ не для того, чтобы совершенно согласиться съ ними. Кто понялъ нашъ взглядъ на современное русское воспитаніе, тотъ также пойметъ, что мы не можемъ сойтись съ ними. Мы хлопочемъ не объ одномъ развитіи посредствомъ науки, но и объ извѣстномъ направленіи, что̀ можетъ дать не каждая наука одинаково, поэтому тутъ о факультетскомъ раздѣленіи гимназій не можетъ быть и рѣчи. Мы также хотимъ облегчить правительство, но не тѣмъ, чтобъ ему не приходилось заводить реальныя училища; заботу объ этомъ само правительство отдаетъ обществу. Мы хотимъ, чтобы правительство имѣло возможность выбирать себѣ дѣятелей изъ истинныхъ гражданъ, сознающихъ гражданскіе интересы. Мы также хотѣли бы, чтобы въ обществѣ развилось уваженіе къ наукѣ, но видимъ для этого средство только въ распространеніи среди того же общества человѣческихъ интересовъ. Мы согласны, что встрѣчаются такіе ученики, которые успѣваютъ въ древнихъ языкахъ и не могутъ успѣть въ математикѣ, и наоборотъ, но не видимъ въ этомъ никакой причины для факультетскаго дѣленія: встрѣчаются и такіе ученики, которые, успѣвая во всѣхъ предметахъ, не могутъ успѣть въ исторіи, или успѣвая въ исторіи, не ладятъ съ физикой, или съ нѣмецкимъ языкомъ. Неужели же на основаніи этого можно допустить всевозможныя раздробленія гимназическихъ предметовъ? Горю этому можетъ помочь правильно веденное воспитаніе, которое всегда противъ всякой поспѣшности и скороспѣлости. Да-

вайте ученикамъ столько, сколько они принять могутъ, и вѣрно не найдется ни одного, который бы рѣшительно не могъ успѣть въ какомъ бы то ни было предметѣ. При томъ же начинать древніе языки съ пятаго класса, значитъ отнимать у нихъ ту педагогическую силу, какую, обыкновенно, признаютъ за ними. Если согласиться, что они дѣйствительно составляютъ прекрасное образовательное средство для развитія, то отчего-жъ не употребить его раньше, когда знакомиться съ формами языка и легче и не такъ скучно. Съ пятаго класса юноша долженъ уже знакомиться съ самыми писателями, долженъ болѣе или менѣе свободно разбирать ихъ; тогда только въ древнихъ языкахъ онъ и найдетъ дѣйствительную пользу. А вы хотите въ это время занимать его только буквой да формой; когда же онъ доберется до литературы, до возможности развиваться эстетически при помощи этихъ языковъ? Развѣ только за мѣсяцъ до окончанія гимназическаго курса! Или, можетъ быть, вы хотите начать занятіе древними языками со второго или третьяго класса, не разбирая, кто выберетъ какой факультетъ, а потомъ въ пятомъ классѣ съ одними изъ нихъ прекративъ занятіе языками, тѣмъ признаете, что и прежде совершенно напрасно теряли съ ними время въ этихъ занятіяхъ? Что же за польза въ самомъ дѣлѣ — начать языкъ, едва одолѣть букву и форму, и потомъ бросить безо всякаго употребленія?

Отвергая и всякую спеціальность въ назначеніи гимназій, спеціальность, на которую дѣлаетъ намекъ г. Благовѣщенскій, я въ то же время не могу признать за гимназіями и обязанности готовить молодыхъ людей для того или другого университетскаго факультета. Гимназія не должна насиловать свое воспитаніе для спеціальныхъ или ученыхъ цѣлей университета. Она должна представлять только обществу образованныхъ людей и гражданъ, воспитанныхъ на основаніи коренныхъ общественно-духовныхъ потребностей. Университетъ же, преслѣдуя другія цѣли, безспорно цѣли важныя и высокія, долженъ позаботиться начинать свое дѣло отъ того уровня, на которомъ стоитъ общая русская образованность. Если ему нужно, онъ можетъ установить у себя приготовительные курсы или распространить чтеніе лекцій отъ четырехъ до пяти и до шести лѣтъ или распорядиться, какъ ему угодно, въ своей сферѣ, но не требовать отъ гимназій, чтобы онѣ служили исключительно его факультетамъ. Дѣйствуя на извѣстныхъ принципахъ, гимназіи не могутъ удержать всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые могли бы понадобиться университету для его спеціальностей.

Настаивая на необходимости сохранить число научныхъ предметовъ въ гимназіяхъ, мы не имѣемъ въ виду сокращенія числа классныхъ часовъ, какое существуетъ нынѣ, мы только хотимъ, чтобы ученику не приходилось каждый часъ мѣнять занятія, перескакивая отъ предмета къ предмету, чтобы онъ имѣлъ возможность на нѣкоторыхъ предметахъ сосредоточиваться и не заучивать, а дѣйствительно изучать ихъ, чтобы онъ имѣлъ время для самостоятельнаго труда и для чтенія.

Наконецъ считаю нужнымъ сдѣлать еще одно указаніе, чтобы точнѣе опредѣлить свой взглядъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ о гимназическомъ воспитаніи жалуются, что гимназія сообщаетъ такія знанія, которыя въ жизни забываются, слѣдственно оказываются безполезными и даже никуда негодными. „Гимназистъ учится физикѣ, замѣчаетъ г. Роберъ, заучиваетъ математическія формулы законовъ природы, кончаетъ курсъ, получаетъ 5, и если онъ не вступитъ на математическій факультетъ въ университетъ, то знаніе этихъ формулъ и выводовъ никогда не встрѣтится ему въ жизни, и онъ ихъ забудетъ“... Рисуя идеалъ образованнаго человѣка, незнающаго многаго, что учитъ гимназистъ, г. Роберъ очень наивно восклицаетъ: „Неужели нужно меньше познаній, чтобъ быть образованнымъ человѣкомъ? вѣдь имя образованнаго человѣка есть далекая цѣль, къ которой еще только стремится гимназистъ?“ Подобные вопросы слышатся и не отъ одного г. Робера. Мы на это скажемъ, что всякое знаніе забывается, если оно остается безъ употребленія; забывается даже родной языкъ, если на немъ перестаютъ говорить. Что же удивительнаго, что многое, изучаемое въ школѣ, забывается въ жизни? Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что ученика должно занимать только тѣмъ, что̀ имѣетъ практическое приложеніе въ жизни. Наука при воспитаніи служитъ какъ педагогическое средство для развитія ученика. Если она сдѣлала свое дѣло, развила его, то нѣтъ никакой бѣды, что въ дальнѣйшей жизни она забудется, оставшись безъ всякаго примѣненія. Но вы ужъ никакъ не можете сказать, что она сообщала вамъ безполезныя познанія, и что на нее вы потратили совершенно даромъ время. Это скажетъ только человѣкъ, не имѣющій никакого понятія о педагогическихъ пріемахъ. Кто ручается, что развитію вашего образованнаго человѣка не послужили тѣ же самыя науки, которыя онъ забылъ, оставивъ школу, что не изучая ихъ, онъ не былъ бы такъ развитъ, не „былъ бы въ состояніи слѣдить за литературой, съ пользой читать серьезныя сочиненія, заняться какимъ угодно дѣломъ, требующимъ общаго образованія“, какъ

представляетъ г. Роберъ въ своемъ идеалѣ? Да мы сами не забываемъ ли безпрестанно многихъ сочиненій, которыя намъ приходилось читать; а между тѣмъ никакъ не скажемъ, что чтеніе ихъ было для насъ безполезно. Нѣтъ, въ эти мгновенія мы много передумывали, наводились на многія мысли, которыя составили звено въ непрерывной цѣпи нашего мышленія, проясняли и тѣ и другія стороны жизни, вырабатывали себѣ убѣжденія, все это составило часть нашего собственнаго бытія, а между тѣмъ мы уже забыли и тѣ книги и тѣ свѣдѣнія, которыя въ нихъ останавливали наше вниманіе и наводили насъ на важныя мысли. Нѣкоторыя добытыя знанія могли впослѣдствіи оказаться даже ложными; значитъ ли, что въ минуту пріобрѣтенія ихъ они были для насъ совершенно безполезны? Тѣмъ большее значеніе имѣютъ познанія, сообщаемыя ученику. Они особенно важны въ моментъ пріобрѣтенія, какъ матеріалъ для мысли, какъ умственное упражненіе. Разумѣется, я принимаю знанія живыя, а не схоластику, сковывающую умъ. Въ этомъ случаѣ и математическая формула имѣетъ свое значеніе и грамматическій разборъ фразы, если онъ дѣлается съ педагогической цѣлью. Репетиціи также тутъ бываютъ необходимы, потому что въ наукѣ одно вытекаетъ изъ другого, одно основывается на другомъ. Я не говорю о тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія часто бываютъ для блеска экзаменовъ; экзамены, пожалуй, могутъ и совершенно уничтожиться, дѣло не въ нихъ, а въ педагогической силѣ науки. Такимъ образомъ вопросъ о степени практической пользы школьныхъ познаній въ жизни должно совершенно устранить.

Теперь обратимся къ нашему предмету и посмотримъ, какія науки удобнѣе взять для гимназическаго воспитанія, сообразно съ нашими цѣлями. Ясно, что всѣ, преподаваемыя теперь въ гимназіяхъ, удержать нѣтъ возможности, чтобы дѣло шло успѣшно. Слѣдственно вопросъ поставляется такимъ образомъ: какія изъ нихъ устранить, какія сократить, и есть ли необходимость какія-либо ввести вновь? Я уже замѣтилъ прежде, что для насъ важно не только развитіе юноши, но и его направленіе, которое зависитъ отъ того, надъ чѣмъ болѣе и основательнѣе приходилось ему думать, и что переработывалось въ его душѣ, дѣлаясь основаніемъ его убѣжденій. Имѣя въ виду нашъ принципъ, разумѣется, мы должны дать предпочтеніе наукамъ словеснымъ и историческимъ, соединеннымъ съ основательнымъ чтеніемъ книгъ, выборъ которыхъ долженъ быть сдѣланъ весьма тщательно, чтобы ученику дѣйствительно стоило надъ чѣмъ подумать. Эти науки способнѣе чѣмъ какія либо другія развивать

въ человѣкѣ сочувствіе къ интересамъ человѣческимъ и гражданскимъ. Онѣ дѣйствуютъ и на умственную, и на нравственную, и на эстетическую сторону, представляя въ то же время богатый матеріалъ для мышленія. Значитъ, основательное изученіе языковъ, словесности и исторіи должно быть главнымъ, первостепеннымъ занятіемъ при гимназическомъ воспитаніи. Изученіе иностранныхъ языковъ должно быть доведено до того, чтобы ученикъ уже съ пятаго класса могъ понимать читаемое безъ особенно большого затрудненія; чтобы ему приходилось думать не надъ одной буквой и фразой, но надъ самыми мыслями, чтобы онъ могъ слѣдить за развитіемъ ихъ и такимъ образомъ принимать въ себя содержаніе цѣлыхъ главъ и сочиненій, и наконецъ могъ бы вникать и въ эстетическія достоинства изящныхъ произведеній. На эстетическій элементъ здѣсь необходимо обратить особенное вниманіе, такъ какъ изъ всѣхъ искусствъ поэзія доступнѣе прочихъ при образованіи общественномъ; доказывать же, какое важное значеніе при воспитаніи имѣютъ искусства, я полагаю, нѣтъ надобности. Разумѣется, ученику необходимо разумно объяснять поэтическія красоты и идеалы, въ которыхъ онъ найдетъ сосредоточіе интересовъ человѣческихъ и національныхъ. Искусство прежде всего представляетъ намъ человѣка и народъ; а къ пониманію-то ихъ интересовъ и стремимся мы. Къ сожалѣнію, искусство до сихъ поръ преподавалось такъ, что никакимъ образомъ не могло достигать этой цѣли, а потому жизнь многихъ артистовъ, оказывающихся недостойными людьми и гражданами, не можетъ служить намъ опроверженіемъ.

Въ настоящее время въ гимназіяхъ въ общемъ употребленіи три иностранные языка: латинскій, французскій и нѣмецкій. Въ иныхъ преподается еще греческій, а проектъ новаго гимназическаго устава, согласно съ нѣкоторыми педагогическими статьями, хочетъ ввести его во всѣ нормальныя гимназіи. Опытъ показалъ, что изученіе четырехъ иностранныхъ языковъ, такое, какое до сихъ поръ было въ гимназіяхъ, весьма неудовлетворительно и не приноситъ ожидаемой пользы; ясно, что его нужно значительно усилить; но гдѣ же взять время, о которомъ теперь идетъ вопросъ? Конечно, необходимо исключить изъ программы большую часть другихъ предметовъ, чисто научныхъ. Проектъ упомянутаго устава и не думаетъ о сокращеніи, тогда какъ педагогическія статьи дѣйствительно предлагаютъ его въ пользу древнихъ языковъ. Вотъ, напр., что говоритъ г. Роберъ: „по моему мнѣнію, древніе языки, это великое орудіе гуманизма для

всѣхъ новоевропейскихъ народовъ, и въ педагогическомъ отношеніи представляютъ болѣе матеріала для самостоятельной работы, нежели всѣ другіе гимназическіе предметы. При изученіи древнихъ языковъ, каждый урокъ ученикъ разбираетъ самъ, самъ идетъ впередъ, учитель только поддерживаетъ и направляетъ. Кромѣ того ни въ одномъ предметѣ нѣтъ такого постепеннаго перехода отъ легкаго къ трудному, какъ въ разнообразіи древнихъ писателей. По мѣрѣ бо́льшаго знакомства съ языкомъ, по мѣрѣ увеличенія возраста ученика, берутся для переводовъ писатели все болѣе и болѣе трудные. Изъ чтенія древнихъ писателей ученикъ знакомится самостоятельно, не съ чужихъ словъ, съ цѣлою эпохой въ исторіи человѣчества, съ единственною изъ великихъ историческихъ эпохъ, которая вполнѣ окончилась, и потому можетъ вполнѣ подлежать нашему сужденію—сужденію самостоятельному, отчетливому, научному, вполнѣ овладѣвающему причинною связью событій. О человѣкѣ еще живущемъ нельзя произнести основательнаго и окончательнаго сужденія: его жизнь еще въ его волѣ; онъ еще невполнѣ высказался (но отчего-жъ не судить о томъ, что̀ уже прежде высказалось?); мы принуждены смотрѣть на него съ надеждой и ожиданіемъ (тѣмъ болѣе онъ интересенъ для насъ!). То же самое слѣдуетъ сказать о живыхъ языкахъ и народахъ. Познать можно только то, что̀ отжило; отсюда и самое слово: познаніе (едва ли это не искусный софизмъ!). Познанія, въ истинномъ смыслѣ слова, не можетъ быть тамъ, гдѣ наше сужденіе зависитъ хоть сколько-нибудь отъ нашихъ надеждъ и ожиданій (?). Поэтому-то высшее гуманистическое образованіе, ведущее юношей къ самобытности мысли, къ свободѣ сужденія, къ живой силѣ характера, у всѣхъ народовъ новаго міра основано на изученіи мертвыхъ древнихъ языковъ и на короткомъ знакомствѣ съ древностію, этою величайшею изъ отжившихъ эпохъ въ исторіи человѣчества. Итакъ, при реформѣ гимназическихъ программъ, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ держаться всемірнаго опыта, и сдѣлать древніе языки краеугольнымъ камнемъ гимназическаго ученія. Къ древнимъ языкамъ прибавьте математику, которая прекрасно дополняетъ развитіе. Наконецъ, такъ какъ намъ еще рано обходиться безъ иностранныхъ языковъ, преподавайте одинъ изъ нихъ. Сверхъ того, назначьте всякій день чтеніе съ объясненіями учителя, а если задавать самостоятельныя работы изъ этого чтенія, то можете представить, какъ много познаній пріобрѣтутъ ученики, и насколько эти познанія будутъ прочнѣе и существеннѣе пріобрѣтаемыхъ нынѣ. Подъ конецъ

гимназическаго курса, когда умъ учениковъ разовьется, пройдете съ ними вкратцѣ другія науки, которыя впослѣдствіи могутъ быть имъ нужны, какъ подготовка къ пріобрѣтенію спеціальныхъ знаній въ факультетахъ университета или спеціальныхъ школахъ..."

Слѣдственно древнимъ языкамъ, кромѣ математики и одного изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, все прочее приносится въ жертву. Нисколько не опровергая педагогической важности древнихъ языковъ, спросимъ себя: соотвѣтствуетъ ли жертва той пользѣ, какая ожидается или какая можетъ быть? Мы хотимъ развить въ юношѣ сочувствіе къ интересамъ человѣческимъ и гражданскимъ, и вводимъ его въ древній міръ! Средство, конечно, не противорѣчитъ цѣли, но для того, чтобъ ученикъ имѣлъ возможность весь погрузиться въ этотъ міръ, мы устраняемъ отъ него всѣ ближайшія къ намъ историческія явленія, въ которыхъ человѣчество такъ блистательно проявило себя, и устраняемъ на томъ основаніи, что новѣйшій человѣкъ еще не вполнѣ высказался. Мы готовимъ человѣка для жизни, готовимъ гражданина для дѣятельности, и хотимъ оторвать его отъ настоящаго, отъ его исторіи для того, чтобъ онъ проникся интересами греческой и римской жизни! Не то ли же это будетъ, что отдать львенка на воспитаніе орлу? Положимъ, что изученіе жизни древнихъ полезно во многихъ отношеніяхъ, и мы хотѣли бы, чтобы юноша основательно знакомился съ нею; но требовать, чтобы ей принесено было въ жертву все прочее—это уже крайнее увлеченіе; оно особенно выказывается въ желаніи г. Робера, чтобы юноша самъ основательно и окончательно произнесъ приговоръ надъ древнею жизнію, такъ какъ она вполнѣ закончилась и слѣдственно подлежитъ сужденію каждаго. Но чтобы судить основательно и самостоятельно о чемъ-либо, нужно имѣть какую-нибудь твердую опору, безъ которой всѣ наши сужденія и приговоры будутъ слишкомъ шатки. Для этого нужны знанія,—знанія, изъ которыхъ и вырабатываются наши убѣжденія, а чтобъ они не были убѣжденія отсталыя, приносящія общему дѣлу не пользу, а вредъ, то и знанія должны быть согласны съ выводами современной науки. Конечно, здѣсь мы противорѣчимъ г. Роберу, который говоритъ, что въ воспитаніи знаніе—дѣло второстепенное, а главное—развитіе. Мы, напротивъ, одно совершенно сливаемъ съ другимъ, зная, что человѣкъ и развивается черезъ знаніе, что чѣмъ онъ развитѣе, тѣмъ болѣе требуется и пищи для его духовной дѣятельности. Мы увѣрены, что самобытность мысли, свобода сужденія, живая сила

характера, о чемъ заботится г. Роберъ, зависятъ не отъ исключительнаго изученія мертвыхъ древнихъ языковъ, а отъ твердыхъ убѣжденій. Вотъ о нихъ-то и нужно хлопотать намъ; а для того не слѣдуетъ и слишкомъ ограничивать кругъ знаній; нужно только выбирать такія, изъ которыхъ впослѣдствіи могутъ выработаться дѣйствительно твердыя убѣжденія въ тѣсной связи съ интересами человѣческими и гражданскими. Отъ этихъ убѣжденій зависитъ самая нравственность, потому что она сдѣлается вполнѣ сознательною, слѣдственно крѣпкою и неразвратимою. Не имѣя этого въ виду, многіе дѣлали сильные промахи въ воспитаніи, полагая, что достаточно развивать всѣми силами только нравственную сторону человѣка, а пріобрѣтенію знаній можно дать мѣсто второстепенное. Люди, воспитанные подъ такимъ вліяніемъ, рѣдко выходили вполнѣ нравственные, что очень понятно: ихъ нравственность не имѣла твердой опоры и скоро совращалась подъ вліяніемъ страстей и увлеченій.

Такимъ образомъ мы видимъ, что исключительное изученіе древнихъ языковъ непремѣнно должно помѣшать пріобрѣтенію знаній весьма важныхъ для убѣжденій современнаго человѣка и гражданина, не говоря уже о томъ, что оно исключаетъ, по предложенію г. Робера, изученіе французскаго или нѣмецкаго языка, тогда какъ и тотъ и другой для насъ весьма важны, чтобы стоять въ уровень съ просвѣщенною Европою.

Но, не произнося пока послѣдняго слова по вопросу о древнихъ языкахъ, привожу еще сужденіе барона Николаи изъ статьи Морского Сборника: „Никто не станетъ, я думаю, оспаривать, пишетъ онъ, замѣчательной стройности древне-греческаго и латинскаго языковъ, изящности, силы и красоты ихъ оборотовъ рѣчи; изящная ихъ отдѣлка развиваетъ вкусъ; наконецъ самое ихъ качество быть мертвыми языками, затрудняя ихъ изученіе, налагаетъ большія усилія на вниманіе, на прилежаніе, на разсудокъ учащихся. Прибавлю и то, что древность представляетъ самые характеристическіе типы доблестей гражданскихъ, самыхъ блистательныхъ представителей краснорѣчія. Изъ этого легко заключить, что изученіе этихъ языковъ составляетъ немаловажное упражненіе для пріученія къ основательному труду умственному, къ логическому правильному мышленію и изложенію мыслей, развиваетъ вкусъ, красоту, ясность и сжатость въ рѣчи, представляетъ типы любви къ отечеству, гражданскаго мужества, военныхъ доблестей. Слѣдовательно, оно въ одно и то же время способствуетъ къ образованію разсудка, воли и вкуса. Поверхностность въ

этомъ изученіи почти невозможна, нужна основательность; а привычка основательно изучать предметъ, не скользить по поверхностямъ, не ограничиваться наружнымъ блескомъ и лоскомъ, не суть ли качества, которыя полезны для каждаго человѣка, для каждаго народа. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы въ нашемъ народномъ образованіи древнія литературы занимали то поглощающее мѣсто, которое имъ предоставлено въ Англіи и Германіи. Въ нашемъ народномъ образованіи онѣ имѣютъ характеръ только педагогическій; но если согласиться съ тѣмъ, что онѣ имѣютъ вышеприведенныя педагогическія достоинства, то нельзя не ввести преподаванія ихъ въ программы гимназій, дѣлая его общеобязательнымъ, предоставляя ему мѣсто между главными предметами. Къ этому я присовокупляю, что преподаваніе это не должно начинаться съ 4-го класса, но по крайней мѣрѣ со 2-го, начинаться не съ этимологіи, но съ грамотности, т.-е. съ чтенія, выучиванія словъ; однимъ словомъ, подчиняться тѣмъ же условіямъ, какъ и изученіе живыхъ языковъ, съ той эпохи, когда изученіе это переходитъ къ практическимъ упражненіямъ въ чтеніи и письмѣ. Я не нахожу необходимымъ изученіе двухъ древнихъ языковъ; каждый изъ нихъ отдѣльно соотвѣтствуетъ тѣмъ образовательнымъ условіямъ, которыя изложены выше; но полагаю, что полезно принять однообразную въ этомъ отношеніи систему и что во всякомъ случаѣ изученіе обоихъ несравненно полезнѣе, чѣмъ исключеніе того и другого“...

Не вступая въ споръ съ барономъ Николаи, замѣчу, что здѣсь онъ противорѣчитъ своему взгляду на древній міръ, высказанному въ сужденіи о преподаваніи древней исторіи. Здѣсь онъ находитъ въ древней жизни типы любви къ отечеству, гражданскаго мужества, военныхъ доблестей. Повидимому, такая-то исторія и должна быть особенно привлекательна и даже полезна въ педагогическомъ отношеніи. По баронъ Николаи разсуждаетъ иначе: „Гражданскій бытъ древняго міра, говоритъ онъ, не имѣетъ никакой связи съ нашимъ гражданскимъ бытомъ; семейный его бытъ, основанный на язычествѣ, еще менѣе примѣнимъ къ христіанскому обществу; древній міръ оставилъ по себѣ великолѣпные памятники человѣческаго ума и человѣческаго вкуса; но нравственное его устройство только возбуждаетъ состраданіе въ христіанинѣ; поэтому самому, въ образованіи человѣка-христіанина исторія древняго міра можетъ занимать только второстепенное мѣсто“...

Не соглашаясь со взглядомъ барона Николаи на древнюю исторію, мы готовы подтвердить его мысль, что въ нашемъ образованіи древніе языки имѣютъ характеръ только педагогическій и что каждый изъ нихъ отдѣльно соотвѣтствуетъ тѣмъ образовательнымъ условіямъ, которыя изложилъ онъ. Но такъ какъ при другихъ необходимыхъ научныхъ предметахъ основательное изученіе ихъ обоихъ невозможно по недостатку времени, то нужда заставляетъ остаться только при одномъ. Повторяя еще разъ, что мы рѣшаемъ здѣсь важный для насъ вопросъ о времени, которымъ слѣдуетъ воспользоваться какъ можно выгоднѣе. Если бы время позволило не въ ущербъ основательному ученію, то мы первые стали бы на сторону обоихъ древнихъ языковъ. Но такъ какъ поверхностное и весьма неудовлетворительное изученіе обоихъ не достигаетъ той цѣли, какой можетъ достигнуть основательное изученіе одного, то мы и останавливаемся на этой единичности. Теперь спрашивается: которому же изъ двухъ дать предпочтеніе? По моему мнѣнію, слѣдовало бы оставить попрежнему—языкъ латинскій, потому во-первыхъ, что онъ имѣетъ тѣсную связь съ исторіей европейскаго просвѣщенія, во-вторыхъ, на немъ преобладаетъ историческая литература, въ которой идеалъ гражданина и идея гражданства всегда стоятъ на первомъ планѣ.

Здѣсь же кстати замѣтить, что начинать научное воспитаніе съ разноязычія не слѣдуетъ никакимъ образомъ. У насъ существуетъ обычай поражать слухъ ученика или ученицы сразу разнообразными звуками нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, и безъ всякой постепенности сажать за грамматики всѣхъ этихъ языковъ, а такъ какъ время нельзя по произволу расширить, то и дается изъ всего понемногу, гомеопатическими пріемами. Отъ этого и происходитъ, что ученикъ, прежде чѣмъ успѣетъ сколько-нибудь овладѣть языкомъ, начинаетъ скучать надъ вѣчными буквами и формами, которыя ему страшно надоѣдаютъ, и онъ продолжаетъ заниматься очень неохотно. Вотъ одна изъ причинъ, почему въ нашихъ гимназіяхъ успѣхи по иностраннымъ языкамъ всегда были неудовлетворительны. По мнѣнію многихъ лучшихъ педагоговъ, къ изученію языковъ иностранныхъ нужно прежде приготовить ученика основательными занятіями языкомъ отечественнымъ; нужно, чтобы черезъ него дитя поняло и общій строй языка вообще и отношеніе его къ мысли. Для этого въ первомъ классѣ необходимо заниматься только однимъ отечественнымъ языкомъ, и притомъ ежедневно: чтеніе, разнообразные разсказы, разборы и всякаго рода упражненія надъ языкомъ тутъ должны

занимать первое мѣсто. Затѣмъ уже со второго класса приступать къ изученію иностранныхъ языковъ, и то не всѣхъ заразъ, а постепенно, съ каждымъ годомъ прибавляя по одному; но уже не ограничиться гомеопатическими дозами, а упражнять ежедневно, чтобы ученикъ какъ можно скорѣе могъ свыкнуться со звуками новаго для него языка и овладѣть имъ. Такимъ образомъ во второмъ классѣ можно начать изученіе французскаго языка, въ третьемъ латинскаго, въ четвертомъ нѣмецкаго. Съ каждымъ новымъ языкомъ должно будетъ, конечно, уменьшать недѣльное число уроковъ того языка, съ которымъ ученики уже успѣли значительно познакомиться въ предъидущихъ классахъ при ежедневныхъ занятіяхъ; такъ что въ четвертомъ классѣ при шести урокахъ нѣмецкаго языка можетъ быть три урока французскаго и четыре или пять латинскаго. При такихъ условіяхъ можно ожидать успѣха въ изученіи иностранныхъ языковъ. Проектъ новаго гимназическаго устава, напротивъ, хочетъ начать съ разноязычія, назначая въ первомъ классѣ при трехъ урокахъ русскаго языка по пяти изъ французскаго и нѣмецкаго. Тутъ главное вниманіе ученика ежедневно должно быть обращено на иностранные звуки, а то, что составляетъ сильное средство для его развитія, что удовлетворяетъ его любознательности, столь обыкновенной въ эти дѣтскіе годы, что даетъ пищу для его развивающихся способностей—ума, воображенія, чувства, вообще для поддержанія дѣятельности его души, все это такъ бѣдно и скудно, что едва ли встрѣтитъ сочувствіе и въ германскихъ педагогахъ, которымъ у насъ поклоняются.

Въ проэктѣ новаго устава въ числѣ научныхъ предметовъ гимназическаго курса встрѣчается также естествовѣдѣніе, вопроса о которомъ касались и нѣкоторыя педагогическія статьи въ нашей литературѣ. Мы не будемъ разбирать ихъ потому, что всѣ онѣ доказываютъ пользу естественныхъ наукъ,—пользу, въ которой и мы нисколько не сомнѣваемся. Нѣтъ спору, что близкое знакомство съ природою весьма полезно, что изученіе природы сообщаетъ намъ много прекрасныхъ познаній; но спрашивается: есть ли возможность въ гимназіяхъ при трехъ языкахъ и другихъ необходимыхъ предметахъ изучать подробно и основательно природу? Сообщать же одну сухую номенклатуру есть только безполезная трата времени и ненужное обремененіе памяти учащагося. Мы горячо стояли бы за изученіе природы, если бы не имѣли въ виду вопроса о времени, которое заставляетъ насъ дѣлать самый строгій выборъ. И вотъ мы не колеблясь говоримъ: какъ ни полезно близкое научное знакомство съ природою, но

еще полезнѣе близкое знакомство съ человѣкомъ, съ его стремленіями, съ успѣхами его ума и творчества, съ его историческимъ развитіемъ. Взявъ себѣ извѣстный опредѣленный принципъ, конечно, мы никакъ не можемъ пожертвовать наукамъ естественнымъ ни словесными, ни историческими науками. Взять же и то и другое вмѣстѣ, какъ мы уже сказали, нѣтъ возможности по недостатку времени.

Естествовѣдѣнія, какъ отдѣльнаго научнаго предмета, мы не допускаемъ въ гимназическомъ курсѣ; но думаемъ, было бы весьма полезно въ низшихъ классахъ и особенно въ первомъ знакомить ученика съ природою посредствомъ живописныхъ описаній, которыя могутъ быть у мѣста и въ классѣ географіи, и въ классѣ русскаго языка. Мы знаемъ, что нѣкоторые господа сердятся, когда науки смѣшиваются въ одинъ курсъ; но въ дѣлѣ воспитанія это педантизмъ, не стоющій вниманія; тутъ дѣло въ разнообразныхъ познаніяхъ, которыя должны развивать молодыя силы, а не въ строгихъ разграниченіяхъ одной науки отъ другой. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ г. Разумѣева, который говоритъ слѣдующее [1]): „на вопросъ объ естественныхъ наукахъ я могу сказать, что дѣтямъ 2-го и 3-го класса (отчего-жъ и не перваго?) можно уяснить то, что они уже знаютъ о животныхъ (конечно и о растеніяхъ), описать важнѣйшія изъ нихъ, которыхъ они не видали въ природѣ, описать ихъ образъ жизни и т. д. Тутъ нѣтъ рѣчи о строгой наукѣ, но есть многое, чего не знать стыдно человѣку, который кончилъ курсъ въ гимназіи. Замѣтьте при томъ, что тутъ же изощряется и направляется на путь истины наблюдательность дѣтей, искореняются ложныя понятія, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, рѣшаются вопросы, возникшіе въ дѣтскихъ головкахъ и часто нерѣшенные никѣмъ изъ окружавшихъ дѣтскіе годы учениковъ... Физика преподается въ трехъ высшихъ классахъ и также необходима, потому что вызывается и потребностью юношескаго ума объяснить себѣ явленія природы, и современною важностью своихъ приложеній. Число формулъ, конечно, можно значительно уменьшить...“ Противъ физики спорить нельзя; мы не хотимъ спорить даже противъ формулъ, которыя многимъ педагогамъ такъ не нравятся; онѣ-то особенно убѣждаютъ въ тѣхъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законахъ, по которымъ живетъ природа; пусть выводятся эти формулы на основаніи математическихъ данныхъ, уже пріобрѣтенныхъ учениками. Что касается до самой математики, то признавая педагогическую

[1]) Русскій Міръ, 1860, № 8.

силу за всѣми ея частями, мы не думаемъ, чтобъ была потребность слишкомъ расширять курсъ ея. Опыты ежедневно показываютъ, что по крайней мѣрѣ половинѣ учениковъ она дается очень не быстро; слѣдовательно, совершенно неосновательно — стараться пройти науку въ возможно большемъ объемѣ; здѣсь, напротивъ, нужно заботиться только о томъ, чтобы наука достигала педагогическихъ цѣлей, какія ей приписываются, а достигать ихъ она можетъ одинаково какъ ариѳметикой, такъ и тригонометріей. Поэтому, не теряя изъ виду вопроса о времени, мы можемъ сказать, что воспитаніе ничего не потеряетъ, если курсъ математики будетъ сокращенъ настолько, чтобы ученики съ самыми обыкновенными способностями не отказывались упражнять надъ нею свои соображенія.

Остается еще одинъ спорный предметъ, коснуться котораго намъ необходимо, это — законовѣдѣніе. О немъ мы слышали много разнообразныхъ сужденій. Привожу изъ нихъ два противоположныя. Одно было высказано г. Иловайскимъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1859 г. № 210). „Латинскій языкъ, говоритъ онъ, въ настоящее время противополагается законовѣдѣнію, т.-е. гимназистъ, изучающій законы, свободенъ отъ уроковъ латинскаго языка, и наоборотъ. По нашему мнѣнію, и тотъ, и другой предметъ равно должны входить въ составъ общаго образованія. Къ чему же поведутъ толки объ улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ, о чувствѣ законности, къ чему служитъ обязанность каждаго знать законы, если общество не принимаетъ основательныхъ энергическихъ мѣръ для того, чтобы распространить въ массѣ это знаніе, это чувство? Безспорно, самою радикальною мѣрою въ этомъ случаѣ могутъ быть обязательные уроки законовѣдѣнія во всѣхъ школахъ. Кому неизвѣстно, что чрезмѣрное накопленіе судебныхъ процессовъ происходитъ у насъ большею частію отъ невѣдѣнія основныхъ гражданскихъ законовъ со стороны тяжущихся? Множество напримѣръ, полицейскихъ придирокъ возникаетъ единственно отъ незнанія постановленій съ обѣихъ сторонъ. Низшія сословія преимущественно страдаютъ вслѣдствіе того, что не вѣдаютъ въ точности ни своихъ обязанностей, ни правъ, дарованныхъ имъ закономъ. Вслѣдствіе такого невѣжества, конечно, широкое поле дѣятельности представляется административному и судебному произволу. Какъ хотите, а съ этимъ пробѣломъ въ системѣ нашего общаго образованія никакъ нельзя помириться. Представьте себѣ молодого человѣка, окончившаго полный курсъ въ гимназіи съ отличнымъ аттестатомъ. И что же? Ему остаются неизвѣстными, по край-

ней мѣрѣ сознательно неизвѣстными, важнѣйшія учрежденія собственнаго отечества; онъ совсѣмъ не понимаетъ государственнаго механизма и вступаетъ въ кругъ общественной дѣятельности, не зная иногда самыхъ обыкновенныхъ постановленій, которымъ подчинено общество. Конечно, ничто не мѣшаетъ ему въ такомъ случаѣ спрашивать, справляться со „Сводомъ“ и т. п. Но все это случайно и непослѣдовательно, тогда какъ дѣломъ школы, по нашему крайнему разумѣнію, прежде всего, должно быть приготовленіе молодого человѣка къ полезной сознательной дѣятельности, вооруженіе его на борьбу съ противуобщественными элементами и на защиту всего добраго, всего законнаго. Страннымъ кажется поэтому вопросъ, возникшій въ недавнее время, нужно ли оставлять законовѣдѣніе въ числѣ предметовъ гимназическаго преподаванія. Тутъ вѣроятно есть недоразумѣніе!..“

Другое сужденіе высказано барономъ Николаи въ статьѣ Морского Сборника. „Какое можетъ быть, спрашиваетъ онъ, преподаваніе законовѣдѣнія въ возрастѣ гимназическаго образованія? Законовѣдѣніе или иначе юриспруденція есть наука высокая, трудная, требующая предварительнаго полнаго развитія способностей; наука о священнѣйшемъ, драгоцѣннѣйшемъ основаніи общества, о правѣ, о правосудіи, о законѣ, о законности. Можетъ ли подобная наука быть преподаваема 13, 14 и 15-лѣтнимъ дѣтямъ; въ состояніи ли они ее понять, оцѣнить важность ея, вникнуть въ ея значеніе? Конечно, нѣтъ. Но если они не въ состояніи ее понять, то вся задача ихъ должна ограничиться усвоеніемъ, посредствомъ памяти, извѣстной суммы законоположеній безъ связи, безъ нити, безъ послѣдовательности —занятіе, очевидно не развивающее, не укрѣпляющее разсудокъ, но утомляющее, угнетающее его. Такимъ, дѣйствительно, преподаваніе законовѣдѣнія является въ гимназіяхъ; оно должно изощрять память въ ущербъ мышленію и разсудку. Упрекать въ этомъ никого нельзя — ни преподавателя, ни учащихся, и если который нибудь изъ учителей законовѣдѣнія захотѣлъ бы дать своему преподаванію обстановку научную, то онъ уподобился бы проповѣднику въ пустынѣ; его никто бы не понялъ. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія педагогической преподаваніе законовѣдѣнія въ гимназіяхъ не можетъ не считаться вреднымъ.

...При томъ знаніе законовъ въ той мѣрѣ, въ которой оно можетъ быть передано въ гимназіяхъ, легко пріобрѣтается въ шесть мѣсяцевъ практическаго канцелярскаго служенія; а на такое занятіе жертвуется три или четыре урока въ недѣлю въ теченіе трехъ лѣтъ! Но независимо отъ этого рождается вопросъ:

для которыхъ изъ учащихся въ гимназіяхъ предназначенъ этотъ отдѣлъ готовящихся къ службѣ? Гимназіи доступны всѣмъ свободнымъ состояніямъ; но не всѣмъ свободнымъ состояніямъ доступна служба гражданская... Если мнѣ на это возразятъ, что для всякаго гражданина, для всякаго члена общества полезно знать основныя государственныя учрежденія своего отечества, то, соглашаясь вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ, я останусь при убѣжденіи, что такое знаніе, долженствующее имѣть характеръ статистическій, можетъ составлять весьма полезное дополненіе къ изученію отечественной географіи или исторіи; но не требуетъ ни столько времени, ни столько жертвъ. Не слѣдуетъ ли изъ всего этого заключить, что для большинства учащихся въ гимназіяхъ преподаваніе законовѣдѣнія съ педагогической точки зрѣнія—вредно, а съ практической безполезно"?

Имѣя въ виду нашъ основный принципъ, читатель легко можетъ подумать, что съ нимъ болѣе согласно мнѣніе г. Иловайскаго; но на самомъ дѣлѣ противъ него-то мы и имѣемъ сильные доводы, склоняясь болѣе на сторону барона Николаи. Объ этомъ самомъ предметѣ я уже имѣлъ случай высказаться въ другомъ мѣстѣ. Нѣкоторые, справедливо утверждая, что въ насъ или нашемъ обществѣ слишкомъ мало развито чувство законности, думаютъ исправить этотъ недостатокъ изученіемъ законовъ. Съ перваго взгляда эта мысль можетъ показаться основательною, такъ какъ законность и законы, повидимому, весьма тѣсно связаны между собою; но первый взглядъ очень у немногихъ бываетъ проницателенъ. Тутъ непремѣнно возникаетъ вопросъ: отчего у насъ мало развито чувство законности, т.-е. убѣжденіе въ необходимости дѣйствовать по закопамъ, ограждающимъ личность каждаго гражданина наравнѣ съ нашею собственною, и подчинять интересамъ общественнымъ и свои личные интересы; оттого ли, что мы не знаемъ законовъ, или отъ какихъ другихъ причинъ? Конечно, отвѣтомъ на этотъ вопросъ лучше всего послужатъ выводы изъ наблюденій надъ дѣйствительностью. Она всегда самый краснорѣчивый и убѣдительный отвѣтчикъ. Вотъ господинъ, повидимому, твердо знающій законы: онъ наизусть скажетъ вамъ, что̀ гласитъ такая-то статья, такого-то тома Свода законовъ, юридически объяснитъ вамъ каждое дѣло, какъ нельзя лучше, словомъ, можно сказать, что хорошо знаетъ дѣйствующіе законы; и что же, думаете, что въ немъ до тонкости развито чувство законности? А кто беретъ подъ свою защиту неправую сторону по своимъ личнымъ разсчетамъ, употребляя всѣ возможные извороты ума, лишь бы только черное

сдѣлать бѣлымъ, зачернивъ при этомъ дѣйствительно бѣлое? А кто научаетъ васъ, какъ можно безнаказанно обойти законъ? А кто самъ не думаетъ исполнять его на томъ основаніи, что онъ такая особа, къ которой не вдругъ-то можетъ подступиться какой-нибудь квартальный надзиратель? Нѣтъ, знаніе законовъ не развило въ немъ чувства законности. А подобныхъ господъ не мало, чуть ли не на каждомъ шагу. Такимъ образомъ, если чувство законности принимать въ тѣсной связи съ дѣйствующими законами, то и тогда въ выучиваніи законовъ мы не найдемъ педагогическаго средства... Наблюденія убѣждаютъ насъ, что недостаточно знать законы, чтобы исполнять ихъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ни одного человѣка, который бы не зналъ ни одного закона, потому что основные законы для каждаго общества вытекаютъ изъ общихъ законовъ совѣсти, изъ врожденныхъ стремленій человѣка къ правдѣ и истинѣ. Нравственный человѣкъ никогда не рѣшится на воровство или на обманъ, какого бы рода онъ ни былъ, и не рѣшится совсѣмъ не потому, что тѣ внесены въ Сводъ законовъ въ разрядъ преступленій. Человѣкъ съ глубоко-развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства, на которомъ онъ основываетъ и самоуваженіе, никогда не ударитъ безсильнаго человѣка, никогда не оскорбитъ его личности, пользуясь своею силою, и даже не подумаетъ справляться въ Сводѣ, дано ему на то гражданское право или нѣтъ. Человѣкъ, сердце котораго бьется любовью къ ближнему, не задумавшись бросится къ нему на помощь, если увидитъ, что его грабятъ, или бьютъ, или убиваютъ: онъ не будетъ справляться, приказываетъ ему или нѣтъ дѣлать это писанный законъ; онъ по совѣсти знаетъ, что законъ запретить не можетъ. Такимъ образомъ высоко-нравственный человѣкъ будетъ исполнять всѣ человѣческіе законы, хотя бы не читалъ никогда писаннаго закона, а тотъ, въ комъ не развито нравственное чувство, можетъ безъ зазрѣнія совѣсти преступать или обходить законъ на каждомъ шагу, хотя бы выучилъ наизусть весь Сводъ законовъ. Значитъ, чтобы хлопотать о развитіи чувства законности, нужно хлопотать о развитіи нравственности въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, не той казенной нравственности, которую хотятъ внѣдрить въ сердца сухими нравоученіями и скучною моралью, а той, которая безъ всякихъ нравоучительныхъ правилъ сама вытекаетъ изъ развившихся здравыхъ понятій, изъ болѣе глубокихъ взглядовъ на людскія отношенія, на человѣка вообще, какъ человѣка, какъ гражданина и какъ самостоятельную личность. Всѣ эти свѣтлыя убѣжденія вкореняются въ душу не

моралью и не писанными правилами, и не страхомъ наказанія, а тою наукою-благодѣтельницею, которая является на помощь общечеловѣческому образованію. Слѣдственно, малое развитіе чувства законности происходитъ отъ нашей безнравственности, отъ узкаго взгляда на жизнь, отъ неуваженія личности, что также безнравственно; искоренимъ все это помощью дѣйствительной науки и здраваго воспитанія, а потомъ уже будемъ думать, нужно ли мальчику, хорошо не успѣвшему освоиться съ наукою, выучивать Сводъ законовъ, да и есть ли возможность выучить его. Не вдаваясь въ разные вопросы, которые съ этимъ соединяются, мы не хотимъ обойти одинъ изъ нихъ, потому что онъ слишкомъ часто слышится изъ многихъ устъ. Обыкновенно говорятъ: большая часть воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній поступаетъ въ государственную службу, въ которой необходимо знать законы, потому что примѣненіе ихъ къ дѣлу составляетъ сущность этой службы, значитъ, необходимо и приготовить къ ней молодыхъ людей. На первый взглядъ требованіе также основательное. Мы никакъ не споримъ, что если училище имѣетъ спеціальную цѣль, то и должно стремиться къ ней. Но если всѣми развитыми умами признанъ рѣшеннымъ вопросъ о спеціальномъ образованіи, которое не можетъ идти наравнѣ съ общимъ, потому что вредитъ ему и себѣ; если съ успѣхомъ и съ дѣйствительною пользою для общества можетъ овладѣть спеціальностью только умъ, многосторонне развитой наукою; если наконецъ душою полюбить ту или другую спеціальность можетъ человѣкъ, самъ себѣ сдѣлавшій выборъ, то къ чему же готовить чиновниковъ тѣмъ училищамъ, которыя должны исключительно заниматься общимъ образованіемъ; да и въ самомъ ли дѣлѣ они могутъ приготовить исправныхъ чиновниковъ, заставляя выучивать законы? Нѣтъ, ихъ воспитанники скорѣе будутъ исправными чиновниками, если ихъ будутъ готовить къ жизни вообще человѣческой и гражданской, а не чиновнической. Довольно будетъ, если ихъ научатъ, какъ обращаться къ помощи Свода законовъ, что необходимо не только чиновнику, а каждому гражданину для защиты своихъ правъ и своей личности. На все это потребно не болѣе двухъ недѣль; а кому впослѣдствіи окажется необходимость знать болѣе въ качествѣ чиновника для практическаго судопроизводства, тотъ на практикѣ быстро освоится со всѣмъ нужнымъ, если только наука не даромъ трудилась надъ развитіемъ его способностей. Что же касается до юридической теоріи, то мѣсто ей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ она только и можетъ быть понятна.

Наконецъ прибавимъ сюда предложеніе барона Николаи— соединить съ отечественной географіей или исторіей изложеніе основныхъ государственныхъ учрежденій, на что потребуется пять-шесть лишнихъ уроковъ. Такимъ образомъ законовѣдѣніе какъ отдѣльный предметъ рѣшительно исключается изъ круга гимназическихъ предметовъ.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ объ исторіи и словесности, которыя, вмѣстѣ съ языками, должны тѣсно связываться съ нашимъ принципомъ, потому что онѣ знакомятъ насъ съ человѣкомъ и развиваютъ въ насъ гражданскія понятія. Но конечно исторія должна вертѣться не на сраженіяхъ и не на внѣшнихъ отношеніяхъ между государствами. Историческая наука достаточно разработана для того, чтобы вводить насъ въ жизнь народа, показывать какъ въ немъ вырабатывались понятія о жизни, о разныхъ отношеніяхъ между людьми, какъ интересы человѣческіе брали постепенно верхъ надъ всѣми прочими, какъ съ распространеніемъ познаній измѣнялись и жизнь и понятія; съ какими побужденіями дѣйствовали тѣ и другія личности; гдѣ и когда зарождались и какъ развивались наши современныя понятія о человѣкѣ, о гражданинѣ, объ отношеніяхъ между гражданами и народами и проч. Для всего этого нужны чтенія, бесѣды. Мы никакъ не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто такой курсъ исторіи принадлежитъ университету, а не гимназіи. Нѣтъ, въ университетѣ профессоръ долженъ передъ своими слушателями критически разбирать исторію, знакомя ихъ со способами исторической разработки, ведя ихъ отъ источниковъ къ выводамъ. Тутъ наука въ строгомъ смыслѣ. Въ гимназіи нужны картины, разсказъ и выводы, уже сдѣланные наукою; цѣль исторіи здѣсь прояснить понятія о жизни человѣческой и народной, дѣйствуя сообразно съ ними на воображеніе и на сердце. Заучивать разсказы къ каждому классу тутъ нѣтъ необходимости. Нужно заставлять заучивать только то, что иначе нельзя удержать какъ одною памятью; преимущественное же вниманіе обратить на историческія чтенія и на бесѣды о нихъ, для чего слѣдуетъ только сдѣлать строгій выборъ историческихъ монографій. Такая исторія дѣйствительно будетъ полезна и полюбится ученикамъ. А между тѣмъ учитель, воспользовавшись свободнымъ внѣ-класснымъ временемъ, которое у нихъ должно оказаться при значительно меньшемъ заучиваніи къ каждому классу, можетъ на основаніи своихъ чтеній и бесѣдъ задавать имъ работы болѣе или менѣе самостоятельныя, которыя несомнѣнно принесутъ много пользы для развитія. Вотъ

тутъ-то ученикъ найдетъ обильный матеріалъ для своего мышленія, вотъ тутъ-то и будетъ вырабатываться его мысль, а съ нею и направленіе. Въ высшихъ классахъ ученикъ, уже довольно знакомый съ иностранными языками, можетъ пользоваться ими и при своихъ историческихъ занятіяхъ. Въ отечественной исторіи должна развиваться идея народности, которая бы сближала юношей съ массою и заставила бы ихъ входить въ ея интересы.

Такой же способъ преподаванія долженъ быть и при изученіи словесности: чтеніе и бесѣды, разборы эстетическіе, психологическіе и историческіе, самостоятельныя работы. Особенное вниманіе должно быть обращено на литературу народную, гдѣ должны быть разобраны идеалы народной жизни.

Вообще въ воспитаніи весьма важно эстетическое развитіе, на которое до сихъ поръ еще мало обращается вниманія. Изъ всѣхъ искусствъ самое доступное въ школѣ — поэзія, но отчего бы не присоединить сюда рисованіе и пѣніе; первое въ настоящее время въ гимназіяхъ въ большомъ пренебреженіи, а второго и совсѣмъ нѣтъ, если не считать десятка два учениковъ, обучающихся церковному пѣнію. Знакомить учениковъ съ геніальными произведеніями живописи по хорошимъ копіямъ, которыя въ наше время очень доступны, благодаря фотографіямъ, объяснять, въ чемъ именно заключается красота ихъ, чѣмъ отличаются разныя школы живописи и проч., все это и доставляло бы большое удовольствіе и весьма развивало бы эстетическую сторону учащихся. Наконецъ хоровое пѣніе, не только церковное, но и свѣтское, преимущественно извѣстныхъ отечечественныхъ композиторовъ, рѣшительно необходимо, особенно въ низшихъ классахъ гимназій, гдѣ прочія искусства еще недоступны дѣтямъ. Оно, такъ сказать, одухотворяетъ и поющихъ и слушающихъ, развиваетъ въ нихъ слухъ и, пріятно дѣйствуя на душу, ведетъ къ эстетическому развитію. Постоянныя книги и книги необходимо должны смѣняться другими орудіями, имѣющими также педагогическую силу.

Такимъ образомъ исключеніе очень немногихъ предметовъ изъ существующаго гимназическаго курса, сокращеніе объема другихъ, иное распредѣленіе по классамъ всѣхъ остающихся, иной способъ занятій даютъ возможность устроить дѣло опредѣленнѣе и правильнѣе, черезъ что и цѣль будетъ достигаться вѣрнѣе. Одинаковое и не чрезмѣрное напряженіе всѣхъ силъ учащихся многостороннѣе разовьетъ ихъ: разумное чтеніе на разныхъ языкахъ, постоянно занятая мысль наконецъ выработ-

таютъ желанное направленіе и переведутъ за ту черту, гдѣ уже не нужно никакихъ принужденій для занятій: они сдѣлаются необходимою пищею для юной души.

Меня могутъ упрекнуть, что я не обратилъ вниманія на степень, какую должно занимать при воспитаніи обученіе закону Божію. Считаю нужнымъ только замѣтить, что, не коснувшись его, я никакъ не думалъ этимъ исключить его изъ круга гимназическихъ научныхъ предметовъ. Нѣтъ, за нимъ остается его важное мѣсто; но такъ какъ намъ говорятъ, что не наше дѣло разсуждать о немъ, то мы и находимъ приличнымъ лучше совсѣмъ не говорить, чѣмъ сказать кое-что или не высказаться вполнѣ. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, чтобы тѣ, которымъ дано право распоряжаться преподаваніемъ закона Божія, имѣли въ виду также педагогическія требованія, съ которыми можно познакомиться на педагогическихъ совѣтахъ, составленныхъ изъ опытныхъ педагоговъ.

Наконецъ намъ могутъ замѣтить, что при той системѣ воспитанія, какую изложили мы, отъ преподавателей потребуется трудовъ значительно болѣе. Конечно, такъ! Но развѣ преподаватели когда-нибудь отказывались трудиться, развѣ они жалуются на трудъ. Нѣтъ, они только просятъ, чтобы трудъ ихъ вознаграждался достойнымъ образомъ, чтобы имъ не нужно было уклоняться отъ него и соединять съ нимъ другія занятія по разсчетамъ уже чисто-матеріальнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсчетамъ необходимымъ, вытекающимъ изъ житейской нужды. Трудъ считается благодарнымъ и достойно вознагражденнымъ тогда, когда человѣкъ, посвящая ему большую часть своего времени, можетъ жить такъ, какъ всѣ живутъ въ томъ кругѣ или въ томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ онъ. Мы не споримъ, что на жалованье, напр., старшаго учителя столичной гимназіи можетъ хорошо содержаться какая-нибудь не слишкомъ большая артель рабочихъ; не споримъ, что съ этой суммой можетъ прожить, посвоему въ достаткѣ, какое-нибудь, даже большое мѣщанское семейство, отецъ котораго занимается хоть бы книжной торговлей на ларѣ въ Толкучемъ рынкѣ; но учителю какъ члену другого общества, у котораго во всемъ и другія требованія, нѣтъ никакой возможности на одно свое жалованье содержать даже самое маленькое семейство, занимаясь при этомъ бодро и спокойно своимъ дѣломъ. Оторваться отъ своего общества, жить въ нищетѣ пустынникомъ, значитъ требовать отъ человѣка жертвъ, на что уже никто не имѣетъ права. Отъ каждаго гражданина можно требовать только одного: чтобъ онъ добросовѣстно испол-

нялъ свои обязанности. Жертвы онъ можетъ дѣлать, какія угодно, но по своей доброй волѣ, а не по принужденію. При томъ же воспитатель, готовя своему отечеству гражданъ, долженъ и самъ быть проникнутъ чувствомъ гражданства, а гдѣ же оно будетъ питаться, если онъ будетъ чуждъ общества: поневолѣ одичаетъ и будетъ мрачно смотрѣть на жизнь. Неужели отъ такого преподавателя можно ожидать какой-нибудь пользы? Но каждый умный и развитой преподаватель старается не допустить себя до такого состоянія и потому ищетъ внѣ своей службы средства, чтобъ поддержать себя въ уровнѣ со своимъ обществомъ и насколько возможно поддержать бодрость духа и силы для дѣятельности. Конечно, при такихъ условіяхъ онъ не можетъ отдавать всего своего времени одной гимназіи. Значитъ, эти обстоятельства нужно согласовать такъ, чтобы всѣмъ было выгодно.

По этому предмету мы читаемъ въ статьѣ г. Гаврина слѣдующее: „Намъ кажется, что полезно было бы, по образцу нѣкоторыхъ германскихъ гимназій, принять раздѣленіе гимназическихъ преподавателей на: 1) младшихъ учителей, 2) старшихъ учителей и 3) профессоровъ. Кандидатъ университета, выдержавшій спеціальный экзаменъ изъ того предмета, который онъ готовится преподавать, а равно и изъ педагогики, поступаетъ въ гимназію младшимъ учителемъ съ жалованьемъ 600 р. сер. и остается въ этомъ званіи не менѣе пяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ, если хочетъ, можетъ держать экзаменъ на званіе старшаго учителя. Экзаменъ этотъ долженъ быть такой же, какой держатъ на степень магистра, только безъ диссертаціи. Жалованье старшаго учителя должно быть не менѣе 900 руб. сер., т.-е. не менѣе такой суммы, которая даетъ возможность семейному человѣку жить самымъ скромнымъ образомъ. Пробывшій въ званіи старшаго учителя пять лѣтъ, если напишетъ диссертацію по своему предмету или вообще по предмету педагогики, или если составитъ дѣльный учебникъ, одобренный педагогическимъ комитетомъ, и если есть вакансія (?), получаетъ званіе профессора съ жалованьемъ 1.200 руб...“

Нѣсколько сходно съ этимъ предлагаетъ проектъ новаго устава гимназій § 215. Преподаватели гимназій раздѣляются на учителей, наставниковъ и профессоровъ... § 216. Въ каждой гимназіи въ числѣ преподавателей полагается два профессора и два наставника; остальные преподаватели носятъ званіе учителей. Профессоры и наставники по симъ званіямъ пользуются прибавочнымъ жалованьемъ § 218. Учитель, обратившій на себя вни-

маніе своимъ усердіемъ и способностями, по выслугѣ пяти лѣтъ, можетъ, ежели есть вакансія, быть избранъ педагогическимъ совѣтомъ въ званіе наставника гимназіи и утверждается въ этомъ званіи попечителемъ округа. § 219. Наставникъ, отличившійся особенными педагогическими способностями и трудами, по выслугѣ въ этомъ званіи не менѣе 15 лѣтъ, по избранію педагогическаго совѣта гимназіи, можетъ быть удостоенъ министромъ Народнаго просвѣщенія званія профессора гимназіи, если имѣется вакансія.

Главная сущность этихъ предложеній заключается въ прибавкѣ жалованья, что̀ конечно очень важно, какъ одно изъ поощрительныхъ средствъ; но мы не понимаемъ цѣли, съ какою предлагаются эти новыя названія. Титулъ учителя ужъ и безъ того во многихъ мѣстностяхъ не пользуется должнымъ уваженіемъ, а теперь хотятъ прикрѣпить его къ низшей степени, выдѣливъ изъ всего сословія небольшую часть и какъ бы облагородивъ ее въ глазахъ общества новыми титулами; большинство же все-таки будетъ принадлежать къ низшему разряду. Учитель не есть чинъ. Нужно во всемъ согласоваться съ общественными понятіями, а въ глазахъ общества учитель есть человѣкъ, имѣющій извѣстныя занятія и исполняющій извѣстныя обязанности. Какимъ же образомъ личность, остающуюся при тѣхъ же занятіяхъ и обязанностяхъ, характеризовать и украшать новымъ названіемъ, если хотятъ поощрить ее и вознаградить за труды? Не значитъ ли это окончательно унизить передъ обществомъ слово учитель, которое даже начальствомъ отнимается отъ человѣка, обратившаго на себя вниманіе своими трудами и способностями? Но, кажется, всѣ толкуютъ о необходимости возвысить въ глазахъ общества учительское сословіе. А такими мѣрами никакъ не возвысятъ его. Но слово само по себѣ ничего не значитъ, скажутъ намъ. Если оно ничего не значитъ, зачѣмъ же вводить еще новыя слова. Мы же скажемъ, напротивъ, что слово въ массѣ значитъ очень многое. И если она увидитъ, что, желая почтить учителя, даютъ ему только другое названіе, оставляя при той же дѣятельности, то конечно заключитъ, что и само начальство не совсѣмъ симпатично къ этому слову. Иначе не будетъ ли это только игра въ слова? Да и самое учительское сословіе какъ должно смотрѣть на такія почетныя названія? Если хотятъ его возвысить и считаютъ, что съ титуломъ его связываются еще понятія прежнихъ временъ, то пусть измѣнятъ его на другое болѣе почетное, оффиціальное слово, но только не для нѣкоторыхъ, а для всѣхъ; пусть не разъединяютъ сосло-

вія разными звучными и незвучными прозвищами, а дадутъ ему возможность выработаться вкупѣ и сблизиться съ обществомъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ. Отчего не отличать заслуги и особенные труды учителей бо́льшимъ вознагражденіемъ? Этимъ будутъ всѣ довольны и вѣроятно никто изъ благоразумныхъ не погонится за словомъ ради его звучности.

Проектъ новаго устава, желая вѣроятно привязать учителя къ одной гимназіи, чтобы онъ не развлекался посторонними занятіями, назначаетъ каждому до 24 уроковъ въ недѣлю т.-е. 30 часовъ, что̀ даетъ возможность въ восьми классахъ на девять учебныхъ предметовъ содержать всего только 8 учителей. Мы совершенно согласны съ г. Водовозовымъ, который дѣлаетъ на это такое замѣчаніе [1]). „Такого результата мы не находимъ и въ германскихъ училищахъ, при всѣхъ педагогическихъ средствахъ, которыми они обладаютъ. Такъ, въ берлинской гимназіи Фридриха-Вильгельма 28 преподавателей, въ реальной школѣ 22 преподавателя на 11 классовъ; въ ганноверскомъ лицеѣ 14 преподавателей на 9 классовъ; въ Любекѣ 18 преподавателей на 12 классовъ. Число уроковъ очень рѣдко доходитъ до 24 (въ Германіи урокъ по часу, слѣдовательно 24 часа, а не 30); среднее же число ихъ 15, 16 часовъ въ недѣлю. При всемъ томъ, германскіе преподаватели извѣстны своею неутомимостью и усердіемъ; но принявъ въ соображеніе то, что въ Германіи дѣти еще съ пяти лѣтъ пріучаются къ дисциплинѣ, припомнивъ превосходный домашній уходъ и средства, представляемыя ученію въ безчисленныхъ руководствахъ, музеяхъ и т. д., можно бы смѣло трудъ нашихъ 30 часовъ въ недѣлю равнять германскимъ 60. Не спорю, что и у насъ есть преподаватели, которыхъ нужда заставляетъ цѣлый день заниматься уроками; но развѣ такое положеніе можно принять за норму? Не представляется ли опасности, что въ этомъ положеніи преподаватель, не имѣя времени самостоятельно трудиться надъ наукою, наконецъ совершенно теряетъ любовь къ ней и обращается въ машину, вѣчно повторяющую одинъ и тотъ же оборотъ колесъ, пока совсѣмъ не изотрется. А между тѣмъ проектъ приглашаетъ преподавателей и своими письменными трудами споспѣшествовать къ распространенію въ обществѣ основательныхъ знаній. Мы думаемъ, что при 30 часахъ въ недѣлю едва достанетъ времени не то что для письменныхъ трудовъ, но и для приготовленія къ

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1860 г., № 102.

лекціямъ [1]). Случись, что два изъ такихъ преподавателей захвораютъ разомъ, инспектору пришлось бы заниматься 60 часовъ въ недѣлю, дѣло невозможное, если бы даже не отвлекали его другія занятія по службѣ. Правда, проектъ обезпечиваетъ и судьбу преподавателей, сокращая на цѣлыхъ 10 лѣтъ срокъ для пенсіи, въ случаѣ неизлѣчимой болѣзни, но желательно, чтобъ эта заботливость распространена была и на успѣшное преподаваніе науки".

Дѣйствительно, съ заботами о воспитаніи должна связываться и забота о воспитателяхъ, одно безъ другого не можетъ быть и мыслимо.

Въ заключеніе я не дѣлаю никакого общаго вывода изъ всего мною сказаннаго въ надеждѣ, что выразилъ вполнѣ и въ строгой связи свои мысли. Предлагаю только критикѣ обсудить слѣдующій вопросъ: можно ли средствами, мною предложенными, успѣшно образовать человѣка и гражданина для современнаго русскаго общества, съ духовными потребностями котораго должно сообразоваться воспитаніе?

---

[1]) § 224 проекта говоритъ: Преподаватели гимназій и прогимназій обязаны, кромѣ точнаго и добросовѣстнаго преподаванія предметовъ, слѣдить за умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ учениковъ не только въ классахъ, но, по мѣрѣ возможности, и внѣ классовъ. § 225: Преподаватели гимназій и прогимназій приглашаются, не ограничиваясь практическою дѣятельностью на педагогическомъ поприщѣ, содѣйствовать письменными трудами чисто-ученаго или педагогическаго содержанія и чтеніемъ популярныхъ, публичныхъ лекцій—распространенію въ обществѣ основательныхъ знаній по разнымъ отраслямъ наукъ и здравыхъ понятій объ ученіи и воспитаніи. Труды эти принимаются въ соображеніе при оцѣнкѣ ихъ служебныхъ заслугъ. § 226: Всѣ преподаватели, кромѣ законоучителя, обязаны принимать на себя, по избранію педагогическаго совѣта, должности членовъ правленія, секретарей совѣта и правленія, и библіотекаря...

О частной педагогической предпріимчивости.

I.

Пишу по прочтеніи новаго устава гимназій и прогимназій. Впрочемъ я не буду трогать самаго устава. Это было бы безполезнымъ дѣломъ, такъ какъ уже прежде по поводу проекта было издано шесть толстыхъ томовъ замѣчаній и предположеній опытныхъ и неопытныхъ русскихъ людей, педагоговъ и не педагоговъ, не считая всего того, что̀ было напечатано отдѣльно въ русскихъ журналахъ. Тамъ были высказаны и потребности общества въ разныхъ краяхъ русской земли, и недостатки существующихъ гимназій, и идеальныя стремленія къ тому, чтобы удовлотворить указаннымъ потребностямъ, и разныя педагогическія соображенія и указанія и пр. Принесла ли пользу вся эта исписанная и напечатанная бумага, пусть судятъ тѣ, которые писали и печатали, а у насъ теперь цѣль совсѣмъ другая. Мы хотимъ затронуть вопросъ о частной педагогической дѣятельности и предпріимчивости, вопросъ, никакъ не лишній по изданіи новаго устава гимназій и прогимназій. Этотъ вопросъ мы поставимъ такимъ образомъ: дастъ ли сказанный уставъ довольно простора для развитія частной педагогической предпріимчивости, и сообразно съ нимъ какъ могутъ быть направлены труды педагоговъ, чтобы удовлетворить общественнымъ потребностямъ? Это послѣднее условіе весьма важно, потому что частная предпріимчивость только тогда и можетъ развиваться и держаться, когда вызывается потребностями многихъ и когда умѣетъ удовлетворить имъ. У частнаго человѣка недостаетъ средствъ развивать ее искусственными мѣрами и поддерживать насильно вопреки общественному расположенію. Здѣсь мы разумѣемъ предпріимчивость не филантропическую, т.-е. не пожертвованіе капитала или труда на общественную пользу: такой дѣятельности

всегда открыто широкое поле. Частное лицо по душевной добротѣ или по благочестію всегда можетъ пожертвовать капиталъ разомъ или обязаться вносить ежегодно нужную сумму для содержанія гимназій или прогимназій. Та или другая по его желанію тотчасъ же будетъ открыта, получитъ начальника, учителей, воспитателей и будетъ существовать на одинаковомъ основаніи съ казенными заведеніями этого рода. Эту предпріимчивость или дѣятельность мы назовемъ общественною благотворительностью, чтобы никто не смѣшалъ съ нею того, что̀ мы разумѣемъ подъ именемъ частной педагогической предпріимчивости, т.-е. соединеніе капитала и личнаго труда желающаго посвятить себя педагогической дѣятельности, такъ чтобы со всего этого получался извѣстный выгодный процентъ, или, иными словами, чтобы трудъ совершенно окупался, а капиталъ, еслибъ и не увеличивался, то по крайней мѣрѣ и не уменьшался бы; безъ этого самое предпріятіе не можетъ имѣть прочности, а должно рано или поздно рушиться. Здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о филантропіи, о пожертвованіяхъ, чего мы не имѣемъ права требовать ни отъ кого, тѣмъ болѣе отъ людей, живущихъ тяжелымъ трудомъ; здѣсь дѣло должно быть строго разсчитано на вѣрномъ доходѣ, соотвѣтственномъ положенному въ основаніе его капиталу и потраченному труду; однимъ словомъ, какъ изъ всякой частной предпріимчивости, и здѣсь должна вытекать выгода, которая, спѣшу замѣтить, нисколько не можетъ унизить самаго предпріятія, ни уменьшить той общественной пользы, какая должна вытекать изъ честныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, направленныхъ къ разумному воспитанію. Эту оговорку я дѣлаю для тѣхъ, кто на всякое предпріятіе съ разсчетомъ на выгоду смотритъ какъ на спекуляцію, разумѣя подъ этимъ словомъ исключительныя заботы о личной пользѣ, не всегда согласной съ пользой общественной. Конечно, и въ педагогическомъ дѣлѣ могутъ быть и были такія спекуляціи, но изъ этого не слѣдуетъ, что изъ всякой педагогической предпріимчивости частнаго лица выйдетъ спекуляція. Мы имѣемъ въ виду честную дѣятельность педагога, который вполнѣ добросовѣстно будетъ исполнять взятыя имъ на себя обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ и юношамъ, и при этомъ хотимъ только показать, что его предпріятіе можетъ быть прочно лишь тогда, когда съ нимъ соединяется разсчетъ на выгоду; и чѣмъ она будетъ больше, тѣмъ больше у него будетъ возможности совершенствовать начатое дѣло. Тутъ ужъ съ его личной выгодой соединяется и прямая общественная

польза, такъ какъ его дѣло болѣе, чѣмъ какое-либо дѣло частной предпріимчивости, можетъ назваться общественнымъ.

Итакъ, отдѣливъ предметъ нашего разсужденія и отъ филантропіи, и отъ спекуляціи, посмотримъ, въ какихъ границахъ онъ можетъ развиваться въ настоящее время. Конечно, нельзя не пожелать, чтобы у насъ являлось какъ можно болѣе благотворителей и жертвователей на пользу общественнаго образованія: имъ будутъ весьма благодарны и правительство, и общество; нельзя не пожелать, чтобы какъ можно меньше выскакивало спекуляторовъ и шарлатановъ, которые нечестно пользуются общественнымъ довѣріемъ: въ дѣлѣ воспитанія они вреднѣе, чѣмъ гдѣ-либо; но, съ другой стороны, нельзя не пожелать, чтобы находились и нужные капиталы для частной педагогической предпріимчивости въ соединеніи съ трудами знающихъ и опытныхъ педагоговъ: пользы же отъ такого дѣла нужно ожидать больше, чѣмъ отъ общественной благотворительности, потому что пожертвованія въ большихъ размѣрахъ могутъ быть только изрѣдка, общественныя же потребности не могутъ выжидать ихъ, а требуютъ быстраго удовлетворенія. Надежды на пользу отъ частной предпріимчивости, соединенной съ разсчетомъ на выгоду, скорѣе могутъ исполниться, чѣмъ надежды на пожертвованія, которыхъ легко можно и не дождаться. Чтобы вполнѣ выяснить себѣ, по какому пути должна направиться наша частная педагогическая дѣятельность, взглянемъ на ея историческое развитіе, какія цѣли у нея были въ прошломъ и какимъ потребностямъ могла удовлетворять она?

Правительство съ Петра Великаго учреждало у насъ училища, имѣя въ виду прежде всего свои собственныя потребности, чего конечно нельзя ставить ему въ вину. Оно нуждалось въ офицерахъ, въ чиновникахъ и другихъ спеціалистахъ, и вотъ устроивались такія школы и готовились нужные спеціалисты, которымъ и давались привилегіи, чтобы привлечь достаточное число людей на правительственныя поприща; слѣдственно правительственныя привилегированныя школы, достигая опредѣленныхъ цѣлей, дѣлали свое дѣло. Рядомъ съ ними учреждались и частныя училища. Но какіе принципы полагали они для воспитанія, какимъ общественнымъ потребностямъ стремились удовлетворить? Потребности эти были немногосложны: получить личныя права и привилегіи чрезъ правительственное образованіе, такъ какъ съ ними уже опредѣлялась вся жизнь до гроба, слѣдственно съ ними соединялся вопросъ о счастіи, о положеніи въ свѣтѣ, о карьерѣ и обо всемъ, что̀ можетъ привлекать человѣка.

Вся задача состояла—попасть въ ту или другую привилегированную школу, и вотъ частные училища и пансіоны предлагаютъ свои услуги готовить дѣтей въ казенныя заведенія; нѣкоторые доходятъ даже до такой спеціальности, что назначаютъ себя исключительно для приготовленія въ извѣстное заведеніе, конечно такое, которое давало заманчивыя права. Разумѣется, цѣль оправдывала и средства. Начала тутъ были чисто спекулятивныя, а потому и школы обращались въ фабрики, гдѣ фабриковали дѣтей для экзаменовъ; родители, отдавая своихъ чадъ въ такія дрессировательныя заведенія, не заводили и рѣчи о правильномъ и разумномъ воспитаніи, о развитіи и обо всемъ томъ, о чемъ хлопочетъ педагогія. Имъ нужно было только то, чтобъ ихъ дѣти поступили въ назначенныя казенныя заведенія; другихъ требованій они не заявляли; и дѣти дѣйствительно поступали въ тѣ заведенія, хотя и утомленныя насильственнымъ вбиваніемъ разныхъ познаній, хотя и съ забитыми способностями; но общественныя потребности удовлетворялись, и всѣ были правы и довольны. Если бы въ то время кто-либо вздумалъ основать частное училище на строгихъ педагогическихъ началахъ, не объявивъ, что въ немъ будутъ готовить въ разныя привилегированныя школы, то едва ли бы его предпріятіе могло долго удержаться.

Вотъ что̀ представляетъ намъ прошедшее. Конечно, и въ настоящее время еще не мало такихъ приготовительныхъ школъ, такъ какъ на нихъ у многихъ все еще есть потребность; но рядомъ съ этимъ замѣтны въ обществѣ и другія стремленія, слѣдственно и другія потребности. Идеи о воспитаніи начинаютъ проясняться; отъ учебныхъ заведеній начинаютъ требовать не одного обученія, а всесторонняго развитія. Такъ какъ казенныя гимназіи до сихъ поръ болѣе всѣхъ удовлетворяли этимъ требованіямъ, то приливъ къ нимъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Съ другой стороны, нѣкоторыя спеціальныя заведенія закрыли у себя низшіе общіе классы, объявивъ, что двери свои они отпираютъ каждому съ гимназическимъ аттестатомъ. Есть слухи о подобномъ же преобразованіи и нѣкоторыхъ другихъ привилегированныхъ заведеній. Это значительно должно подорвать прежнія частныя школы. Но взамѣнъ ихъ начинаютъ возникать, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, частныя гимназіи, которыя могутъ разсчитывать на успѣхъ, если будутъ воспитывать, а не готовить къ какимъ-либо экзаменамъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ судить о нихъ и дѣлать заключенія объ ихъ дѣятельности, такъ какъ ни одна изъ нихъ еще не объявляла своихъ отчетовъ; между тѣмъ какъ для успѣха ихъ же дѣла необходимы самые

подробные отчеты, по которымъ можно бы было видѣть состояніе заведенія. Впрочемъ объ отчетахъ мы намѣрены говорить дальше.

Для предмета нашего разсужденія весьма важны два параграфа новаго устава казенныхъ гимназій, § 9 и 66: въ первомъ говорится, что частныя гимназіи и прогимназіи подчиняются общимъ узаконеніямъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а во второмъ: лица, не обучавшіяся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ (казенныхъ), имѣютъ право подвергаться испытанію изъ полнаго курса предметовъ, преподаваемыхъ въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, наравнѣ съ учениками сихъ заведеній и въ одно съ ними время, назначенное для испытаній. Выдержавшіе испытаніе въ полномъ курсѣ получаютъ свидѣтельства, дающія имъ одинаковыя права съ окончившими курсъ учениками прогимназій и гимназій.

Это послѣднее постановленіе даетъ частнымъ училищамъ возможность конкурпровать съ казенными гимназіями, безъ чего было бы слишкомъ шатко ихъ существованіе согласно съ общественными требованіями. Большинству юношей теперь нуженъ будетъ гимназическій аттестатъ, чтобы открыть себѣ дорогу на то или другое поприще; и если каждый изъ нихъ имѣетъ право являться въ казенную гимназію на экзаменъ и, выказавъ тамъ основательныя познанія въ предметахъ гимназическаго курса, можетъ получить аттестатъ наравнѣ съ гимназистами, то значитъ и частныя училища теперь могутъ устраиваться вполнѣ какъ заведенія воспитательныя, доводить свое воспитаніе до конца и потомъ представлять своихъ учениковъ на окончательное испытаніе въ ту или другую казенную гимназію. Здѣсь одно условіе—основательное знакомство съ назначенными учебными предметами. Но если воспитаніе было ведено разумно, если учениковъ развивали на учебныхъ предметахъ и слѣдственно заставляли ихъ работать педагогически, а не упражняли только одну память заучиваніемъ фактовъ для экзамена, то нѣтъ причины опасаться, что испытаніе можетъ быть неудачно. По нашему мнѣнію, рѣшительно все равно, гдѣ бы и у кого бы ни экзаменовался юноша, хорошо воспитанный, если онъ пріученъ къ основательнымъ и обдуманнымъ отвѣтамъ и особенно къ той мысли, что его будутъ окончательно испытывать не свои, а чужіе учителя—это даже заставитъ его быть внимательнѣе къ самому себѣ. Конкуренціи частныхъ училищъ съ казенными гимназіями не должно помѣшать то, что у первыхъ нѣтъ права давать ученикамъ аттестаты; важность тутъ въ томъ, что ученики частныхъ училищъ

имѣютъ возможность безъ особенныхъ постороннихъ приготовленій получить гимназическіе аттестаты со всѣми принадлежащими имъ правами. Этимъ послѣднимъ и могутъ быть крѣпки новыя частныя училища, конкурируя съ казенными гимназіями: имъ нужно только такъ устроиться, чтобы во всѣхъ прочихъ частяхъ достигать извѣстной степени высоты, чему ужъ не можетъ помѣшать ни одна казенная гимназія. Правда, намъ извѣстны ходячіе толки, будто до сихъ поръ казенныя гимназіи экзаменовали чужихъ строже, чѣмъ своихъ, почему очень немногимъ изъ постороннихъ удается выдержать удовлетворительный экзаменъ, и, разумѣется, во всемъ этомъ обвиняется пристрастіе начальства, учителей и проч. На такіе толки мы можемъ сказать только одно: всѣ они распространялись тѣми юношами (а ихъ всегда было большинство), которые являлись на экзаменъ съ самыми скудными познаніями, нахватанными на скорую руку, второпяхъ, съ разсчетомъ на авось. Не удивительно, что каждый вопросъ имъ казался труднымъ; каждое требованіе основательныхъ объясненій—строгостью и придиркой. Съ своей точки они, можетъ быть, и правы, для незнающаго все кажется труднымъ и строгимъ. Но пусть спросятъ у тѣхъ гимназистовъ, съ которыми экзаменовались они: кого спрашивали строже и кому выказывали больше снисхожденія? Само собою разумѣется, что если бы и частныя училища вздумали представлять на экзаменъ такихъ недоспѣлыхъ юношей, то имъ нечего разсчитывать на успѣхъ; они бы только показали свою крайнюю несостоятельность—тутъ ужъ не вина казенныхъ гимназій. Но мы разумѣемъ такія училища, которыя могутъ строго-педагогически вести свое дѣло, и говоримъ, что имъ нечего бояться экзаменовъ не въ своихъ стѣнахъ. При этомъ можно только пожелать, чтобы вообще экзамены приняли нѣсколько другой видъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлались бы испытаніемъ экзаменующихся, въ которыхъ бы можно было оцѣнить и степень зрѣлости, и умственное развитіе, и запасъ основательныхъ существенныхъ познаній, а не заученныя фразы и не сборъ разныхъ мелочныхъ фактовъ. Но можно надѣяться, что и эта часть нашего педагогическаго дѣла мало-по-малу пойдетъ къ надлежащему совершенству [1]).

Что касается до отношенія частныхъ училищъ къ админи-

[1]) Самое лучшее было бы устроить въ столицахъ общія экзаменныя коммиссіи, которыя экзаменовали бы одинаково какъ гимназистовъ всѣхъ столичныхъ гимназій, такъ и постороннія лица, жежающія имѣть гимназическій аттестатъ; тогда была бы возможность сравнивать дѣятельность училищъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, равно и дѣлать соображенія о ходѣ домашняго воспитанія.

стративнымъ властямъ, то они остались на прежнихъ основаніяхъ, т.-е. училища подчиняются надзору извѣстныхъ лицъ, которыя имѣютъ право посѣщать ихъ, слѣдить за преподаваніемъ, за исполненіемъ общихъ правилъ, предписанныхъ администраціею, и наконецъ дѣлать свои замѣчанія начальнику заведенія. Развитіе частныхъ училищъ на другихъ основаніяхъ, разумѣется, вызоветъ и другія постановленія, которыя должны точнѣе и ближе опредѣлить отношеніе между училищемъ и педагогическимъ цензоромъ. Такъ какъ частныя училища, преслѣдуя исключительно воспитательныя цѣли, будутъ вырабатывать и разныя педагогическія системы, то очень легко можетъ случиться столкновеніе въ этихъ вопросахъ. Запретить педагогу слѣдовать своимъ взглядамъ и своимъ идеаламъ, если они не противорѣчатъ общему духу администраціи, значило бы убить самое воспитаніе, обративъ его въ извѣстные казенные формы и пріемы; тогда нечего и требовать отъ училищъ людей и гражданъ, въ которыхъ мы теперь нуждаемся на всѣхъ степеняхъ общественной службы. Тотъ или другой педагогъ, обязавшись передъ правительствомъ соблюдать извѣстные законы, не можетъ подчинить всѣхъ своихъ взглядовъ на воспитаніе, равно какъ и избранной имъ системы взгляду одного лица, давать ему въ томъ отчеты и принимать отъ него распоряженія; оставаясь въ предѣлахъ законности, онъ можетъ быть воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Съ этой стороны, мы полагаемъ, никогда не будетъ стѣсненія отъ властей, которымъ извѣстно лучше насъ, какъ много нужно поощрять развитіе частныхъ училищъ за недостаткомъ казенныхъ. Но тѣмъ не менѣе столкновеніе все же можетъ быть и въ вопросахъ чисто педагогическихъ. Взглядъ цензора можетъ быть не согласенъ со взглядомъ педагоговъ того или другого частнаго училища, соединившихся для одного дѣла; какая-нибудь новизна ему можетъ показаться несогласною съ общимъ узаконеніемъ или съ духомъ администраціи; однимъ словомъ, вопросы педагогическіе онъ можетъ даже и неумышленно перевести въ другую область, изъ спорнаго дѣла развить обвиненіе и конечно накликать на училище непріятность, а иногда и уронить въ общественномъ мнѣніи. Вообще частнаго человѣка, полагающаго въ свое предпріятіе капиталъ и трудъ, подчинять во всемъ чужому личному взгляду нѣтъ возможности; иначе онъ тотчасъ же броситъ дѣло, если увидитъ, что не можетъ быть его распорядителемъ и хозяиномъ. А не дай Богъ, чтобы у насъ знающіе и опытные люди махнули рукой на такое дѣло, какъ воспитаніе; безъ нихъ навѣрно не выйдетъ ничего хорошаго; частная предпріимчивость у насъ

вызываетъ еще такъ мало добросовѣстныхъ дѣятелей, что ограничивать ее разными мелочными постановленіями и строго подчинять волѣ посторонней личности все равно, что не давать ей необходимаго простора для развитія и слѣдственно заглушать ее.

Все это мы предполагаемъ только въ видахъ будущаго, не дѣлая никакихъ выводовъ изъ прошедшаго, такъ какъ говоримъ о частныхъ училищахъ на новыхъ основаніяхъ. Замышляя какое либо новое дѣло, каждый долженъ осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, сообразить ту обстановку, въ которой ему придется развиваться, всѣ благопріятныя и неблагопріятныя обстоятельства, какія можетъ встрѣтить предпріятіе, взвѣсить все это, оцѣнить слѣдствія, какъ результаты всего дѣла, и тогда только съ увѣренностью на успѣхъ пустить въ ходъ свой капиталъ и трудъ, если онъ не хочетъ необдуманно рисковать ими. А какой же благоразумный человѣкъ захочетъ этого, особенно если ему самому удалось нажить капиталъ съ немалыми трудами? Наше дѣло было указать на предположеніе, которое никакъ нельзя назвать невѣроятнымъ и которое необходимо имѣть въ виду въ общихъ соображеніяхъ о новыхъ частныхъ училищахъ: нельзя ли заранѣе позаботиться съ этой стороны обезпечить частныя училища? Намъ кажется, это даже необходимо, чтобы вызвать людей къ дѣятельности. Мы не безъ причины высказываемъ такое мнѣніе. Намъ извѣстно нѣсколько личностей, которые были бы рады устроить воспитательное заведеніе въ широкихъ размѣрахъ, но задумываются и сдерживаютъ себя такимъ разсужденіемъ: кто можетъ ручаться, что въ томъ или другомъ новомъ училищѣ не явится одна, двѣ или даже нѣсколько личностей съ такими убѣжденіями, которыя покажутся противозаконными; ихъ конечно удалятъ или смотря по винѣ отдадутъ подъ судъ; если только этимъ дѣло и кончится, то дальше не можетъ быть и рѣчи. Но что, если изъза нихъ явится подозрѣніе на всѣ новыя училища и въ одинъ прекрасный день всѣ они будутъ закрыты; что, если придется въ чужомъ пиру похмелье—потерять капиталъ и трудъ, не говоря уже о неудовольствіи, за вину другихъ? Мы говоримъ только о томъ страхѣ, который уже существуетъ и который сильно мѣшаетъ развитію педагогической предпріимчивости,— и существуетъ по недостатку закона, обезпечивающаго дѣятельность; явится опредѣленный законъ и строгое его исполненіе—уничтожатся и страхъ, и недовѣріе, и затѣмъ открывается широкое поле для дѣятельности. Законъ долженъ вести къ суду каждаго виноватаго и къ слѣдствію каждаго подозрѣваемаго—пусть каждый отвѣчаетъ только за себя; словомъ, пусть и къ частнымъ училищамъ

будетъ примѣняться то же самое, что примѣняется къ сферѣ другихъ дѣятельностей, и существованіе ихъ будетъ обезпечено. Однимъ позволеніемъ начинать предпріятіе еще нельзя его вызвать, нужно, чтобы явился и законъ, который бы могъ вполнѣ обезопасить его развитіе. Въ настоящее время позволено заводить воскресныя школы, но мы еще не слышали, чтобы кто-нибудь воспользовался этимъ позволеніемъ. Неужели-жъ не можетъ найтись хоть нѣсколько человѣкъ, которымъ бы было не жаль двухъ часовъ въ недѣлю на такое доброе дѣло, какъ народное образованіе? Едва ли можно предположить это! Отчего же не явится ни одного? Конечно, тутъ есть какая-нибудь причина! Да, есть, и мы можемъ указать на нее:—все тотъ же недостатокъ закона, который бы обезопасилъ трудъ и дѣятельность. Невозможность опереться на законъ, такъ какъ его еще нѣтъ, неувѣренность въ прочности дѣла, которое мгновенно можетъ прекратиться, не внушили желанія даже ни одной личности явиться съ пожертвованіемъ своего труда на общую пользу. Фактъ, заслуживающій особеннаго вниманія. Но, какъ мы сказали, новое время вѣроятно вызоветъ и новыя узаконенія, которыя всему дадутъ извѣстныя границы и обезопасятъ отъ разныхъ случайностей и законныя педагогическія предпріятія.

Мнѣ кажется, что при тѣхъ столкновеніяхъ между начальникомъ частнаго училища и оффиціальнымъ наблюдателемъ, которыя вытекаютъ изъ педагогическихъ началъ, хорошо бы отдавать дѣло на судъ коммиссіи изъ опытныхъ педагоговъ въ присутствіи административныхъ лицъ; они бы правильнѣе обсудили какъ достоинство воспитательной системы обвиняемаго, такъ и ея согласіе или несогласіе съ духомъ администраціи и все прочее, что относится къ вопросу о воспитаніи. При существованіи такихъ педагогическихъ судовъ положеніе частныхъ училищъ было бы прочнѣе; а увѣренность въ этомъ необходима каждому, кто хочетъ приняться за обдуманное предпріятіе, разсчитывая только на свои честныя побужденія и добросовѣстный трудъ.

До сихъ поръ мы говорили о частныхъ училищахъ, не называя ихъ частными гимназіями и прогимназіями, потому что въ уставѣ не ясно опредѣлено, какія именно частныя училища могутъ называться этимъ именемъ; тѣ ли только, которыя устроятся по предписанному образцу для казенныхъ гимназій, или также и тѣ, которыя не будутъ имѣть въ виду этихъ образцовъ и устроятся по своему собственному плану, лишь бы ихъ ученики были въ состояніи держать опредѣленный гимназическій экзаменъ. Намъ кажется, частнымъ гимназіямъ слѣдуетъ дать пол-

ный просторъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ: имѣть предметы дополнительные, не входящіе въ программу гимназическаго курса, нѣкоторые предметы преподавать въ большемъ объемѣ, устроивать лишніе, спеціальные классы и проч. Что при благопріятныхъ условіяхъ частныя гимназіи будутъ открываться, въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ существующія казенныя не могутъ вмѣстить всего числа желающихъ учиться. Министерство же просвѣщенія по недостатку средствъ не можетъ увеличить число гимназій, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время оно должно обратить особенное вниманіе на учрежденіе учительскихъ семинарій, въ которыхъ настоитъ крайняя потребность и на которыя также нужно употребить не ничтожныя суммы. Слѣдовательно, частнымъ гимназіямъ тутъ будетъ дѣло. Но здѣсь неизбѣжно является вопросъ: на какія изъ нихъ общество больше отзовется съ сочувствіемъ—на классическія или реальныя? Казенныя будутъ и тѣ и другія. Если бы аттестатъ изъ каждой гимназіи давалъ право поступать въ университетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что общество отнеслось бы съ большимъ сочувствіемъ къ реальнымъ—въ этомъ удостовѣряетъ насъ общественное мнѣніе, не расположенное къ древнимъ языкамъ. Но въ университетъ будутъ поступать только ученики изъ классическихъ гимназій; а у насъ стремленіе большей части молодежи пока направляется къ университету, слѣдственно нужно выжидать, что возьметъ верхъ: университеты, или высшія спеціальныя заведенія? Кажется, что современемъ послѣднія должны привлечь къ себѣ учащуюся молодежь, если только они будутъ совершенствоваться въ примѣненіи науки къ дѣлу. Ученые спеціалисты-практики будутъ сразу находить себѣ лучшее положеніе, чѣмъ большинство воспитанниковъ университета. Кромѣ того, многіе изъ родителей, отдавая своихъ дѣтей въ гимназію, не захотятъ ихъ въ дѣтствѣ предназначать по своей волѣ на какую-либо спеціальность; они не могутъ знать, какія способности разовьются въ ихъ сынѣ, и захочетъ ли онъ продолжать свое образованіе въ университетѣ: Богъ знаетъ, дадутся ли ему древніе языки, будутъ разсуждать они, такъ какъ имъ по опыту извѣстно, что до сихъ поръ они давались очень немногимъ (по какимъ причинамъ, разсуждать они не станутъ); поэтому не лучше ли выбрать реальную гимназію, гдѣ можно больше надѣяться на успѣхи, слѣдственно и на развитіе, и откуда больше представляется простора для выбора себѣ спеціальности съ надеждою на выгоды въ жизни, а этотъ послѣдній разсчетъ занимаетъ не маловажное мѣсто въ соображеніяхъ какъ родителей, такъ и юношей-дѣтей ихъ. Что же касается до любви

къ наукѣ, то каждый развившій въ себѣ это чувство, найдетъ ему удовлетвореніе столько же во всякомъ высшемъ спеціальномъ заведеніи, сколько и въ университетѣ. На эти заведенія, если они хорошо устроены и дѣйствительно могутъ назваться высшими, слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на реальные университетскіе факультеты. И такъ, по всѣмъ соображеніямъ, приливъ русской молодежи въ эти факультеты съ каждымъ годомъ долженъ усиливаться. Мы даже опасаемся, что наши университеты не будутъ въ состояніи доставлять нужное число юристовъ, медиковъ, профессоровъ, учителей, для которыхъ необходимо научное университетское образованіе.

Въ примѣчаніи къ § 39 устава сказано, что преподаваніе латинскаго языка вводится немедленно во всѣхъ классическихъ казенныхъ гимназіяхъ, а греческаго постепенно по мѣрѣ приготовленія учителей этого языка. Слѣдовательно, въ началѣ классическія гимназіи будутъ двухъ разрядовъ—съ обоими древними языками и съ однимъ латинскимъ. Къ уставу даже приложены штаты для этихъ послѣднихъ, значитъ, можно надѣяться, что онѣ просуществуютъ нѣсколько лѣтъ; а отсюда мы можемъ заключить, что во все это время и въ университеты будутъ приниматься молодые люди безъ знанія греческаго языка, который собственно нуженъ только для историко-филологическаго факультета. Этимъ уже признается, что въ этихъ факультетахъ студенты и безъ знакомства съ греческимъ языкомъ могутъ заниматься основательно. Имѣя это въ виду, мы останавливаемся на вопросѣ: будутъ ли допускаться въ эти факультеты тѣ молодые люди, которые учились въ казенныхъ гимназіяхъ, но которые по всѣмъ предметамъ гимназическаго классическаго курса, исключая греческій языкъ, могутъ выдержать удовлетворительный экзаменъ? Этотъ вопросъ сходится съ другимъ вопросомъ: будутъ ли казенныя гимназіи допускать къ экзамену тѣхъ, которые объявятъ, что они не учились по гречески, но хотятъ подвергнуться испытанію по всѣмъ другимъ предметамъ и получить соотвѣтственный аттестатъ? Уставъ намъ не разрѣшаетъ этихъ вопросовъ, а между тѣмъ отвѣты на нихъ важны для многихъ. Такъ, напримѣръ, для поступленія въ студенты въ медико-хирургическую академію требуется знаніе гимназическаго курса съ латинскимъ языкомъ, но не требуется знаніе греческаго языка. Если казенныя гимназіи будутъ отказывать въ испытаніи тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ не знакомъ греческій языкъ, то какимъ путемъ они будутъ поступать въ академію? Если для этого будетъ назначаться особый экзаменъ, послѣ котораго будетъ выдаваться

особое свидѣтельство, какъ это дѣлалось до сихъ поръ для посторонних лицъ, желающихъ поступить въ медико-хирургическую академію, то спрашивается, каждый ли можетъ подвергнуться такому испытанію, чтобы имѣть оффиціальное удостовѣреніе въ своихъ познаніяхъ, если бы онъ и не думалъ поступать въ академію? Или имѣя такое удостовѣреніе, можетъ ли онъ съ нимъ поступить въ университетскіе студенты медицинскаго факультета? Конечно, пока существуютъ казенныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, то надо полагать, что и постороннимъ лицамъ, не гимназистамъ, доступъ въ университетъ будетъ возможенъ безъ знанія греческаго языка. Но когда, наконецъ, во всѣхъ гимназіяхъ будутъ преподаваться оба древніе языка, то измѣнится ли требованіе и для молодыхъ людей, получающихъ домашнее воспитаніе?

Ясное разрѣшеніе этихъ вопросовъ весьма важно для частныхъ гимназій.

II.

Если молодые люди, неучившіеся въ казенныхъ гимназіяхъ, могутъ по удовлетворительномъ испытаніи поступать въ университетъ безъ знанія греческаго языка, то выгоднѣе всего было бы устраивать частныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, такъ какъ ученику, кончившему тамъ курсъ, открывается свободная дорога и въ университетъ, и въ другія высшія спеціальныя заведенія. Такія гимназіи должны удовлетворить потребности большинства: родители, отдавая своихъ дѣтей въ школу, еще не могутъ сообразоваться съ ихъ наклонностями, которыя обыкновенно начинаютъ обнаруживаться ближе къ юношескому возрасту; слѣдственно всегда будутъ выказывать больше расположенія къ такимъ школамъ, откуда ихъ сынъ безъ большого труда можетъ перейти къ любой спеціальности, какая придется ему по душѣ. Если частныя гимназіи могутъ устраиваться на такомъ основаніи (а это зависитъ отъ яснаго разрѣшенія греческаго вопроса для университетовъ), то думаемъ, что они въ рукахъ искусныхъ педагоговъ не останутся безъ учениковъ.

Конкуренція между казенными и частными гимназіями невозможна только въ одномъ—въ платѣ за обученіе, что̀ конечно очень понятно каждому. Частная гимназія должна содержаться исключительно на свои средства и притомъ платить учителямъ значительно болѣе казенныхъ, которыя кромѣ жалованья даютъ

права государственной службы, обѣщаютъ пенсію и проч., что̀ бываетъ недоступно частнымъ заведеніямъ. Слѣдственно частныя гимназіи могутъ удовлетворять только семейства, достаточныя въ матеріальныхъ средствахъ. Онѣ должны ихъ отвлекать отъ казенныхъ гимназій, чтобы дать больше простора бѣднымъ людямъ, которые, не найдя мѣста въ казенной гимназіи, уже рѣшительно не имѣютъ возможности гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ образовать своихъ дѣтей. А при нынѣшнемъ числѣ гимназій, по крайней мѣрѣ петербургскихъ, очень часто приходится имъ отказывать и видѣть горькія слезы бѣдныхъ отцовъ и матерей, незнающихъ, что дѣлать со своими дѣтьми. Для казенныхъ гимназій все равно, кто бы ни учился въ ихъ классахъ — бѣдные или богатые; поэтому онѣ нисколько не потеряютъ отъ успѣха частныхъ гимназій; а выиграть могутъ въ томъ отношеніи, что вообще приливъ къ нимъ учениковъ не будетъ съ каждымъ годомъ такъ увеличиваться и обременять классы чрезмѣрнымъ множествомъ учащихся.

Итакъ, задача частныхъ гимназій состоитъ въ томъ, чтобы привлечь къ себѣ достаточныя семейства, т.-е. внушить довѣріе къ своимъ педагогическимъ силамъ и средствамъ и полную увѣренность, что ученикъ нисколько не потеряетъ, не бывъ въ казенной гимназіи, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ выиграть. Только при этихъ условіяхъ высшая плата не помѣшаетъ достаточнымъ людямъ предпочитать частныя гимназіи казеннымъ: иначе кому охота платить значительно дороже и не ожидать ничего лучшаго! Значитъ, частныя гимназіи должны обратить все свое вниманіе на устройство воспитательной и образовательной части; а это имъ сдѣлать легче, чѣмъ казеннымъ гимназіямъ. Въ послѣднихъ страшитъ многихъ родителей большое число учениковъ, за которыми внимательный надзоръ при двухъ гувернерахъ чрезвычайно труденъ. Въ частныхъ гимназіяхъ число учениковъ будетъ конечно менѣе; для ихъ надзора есть возможность имѣть хорошихъ и опытныхъ гувернеровъ или воспитателей столько, сколько будетъ нужно, они въ самомъ дѣлѣ будутъ педагоги съ нужными познаніями, съ необходимымъ умѣньемъ обращаться съ дѣтьми, занимать и развивать ихъ. Конечно, они не могутъ довольствоваться скудною платою; но на нихъ нельзя и скупиться, если имѣть въ виду, что отъ нихъ много зависитъ хорошая репутація заведенія. Эта часть въ частной гимназіи должна быть устроена въ совершенствѣ, потому что она преимущественно должна привлекать къ гимназіи вниманіе родите-

лей: во многихъ заведеніяхъ учатъ недурно; но далеко не во многихъ есть средства воспитывать, какъ слѣдуетъ.

Въ частныхъ гимназіяхъ есть больше возможности сгруппировать хорошихъ преподавателей, которыхъ должна привлечь плата, вполнѣ вознаграждающая ихъ труды. Конечно, для каждаго преподавателя важно числиться на службѣ въ какомъ-либо казенномъ заведеніи, чтобы пользоваться всѣми правами государственной педагогической службы; но почти всѣ они, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, не могутъ ограничиться однимъ этимъ служебнымъ мѣстомъ, чтобы не отказывать себѣ лишь въ необходимыхъ потребностяхъ образованнаго человѣка. Они занимаютъ мѣста въ двухъ и трехъ учебныхъ заведеніяхъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что они всегда будутъ предпочитать казенныя частнымъ, если эти послѣднія найдутъ возможность привязать къ себѣ ихъ интересы. Для учителя важно, какъ мы сказали, только одно казенное заведеніе, именно то, гдѣ онъ считается въ государственной службѣ; прочія, слѣдовательно, ему служатъ средствомъ для увеличенія необходимыхъ доходовъ, какъ средствъ жизни. Если онъ найдетъ болѣе выгоднымъ отдать свои труды частному дѣлу, то конечно самое благоразуміе направитъ его туда, гдѣ трудъ его будетъ лучше окупаться. Говоря это, я рискую прослыть у нѣкоторыхъ господъ за человѣка, который личнымъ интересамъ даетъ большее значеніе, чѣмъ общественнымъ. Эти господа, разсуждая объ общественномъ устройствѣ, обыкновенно любятъ разсчитывать на пожертвованіе и чаще всего имѣютъ въ виду такія лица, которымъ никакъ не приходится приносить подобныя жертвы, какія предполагаются въ теоріи филантроповъ. Но мы смотримъ на это дѣло совсѣмъ иначе. Пожертвованія могутъ быть только временныя, а не постоянныя, слѣдственно и разсчитывать на прочное состояніе учрежденій, держащихся пожертвованіями, невозможно. Съ другой стороны, требованіе, чтобы человѣкъ всегда забывалъ свои личные интересы въ виду общественныхъ, есть не что иное, какъ сладкая мечта: въ жизни она невыполнима. Человѣкъ прежде всего есть личность, слѣдственно очень естественно ему заботиться прежде всего о ней, объ этой личности, о томъ, кто къ нему ближе всего. Отказавшись отъ своей личности, большая часть людей и въ дѣлахъ общественныхъ не будутъ сознавать никакихъ интересовъ: эти люди и къ нимъ будутъ относиться хладнокровно. Личные интересы даютъ человѣку энергію и въ дѣлахъ общественныхъ. Поэтому въ обыкновенномъ ходѣ жизни (если онъ не нарушенъ какими либо особенными, исключительными

событіями) не должно быть ни уничтоженія личныхъ интересовъ, ни подчиненія ихъ общественнымъ; а нужно согласованіе тѣхъ и другихъ, т.-е. нужно, чтобы каждый гражданинъ находилъ въ общественныхъ интересахъ и свои личные, чтобы ему было невыгодно обходить первые, потому что черезъ это пострадаютъ вторые, или иначе, дѣйствуя въ ущербъ интересамъ общественнымъ, онъ тѣмъ самымъ будетъ наносить ущербъ и своимъ ближайшимъ личнымъ интересамъ. Когда человѣку будетъ невыгодно брать взятки, потому что законъ не пощадитъ его ни въ какомъ случаѣ, не дастъ ему укрыться ни въ какомъ потаенномъ мѣстѣ, найдетъ его и предастъ карѣ, тогда онъ найдетъ болѣе для себя выгоднымъ строго исполнять свои общественныя обязанности; а пока онъ будетъ находить возможность обходить законъ, обманывать его, укрываться отъ него, до тѣхъ поръ онъ будетъ находить свои выгоды тамъ, гдѣ страдаетъ общественный интересъ. Итакъ, если личные интересы имѣютъ въ человѣкѣ такую силу, что ихъ нужно слить съ общественными для того, чтобы сохранить цѣлость и безопасность этихъ послѣднихъ, то ясно, что на нихъ нельзя смотрѣть легкомысленно и обходить ихъ въ построеніи разныхъ теорій. Если даже раскрыть источникъ многихъ пожертвованій на общую пользу, то онъ окажется въ личномъ интересѣ: жертвователь потому и жертвовалъ, что разсчитывалъ изъ этого извлечь для себя лично ту или другую пользу.

Говоря о трудахъ педагоговъ, я и имѣлъ въ виду согласованіе личныхъ интересовъ съ общественными, а никакъ не подчиненіе однихъ другимъ. Теперь я поведу развитіе этой идеи далѣе въ примѣненіи къ данному случаю. Отъ учителя обыкновенно требуютъ во имя общихъ или, пожалуй, гражданскихъ интересовъ пожертвованія временемъ: что ему стоитъ, говорятъ, удѣлить два, три часа въ недѣлю на какую-нибудь безплатную школу. Но при этомъ забываютъ, что для человѣка, живущаго только своимъ трудомъ, время—капиталъ. Въ доказательство, что это не избитая фраза, мы тотчасъ же сдѣлаемъ и выкладку. Въ Петербургѣ преподаватель не совсѣмъ дурной можетъ разсчитывать по меньшей мѣрѣ на полтораста рублей въ годъ, отдавая два часа въ недѣлю на частныя занятія. Спрашивается: много ли изъ богатыхъ людей жертвуютъ такую сумму на школы, а между тѣмъ для учителя такое пожертвованіе считаютъ ничтожнымъ. Оно дѣйствительно было бы ничтожнымъ, если бы онъ не зналъ, куда дѣвать свое свободное время, какъ ничтожна эта же сумма для богача, который ежегодно отъ своихъ дохо-

довъ прячетъ значительный капиталъ. Но дѣло въ томъ, что учителю не приходится роскошничать временемъ. Если онъ хочетъ быть дѣйствительно хорошимъ педагогомъ и приносить пользу своими трудами, то долженъ дѣлить свое время на двѣ части: одну отдавать на преподаваніе, другую на домашнія кабинетныя занятія, среди которыхъ одному чтенію нужно посвятить не мало часовъ, чтобы не отстать отъ науки, чтобы поддерживать въ себѣ педагогическіе интересы, развиваемые въ литературѣ, чтобы повѣрять свои опыты опытами другихъ, не говоря о тѣхъ соображеніяхъ, которыя онъ безпрестанно долженъ дѣлать, вырабатывая себѣ методу преподаванія или примѣняя ее къ силамъ своихъ учениковъ. Безъ этихъ домашнихъ работъ онъ никогда не можетъ быть хорошимъ преподавателемъ; лишь только онъ ихъ оставитъ, онъ остановится въ общемъ педагогическомъ дѣлѣ, которое все идетъ впередъ, потеряетъ къ нему сочувствіе, охладѣетъ, отъ чего конечно должно пострадать и самое преподаваніе. Воспитаніе, какъ общественное дѣло, потерпитъ ущербъ; личный интересъ возьметъ верхъ, согласованіе сдѣлается невозможнымъ. Разумѣется, потомъ долженъ будетъ пострадать и личный интересъ, когда замѣтятъ отсталость такого преподавателя и не будутъ видѣть никакой пользы отъ его преподаванія; онъ лишится занятій, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ испытать и всѣ горькія послѣдствія отъ такого положенія. Отсюда ясно, что всего своего времени или даже значительной его части преподаватель не только не можетъ, но даже не долженъ отдавать преподаванію, если хочетъ быть хорошимъ педагогомъ и съ пользою служить общественному дѣлу. Но съ другой стороны онъ какъ человѣкъ имѣетъ право и заботиться о своихъ личныхъ интересахъ; какъ образованный (иначе не можетъ быть и учителемъ), живущій въ средѣ людей образованныхъ, не хочетъ отказываться отъ потребностей и интересовъ этой среды, а отказавшись отъ нихъ много пострадалъ бы нравственно, слѣдственно и ко вреду самаго воспитанія. Все это заставляетъ его искать средствъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Спрашивается: откуда же у него возьмется свободное время, которымъ бы онъ могъ жертвовать. Онъ не знаетъ, какъ распредѣлить время на самыя существенныя занятія: отдастъ значительное число часовъ на преподаваніе, остается немного для кабинетныхъ занятій; хочетъ стоять въ уровень съ наукой, съ современностью, согласоваться съ общественными интересами, долженъ и самъ и семейство терпѣть нужду, и вотъ страдаютъ личные интересы, черезъ что онъ лишается бодрости, энергіи, а съ потерею этихъ силъ

опять должно пострадать общественное дѣло, которому онъ служитъ. Вотъ какъ переплетаются эти интересы, и какъ трудно ихъ раздѣлять въ вопросѣ объ общественной пользѣ. Желая не упустить ни того, ни другого, честный труженикъ забываетъ отдыхъ, развлеченія, и повидимому успѣваетъ достигать своей цѣли; за то не выдерживаютъ физическія силы, разстраивается здоровье, и тутъ уже страдаютъ вмѣстѣ интересы и общественные, и личные. Общество лишается полезнаго дѣятеля. Имѣя все это въ виду, каждый преподаватель радъ выгадать два три часа въ недѣлю, не лишая себя необходимыхъ средствъ для жизни: эти часы онъ употребитъ сколько для своей пользы, столько и для общей, т.-е. будетъ запасаться средствами и силами для того, чтобы имѣть возможность быть постоянно хорошимъ педагогомъ.

Такимъ образомъ преподаватель, мѣняя одно учебное заведеніе на другое, хотя бы и казенное на частное, потому только, что во второмъ разсчитываетъ получить большее вознагражденіе за свой трудъ, нисколько не можетъ заслуживать упрека отъ кого бы то ни было. Здѣсь онъ думаетъ повидимому лишь о личномъ интересѣ, но на самомъ дѣлѣ выгадываетъ время или пріобрѣтаетъ большія средства для того, чтобы дольше остаться дѣятелемъ, годнымъ для общественнаго дѣла; а воспитаніе и образованіе нисколько не перестаетъ быть дѣломъ общественнымъ и въ рукахъ частныхъ лицъ; слѣдственно если бы кто-либо и совсѣмъ оставилъ казенную службу и изъ личныхъ интересовъ отдался бы частной педагогической предпріимчивости, то и тогда онъ не вышелъ бы изъ круга общественной дѣятельности. Служить отечеству все равно, что въ сферѣ правительственной, что внѣ ея, лишь бы вытекала прямая, несомнѣнная польза для общества изъ нашихъ трудовъ.

Имѣя все это въ виду, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что частныя гимназіи въ состояніи у себя сгруппировать лучшихъ преподавателей, которые теперь занимаются въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и пользуются извѣстною репутаціею. Нужно ли говорить, что при хорошемъ состояніи преподавателей, смотрящихъ на свое дѣло здраво-педагогически, училище будетъ владѣть такими силами, съ которыми возможна всякая конкурренція. Единство и согласіе въ воспитаніи и обученіи весьма важное дѣло, а этого частнымъ гимназіямъ достигнуть легче, чѣмъ казеннымъ, конечно, если въ нихъ будутъ настоящіе педагоги, о какихъ только мы и говоримъ. Всѣ они, привязавъ свои интересы къ училищу, будутъ хлопотать объ его совершенствѣ и трудиться сообща, помогая другъ другу. Правда, педа-

гогическіе совѣты, безъ которыхъ не можетъ успѣшно идти никакое учебное заведеніе, здѣсь не обязательны, какъ они обязательны въ мужскихъ казенныхъ гимназіяхъ. Тамъ совѣтъ долженъ сбираться по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ и обсуживать дѣла, относящіяся къ учебной, воспитательной и даже хозяйственной части гимназій; тамъ его характеръ не только совѣщательный, но во многихъ случаяхъ и законодательный (разумѣется, въ стѣнахъ той гимназіи): опредѣленія его, внесенныя въ протоколы, должны исполняться всѣми членами. Эта сила дѣйствительно живая въ воспитательномъ дѣлѣ,—сила, благодаря которой гимназіи могутъ развиваться и улучшаться даже при тѣхъ небольшихъ матеріальныхъ средствахъ, которыя онѣ имѣютъ, и соперничать съ другими болѣе богатыми заведеніями. Чтобы педагогическіе совѣты имѣли эту силу, нужно непремѣнно имъ дать тотъ характеръ, съ какимъ они поставлены въ новомъ уставѣ казенныхъ гимназій, иначе они превратятся въ нуль. Мы знали нѣкоторыя заведенія (замѣтимъ: не мужскія гимназіи), гдѣ педагогическіе совѣты только допускаются, и то съ однимъ совѣщательнымъ голосомъ, какъ бы въ пособіе начальнику, который можетъ и не собирать ихъ, если найдетъ ихъ пособіе почему-либо для себя неудобнымъ. Изъ этого происходили престранныя вещи. Желая показать себя современнымъ педагогомъ и на словахъ признавая всю пользу педагогическихъ совѣтовъ, начальникъ собиралъ ихъ, предлагалъ имъ вопросы, вмѣстѣ со всѣми членами рѣшалъ ихъ, даже записывалъ въ протоколъ, словомъ, соблюдались всѣ формы подобныхъ совѣтовъ; но тѣмъ дѣло и оканчивалось. Исполнять эти общія рѣшенія считалось совершенно излишнимъ; часто на другой же день выходило новое распоряженіе совершенно въ противорѣчіе тому, надъ чѣмъ не одинъ часъ разсуждали нѣсколько участниковъ общаго дѣла и что̀ всѣми признано было полезнымъ и необходимымъ. Случалось даже такъ, что изъ оставленныхъ еще на годъ въ томъ же классѣ по общему приговору совѣта за неуспѣхи по всѣмъ предметамъ и за совершенное безсиліе продолжать ученіе въ слѣдующемъ высшемъ классѣ, вдругъ являлась тамъ личность, считавшаяся послѣднею по своей неразвитости и незнанію: какимъ образомъ случилось съ нею счастливое превращеніе и она оказалась достойной перейти даже мимо тѣхъ, которыя были сильнѣе ея и все-таки должны были остаться въ томъ же классѣ, объ этомъ могло быть извѣстно только одному начальнику. Вотъ вамъ и педагогическій совѣтъ; вотъ вамъ и уваженіе личности наставниковъ, съ которыми позволяется разыгрывать подобныя

комедіи. Послѣ этого можно представить, какъ шло воспитаніе, какіе давались аттестаты, которые не проходили черезъ руки преподавателей, какъ все обращалось въ шарлатанское дѣло и во всемъ пускалась пыль въ глаза.

Все это мы говоримъ для того, чтобъ показать, въ какое ничтожество можетъ обратиться педагогическій совѣтъ съ однимъ совѣщательнымъ голосомъ. Но такихъ комедій не можетъ быть въ частномъ училищѣ, успѣхъ котораго соединяется съ личнымъ интересомъ его содержателя. Хотя онъ имѣетъ право и не сбирать совѣта или сбирая не исполнять его общихъ постановленій, но онъ невольно долженъ отказаться отъ этого права, зная хорошо (если онъ дѣйствительно педагогъ), что иначе его дѣло не можетъ идти успѣшно; а кто же себѣ врагъ, кто будетъ уничтожать свои личные интересы?

Съ другой стороны между нимъ и преподавателями не можетъ быть даже и тѣни какихъ-либо бюрократическихъ отношеній. Ихъ будутъ связывать взаимные личные интересы, они равномѣрно будутъ хлопотать объ одномъ общемъ дѣлѣ, и оно конечно должно выиграть.

Мы не рисовали здѣсь ничего идеальнаго, а только старались показать, при какихъ условіяхъ и обстановкѣ возможна частнымъ гимназіямъ конкуренція съ казенными. Обратимъ еще вниманіе на число учебныхъ часовъ. По новому уставу назначается на каждый урокъ по часу съ четвертью; въ первомъ классѣ предполагается въ недѣлю 24 урока, во второмъ 25, а въ прочихъ по 27. Такъ какъ въ частныхъ гимназіяхъ число учениковъ въ каждомъ классѣ будетъ меньше, то онѣ могутъ иначе распорядиться и временемъ. На каждый урокъ здѣсь достаточно опредѣлить по одному часу, черезъ что будетъ выигрышъ во времени отъ шести до семи часовъ въ недѣлю. Въ низшихъ классахъ, для дѣтей отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, полезно эти часы оставить безъ научныхъ занятій, предоставляя ученикамъ работы, требующія и движенія, и упражненія физическихъ силъ, что связывается съ вопросомъ о здоровьи дѣтей. Въ другихъ классахъ на счетъ этихъ часовъ можно усилить научныя занятія или по тѣмъ предметамъ, которые обозначены въ программѣ гимназическаго курса, или по другому, который вслѣдствіе какихъ-либо соображеній окажется нужнымъ для болѣе многосторонняго образованія.

При такой экономіи во времени и при хорошемъ преподаваніи въ частной гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ есть возможность не отстать и отъ программы реальныхъ гимназій

по математикѣ и физикѣ, которыя въ этихъ послѣднихъ полагается преподавать въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ гимназіяхъ классическихъ, т.-е. въ однихъ на математику назначается 22 недѣльныхъ урока во всѣхъ классахъ, а на физику съ космографіей 6, въ другихъ же на математику 25 уроковъ, а на физику съ космографіей 9. Устроившись такимъ образомъ, частная гимназія будетъ имѣть возможность давать своимъ ученикамъ способы поступать въ университетъ и въ нѣкоторыя высшія спеціальныя заведенія, гдѣ требуются познанія изъ математики и физики въ большемъ объемѣ, чѣмъ предполагается въ классическихъ гимназіяхъ. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ не найдется ничего неудобнаго для исполненія, пока существуютъ казенныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, изъ которыхъ будетъ свободенъ переходъ въ университетъ; но будутъ ли они имѣть значеніе въ то время, когда во всѣхъ казенныхъ классическихъ гимназіяхъ введется греческій языкъ, тутъ трудно отвѣчать что-нибудь положительное—это зависитъ отъ разрѣшенія вопроса: по какой программѣ будутъ приниматься въ университетъ молодые люди, получившіе домашнее воспитаніе? Если и отъ нихъ будутъ требовать знанія греческаго языка, то конечно и частная гимназія съ однимъ латинскимъ языкомъ не удовлетворитъ никого: потребность знанія одного этого языка окажется въ самомъ незначительномъ числѣ, которое не поддержитъ частной гимназіи.

О частныхъ гимназіяхъ съ обоими древними языками мы не будемъ говорить, такъ какъ считаемъ, что существованіе ихъ невозможно: всякое частное дѣло, какъ мы замѣчали, должно найти сочувствіе въ публикѣ, чтобы успѣшно развиваться, иначе ему не можетъ быть и ходу. Такихъ гимназій потребуетъ развѣ только одна московская публика, напуганная призраками „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Современной Лѣтописи“, которыя въ своихъ классическихъ угрозахъ доходили до изступленнаго состоянія классической пиѳіи,—жаль только, что пророкали не стихами: вишь-де будетъ хуже мора, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменныхъ, если наши дѣти не будутъ учиться по-гречески.

Что касается до частныхъ чисто-реальныхъ гимназій, то думаемъ, что онѣ могутъ разсчитывать на успѣхъ, особенно если обратятъ должное вниманіе на изученіе живыхъ европейскихъ языковъ. Онѣ должны давать законченное образованіе, такъ чтобы изъ нихъ молодые люди могли не только поступать по выбору въ одно изъ многихъ высшихъ спеціальныхъ заведеній,

но и прямо выбирать себѣ родъ занятій коммерческихъ или промышленныхъ, слѣдственно пріобрѣтать такія познанія, которыя имѣютъ не одно педагогическое значеніе, но и могутъ быть примѣнимы къ потребностямъ жизни. Сюда относятся живые европейскіе языки, черченіе въ обширныхъ размѣрахъ, какъ, напр., съемка моделей, машинъ, основательныя познанія нѣкоторыхъ частей химіи, элементарныя познанія изъ механики; нельзя при этомъ не указать и на технологію, которая хотя и не полагается въ реальныхъ казенныхъ гимназіяхъ, но которою, гдѣ возможно, долженъ быть дополненъ реальный гимназическій курсъ. Само собою разумѣется, что эти курсы не должны обращать училище въ спеціальное заведеніе, т.-е. исключительно имѣть въ виду примѣненіе науки къ практикѣ, чтобы оттуда извлекать лишь однѣ матеріальныя выгоды. Опыты говорятъ, что отъ такого направленія, которое съ самыхъ юныхъ лѣтъ настраиваетъ мысли исключительно къ этой цѣли, весьма страдаетъ нравственное развитіе, или, другими словами, у учениковъ остаются не выясненными многіе нравственные вопросы жизни въ отношеніяхъ людей между собою, интересы гражданскіе, общественные, общечеловѣческіе и проч. Всего этого не должно быть отъ изученія реальныхъ наукъ, если за нихъ возьмутся настоящіе педагоги, которые будутъ въ нихъ находить общеобразовательную силу. Здѣсь исторія и литература должны занимать особенно важное мѣсто, потому что онѣ, разсматривая жизнь человѣка въ разные моменты и при разнообразныхъ обстановкахъ, способны преимущественно разъяснять интересы человѣчества, гражданства и общества. Онѣ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ реальными науками дадутъ то, что человѣку необходимо въ современной жизни: онъ будетъ развитъ и нравственно и умственно, и имѣть средства честнымъ образомъ добывать себѣ нужное для жизни.

Такія гимназіи могутъ отчасти замѣнить коммерческія училища, которыхъ у насъ всего по одному въ Петербургѣ и въ Москвѣ, да и тѣ закрытыя, слѣдственно недоступныя большинству. Мы полагаемъ, что при нихъ впослѣдствіи потребность вызоветъ одинъ лишній классъ, который можетъ назваться спеціальнымъ и въ которомъ молодые люди, получивъ общее реальное образованіе, будутъ получать дополнительныя уже спеціальныя познанія, нужныя для занятій коммерческихъ и промышленныхъ, какъ, напр., счетоводство, торговое право, законы, относящіеся къ этимъ занятіямъ, маклерскія дѣла и все прочее, что можетъ оказаться нужнымъ. Нѣтъ необходимости, чтобы курсъ въ этомъ классѣ непремѣнно продолжался годъ; его можно огра-

ничить и полугодомъ и даже четырьмя мѣсяцами, глядя по потребностямъ учащихся. При такомъ устройствѣ частныхъ реальныхъ гимназій, которыя будутъ удовлетворять всѣ сословія, готовя людей и для высшаго спеціальнаго образованія, и для обыкновенныхъ практическихъ занятій, онѣ получатъ особое значеніе въ средѣ русскихъ училищъ, и, думаемъ, привлекутъ къ себѣ вниманіе такихъ семействъ, которыя до сихъ поръ чуждались казенныхъ гимназій и неохотно отдавали туда дѣтей, имѣя на то свои разсужденія, какъ, напр., зажиточное купечество и достаточные ремесленные люди.

Въ заключеніе о мужскихъ гимназіяхъ (о женскихъ рѣчь будетъ впереди) мы хотѣли говорить объ отчетахъ, которые должны ихъ связывать съ публикою и тѣмъ указывать на ихъ общественное значеніе.

III.

Каждое частное училище можетъ жить только сочувствіемъ къ нему общества; поэтому, добросовѣстно удовлетворяя общественнымъ потребностямъ и держась строгихъ педагогическихъ основаній въ стремленіи къ своимъ цѣлямъ, такое училище должно стараться поддерживать свою связь съ обществомъ. Оно должно быть всегда готово удовлетворить каждаго, желающаго познакомиться съ состояніемъ училища, съ его настоящимъ и прошедшимъ. Но здѣсь мы не имѣемъ въ виду тѣхъ средствъ, которыя недавно придумало какое-то провинціальное училище для своего сближенія съ обществомъ: оно постановило безпрепятственно допускать каждаго изъ городскихъ обывателей какъ въ классы, такъ и въ педагогическіе совѣты. По нашему мнѣнію, эта мѣра крайне непедагогическая. Прогулка любопытныхъ посѣтителей по классамъ въ то время, какъ преподаватель особенно старается о томъ, чтобы сосредоточить вниманіе своихъ учениковъ на извѣстномъ предметѣ объясненія, непремѣнно будетъ парализовать всѣ его труды. Да и кто же изъ нашихъ преподавателей не знаетъ по опыту, какъ развлекается классъ, при посѣщеніяхъ постороннихъ лицъ, какъ онъ разстраивается при этихъ перерывахъ чтенія, поклонахъ, постороннихъ вопросахъ, и пр., какъ трудно снова вдругъ овладѣть вниманіемъ дѣтей и даже юношей, какъ они конфузятся и сбиваются въ самыхъ простыхъ отвѣтахъ въ то время, когда преподаватель и начальникъ узнаютъ, что по этимъ отвѣтамъ будутъ судить и о степени развитія, и о познаніяхъ учениковъ, а слѣдственно и

о способности учителя и наконецъ обо всемъ заведеніи. Вообще всѣ подобныя посѣщенія выводятъ учениковъ изъ ихъ естественнаго состоянія и мѣшаютъ преподаванію. Что же должно быть, если начнется постоянная прогулка городскихъ жителей изъ класса въ классъ? Учитель съ шарлатанскими наклонностями съумѣетъ пускать пыль въ глаза любопытнымъ посѣтителямъ, которые, можетъ быть, и восхвалятъ его; но ученики уже будутъ развращены, невольно втягиваясь сами въ это шарлатанство; учитель же дѣльный долженъ отказаться отъ успѣховъ: предметомъ наблюденій его учениковъ всегда будетъ не то, что онъ имъ предлагаетъ, а живыя и, можетъ быть, знакомыя личности, смѣняющія одна другую. Мы знаемъ въ Петербургѣ нѣкоторыя училища, гдѣ постороннія, нисколько не начальственныя, лица, лишь съ претензіями на знатность, получаютъ отъ ближайшаго начальства право разгуливать по классамъ, безцеремонно прерывать преподаваніе, разговаривать съ начальствомъ во время чтенія учителя, которое слѣдственно остается безплоднымъ для обучающихся, такъ какъ ихъ вниманіе привлекаетъ прибывшая знатность; повертѣвшись въ классѣ минутъ десять-двѣнадцать, они уходятъ съ такимъ же шумомъ, съ какимъ и вошли, не разсуждая, что, прервавъ обычный ходъ занятій въ классѣ, они во все это время были вредными личностями. Зачѣмъ же начальство позволяетъ имъ? спросите вы. Затѣмъ, что надо же угодить лицу, которое когда-нибудь можетъ пригодиться. Педагогическія правила у нѣкоторыхъ изъ нашихъ оберъ-педагоговъ только на словахъ, а на дѣлѣ... лучше не говорить.

По нашему мнѣнію, можно изъ постороннихъ личностей допускать въ классъ только тѣхъ, которые интересуются методою преподаванія учителя, и то съ предварительнаго согласія этого послѣдняго, и съ условіемъ пробыть въ классѣ отъ начала до конца урока. Чтобъ внушить ученикамъ уваженіе къ классу, нельзя позволять постороннимъ личностямъ входить туда безъ всякаго къ нему уваженія. Преподаватель въ классѣ полный его хозяинъ, онъ творецъ своей методы и кромѣ начальства безъ его согласія никто изъ постороннихъ не въ правѣ присутствовать при его урокахъ съ цѣлью воспользоваться тѣмъ, что онъ выработалъ, можетъ быть, долгими трудами.

Что касается до присутствія постороннихъ лицъ въ педагогическихъ совѣтахъ, то и эта мѣра придумана очень неудачно. Въ воспитательномъ дѣлѣ не всѣ соображенія воспитателей могутъ быть передаваемы ученикамъ. Случаются такія соображенія, которыя необходимо выполнить на дѣлѣ, но такъ, чтобъ воспи-

танникъ и не подозрѣвалъ какихъ-либо преднамѣренныхъ цѣлей. Многое воспитателю нужно держать въ тайнѣ для пользы самаго воспитанія; да и какой же педагогъ будетъ разсказывать своему воспитаннику всѣ подробности составленнаго имъ плана для его развитія? Но никакой тайны для учениковъ быть уже не можетъ, лишь только педагогическій совѣтъ растворитъ свои двери ихъ родителямъ. Никто не можетъ поручиться, что отъ родителей не перейдутъ къ ихъ дѣтямъ всѣ разсужденія членовъ совѣта, иногда противорѣчивыя мнѣнія отдѣльныхъ личностей, иногда споры, недоразумѣнія, замѣченныя ошибки и многое, что̀ должно остаться въ четырехъ стѣнахъ единственно изъ нравственныхъ цѣлей воспитанія. Педагогическій совѣтъ нельзя сравнивать ни съ судебнымъ мѣстомъ, ни съ парламентомъ, ни съ какимъ другимъ общественнымъ собраніемъ, гдѣ гласность необходима и плодотворна. Онъ есть дѣло домашнее, такъ сказать, семейное,—совѣщаніе о томъ, чтобы вышли сколь возможно безукоризненные результаты воспитанія, о которыхъ каждый уже въ правѣ судить гласно. Если педагогію можно сравнить съ искусствомъ, то педагоговъ должно приравнять къ художникамъ, которые, выработывая свои идеалы, трудятся не публично передъ всѣми, а въ уединеніи, чтобы никто не могъ помѣшать ихъ трудамъ; на судъ публики отдается уже трудъ оконченный, о которомъ она и получаетъ право свободно судить. Пусть и педагоговъ судятъ по научнымъ успѣхамъ и нравственности ихъ учениковъ, а не по ихъ кабинетнымъ работамъ, гдѣ часто многое перечеркивается и вымарывается прежде, чѣмъ явится что-нибудь въ обработанномъ видѣ для приведенія въ практику. Кому же какое дѣло до черновыхъ работъ?

Итакъ, подобную публичность въ дѣлѣ воспитанія мы отвергаемъ совершенно, считая ее вредною для успѣха самаго дѣла, и не въ этомъ думаемъ видѣть поддержку связи между училищемъ и обществомъ. Связь между ними первоначально возникаетъ, какъ мы сказали, черезъ добросовѣстное удовлетвореніе общественнымъ потребностямъ; но кромѣ того училище для своихъ интересовъ непремѣнно должно давать ежегодные подробные отчеты о дѣлѣ, которое оно взялось вести также и въ интересахъ общественныхъ. Интересы училища здѣсь заключаются въ томъ, что общество будетъ имѣть возможность судить объ его устройствѣ и внутренней жизни, слѣдственно правильно оцѣнивать его труды не по однимъ только слухамъ, которые не всегда бываютъ вѣрны; а черезъ это выказывать ему сочувствіе и поддерживать его такъ, какъ оно заслуживаетъ. Родители всегда

будутъ предпочитать то училище, которое ведетъ свои дѣла начисто, и куда они могутъ отдавать своихъ дѣтей не на авось, а зная, какъ ихъ будутъ воспитывать, какія свѣдѣнія будутъ сообщать имъ и проч. Министерство народнаго просвѣщенія подаетъ всѣмъ отличный и достойный подражанія примѣръ своими откровенными отчетами, гдѣ нисколько не скрываются даже училищные недостатки, и гдѣ не встрѣтишь никакихъ приторныхъ самовосхваленій, которыя такъ непріятно читать. Въ сознаніи недостатковъ уже видится непремѣнное желаніе исправить ихъ, а это-то и есть самое важное для внушенія обществу довѣрія къ себѣ; оно всегда оцѣнитъ такое сознаніе и съ насмѣшливою улыбкою отнесется къ тѣмъ, которые думаютъ самовосхваленіемъ возвысить себя: все дескать обстоитъ весьма благополучно, хотя всѣмъ давно извѣстно, что до благополучія-то очень и очень далеко. Въ этой скрытности, въ этой боязни откровенно высказаться скорѣе слышится нежеланіе видѣть и исправлять недостатки, слѣдственно полное неуваженіе того общественнаго дѣла, за которое взялись. Пріятно, конечно, ублажать себя мыслію, что насъ будутъ считать благодѣтелемъ общества, и пожалуй даже мечтать о славѣ въ потомствѣ; но вѣдь потомство иначе будетъ разбирать факты, не по этимъ похваламъ. Министерство просвѣщенія поняло очень хорошо, что общество нельзя отчуждать отъ тѣхъ училищъ, куда мы, какъ члены общества, отдаемъ своихъ сыновей, дочерей, братьевъ, сестеръ, отдаемъ слѣдственно личности самыя для насъ дорогія, откуда мы ожидаемъ себѣ на подмогу для общественной дѣятельности юныхъ гражданъ, на которыхъ всегда возлагаются лучшія надежды въ думахъ о будущемъ. Министерство не считаетъ нужнымъ скрывать факты или запрещать высказывать ихъ, или наконецъ негодовать на то, что̀ высказанъ какой-либо недостатокъ, и называть ложью то, что всѣмъ извѣстно за правду. Оно само, напротивъ, откровенно съ обществомъ, зная, что совершенства ни въ чемъ быть не можетъ, а должно быть усовершенствованіе, которое возможно только при ясномъ сознаніи недостатковъ. Проиграли-ль отъ такой откровенности училища министерства просвѣщенія? Если съ каждымъ годомъ общественное сочувствіе къ нимъ увеличивается (а это неоспоримый фактъ), то можетъ ли тутъ быть вопросъ о проигрышѣ? Вотъ лучшее доказательство пользы отъ прямого и благороднаго отношенія къ публикѣ, которую считаютъ не за безсмысленную толпу, обязанную только кланяться и благодарить, а за разумное общество, которое имѣетъ право на уваженіе. На это она и сама съумѣетъ отнестись съ

уваженіемъ и съ искреннею, а не съ поддѣльною благодарностью къ тѣмъ, кто не на однихъ словахъ заботится объ ея интересахъ.

При вопросѣ объ отчетахъ, которые слѣдуетъ частнымъ училищамъ печатать для публики, самъ собою возникаетъ вопросъ объ ихъ вѣрности: кто можетъ поручиться, что директоръ училища изъ личныхъ интересовъ не прикраситъ ихъ тѣмъ, чего на дѣлѣ вовсе нѣтъ? Дѣйствительно, вызовъ полнаго довѣрія общества къ этимъ отчетамъ можетъ показаться нѣсколько труднымъ. Но составитель отчета всегда будетъ имѣть въ виду родителей своихъ учениковъ, отъ которыхъ тѣ легко могутъ узнать, что̀ есть и чего нѣтъ въ дѣйствительности. Значитъ, повѣрка отчета возможна, а потому возможно и публичное заявленіе объ его невѣрностяхъ. Съ другой стороны, для пріобрѣтенія бо̀льшаго довѣрія подъ отчетомъ должно быть свидѣтельство всего педагогическаго совѣта въ томъ, что имъ провѣрены всѣ высказанные тамъ факты, и что онъ ручается въ его вѣрности. Не думаемъ, чтобы всѣ члены совѣта могли согласиться подписать то, что не согласно съ дѣйствительностью, особенно, если между ними будутъ педагоги, пользующіеся извѣстною репутаціею. Кто же согласится набрасывать на себя тѣнь изъ какихъ-нибудь мелочныхъ разсчетовъ? Наконецъ, ко всему этому можетъ быть присоединена и подпись административнаго наблюдателя надъ училищемъ. Обо всемъ этомъ директоръ долженъ заботиться, какъ о средствахъ внушить публикѣ довѣріе къ своему заведенію, изъ чего необходимо вытекаютъ его личныя выгоды; слѣдственно онъ поневолѣ долженъ будетъ стараться о дѣйствительныхъ усовершенствованіяхъ своего училища, чтобы указать на нихъ въ своемъ отчетѣ и тѣмъ привлечь къ себѣ общественное вниманіе. Въ отчетѣ должны быть всѣ подробности воспитанія и обученія, всѣ перемѣны за истекшій годъ, предположенія на будущій, подробныя классныя программы по каждому учебному предмету, однимъ словомъ, чтобы можно было видѣть всю годичную жизнь учебнаго заведенія. Каждый изъ родителей, желающій отдать своихъ дѣтей въ училище и предварительно познакомиться съ нимъ, не будетъ допытываться и разузнавать о школьныхъ порядкахъ, а, получивъ изъ рукъ директора отчеты за одинъ, два, три и болѣе лѣтъ, глядя по времени существованія училища, будетъ имѣть возможность сообразить то, что̀ считаетъ нужнымъ для воспитанія своихъ дѣтей, съ тѣмъ, какъ оно ведется въ училищѣ. Надѣемся, что при такой обстановкѣ и частныя гимназіи могутъ успѣшно развиваться, конкурируя съ казенными.

Что касается до частныхъ спеціальныхъ училищъ, то здѣсь мы не будемъ о нихъ распространяться: время должно сказать, есть ли въ нихъ такая потребность, чтобъ къ нимъ могла устремиться частная педагогическая дѣятельность. Конечно, въ заведеніяхъ безплатныхъ или весьма дешевыхъ потребность есть; но они могутъ устроиться не иначе, какъ при большихъ пожертвованіяхъ капиталовъ со стороны богатыхъ личностей или обществъ; а такія филантропическія училища, какъ мы уже прежде замѣтили, не относятся къ предмету нашего разсужденія. Здѣсь мы можемъ только указать на ту школьную дѣйствительность, которую, вѣроятно, подмѣтили многіе педагоги. Въ каждой гимназіи или соотвѣтственномъ ей училищѣ есть такіе ученики, которые, кое-какъ дойдя до третьяго или четвертаго класса, не въ состояніи продолжать ученія по крайней ограниченности своихъ способностей. Природа ихъ такъ скудна, мыслительныя силы такъ туго развиваются, что идти наравнѣ съ товарищами имъ нѣтъ никакой возможности. Сдѣлать какой-нибудь выводъ, перейти къ сферѣ сколько-нибудь отвлеченнаго мышленія для нихъ уже жесточайшая пытка; а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ работаютъ весьма усидчиво, но результаты изъ ихъ работъ вытекаютъ самые бѣдные. Если бы преподавателямъ была возможность заниматься съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, то конечно они еще могли бы понемножку двигать его впередъ, хотя и тутъ потребовались бы большія усилія съ той и съ другой стороны. Но въ общественномъ преподаваніи имѣется въ виду масса, которую нельзя удерживать для двухъ или трехъ бездарныхъ личностей. Съ нею преподаватель идетъ впередъ, держась ея уровня и постепенно возвышая его, а бездарныя личности отстаютъ и, разумѣется, остаются на два и на три года въ одномъ и томъ же классѣ. Они мучатся сами, мучатъ преподавателей, и опережаютъ своихъ товарищей по классу только возрастомъ, который наконецъ и заставляетъ ихъ оставить училище. Нѣкоторые изъ нихъ спѣшатъ поступить въ какой-нибудь полкъ юнкеромъ; что дѣлается съ другими, мы не знаемъ. Родители ихъ часто сами признаютъ ихъ неспособность и убѣждаются, что наука имъ не дается и недастся; и скорбя за нихъ, не зная, что съ ними дѣлать, оставляютъ ихъ въ училищѣ съ какой-то темной надеждой на лучшее, но лучшаго не оказывается, а между тѣмъ проходитъ время для школьной жизни, и юноша остается неприготовленнымъ ни для какого дѣла. Такія личности бываютъ часто способны къ маленькимъ спеціальностямъ, не требующимъ большого умственнаго развитія и научныхъ познаній, какъ напр. къ

нѣкоторымъ ремесламъ. Но у насъ можно научиться имъ только у ремесленниковъ, которые берутъ къ себѣ учениковъ на нѣсколько лѣтъ почти въ кабалу безъ всякаго ручательства, что будутъ стараться объ успѣхѣ ученика и что сдѣлаютъ изъ него хорошаго ремесленника, передавъ ему все, что для этого нужно. Большая часть изъ нихъ, напротивъ, изъ опасенія конкуренціи въ будущемъ, дѣлаетъ изъ своихъ учениковъ только посредственныхъ подмастерьевъ, а никакъ не хорошихъ мастеровъ. Притомъ же суровое и нерѣдко безчеловѣчное обращеніе съ учениками, нравственная порча дѣлаютъ эту сферу до того непривлекательною, что очень понятно, если нравственное и порядочное семейство не рѣшается отдать мальчика въ такую науку, хотя и не прочь было бы научить его какому-нибудь ремеслу, чтобы обезпечить его жизнь, такъ какъ въ немъ не выказывается никакихъ способностей для другого поприща, требующаго экзамена по нѣсколькимъ наукамъ и языкамъ.

Намъ кажется, что было бы очень полезно такое спеціальное училище, въ которое могли бы поступать ученики изъ третьяго или четвертаго класса гимназій и изъ котораго выходили бы хорошіе ремесленники съ основательнымъ знаніемъ своего ремесла и съ тѣмъ нравственнымъ развитіемъ, которое необходимо во всякомъ состояніи. Черезъ это не пропадало бы много молодыхъ силъ, пропадающихъ теперь; да думаемъ, что развились бы у насъ и самыя ремесла, которыя теперь преимущественно въ рукахъ заѣзжихъ иностранцевъ. Было бы меньше бѣдствующихъ и пробивающихся кое-какъ изо дня въ день, тогда какъ на ихъ глазахъ иностранцы загребаютъ русскія деньги и богатѣютъ, пользуясь нерѣдко русскими же силами.

Вотъ еще одно явленіе въ нашихъ современныхъ школахъ: между учениками попадаются личности, еще въ дѣтствѣ нравственно испорченныя въ высшей степени домашнимъ воспитаніемъ. Дурные примѣры не развили въ нихъ чувствительности, а напротивъ, очерствили сердце; страданія людей и животныхъ для нихъ составляютъ потѣху, отсюда и всѣ шалости ихъ направляются къ тому, чтобы причинить другимъ зло и вредъ. Развращенное воображеніе представляетъ имъ самыя отвратительныя картины, которыя они не стыдятся рисовать или пересказывать или наконецъ изображать въ сценахъ и въ дѣйствіяхъ надъ своими товарищами. Жестокимъ обращеніемъ семейство пріучило мальчика къ побоямъ, которые имѣютъ для него только значеніе боли, но никакъ не стыда. Всѣ другія болѣе мягкія наказанія уже потеряли въ его глазахъ всякое значеніе. У такихъ

личностей по большей части умъ бываетъ развитъ, т.-е. онъ быстро соображаетъ, дѣлаетъ выводы, разсчеты, создаетъ ловкіе планы для дѣйствія, но все это направляется къ личной потѣхѣ, соединенной со вредомъ другому. Нужно ли говорить, какое вліяніе имѣютъ они на своихъ товарищей, особенно если ихъ соберется двое-трое въ классѣ? Что дѣлать съ такими учениками? Обыкновенно ихъ спѣшатъ исключить изъ училища, испробовавъ всѣ мѣры исправленія. Мы совершенно согласны съ тѣми педагогами, которые утверждаютъ, что школа должна исправлять испорченныхъ дѣтей. Но, соглашаясь съ этимъ, прибавляемъ, что у школы должны быть и всѣ средства для исправленія. Во-первыхъ, необходимо имѣть самыхъ опытныхъ воспитателей, во-вторыхъ, надзоръ ихъ надъ учениками сомнительной нравственности долженъ быть постоянный и неослабный. А если на нѣсколько классовъ приходится только одинъ воспитатель, то какимъ образомъ школа будетъ брать на себя трудъ исправленія испорченныхъ личностей? Ей трудно даже устранить вредное вліяніе этихъ личностей на прочихъ учениковъ; да если бы она и нашла какія-либо средства взяться за исправленіе, то была бы никакъ не въ состояніи сдѣлать это въ короткое время. Извѣстно, какъ медленно исправляются нравственно-испорченныя натуры. Кто же поручится, что этотъ исправляемый мальчикъ не испортитъ многихъ другихъ, пока наконецъ на него подѣйствуютъ убѣжденія и всѣ другія исправительныя мѣры воспитателя? И вотъ страхъ, чтобы вмѣсто одного не явилось нѣсколько нуждающихся въ исправленіи, заставляетъ поскорѣе удалить испорченнаго и тѣмъ спасти другихъ дѣтей отъ вреднаго вліянія, а школу отъ справедливыхъ упрековъ, что въ ней развращаются ученики. Итакъ, исключеніе при недостаточныхъ средствахъ нашихъ настоящихъ училищъ дѣлается необходимымъ. Но, спрашивается, куда же потомъ должны дѣться эти исключенные? Ни одна школа держать ихъ не можетъ, родители приходятъ отъ нихъ въ отчаяніе, не зная, что съ ними дѣлать и боясь за ихъ будущее, а они, оставаясь безъ всякаго дѣла, имѣютъ тѣмъ болѣе досуга упражнять свои дурныя наклонности. На нихъ уже нужно смотрѣть, какъ на больныхъ, которыхъ слѣдуетъ не воспитывать, а лечить. Мы не рѣшаемся предлагать учрежденіе особеннаго исправительнаго училища, не зная, можетъ ли быть оно способно на нравственное леченіе; но только выставляемъ факты и предлагаемъ нашимъ педагогамъ подумать объ этомъ дѣлѣ. Оно заслуживаетъ вниманія. Нельзя же пускать въ общественную жизнь человѣка, который съ лѣтами обѣщаетъ

быть преступникомъ и язвою общества. Нужно же взять мѣры, пока есть время, и спасти несчастнаго отъ будущихъ бѣдствій, которыя ожидаютъ его какъ кара за преступныя его дѣйствія. Нельзя же дожидаться, пока наконецъ полиція возьмется за свои исправительныя или карательныя мѣры и доведетъ несчастнаго до поздняго раскаянія.

IV.

До сихъ поръ, говоря о частной педагогической предпріимчивости, мы имѣли въ виду только мужскія училища, но предметъ нашего разсужденія былъ бы далеко не исчерпанъ, если бы мы не коснулись женскаго образованія. Мы видѣли, какимъ общественнымъ потребностямъ удовлетворяли училища для мальчиковъ и юношей; женскіе пансіоны, которыхъ въ Петербургѣ было всегда много, не могли вызваться подобными же потребностями, и слѣдственно имѣли повидимому больше возможности устроиться такъ, чтобы не походить на дрессировательныя заведенія. Они брали на себя трудъ доводить воспитаніе до конца, и потому могли бы вести дѣло болѣе педагогически;—но большинство изъ нихъ и не задумывалось объ этомъ. Идеалъ русской барышни, сложившійся въ нашемъ офранцузившемся обществѣ въ теченіе послѣдняго столѣтія, сдѣлался и ихъ идеаломъ при воспитаніи: они стали образовывать барышенъ, которымъ бы можно было придавать эпитетъ благовоспитанной; а это благое воспитаніе состояло въ передачѣ и усвоеніи извѣстныхъ условныхъ манеръ, въ пріученіи скрывать всѣ порывы сердца, въ бѣгломъ изъясненіи пустенькихъ заученныхъ мыслей на французскомъ языкѣ, въ ловкихъ танцахъ и въ вышиваніи разныхъ ненужныхъ вещицъ и подарковъ, въ родѣ ковровъ и подушекъ. Все прочее, что дѣйствительно развиваетъ умъ и сердце и нравственно образуетъ, считалось роскошью, безъ которой легко бы можно было и обойтись, если бы у нѣкоторыхъ людей не было дурной привычки употреблять въ разговорахъ историческія имена для уподобленій или сравненій, а также указывать на разныя сочиненія или произносить имена писателей. Чтобы понимать, о чемъ или о комъ именно говорятъ эти педанты, вотъ для чего только и нужна была и исторія, и литература. Изъ пансіоновъ дѣйствительно и выходили барышни точно такія, какія нужны были для баловъ; а о женщинѣ, какая нужна въ жизни, не было тамъ и рѣчи. Такимъ образомъ и женскіе пансіоны такъ же дрессировали дѣвочекъ, какъ мужскіе

мальчиковъ и юношей. Правда, нѣкоторыя изъ такихъ благовоспитанныхъ барышенъ предназначались въ гувернантки, слѣдственно на трудъ очень важный, но только предназначались по недостатку родительскихъ средствъ, а не приготовлялись по сознанію важности труда. Какъ бы то ни было, а имъ предстоялъ экзаменъ въ университетѣ для полученія нужнаго наставническаго диплома. Поэтому пансіоны необходимо должны были сообразоваться съ университетскими программами, но отъ такой связи ихъ съ университетомъ самое образованіе нисколько не выигрывало. Наука, которая тогда и имѣетъ въ школѣ смыслъ, когда развиваетъ мыслительныя способности и объясняетъ человѣку его отношеніе къ природѣ и людямъ, здѣсь теряла всю свою образовательную силу: обыкновенно ученицы заучивали извѣстный учебникъ и учительскія записки, гдѣ излагались всѣ отвѣты на вопросы по данной программѣ, заучивали наизусть, слово въ слово, на что онѣ оказывались большими мастерицами, такъ какъ пансіонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ только и дѣлалъ, что упражнялъ ихъ память. И вотъ съ такими познаніями, заученными очень твердо, но безъ всякаго толка, безъ всякаго разсужденія и надлежащаго пониманія излагаемыхъ фактовъ, онѣ являются въ университетъ на экзаменъ. На каждый вопросъ по программѣ у многихъ льется отвѣтъ быстро, безъ малѣйшей запинки, у иной даже духъ захватываетъ; дивишься только, какимъ образомъ дѣвушка въ состояніи такъ протрещать двѣ-три страницы, и наконецъ убѣждаешься, что если потребуется, то она протрещитъ точно такъ же и всю заученную книгу. Но попробуйте остановить ее и попросить какого-нибудь объясненія изъ этой попугаечьей болтовни, попробуйте спросить, читала ли она хоть одно изъ произведеній того писателя, біографію и характеристику котораго трещитъ, не запинаясь, попросите ее объяснить какое-нибудь хоть самое легонькое стихотвореніе, или разобрать хоть басню; послѣдуетъ самое долгое молчаніе и не дождетесь вы отвѣта. Тогда вы увидите, какъ ничтожно развитіе этой личности, какъ мало работалъ ея умъ, какъ шатки ея понятія рѣшительно обо всемъ, и невольно скажете, какъ должна быть непрочна и самая нравственность, имѣющая опору только на заученныхъ манерахъ да на привычкахъ, а не на ясномъ сознаніи правильныхъ отношеній между людьми. Мы нисколько не преувеличиваемъ всего этого, потому что сами не разъ экзаменовали дѣвицъ изъ разныхъ пансіоновъ, и во всѣхъ экзаменовавшихся повторялось одно и то же. Въ дипломѣ отказать имъ было невозможно, потому что онѣ выкладывали вамъ всѣ по-

знанія, какія требовались по программѣ; вы отдаете имъ полную справедливость въ томъ, что все заучено ими очень твердо, хотя и совершенно безполезно; но другого способа ученья онѣ не знаютъ, да не могутъ и вообразить. И вотъ съ одобрительными дипломами онѣ поступаютъ въ гувернантки, не зная, какъ и взяться за дѣло, и конечно принимаются дрессировать такихъ же барышенъ, какими вышли сами; отъ нихъ передается этотъ жалкій идеалъ и въ будущее поколѣніе.

Улучшеніе женскаго образованія въ частныхъ пансіонахъ весьма много зависитъ отъ университета. Пускай онъ составитъ для экзамена такую программу, на которую нельзя бы было отвѣчать однѣми задолбленными фразами; пускай сдѣлаетъ непремѣннымъ условіемъ для экзамена такія работы, по которымъ можно бы было судить о развитіи экзаменующейся и о томъ, какъ ею усвоены познанія. Тогда и учащіе въ пансіонахъ поневолѣ обратятъ вниманіе на эту сторону и будутъ стараться достигать того, чего отъ нихъ требуютъ. Тогда и на экзаменъ будутъ приходить дѣвицы мыслящія и развившіяся на трудѣ болѣе или менѣе самостоятельномъ, а не отупѣвшія на чужихъ фразахъ, внѣ которыхъ ихъ умъ не можетъ найти ни одной мысли. Намъ кажется, что университетскій экзаменъ долженъ быть двоякаго рода.. Одинъ для тѣхъ, родители которыхъ желаютъ удостовѣриться въ основательномъ образованіи своей дочери, ввѣренной попеченію того или другого пансіона, не предназначая ее на поприще гувернантки. Такіе случаи бывали и бываютъ не рѣдко. Другой же экзаменъ долженъ быть для тѣхъ, которыя хотятъ воспользоваться наставничьимъ дипломомъ. Не нужно говорить, что къ нему слѣдуетъ относиться особенно серьезно, какъ требуетъ важность того дѣла, за которое хочетъ взяться экзаменующаяся. Здѣсь между прочимъ необходимо испытывать въ знаніи нѣкоторыхъ педагогическихъ пріемовъ элементарнаго обученія и въ знакомствѣ съ нѣкоторыми учебниками, назначенными для малолѣтнихъ. Однимъ словомъ, университетскій дипломъ долженъ быть такой, на который родители могли бы смѣло положиться, принимая къ себѣ въ домъ гувернантку. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда значительно возвысятся частные пансіоны. Какъ скоро окажется возможность посредствомъ университетскаго экзамена доказывать основательность научнаго образованія, сдѣлается возможнымъ и существованіе частныхъ женскихъ гимназій, которыя бы основывали воспитаніе на педагогическихъ началахъ по идеалу болѣе здоровому и лучшему, чѣмъ оно велось до сихъ поръ: онѣ возьмутъ верхъ надъ модными пансіонами. Въ настоящее время во-

просъ объ основательномъ образованіи женщины проникаетъ во многія семейства, гдѣ идеалъ барышни и барыни начинаетъ меркнуть и казаться мишурнымъ достояніемъ стараго времени съ его крѣпостнымъ правомъ, съ барской праздностью и жеманною спѣсью. Ясно, что иныя понятія, иное отношеніе къ жизни должно развивать и воспитаніе; такими новыми потребностями должны быть вызваны и новыя училища; въ томъ же обществѣ должны найтись и дѣятели для удовлетворенія этимъ потребностямъ. Общество болѣе или менѣе зрѣлое не станетъ ждать, когда придутъ къ нему на помощь какія-либо постороннія силы, а само въ себѣ отыскиваетъ ихъ и принимается за дѣло...

Въ Петербургѣ существуетъ нѣсколько женскихъ гимназій; но такъ какъ болѣе этого ничего вѣрнаго о нихъ мы не знаемъ, то и не будемъ говорить о нихъ, не желая основывать свои сужденія только на слухахъ. Задача наша—представить соображенія о частныхъ гимназіяхъ, которыя должны удовлетворить новымъ возникшимъ въ обществѣ потребностямъ. При разсужденіи о женскомъ воспитаніи въ училищѣ у насъ не лишнимъ дѣлается вопросъ о женской нравственности, которая многими нашими педагогами и оберъ-педагогами понимается какъ-то странно. Они считаютъ безнравственными для взрослой дѣвушки многія научныя познанія, которыя будто бы могутъ осквернить чистую и невинную душу и даже повести къ разврату (вотъ какъ понимается наука такими господами); и въ то же время для нихъ ни по чемъ нагло лгать на каждомъ шагу передъ своими ученицами и своимъ примѣромъ пріучать ихъ ко лжи, ни по чемъ кривить душою, подличать, пріучать къ шпіонству; всякій топкій развратъ, который губительнымъ ядомъ входитъ въ юную душу, имъ не кажется безнравственнымъ. Они не задумавшись осмѣютъ честный трудъ образованной женщины, сѣвшей за купеческую конторку, и не воображаютъ, что этотъ-то смѣхъ и есть самый безнравственный. Они не позволяютъ прочесть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ ни одного сатирическаго стихотворенія или разсказа: зачѣмъ-де разочаровывать молодую душу, пускай думаетъ только объ одномъ прекрасномъ; а между тѣмъ и не подозрѣваютъ, что сами уже давно разочаровали ее своею собственною личностью, убѣдивъ, что шарлатанствомъ можно больше выиграть, чѣмъ прямодушіемъ и честностью. Они будутъ преслѣдовать ученицъ за прическу, за цвѣтъ платья, которые почему-либо имъ не понравятся, будутъ толковать о приличіи, сжимая его въ самое узкое понятіе о наружной обстановкѣ, и не считаютъ неприличнымъ выказать явное и несправедливое предпочтеніе лѣ-

нивой и избалованной дочери извѣстнаго или чиновнаго лица передъ прилежной и скромной дочерью какого-нибудь темнаго человѣка, или разорвать всякую нравственную связь между учащимися и наставниками, о которыхъ они позволяютъ себѣ отзываться въ присутствіи ученицъ самымъ неприличнымъ образомъ. Вотъ какія понятія о нравственности можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ педагоговъ. Они заботятся оградить женскую нравственность отъ вреднаго вліянія науки болѣе, чѣмъ отъ губительнаго вліянія своихъ собственныхъ поступковъ и разговоровъ. У нихъ развились не идеалы воспитанія, а какіе-то свои особенные отрицательные призраки, которыхъ они очень боятся и ради которыхъ готовы на всякія іезуитскія мѣры: шпіонство, доносы, ложь, обманъ, тутъ все допускается. Какая же женщина должна выйти изъ рукъ такихъ воспитателей? Конечно, та, которая пользовалась добрымъ вліяніемъ семьи, почувствуетъ только самое крайнее отвращеніе отъ той нравственной грязи, которая постоянно являлась передъ ея глазами въ лицѣ такихъ педагоговъ; она пойметъ, что истинная нравственность заключается не въ тѣхъ пошлыхъ фразахъ, которыя такъ часто вылетали изъ ихъ устъ, что не все то дурно, надъ чѣмъ такъ цинически глумились они; но она много потеряетъ въ томъ отношеніи, что не получитъ самой твердой опоры для нравственной жизни: она не будетъ приготовлена для самостоятельной жизни такими познаніями, которыя бы выяснили ей многія понятія объ истинномъ достоинствѣ человѣка, о правильныхъ отношеніяхъ между людьми и о всемъ томъ, что̀ нужно для болѣе или менѣе вѣрной оцѣнки человѣка. Не пріученная размышлять надъ вопросами, сколько-нибудь серьезными, касающимися жизни, она ничѣмъ не ограждена отъ увлеченій, которыя нерѣдко навѣки губятъ жизнь. А какъ скоро нѣтъ самостоятельнаго мышленія, основаннаго на научныхъ познаніяхъ, нѣтъ и твердой опоры для нравственности, понятіе о которой тогда оказывается неяснымъ, сбивчивымъ или совершенно одностороннимъ: оно будетъ плохимъ руководителемъ въ тѣ минуты, когда страсть будетъ подступать къ сердцу.

Такимъ образомъ въ рукахъ подобныхъ педагоговъ женское воспитаніе оказывается совершенно несостоятельнымъ. Мы бы хотѣли, чтобы частныя женскія гимназіи противодѣйствовали имъ и своими педагогическими трудами развили бы воспитаніе, основанное на истинной нравственности въ строгой связи съ живою наукою, и этимъ помогли бы развиться и новому идеалу женщины, который только что начинаетъ вырабатываться въ нѣко-

торыхъ личностяхъ. Онъ заявляетъ себя не въ сантиментальныхъ мечтаніяхъ, ни въ романтическихъ грезахъ, а въ дѣйствительномъ трудѣ, въ стремленіи къ самостоятельной трудовой жизни— это пока самая лучшая и самая надежная его черта, которой не затмятъ разныя увлеченія и крайности нѣкоторыхъ слишкомъ ревностныхъ и не всегда разсудительныхъ его партизановъ. Чтобы не было крайностей, нужно, чтобы иное воспитаніе вводило женщину въ жизнь. Въ увлеченіяхъ и крайностяхъ виноваты все тѣ же педагоги, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Хорошо бы, если бы могло также устроиться высшее спеціальное женское училище, гдѣ бы даровитыя женщины имѣли возможность знакомиться съ наукою въ ея практическомъ примѣненіи къ жизни, тѣмъ болѣе, что охоты къ этому не нужно возбуждать въ нашихъ хорошо образованныхъ женщинахъ никакими приманками и искусственными мѣрами; она сама легко въ нихъ возбуждается; наше дѣло было бы поддержать эти силы и благотворно направить ихъ на общую пользу, съ которой конечно должна соединиться и личная ихъ польза. Говорятъ, что задумано и будто существуетъ гдѣ-то нѣчто въ родѣ спеціальнаго училища даже съ факультетами, но будто оно само еще не выяснило цѣли своего существованія, а практическую сторону вопроса совсѣмъ удалило, тогда какъ она-то и должна составлять самое важное. Но такъ какъ у насъ нѣтъ привычки разсуждать о чемъ-либо по однимъ темнымъ слухамъ, то мы и продолжаемъ вызывать частную педагогическую предпріимчивость на полезный трудъ, въ которомъ начинаетъ появляться общественная потребность. Само собою разумѣется, все то, что мы говорили о связи мужскихъ училищъ съ обществомъ, относится и къ училищамъ женскимъ. Общество имѣетъ полное право знать о состояніи тѣхъ заведеній, куда отдаетъ своихъ юныхъ членовъ. Наконецъ такое заявленіе весьма полезно будетъ и для тѣхъ, кто бы вздумалъ открывать и въ другихъ городахъ подобныя же училища. Опытъ одного долженъ быть наукою для прочихъ.

Этимъ мы кончаемъ наше разсужденіе, далеко впрочемъ не полное, о частной педагогической предпріимчивости, вызываемой общественными потребностями. Мы только хотѣли показать, какое широкое поле открывается для выгоднаго труда нашихъ педагоговъ, если бы съ нимъ соединялись небольшіе капиталы, конечно, съ разсчетомъ на удовлетворительный процентъ, и если бы ихъ вполнѣ могли обезопасить необходимые для того законы. Мы уже выразили надежду, что законъ не заставитъ себя ждать, а здѣсь въ заключеніе пожелаемъ, чтобы явились и нужные капиталы и

предпріимчивые педагоги, а шарлатаны скорѣе сошли бы съ этого поприща. Въ настоящее время тысячи русскихъ семействъ живутъ заграницею подъ тѣмъ предлогомъ, будто тамъ они имѣютъ полную возможность основательно воспитать своихъ дѣтей, и ссылаясь на неудовлетворительное состояніе русскихъ училищъ. Надо же наконецъ отнять у нихъ этотъ предлогъ и поспѣшить спасти бѣдныхъ дѣтей отъ того жалкаго положенія, какое неразумные ихъ родители готовятъ имъ въ отечествѣ, разрывая нравственную связь между ними и родиною. Какъ бы ни были хороши нѣмецкія и швейцарскія школы, но онѣ не приготовятъ намъ нужныхъ дѣятелей въ нашей, русской, сферѣ; онѣ прекрасны для нѣмцевъ и швейцарцевъ, и всего хуже для русскихъ, способныхъ быстро обезличиваться подъ иноземнымъ вліяніемъ. Нужно же постараться сохранить русскія силы для будущей общественной дѣятельности; а однимъ изъ главныхъ средствъ для этого должны послужить хорошо устроенныя школы.

Мысли о нашихъ экзаменахъ.

Не только одно педагогическое значеніе у насъ имѣетъ въ настоящее время вопросъ объ экзаменахъ; важнѣе въ нашихъ глазахъ его соціальное значеніе, на которое въ этой статьѣ мы и хотимъ обратить особенное вниманіе. Экзамены у насъ составляютъ роковыя врата, черезъ которыя неизбѣжно пройти каждому гражданину, чтобы получить всѣ права русскаго гражданства, т.-е. права вступить во всякую службу—государственную и общественную. Для этого онъ долженъ пройти нѣсколько ступеней, чтобы окончательно выдти на вольный божій свѣтъ съ дипломомъ въ рукахъ и самоувѣренно начать свое житейское странствіе, никогда не имѣя уже надобности наглядным образомъ доказывать кому-либо свое образованіе, свои спеціальныя познанія, нужныя въ той или другой сферѣ дѣятельности. Ему бываетъ нужно только заслужить благоволеніе начальства, и онъ смѣло переходитъ или переводится изъ одной спеціальной сферы въ другую, вездѣ являясь по волѣ того же начальства и способнымъ, и знающимъ, и дѣятельнымъ и даже полезнымъ, заслуживающимъ всякихъ милостей. Хорошо это или худо, пока мы ни слова. Остановимся только на тѣхъ первыхъ ступеняхъ испытательной лѣстницы, которыя переступившему ихъ даютъ права пріобрѣтать чины въ государственной службѣ и спеціальныя ученыя познанія въ общественныхъ высшихъ школахъ. Самымъ многозначительнымъ здѣсь является такъ-называемый гимназическій экзаменъ, гдѣ юноша принужденъ доказывать сонму педагоговъ и не-педагоговъ, иногда даже при торжественной обстановкѣ, что онъ успѣлъ пріобрѣсти ту долю познаній, которая признана властями необходимою для русскаго образованнаго человѣка вообще и для русскаго чиновника въ особенности. Понятно, что этотъ экзаменъ дѣлается весьма важнымъ вопросомъ жизни для каждаго семейства уже не въ смыслѣ педаго-

гическомъ, а въ смыслѣ гражданскомъ, такъ какъ онъ каждому юношѣ открываетъ дорогу на разныя поприща. Здѣсь, независимо отъ образованія, разрѣшается вопросъ о томъ, куда онъ можетъ направить свои силы и какую пользу приноситъ себѣ, семейству, обществу и государству. Понятно, что и для самого общества и государства вопросъ этотъ дѣлается весьма важнымъ вопросомъ гражданскимъ, такъ какъ они постоянно нуждаются въ хорошихъ силахъ, въ даровитыхъ людяхъ, въ развитыхъ умахъ, и такъ какъ они много терпятъ, если хоть часть изъ этихъ силъ пропадаетъ по какимъ-либо причинамъ, задержавшимъ ихъ развитіе или не давшимъ имъ свободно направиться законными путями; съ другой стороны они много терпятъ, если на эти пути скорѣе и легче могутъ пробиваться посредственность, бездарность, отупѣлость, дерзость и наглость, успѣвъ наскоро удовлетворить извѣстнымъ чиновно-педагогическимъ требованіямъ. Съ такими силами недалеко уйдетъ общественная и государственная жизнь. Мы не думаемъ, что нужно приводить много доказательствъ въ подтвержденіе справедливости нашей мысли. Связь нашихъ экзаменовъ съ общею жизнію не можетъ не замѣтить каждый, даже нисколько не интересующійся нашими педагогическими вопросами. Отсюда очень естественно каждому задуматься, достигаютъ ли наши экзамены той важной цѣли, какая имъ ставляется, вѣрно ли они могутъ оцѣнивать силы и познанія молодыхъ людей.

Экзаменъ—лотерея, вотъ сужденіе, которое уже давно слышится въ нашемъ обществѣ и которое выказываетъ полное недовѣріе ко всей системѣ существующихъ экзаменовъ. Будемъ ли мы опровергать это сужденіе? Противъ насъ выставили бы столько неопровержимыхъ фактовъ, что намъ пришлось бы замолчать и удалиться съ своей неудачной попыткой. Здѣсь мы устраняемъ вопросъ о злоупотребленіяхъ власти, о намѣренныхъ несправедливостяхъ, о продажѣ дипломовъ и проч., что̀, говорятъ, нерѣдко случалось въ доброе старое время, и предполагаемъ, что все это въ наше время не то, что̀ невозможно, а... просто не бываетъ. Послушаемъ сперва, что говорятъ сами экзаменующіеся послѣ каждаго экзамена. Одинъ съ восторгомъ разсказываетъ, что изъ ста билетовъ онъ зналъ хорошо только десять и два изъ нихъ попались ему; онъ бойко отвѣтилъ и получилъ высшій баллъ. Другой, напротивъ, объявляетъ чуть не со слезами, что онъ не успѣлъ просмотрѣть только пяти билетовъ, и какъ нарочно одинъ изъ нихъ попался ему, онъ сбился и получилъ неудовлетворительный баллъ. Третій восхищается тѣмъ счастьемъ, что ему

пришлось отвѣчать изъ послѣднихъ, когда экзаменаторы крайне утомились, спрашивали слегка, кое-что, иначе онъ непремѣнно провалился бы. Четвертый проклинаетъ свою робость, которую приняли за незнаніе и съ единицею удалили его отъ зеленаго стола. Пятый увѣряетъ, что онъ хорошо зналъ весь предметъ, но не спалъ ночь, сидя за приготовленіемъ, въ головѣ его все смѣшалось, онъ спутался въ своихъ отвѣтахъ, и роковое не знаете рѣшило его участь. Шестой объясняетъ причину своего несчастія придирчивостью экзаменатора, указывая на другихъ, которые знаютъ меньше и хуже его и получили удовлетворительную отмѣтку въ двухъ шагахъ отъ него на экзаменѣ у другого, не столь придирчиваго. Мы могли бы насчитать много подобныхъ разсказовъ, изъ которыхъ логически выводится одно заключеніе: экзаменъ — лотерея. На немъ ловкость, смѣлость, робость, простая случайность часто являются сильнѣе и важнѣе познаній. На немъ иногда даровитый и знающій юноша оказывается несостоятельнымъ, а поверхностный, мало развитой или дерзкій выходитъ съ торжествомъ. Все это выводы, сдѣланные не нами. Намъ, конечно, могутъ замѣтить: нельзя вѣрить всему, что разсказываетъ юноша въ оправданіе своей неудачи или даже изъ хвастливости. Но у насъ есть возможность повѣрить разсказы самою дѣйствительностью. Поставимъ вопросъ такимъ образомъ: при той обстановкѣ, при всѣхъ тѣхъ условіяхъ и способахъ спрашиванія, какіе обыкновенно существуютъ у насъ на экзаменахъ, можетъ ли случиться, чтобъ молодой человѣкъ, основательно приготовленный и развитой, получилъ на экзаменѣ неудовлетворительную отмѣтку и, наоборотъ, съ крайне поверхностными познаніями оказался бы достойнымъ получить вожделѣнный аттестатъ?

Обратимъ прежде вниманіе на экзаменующихся и на экзаменаторовъ. Кто сколько-нибудь наблюдалъ надъ молодыми людьми, тотъ хорошо знаетъ, съ какимъ страхомъ является на экзаменъ самое огромное большинство изъ нихъ: на десять человѣкъ найдется развѣ одна натура, которая можетъ овладѣть собою и наружно не показать этого страха, и на двадцать пять врядъ ли найдется одна смѣлая натура, которая дѣйствительно не чувствовала бы никакого страха. Это тяжелое чувство овладѣваетъ не только тѣми, кто сознаетъ, что не всѣ части программы приготовлены имъ одинаково основательно; но даже и тѣ, которые убѣждены въ своихъ познаніяхъ, и они поддаются невольному страху. А сколько между ними найдется по природѣ робкихъ или тихихъ, ненаходчивыхъ или съ небыстрымъ соображеніемъ, которые и

въ обыкновенномъ разговорѣ съ чужими людьми конфузятся, теряются, мѣшаются, такъ что иногда очень неглупые молодые люди могутъ легко показаться очень недалекими. Понятно, какое впечатлѣніе на нихъ должна производить уже одна мысль объ экзаменѣ, гдѣ вниманіе многихъ лицъ будетъ сосредоточено на одномъ—на его отвѣтахъ. Къ усиленію страха служитъ еще и недовѣрчивость нѣкоторыхъ молодыхъ людей къ самимъ себѣ, качество, которое никакъ нельзя поставить въ порокъ юношѣ, неувѣренность въ своихъ силахъ, или нѣкоторое самолюбіе, которое въ мысляхъ преувеличиваетъ стыдъ, если случится неудача въ отвѣтахъ; наконецъ, безсонныя ночи, которыя проводятъ передъ экзаменами, обыкновенно, лучшіе ученики, изъ желанія заразъ все повторить и привести себѣ на память, при этомъ разслабленіе нервовъ, крайнее утомленіе силъ—вотъ съ какими невыгодными условіями является большинство молодыхъ людей на экзамены. Изъ этого числа мы не исключаемъ даже гимназистовъ, которые знаютъ, что будутъ экзаменоваться у знакомыхъ преподавателей, передъ знакомымъ начальствомъ, въ знакомой залѣ, даже и они находятся въ крайне-неспокойномъ и возбужденномъ состояніи; какъ же должно биться сердце у посторонихъ молодыхъ людей, которымъ незнакомы всѣ лица, вся обстановка, особенно при тѣхъ крайне неопредѣленныхъ и обширныхъ программахъ, какія у насъ существуютъ для экзаменовъ.

Вотъ тутъ-то бы и слѣдовало ожидать, что они будутъ встрѣчены настоящими педагогами, которые должны быть хорошо знакомы съ юношескою природою, которые умѣютъ проникнуть въ молодую душу, ободрить ее, успокоить, устранить все, что̀ можетъ смутить и привести въ замѣшательство робкаго молодого человѣка, помочь ему свободно выказать свои дѣйствительныя познанія, незамѣтно вызывать съ его стороны такіе отвѣты, по которымъ бы можно было судить объ его умственномъ развитіи. Есть ли у насъ такіе педагоги? Можетъ быть, и есть, но зато есть и другіе, которые въ сущности не болѣе какъ чиновники, создавшіе себѣ совсѣмъ особую, чиновничью педагогію. О ней когда-нибудь мы поговоримъ въ подробности, такъ какъ она у насъ дѣлается господствующею. Здѣсь же посмотримъ, какъ у насъ очень часто производятся экзамены. Требуется присутствіе нѣсколькихъ педагоговъ, которые и должны сообща оцѣнивать познанія и опредѣлять степень зрѣлости экзаменующагося. Педагогическіе совѣты состоятъ изъ спеціалистовъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ гимназическаго курса; понятно, что каждый можетъ точно и справедливо оцѣнивать только познанія по сво-

ему предмету, и не можетъ быть экзаменаторомъ по тому предмету, который онъ педагогически не разрабатывалъ. Нѣтъ спора, что они когда-то сами обучались всѣмъ этимъ предметамъ, даже слушали нѣкоторые изъ нихъ въ университетѣ, но нѣтъ спора, что половина изъ всего этого ими уже забыта, что все новое, открытое или изслѣдованное наукою послѣ ихъ обученія, извѣстно имъ болѣе по слухамъ; а между тѣмъ, чтобъ быть судьею или оцѣнщикомъ другого, чтобы рѣшить судьбу его, нужно самому вполнѣ владѣть предметомъ, а не являться въ качествѣ судьи съ обрывками полузабытыхъ познаній; нужно умѣть предлагать вопросы, чтобы вызывать такіе отвѣты, по которымъ можно бы было убѣждаться не въ одной силѣ памяти отвѣчающаго, но болѣе въ его умственномъ развитіи и въ широтѣ его знаній; нужно знать, что̀ спрашивать, а не закидывать случайными вопросами, какіе придутъ на умъ изъ стариннаго курса или просмотрѣннаго наканунѣ учебника. Понятно, что въ этомъ случаѣ не каждый можетъ быть экзаменаторомъ, даже если бы онъ ученымъ образомъ былъ знакомъ съ предметомъ; при этомъ необходимо и педагогически владѣть имъ. И такъ, чтобы экзаменъ былъ произведенъ справедливо, т.-е. чтобы дана была самая вѣрная оцѣнка всему, что̀ должно быть оцѣнено на экзаменѣ, выбираются судьи въ числѣ нѣсколькихъ или даже многихъ лицъ; а между тѣмъ большая часть изъ нихъ далеко не могутъ быть настоящими судьями, что̀ они хорошо знаютъ и сами. Случается, что въ цѣломъ собраніи судей только одно лицо можетъ назваться спеціальнымъ по данному предмету, какъ напр., въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ только по одному преподавателю исторіи, или географіи, или физики. Конечно, эти и овладѣваютъ экзаменомъ, спрашивая то, что̀ подвернулось на вынутомъ билетѣ, или то, что̀ имъ особенно нравится, выѣзжая, по педагогическому выраженію, на своихъ конькахъ, придавая особое значеніе подробностямъ, которыя на экзаменѣ не должны бы имѣть никакого значенія, требуя знанія такихъ мелочей, которыя берутся лишь памятью и потомъ быстро забываются, и не касаясь существеннаго, что̀ можетъ свидѣтельствовать о прочныхъ познаніяхъ экзаменующагося. Иные испытываютъ юношу какъ машину: билетъ есть ключъ, которымъ она заводится; если заведенная, она не пошла извѣстнымъ ходомъ, то она оказывается негодною; если же она протрещала нигдѣ не запнувшись, то испытующій остается доволенъ. У иного присутствующаго не-спеціалиста, можетъ быть, и явится сомнѣніе, понимаетъ ли отвѣчающій все то, что̀ такъ быстро выбрасываетъ изъ своей головы, но про-

вѣрить его онъ не рѣшается, потому что самъ забылъ подробности; шепнетъ сосѣду—тотъ улыбнется: не прерывайте, дескать, благо отвѣчаетъ, не задерживаетъ. И вотъ присутствующіе и слушающіе испытаніе по единой волѣ начальства ставятъ отмѣтки по впечатлѣнію болѣе на чувство слуха. Впрочемъ, кто подобросовѣстнѣе, тотъ и не стоитъ за свои отмѣтки при окончательномъ общемъ совѣщаніи; онъ уступаетъ главному экзаменатору, которому довѣряетъ, какъ спеціалисту въ своемъ дѣлѣ, равно какъ и тотъ, въ свою очередь, уступаетъ ему по его предмету. Но бываютъ и съ такими сильными впечатлѣніями, что безъ спора не отступаютъ отъ своихъ отмѣтокъ: если молодой человѣкъ отвѣчалъ не быстро или нѣсколько тянулъ свои отвѣты, задумывался надъ вопросами, то хотя бы отвѣчалъ и основательно, но ухо присутствующаго не наслаждалось быстротою и плавностью, и впечатлѣніе у него осталось не совсѣмъ благопріятное: судья требуетъ, чтобы и его отмѣтку ввели въ общій счетъ.

Иному экзаменатору любо бываетъ прослыть страшнымъ; онъ находитъ себѣ особенное удовольствіе предлагать трудные вопросы, требовать скорыхъ отвѣтовъ, приводить въ недоумѣніе разными неожиданностями, смущать, сбивать и оканчивать неудовлетворительной отмѣткой. Иные идутъ еще далѣе: надъ бѣднымъ смущеннымъ юношей они упражняютъ свое остроуміе, глумятся надъ его ошибками, нагло подсмѣиваются надъ его незнаніемъ, можетъ быть, даже мнимымъ, и этимъ самымъ окончательно сбиваютъ его и ставятъ въ тупикъ, тогда какъ при другомъ способѣ спрашивать робкій юноша могъ бы отвѣтить на всѣ вопросы и доказать свои основательныя познанія. Иногда случается, что экзаменаторъ и присутствующіе, желая окончить экзаменъ въ одинъ день, или принужденные къ тому необходимостью, тянутъ его съ утра чуть не до полуночи. Можно представить, въ какомъ состояніи и духовномъ и физическомъ подходятъ къ столу экзаменующіеся вечеромъ: проведя послѣднюю ночь, можетъ быть, безъ сна, весь день въ томительномъ ожиданіи, утомленные долгимъ сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, они не могутъ сообразить самыхъ пустыхъ вопросовъ, а на билетахъ передъ ихъ глазами вопросы очень серьезные; они ошибаются, даютъ такіе отвѣты, за которые тотчасъ же сами краснѣютъ; сами судьи отъ усталости едва говорятъ и все же продолжаютъ оцѣнивать отвѣты молодыхъ людей и рѣшать судьбу ихъ. Испытаніе обращается въ пытку, и никто не думаетъ отказаться отъ такой роли, каждый ссылаясь на долгъ и обязанности, предпи-

санныя начальствомъ. Бываютъ примѣры, что сами испытатели послѣ нѣсколькихъ часовъ начинаютъ ошибаться въ вычисленіяхъ, при повѣркѣ задачъ экзаменующихся объявляютъ невѣрными вѣрныя рѣшенія и не затрудняясь ставятъ неудовлетворительные баллы.

Ошибочно полагаютъ нѣкоторые, будто по двумъ-тремъ отвѣтамъ со стороны экзаменующагося можно убѣдиться, знаетъ или не знаетъ онъ весь предметъ. Экзаменуя своихъ собственныхъ учениковъ, экзаменаторъ дѣйствительно можетъ скоро доходить до такого убѣжденія; но и тутъ малоопытный или нетерпѣливый нерѣдко ошибается: смущеніе ученика онъ принимаетъ за незнаніе; если въ классѣ ученикъ отличался бойкостью, а на экзаменѣ выказываетъ робость и не прежнюю быструю сообразительность, то это принимается также въ невыгодномъ смыслѣ для юноши; говорятъ, что онъ поддался лѣни, не занялся, какъ слѣдуетъ, приготовленіемъ къ экзамену, слишкомъ понадѣялся на себя; а молодой человѣкъ, можетъ быть, не спалъ цѣлыя ночи за книгами и тетрадями, тщательно повторилъ весь курсъ, но только не позаботился подкрѣпить себя сномъ и за это выноситъ изъ экзамена невыгодное о себѣ мнѣніе своихъ судей. Чтобы сдѣлать вѣрную оцѣнку познаніямъ и развитію посторонняго молодого человѣка, явившагося на экзаменъ, далеко недостаточно двухъ-трехъ вопросовъ или даже бойкихъ на нихъ отвѣтовъ: въ этомъ случаѣ скороговорка или извѣстная быстрота никакъ не могутъ служить доказательствомъ основательнаго знакомства съ предметомъ или умственнаго развитія. Часто случается, что отвѣчающій, повидимому, вяло и запинаясь, знаетъ въ дѣйствительности предметъ гораздо основательнѣе того, который бойко выбрасываетъ отвѣты. Вообще торопливость экзаменаторовъ приноситъ самый существенный вредъ дѣлу, и если съ одной стороны нѣкоторымъ незаслуженно помогаетъ въ хорошей аттестаціи, зато другихъ, болѣе достойныхъ, лишаетъ возможности достаточно убѣдить въ своихъ познаніяхъ. Экзаменаторы болѣе всего должны заботиться о томъ, чтобы экзаменующійся не смотрѣлъ на себя, какъ на ихъ жертву, чтобы онъ отошелъ отъ нихъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что съ нимъ не сдѣлано ничего несправедливаго и незаконнаго. Необходимо всегда помнить, что этотъ моментъ, можетъ быть, самый важный въ жизни молодого человѣка, что при этомъ всякая неловкость со стороны экзаменатора, всякая его отмѣтка, которая можетъ показаться несправедливою, сильно подѣйствуетъ на возбужденный духъ юноши и легко можетъ повести къ озлобленію, отъ котораго мы

должны беречь молодыхъ людей. Здѣсь большая часть изъ нихъ дѣлаетъ первый шагъ въ настоящую, дѣйствительную жизнь, являясь на судъ незнакомыхъ, чужихъ людей; здѣсь имъ впервые приходится убѣдиться, что только собственнымъ трудомъ занимается извѣстное прочное положеніе въ жизни, что вознагражденіе за трудъ, какъ его слѣдствіе, вытекаетъ изъ него самого. Немногіе думаютъ, что экзамены имѣютъ вліяніе на нравственную сторону нѣкоторыхъ молодыхъ людей; что отсюда они выносятъ извѣстныя нравственныя убѣжденія, которыя потомъ не скоро оставляются. Такъ нужно же постараться устранить все то, что̀ можетъ съ перваго же шага навести молодого человѣка на мысль, будто въ жизни самое важное—случайность, которая доставляетъ все людямъ, что на нее, а не на трудъ, и слѣдуетъ надѣяться, думая о будущемъ.

Чтобы покончить весь экзаменъ въ данный срокъ, нерѣдко экзаменаторы и судьи раздѣляются на отдѣльныя коммиссіи и въ одно и то же время въ разныхъ углахъ залы занимаются. Судьба молодыхъ людей отдается въ руки одного экзаменатора-спеціалиста. Онъ, можетъ быть, и очень добросовѣстный человѣкъ, можетъ быть, даже и хорошій педагогъ, но все же онъ можетъ ошибиться; а если онъ не совсѣмъ добросовѣстный, если онъ пристрастный, вспыльчивый, увлекающійся поспѣшными заключеніями и проч. и проч.,—кто можетъ за него ручаться? Ассистентъ его почти не принимаетъ участія въ его дѣлѣ по малому знакомству съ предметомъ, такъ какъ онъ спеціально занимается исторіей, а экзаменъ идетъ изъ физики или космографіи; прочіе заняты въ другихъ коммиссіяхъ и уже совсѣмъ ничего не слышатъ; и остается рѣшительною только одна отмѣтка. Если она окажется неудовлетворительною, то дѣло молодого человѣка проиграно: онъ не можетъ поправить его въ другихъ коммиссіяхъ, потому что тамъ экзаменуются изъ другихъ частей предмета, а отмѣтка по каждой части имѣетъ свое значеніе. Бываетъ такъ, что въ одной коммиссіи почти всѣ выдерживаютъ экзаменъ, переходятъ въ другую—проваливаются. Не ясно ли, что здѣсь личность экзаменатора играетъ важную роль? Мы не будемъ разбирать причинъ, которыя иногда дѣлаютъ молодыхъ людей жертвами какого-нибудь свирѣпаго или шутливаго экзаменатора. Мы хотѣли только показать, что можетъ быть много случаевъ, обращающихъ экзамены въ лотерею, а она ведетъ иногда и къ гибельнымъ послѣдствіямъ, въ чемъ убѣдилъ насъ настоящій годъ.

Разсмотрѣвъ, съ какими свойствами бываютъ экзаменаторы

—рѣшители судьбы молодыхъ людей, обратимъ вниманіе и на самую обстановку экзаменующагося: она также имѣетъ здѣсь значеніе. Молодой человѣкъ, еще не привыкшій говорить въ обществѣ, тѣмъ болѣе играть въ немъ какую-либо роль, вдругъ долженъ явиться посреди людей, ему мало или совсѣмъ незнакомыхъ, быть предметомъ вниманія всѣхъ, отвѣчать на всѣ вопросы и знать, что каждый отвѣтъ будетъ строго оцѣниваться; все это не можетъ ободрительно подѣйствовать даже на человѣка болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, особенно, когда при этомъ стараются еще придать всему дѣлу нѣкоторую торжественность. Иной юноша кое-какъ сладитъ съ своимъ замирающимъ духомъ, съ своимъ дрожащимъ, едва слышнымъ голосомъ, начинаетъ соображать вопросы, ободряться первыми удачными отвѣтами, вдругъ позади него скрипнула дверь, поднимается съ своихъ мѣстъ все сидящее,—то является какое-либо важное или начальствующее лицо; его мундиръ или звѣзды бросаются въ глаза молодому человѣку; онъ снова смущается, теряется; „что-то будетъ“ — едва подумаетъ онъ, какъ уже все имѣющее право сидѣть опять опускается на свои мѣста; онъ одинъ остается стоящимъ, привлекши на себя вниманіе и новаго лица; его снова начинаютъ спрашивать; опять дрожитъ голосъ, опять нужно дѣлать надъ собою особенныя усилія, чтобы сколько-нибудь овладѣть собою, опять пытка... И тутъ нужно показать не только свои познанія, но и умственное развитіе, а иногда нужно и наблюдать за собою, чтобы не отставилась какъ-нибудь неловко нога, чтобы дрожащія руки были прилично опущены, иначе можетъ послѣдовать замѣчаніе, которое совсѣмъ сконфузитъ иного юношу. Что же удивительнаго, если иногда лучшіе ученики здѣсь отвѣчаютъ плохо, даже на вопросы своего учителя, который при этомъ не скрываетъ своей досады, что экзаменующійся не оправдываетъ его отмѣтки передъ начальствомъ, такъ какъ начальство часто судитъ о преподавателяхъ по такимъ экзаменамъ. Досада учителя не скроется отъ экзаменующагося и не поправитъ дѣла.

Задаются также и письменныя работы. Понятно, что онѣ требуютъ особеннаго вниманія со стороны пишущихъ. Но не всякая натура можетъ углубляться въ свои мысли и въ тоже время слѣдить за тѣмъ, что вокругъ дѣлается. Занятый своимъ трудомъ, иной легко прозѣваетъ входящую или выходящую особу, не поспѣшитъ встать и отдать почтеніе, что опять можетъ вызвать замѣчаніе, а оно на иную робкую, стыдливую или чувствительную натуру можетъ подѣйствовать очень неблагопріятно для успѣшнаго продолженія работы. Ужъ и безъ того, повиди-

мому, довольно разныхъ поводовъ къ смущенію и къ помѣхѣ. Самое тревожное состояніе духа и томительное ожиданіе должно оказать неблагопріятное вліяніе и на работу.

Послѣ экзамена начинается совѣщаніе между экзаменаторами и ассистентами. Въ головахъ ихъ смѣшиваются разныя физіономіи, мелькаютъ разные отвѣты, и дѣльные и нелѣпые. Мы не знаемъ, есть ли возможность припомнить каждую физіономію, что и какъ отвѣчалъ каждый, какое показалъ развитіе и пр., особенно, если число экзаменующихся доходило до тридцати, сорока и болѣе. Конечно, каждому преподавателю легко помнить отвѣты своихъ учениковъ, но вѣдь тутъ были и личности совершенно ему незнакомыя. Свидѣтелями впечатлѣнія, оставленнаго молодымъ человѣкомъ, являются мертвыя цифры, которыя теперь и сводятся вмѣстѣ. Совѣщаніе по большой части состоитъ въ дѣйствіи сложенія и дѣленія, выводятся средніе баллы изъ отмѣтокъ совѣщателей и ими-то изрекается послѣдній судъ надъ юношами. Иногда сводятся отмѣтки очень неравныя за одни и тѣ же отвѣты, какъ, напр., 4 и 2; разъяснить такое неравенство бываетъ трудно за множествомъ разныхъ оставшихся смѣшанныхъ впечатлѣній, а цифра 3 не будетъ никому въ обиду; она и послужитъ оцѣнкою молодому человѣку. О чрезмѣрной строгости, съ какой иные оцѣниваютъ отвѣты экзаменовавшихся, не соображаясь съ ихъ исключительнымъ положеніемъ, почти никому не приходится говорить, такъ какъ у всѣхъ на виду начальственное предписаніе—испытывать строже. На строгость конечно имѣютъ вліяніе и университетскія повѣрочныя испытанія, такъ какъ никому неизвѣстно, какимъ образомъ университетъ производитъ свои повѣрки и на что обращаетъ особенное вниманіе. Что, если на повѣрочномъ испытаніи такой-то окажется слабымъ, что, если выставленный ему баллъ найдутъ щедрымъ? Конечно, университетъ, отнесется объ этомъ къ окружному начальству, которое тотчасъ же и пришлетъ свои замѣчанія совѣту вообще и экзаменатору въ особенности. Бывали случаи, что преподаватели получали строгіе письменные выговоры черезъ четыре, пять лѣтъ послѣ того, какъ ученикъ вышелъ изъ ихъ рукъ: въ какомъ-то его прошеніи къ начальству были усмотрѣны двѣ-три орѳографическія ошибки и не полный комплектъ знаковъ препинанія. Такимъ образомъ, надъ педагогами постоянно виситъ молотъ, которымъ одуряютъ ихъ за небрежности даже ихъ бывшихъ учениковъ. Установленіе университетскихъ повѣрочныхъ испытаній показываетъ недовѣріе къ гимназическимъ экзаменамъ. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было передавать всту-

пительные въ университетъ экзамены изъ рукъ университетскихъ профессоровъ въ руки гимназическихъ преподавателей и зачѣмъ же допускать къ дѣлу такія лица, которыя не заслуживаютъ довѣрія? Въ педагогическомъ отношеніи это зло неисправимое. Воспитательное дѣло можетъ быть основано только на довѣріи къ воспитателямъ, если же его нѣтъ, то нѣтъ и воспитательной системы, нѣтъ и разумнаго воспитанія, есть только чиновники, надъ которыми нуженъ постоянный контроль, чтобъ все въ своей впѣшности и формальности обстояло благополучно.

Понятно, что при чиновничьихъ отношеніяхъ на человѣка смотрятъ, какъ на вещь, какъ на машину, потому съ нимъ и обращаются какъ съ вещью или машиной. Что за охота изъ-за какого-нибудь сомнительнаго юноши получать выговоры, замѣчанія и, можетъ быть, лишаться наградъ! Въ этомъ случаѣ гораздо выгоднѣе уменьшить рискъ попадаться начальству и держаться неумолимой строгости.

Изъ этого краткаго очерка самъ собою вытекаетъ отвѣтъ на вопросы: удовлетворяютъ ли наши экзамены требованіямъ государства и общества, которыя нуждаются въ извѣстныхъ силахъ и которыя даютъ личностямъ за эти силы извѣстныя права? Могутъ ли наши экзамены вполнѣ вѣрно оцѣнивать силы и не пропускать впередъ только силы дѣйствительно слабыя? Могутъ ли имъ совершенно довѣрять наши семейства, воспитывающія эти силы и возлагающія на нихъ свои надежды?

Несостоятельность ихъ такъ очевидна, что напрасно было бы долѣе о ней распространяться. Ясно, что такая система должна быть замѣнена другой, гдѣ случайности не могли бы имѣть вліятельной силы, и гдѣ болѣе имѣлся бы въ виду живой человѣкъ съ своей духовной природой.

Мы видѣли, что неблагопріятное вліяніе на отвѣты молодого человѣка очень часто оказываетъ страхъ, иногда невольный, безотчетный, иногда изъ неувѣренности въ самомъ себѣ, иногда изъ самолюбія и проч. Конечно уничтожить это чувство невозможно, но, намъ кажется, есть возможность ослабить его, устранивъ все то, что обыкновенно его усиливаетъ или поддерживаетъ. Ужъ одно это принесетъ значительное добро и дастъ большую разумность самому дѣлу. Въ настоящее время каждый экзаменующійся ставится въ положеніе актера-дебютанта. Разница между ними въ томъ, что послѣдній добровольно выступаетъ на публичный судъ, уже выбравъ себѣ такую карьеру, при этомъ онъ признаетъ въ себѣ какой-либо талантъ, онъ знаетъ, что̀ ему нужно будетъ говорить, что у него есть поддержка въ суфлерѣ,

что его никто не смутитъ какимъ-либо неожиданнымъ вопросомъ и проч., а экзаменующійся, конечно, моложе дебютанта, имѣлъ менѣе случаевъ бывать въ обществѣ совершенно для него чужомъ; онъ идетъ на публичный судъ не по волѣ, а по необходимости, потому что другой дороги ему нѣтъ. Конечно, у дебютанта болѣе публичности, болѣе судей, но зато у него и болѣе поддержки, зато и неуспѣхъ для него не имѣетъ такого рѣшительнаго значенія, какъ для молодого человѣка, идущаго на экзаменъ, окруженнаго съ одной стороны экзаменаторами и начальствомъ, съ другой—молодыми людьми, хотя и безъ права голоса, но все же людьми, на которыхъ стыдно будетъ посмотрѣть въ случаѣ неуспѣха. Итакъ, положеніе дебютанта выгоднѣе; а кто изъ нихъ скажетъ, что ему удалось безъ сильнаго страха выступить на сцену, что страхъ не оказывалъ дурного вліянія на его игру, и развѣ не было случаевъ, что первые дебюты очень талантливыхъ актеровъ были не совсѣмъ удачны: робость, смущеніе, страхъ помѣшали имъ выказать свои силы. Но для актера вся эта публичность неизбѣжна, съ нею сливается его поприще. А развѣ нѣтъ возможности уменьшить ее, равно какъ и всю казенную торжественность при экзаменахъ? Развѣ не предпочелъ бы каждый молодой человѣкъ такой словесный экзаменъ, который бы походилъ болѣе на бесѣду, чѣмъ на суровое выпытыванье или даже на пытку, а экзаменъ письменный—на спокойную работу въ собственномъ кабинетѣ, гдѣ можно углубиться въ свои мысли, не имѣя передъ собою никакого зрѣлища, гдѣ можно спокойно встать съ своего мѣста, пройтись по комнатѣ безъ строгаго и подозрительнаго наблюдателя. Мы знаемъ, что чиновники-педагоги будутъ защищать это стоянье на вытяжку передъ зеленымъ столомъ, эти чиновно-начальническія отношенія къ молодымъ людямъ; они будутъ настойчиво доказывать необходимость поддерживать такимъ образомъ свое педагогическое значеніе; имъ покажется странною даже мысль допустить бесѣду съ какимъ-нибудь мальчикомъ и при томъ безъ надзора со стороны всего начальства. Но этимъ самымъ они только докажутъ, что они не понимаютъ дѣйствительной педагогіи, что для нихъ важнѣе всего отвлеченный принципъ: погибай лучшія силы, только остался бы неприкосновененъ онъ, этотъ принципъ, который самъ, послѣ здравой критики, можетъ оказаться гнилымъ или мертвящимъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Имъ непонятно, что истинный педагогъ поддерживаетъ къ себѣ уваженіе, почтеніе и довѣріе другими способами, которыхъ у нихъ, можетъ быть, нѣтъ, и потому они думаютъ связывать съ ролью

педагога не идущую къ ней роль генерала. Имъ хотѣлось бы поставить на вытяжку и всѣхъ педагоговъ, а о юношахъ, привлекаемыхъ къ экзамену, и говорить нечего. Но несмотря на все это, мы рѣшаемся указать на иную систему экзаменовъ, убѣжденные, что дѣйствительные педагоги во многомъ дадутъ ей предпочтеніе передъ старою; для насъ же только это и важно, потому что вести правильно экзамены, съ пользою для всѣхъ, могутъ лишь одни настоящіе педагоги, которые понимаютъ человѣческую природу и выше ея не ставятъ разныхъ узкихъ принциповъ и чиновничьихъ формальностей.

Устраняя, сколь возможно, публичность и торжественность, нужно позаботиться и объ устраненіи неравенства между экзаменующимися. Если въ одной и той же гимназіи большинство экзаменующихся въ одной коммиссіи выдерживаетъ экзаменъ, а тутъ же рядомъ въ другой проваливается, то тѣмъ скорѣе и легче можетъ случаться это въ разныхъ гимназіяхъ: одна славится строгостью испытаній, другая большею легкостью; въ одну стремятся и просятся молодые люди, другой избѣгаютъ. Назначенные въ строгую гимназію трепещутъ, назначенные въ легкую благословляютъ судьбу. И въ самомъ дѣлѣ, эти случайности не имѣютъ ли видъ судьбы, и не есть ли это самая высшая несправедливость по отношенію къ молодымъ людямъ и величайшее зло по отношенію къ государству и обществу?

Намъ кажется, что экзамены, завершающіе общее образованіе, необходимо отдѣлить отъ гимназій. Для нихъ слѣдовало бы назначить одну постоянную испытательную коммиссію, раздѣливъ ее на столько отдѣловъ, сколько существуетъ учебныхъ гимназическихъ предметовъ. Въ каждый отдѣлъ на два или на три года выбирать по три экзаменатора-спеціалиста изъ педагоговъ опытныхъ, успѣвшихъ чѣмъ-либо хорошимъ заявить себя въ своей педагогической дѣятельности. На нихъ всегда будетъ указывать какъ голосъ самихъ педагоговъ, такъ и голосъ общественный вмѣстѣ съ литературнымъ. Конечно, здѣсь не слѣдуетъ стѣсняться однимъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія; найдется и по другимъ вѣдомствамъ довольно опытныхъ и почтенныхъ педагоговъ. При каждомъ отдѣлѣ должно быть по одному или по два кандидата, которые бы замѣняли экзаменатора въ случаѣ его болѣзни и отсутствія по другимъ причинамъ. Коммиссія должна быть въ дѣйствіи круглый учебный годъ, и испытаніе по каждому предмету можетъ производиться не иначе, какъ въ присутствіи трехъ экзаменаторовъ-спеціалистовъ въ отдѣльной комнатѣ, куда доступъ всѣмъ прочимъ лицамъ долженъ

быть запрещенъ. Исключеніе можно сдѣлать для учителя или воспитателя того молодого человѣка, который является на экзаменъ; ему даже можно дать право предварительно объяснить, какъ онъ велъ дѣло съ молодымъ человѣкомъ, на какія части или подробности при его обученіи обращено болѣе вниманія и т. п.; но вмѣшиваться въ экзаменъ онъ не долженъ и имѣть права голоса при окончательномъ совѣщаніи онъ не можетъ. Между экзаменаторами здѣсь должно быть полное равенство; присутствіе какого-либо начальства, думаю, было бы также излишне, такъ какъ здѣсь предполагается полное довѣріе къ выбраннымъ экзаменаторамъ, и слѣдственно надзора надъ ними не нужно, а во всѣхъ другихъ случаяхъ начальство имѣетъ свойство стѣснять, приводить въ смущеніе и сообщать простому дѣлу торжественность. Мы хлопочемъ о замкнутости отдѣловъ испытательной коммиссіи, имѣя въ виду интересы экзаменующихся, но замкнутость эта будетъ только кажущаяся, мнимая, такъ какъ каждый педагогъ будетъ имѣть нѣсколько случаевъ присутствовать здѣсь при испытаніи своихъ учениковъ, слѣдовательно, дѣятельность коммиссіи не будетъ совершенно скрыта, и педагогамъ всегда будетъ возможность составить о ней мнѣніе и даже литературно выражать его для общественнаго обсужденія. Такимъ образомъ, мѣшающая дѣлу публичность будетъ устранена, а самое дѣло не останется внѣ гласности. Имѣть особаго начальства надъ коммиссіею также нѣтъ надобности; достаточно назначить одного секретаря или экзекутора, который бы удовлетворялъ разнымъ потребностямъ экзаменаціонныхъ отдѣловъ, прикладывалъ бы печати къ свидѣтельствамъ и т. п. Каждый отдѣлъ дѣйствуетъ совершенно независимо; члены его при самомъ своемъ избраніи или назначеніи имѣютъ возможность согласиться между собою, какъ вести дѣло, и неравенство для экзаменующихся будетъ устранено. Выборъ времени, когда держать экзаменъ, долженъ быть предоставленъ самимъ молодымъ людямъ. Каждый можетъ записаться для испытанія въ любомъ отдѣлѣ коммиссіи, на любой экзаменаціонный день (если экзаменаторы будутъ собираться не ежедневно). Ограниченіе можетъ быть сдѣлано только въ одномъ: чтобы всѣ экзамены вмѣстѣ однимъ лицомъ были непремѣнно окончены въ теченіе года или извѣстнаго числа мѣсяцевъ. Но нѣтъ необходимости слишкомъ ограничивать время экзаменовъ. Противъ этого положенія нѣкоторые намъ будутъ сильно возражать: они будутъ видѣть въ этомъ неумѣстное послабленіе молодымъ людямъ, которымъ будетъ дана возможность для приготовленія къ каждому экзамену назначить себѣ столько времени,

сколько имъ нужно, чтобы наскоро заучить весь учебный предметъ, съ успѣхомъ выдержать экзаменъ и потомъ такъ же быстро забыть выученное;—слѣдовательно, при такомъ способѣ приготовленія должна непремѣнно пострадать основательность самого ученія. Дѣйствительно, если бы мы предполагали производить экзамены по обычному способу, то, можетъ быть, мы и затруднились бы отвѣчать на это возраженіе, а скорѣе всего даже и не выставили бы своего положенія: къ нынѣшнему экзамену сколько-нибудь даровитому и смѣлому юношѣ легко приготовиться въ нѣсколько недѣль и вполнѣ удовлетворить своихъ экзаменаторовъ. Это доказываютъ и университетскіе экзамены, на которыхъ многіе студенты получаютъ хорошіе баллы, въ теченіе года не занимаясь наукою, и посвятивъ ей только нѣсколько недѣль передъ экзаменами.

Давъ молодымъ людямъ право являться на экзаменъ въ любое время въ теченіе года, тѣмъ самымъ мы даемъ и экзаменаторамъ достаточно времени заняться съ каждымъ молодымъ человѣкомъ, посвящая ему не нѣсколько минутъ, а если нужно—нѣсколько часовъ. Они здѣсь не будутъ ограничены однимъ днемъ, въ который должны переспросить нѣсколько десятковъ юношей, не будутъ утомлены почти до бездѣйствія мозга, слѣдовательно, и экзаменующемуся безъ основательныхъ познаній, съ малыми силами, будетъ весьма трудно счастливо проскользнуть между ихъ рукъ. Они могутъ коснуться всѣхъ частей учебнаго предмета, могутъ съ точностью сообразить степень прочности познаній молодого человѣка, могутъ видѣть его развитіе и проч. Для такого испытанія нужно и приготовленіе очень прочное, для котораго мало не только нѣсколькихъ недѣль, но и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если же и найдутся такіе даровитые люди, которые въ теченіе нѣсколькихъ недѣль успѣютъ такъ овладѣть предметомъ, что будутъ въ силахъ выдержать подобный экзаменъ, то нѣтъ никакой цѣли дѣлать имъ препятствія, задерживать ихъ или мѣшать имъ. Что кому за дѣло, во сколько времени пріобрѣтены познанія, лишь бы они были основательны и прочны. Развѣ многіе не готовятся къ экзаменамъ по нѣскольку лѣтъ, и черезъ годъ послѣ экзамена уже ничего или очень немного помнятъ.

Свободный выборъ для экзамена устранитъ и безсонныя ночи, которыя теперь обыкновенно предшествуютъ экзамену и часто имѣютъ на исходъ его самое неблагопріятное вліяніе. Молодой человѣкъ изъ благоразумія пойдетъ на экзаменъ тогда, когда будетъ чувствовать себя совершенно готовымъ, ему не нужно будетъ работать на срокъ, слѣдовательно, отнимать время у сна.

Онъ будетъ являться на экзаменъ со свѣжими, бодрыми, нормальными силами и, конечно, дастъ больше средствъ вѣрно оцѣнить себя. Страхъ его не будетъ имѣть опоры въ томъ безсиліи духа, съ какимъ онъ является теперь передъ своими экзаменаторами. Съ другой стороны, ему не придется еще болѣе ослаблять свои силы долгимъ ожиданіемъ, когда его вызовутъ къ испытанію, иногда сидѣніемъ съ утра до поздняго вечера.

Среди экзаменаторовъ молодой человѣкъ долженъ быть ободряемъ такимъ обращеніемъ, какое ожидается между порядочными и притомъ незнакомыми людьми. Здѣсь будетъ совершенно неумѣстнымъ выраженіе нетерпѣнія или досады, ни строгій учительскій тонъ, ни возвышеніе голоса, тѣмъ болѣе насмѣшки, или глумленіе со стороны экзаменаторовъ. Проникнутые своей важною обязанностью, они, конечно, будутъ стѣснять и останавливать другъ друга въ неприличныхъ выходкахъ.

Программа экзамена должна быть опредѣлена чрезвычайно точно, затѣмъ, что каждый идущій на экзаменъ долженъ предварительно знать, какихъ познаній могутъ отъ него потребовать. Страхъ его часто происходитъ отъ незнанія, что могутъ его спросить, а это незнаніе вытекаетъ изъ неопредѣленной программы, которую можно растягивать до безконечности. У насъ обыкновенно употребляютъ одну и ту же программу для преподаванія и для экзамена, что, по нашему мнѣнію, крайне ошибочно. Въ преподаваніи имѣется въ виду не только передача познаній, но и развитіе способностей учащагося, слѣд. тутъ можетъ быть много особенныхъ соображеній, по которымъ вводятся въ предметъ ученія разныя подробности и мелочи, не имѣющія существеннаго значенія какъ необходимое знаніе. У каждаго преподавателя бываютъ свои соображенія, слѣд. каждый и привязанъ къ извѣстнымъ подробностямъ, считая ихъ очень важными въ своемъ дѣлѣ: онѣ дѣйствительно дѣлаютъ это дѣло и достигаютъ своей цѣли, но онѣ же имѣютъ свойства быстро забываться, не связанныя тѣсно съ сущностью всего предмета. А между тѣмъ у насъ на иныхъ экзаменахъ только и занимаются выпытываніемъ разныхъ подробностей, которыя всѣ вмѣстѣ удержать въ памяти можно только на самое короткое время, и которыя черезъ нѣсколько недѣль послѣ экзамена испаряются даже у самаго памятливаго и даровитаго юноши. Нѣкоторые преподаватели даже любятъ себя выказывать передъ начальствомъ такими, по ихъ мнѣнію, интересными подробностями, гордятся тѣми учениками, которые безъ запинки выкладываютъ ихъ передъ присутствующими, и никто при этомъ не

предвидитъ, что черезъ мѣсяцъ тотъ же самый юноша потребуетъ времени для повторенія, если вздумаютъ ему предложить тѣ же самые вопросы. Спрашиваемъ, что же это за знанія и стоитъ ли о нихъ такъ хлопотать на экзаменахъ? А между тѣмъ они-то по большей части и заставляютъ учениковъ просиживать ночи передъ экзаменами, чтобы на короткое время набить ими голову и до того одурѣть отъ нихъ, что сдѣлаться неспособнымъ отвѣчать и на самые существенные вопросы науки. Особенно часто случается это на экзаменахъ изъ закона Божія, исторіи, словесности, географіи: здѣсь голова хорошо экзаменующагося бываетъ наполнена ужасающими подробностями, изъ которыхъ не дѣлается рѣшительно никакихъ выводовъ, и которыя слѣд. обрекаются сами собою на забвеніе. Экзаменаторъ долженъ стремиться вѣрно опредѣлить, вмѣстѣ съ познаніями, и степень развитія молодого человѣка, но ему нѣтъ никакого дѣла, какими путями тотъ развивался, какія подробности были выдѣлены изъ науки исключительно въ видахъ его развитія. Если молодой человѣкъ окажется развитымъ, если всѣ выводы науки, обозначенные въ программѣ, онъ можетъ доказать или подтвердить фактами, то этого и достаточно. Прочность такихъ знаній несомнѣнна; ихъ не нужно каждый мѣсяцъ подъучивать, чтобы считаться образованнымъ человѣкомъ.

Въ программѣ экзамена должны быть точно обозначены тѣ существенныя познанія, которыя ведутъ къ опредѣленнымъ выводамъ науки и которыя, слѣдовательно, составляютъ дѣйствительную важность въ общемъ образованіи. Такія познанія берутся обыкновенно не памятью, а соображеніями ума; на нихъ умъ убѣждается въ той или другой истинѣ; ими экзаменующійся доказываетъ, что онъ дѣйствительно изучалъ предметъ. Что добыто трудомъ ума, то память легко и надолго удерживаетъ, слѣдственно тутъ нельзя опасаться за непрочность знаній.

Какія именно познанія, выводы и факты должны войти въ программы экзаменовъ, разрѣшить этотъ вопросъ слѣдуетъ прежде всего поручить спеціалистамъ по каждому учебному предмету. Не стѣсняя программы преподаванія, которая въ частностяхъ много зависитъ отъ личности преподавателя, что уничтожать было бы крайне вредно, они должны стѣснить программу экзамена, такъ какъ она будетъ служить результатомъ преподаванія всѣхъ, безъ всякаго отношенія къ какой-либо отдѣльной личности. Но на опредѣленіи однихъ спеціалистовъ остановиться нельзя: въ ихъ натурѣ увлекаться подробностями и считать за очень важное для всѣхъ то, что̀ на самомъ дѣлѣ важно только

для записныхъ спеціалистовъ. Всѣ ихъ программы необходимо поручить на окончательный просмотръ совѣту, составленному изъ педагоговъ, занимающихся общею педагогіею. Они должны опредѣлить настоящій объемъ программъ, требуемый общимъ образованіемъ. Мы не останавливаемся здѣсь на частностяхъ по каждому предмету, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко. Этихъ частностей можетъ быть очень много; не мало окажется и спорныхъ пунктовъ въ вопросѣ о томъ, что важно въ массѣ познаній восемнадцатилѣтняго юноши, вступающаго въ ряды гражданъ своего отечества. Но мы не думаемъ, чтобъ въ главныхъ основаніяхъ могло выдти большое разногласіе. Никто, напр., не будетъ спорить, что русскому юношѣ съ общимъ образованіемъ необходимо знать о дѣятельности Ломоносова, Карамзина и другихъ лучшихъ нашихъ писателей прежняго времени; никто не будетъ отрицать, что знакомство съ ними будетъ вытекать изъ основательнаго изученія нѣкоторыхъ ихъ сочиненій, что такое изученіе не можетъ быть отнесено къ разряду обременяющихъ познаній, которыя не даютъ никакихъ выводовъ и быстро забываются. Споръ можетъ быть о томъ, какія именно изъ сочиненій слѣдуетъ предпочесть для изученія. Но какія бы они ни были, а экзаменующійся долженъ доказать, что онъ изучилъ ихъ, доказать отвѣтами на вопросы о развитіи главной идеи во всѣхъ частяхъ произведенія, о связи его съ современностью, о признакахъ, по которымъ его относятъ къ тому или другому роду и виду сочиненій и подобн. Объ этихъ важныхъ требованіяхъ, конечно, также никто не будетъ спорить. По нашему мнѣнію, еще не большая бѣда, если юноша объявитъ, что онъ незнакомъ съ какимъ-либо даже важнымъ произведеніемъ отечественной литературы, если онъ можетъ доказать, что основательно изучалъ другія изъ нихъ и понялъ главныя черты характера писателя. Хуже, если онъ объявитъ, что читалъ всѣ замѣчательныя произведенія, даже разскажетъ ихъ содержаніе, но болѣе этого ничего не скажетъ. Онъ только докажетъ свои безплодныя занятія, на которыхъ не могъ развиваться; онъ докажетъ силу своей памяти, но она особенно не цѣнится при оцѣнкѣ умственнаго развитія. Экзаменаторы должны убѣдиться, что экзаменующійся научился читать съ толкомъ, разсуждать надъ прочитаннымъ, замѣчать литературные пріемы писателя— все это можетъ быть вѣрнымъ ручательствомъ и дальнѣйшаго его развитія при помощи чтенія. Развитой молодой человѣкъ быстро дополнитъ то, чего ему недостаетъ, и ставить ему неудовлетворительный баллъ за то, что онъ незнакомъ съ тѣмъ

или другимъ произведеніемъ, хотя бы даже и означеннымъ въ программѣ, если основательно изучалъ другія произведенія того же писателя, было бы крайне несправедливо, чтобы не сказать дико. Точно то же можно сказать и о другихъ предметахъ. Въ программы слѣдуетъ внести только то, что̀ экзаменующійся долженъ былъ не заучивать, а изучать, и мы увѣрены, что съ ними самые экзамены дѣйствительно будутъ достигать тѣхъ цѣлей, какія имъ назначаются. Подобныя программы непремѣнно принесутъ еще и ту пользу, что улучшатъ самое преподаваніе, такъ какъ обратятъ вниманіе на главное и существенное и отвлекутъ отъ того, что̀ изстари называется конькомъ преподавателя.

Экзамены должны быть письменные и словесные, первые еще важнѣе вторыхъ и непремѣнно должны имъ предшествовать; но мы никакъ не допускаемъ ихъ въ такой массѣ, въ какой они производятся въ настоящее время. Если человѣку задается серьезный умственный трудъ, то нужно позаботиться и объ обстановкѣ, которая бы тому благопріятствовала. Нужно отъ него удалить все то, что̀ можетъ его развлекать или отвлекать отъ труда требованіемъ вниманія къ постороннимъ лицамъ. Крайне плохи тѣ педагоги, которые, явившись въ массу молодыхъ людей, думаютъ узнать объ ихъ познаніяхъ и развитіи, задавъ имъ какую-нибудь пичтожную тему, въ которой нечего и развивать, и назначивъ срокъ, съ часами въ рукахъ ждутъ послѣдней его минуты и затѣмъ быстро сбираютъ исписанные или недописанные листочки. Они даже не подозрѣваютъ, что своей собственной особой мѣшаютъ труду и мѣшаютъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе у нихъ страсть разъигрывать генеральскую роль. Письменный экзаменъ въ массѣ возбуждаетъ со стороны экзаменаторовъ опасеніе, чтобы экзаменующіеся не пользовались взаимною помощью или не прибѣгали бы къ помощи книгъ и тетрадей: отсюда является непріятный надзоръ или оскорбительное заглядыванье въ ящики столовъ, развлекающее хожденіе наблюдателя между столами, неделикатное сованіе своего носа въ трудъ пишущаго и проч. Все это иную молодую натуру до того развлекаетъ, смущаетъ и волнуетъ, что онъ не въ силахъ сосредоточить мыслей и подаетъ свой трудъ, самъ крайне имъ недовольный.

Для письменнаго экзамена должны назначаться такія темы, которыя бы не могли возбудить опасенія, что экзаменующійся выпишетъ ихъ развитіе изъ какого-либо учебника или изъ своей учебной тетради, слѣд. не будетъ оказываться и надобности въ надзорѣ за пишущимъ. Пускай онъ даже заглядываетъ въ свой

учебникъ, или въ лексиконъ, или даже въ произведеніе писателя, если ему нужно сдѣлать какую-либо справку; тема должна быть такого рода, чтобы экзаменующійся, безъ собственнаго запаса познаній, безъ предварительныхъ трудовъ по всему предмету, безъ собственныхъ соображеній и разсужденій не могъ съ нею ничего сдѣлать, если бы у него были подъ руками разныя справочныя книги. Ихъ даже слѣдуетъ давать по инымъ темамъ, чтобы видѣть, какъ молодой человѣкъ можетъ справляться съ ними и извлекать изъ того, что у него есть. Конечно, эти темы должны быть все-таки соображены съ силами юноши и съ тѣми познаніями, какихъ по программѣ можно отъ него требовать. При этомъ его слѣдуетъ уединить, если не въ особой комнатѣ, то за особымъ столомъ, чтобы никто не могъ мѣшать ему или развлекать его. Работа его должна быть обсуждена всѣми экзаменаторами сообща, и она-то должна служить исходнымъ пунктомъ для словеснаго экзамена, а не какой-нибудь случайно-попавшійся билетъ. По этой работѣ уже можно основательно судить о развитіи молодого человѣка; словесный же экзаменъ будетъ только дополнительнымъ для узнанія количественной стороны основательныхъ познаній по всѣмъ частямъ учебнаго предмета.

Окончательная оцѣнка должна быть сдѣлана тотчасъ же послѣ словеснаго экзамена каждаго экзаменующагося и непремѣнно общимъ совѣтомъ экзаменаторовъ, а не послѣ испытанія нѣсколькихъ молодыхъ людей, чтобы отвѣты одного не могли смѣшиваться въ памяти экзаменаторовъ съ отвѣтами другого; чтобы имъ пришлось судить по свѣжимъ впечатлѣніямъ, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, а не по мертвымъ цифрамъ, безучастно производя дѣйствія сложенія и дѣленія. Они должны рѣшать сообща, удовлетворительны или неудовлетворительны познанія молодого человѣка по такому-то предмету, т.-е. могъ ли онъ пользоваться или нѣтъ тѣмъ, что даетъ такая-то наука въ извѣстномъ объемѣ. Если же онъ забылъ нѣкоторые факты, или названія иныхъ городовъ и мѣстъ, или нѣкоторыя числа и годы, или кой-какія формулы, то, право, въ этомъ еще не большая бѣда, забываютъ ихъ даже спеціалисты, для которыхъ составляются разныя справочныя книги. Лишать молодого человѣка правъ, парализовать его силы, вносить горе и слезы въ цѣлое семейство изъ-за того только, что онъ сбился въ доказательствахъ такого-то физическаго закона, или не разсказалъ разныхъ подробностей царствованія Людовика XIV, или спутался въ грамматической схоластикѣ, или за то, что полу-

чилъ двѣ двойки по двумъ частямъ разныхъ предметовъ, хотя по всѣмъ прочимъ частямъ всѣхъ предметовъ отъ трехъ до пяти балловъ, этого, конечно, опытные экзаменаторы-педагоги допускать не будутъ. Совершенно отъ ихъ воли или совѣта должно зависѣть и разрѣшеніе переэкзаменовки. Они могутъ видѣть, сколько и какихъ познаній недостаетъ юношѣ, могутъ сообразить количество времени, нужное для основательнаго ихъ пріобрѣтенія, могутъ слѣд. назначить срокъ, послѣ котораго онъ имѣетъ право снова явиться на экзаменъ. Въ этомъ мы и не видимъ никакого зла, а напротивъ, видимъ устраненіе причины того горя и страданій, какія терпятъ бѣдные люди отъ неудавшагося экзамена юнаго члена семьи.

Испытательныя коммиссіи могутъ быть составлены во всѣхъ университетскихъ городахъ, гдѣ всегда найдется довольно педагоговъ, изъ среды которыхъ будетъ возможно дѣлать удачные выборы. За гимназіями же тѣхъ городовъ, гдѣ не будетъ испытательныхъ коммиссій, можно оставить право по общимъ программамъ экзаменовать желающихъ, которые, въ случаѣ неудачи, всегда могутъ переэкзаменоваться въ той или другой испытательной коммиссіи. Аттестаты этихъ гимназій должны имѣть силу аттестатовъ, выдаваемыхъ отъ коммиссій, и повѣрочныя испытанія въ университетахъ могутъ сохраниться для поступающихъ туда съ гимназическими аттестатами; но уже не слѣдуетъ подвергать имъ поступающихъ съ аттестатами отъ коммиссій. Гимназіи должны оканчивать курсъ въ послѣднемъ классѣ въ половинѣ марта, и затѣмъ предоставлять своимъ ученикамъ полную свободу распоряжаться временемъ для испытанія въ коммиссіи. Времени до начала курса въ высшихъ или спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ имъ остается довольно, и конечно каждый воспользуется имъ по своему усмотрѣнію и по своимъ силамъ. Намъ кажется, что и университетамъ нѣтъ необходимости отказывать въ пріемѣ новыхъ студентовъ до половины октября или даже ноября, особенно тѣхъ, которымъ не нужно дѣлать повѣрочныхъ испытаній.

Само собою разумѣется, что экзаменаторы коммиссій должны получать за свои труды особое вознагражденіе и, прибавлю, вознагражденіе не копѣечное. Къ этой работѣ нужно привлекать лучшихъ педагоговъ, которые бы съ нею не только ничего не теряли, но еще бы выигрывали и которые слѣдственно охотно бы брались за нее и дорожили бы ею. Тогда, конечно, можно разсчитывать, что дѣло пойдетъ хорошо. Но если смотрѣть на преподавателей, какъ на существа, которыя обязаны нести на пле-

чахъ все, что начальству вздумается на нихъ навьючить, и нести безъ всякаго вознагражденія, хотя бы это и не входило въ кругъ ихъ обязанностей, опредѣленныхъ уставомъ, то, разумѣется, нечего и говорить о какихъ-либо улучшеніяхъ. Чтобъ дѣлать дѣло, нужно дать необходимыя для того средства. Странно требовать отъ однихъ и тѣхъ же лицъ постоянныхъ пожертвованій и трудомъ и временемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы платить нечѣмъ. Мы знаемъ, что платятъ хорошо даже во всемъ обезпеченнымъ солдатамъ, если ихъ назначаютъ на какую-либо особую работу, тѣмъ болѣе въ правѣ требовать этого люди, которые тяжелымъ трудомъ сами должны обезпечивать себя. Насъ спросятъ: гдѣ же взять денегъ? Конечно, слѣдуетъ брать съ тѣхъ, на кого будутъ работать. Часть должно платить государство, часть училища, и часть отдѣльныя личности. Училища, дающія своимъ ученикамъ общее образованіе и берущія съ нихъ плату, легко могутъ вынести незначительный налогъ, точно такъ и университеты и другія спеціальныя заведенія, которые требуютъ отъ поступающихъ гимназическаго аттестата. Изъ экзаменующихся люди недостаточные должны быть уволены отъ всякаго взноса, для чего они должны только представить свидѣтельства о своей несостоятельности или отъ гимназій, гдѣ они учились, или добыть ихъ другими законными путями, какъ дѣлается это и теперь. Для людей же состоятельныхъ ничего не будетъ значитъ внести нѣсколько рублей. Мы указываемъ только на источники дохода, но не входимъ въ подробныя исчисленія, для которыхъ у насъ нѣтъ всѣхъ нужныхъ данныхъ, поэтому не можемъ сказать, какая доля платы могла бы прійтись на государство.

Въ настоящее время существуютъ особыя коммиссіи для испытанія желающихъ получить право быть домашними наставниками и наставницами, уѣздными и приходскими учителями, элементарными учительницами. На ихъ положеніе также слѣдовало бы обратить вниманіе, такъ какъ оно еще невыгоднѣе положенія экзаменующихся въ гимназіяхъ. Замѣтимъ, что въ эти коммиссіи являются по большей части молодыя дѣвушки, получившія пансіонское или домашнее воспитаніе. Семь восьмыхъ изъ нихъ принадлежатъ недостаточнымъ семьямъ, которыя разсчитываютъ на ихъ труды, предназначая ихъ въ гувернантки или въ учительницы. Если рѣдкій юноша не чувствуетъ сердечнаго трепета, являясь на испытаніе къ совершенно незнакомымъ лицамъ, то что же должна чувствовать молодая дѣвушка, подъ какимъ гнетомъ страха должна она придумывать отвѣты на во-

просы экзаменатора. И замѣтимъ, что она не можетъ предварительно получить никакой опредѣленной и сколько-нибудь подробной программы, которой въ коммиссіи пока еще не существуетъ. Экзаменующейся извѣстно только, что отъ нея потребуютъ знанія гимназическаго курса; но ей извѣстно и то, что въ каждой гимназіи преподаватели вводятъ въ курсъ свои частности и подробности, что у каждаго есть свои коньки. На что же ей обратить особенное вниманіе, на какихъ частяхъ преимущественно остановиться; въ думахъ объ этомъ она теряется еще до экзамена, и ей уже кажется, что она ничего не знаетъ. Въ такомъ состояніи духа она отдается во власть не цѣлаго педагогическаго совѣта, не нѣсколькихъ экзаменаторовъ съ ассистентами, а одного человѣка, который и рѣшаетъ судьбу ея, въ то время, какъ у ея семьи идетъ рѣчь, можетъ быть, о кускѣ хлѣба...

Намъ кажется, что предлагаемая нами испытательная коммиссія могла бы заняться и этимъ трудомъ — экзаменовать на разныя педагогическія званія, тѣмъ болѣе, что этотъ экзаменъ отличается отъ гимназическаго развѣ только пробными уроками. Но эти уроки бываютъ всегда такъ каррикатурны, что теряютъ всякое педагогическое значеніе. Они похожи на выученный урокъ, который ученикъ наскоро, дрожащимъ голосомъ отвѣчаетъ своему учителю. Ничего другого никогда не можетъ и выдти изъ такихъ пробныхъ уроковъ. Можно ли требовать отъ молодой дѣвушки пробы, какъ она будетъ учить, если она еще и сама не сошла съ учебной скамейки, никогда никого не учила и никто не показывалъ ей, какъ слѣдуетъ приниматься за это дѣло; даже его самоучкой ей некогда было еще сдѣлаться. На неодобреніе пробнаго ея урока ей остается лишь повторить слова Простаковскаго Тришки: „да первый-то портной шилъ, можетъ быть, хуже моего“.

Экзаменъ на званіе гувернантокъ въ испытательной коммиссіи принесъ бы и ту важную пользу, что непремѣнно улучшилъ бы самое преподаваніе въ нашихъ частныхъ женскихъ училищахъ своими подробными программами, съ которыми стали бы соображаться преподаватели и воспитательницы. Теперь же въ пользу пансіоннаго обученія можно сказать очень немногое.

Мы не будемъ говорить объ экзаменахъ въ спеціальныхъ училищахъ высшихъ и среднихъ, мужскихъ и женскихъ, пожелаемъ только, чтобы и тамъ позаботились обработать программы испытанія и чтобы самые экзамены потеряли тотъ лотерейный характеръ, какимъ многіе изъ нихъ все еще отличаются.

Что касается до переводныхъ экзаменовъ, то ихъ мы считаемъ домашнимъ дѣломъ каждаго училища, но увѣрены, что и на нихъ окажетъ доброе вліяніе новая система окончательнаго испытанія, такъ какъ они должны будутъ подготовлять учениковъ къ этому послѣднему и конечно будутъ приноровляться и къ его пріемамъ.

Намъ остается еще сказать объ экзаменахъ совершенно особаго рода, не имѣющихъ никакого педагогическаго значенія и являющихся какимъ-то страннымъ, поражающимъ анахронизмомъ. Мы разумѣемъ экзаменъ старикамъ, выслужившимъ первый чинъ годами долгой службы. Что вы скажете о такой сценѣ: передъ вами сѣдой старикъ, задумавшійся надъ вопросомъ, гдѣ находятся Пиренеи, кто былъ Карлъ Великій, когда жилъ Борисъ Годуновъ, или не сладившій съ простой ариѳметической задачей, или надѣлавшій довольно орѳографическихъ ошибокъ въ заданномъ ему письмѣ. Онъ предвидитъ, какой результатъ выйдетъ изъ его молчанія или неудачныхъ отвѣтовъ, и начинаетъ увѣрять васъ, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ готовился къ экзамену и по такимъ-то элементарнымъ учебникамъ, но что память измѣняетъ ему, что онъ не въ силахъ запомнить всѣхъ этихъ именъ и чиселъ; онъ начинаетъ умолять васъ аттестовать его удовлетворительною отмѣткою, такъ какъ ему необходимъ чинъ, съ которымъ у него связывается вопросъ о кускѣ хлѣба для всей его семьи; наконецъ, онъ начинаетъ рыдать и съ безнадежнымъ воплемъ оставляетъ роковую для него комнату. Нужно имѣть слишкомъ загрубѣлые нервы, чтобы такія слезы старика не повернули вашего сердца, тѣмъ болѣе, что вы не можете отказать его разсужденіямъ въ основательности: зачѣмъ, говоритъ онъ, мнѣ знать на старости лѣтъ, гдѣ Пиренеи, кто былъ Карлъ Великій, когда жилъ Годуновъ, если моя служба до сихъ поръ не требовала этого, да не потребуетъ и впередъ? Зачѣмъ мнѣ эти вычисленія, безъ которыхъ я прожилъ всю свою жизнь; зачѣмъ эти грамматическія правила, если и безъ нихъ начальство признало мою службу полезною и хочетъ наградить меня, считая опытнымъ служакою? Вы скажете ему, что по закону чинъ можетъ получить только человѣкъ съ извѣстнымъ образованіемъ. Онъ, вѣроятно, ничего не отвѣтитъ на это замѣчаніе, такъ какъ для него останется загадкою, отчего человѣкъ, только что узнавшій о Пиренеяхъ, о какомъ-то Карлѣ, о Годуновѣ, вдругъ сталъ образованнѣе его; чѣмъ онъ виноватъ, что на старости лѣтъ стала тупѣть его память, и отчего же его познанія, пріобрѣтенныя долгимъ опытомъ, притомъ въ такой сферѣ, гдѣ они-то

именно и имѣютъ значеніе, отчего они считаются ни за что, а чинъ даютъ за Пиренеи да за Карла съ Годуновымъ? Въ самомъ дѣлѣ, неужели въ этихъ школьныхъ элементарныхъ познаніяхъ должно состоять образованіе чиновника, выслужившаго себѣ чинъ долгою службою? Развѣ въ сферѣ его дѣятельности не полезнѣе во сто разъ его опытность, хорошее знаніе тѣхъ дѣлъ, какія тамъ производятся, на знакомство съ которыми онъ отдавалъ все свое время, всѣ свои силы, и развѣ все это не составляетъ его настоящаго достоинства и его дѣйствительнаго образованія? И развѣ сдѣлается онъ хоть насколько-нибудь образованнѣе, если заучитъ по школьнымъ учебникамъ сотни именъ да нѣсколько десятковъ грамматическихъ правилъ? И для чего же насиловать его старческую натуру, заставляя работать и умъ и память надъ тѣмъ, для чего они уже давно сдѣлались совершенно неспособными? Для чего унижать его достоинство, заставляя разъигрывать роль школьника, а иногда доводя до отчаяннаго положенія? Все это явилось у насъ въ старое время и вытекло изъ ложнаго взгляда на образованіе, которое ограничивалось кое-какимъ знаніемъ, хотя бы даже безсмысленнымъ, нѣсколькихъ учебниковъ.

Практическія познанія во всякой службѣ имѣютъ свою цѣну и мы не видимъ причины, почему человѣка съ такими познаніями ставить ниже того, кому удалось заучить нѣсколько школьныхъ элементарныхъ познаній? Ужъ если нужно пожившему и послужившему человѣку дѣлать испытаніе, чтобы дать чинъ, то ужъ конечно испытаніе въ томъ, что̀ необходимо и важно въ извѣстной сферѣ дѣятельности, а не въ томъ, что̀ служитъ средствомъ для развитія дѣтей.

Отсюда возникаетъ вопросъ объ экзаменахъ не на первый классный чинъ, а вообще на должностныя мѣста, вопросъ, отъ котораго въ настоящее время мы удержимся, такъ какъ онъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Несостоятельность же экзаменовъ на чинъ слишкомъ очевидна, чтобъ говорить о ней что-нибудь болѣе.

Замѣтки о русской школѣ.

I.

Чего не досказали намъ нѣмецкіе педагоги.

Уже много лѣтъ мы прилежно, кажется, изучаемъ школьное дѣло, ѣздимъ за границу съ спеціальною цѣлью знакомиться со школами германскими, австрійскими, швейцарскими, бельгійскими, французскими, англійскими, шведскими, даже сѣверо-американскими, бесѣдуемъ съ извѣстными заграничными педагогами, печатаемъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ плоды своихъ наблюденій, издаемъ спеціально-педагогическіе журналы. По этой части въ нашей литературѣ накопилось много сочиненій переводныхъ и оригинальныхъ; между ними найдется нѣсколько даже замѣчательныхъ. И никто не можетъ сказать, что мы не хотимъ пользоваться плодами трудовъ и опытами другихъ народовъ. Мало этого, мы знакомились со всѣми теоріями и исторіями по педагогикѣ, переводили замѣчательныя иностранныя сочиненія, писали собственныя разсужденія по тому же предмету; словомъ, трудились внимательно и старательно, какъ слѣдуетъ европейскому народу, который наконецъ созналъ свою отсталость, прочувствовалъ ея невыгоды и захотѣлъ догнать тѣхъ, кто опередилъ его. И на ряду со всѣмъ этимъ численность нашихъ школъ все увеличивается, у насъ возникли новые типы школъ, явилась школа съ именемъ народной. Все бы, кажется, хорошо; а между тѣмъ, оказывается, что мы недовольны своею школою: она какъ будто стоитъ нетвердо, шатка, какъ будто у нея нѣтъ настоящей почвы, какъ будто она не достигаетъ той цѣли, какую указываетъ педагогія, изученная нами по иноземнымъ теоріямъ. Я не разумѣю здѣсь училищъ какого-либо одного вѣдомства, не имѣю въ виду разныхъ ихъ подраздѣленій: низшія, среднія и выс-

шія, свѣтскія и духовныя, мужскія и женскія, общеобразовательныя и спеціальныя, гражданскія и военныя, открытыя и закрытыя, гимназіи всѣхъ сортовъ, лицеи, институты, разнокалиберныя реальныя заведенія и проч. и проч. Я имѣю въ виду вообще нашу школу, т.-е. тѣ воспитательно-образовательныя средства, которыми мы пользуемся для воспитанія и образованія нашихъ дѣтей, чтобы, говоря языкомъ педагогіи приготовить человѣка для дѣйствительной жизни.

Что же за причина, что мы недовольны нашей школой? Разумѣется, изъ этого слова „мы“ выключатъ себя нѣкоторыя личности, которыя на все смотрятъ зажмуря глаза и считаютъ всякое выраженіе недовольства за преступное покушеніе на существующій порядокъ. И намъ ли, повидимому, быть недовольными, если ужъ извѣстные нѣмецкіе педагоги одобряли и системы и планы, и программы, которыя, къ стыду нашему, посылались на ихъ просвѣщенный приговоръ и на авторитетъ которыхъ мы такъ покорно полагались? Да, имъ конечно было лестно, что чужой народъ нуждается въ ихъ умѣ, не довѣряя своему собственному, хоть, можетъ быть, они и не знали убѣжденія нѣкоторыхъ нашихъ головъ, что „намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья“. Они одобрили наши проекты, но все ли они высказали, что могли бы высказать, и все ли взяли въ разсчетъ, на что указываетъ ихъ педагогическая теорія, практика и исторія? Имъ, можетъ быть, не пришло и въ голову повторять тѣ истины, которыя для нихъ такъ очевидны и общеизвѣстны. Иначе бы они сказали, что дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначается, въ связи съ его природными способностями и наклонностями, въ связи съ его семьею и общественными положеніемъ и требованіями, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой исторіи и по чужимъ опытамъ, потому что эти опыты дѣлались въ извѣстной средѣ, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время, можетъ быть, и очень продолжительное: они дѣлались не изъ подражанія кому-нибудь, а вызывались требованіями времени, согласно съ его духомъ. Они объясняются и исторіей, и характеромъ народа. Эти педагоги похвалили бы насъ, что мы изучаемъ ихъ педагогію, но при этомъ прибавили бы, что она годна во всѣхъ своихъ частяхъ для ихъ школы а для нашей, можетъ быть, и не совсѣмъ пригодится; они намъ рекомендовали бы только выведенное изъ физіологіи и психологіи, да и тутъ должны бы были прибавить, что кромѣ общей психологіи, у каждаго народа есть еще своя психологія, т.-е. извѣстное на-

правленіе духа, созданное всей обстановкой вѣковой жизни народа. Они намъ сказали бы: если вы хотите создать живую школу, то, не пренебрегая той общей наукой, до которой дошли мы, изучите, сколько можете, и свою народную психологію, пользуясь и исторіей, и современнымъ бытомъ народа, и сравненіемъ его съ другими народами. Мы не думаемъ, прибавили бы они, что русскій народъ похожъ на нѣмецкій, что его исторія имѣетъ что-нибудь общее съ нѣмецкою; не думаемъ, что и сколки или слѣпки съ нѣмецкихъ школъ не окажутся мертвыми въ жизни русскаго народа. Если бы они дали намъ такой совѣтъ, то дѣйствительно научили бы насъ уму-разуму и заставили бы внимательнѣе подумать, какимъ образомъ создать школу живую, способную развиваться въ связи съ психическими и общественными требованіями. Тогда конечно намъ стыдно было бы думать, что для школы довольно опредѣленной программы, высиженной въ кабинетѣ, довольно инструкцій, придуманныхъ какимъ-нибудь школьнымъ политикомъ, и школа будетъ жить, развиваться и приготовлять къ какой угодно дѣятельности.

Эти же самые ученые и опытные педагоги могли бы сказать и много чего другого, если бы только догадались, что собственные наши школьные опыты прежняго времени не пошли намъ въ прокъ. Они могли сказать, что они не подпускаютъ распоряжаться своими школами такихъ людей, которыхъ слѣдуетъ держать за нѣсколько верстъ отъ каждой школы, въ какихъ бы рангахъ они ни состояли, иначе горе школѣ, горе и обществу, гдѣ окажутся училища съ такими распорядителями. У насъ, сказали бы они, школьные опекуны—люди хорошо образованные, понимающіе святость школьнаго дѣла, съ чистыми помыслами объ общенародной пользѣ, но уже никакъ не люди съ юнкерскимъ образованіемъ, всплывающіе въ верхъ связями и интригами; такіе у насъ не получаютъ почетныхъ должностей при школѣ потому только, что некуда больше дѣвать неспособнаго и никуда негоднаго человѣка.

Отъ нихъ же мы услышали бы еще и такой совѣтъ: берегитесь къ педагогическимъ цѣлямъ школы примѣшивать еще какія-нибудь политическія намѣренія и идейки и къ нимъ приспособлять ваши школьныя программы и нравственность; развратомъ и гибелью будутъ они для школы, и не вкусите вы сладкихъ плодовъ отъ нея.

Не забыли бы они прибавить и другой совѣтъ: если вы хорошо вглядывались въ устройство нашихъ учебныхъ заведеній, то должны были замѣтить, что во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ

у насъ свой человѣкъ, а не иноземецъ, у котораго не можетъ быть нравственной связи ни съ нашими дѣтьми, ни съ семьями, ни съ обществомъ. Если вы хотите подражать намъ, то обратите вниманіе и на это обстоятельство. Мы хлопочемъ о томъ, чтобы наша школа могла назваться національною: въ этомъ должна заключаться ея жизнь. Совѣтуемъ и вамъ похлопотать о томъ же всѣми силами.

Но такихъ совѣтовъ и указаній въ дѣйствительности мы не слыхали, да и сами до нихъ не хотѣли додуматься. И вотъ у насъ разныя канцеляріи принялись за устройство школы, перекраивая старыя программы на новый ладъ и воображая, что въ этомъ-то и состоитъ вся суть. И явилось у насъ много типовъ школы, но вкушаемъ ли мы отъ нихъ сладкіе плоды?

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать хорошею ту школу, изъ которой выходятъ не съ любовью и благодарностью, а съ чувствомъ раздраженія и недовольства? Хороша ли та школа, о которой потомъ приходится часто вспоминать съ упрекомъ, что не дала она надлежащей подготовки ни для науки, ни для жизни? Что сказать о нравственной силѣ школы въ томъ обществѣ, гдѣ безпрестанно являются дерзкіе расхитители общественнаго достоянія, ловкіе эксплуататоры закона въ свою пользу? Конечно, воры и мошенники бываютъ всегда и вездѣ, но общество, безпечно допускающее себя обкрадывать, мало получаетъ пользы отъ школы, которая его воспитываетъ. Чего же недостаетъ нашей школѣ, чтобы она могла съ честью назваться русскою школою?

Этимъ вопросомъ мы и задаемся съ цѣлью вызвать имъ много другихъ вопросовъ, и если не рѣшить ихъ окончательно, то по крайней мѣрѣ разъяснить и поставить на видъ другимъ русскимъ педагогамъ.

II.

Старая школа и новыя основы.

Исторія нашей школы легко убѣдитъ, что въ теченіе полутораста лѣтъ она, какъ и всѣ силы народа, направлялась только одними государственными требованіями. Государство, въ своемъ стремленіи устроиться по европейскому образцу, учреждало школу для своихъ нуждъ. Она не только учила тому, что могло быть нужно для государственной службы, но снимала даже обя-

занность съ семьи воспитывать дѣтей въ кругу домашнемъ, а взяла этотъ трудъ на себя и стала воспитывать ихъ артельно. Школа нужна была для приготовленія чиновниковъ—военныхъ и гражданскихъ, и лицъ духовной іерархіи, чтобы поддерживать и укрѣплять вновь созданную государственную машину, почему она и получала значеніе преимущественно для того класса людей, которые предназначались для государственной службы; изъ него не исключалось и духовенство, которое во всемъ должно было подчиняться интересамъ государственнымъ. Имѣя въ виду свое назначеніе, школа стала воспитывать въ корпоративномъ духѣ, не задаваясь никакими особенными педагогическими цѣлями. Пріемы воспитанія заимствовались отчасти изъ старой русской семьи, которая слѣдовала совѣтамъ Домостроя, отчасти изъ воинскаго артикула. Дико было бы тогдашней школѣ слышать совѣтъ—воспитывать прежде всего человѣка. Понятіе о человѣкѣ еще не вошло въ число высшихъ понятій. Школа должна была изъ человѣка дѣлать покорнаго слугу государству, которое зато и давало ему разныя права и привилегіи. Отсюда человѣкъ воспитывался въ исключительныхъ и извращенныхъ понятіяхъ; они развивали въ немъ крайній эгоизмъ, отвлекали отъ остальной массы народа, и если онъ являлся слугою государства, то далеко не безкорыстнымъ. Опыты Екатерины II ввести въ воспитаніе педагогическія основы, которыя тогда разъяснялись европейскими учеными, не прививались къ нашей школѣ, потому что онѣ не согласовались съ цѣлями ей данными; да и примѣнять эти основы было некому. Школа дѣлала свое дѣло—готовила офицеровъ, чиновниковъ и священниковъ; они и составляли государственную интеллигенцію, которая жила на счетъ казны и народнаго рубля. Проявлялась даже крайняя мысль—взять всѣхъ дѣтей подъ государственный надзоръ и воспитать ихъ вдали отъ семей въ особыхъ заведеніяхъ; но она не долго обольщала народныхъ просвѣтителей и по своей непрактичности скоро оставлена. Явилась, наконецъ, и женская школа въ видѣ институтовъ подъ тѣмъ же самымъ надзоромъ съ цѣлью воспитать женъ для государственныхъ слугъ и воспитательницъ ихъ дѣтей. Въ томъ же корпоративномъ духѣ воспитывались и онѣ, и тѣ же воспитательные пріемы, вмѣстѣ съ розгою, взяли скоро верхъ надъ мягкими педагогическими правилами Бецкаго.

Но школы, открываемыя для общаго образованія, въ родѣ народныхъ училищъ Екатерины II или уѣздныхъ училищъ нынѣшняго столѣтія, не наполнялись охотниками учиться. Купцы и мѣщане не прочь были обучать своихъ дѣтей грамотѣ; но у нихъ

не являлось желанія вести ихъ далѣе; они инстинктивно чувствовали, что человѣку съ большимъ образованіемъ и безправному тяжело пришлось бы жить подъ чиновничьимъ произволомъ и самоуправствомъ. Кто хотѣлъ образовать своихъ дѣтей, тотъ, если могъ, старался помѣстить ихъ въ такія заведенія, откуда имъ была открыта дорога въ чиновники.

Рядомъ съ государственной школой разрѣшалось открывать и частныя, для удовлетворенія потребности семьи; однѣ изъ нихъ подготовляли малолѣтковъ въ казенныя заведенія; другія, преимущественно женскія, выправляли дѣвицъ-дворянокъ для свѣтской жизни. Настоящаго образованія онѣ давали даже менѣе, чѣмъ женскіе институты. Но онѣ имѣли тѣсную связь съ обществомъ, потому что подъ словомъ общество только и разумѣлось свѣтское общество, которое считало себя и наиболѣе образованнымъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что и всѣ частныя учебныя заведенія были также подъ строгимъ государственнымъ надзоромъ и не могли отступать отъ принятыхъ и утвержденныхъ программъ.

Какіе же плоды дала наша исключительная государственная школа, которая подъ конецъ воспитывала почти всѣхъ дѣтей дворянъ, чиновниковъ и священниковъ?

Плоды рѣзко выказались въ Крымскую войну, когда пришлось русскимъ образованнымъ людямъ заявить себя на чистоту и сдавать передъ Европою строгій экзаменъ, чтобы показать, много ли у насъ научныхъ познаній, много ли развитого ума, много ли честности, насколько мы сравнялись съ образованною Европою, насколько можемъ оправдать свое презрительное отношеніе къ новѣйшей европейской наукѣ. И на этомъ-то кровавомъ экзаменѣ пришлось убѣдиться всѣмъ, что наша школа не давала того, что именно было нужно государству и народу. Если прусскій фельдмаршалъ Мольтке утверждалъ, что нѣмцы, торжествуя надъ своими врагами, обязаны тѣмъ школьному учителю, то мы должны признаться, что за свои неудачи и пораженія мы обязаны нашей школѣ. Только виноватъ тутъ былъ не школьный учитель, а та давняя фальшь, которая была положена съ основанія школы, та полицейская педагогія, которая развилась у насъ въ школьномъ дѣлѣ, то неправильное отношеніе государства къ воспитанію, образованію и вообще къ народному просвѣщенію.

Урокъ былъ данъ понятный и чувствительный. Всѣ, повидимому, сознали громадную государственную ошибку. Всѣ сразу убѣдились, до какого плачевнаго результата должна довести

исключительная опека государства надъ всѣми народными силами. Разочарованіе было страшное: сильный и храбрый народъ оказался безсильнымъ передъ образованными врагами; общественныя его силы придавлены; а государство увидѣло себя обманутымъ тѣми самыми, которые воспитались въ его школахъ въ томъ духѣ, какой оно считало самымъ твердымъ и надежнымъ.

Идти далѣе по старому пути было уже невозможно. Пришлось сознаться, что исключительная государственность въ народной жизни, подавляющая общественный духъ, еще не составляетъ силы. Нужно было жизни дать другія основы; нужно было вызвать къ жизни общественныя силы, дать возможность сложиться какому-нибудь самостоятельному обществу. Въ этомъ духѣ начинаются благодѣтельныя преобразованія. Признается земство, какъ законная народная сила; въ основаніе общенародной жизни полагается свободный трудъ, общественное самоуправленіе и наука. Къ нашему счастію, наука не была совершенно забыта прежними школами. Являлись даровитыя личности, которыя мимо школы съумѣли образовать себя и усвоить себѣ европейскую науку, искажаемую въ школахъ по усмотрѣнію государственныхъ педагоговъ. Въ тяжелое время для науки эти личности соединялись въ небольшіе кружки, съ опасностью навлечь на себя полицейское подозрѣніе въ политическихъ замыслахъ. Они-то и явились лучшими дѣятелями въ годы преобразованія и помогли государству выполнить великое дѣло. Безъ нихъ съ несостоятельными воспитанниками старыхъ школъ трудно было бы ему вызвать народъ къ новой жизни.

Такимъ образомъ создалось у насъ новое гражданское общество; до того времени у насъ были только гражданскіе чиновники въ противоположность военнымъ. Съ этимъ вмѣстѣ и образованные люди получили свое значеніе, какъ интеллигентное общество, которое можетъ имѣть свое мнѣніе и свободно выражать его въ печати. Все это признано и утверждено государственнымъ закономъ, значитъ, и должно считаться явною и главною основою новой русской жизни. Государству было бы невыгодно отказаться отъ этихъ основъ, которыя оно признало законными, и такъ какъ оно уже прежде очень чувствительно испытало слѣдствія своего ложнаго положенія передъ подавленными силами народа, при всеобщемъ вынужденномъ молчаніи. Довольно было разъ пережить такой погромъ, чтобы не возвращаться на старую дорогу. Въ этомъ мы должны видѣть вѣрное ручательство за прочность новыхъ основъ народной жизни. Здѣсь мы говоримъ о государствѣ, а не о тѣхъ людяхъ, которые изъ прежней школы

вынесли одну близорукость и вздумали быть государственными болѣе, чѣмъ требовало само государство своими новыми законами. Подъ видомъ борьбы за права государства, они стали отстаивать свои личныя выгоды и, пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами, старались всячески мѣшать обществу развиваться на новыхъ основаніяхъ, признанныхъ закономъ. Они не замѣчали, что оказываютъ дурную услугу государству, потому что колеблютъ его законы, ставятъ его въ двусмысленное положеніе передъ тѣмъ обществомъ, которое оно само вызывало къ жизни, снова ставятъ его въ ложное положеніе. Правда, они уже много сдѣлали зла, вызвавъ явленія, какихъ, можетъ быть, не ожидали и сами; но, тѣмъ не менѣе, мы убѣждены, что они безсильны уничтожить тѣ основы, изъ которыхъ должно развиваться новое русское общество: свободный трудъ, общественное самоуправленіе, наука и гласность. Всѣ эти основы въ такой тѣсной связи между собою, что, подавивъ одну изъ нихъ, вы непремѣнно сдѣлаете всѣ другія безсильными для правильнаго развитія общественнаго организма, точно такъ, какъ, повредивъ какому-нибудь отправленію животнаго организма, вы обезсилите всѣ другія его отправленія и лишите его здоровой жизни: его нужно будетъ очень долго лѣчить искусному медику, да и онъ не всегда сладитъ съ укоренившеюся болѣзнью. Къ сожалѣнію, казенная школа не развивала такого понятія объ организмѣ, и большинство изъ насъ не оказалось на высотѣ того призванія, на какое вызывало время. Большинство изъ насъ было не приготовлено для новой дѣятельности: мы воспитались не въ той школѣ, какая нужна для нея. Большинство стало вносить свое чиновничество и въ новую общественную и земскую жизнь и мертвить своей формалистикой все, къ чему ни прикасалось.

Только теперь, послѣ горькихъ опытовъ, мы убѣдились, что намъ нужно иначе поставить свою школу.

III.

Наша преобразованная школа.

Съ перваго же пробужденія нашихъ общественныхъ силъ, съ первой думы верховной власти дать новыя живительныя основы общественной жизни, явилась мысль о непригодности нашей прежней школы, всего прежняго воспитанія по чиновническому идеалу. Онъ оказался несостоятельнымъ даже и для жизни государства,

которому изъ-за него пришлось убѣдиться въ своемъ безсиліи съ арміею мнимо-образованныхъ чиновниковъ. Но прежде эта школа все-таки имѣла нѣкоторое значеніе, потому что человѣку, хотя бы и плохо образованному, не было никакой другой дѣятельности, кромѣ государственной службы. Вся русская такъ называемая интеллигенція, правда, довольно безобразная, была только въ чиновничьемъ мірѣ, и каждый старался примкнуть къ нему, опредѣляя себѣ еще въ школѣ извѣстную всѣмъ карьеру чиновника и зная твердо табель о рангахъ. Но теперь, когда стали намѣчаться и другія поприща для русскаго образованнаго человѣка, нужно было и школѣ дать иную жизнь, нужно было и въ нее внести новые идеалы. Было произнесено живое слово: воспитывайте человѣка, а не чиновника, и все пойдетъ хорошо. Оно какъ бы просвѣтило наши умы и показало, чего недоставало прежней школѣ. Оно возвысило человѣка надъ чиномъ и вызвало честныхъ работниковъ на новый трудъ: внести въ школу идеалъ человѣка, слѣдовательно дать ей возвышенную цѣль и новое назначеніе. Но какъ же опредѣлить этотъ идеалъ, какъ воспитывать человѣка, просто человѣка, и больше ничего; понятно, что нужно было поучиться у тѣхъ народовъ, которые прежде насъ задались такой задачей. На первыхъ порахъ мы обратились къ нѣмцамъ, прельстились ихъ школою и дружно стали изучать и въ теоріи, и въ практикѣ педагогію, которую они сами для себя выработали. Съ этой стороны школьное дѣло изучено нами хорошо. Мы узнали, что воспитывать человѣка — значитъ дать свободно развиваться природнымъ его силамъ, оберегая ихъ отъ всѣхъ вредныхъ вліяній. Познакомившись съ новѣйшими выводами физіологіи и психологіи, мы узнали, какъ слѣдуетъ обращаться съ маленькимъ человѣкомъ, чтобы изъ него вышелъ хорошій взрослый человѣкъ, поняли, какъ нужно обращаться съ наукою, чтобы сдѣлать ее въ школѣ живымъ воспитательнымъ и образовательнымъ средствомъ.

Словомъ, много хорошаго, дѣльнаго и пригоднаго мы узнали изъ нѣмецкой педагогіи. Не довольствуясь и этимъ, мы стали приглядываться къ школьному дѣлу и у другихъ народовъ. Оставалось только перейти къ сравненію, чтобъ убѣдиться, что каждая образовательная школа, задавшись задачей воспитывать вообще человѣка, воспитываетъ его и какъ гражданина извѣстной земли, согласно съ требованіями реальными и идеальными своего общества, что ея характеръ и направленіе во многомъ зависятъ отъ характера и историческаго направленія всего народа, что, наконецъ, не все выработанное въ школѣ у одного

народа пригодно и живительно въ школѣ другого. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ слѣдовало позаботиться поставить и свою школу въ нѣкоторую связь съ новымъ русскимъ обществомъ и съ русскою семьею и въ то же время опредѣлить, какія отношенія государства къ школѣ могутъ назваться правильными, желательными и необходимыми. Конечно, на первыхъ порахъ намъ, можетъ быть, было бы трудно опредѣлить въ подробностяхъ всѣ связи, какія должны быть между школою, семьей и обществомъ, еще труднѣе было бы совершенно выяснить себѣ и характеръ народа и его психологію, т.-е. тѣ особенности и стремленія, какими онъ отличается отъ другихъ народовъ, потому что для этого нужно внимательно изучить исторію народа, которую мы знали очень мало, а за полтора послѣднія столѣтія и совсѣмъ не знали. Но нѣкоторую связь мы могли найти, а еще болѣе мы могли поставить школу на прочныхъ педагогическихъ основахъ и оградить ихъ такъ, чтобы не было возможности никакой посторонней силѣ исказить ихъ, чтобы школа могла развиваться свободно и правильно, не выпуская изъ виду своего настоящаго назначенія, и сближаясь все тѣснѣе съ обществомъ и семьею, которыя, наконецъ, должны бы были признать ее настоящею русскою школою, удовлетворяющею ихъ потребностямъ.

Но, къ сожалѣнію, ничего этого не случилось. У насъ остановились на чужой школѣ и стали передѣлывать прежнюю казенную школу по чужому образцу; думали, что достаточно только опредѣлить число учебныхъ предметовъ и число недѣльныхъ уроковъ по каждому предмету, достаточно ввести новыя методы, выработанныя въ чужой странѣ, устранить суровое обращеніе съ учениками, и школа будетъ дѣлать свое дѣло и доставлять людей способныхъ для каждой сферы дѣятельности. Но такъ ли вышло? Сохранила ли наша преобразованная школа тѣ педагогическія основы, о которыхъ сначала такъ много говорили?

Нѣтъ, традиція прежней школы взяла верхъ. Школою стали заправлять опять чиновники, и многіе очень сомнительнаго нравственнаго свойства, а не педагоги, голосъ которыхъ переставъ имѣть значеніе. Вмѣсто нихъ стали являться школьные мастера, шульмейстеры, которые старались только механически и, можетъ быть, даже очень добросовѣстно исполнять данныя имъ новыя или новѣйшія программы, уже не основанныя ни на гигіеническихъ, ни на психологическихъ соображеніяхъ. Школа осталась почти безъ нравственнаго вліянія на учениковъ, если не считать нравственнымъ вліяніемъ страхъ, которымъ грубо поддерживалась школьная дисциплина и который вообще соста-

вляетъ плохую воспитательную силу. Мы знаемъ воспитательное заведеніе, гдѣ деморализація доходила до возмутительной крайности отъ разлада между начальственными лицами. Мало помогали и улучшенныя методы, когда учениковъ стали обременять непосильными работами, доводя до разслабленія физическаго и умственнаго.

Такимъ образомъ, наша преобразованная школа не стала на надлежащую твердую почву и не вошла въ обновленную русскую жизнь, какъ здоровая дѣятельная сила. Она явилась особнякомъ, какимъ-то оторваннымъ отъ всего учрежденіемъ, точно растеніе, пересаженное въ другой климатъ; могла ли она не зачахнуть, если ей не дали силъ или, лучше сказать, если отъ нея устранили живительныя силы, необходимыя для развитія. Канцелярство придавило ее, какъ имъ же было придавлено и наше крестьянское самоуправленіе и во многомъ было испорчено наше земское дѣло. Понятно, что и наша интеллигенція, если подъ этими словами разумѣть наиболѣе развитую часть населенія, мало измѣнивъ свой чиновническій цвѣтъ, не слишкомъ возвысилась въ своихъ понятіяхъ и уже не могла быть зоркимъ стражемъ общественной нравственности. Она и количественно мало расширилась по всему пространству русской земли. Ея, какъ плода хорошаго школьнаго воспитанія и обученія, почти и совсѣмъ нѣтъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. А она-то и нужна была для правильнаго введенія и отстаиванія земскаго дѣла. Мѣстная или провинціальная интеллигенція безъ мѣстной школы развиться и существовать не можетъ. Всѣ гимназіи, за исключеніемъ женскихъ, и разныя среднія училища выпускали молодыхъ людей или прямо на государственную службу, или въ высшія школы, откуда уже не возвращаются они въ свою мѣстность, а ищутъ дѣятельности болѣе широкой, чѣмъ дѣятельность мѣстная. Остаются только недоучки, люди въ какомъ-нибудь отношеніи слабые или испорченные. Какую же интеллигентную силу могутъ составлять они? Чтобы могла образоваться крѣпкая мѣстная интеллигенція, которая была бы въ силахъ давать дружный отпоръ невѣжеству и своекорыстію, стремящимся исказить и обезсилить общественное дѣло, интеллигенція, которая могла бы поддержать земское общество, нужна мѣстная средняя школа, дающая полное общее образованіе. Иначе долго еще будетъ колебаться это общество, долго еще будетъ казаться не тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по своей идеѣ, признанной государствомъ, потому что одна изъ его основъ—наука,—еще слишкомъ слаба. Ее же возрастить и укрѣпить можетъ только школа.

Все, что мы говорили, относится къ средней школѣ. Низшая школа у насъ дѣло еще совершенно новое. Она ничего почти еще не выработала и не успѣла дать ожидаемыхъ плодовъ. О томъ, какъ она поставлена, будемъ говорить впослѣдствіи.

IV.

Реальная гимназія.

Въ настоящее время во многихъ семьяхъ, которыя нѣсколько лѣтъ посылаютъ своихъ дѣтей въ реальныя училища министерства народнаго просвѣщенія, слышатся тоскливые вопросы о будущей судьбѣ ихъ: они уже оканчиваютъ курсъ, но куда опредѣлить ихъ для полученія дальнѣйшаго, высшаго образованія? Въ университетъ не пускаютъ; въ другія высшія школы также начинаютъ запирать для нихъ двери, въ остальныя, при большомъ наплывѣ юношей, пріемъ оказывается довольно ограниченный, да и не каждый изъ нихъ чувствуетъ расположеніе въ той спеціальности, къ которой еще есть возможность свободно направить его. Многіе изъ нихъ были опредѣлены въ реальныя училища еще дѣтьми или по нуждѣ, потому что въ гимназіяхъ не было вакансій, или потому, что въ училище было ближе ходить ребенку, или изъ опасенія, что древніе языки будутъ ему не по силамъ. Во всякомъ случаѣ, при выборѣ нельзя было руководствоваться наклонностями мальчика, которыя еще не пробудились. Но теперь, когда неотложно нужно рѣшать вопросъ жизни, родители и ихъ дѣти чувствуютъ себя въ крайнемъ затрудненіи, которое переходитъ въ раздраженіе. И мы понимаемъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣваться молодому человѣку, получившему образованіе по правительственнымъ программамъ и не имѣющему возможности выбрать себѣ по душѣ поприще? Если бы онъ даже отказался отъ высшаго образованія, то и тогда трудно было бы найти ему какое-либо занятіе кромѣ мѣста канцелярскаго писца или конторщика у какого-нибудь подрядчика. Да и этого нужно подождать. Тѣ же кусочки спеціальныхъ познаній, какіе онъ получаетъ въ училищѣ, едва ли могутъ пробить ему дорогу къ какому-нибудь спеціальному труду. Реальныя училища не даютъ ни основательнаго общаго, ни спеціальнаго образованія, слѣдовательно, онѣ мало пригодны и для мѣстной интеллигенціи.

Нѣкоторые утѣшаются слухами, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія уже заняты вопросомъ о реальныхъ учили-

щахъ, которые будто бы намѣрены привести въ большее соотвѣтствіе съ потребностями нашей жизни; тогда какъ теперь всѣ чувствуютъ, что они совершенно оторваны отъ всего и кажутся ни на что непригодными. Но наша печать, занятая преимущественно гимназіями, мало говоритъ о другихъ типахъ среднихъ школъ министерства народнаго просвѣщенія. Не выражается ли этимъ сознаніе, что только правильно веденное гимназическое образованіе можетъ вполнѣ удовлетворить общественное требованіе, а существующій типъ реальныхъ училищъ считается мертворожденнымъ и слѣдственно неспособнымъ для преобразованія? Можетъ быть и такъ, если вспомнить, что у насъ вмѣсто реальныхъ училищъ существовали реальныя гимназіи, которымъ не дали развиться, и которыя могли бы жить, не мѣшая классическимъ.

Не прошло и десяти лѣтъ, какъ исполнилось предсказаніе одного изъ нашихъ государственныхъ лицъ, понимающихъ общественныя потребности, предсказаніе, выраженное въ 1871 году, когда разбирался проектъ по учрежденію реальныхъ училищъ: если теперь будетъ отказано въ реальныхъ гимназіяхъ съ бо́льшимъ чѣмъ въ классическихъ, преподаваніемъ наукъ точныхъ, то въ скоромъ времени придется опять заняться тѣмъ же предметомъ, ибо потребность видимо ростетъ и просьбы съ одной стороны родителей и общества, а съ другой самихъ профессоровъ (факультетовъ медицинскаго и физико-математическаго) будутъ чаще и чаще повторяться. Тогда же была высказана справедливая мысль: школа въ своемъ устройствѣ не можетъ оставаться неподвижною, но необходимо должна видоизмѣняться сообразно развитію наукъ и ихъ требованіямъ; школа есть существо живое и потому должна слѣдовать общему закону жизни, т.-е. идти впередъ и сама развиваться въ своемъ устройствѣ, въ планѣ преподаванія, въ программахъ, не касаясь только главныхъ началъ, главныхъ основаній, на которыхъ зиждется система обученія и которыя въ свою очередь основаны на законахъ ума, на законахъ духовной природы человѣка. Къ сожалѣнію, на это-то указаніе и не было обращено должнаго вниманія: наша школа пошла именно въ противорѣчіе съ этими главными началами.

Намъ кажется, что было бы ближе всего обратиться къ пересмотру устава реальныхъ гимназій 1864 года и возстановить его съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями, вызываемыми современными потребностями. Эти гимназіи, какъ общеобразовательныя заведенія, равныя классическимъ гимназіямъ, были упразд-

нены и замѣнены другими, низшаго разряда, заведеніями съ спеціальными курсами, съ тою заднею мыслію, чтобы они не могли конкурировать съ классическими гимназіями: слабость къ этимъ послѣднимъ убила первыя, что̀ повело къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Вмѣстѣ съ реальными гимназіями тогда же были обвинены и естественныя науки. Въ нихъ не только не признавалось общеобразовательнаго значенія, но и видѣлось средство къ умственному и нравственному развращенію юношества. Въ нихъ находили только матеріалъ, который будто бы привлекаетъ вниманіе учениковъ исключительно къ вопросамъ матеріальнаго міра; причемъ высказывалось убѣжденіе, что онѣ пролагаютъ путь безотрадному умственному и нравственному направленію учащихся; въ замѣнѣ древнихъ языковъ естествознаніемъ будто бы заключалась, если не единственная, то одна изъ важныхъ причинъ „такъ сильно охватившаго наше учащееся юношество матеріализма, нигилизма и самаго пагубнаго самомнѣнія“. При этомъ говорилось, что вопросъ между древними языками, какъ основою научнаго образованія, и всякимъ другимъ способомъ обученія, есть вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно и всего общества.

Нельзя не сказать, что естественныя науки нашли себѣ защиту и въ государственныхъ людяхъ, при разсмотрѣніи предположенія о реальныхъ училищахъ въ 1871 году. Въ опроверженіе высказывалась общая мысль, что наука, какъ изученіе законовъ природы и человѣческихъ обществъ, какъ изученіе явленій міра физическаго и міра духовнаго, изысканіе истины, систематическое изложеніе новой какой-либо отрасли человѣческихъ знаній, сама по себѣ можетъ сообщать только полезныя знанія и не можетъ дать вреднаго направленія ни въ религіозномъ, ни въ нравственномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Но преподаватель какого бы ни было предмета всегда имѣетъ возможность дать такое направленіе, если только захочетъ, все равно—придетъ ли онъ въ классъ съ греческой или латинской грамматикой или съ катехизисомъ Филарета, или съ исторіей хотя бы Беллярминова. Указывалось также, что чтеніе древнихъ авторовъ безпрестанно даетъ поводы вселять въ молодые умы восторженное поклоненіе республикамъ и убѣжденіе, что только при такой формѣ правленія возможны гражданскія доблести, полная честность, любовь къ истинѣ, самоотверженіе, безкорыстіе, отсутствіе раболѣпства, лести сильнымъ и пр. Изъ всего этого выводилось, что можно воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы

принести пользу или вредъ, произвести впечатлѣніе благое или вредное, бросить сѣмя доброе или насадить плевелы; слѣдовательно наука тутъ ни въ чемъ не виновата. Въ защиту естественныхъ наукъ приводились и многозначительные факты изъ тогдашней жизни: то направленіе, которое называлось вреднымъ, замѣчалось еще больше въ такихъ училищахъ, гдѣ вовсе не учили естественнымъ наукамъ, какъ, напр., въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ, напротивъ, преобладали древніе языки и предметы богословскіе.

Прочитывая возраженія, которыми въ высшей сферѣ отстаивались реальныя гимназіи, мы должны сознаться, что ихъ защитники смотрѣли глубже на всѣ дѣла и лучше понимали настоящія причины явленій жизни, которыя теперь уже можно назвать историческими. Особенное направленіе умовъ нашего юношества они объясняли направленіемъ всего общества, въ которомъ уже давно развивался духъ оппозиціи и неудовольствія вслѣдствіе долгаго неудовлетворенія многихъ законныхъ потребностей: но только взрослые люди, какъ болѣе хладнокровные и осторожные, не высказывались громко, а пылкая и неопытная юность говорила часто гораздо болѣе, чѣмъ думала, а потому и стала у всѣхъ на виду. Другую причину, возбуждающую духъ нашей молодежи, видѣли въ противорѣчіи между тѣмъ, чему учились въ школѣ, и тѣмъ, что находили въ обществѣ: въ школѣ ученикъ слышалъ уроки правдивости, честности, безкорыстія, глубокаго уваженія къ законности; въ классѣ законовѣдѣнія повторялось ему, что безъ суда никто не долженъ наказываться,— а въ дѣйствительной жизни все видѣлъ онъ наоборотъ: торжество лести, угодливости, заискиванья передъ сильными ради матеріальныхъ выгодъ, нарушеніе законовъ со стороны лицъ, поставленныхъ для того, чтобы охранять ихъ. Этимъ объясняли и то самомнѣніе нашей молодежи, какъ замѣчали противники естественныхъ наукъ, находя причину его именно въ изученіи ихъ. Мы не знаемъ, по какому силлогизму дѣлали они это заключеніе; но на нашъ взглядъ правдоподобнѣе первая причина: что̀ мудренаго, что молодой человѣкъ, вышедшій изъ школы съ своимъ идеаломъ, начиналъ считать себя выше и нравственнѣе окружающаго общества.

Что же касалось до отсутствія религіозности и извращенія нравственности, что̀ также приписывалось дѣйствію естественныхъ наукъ, для возвышенія достоинства древнихъ языковъ, то защитники науки винили въ этомъ семью и духовенство: рѣдкая семья могла развивать настоящую чистую религіозность, дер-

жась только одной обрядной стороны религіи; а большая часть законоучителей являлись людьми неумѣлыми въ педагогическомъ дѣлѣ, и ни ученіемъ, ни примѣромъ собственной жизни не могли благотворно дѣйствовать на юношество. Въ защиту тогдашней молодежи, которая огуломъ и рѣзко обвинялась въ безвѣріи, приводились и такія слова, заслуживающія особеннаго вниманія: „при обвиненіи нашей учащейся молодежи въ отсутствіи религіозности, часто впадали въ ошибку, называя безвѣріемъ, отрицаніемъ то, что было только сомнѣніемъ. Умственный процессъ сомнѣнія является въ извѣстномъ возрастѣ у людей мыслящихъ, не развлеченныхъ свѣтскими удовольствіями, и самъ по себѣ не заключаетъ ничего безотраднаго. Онъ доказываетъ дѣятельность ума, и если въ это время юноша не имѣетъ несчастія попасть подъ вліяніе злонамѣреннаго человѣка, то процессъ сомнѣнія оканчивается благополучно и приводитъ къ убѣжденіямъ, которыхъ уже никакія насмѣшки или направленныя противъ вѣры сочиненія не могутъ поколебать. Но самый процессъ умственнаго труда тяжелъ. Въ это болѣзненное время молодому человѣку можетъ быть особенно полезенъ опытный законоучитель. Осуждать молодыхъ людей за умственный процессъ сомнѣнія было бы несправедливо“...

Все это относится къ исторіи русскаго народнаго образованія; поэтому мы въ правѣ пользоваться тѣми мыслями, которыми болѣе дальновидные государственные люди хотѣли удержать однобочное направленіе въ нашей школьной системѣ, выразившееся во враждебномъ отношеніи къ наукѣ о природѣ и въ учрежденіи неспособныхъ къ жизни реальныхъ училищъ. Они справедливо не признавали за учебнымъ вѣдомствомъ силы давать направленіе всему народному воспитанію: по ихъ мысли, это вѣдомство можетъ только косвенно, до нѣкоторой степени, содѣйствовать правильному развитію юношества посредствомъ приготовленія и выбора хорошихъ учителей, заботой объ основательномъ, а не поверхностномъ обученіи всѣмъ школьнымъ предметамъ, составленіемъ хорошихъ учебниковъ,—а не посредствомъ изгнанія естественныхъ наукъ и усиленнаго обученія древнимъ языкамъ. Защитники реальныхъ гимназій тогда же предлагали, вмѣсто совершеннаго ихъ упраздненія, принять мѣры, чтобы улучшить ихъ; полагалось достаточнымъ: прибавить приготовительный и 8-й классъ, въ видахъ большей основательности ученья, не расширяя прежнихъ программъ, и ввести не обязательное, а факультативное изученіе латинскаго языка для желающихъ поступить въ университетъ на физико-математическій и меди-

цинскій факультеты. Но ихъ мнѣніе тогда не имѣло силы. Зато, можетъ быть, теперь, черезъ десять лѣтъ, оно будетъ счастливѣе. Во всякомъ же случаѣ, не лишнимъ было бы вспомнить о немъ и обратиться къ нему, такъ какъ время во многомъ оправдало ихъ болѣе, чѣмъ тѣхъ, которые тогда восторжествовали надъ ними.

Реальныя гимназіи могли бы подкрѣпить мѣстную интеллигенцію и образовать земскихъ дѣятелей.

V.

Идеальная школа.

До сихъ поръ, говоря о школѣ, мы не представляли ничего идеальнаго. Мы только указали на печальную дѣйствительность нашей школы, происшедшую отъ неправильнаго ея отношенія къ окружающимъ силамъ русской жизни. Теперь мы займемся идеальнымъ ея представленіемъ. Но спѣшимъ оговориться: подъ словомъ идеальный мы совсѣмъ не разумѣемъ что-нибудь мечтательное или невозможное. Мы хотимъ только представить тѣ условія, при которыхъ можетъ правильно и свободно развиваться русская школа. Наше представленіе покажется идеальнымъ въ томъ смыслѣ, что не всѣ еще условія у насъ налицо въ настоящее время; но рано или поздно они должны быть вызваны, если мы не хотимъ переживать тѣ корчи, какими еще недавно такъ болѣло все наше общество. Нельзя же думать, что прожитые опыты останутся для него безслѣдны. Притомъ же школа всегда имѣетъ въ виду будущее, для котораго она готовитъ дѣятелей, а въ будущемъ позволительно представлять нѣчто идеальное, потому что безъ него не было бы и совершенствованія.

Школа сама по себѣ есть не что иное, какъ извѣстный періодъ жизни несовершеннолѣтняго человѣка, которому потомъ предстоитъ сдѣлаться гражданиномъ своей земли и принять на себя извѣстныя обязанности по отношенію къ гражданскому обществу и государству. Изъ этого періода жизни онъ переходитъ въ другой, когда долженъ примкнуть къ общей дѣятельности, найти себѣ мѣсто по силамъ въ общей жизни, самъ отвѣчать за свои поступки и самъ отстаивать свое право на жизнь, самъ вносить долю добра въ общую кассу. Значитъ, ему космополитомъ и эгоистомъ вступить въ эту жизнь нельзя. Мы говоримъ про жизнь гражданскую, законно развивающуюся изъ тѣхъ началъ,

на которыя мы указали уже прежде. Чтобы эти начала не погибли въ русской жизни, общество въ правѣ требовать отъ школы, чтобы въ своемъ идеалѣ человѣка она не забывала представлять и идеалъ гражданина. И какъ бы ни былъ низокъ нравственный уровень современнаго общества, школа должна быть проникнута идеею, что только она одна можеть поднять этотъ уровень своимъ идеальнымъ представленіемъ общества. Обыденные факты должны служить отрицательными чертами этого идеала. Дѣйствительность на каждомъ шагу выставляетъ передъ нами въ общественной и государственной службѣ дѣятелей, облеченныхъ властью, которые прежде всего стараются показать свою власть и сдѣлать ее чувствительною, а о дѣлѣ, для котораго они поставлены, мало заботятся. И это встрѣчается даже въ крестьянской средѣ, между волостными и сельскими властями. Вездѣ дѣло на второмъ планѣ, а на первомъ личность съ своимъ самовластіемъ. Справедливо упрекаютъ русскихъ людей всѣхъ состояній, что у нихъ не развито чувство законности, и въ образецъ имъ ставятъ нѣмцевъ, англичанъ и другихъ европейскихъ народовъ. Но, упрекая, обыкновенно не задаются вопросомъ о причинѣ такого явленія у тысячелѣтняго народа. Если свести этотъ вопросъ на почву психическую, то оказалось бы, что развитое чувство законности въ русскихъ людяхъ было бы явленіемъ страннымъ и почти неестественнымъ. Какъ могло развиться это прекрасное чувство при вѣчномъ господствѣ одного грубаго произвола и самовластія: гдѣ была какая-нибудь власть, тамъ былъ и полный произволъ. Если понятія въ народѣ составляются отъ частныхъ впечатлѣній, которыя даетъ жизнь, то понятіе законности не могло и составиться въ русскомъ умѣ, а съ этимъ вмѣстѣ и самое чувство законности было чуждо русской совѣсти. Народъ всегда видѣлъ власть, соединенную съ произволомъ, а не съ закономъ; даже и на законъ опиралась эта власть по произволу, когда ей было выгодно. Законъ ему всегда представлялся чѣмъ-то безсильнымъ, мертвымъ, словомъ безъ яснаго значенія, чѣмъ-то зыбкимъ, на что никакъ нельзя опираться. Откуда же можно было получить вѣрныя представленія, если сама жизнь не давала ихъ? Мало того, если бы какимъ-нибудь образомъ случайно развилось въ иномъ русскомъ человѣкѣ чувство законности, которымъ бы онъ захотѣлъ руководствоваться въ своей жизни, то это дѣлалось для него источникомъ всякихъ бѣдъ и несчастій. Не говоря уже о нравственныхъ страданіяхъ при видѣ господства произвола на каждомъ шагу, ему приходилось еще бороться съ нимъ и, конечно,

дѣлаться его жертвою. Не очень поощрительный примѣръ для развитія чувства законности въ массѣ народа, которая нерѣдко поднимаетъ даже на смѣхъ такихъ пострадавшихъ законниковъ, какъ людей, думающихъ прошибить лбомъ стѣну. Русскій человѣкъ воспитывался подъ вліяніемъ произвола семейнаго, административнаго, полицейскаго; отсюда идея закона и нравственная его сила не входили въ его сознаніе, отсюда и въ жизни онъ всегда проявлялъ свою личность самымъ уродливымъ образомъ: если въ рукахъ его являлась власть, то онъ считалъ себя выше закона и старался ею подавлять личности подвластныхъ, за то и самъ дѣлался безличнымъ передъ высшей властью.

Отсюда понятно, почему у насъ недостаетъ той нравственной силы, безъ которой мы мѣшаемъ жить другъ другу. Своя воля у насъ на первомъ планѣ; свою волю мы хотимъ заявлять и въ дѣлѣ общественномъ. Отсюда и низложеніе личности также характеристическая черта въ большинствѣ русскихъ людей, собирающихся въ общество. Но общественное самоуправленіе не можетъ быть основано на произволѣ. Если государство признало за каждымъ право на свободный трудъ, право, котораго можно лишиться только по суду за преступленіе противъ закона; если оно признало и право каждаго судиться передъ всѣми за подозрѣніе въ преступленіи и быть осужденнымъ по приговору общественной совѣсти, то изъ всего этого уже само собою логически вытекаетъ господство закона и уничтоженіе произвола въ управленіи. И это неизбѣжно должно наконецъ развиться. Только нужны люди, которые бы считали своею нравственною обязанностью отстаивать законъ и подавлять власть произвола. Если семья и жизнь пока еще не могутъ воспитать такихъ людей, то остается школѣ взять на себя этотъ трудъ. Намъ, конечно, возразятъ: легко это сказать, но какъ сдѣлать? Мы пока указываемъ на тѣ необходимыя задачи, какія задаются русской школѣ потребностями нашей жизни, но какъ ихъ разрѣшить, это уже вопросъ педагогическій, о которомъ слѣдуетъ подумать нашимъ педагогамъ. Впрочемъ, я еще разъ коснусь его, когда перейду къ разсужденію о педагогической жизни школы. Обыденная жизнь еще показываетъ намъ, что въ ней слишкомъ мало слѣдовъ науки. Не говоримъ уже о людяхъ, не проходившихъ никакой школы. Но въ средѣ людей, называющихъ себя образованными, большинство какъ будто не вѣритъ въ науку, не считаетъ нужнымъ справляться съ нею и предпочитаетъ лучше дѣйствовать по собственнымъ измышленіямъ; отсюда дѣйствія наперекоръ наукѣ и часто здравому смыслу.

Недостатокъ строго логическаго мышленія слишкомъ замѣтенъ въ нашей интеллигенціи даже въ тѣхъ людяхъ, которые ставятся въ общественные и народные руководители. Непривычка вникать въ причины явленія и съ ними сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ часто приводитъ совсѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, какими задаются, и вмѣсто того, чтобы направить общественныя силы въ одну сторону, направляютъ совершенно въ противоположную. Незнакомство съ естественными законами, съ психологіей, исторіей, безпрестанно отражается на нашихъ дѣятеляхъ и крайне вредитъ общей жизни. Тамъ, гдѣ ожидаешь широкаго взгляда, основаннаго на изученіи этой жизни, тамъ не находишь даже необходимыхъ элементарныхъ познаній. Да, наконецъ, и неумѣнье изучать жизнь, дѣлать правильныя посылки и изъ нихъ логическіе выводы отличаютъ многихъ нашихъ дѣятелей. А между тѣмъ, они много лѣтъ учились въ школѣ, много лѣтъ вращались въ жизни, надъ которой могли дѣлать многосторонніе наблюденія. Но, къ сожалѣнію, учились не тому, что̀ нужно знать и умѣть общественному дѣятелю.

Отсюда ясно видно, какой трудъ общество, въ виду своихъ интересовъ, должно возложить на школу.

Наша обыденная жизнь показываетъ, что понятіе объ общественной нравственности еще не успѣло войти въ ясное сознаніе большинства русскихъ людей. Стремленіе жить только для себя или на общественный счетъ, разсчеты на одинѣ личныя выгоды, уклоненіе отъ добросовѣстнаго труда, беззастѣнчивая ложь — вотъ что отличаетъ многихъ изъ насъ въ общественной сферѣ. Еще печальнѣе, что на это зло смотрится какъ-то примирительно, безъ особеннаго негодованія, какъ будто бы иначе и быть не можетъ, что̀, конечно, поощряетъ людей, склонныхъ поживать на чужой счетъ. Отсюда видно, что чувство нравственной связи съ обществомъ и съ народомъ у насъ развито слишкомъ мало. Общественная же нравственность можетъ вытекать только изъ этого чувства. Вотъ еще требованіе, какое можно предъявить школѣ со стороны общества. Правильно поставленная школа можетъ имѣть хорошее вліяніе и на нравственное развитіе общества.

Если свободный трудъ составляетъ одну изъ основъ общественной жизни, то понятно, что общество въ правѣ заявить и еще такое требованіе: чтобы школа, задавая себѣ цѣль развивать силы физическія, умственныя и нравственныя, направляла ихъ къ производительному труду: изъ нея должны выходить въ общество люди, готовые на трудъ по своимъ силамъ,—выходитъ ли изъ школы элементарной, средней, высшей, спеціальной.

Если же школа не захочетъ знать всѣхъ этихъ потребностей русской общественной жизни, то какимъ бы наукамъ она ни учила, какую бы педагогію ни приняла въ свое основаніе, она не будетъ русскою школою, не будетъ въ ней и настоящей жизни, не будутъ выходить изъ нея и такіе люди, въ какихъ въ настоящее время сильно нуждаются государство и общество. Нравственное значеніе русской школы можетъ опредѣлиться только тѣсной связью ея съ обществомъ.

Школа и общество взаимно дѣйствуютъ другъ на друга или плодотворно, или губительно. Если общество имѣетъ силы свободно развиваться нравственно, то оно предъявляетъ и школѣ высокія требованія, отъ которыхъ она не можетъ отказываться; оно будетъ дорожить своею школою и съумѣетъ оградить ея честь отъ всякихъ клеветъ и нахальныхъ покушеній уронить ее въ общественномъ мнѣніи. Если же общественныя силы подавляются господствомъ разныхъ выходцевъ и проходимцевъ, то страдаетъ и школа, принужденная отказаться отъ своихъ высокихъ задачъ, такъ какъ въ руководители ея тогда поступаютъ люди съ развращенными холопскими наклонностями. А дурная школа всегда проводитъ въ общество людей или обезсиленныхъ, или нравственно-испорченныхъ, съ ложными понятіями о жизни, или зараженныхъ своекорыстными инстинктами.

Если школа, какъ извѣстный періодъ жизни человѣка, предназначеннаго для жизни гражданской, связывается съ періодомъ совершеннолѣтія, когда въ немъ вполнѣ выработывается нравственный идеалъ и когда нравственное его достоинство возвышается отъ сознаннаго безкорыстнаго стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру, изящному, то нельзя требовать отъ школы, чтобы она выпускала молодыхъ людей уже съ готовыми идеалами. Нравственный живительный идеалъ развивается и проникаетъ въ сердце только въ связи съ дѣйствительною общественною жизнію, и только тогда онъ можетъ назваться не мечтательнымъ, не фальшивымъ, не болѣзненнымъ, а идеаломъ здоровымъ, близкимъ къ настоящей жизни, способнымъ вызвать на энергическій и небезплодный трудъ. Школа должна приготовить духовныя силы юноши для созданія идеала, должна пробудить въ немъ безкорыстную любовь къ истинѣ, правдѣ, добру и прекрасному, и стремленія къ нимъ; но она не можетъ навязывать никакой теоріи для жизни, равно никакой исключительной идеи, которой должна быть посвящена жизнь, какъ это дѣлаютъ школы іезуитскія. Безъ этихъ оковъ долженъ вступать юноша въ жизнь, съ полной свободой выбрать себѣ поприще, лишь было бы въ немъ

живо чувство справедливости, честности, стремленіе соединить свое благо съ общимъ.

Теоріи для жизни предписывать нельзя, поэтому нельзя и подавлять тѣхъ врожденныхъ стремленій человѣка, которыя составляютъ его полную жизнь. Она-то и есть для него та приманка, которую онъ называетъ счастіемъ. А прочное счастіе возможно лишь въ предѣлахъ естественныхъ и соціальныхъ законовъ жизни. Школа должна только познакомить съ ними и убѣдить, что ихъ нельзя преступать безнаказанно. Въ этомъ и должно состоять общее школьное образованіе, если оно назначается для настоящей жизни. Съ такимъ образованіемъ человѣкъ, стремясь къ счастію,—что̀ воспретить ему никто не въ правѣ,—и уступая своему врожденному стремленію къ общественности, будетъ жить самъ и не будетъ тѣснить ничьей жизни для собственныхъ выгодъ. Это и есть вполнѣ разумная жизнь человѣка. Общественная жизнь не должна заявлять права поглощать личную его жизнь, равно какъ и личная жизнь не должна развиваться на счетъ и во вредъ общественной. При такомъ сознаніи человѣкъ не будетъ искать своего счастія тамъ, гдѣ оно можетъ быть источникомъ несчастія для другихъ.

Все это исключаетъ образованіе сословное или привилегированное, слѣдовательно, исключаетъ и школу, основанную на этихъ началахъ. Сословное общество, учреждающее свою школу, непремѣнно внесетъ въ нее крайне узкое понятіе о человѣкѣ, отчего вмѣстѣ съ нравственной порчей произойдетъ одностороннее, въ родѣ іезуитскаго, образованіе, которое приготовляетъ человѣка на вѣчное служеніе одной предвзятой идеѣ, не чуждой даже корыстной цѣли. Мы, конечно, возбудимъ сильный гнѣвъ въ нѣкоторыхъ нашихъ оберъ-педагогахъ, если скажемъ, что въ нашей школѣ, въ иныхъ ея типахъ, видится господство іезуитизма, который никогда не свяжетъ ея крѣпкими узами съ русскою семьею и съ русскимъ обществомъ; напротивъ, онъ роетъ бездну между ними; отъ него начинаютъ плакаться какъ семья, такъ и общество. Правда, онъ прикрывается благонамѣренными цѣлями, онъ хочетъ „спасти“ и семью, и общество, и государство отъ разныхъ напастей и покушеній со стороны злонамѣренныхъ людей, онъ хочетъ подавить разныя зловредныя идеи, но за этимъ сквозятъ и другія цѣли, которыя выдаютъ извѣстную партію. Нѣтъ сомнѣнія, что настоящіе іезуитскіе педагоги дѣйствуютъ съ бо̀льшимъ знаніемъ человѣческой природы, съ бо̀льшимъ умѣньемъ вести дѣло къ своей исключительной цѣли, съ большей настойчивостью и вѣрой въ свои силы, чѣмъ наши

педагоги, которые, подчинившись навязанной имъ цѣли, сами не проникались одной идеей, и потому относились къ ученикамъ безучастно, ремесленно, и не только не достигали того, къ чему гнули всѣ начальственныя предписанія, но часто толкали въ противоположную сторону, на ту дорогу, отъ которой хотѣли отвращать наше юношество. Это, конечно, уже происходило не по ихъ собственному желанію и волѣ,—въ чемъ мы не рѣшаемся упрекать ихъ,—а и по естественнымъ психическимъ законамъ. Но, къ сожалѣнію, наши оберъ-педагоги не знали этихъ законовъ, хотѣли во что бы ни стало дѣйствовать только по собственному разумѣнію на основаніи своей узкой политики и, вдавшись въ іезуитизмъ, вызвали факты для насъ очень поучительные. Мы еще разъ должны были убѣдиться, что школа не только воспитываетъ и образуетъ, но можетъ и деморализировать какъ педагоговъ, такъ и учениковъ, если ей будутъ навязываться какія-нибудь исключительныя цѣли кромѣ настоящей ея задачи. Тогда ей приходится употреблять насильственныя мѣры, чтобы удержать духовную дѣятельность развивающагося человѣка въ опредѣленныхъ узкихъ границахъ, прибѣгать къ излишнимъ запрещеніямъ, шпіонству, поголовнымъ обыскамъ и къ разнымъ крайностямъ, которыя не могутъ назваться педагогическими. Отсюда необходимое слѣдствіе—деморализація, какъ уродство, происходящее въ организмѣ, когда стѣсняется его свободное развитіе. Здѣсь дѣйствуетъ уже сама природа по своимъ вѣковѣчнымъ законамъ. Кто помогаетъ ей, тотъ всегда дождется хорошихъ плодовъ, а кто вздумаетъ хитрить надъ нею, тому придется раскаиваться.

И такъ, пользуясь уроками прошлаго, мы отрицаемъ школу, основанную на какой-либо предвзятой идеѣ. Мы утверждаемъ, что школа можетъ правильно развиваться или, лучше, жить правильною жизнію только на основаніи одной общей идеи—воспитывать человѣка для дѣйствительной жизни. А такъ какъ въ дѣйствительной жизни человѣкъ является гражданиномъ своего народа и дѣятелемъ въ обществѣ, то и наше требованіе отъ школы — не забывать этого — не будетъ исключительнымъ требованіемъ, не будетъ и предвзятой идеей, которая могла бы съузить понятіе о человѣкѣ [1]). Въ этомъ и должно состоять

[1]) Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина,—справедливо говорилъ Бѣлинскій:—въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человѣчеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину значитъ пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человѣчества и по

идеальное требованіе со стороны общества; за этимъ она имѣетъ полное право слѣдить и высказывать свое мнѣніе, предоставляя спеціалистамъ разработывать задачу, согласно съ выводами науки.

VI.

Школа и семья.

Въ школу низшую и среднюю дѣти переходятъ изъ семьи и вступаютъ во второй періодъ своей жизни. Въ этотъ періодъ продолжается физическое развитіе и начинается преобладаніе развитія разсудочнаго, образованіе идей и высшихъ понятій. Назначеніе школы — помогать этому развитію разъясненіемъ и раздѣленіемъ понятій путемъ научнымъ, въ связи съ возбужденіемъ и направленіемъ нравственныхъ силъ къ истинѣ, правдѣ, добру и прекрасному. Школа не можетъ пренебречь этой задачей и должна имѣть въ виду, что она является только на помощь семьѣ, у которой не оказывается всѣхъ средствъ, нужныхъ для дальнѣйшаго правильнаго многосторонняго развитія ребенка. Тамъ онъ развивался впечатлѣніями отъ всей окружающей жизни; они переходили у него въ представленія, они же обращались и въ чувства, которыя управляли его поступками; накопилось у него представленій довольно, но они еще не сложились въ ясныя понятія, слѣдовательно, не образовалось и ясной связи между ними, и, конечно, сознательнаго логическаго мышленія; оно еще не подкрѣпляетъ и чувства, которое легко направляетъ и къ добру, и къ злу. Въ дальнѣйшемъ психическомъ процессѣ, для того, чтобы онъ совершился постепенно, легко и правильно, необходима уже помощь людей, которые бы съумѣли воспользоваться накопленнымъ матеріаломъ въ душѣ ребенка, прибавить къ нему то, чего недостаетъ, чтобы выяснилось то или другое понятіе, и затѣмъ уже сообщеніемъ научныхъ истинъ путемъ наблюденія и опыта постепенно доводить до понятій, болѣе общихъ и отвлеченныхъ. Это-то главное дѣло и беретъ на себя школа; но для него ей нѣтъ нужды отнимать власть у семьи и устранять ея вліяніе; напротивъ, это вліяніе, какъ и вліяніе жизни, продолжаетъ за собою сохранять воспитательное значеніе.

мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому. Въ противномъ случаѣ патріотизмъ будетъ китаизмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое... и не нарадуется собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ.

Отсюда видно, что мы имѣемъ въ виду тѣхъ дѣтей, которымъ не приходится разрывать связь съ своею семьею и переселяться въ разные пансіоны, гдѣ берутся ихъ воспитывать чужіе люди. У насъ съ давнишняго времени практикуется такое пансіонское воспитаніе преимущественно въ привилегированныхъ классахъ. Государство само бралось воспитывать дѣтей, отъ которыхъ на то время ихъ семьи должны были отказываться. Слѣдовательно, тутъ не могло быть и рѣчи о связи семьи со школою. Семья осталась въ сторонѣ, а ребенокъ былъ въ полной власти пансіонскихъ и школьныхъ воспитателей. Но такое воспитаніе съ педагогической точки зрѣнія нежелательно. Оно можетъ быть оправдано только необходимостью. Въ настоящее же время, когда школы распространяются по всей русской землѣ, когда почти въ каждой семьѣ начинаетъ выясняться сознаніе необходимости посылать дѣтей въ школу, является и настоятельная нужда заняться вопросомъ объ отношеніи семьи къ школѣ или, лучше, о взаимномъ ихъ отношеніи.

Хотя на ряду съ казенными пансіонами у насъ существовали и прежде школы для приходящихъ учениковъ, но и въ нихъ былъ тотъ же взглядъ, какъ и въ первыхъ,—будто бы казенныя школы есть филантропическія заведенія, за которыя должны только благодарить; если же они не нравятся, то никто не мѣшаетъ не пользоваться ими: святое мѣсто не бываетъ пусто. Отсюда развилось совсѣмъ не педагогическое отношеніе между школою и семьею. Родители пріучены смотрѣть на школьныхъ педагоговъ только какъ на чиновное начальство, которое не нуждается ни въ чьихъ постороннихъ совѣтахъ. Они могли являться въ школу какъ покорные просители, а заявлять какія-либо претензіи дозволялось только лицу, которое оффиціально поставлено на видной ступени. Всѣ же прочіе боялись своими заявленіями прогнѣвить начальство, чтобы оно не выместило своего гнѣва на ученикѣ. Бывали начальства и такія, которыя вторгались въ порядки самой семьи, выдавая ученикамъ инструкціи, какъ проводить время въ домашнемъ кругу, и такимъ образомъ хотѣли поставить учащагося въ самой семьѣ внѣ ея вліянія. Съ этими крайностями еще можно было бы примириться, если бы онѣ приводили къ настоящимъ цѣлямъ воспитанія. На самомъ же дѣлѣ, стремясь изъ члена семьи сдѣлать простого жильца или нахлѣбника, они подрывали естественныя взаимныя отношенія между ними, и ставили семью въ ложное положеніе. Отсюда и въ школѣ, и въ семьѣ не развилось яснаго сознанія, что они совокупно дѣлаютъ одно и то же дѣло, и притомъ такое дѣло,

на которомъ рознь, такъ или иначе, непремѣнно отзовется дурно. У насъ семья насильственно подчинена школѣ, а школа стоитъ внѣ контроля семьи; ученикъ же долженъ стоять между ними въ положеніи, крайне неопредѣленномъ и часто двусмысленномъ. Съ одной стороны, онъ слышитъ въ своей семьѣ сужденія неблагопріятныя для его школы, съ другой стороны въ школѣ долженъ подчиняться распоряженіямъ, которыя не одобрялись семьею, но о которыхъ она не заявляла школѣ своего мнѣнія. Семья находитъ въ школѣ несправедливости, но вмѣсто того, чтобы заявить ей, молчитъ въ виду разныхъ опасеній за своего учащагося члена и, въ то же время, убѣждаетъ его терпѣливо выносить несправедливости, чтобы не накликать на себя какой-нибудь кары. Гдѣ же тутъ нравственное вліяніе? Не должна ли молодая натура привыкнуть къ увертливости, убѣдиться въ выгодѣ—угождать и нашимъ, и вашимъ? Никогда этого не можетъ быть, какъ скоро между школою и семьею образуются болѣе правильныя отношенія. Школа должна искать себѣ помощи въ семьѣ, призывать ее на свои совѣщанія, выслушивать ея требованія; семья же должна смотрѣть на школу какъ на свою помощницу въ дѣлѣ, которое ей ближе всего, по котораго она одна не можетъ выполнить. Отсюда и та, и другая должны признать свои права совершенно равными.

Въ настоящее время въ большинствѣ нашихъ школъ видится преобладаніе взглядовъ „Домостроя“ на человѣческую натуру, что̀ показываетъ полное незнакомство съ законами духовнаго развитія и что̀ должно было случиться при невѣжественномъ отношеніи къ наукѣ о природѣ и человѣкѣ. „Домострой“ думалъ, что наклонность къ злу врождена человѣку, и потому при воспитаніи необходимо всяческими мѣрами подавлять ее и никакимъ образомъ не довѣрять ребенку, а постоянно стоять на стражѣ съ запрещеніями и съ наказаніями. Наша оффиціальная школа пошла даже дальше этого; она стала подозрѣвать и въ самыхъ родителяхъ ту же наклонность къ злу, и къ нимъ стала выказывать такое же недовѣріе, какъ и къ своимъ ученикамъ. Лишая дѣтей свободнаго развитія, она хотѣла забрать въ свои руки и ихъ родителей, которымъ, скрѣпя сердце, приходилось подчиняться ей подъ угрозою исключенія дѣтей изъ училища. Вѣрная характеристика отношенія нашей школы къ ученикамъ, а черезъ нихъ и къ семьѣ сдѣлана г. Павловымъ въ статьѣ о гимназіяхъ („Русь“, № 12):

„Гимназическія правила отъ начала до конца пропитаны мелочною подозрительностью, духомъ строгой до невозможности

доходящей регламентаціи. Предписывается классным наставникамъ осматривать, обыскивать дѣтей при приходѣ ихъ въ гимназію, чтобы они не носили съ собою ненужныхъ для ученія или вредныхъ предметовъ, слѣдить за добронравіемъ ихъ и въ свободное время, и на улицѣ, и дома... Предписывается родителямъ ученика, если онъ захвораетъ, въ тотъ же день увѣдомлять письменно, что онъ былъ боленъ, иначе отсутствіе его сочтется самовольнымъ, а болѣзнь вымышленнымъ предлогомъ; предписываются сложныя мѣры, чтобы дѣти не скрывали отъ родителей или не поддѣлывали отмѣтокъ, выставляемыхъ въ ихъ тетрадки учителями. Предписывается чуть не настроеніе духа, въ какомъ дѣти должны находиться. Принятое въ основаніе начало недовѣрія развивается послѣдовательно: подозрительность не ограничивается дѣтьми, она распространяется и на взрослыхъ: и на родителей, и на преподавателей, и на воспитателей. Устраивается надзоръ за надзирающими, руководство для руководителей... Что же достигается? Къ сожалѣнію, прямо противоположное тому, чего желали и надѣялись достигнуть. Недовѣріе учащихъ къ учащимся, начальствующихъ къ подчиненнымъ вызываетъ недовѣріе учащихся къ учащимъ, подчиненныхъ къ начальствующимъ, порывается внутренняя нравственная связь, составляющая силу и достоинство школы; взаимное отчужденіе вносится въ дѣло, успѣхъ котораго зависитъ отъ единодушной совокупности усилій; правдивая искренность отношеній замѣняется формальною фальшью. Подозрительность создаетъ то зло, котораго безпрестанно доискиваются. Предосторожности, принимаемыя, чтобы поймать дѣтей на дурныхъ мысляхъ, на обманѣ и лжи, чтобы понудить учителей къ усердію, наводятъ дѣтей на дурныя мысли, на обманъ и на ложь... Произвольно оскорбляемое чувство нравственнаго достоинства притупляется, пропадаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ пропадаетъ и основа всего хорошаго, благороднаго. Пусть порядочный человѣкъ припомнитъ себя двѣнадцати, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и представитъ себѣ, какъ подѣйствовало бы на него, если бы его каждый день передъ началомъ ученія обыскивали, словно завѣдомо-безчестнаго мошенника. Признаемся, намъ страшно остановиться мыслію на чувствѣ, какое должно вызвать въ неиспорченномъ мальчикѣ такое обращеніе. А такъ, однако, обращаются съ нашими дѣтьми“.

Послѣ этого, зачѣмъ же было обращаться къ нѣмецкимъ педагогамъ и прикидываться, что мы уважаемъ ихъ науку, когда на дѣлѣ оказалось, что руководители нашей школы не знали даже азбуки современной педагогіи и устраивали все на

перекоръ ей. Вотъ до чего можетъ дойти школа, чуждающаяся семьи и общества и отданная во власть одной партіи. Кстати, представимъ здѣсь другую характеристику, сдѣланную елизаветградскимъ земствомъ, которое отстаивало свое реальное училище отъ подновленной педагогіи „Домостроя“ [1]).

„Гласное обсужденіе въ земскомъ собраніи дѣлъ училища, свободное посѣщеніе уроковъ родителями сроднили общество съ училищемъ и пріобрѣли ему уваженіе родителей, которое перенеслось и на дѣтей. Дѣти-ученики охотно подчинялись даже строгимъ мѣрамъ дисциплины и пріучались гордиться именемъ своего училища. Поэтому исключеніе ученика—рѣдкій случай въ жизни училища. Довѣріе общества къ школѣ особенно проявилось въ тяжелое время броженія среди молодежи: родители, опекуны, замѣчая за своими дѣтьми даже малѣйшее увлеченіе пагубными идеями, не страшась за послѣдствія, обращались непосредственно къ училищу за помощью и общими усиліями охраняли дѣтей отъ разныхъ вѣяній времени, отвлекая ихъ отъ вредныхъ или сомнительныхъ знакомствъ и доставляя занятія и развлеченія въ свободное время въ самомъ училищѣ. Усилія эти не остались безплодны; ни одинъ воспитанникъ елизаветградскаго реальнаго училища не былъ даже косвенно привлеченъ къ политическимъ процессамъ. Въ противоположность этому въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки скрываются по большей части отъ директора и педагогическаго совѣта: родители, узнавъ что-нибудь, не рѣшаются заявить о томъ директору, зная, что дѣти ихъ, въ такомъ случаѣ, непремѣнно сдѣлаются отвѣтственными или передъ начальствомъ учебнаго заведенія, или передъ своими товарищами. Поэтому-то земство и предпочитало въ теченіе долгаго періода оставлять своихъ дѣтей лучше безъ правъ, нежели безъ надзора семьи“.

Итакъ, благотворность правильныхъ взаимныхъ отношеній школы и семьи доказана уже на дѣлѣ, и нужно ли послѣ этого доказывать то же самое теоретически. Мы только прибавимъ, что такія отношенія крайне желательны въ виду той пользы, какую школа должна приносить обществу. А между обществомъ и семьею существуетъ неразрывная связь, и интересы ихъ тѣсно соприкасаются, если не сливаются. И если у общества, принимающаго въ свою среду молодыхъ людей изъ школы, нельзя отнять права требовать отъ нихъ извѣстнаго умственнаго и нравственнаго развитія, то и семьѣ нельзя отказать въ правѣ слѣ-

[1]) „Голосъ“, 1880 г. № 328.

дить за образованіемъ своихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, когда родители платятъ за ихъ обученіе и уже этимъ покупаютъ себѣ право предъявлять школѣ свои требованія.

Выдумывать форму, въ какой должна выражаться связь семьи и школы, мы не беремся; по нашему мнѣнію, она должна выработаться самою жизнью. Нужно сначала только поставить ихъ въ близкія взаимныя отношенія и найти имъ возможность часто соприкасаться другъ съ другомъ при сознаніи, что онѣ призваны дѣлать одно дѣло — воспитывать молодую натуру для разумной человѣческой жизни. Мѣстныя условія, конечно, должны будутъ имѣть вліяніе на эту форму, и уже поэтому нельзя придумывать заранѣе какой-нибудь опредѣленной формы. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ окажется удобнымъ составлять совѣты съ выборными изъ родителей учениковъ и съ депутатомъ отъ школы для разъясненія тѣхъ или другихъ ея порядковъ, совѣты, куда родители могли бы обращаться со своими недоумѣніями, неудовольствіями и жалобами на школу. Дѣло совѣта разсматривать и разбирать эти заявленія, и если они окажутся основательными, то обращаться къ педагогическому совѣту школы съ просьбою обсудить ихъ и сдѣлать распоряженія, какія онъ признаетъ нужными съ педагогической точки.

Мы знаемъ, что намъ укажутъ на неразвитость большей части русскихъ семей, которыя относятся легкомысленно къ воспитанію своихъ дѣтей и даже портятъ ихъ, скажутъ, что въ дѣйствительности школѣ до сихъ поръ приходилось больше бороться съ дурными вліяніями семьи, а не вступать съ нею въ союзъ. Этотъ фактъ признаемъ и мы, но къ нему прибавляемъ, что въ семьѣ нерѣдко приходилось плакать отъ школы за ея исключительно-формальное чиновническое отношеніе къ дѣлу, за ея безучастіе къ нуждамъ семьи, а иногда и за оскорбительное высокомѣріе и самомнѣніе въ непогрѣшимости. Нѣтъ спору, что наша семья, за небольшими исключеніями, доставляетъ школѣ не лучшій матеріалъ; но и школа вооружалась не тѣми средствами для борьбы, какія ей наиболѣе приличны. Она не старалась привлечь къ себѣ семьи, чтобы вызвать ихъ довѣріе и откровенность и имѣть на нихъ нравственное вліяніе; она не была такъ снисходительна къ нимъ, чтобы онѣ охотно и безъ страха прибѣгали къ ея помощи и совѣтамъ; она чаще карала ихъ черезъ дѣтей, чѣмъ руководила и направляла. За нею та вина, что она не улучшила нашей семьи; а это она могла бы сдѣлать, если бы задавалась дѣйствительными педагогическими цѣлями. Но всѣмъ этимъ мы не хотимъ оправдывать русской

семьи въ рѣзкихъ ея недостаткахъ и снимать съ нея отвѣтственности. Она у насъ деморализована во всѣхъ сословіяхъ народа отъ низшихъ до высшихъ, а главною причиною этой деморализаціи является все тотъ же историческій русскій произволъ. Онъ господствовалъ не только въ сферѣ общественной, но и семейной. Молодое поколѣніе возрастало не подъ впечатлѣніемъ опредѣленнаго семейнаго порядка, которому бы всѣ охотно въ семьѣ подчинялись, который бы имѣлъ силу закона, сдерживающаго порывы недисциплинированной натуры, но не подавляющаго личность. Въ семьѣ обыкновенно произволъ одного былъ закономъ для всѣхъ другихъ: „моему нраву не препятствуй“ — былъ весь кодексъ, съ которымъ приходилось сообразоваться младшимъ членамъ семьи. Въ большинствѣ, разумѣется, господствовалъ отецъ семейства, но случалось, что въ свои руки забирала власть и какая-нибудь Простакова, и все должно было плясать по ея дудкѣ. Еще хуже, когда находила коса на камень, и произволъ одного наталкивался на произволъ другого; начинались семейные супружескіе раздоры, подъ впечатлѣніемъ отъ которыхъ и росли дѣти. Произволъ не только не допускаетъ развиться и окрѣпнуть какому-нибудь разумному порядку въ домѣ, не только подавляетъ свободное развитіе личности, но всегда соединяется съ грубою угрозою. Выростая подъ впечатлѣніемъ всей этой семейной безпорядочности, младшіе члены семьи привыкаютъ повиноваться только изъ страха, а не изъ чувства законности, котораго и не могло у нихъ развиться въ средѣ произвола. Зато почувствовавъ себя вдали отъ страха, они не знаютъ предѣловъ своей распущенности и также начинаютъ практиковать теорію „моему нраву не препятствуй“. У нихъ не оказывается никакой другой сдерживающей нравственной силы, потому что всѣ дѣтскія впечатлѣнія отъ семейной жизни могли развить только понятіе о произволѣ и о подчиненіи силѣ физической.

Такимъ образомъ, въ натурахъ даровитыхъ развивалась распущенность, въ натурахъ слабыхъ являлась забитость. Обстоятельства жизни еще могутъ дѣйствовать на первыхъ воспитательнымъ образомъ, а вторые навсегда остаются несчастными жертвами произвола.

Въ семьяхъ низшихъ слоевъ еще продолжаютъ сохраняться нѣкоторыя, хотя и слабыя, традиціи, которыя все же поддерживаютъ хоть какой-нибудь порядокъ и на которыя не рѣшается покушаться и грубый произволъ. Но въ семьяхъ съ претензіей на цивилизацію они утратились или позабылись, а цивилизація

болѣе внѣшняя, формальная, не въ силахъ была устранить стараго произвола, который находилъ себѣ поддержку въ произволѣ общественномъ или, лучше, служебномъ. Отсюда полная семейная безпорядочность являлась плохой воспитательной силою. Русскихъ дѣтей, обыкновенно, упрекаютъ въ невыдержанности; но выдержанность можетъ развиться только въ семьѣ, гдѣ есть свои строгіе порядки, которымъ подчиняются безпрекословно рѣшительно всѣ ея члены. Какую же выдержанность можетъ большинство русскихъ дѣтей вынести изъ своихъ семей? Впрочемъ, на нашихъ глазахъ зародились другія семьи: отцы или матери, познавъ на себѣ растлѣвающее дѣйствіе семейнаго произвола въ воспитаніи, отказались отъ него; но въ то же время почувствовали и свое безсиліе имѣть нравственный перевѣсъ надъ своими дѣтьми; они не съумѣли установить въ семьѣ тотъ крѣпкій порядокъ, который былъ бы закономъ для всѣхъ. Безпорядочность здѣсь явилась не вслѣдствіе произвола старшаго, а отъ его безхарактерности или равнодушія. Дѣти, предоставленныя своей волѣ, тотчасъ же проявили и своеволіе, и свой собственный произволъ и, не сдерживаемыя ничѣмъ, сдѣлались неспособными подчиняться какому-либо порядку. Здѣсь только перемѣнились роли, но воспитаніе нисколько не выиграло. Не ясно ли, что такія семьи не могутъ воспитывать для общественной дѣятельности, которая требуетъ развитого чувства законности и не должна допускать проявленіе какого-либо произвола? Тутъ ужъ необходимо школѣ взять на себя трудъ исправить дѣло семьи. Можетъ быть, нѣмецкая школьная педагогія и не укажетъ средства для этого, потому что самая нѣмецкая семья сложилась иначе, и отъ школы не требуется прибѣгать къ особеннымъ средствамъ, чтобы вызвать чувство, которое и безъ того выносится изъ семьи. Нѣмецкая педагогія не знаетъ нашихъ недостатковъ и на многое не отвѣтитъ намъ, на что мы предъявляемъ свои вопросы. Намъ нужно самимъ изучать и свою семью, и характеръ своего народа, чтобы внести въ свою школу воспитательныя силы, словомъ, намъ нужно выработать свою педагогію. Къ сожалѣнію, изучая нѣмецкую школу, мы почти не обращали вниманія на ея зависимость отъ семьи и общества; мы могли вглядываться только въ ея педагогическую внѣшность, потому что смотрѣли на нее, какъ она есть въ четырехъ стѣнахъ; это было намъ и сподручно, такъ какъ требовало очень немногаго времени; но чтобъ познакомиться съ жизненными силами школы нужно прожить около нея нѣсколько мѣсяцевъ. Это уже совсѣмъ иной трудъ.

Нѣмецкій ребенокъ приходитъ въ школу не съ тѣми впечатлѣніями, съ какими является русскій, а дѣтскія впечатлѣнія составляютъ основаніе той работы, которую должна начать школа. Характеръ народа отражается и въ ребенкѣ, народная психологія, по наслѣдственности, проявляется и въ немъ. Вотъ куда должна проникнуть наша педагогія, чтобы выяснять свои задачи. Напримѣръ, русскому ребенку, за небольшимъ исключеніемъ, почти не приходится слышать отъ отца или дѣда, что онъ пользуется наслѣдственно трудомъ, накопленнымъ прежними поколѣніями; у него нѣтъ впечатлѣній отъ того вѣкового труда, который бы напоминалъ ему жизнь его прадѣдовъ. Ни онъ, ни его отецъ не знаютъ видимой его связи съ прежними его поколѣніями. Повторю слова, которыя разъ мнѣ пришлось высказать въ другомъ мѣстѣ: Что выпало на долю русскаго человѣка? кто живетъ въ хижинѣ своего дѣда? Она сгорѣла при его отцѣ, когда погорѣла вся деревня; съ нею сгорѣло и все домашнее имущество: пришлось заводиться вновь всѣмъ хозяйствомъ; но на-завтра и оно можетъ обратиться въ пепелъ; опять нужно особенное напряженіе силъ, чтобы обзаводиться всѣмъ необходимымъ. Многіе ли изъ русскихъ людей даже молятся въ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ молились ихъ дѣды и прадѣды? Какое наслѣдство сохранилось отъ нихъ? Развѣ корни отъ вырубленныхъ лѣсовъ? Чѣмъ пользуются внуки отъ своихъ дѣдовъ, какой запасъ труда облегчаетъ имъ жизнь? Почти каждому приходится начинать сначала, а иногда видѣть, какъ на его глазахъ гибнутъ собственныя его работы. Развѣ одно кладбище составляетъ связь между поколѣніями, да преданія о прежнихъ невеселыхъ временахъ. Какая же идея прочности могла развиваться тутъ, какая забота о наслѣдственной передачѣ дѣтямъ и внукамъ запаса дѣдовскихъ, отцовскихъ и своихъ собственныхъ трудовъ? Терпѣливость, выносливость, а съ ними находчивость, изобрѣтательность голяка сдѣлались наслѣдственными качествами русскаго человѣка. Не этимъ ли объясняется и та порывчатость его духа въ дѣятельности: онъ быстро увлекается, въ нуждѣ напрягаетъ всѣ свои силы и въ эти моменты дѣлаетъ чрезвычайно много, большой шагъ; но такое напряженіе силъ, естественно, не можетъ долго выдерживать; является утомленіе, потребность продолжительнаго отдыха, отсюда и остановка въ работѣ, или конецъ ея додѣлывается кое-какъ. Все это нужно считать наслѣдственнымъ въ русскомъ характерѣ, все это постоянно вызывалось и поддерживалось нуждою, бѣдою и наконецъ сдѣлалось отличительною чертою, которая уже стала проявляться и въ

простыхъ дѣлахъ, не только въ массѣ народа, но въ большинствѣ отдѣльныхъ и весьма даровитыхъ личностей всѣхъ сословій, не исключая и интеллигентнаго класса.

Такой порывчатости нѣтъ въ нѣмецкомъ характерѣ; въ немъ больше ровности, постоянства, духъ его работаетъ медленно, упорно, неослабно, настойчиво; у него нѣтъ причины скоро утомляться, чувствовать потребность въ болѣе или менѣе продолжительномъ отдыхѣ; зато у него является усидчивость, осмотрительность и тщательность въ трудѣ; обломовщина ему непонятна, тогда какъ мы можемъ находить въ ней даже поэзію. Условія и обстановка западнаго человѣка должны были непремѣнно имѣть вліяніе на настроеніе его духа. Передъ его глазами постоянно огромный запасъ труда отъ прежнихъ поколѣній: крестьянинъ живетъ въ домѣ, построенномъ его дѣдомъ или прадѣдомъ; спускается куда-нибудь къ колодцу по лѣстницѣ, которую выкладывалъ камнемъ, быть можетъ, дѣдъ его дѣда; его огородъ обнесенъ каменною стѣною тоже однимъ изъ его предковъ; его садъ также разведенъ не имъ; онъ ощутительно пользуется трудами своихъ предковъ и для него дѣлается обязательнымъ поддерживать ихъ работы, прибавлять къ нимъ свои и передавать все вмѣстѣ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Онъ чувствуетъ значеніе прочности труда: съ нею соединяется благосостояніе его наслѣдниковъ. Аккуратность, точность, внимательность у него уже давно обратились въ наслѣдственность и сдѣлались народною чертою характера. Мы любимъ защищать изученіе древнихъ языковъ въ школѣ указаніемъ на нѣмецкую ученую усидчивость, кропотливость и другія качества, въ полной увѣренности, что древніе языки развили ихъ. А на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, наоборотъ: эти самыя наслѣдственныя качества поддерживаютъ тамъ древніе языки, потому что пришлись по народному характеру.

Если біографы обращаются къ дѣтству великихъ людей и въ немъ отыскиваютъ впечатлѣнія, которыми потомъ объясняютъ направленіе ихъ духа въ юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ, то отчего же изъ числа воспитательныхъ впечатлѣній исключать и впечатлѣнія обыкновенныя, ежедневныя, общія, которыя тѣмъ болѣе должны имѣть вліяніе на направленіе духа всего народа. Мы твердо убѣждены, что жилища и связанныя съ ними воспоминанія имѣютъ свое значеніе въ исторіи развитія народнаго духа или въ народной психологіи. Мы даже думаемъ: натуралисты и медики могли бы доказать намъ, что и свойства напитковъ, которые постоянно употребляетъ каждый народъ и ко-

торые возбудительно дѣйствуютъ на нервы, также остается не безъ вліянія на натуру поколѣній. Русская водка и нѣмецкое пиво вѣрно дѣйствовали не одинакимъ образомъ и оставили не одинакіе наслѣдственные слѣды у народовъ.

Все это отступленіе мы сдѣлали для того, чтобы показать, съ какой стороны мы должны приняться изучать народъ, если хотимъ выяснить себѣ его психологію. Безъ этого же мы не поймемъ многихъ типическихъ особенностей нашей семьи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не подмѣтимъ тѣхъ впечатлѣній, которыя образуютъ душу русскаго ребенка.

Нѣкоторыя семьи изъ русской интеллигенціи уже давно поставлены въ другія условія жизни и выращиваютъ дѣтей подъ другими воспитательными впечатлѣніями, но все же во многихъ изъ нихъ должны были сохраниться нѣкоторыя наслѣдственныя народныя черты, хотя иныя и въ слабой степени, особенно въ тѣхъ семьяхъ, которымъ приходилось жить въ деревняхъ и слѣдственно вызывать эти наслѣдственные слѣды тѣми же впечатлѣніями, какъ отъ природы, такъ и отъ окружающей жизни. И для нихъ пригодятся тѣ выводы, какіе наша педагогія можетъ сдѣлать изъ наблюденій надъ исторической духовной жизнью народа. Но, кромѣ того, наша интеллигентная семья накопила и свои особенности, которыя проходятъ не безъ впечатлѣнія на подростающаго ребенка.

Собственно отъ идеальной семьи, за небольшими исключеніями, очень далека и русская интеллигентная семья. Кромѣ того, что она сложилась не на основахъ равенства, подъ вліяніями старой жизни, въ ней вредно дѣйствуетъ и превратное воспитаніе, равно какъ и недостаточное образованіе матерей. Хотя у насъ и много писали объ этомъ, но непосредственно на семью все то мало подѣйствовало. Какъ ни разнообразны типы нашихъ матерей, какъ ни много хорошихъ качествъ можно найти въ нихъ, но всѣмъ имъ недостаетъ одного: онѣ не приготовлены быть матерями гражданъ по тому идеалу человѣка, который выставляется на видъ и школѣ, и который связываетъ и семью, и школу въ одно съ обществомъ и государствомъ. Собственные ихъ идеалы или продолжаютъ цѣпляться за прежнее свѣтское общество, въ которомъ частенько находили себѣ покровительство даже Молчалины, или закупориваются въ гнѣзда, которыя у нихъ называются семьями, и въ которыхъ на вѣкъ хотѣли бы удержать своихъ птенцовъ, не помышляя о томъ, что однихъ семейныхъ добродѣтелей слишкомъ мало человѣку для общественно-гражданской жизни. Такія матери думаютъ воспитать благодарныхъ дѣтей,

чтобы утѣшаться ими на старости: онѣ сознаютъ свои семейныя обязанности, но не сознаютъ обязанностей общественныхъ. Многія изъ нихъ рано начинаютъ думать о томъ, какъ бы выгоднѣе пристроить своихъ дѣтей, но очень немногія задумываются, какимъ путемъ повести ихъ, чтобы воспитать изъ нихъ хорошихъ гражданъ. Общественное чувство у нихъ развито еще слишкомъ мало; отсюда и ихъ идеалы не поднялись на ту высоту, на которой должны стоять, чтобы семья исполнила свое настоящее призваніе—воспитывала бы человѣка на добро всѣмъ людямъ. Намъ скажутъ, что и отцы семейства не многіе могутъ блеснуть такимъ идеаломъ. Конечно, такъ; но мы говоримъ, что семью можетъ поднять только идеалъ матери. Для этого же нужно ей иное образованіе, и мы глубоко сожалѣемъ, что наша женская школа вращалась только въ вопросахъ о программахъ съ большими опасеніями, какъ бы не дать женщинѣ чего-нибудь лишняго, и не намѣтила себѣ никакого здороваго идеала. Зная, что она готовитъ будущихъ матерей, она забыла, что этимъ матерямъ придется воспитывать гражданъ, которымъ мало пользы будетъ отъ того, что ихъ мать отличалась безупречной французской орѳографіей и умѣла твердо выучивать уроки, набираясь всего понемножку и ничего цѣлаго и основательнаго. Чтобы воспитывать человѣка, нужно не только знать его природу, но и выработать въ себѣ высшее понятіе о человѣкѣ, вотъ о чемъ должна позаботиться школа. Но безъ серьезнаго отношенія къ наукѣ сдѣлать этого нельзя. А этого-то отношенія и нѣтъ у насъ почти ни въ какой школѣ, и нѣтъ потому, что не замѣчается вѣры въ науку. Учатъ для того, что нужно же чему-нибудь учить, если заводятся школы; отсюда и въ ученьѣ нѣтъ никакого единства, нѣтъ никакой конечной цѣли. Отсюда и странная боязнь, чтобы отъ науки не пострадали благонравіе, благочестіе, скромность, женственность и пр., пр. Какихъ же высокихъ идеаловъ мы можемъ ожидать отъ женщины, когда самые школьные ея воспитатели думаютъ сберегать нравственныя ея качества невѣжествомъ? Какую же пользу могутъ принести наукою, когда въ нее не вѣрятъ, когда боятся, чтобъ она не развратила нравственности? Пока не будетъ вѣры въ науку, до тѣхъ поръ и образованіе женщины не будетъ плодотворно для семьи, которая ждетъ новыхъ идеаловъ. Улучшеніе нашей семьи должно выйти изъ школы. Отсюда ясно, что школа не въ правѣ и сѣтовать на семью.

А между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ семьяхъ видятся стремленія, которыя опередили школу, стремленія образовать дѣтей по новому

идеалу, хотя и не вполнѣ выясненному; но сколько тутъ является ошибокъ отъ недостатка даже элементарныхъ научныхъ познаній, нужныхъ для правильнаго воспитанія; сколько неясныхъ понятій, которыя ведутъ къ непоправимому злу. Торопятся въ умственномъ развитіи дѣтей, не зная законовъ этого развитія, истощаютъ физическія ихъ силы или, вмѣсто развитія, доводятъ до отупленія; нерѣдки случаи и гибельныхъ послѣдствій отъ неумѣлости вести дѣло. Изъ этихъ же семей выходили юноши съ крайне болѣзненнымъ самолюбіемъ, которое оскорблялось отъ всякаго къ себѣ невниманія, и въ то же время совершенно не готовые на борьбу съ жизнію. При первыхъ неудачахъ она дѣлалась имъ противна, и слѣдствіе—самоубійство. Развитіе личности, вызванное прежнимъ господствомъ семейнаго произвола, не доводило вмѣстѣ съ тѣмъ до сознанія, что въ обществѣ достойнымъ образомъ проявить свою личность можно только въ борьбѣ съ произволомъ, настаивая на законѣ и внося въ жизнь идею законности. Отъ недостатка такого сознанія выказывается крайняя снисходительность къ себѣ и такая же строгость къ другимъ, что уже представляетъ не лучшіе задатки для общественной дѣятельности и что легко снова можетъ привести къ произволу.

Рѣшая теоретически вопросъ о желанной связи семьи и школы, можно выставить требованіе: школа соединяется съ семьею одною цѣлью, раздѣляя съ нею воспитательный трудъ, но такимъ образомъ, чтобъ одна не могла мѣшать другой. Практически же, при настоящемъ положеніи той и другой, весьма трудно установить правильныя отношенія между ними. Школа должна имѣть въ виду улучшить семью въ будущемъ черезъ своихъ питомцевъ; но исправлять отца и мать—эта задача ей не по силамъ, и отъ нея она должна отказаться. Современная русская школа должна сознать общіе недостатки русской семьи и пріискать воспитательныя средства ослаблять ихъ воздѣйствіемъ въ своихъ собственныхъ стѣнахъ, не вторгаясь въ семью съ своими распоряженіями. Если на семью она и можетъ дѣйствовать, то только дружелюбными совѣтами, выслушивая отъ нея съ готовностью всѣ ея заявленія, хотя бы они даже имѣли видъ жалобы на школьные порядки или неудовольствія на школу. Правильныя отношенія между семьею и школою установятся тогда, когда отцы и матери не будутъ бояться школы и въ сношеніяхъ съ нею будутъ руководствоваться полной откровенностью. Семья привяжется къ школѣ тогда, когда увидитъ безкорыстныя заботы и сердечное участіе школы въ дѣлѣ, самомъ близкомъ семьѣ.

Вотъ нравственное вліяніе, какое школа можетъ имѣть на семью. Въ настоящемъ состояніи русской семьи самыя скромныя отъ нея ожиданія со стороны школы могутъ показаться идеальными. Школа должна желать принять ребенка съ здоровыми нервами, съ неразвращеннымъ воображеніемъ, съ возбужденной любознательностью, съ незабитой откровенностью, безъ наклонности ко лжи, съ привычкой къ нѣкоторому порядку. Очень немногія русскія семьи могутъ дать такихъ дѣтей. Тѣмъ болѣе школа должна позаботиться не только сохранить, но еще и развить всѣ эти качества. Для этого же ей не мало нужно поработать и надъ собою. Мы же пока можемъ сказать только одно: чтобы въ будущемъ могли развиться правильныя, родственныя отношенія между школою и семьею и сдѣлаться значительною воспитательною силою, нужно теперь поставить ихъ въ такія условія, которыя бы свободно сближали ихъ. Пусть школа видитъ свое дополненіе въ семьѣ, а семья въ школѣ.

VII.

Школа и государство.

Какіе люди нужны государству?

Исторія достаточно убѣждаетъ насъ, что государство сильно внутри и внѣ не арміями и не полиціею, а образованными и честными гражданами. Но гражданиномъ можетъ назваться только человѣкъ свободный, т.-е. такой, который признаетъ надъ собою лишь власть закона и съ самоувѣренностью и смѣло опирается на нее, когда отстаиваетъ свои права. Рабы не могутъ быть честны и даже образованы, если съ понятіемъ образованности соединять и нравственную высоту. Они могутъ быть хорошо дрессированы и даже учены; но, воспитываясь и живя подъ произволомъ, они болѣе или менѣе развращены и стараются пользоваться своей ученостью только для своихъ личныхъ выгодъ.

Гражданинъ—членъ такого общества, которое имѣетъ возможность свободно развиваться подъ государственною охраною. Свободно же оно можетъ развиваться только при тѣхъ основахъ, о которыхъ мы уже говорили; самоуправленіе, свободный трудъ, судъ при участіи своихъ членовъ, гласность, наука. Это тѣ основы, которыя уже признаны государственнымъ закономъ за русскимъ обществомъ и которыя въ будущемъ непремѣнно глубоко пустятъ свои корни въ русскую почву. Нѣтъ такого обще-

ства, нѣтъ и гражданина, а нѣтъ его, нѣтъ и достаточно людей, нужныхъ сильному государству. Государство уже немало испытало, что значитъ полагаться на людей, рабски развращенныхъ, у которыхъ нѣтъ никакой нравственной связи съ народомъ, никакой гражданской связи съ обществомъ. Оно убѣдилось, что и для него нужны люди, иначе воспитанные, одушевленные горячей любовью къ отечеству; а въ интересы отечественные входятъ не одни государственные интересы, но и общественные. Истинному патріоту и тѣ, и другіе должны быть дороги; слѣдственно гражданское чувство составляетъ его душу. Подавите ее, пропадетъ и та живая сила, на которую государство можетъ самоувѣренно опереться во всякія невзгоды, зная, что оно будетъ защищено, не будетъ обмануто и обкрадено. Итакъ, послѣ разныхъ тяжелыхъ испытаній сдѣлалось ясно, что государству выгодно опираться на общественныя живыя силы, что для собственной силы оно должно желать, чтобы общество укрѣпилось на началахъ, изъ которыхъ развивается гражданское чувство. Скажемъ болѣе: и войско, и полиція не могутъ быть хороши и надежны, если въ нихъ нѣтъ людей съ развитымъ гражданскимъ чувствомъ.

Изъ всего этого видно, что государству нужны такіе же люди, какъ и обществу, т.-е. честные, развитые граждане; слѣдовательно, приготовленные хорошо школою для общественной жизни годны и для службы государственной, интересы которой долженъ понимать каждый образованный гражданинъ. Значитъ, одна и та же школа, преслѣдуя только однѣ свои педагогическія задачи, можетъ одинаково удовлетворить главнымъ нравственнымъ потребностямъ государства и общества; и въ свою очередь то и другое могутъ предъявлять школѣ одни и тѣ же требованія. И такъ, школа должна быть общая. Но въ такомъ случаѣ, кому же долженъ принадлежать высшій надзоръ надъ школою, надъ ея направленіемъ.

Исторія нашей школы показываетъ, что до сихъ поръ она находилась подъ исключительнымъ государственнымъ надзоромъ. Съ самаго начала школы государство взяло школьное образованіе въ свое вѣдѣніе и, заводя школы на свой счетъ для своихъ потребностей, считало своимъ правомъ и обязанностью направлять школы по своему усмотрѣнію. Но, какъ намъ извѣстно, наша школа никогда не процвѣтала ни въ отношеніи научномъ, ни тѣмъ болѣе нравственномъ. Педагогическая сторона ея всегда была подавлена тѣми требованіями, какія предъявляло государство, а иныхъ требованій у него не могло и быть. Не скажемъ,

чтобъ оно не хотѣло имѣть честныхъ и нравственно-развитыхъ людей; отъ школы и это требовалось, только она ставилась въ такія условія, при которыхъ педагогическія средства оказывались безсильными для нравственнаго развитія, а высшіе идеалы человѣка были непримѣнимы къ жизни. Государство могло управлять только черезъ свои канцеляріи, которыя въ свою очередь могли пользоваться только силами чиновниковъ; а они могли слѣдить только за внѣшнимъ порядкомъ, который и составлялъ всю педагогію. Начальственныя надъ школами лица отвѣчали за нихъ только передъ государствомъ и всегда имѣли возможность скрывать всѣ недостатки и язвы школы и разукрашать свои отчеты ложью. И въ этомъ никто не могъ ихъ обличить, такъ какъ школьная дѣятельность была дѣятельность замкнутая. Такимъ образомъ, государство всегда оказывалось слабо въ педагогическомъ дѣлѣ, да никогда и не можетъ оно быть сильнымъ, потому что черезъ своихъ агентовъ имѣетъ возможность дѣлать оцѣнку только съ одной формальной стороны; значитъ, эта сторона въ школѣ и будетъ всегда красоваться; а, между тѣмъ, педагогія имѣетъ дѣло со всей натурой человѣка, которую мертвитъ исключительная формальность. Отсюда понятно, что наша школа была лишена значенія воспитательнаго; и чѣмъ больше разныхъ кодексовъ для нея составляли въ канцеляріяхъ въ интересахъ нравственныхъ, тѣмъ болѣе эти интресы страдали въ ней и будутъ вѣчно страдать, потому что государство можетъ управлять только черезъ свои законы, требуя строгаго и точнаго ихъ выполненія, а педагогія признаетъ лишь законы психическіе и физіологическіе, требуя свободы въ ихъ примѣненіи.

Такимъ образомъ, законы, вносимые въ школу государствомъ вслѣдствіе какого-нибудь временнаго его политическаго настроенія, часто противорѣчатъ педагогическимъ требованіямъ, основаннымъ на вѣчныхъ естественныхъ законахъ, которыми только и можетъ держаться настоящая школа. И, конечно, послѣднія должны уступать первымъ, какъ силѣ, отчего и происходитъ деморализація какъ педагогическаго персонала, такъ и учащихся. При такомъ положеніи та школа можетъ назваться счастливою, во главѣ которой случайно явится человѣкъ, понимающій законы духовнаго развитія и педагогическія требованія и съумѣющій смягчить противорѣчія. Но подобные люди уже будутъ исключеніе: большинство же захочетъ выслуживаться передъ высшимъ начальствомъ, предписывающимъ законы по собственному усмотрѣнію. И вотъ, когда это начальство, вѣря донесеніямъ своихъ агентовъ, воображаетъ, что все обстоитъ благополучно, на самомъ

дѣлѣ оказывается полная несостоятельность школы въ смыслѣ педагогическомъ; разными посторонними сильными вліяніями школа принуждается смотрѣть на дѣтей и юношей не какъ на живыхъ людей, которые могутъ правильно развиваться только по опредѣленнымъ неизмѣннымъ законамъ природы, а какъ на матеріалъ, надъ которымъ можно дѣлать какіе угодно эксперименты. Много ли выходитъ добра изъ этихъ опытовъ, указываетъ намъ исторія.

Итакъ, исключительную опеку государства надъ школою послѣ двухсотлѣтнихъ опытовъ должно признать несостоятельною. Она можетъ только стѣснять правильное развитіе школы, а не направлять его къ настоящимъ школьнымъ цѣлямъ, потому что у нея нѣтъ тѣхъ силъ и средствъ, какія нужны для оцѣнки живого педагогическаго дѣла.

Государство должно стать въ такое же отношеніе къ школѣ, въ какомъ издавна стоитъ къ медицинѣ. Что было бы, если бы оно вздумало предписывать медицинскому персоналу свои правила, какъ должно лѣчить людей, не справляясь даже, согласны ли эти правила съ научными законами и отнимая всякую свободу у медика. Конечно, всякому показалось бы страннымъ такое вмѣшательство въ дѣло, гдѣ имѣютъ полное значеніе наука, натура больного и свободно-мыслящій умъ доктора. Не имѣло бы тутъ силы и возраженіе, что докторъ можетъ ошибаться и морить больныхъ. Но онъ будетъ морить еще болѣе, если у него будетъ отнята свобода въ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ, если онъ будетъ поставленъ въ противорѣчіе съ своею наукою. Никто при этомъ не будетъ спорить, что необходима нѣкоторая зависимость медицины отъ государства: оно въ интересахъ народныхъ обязано поддерживать спеціальное медицинское образованіе, давать право на медицинскую практику только людямъ, къ тому подготовленнымъ, призывать къ отвѣтственности передъ закономъ людей, злоупотребляющихъ даннымъ правомъ и проч. Но во всемъ, что касается науки, научныхъ опытовъ, примѣненія ихъ въ дѣлѣ лѣченія не можетъ быть никакихъ стѣсненій, если хотятъ, чтобъ медицина дѣлала свое дѣло.

Государство создаетъ больницы для больныхъ, полагаясь на докторовъ и стараясь поддерживать ихъ средствами, нужными для успѣшнаго веденія ихъ дѣла. Государство создаетъ и школы для образованія народа; но и это дѣло требуетъ спеціальныхъ научныхъ познаній; оно также основывается на наукѣ, которая также примѣняется къ отдѣльнымъ живымъ натурамъ, причемъ свободная личность педагога по отношенію къ учащимся является такою силою, какою не можетъ быть личность лѣкаря по отно-

шенію къ больнымъ. Не ясно ли, что нельзя и у педагогическаго персонала отнимать свободу въ его дѣлѣ, если оно также основывается на наукѣ, нельзя ему ставить такихъ цѣлей, которыя не могутъ входить въ педагогію, нельзя ему предписывать такихъ законовъ, которые не согласуются съ нею.

Школа, какъ и больница, должна ввѣряться людямъ, хорошо подготовленнымъ къ школьному дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна получать свободу въ своей педагогической сферѣ. За государствомъ остается право утверждать учебныя программы, и то только въ самыхъ общихъ чертахъ, нужныхъ для опредѣленія объема курса, право требовать ихъ приблизительнаго выполненія, пресѣкать судомъ открывающіяся злоупотребленія въ школахъ, подготовлять знающихъ педагоговъ, къ которымъ можно было бы относиться довѣрчиво. Но государство не должно ихъ обращать въ казенныхъ педагоговъ, которые держатся однихъ предписаній свыше и потому только формально относятся къ воспитанію. У всякой школы должна быть своя свобода въ выполненіи данныхъ программъ; всякая школа имѣетъ право разумно оправдывать свои дѣйствія только на основаніи педагогической науки, а не предписаній свыше, иначе она ни для кого не приготовитъ нужныхъ людей. Въ этомъ случаѣ необходимо полагаться на совѣсть выбранныхъ лицъ, для чего слѣдуетъ быть какъ можно болѣе строгимъ въ ихъ выборѣ.

Вообще нужно замѣтить, что одинъ изъ важныхъ недостатковъ у нашихъ администраторовъ есть служебное недовѣріе: высшіе члены не довѣряютъ низшимъ, ближайшимъ къ дѣлу, и не довѣряютъ безъ явной причины, какъ бы по принципу. Отсюда является множество надзирателей надъ каждымъ настоящимъ работникомъ; но и эти надзиратели часто не пользуются довѣріемъ, и надъ ними оказывается нуженъ оберъ-надзиратель. Недостатокъ вѣры въ людскую честность свидѣтельствуетъ только о низкомъ нравственномъ уровнѣ всего общества. И никому не приходитъ въ голову, какое страшное зло для служебнаго дѣла вытекаетъ изъ этого вѣчнаго безпричиннаго подозрѣнія въ нечестности, въ своекорыстіи въ неблагонадежности. Живое дѣло спутывается, обращается въ исполненіе одной формальности, мертвѣетъ въ рукахъ тѣхъ, которые къ нимъ приставлены, потому что они не могутъ приложить къ нему свою душу, лишенные всякой самостоятельности разными опекунами, часто мало понимающими, ихъ безконечными инструкціями, наставленіями, предписаніями. Опекуны же не могутъ отказаться отъ всего этого, такъ какъ они на то и приставлены. Кому же охота

слышать упрекъ въ недѣятельности? Отъ многихъ надсмотрщиковъ снимается отвѣтственность съ главнаго работника, а иногда и наоборотъ, онъ безвинно платится за излишнее ихъ усердіе, связавшее ему руки и испортившее все дѣло. Понятно, какая развращающая сила въ служебной сферѣ должна развиваться оттого, что у насъ такъ глубоко заподозрѣна чиновническая честность. Понятно, что такое недовѣріе никогда не поднимаетъ служебной нравственности и всегда будетъ вѣрнымъ ручательствомъ въ неуспѣхѣ каждаго живого дѣла. Намъ пришлось бы сдѣлать большое отступленіе, если бы мы захотѣли отыскивать его причины; корни его нужно бы откапывать глубоко въ исторической почвѣ нашей жизни. Но пора намъ вырывать ихъ и убѣждаться, что безъ вѣры въ людскую честность нельзя дѣлать никакихъ общественныхъ дѣлъ. Нужно только не быть легкомысленными въ выборѣ людей; но разъ они выбраны на основаніи какихъ-нибудь вѣскихъ данныхъ, будьте къ нимъ довѣрчивы, пока они сами не подадутъ повода подозрѣвать себя; тогда возьмите противъ нихъ мѣры. Но въ интересахъ самой службы откажитесь отъ огульнаго подозрѣнія.

Въ педагогическомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь, приноситъ страшное зло этотъ административный нашъ недостатокъ. Здѣсь онъ двойное зло, потому что дѣйствуетъ гнетомъ на духъ педагога, а черезъ него отражается вредно и на учащихся. Выборъ членовъ въ учебный составъ школы долженъ быть очень строгъ, но въ то же время ему должно быть предоставлено право самому заботиться о своей честности и оберегать ее. Она будетъ охранена вѣрно лучше всякаго надсмотрщика извнѣ. Пусть только всѣ отвѣчаютъ за каждаго, потому что только всѣ составляютъ одно одушевленное тѣло, а оно само уже будетъ заботиться о своемъ здоровьѣ.

Опыты показали, что посылки школьныхъ контролеровъ изъ центральныхъ управленій ни къ чему не приводятъ. Эти господа обыкновенно односторонни въ своихъ сужденіяхъ и заключеніяхъ, потому что судятъ по своихъ личнымъ взглядамъ и личнымъ впечатлѣніямъ, побывавъ у того или другого преподавателя на двухъ-трехъ урокахъ; не прослѣдивъ его методу, такъ какъ это дѣло не легкое и требуетъ значительнаго времени, не вникнувъ въ нравственное его вліяніе на учениковъ, они спѣшатъ сдѣлать свое заключеніе, а потомъ и донесеніе по начальству. И вотъ что часто случается: преподаватель, дѣйствительно хорошій, много лѣтъ вырабатывавшій себѣ методу и положившій свою душу въ дѣло, оказывается по ихъ взгляду негоднымъ,

потому что, защищая себя, онъ позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе противъ замѣчаній налетѣвшаго извнѣ оберъ-педагога, который хотѣлъ навязать ему свою методу, только ее и считая совершенною. Но въ глазахъ его успѣлъ выиграть другой, безъ всякаго вліянія на учениковъ, умѣющій пускать пыль въ глаза постороннему посѣтителю ловкими педагогическими штуками. И за это онъ награжденъ. Вообще посторонніе ревизоры производятъ сильный гнетъ на трудящихся въ школѣ и деморализуютъ ее. Нельзя педагогическій трудъ ставить въ зависимость отъ личнаго мнѣнія одного человѣка, который можетъ разъигрывать роль начальствующаго лица. Ревизоръ можетъ ревизовать канцелярскія книги, цѣлость имущества, гигіеническія условія школы; но умственная и нравственная стороны школьнаго воспитанія для него всегда останутся неуловимы. Съ этой стороны его ревизія не имѣетъ никакого значенія, а его донесенія выражаютъ только его личныя мнѣнія, которыя могутъ быть совершенно противоположны мнѣніямъ другого ревизора, побывавшаго въ той же школѣ. И это дѣйствительно нерѣдко случается.

Итакъ, эта форма высшаго государственнаго контроля надъ умственнымъ и нравственнымъ направленіемъ школы оказывается несостоятельною, потому что она вводитъ въ заблужденіе центральное вѣдомство и вредитъ правильному развитію школы, ставя ее въ зависимость отъ личныхъ мнѣній чужихъ лицъ, совершенно незнакомыхъ съ ея внутреннею жизнію. А другая форма, болѣе состоятельная, едва ли можетъ найтись. Если въ этомъ случаѣ центральное управленіе оказывается безсильнымъ, то не лучше ли ему возложить эти заботы на общество, у котораго школа и ея воспитанники, какъ настоящіе, такъ и бывшіе, всегда на виду, и которое, слѣдовательно, по нимъ можетъ судить и о дѣятельности самой школы. Кромѣ того, общество состоитъ изъ семействъ, которымъ, болѣе чѣмъ кому-нибудь, близка вся школьная жизнь, и никакіе порядки и мелочи въ ней не могутъ отъ нихъ укрыться. Мы не ходимъ, чтобъ общество получило право вмѣшиваться въ дѣла школы; нѣтъ, она должна быть ограждена отъ всякаго вмѣшательства; но пусть общественный голосъ составитъ для нея нравственную силу, пусть эта сила заставляетъ школьныхъ дѣятелей слѣдить другъ за другомъ для чести школы, пусть они не считаютъ себя людьми посторонними, а причастными тому же обществу. Какъ скоро они будутъ считать себя передъ нимъ нравственно-отвѣтственными, они тѣснѣе сомкнутся между собою и сообща будутъ уже дѣлать живое дѣло, а не вдаваться въ одну мертвящую формалистику. Ихъ мысль уже не будетъ

тревожима ожиданіемъ начальственныхъ ревизій, исходъ которыхъ зависитъ отъ разныхъ случайностей. Тогда и педагогическія конференціи станутъ необременительною повинностью, которую преподаватели должны нести только по уставу, а животворящимъ духомъ школы. Тогда у нихъ всегда будетъ достаточно интересныхъ предметовъ для совѣщаній, которыя будутъ поддерживать ихъ энергію. Тогда явится у нихъ и достаточно поводовъ изучать педагогію въ широкихъ размѣрахъ, не ограничиваясь только своею узкою спеціальностью. Тогда каждый будетъ интересоваться и трудами всѣхъ другихъ своихъ товарищей, наконецъ при совокупномъ направленіи ихъ силъ образуется то желанное единство, безъ котораго школа всегда будетъ очень далека отъ идеальнаго ея представленія. Словомъ, преподаватели, теперь замкнутые въ своихъ узкихъ спеціальностяхъ, тогда обратятся въ настоящихъ педагоговъ, которые охватываютъ всѣ стороны воспитанія. Нужно ли доказывать, какъ много выиграетъ тогда школа. Ничего этого никогда не создастъ государственный контроль, потому что многое, что составляетъ жизнь школы, для него всегда останется неуловимымъ, да притомъ съ нимъ всегда соединяется мысль о гнетущей единоличной власти, а иногда произвола, которые въ свободномъ дѣлѣ педагога никогда не должны заявлять себя. А что дѣло педагога должно быть свободнымъ, въ томъ достаточно можетъ убѣдить насъ психологія. Впрочемъ, мы думаемъ сдѣлать этотъ предметъ одною изъ темъ нашихъ разсужденій.

Выгода общественнаго контроля состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что съ нимъ не соединяется никакой власти; онъ выражается въ формѣ желаній, совѣтовъ, указаній; тѣмъ не менѣе, это такая нравственная сила, которая поддерживаетъ постоянное вниманіе лица къ самому себѣ, къ своимъ обязанностямъ и дѣлаетъ его лицомъ замѣтнымъ, почтеннымъ въ обществѣ, слѣдовательно, сила не гнетущая, а возвышающая духъ. Черезъ нее и должна развиться желанная нравственная связь между школою и обществомъ. Стремясь удовлетворять духовнымъ потребностямъ общества, школа будетъ стоять на высотѣ своего идеала, безъ котораго не можетъ быть настоящей школы, какъ она стала представляться въ нашемъ сознаніи. Тогда она станетъ роднымъ, любимымъ и драгоцѣннымъ учрежденіемъ въ обществѣ, не переставая въ то же время отвѣчать и государственнымъ потребностямъ. Но, можетъ быть, иные пойдутъ далѣе насъ и спросятъ: нужны ли государственныя или казенныя школы? Въ такомъ случаѣ мы спросимъ: должно ли государство забо-

титься о развитіи и распространеніи народнаго образованія? До сихъ поръ оно смотрѣло на это дѣло, какъ на свою обязанность, хотя нѣкоторые представители правительства и смотрѣли на нее крайне односторонне, относясь съ недовѣріемъ и подозрительно къ самой наукѣ. Но государству было бы невыгодно отказаться отъ взятаго имъ на себя дѣла, потому что оно не можетъ не быть европейскимъ государствомъ. Образованіе же въ европейскомъ смыслѣ не можетъ быть безъ науки.

Россія уже испытывала вредъ отъ стѣсненія науки, когда всѣ понятія не развивались и не возвышались, а смѣшивались, отчего больше всѣхъ пострадало государство. Оно должно было убѣдиться, что общественная нравственность есть также сила государственная, которою нельзя пренебрегать, не нанося вреда самому себѣ. А эта сила развивается и крѣпнетъ только черезъ народное образованіе. Оно же состоитъ въ тѣсной связи съ наукою, которой необходимо дать полный просторъ. Исторія насъ убѣждаетъ, что школа застывала и обращалась въ безжизненное учрежденіе тамъ, гдѣ развитію науки ставили преграды. Стѣсненіе науки есть въ то же время стѣсненіе свободнаго умственнаго труда, а свободный трудъ, между прочимъ, легъ у насъ въ основаніе гражданскаго общества и европейской жизни. Отсюда прямая выгода дать наукѣ широкое развитіе и слѣдовательно употребить всевозможныя средства для народнаго образованія. Государство испытывало, въ какое затрудненіе часто его приводило народное невѣжество, и какъ оно мѣшаетъ многимъ его важнымъ мѣрамъ. А учить народъ и стѣснять науку, значитъ стоять на колеблющейся почвѣ, на которой нельзя стоять твердо. Гибельныя слѣдствія рано или поздно выкажутся. При опасеніи передъ наукою, самое обученіе народа окажется безжизненнымъ и безполезнымъ. Итакъ, чтобы быть сильнымъ европейскимъ государствомъ, необходимо поднять народное образованіе, а для этого нужно, во-первыхъ, признать науку свободною и, во-вторыхъ, видѣть въ школѣ главное образовательное средство, слѣдовательно и поддерживать ее государственными средствами. Одно изъ такихъ средствъ — содержать на государственный счетъ общеобразовательныя и спеціальныя школы, требующія большихъ затратъ, которыхъ само общество не можетъ выдержать, слѣдовательно школы среднія и высшія. Это тѣмъ болѣе справедливо, что подати, собираемыя въ разныхъ видахъ, предназначаются на общія нужды. Но это не должно лишать школу права называться общественною. Пусть только заботы о ней раздѣлятся между

государствомъ и обществомъ, и каждое возьметъ на себя то, что ему по силамъ. Цѣль ихъ обоихъ—одно и то же—благо народа. Если въ этой цѣли они не расходятся, то они всегда будутъ помогать одно другому, а не мѣшать. Такъ какъ замкнутость школы всегда приносила ей нравственный вредъ и способствовала накопленію разныхъ недостатковъ, отъ которыхъ страдали ученики, то прямая выгода государства—не чуждаться общественнаго надзора, а напротивъ, стараться привлечь его. Отъ дурной школы терпятъ одинаково всѣ.

Но государство не можетъ содержать всего числа потребныхъ для народа школъ и потому должно предоставить полную свободу обществамъ и частнымъ лицамъ заводить свои школы. Впрочемъ, говоря о свободѣ, мы никакъ не хотимъ сказать, чтобъ неказенная школа была освобождена отъ всякаго правительственнаго надзора. Большая часть существующихъ въ настоящее время такихъ частныхъ общеобразовательныхъ или среднихъ школъ страдаютъ, съ одной стороны, отъ крайнихъ мелочныхъ стѣсненій учебной администраціи, съ другой стороны, не чужды спекулятивнаго духа и даже шарлатанства. Частной школѣ должна быть предоставлена свобода выработывать свои программы, свои методы, устраивать свою внутреннюю жизнь безъ всякаго вмѣшательства какого бы ни было посторонняго чиновника. Правительственная власть должна только слѣдить, чтобы педагогическій персоналъ состоялъ изъ лицъ, имѣющихъ право на педагогическую практику, и отнимать это право, какъ скоро по суду кто-либо окажется недостойнымъ носить званіе наставника; предосудительное поведеніе, пьянство теперь нерѣдко встрѣтить въ людяхъ, занимающихся частной практикой. Все остальное слѣдуетъ предоставить надзору общества и семьямъ, которыя имѣютъ дѣло съ частными школами. Для этого хорошо было бы дать право городскому обществу учреждать изъ своихъ выборныхъ постоянные училищные комитеты или совѣты, которые бы принимали жалобы родителей на частныя школы, несоотвѣтствующія своему назначенію. Провѣривъ факты, комитетъ могъ бы выставлять ихъ на видъ данной школѣ, прибѣгать къ гласности и даже призывать виноватаго къ суду; рѣшеніе же суда представлять правительственной власти, которая, конечно, будетъ брать свои мѣры, чтобы навсегда прекратить злоупотребленія. Такой надзоръ, намъ кажется, будетъ дѣйствительнѣе нынѣшняго инспекторскаго надзора, отъ котораго ускользаетъ шарлатанская эксплуатація родителей. Инспекторъ, въ качествѣ правительственнаго лица, могъ бы быть также и членомъ училищнаго комитета.

Какъ бы то ни было, но необходимо оградить неопытныхъ и несвѣдущихъ родителей отъ недобросовѣстности и шарлатанства, которое особенно стало развиваться въ частныхъ школахъ (конечно, не во всѣхъ) съ того времени, какъ имъ стали доступны права на поступленіе учениковъ съ ихъ аттестатами въ высшія школы. Устранить отъ дѣла такихъ нечестныхъ эксплуататоровъ могутъ только соединенныя силы правительства и общества.

Право частной школы—переводить своихъ учениковъ, кончившихъ курсъ, въ высшія или спеціальныя учебныя заведенія безъ новаго экзамена въ стѣнахъ казенной школы—существенно важное право, безъ котораго она почти не можетъ существовать: большая часть состоятельныхъ отцовъ хочетъ провести своихъ сыновей черезъ высшія заведенія, чтобы приготовить имъ болѣе широкую дорогу въ жизни. Подвергать же ихъ экзаменамъ внѣ того училища, гдѣ они воспитывались, неохотно соглашаются, такъ какъ успѣхъ такихъ экзаменовъ очень часто зависитъ отъ случайностей, которыхъ всякому хочется избѣжать.

Безъ сказаннаго права частная школа обращается въ приготовительное заведеніе, гдѣ берутся приготовлять дѣтей въ какой-нибудь классъ того или другого казеннаго училища. Она уже дѣлается спекулятивнымъ заведеніемъ и теряетъ свое педагогическое значеніе. Въ ней воспитательная цѣль пропадаетъ, а главная забота—наполнить голову ученика тѣмъ, что выставлено въ программѣ такой-то казенной школы. Если такія заведенія приносятъ нѣкоторую практическую пользу инымъ семьямъ, за то собственно для воспитательнаго дѣла онѣ не столько полезны, сколько вредны. Онѣ дѣлаютъ то, чего отъ нихъ требуютъ хорошо-платящіе отцы, и считаютъ своею честью успѣшные казенные экзамены своихъ учениковъ. До всего же прочаго, что хорошая школа должна имѣть въ виду, никому нѣтъ дѣла. И это очень естественно. Такихъ спекулятивныхъ школъ педагогъ по призванію заводить не будетъ, а школа образовательная, поставленная на здравыхъ педагогическихъ основахъ, существовать не можетъ, потому что она не будетъ наполняться настолько, чтобы окупать свое содержаніе. А между тѣмъ, у насъ большая нужда именно въ такихъ школахъ, такъ какъ казенныхъ школъ недостаточно, и состоятельные люди охотно бы отдавали туда своихъ дѣтей, еслибъ были увѣрены, что аттестатъ частной школы открываетъ двери университета или какого-либо высшаго спеціальнаго заведенія. Общественная выгода была бы въ томъ, что дѣти менѣе состоятельныхъ семей находили бы болѣе вакансій въ казенныхъ школахъ, и слѣдственно казна отчасти

была бы избавлена отъ настоятельныхъ требованій, открывать новыя заведенія.

Въ настоящее время у насъ есть нѣсколько частныхъ школъ, пользующихся такими же правами, какъ и казенныя; но неудобство для ихъ правильнаго развитія состоитъ въ томъ, что существованіе ихъ зависитъ много отъ личныхъ взглядовъ и мнѣній инспектора училищъ, а они не всѣ непогрѣшимы; слѣдовательно, на получаемое право должны смотрѣть какъ на счастливую случайность, которая можетъ уступить мѣсто иной случайности, уже несчастливой, и полученное право обратится въ ничто. Учебный контроль въ такихъ школахъ долженъ быть ограниченъ надзоромъ за правильной выдачей аттестатовъ съ правами, чтобы ихъ получали только ученики, успѣшно кончившіе полный общеобразовательный курсъ, и не могли бы ими пользоваться ученики съ сомнительными успѣхами. Для этого необходимо, чтобы на выпускныхъ экзаменахъ присутствовалъ депутатъ отъ учебнаго вѣдомства, какъ это дѣлается теперь, но необходимо также предоставить право директору школы, по его желанію, приглашать еще постороннее лицо-спеціалиста по тому или другому предмету или педагога, пользующаго общимъ уваженіемъ. Это лицо, какъ представитель общества, должно будетъ имѣть значеніе, одинаковое съ депутатомъ, и личное мнѣніе послѣдняго уже не будетъ имѣть рѣшающей силы. Точно также слѣдовало бы предоставить право присутствовать на экзаменѣ въ качествѣ свидѣтеля и членамъ училищнаго комитета, о которомъ мы говорили. Тогда злоупотребленія были бы невозможны ни съ той, ни съ другой стороны.

Что касается до спеціальныхъ школъ, то здѣсь мы хотимъ остановиться на одномъ важномъ вопросѣ: какія спеціальности требуютъ для себя особыхъ школъ? Не такъ давно намъ пришлось прочитать о намѣреніи какого-то земства завести школу для образованія людей, годныхъ на земскую службу. Было также намѣреніе устроить школу для приготовленія на службу полицейскихъ урядниковъ. Затѣмъ, можетъ быть, придетъ мысль о школѣ для полиціантовъ, для желѣзно-дорожныхъ кондукторовъ, словомъ, для всякой должности на службѣ государственной или общественной. Такое стремленіе заводить подобныя школы показываетъ, что у насъ нѣтъ достаточнаго числа дѣйствительно-образовательныхъ школъ низшихъ и среднихъ, которыя бы удовлетворяли потребностямъ государственнымъ и общественнымъ. Человѣкъ, кончившій курсъ въ хорошей реальной гимназіи, если бы онѣ у насъ были, былъ бы годенъ для всякой службы,

не требующей спеціальныхъ научныхъ познаній; отъ него потребовалось бы только знакомство съ положеніемъ того рода службы, которую онъ выбираетъ. Но для этого нужна ли ему школа, если онъ не глупый и порядочно образованный человѣкъ? Точно также кончившій курсъ въ хорошей городской школѣ можетъ занимать всѣ низшія мѣста, какія находятся въ распоряженіи государства и общества, познакомившись, помимо школы, съ нужными положеніями и инструкціями по извѣстному роду службы. Послѣ этого не странна ли мысль заводить разныя спеціальныя школы для приготовленія на служебныя должности? Когда у насъ будутъ немыслимы затрудненія открывать повсюду общеобразовательныя школы, тогда навѣрно никому не будетъ приходить странная мысль заводить спеціально-должностныя училища, а съ тѣмъ вмѣстѣ, мало-по-малу, закроются и тѣ, которыя теперь содержатся разными министерствами или для разныхъ министерствъ. Намъ укажутъ на военныя училища, которыя существуютъ для потребностей государства. Но ихъ нельзя отнести къ тѣмъ страннымъ школамъ, на которыя мы сейчасъ указали. Они военныя не потому, что готовятъ на военныя должности, а потому, что въ нихъ преподаютъ спеціальныя военныя науки. Но какая же спеціальная наука можетъ быть о земствѣ или объ уряднической службѣ? Отсюда ясно, что спеціальная школа предназначается только для изученія цѣлаго круга наукъ, составляющихъ одну спеціальность. И нельзя не пожелать распространенія такихъ школъ государственныхъ и общественныхъ по всей русской землѣ. Другихъ же школъ намъ не нужно. Мы увѣрены, что со временемъ не потребуются и спеціальныя учительскія заведенія. Когда учительскія мѣста будутъ оплачиваться очень хорошо и сдѣлаются приманкою для людей съ среднимъ образованіемъ, когда въ общеобразовательныхъ нашихъ школахъ будутъ основательно проходить вмѣстѣ съ другими науками физіологію и основанія психологіи, на которыхъ основывается и педагогія, тогда для занятія учительскихъ мѣстъ потребуется только познакомиться съ методиками, что̀ порядочно образованный человѣкъ можетъ сдѣлать и безъ школы. Для практическаго же ихъ примѣненія ему достаточно будетъ полугода поупражняться въ качествѣ помощника учителя въ какой-нибудь хорошей школѣ у опытнаго преподавателя. И эти учителя будутъ вѣрно лучше многихъ нынѣшнихъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій, которые, перенявъ у своихъ руководителей извѣстные пріемы, впадаютъ въ узкую рутину и мало способны работать самостоятельно. Теперь заводятся учительскія семинаріи

по необходимости, благодаря ничтожному числу такихъ среднеобразовательныхъ школъ, гдѣ филологія не играетъ главной роли. Слѣдовательно, приходится готовить на должности учителей чуть не полуграмотныхъ, и много нужно употребить времени, пока доберутся съ ними до педагогіи.

Говоря вообще о школѣ, мы не разумѣли пансіоновъ, которые заводятся при нѣкоторыхъ школахъ. Школа собственно состоитъ изъ классовъ безъ придатка къ нимъ спаленъ и столовыхъ. У насъ государство дѣлало большіе опыты воспитывать дѣтей массами безъ участія родителей на полномъ казенномъ иждивеніи. И едва ли можно назвать удачными эти столѣтніе опыты. Ни въ физическомъ, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи такое воспитаніе не представляло выгодъ даже въ заведеніяхъ, хорошо обставленныхъ: оно все-таки выходило казарменнымъ. Однообразіе впечатлѣній, постоянный надзоръ за каждымъ шагомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, жизнь по командѣ, необходимая при многолюдствѣ строгость дисциплины, сильное давленіе на личную самостоятельность,—вотъ что неизбѣжно при такомъ воспитаніи, даже еслибы оно было въ рукахъ лучшихъ педагоговъ, что̀ на дѣлѣ очень рѣдко случается. Отсюда порча характеровъ, подавленіе наклонностей къ занятіямъ, которыя не входятъ въ программу даннаго воспитательнаго заведенія, невозможность свободно развиваться талантамъ, непривычка распоряжаться своимъ временемъ, зародыши разныхъ пороковъ, за которыми трудно услѣдить въ массѣ, наконецъ, скрытно-враждебное отношеніе къ воспитателямъ, которое вызываетъ хитрость, обманъ, у иныхъ пронырство, лесть и много другихъ недостатковъ, обыкновенныхъ у подневольнаго человѣка.

Въ настоящее время тѣ родители, которые дорожатъ разумнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей и понимаютъ его сущность, не рѣшаются отдавать ихъ въ такія заведенія. Тѣмъ не менѣе, они всегда будутъ поддерживаться необходимостью, вытекающею изъ самой жизни: безъ нихъ множество сиротъ не нашло бы себѣ пріюта; помѣщики, живущіе въ своихъ усадьбахъ по хозяйственнымъ требованіямъ, не знали бы, кому ввѣрить своихъ дѣтей, вошедшихъ въ школьный возрастъ; точно такъ же офицеры, кочующіе со своими полками, были бы въ большомъ затрудненіи при вопросѣ объ образованіи ихъ дѣтей. Теперь казенные пансіоны обращаются для нихъ въ ковчегъ спасенія. Такъ какъ они необходимы, то необходимо и подумать, какъ ихъ поставить въ лучшее положеніе, болѣе согласное съ законами психологическими. Во всякомъ случаѣ, ихъ слѣдовало бы отдѣлить отъ

школы, какъ особые пріюты, которые берутъ на себя обязанности родителей, хотя и никогда не могутъ замѣнить семьи. Кромѣ того, ихъ необходимо ввѣрять лицамъ съ спеціально-педагогическимъ образованіемъ по строгому выбору, и воспитаніе массы дѣтей не приносить въ жертву какимъ-нибудь постороннимъ разсчетамъ изъ желанія угодить тѣмъ или другимъ сильнымъ личностямъ или дать мѣсто для кормленія какой-нибудь особѣ, нисколько не подготовленной для дѣла. Если трудно воспитывать нѣсколькихъ дѣтей въ своей родной семьѣ, то во сколько разъ труднѣе воспитывать цѣлую ихъ массу изъ разныхъ семей. И ввѣрять ихъ лицамъ, спеціально не подготовленнымъ наукою, дѣлавшимъ Богъ знаетъ какіе опыты только надъ своими малолѣтними дѣтьми, все равно, что отдавать больничную палату въ распоряженіе какого-нибудь начинающаго студента: какъ одинъ переморитъ больныхъ, такъ другой перепортитъ всѣ характеры, а то и развратитъ, хотя и будетъ дѣйствовать съ самыми добрыми намѣреніями. Въ настоящее время, когда науки, служащія твердымъ основаніемъ педагогіи, такъ сильно пошли впередъ и сдѣлали столько новыхъ важныхъ для воспитанія выводовъ, было бы преступно пренебрегать ими точно такъ же, какъ преступно не пользоваться новыми изслѣдованіями по медицинѣ. Къ сожалѣнію, у насъ еще мало сознаютъ эту мысль. У насъ все еще продолжаютъ бояться даже естественныхъ наукъ, повторяя противъ нихъ фразы, выдуманныя двадцать лѣтъ назадъ людьми съ узкими взглядами для своихъ особенныхъ іезуитскихъ цѣлей. У насъ до-нельзя сокращаютъ ихъ программы, а педагогію въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ обращаютъ въ сборникъ разныхъ старыхъ рецептовъ. Послѣ этого нельзя ожидать скораго улучшенія воспитанія нашихъ дѣтей, не только въ семейномъ кругу, но даже и внѣ его, тѣхъ дѣтей, которыхъ государство беретъ на свое попеченіе и, слѣдовательно, на свою отвѣтственность. Въ наше время воспитывать дѣтей не значитъ идти ощупью, какъ это дѣлалось въ старое время. Но тогда было извинительно, потому что самая наука еще мало могла помочь дѣлу; а теперь, если она предлагаетъ свои услуги, то грѣшно ими не пользоваться. Мы могли бы привести много примѣровъ тому, какъ у насъ зачастую ведется общественное воспитаніе подъ надзоромъ какихъ-нибудь бывшихъ кавалеристовъ и подобныхъ, которые считаютъ себя въ правѣ распоряжаться всѣми педагогическими силами въ заведеніи и направлять ихъ по своимъ личнымъ усмотрѣніямъ наперекоръ наукѣ, которой они и не нюхали, или какъ все воспитаніе зависитъ отъ капризовъ начальственнаго и вмѣстѣ невѣжествен-

наго лица, которое едва могло получить право на элементарное преподаваніе. При такихъ условіяхъ мы не далеко уйдемъ, и наше воспитаніе не подкрѣпитъ и не оправдаетъ той широкой филантропіи, которою у насъ издавна отличается государство. Ужъ если дѣлать добро, такъ дѣлать его вполнѣ; ужъ если брать на свою отвѣтственность воспитаніе, такъ ввѣрять его людямъ, готовымъ для дѣла, а не чинамъ и титуламъ, которые смотрятъ на воспитаніе, какъ на дрессировку, да и это требуетъ извѣстнаго умѣнья и долгой практики.

Возвращаюсь опять къ школѣ: мы хотимъ сказать, что у нея должны быть свои права, которыя бы защищали ее отъ произвола личностей и которыя она сама могла бы защищать на основаніи законовъ, чтобы каждый трудящійся въ ней педагогъ не могъ чувствовать на себѣ постороннихъ давленій и не вынужденъ былъ поддѣлываться подъ нравъ какого-нибудь чиновнаго лица. Школа должна быть ограждена отъ всякихъ такихъ случайностей, и только судъ въ ея стѣнахъ или общій уголовный можетъ удалить изъ нея каждое служащее лицо. Государство болѣе всѣхъ должно дорожить прочностью школы, чтобы она могла развиваться естественно и свободно безъ потрясеній и колебаній; оно должно беречь ее отъ вліянія всякихъ политическихъ партій, гдѣ бы онѣ ни являлись, въ сферѣ ли правительственной или общественной. Школа не должна быть орудіемъ какой бы ни было партіи; съ этой стороны она должна быть неприкосновенна и одинаково дорога всѣмъ. За нее могутъ спорить и бороться только въ литературной сферѣ по вопросамъ педагогическимъ, которые тамъ и будутъ многосторонне разъясняться. Тамъ должна быть полная свобода. Но законъ обязанъ строго ограждать школу отъ всякой клеветы. Впрочемъ, мы думаемъ, что и само общество будетъ всегда уважать хорошую школу и найдетъ средство удержать и унять клеветника и обратить позоръ на его голову. Школа, образующая молодое поколѣніе, должна быть оберегаема и закономъ, и честными гражданами. При такой охранѣ ей останется спокойно стремиться къ своей высокой цѣли, пополняя общество людьми, все лучшими и лучшими. Предполагая, что такое положеніе школы возможно, мы можемъ заговорить и о желанной внутренней ея жизни.

VIII.

Школа и церковь.

Если подъ словомъ „церковь“ разумѣть богословское опредѣленіе, какъ христіанское общество, члены котораго соединены однимъ евангельскимъ ученіемъ, то не могло бы и быть вопроса объ отношеніи церкви къ школѣ. Они были бы нераздѣльны по одному и тому же стремленію къ истинѣ, добру и прекрасному, руководствуясь одними и тѣми же евангельскими совѣтами: возлюби ближняго, какъ самого себя; какъ хотите, чтобы съ вами поступали, такъ поступайте и вы; первый изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга. Тогда школу можно бы было уподобить одному изъ необходимыхъ членовъ живого организма. Но такое представленіе церкви остается только въ идеалѣ; а въ дѣйствительности съ церковью у насъ соединяется извѣстный уставъ, касающійся порядковъ богослуженія и обрядовъ, исправлять которые ввѣрено людямъ, для того посвященнымъ и составившимъ изъ себя особое сословіе въ государствѣ. Въ идеалѣ служитель церкви долженъ быть добрымъ пастыремъ и честнымъ учителемъ, берущимъ въ образецъ себѣ самаго основателя христіанства, но въ дѣйствительности онъ явился только церковнымъ чиновникомъ, приставленнымъ при храмѣ для исполненія церковнаго устава. Это мы говоримъ не въ укоръ нашимъ служителямъ церкви: исторія поставила ихъ въ такія обстоятельства и условія, что имъ и невозможно было явиться иными. Зато тѣмъ болѣе чести тѣмъ немногимъ, которые и при такихъ условіяхъ съумѣли удержаться на высотѣ идеала, какъ христіанскіе пастыри и учители.

Главный недостатокъ нашего духовенства, какъ сословія, съ которымъ соединилось представленіе церкви, это—недостатокъ учительства; а оно-то и должно бы было поддерживать высшій христіанскій идеалъ жизни, вводить его незамѣтно въ ихъ собственную жизнь, которая могла бы сдѣлаться образцомъ для прочихъ. Отъ недостатка учительства и религіозное чувство народа стало выражаться исключительно въ слѣпой привязанности къ церковной внѣшности, къ обрядамъ, значеніе которыхъ не понималось, и которые даже стали перемѣшиваться съ языческимъ суевѣріемъ, чѣмъ нерѣдко заражались и самые служители церкви. Отсюда понятно, что и дѣятельность духовенства, близкаго къ народу, должна была чуть не исключительно

направиться къ исполненію тѣхъ церковныхъ требъ, за которыми народъ только и прибѣгалъ къ церкви, соединивъ съ ними многіе моменты изъ своей жизни, и находя только въ нихъ исходъ своимъ религіознымъ чувствамъ. А жалкія матеріальныя условія жизни этихъ пастырей,—жизни, которая находила себѣ поддержку въ приношеніяхъ за требы, заставляли ихъ поддерживать и эту исключительную привязанность къ обрядамъ, предполагать въ нихъ всю сущность христіанства, не разъясняя его духа. Здѣсь забылось и выраженіе: не о единомъ хлѣбѣ сытъ будешь. Просвѣщеніе не распространялось ни въ той, ни въ другой средѣ. При такомъ отношеніи нашего духовенства къ народу, наша школа и не могла выдти изъ церкви. Основателемъ русской школы явилось государство. Оно принудительно отнеслось и къ духовенству, заставляя его заводить школы не только для себя, но и для народа. Съ этимъ вмѣстѣ ему вмѣнено въ обязанность законоучительство во всѣхъ государственныхъ школахъ. При школахъ съ пансіонами заводились и особыя церкви съ особыми священниками, которые дѣлались и законоучителями. Въ школы же съ приходящими приглашались за извѣстную плату приходскіе священники или дьяконы. Такимъ образомъ наша школа связалась съ церковью посредствомъ учительства, которымъ духовенство по своему призванію должно бы было быть связаннымъ со всѣмъ народомъ. Но право управлять школою оно получило только въ своей средѣ—своею собственною, сословною. И надо отдать ему справедливость, что въ XVIII стол. оно обогатило Россію такими школами, если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Черезъ нихъ оно дало много учителей, въ которыхъ нуждались правительственныя школы; но эти педагоги не усиливали его, потому что не оставались въ его средѣ, а переходили въ разрядъ чиновниковъ, т.-е. слугъ государственныхъ. Но нельзя сказать, чтобы наше духовенство много работало надъ своими собственными школами и старалось бы ихъ сдѣлать образцовыми педагогическими заведеніями, достойными общаго подражанія. Въ этомъ случаѣ оно не имѣло никакого вліянія на свѣтскія школы. Скорѣе можно сказать наоборотъ: эти послѣднія иногда являлись образцами для первыхъ. Остановившись на школьной схоластикѣ XVII вѣка, семинарскіе педагоги готовили церковныхъ чиновниковъ точно также, какъ правительственныя или свѣтскія школы готовили государственныхъ чиновниковъ, но только при условіяхъ гораздо лучшихъ. Крайне грубые нравы, въ большинствѣ прививаемые съ самаго дѣтства, Богъ знаетъ какими примѣрами, въ простонародной

средѣ, поддерживались въ семинаріяхъ самымъ суровымъ и часто безжалостнымъ отношеніемъ наставниковъ къ ученикамъ. Лозою учили ихъ быть проповѣдниками христіанской любви и мира; давали имъ лучшіе образцы для высокопарныхъ проповѣдей, но не давали образцовъ для человѣколюбиваго обращенія съ людьми.

Духъ христіанскаго учительства также не могъ развиться въ такихъ школахъ, потому что онъ былъ вообще невозможенъ въ русской обстановкѣ жизни. Да и въ самомъ дѣлѣ, чему могло учить духовенство, вполнѣ подчиненное государству? Всякая тема, развитая въ духѣ евангельской любви, мира и свободы, была бы принята за подстрекательство къ возмущенію рабовъ противъ господъ, низшихъ противъ высшихъ, подвластныхъ противъ начальства; всякій призывъ къ трезвой жизни показался бы направленнымъ противъ винныхъ откуповъ, значитъ, въ ущербъ государственнымъ доходамъ. Не знаю, нашлась ли бы тема въ вопросахъ о народной, общественной и правительственной нравственности, которую можно было бы разработать въ христіанскомъ духѣ по идеаламъ евангельскаго ученія. Опасно было выбрать даже тему: „любите враговъ вашихъ“, потому что за враговъ пришлось бы съ одной стороны принять помѣщиковъ и все служилое сословіе, а это было преступно въ гражданскомъ смыслѣ, съ другой стороны—иноземнаго непріятеля, а любовь къ нему была бы равносильна измѣнѣ. Даже проповѣдывать терпѣніе, и то могло бы показаться неумѣстнымъ, потому что съ терпѣніемъ должна соединяться надежда на небесныя награды, чѣмъ косвенно присуждались къ адской карѣ тѣ, отъ которыхъ приходилось такъ много страдать, вооружаясь терпѣніемъ. Понятно, что долженъ бы былъ вытерпѣть служитель церкви за свои порывы къ учительству, если бы какой-либо власти оно показалось неудобнымъ или непріятнымъ. Не на кого ему было опереться для своей защиты: онъ выдавался головою своимъ собственнымъ начальствомъ.

Послѣ всего этого понятно, что темы для проповѣдей могли браться только изъ догматической части, составляющей богословскую науку. Она-то и заучивалась въ семинаріяхъ; ею и ограничивалось пониманіе религіи; но то, что составляетъ въ ней жизненное значеніе, то, что одушевляетъ человѣка и незнакомаго съ этою наукою, что сливается съ его жизнью и направляетъ ее, немногими выносилось въ свое служеніе. А это-то главное и нужно было для законоучительства въ школахъ. Семинаріи приготовляли догматиковъ, кое-какихъ богослововъ, но не законо-

учителей, какихъ требуетъ школьный возрастъ. Наше духовенство не такъ поняло слово: „Законъ Божій“, введенное въ школьныя программы, и приравняло его ко всѣмъ другимъ наукамъ тѣхъ же программъ. Оно смѣшало церковнаго проповѣдника въ средѣ взрослыхъ людей и законоучителя въ кругу дѣтей и незрѣлыхъ юношей. Вотъ отчего оно выпустило изъ своихъ школъ очень немного истинныхъ законоучителей, которые съумѣли бы поддержать или развить настоящую религіозность въ христіанскомъ духѣ. Религію, управляющую чувствомъ, они смѣшали съ богословіемъ, наукою, которая требуетъ зрѣлаго ума, способнаго къ отвлеченному мышленію. Они составили катехизисъ, который доступенъ взрослымъ людямъ, и который никакъ не подходитъ къ дѣтскому развитію. Какъ ни велики научно-богословскія достоинства этой книги, но въ педагогическомъ отношеніи она не удовлетворяетъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ. Ученикъ является въ классъ съ полной вѣрой въ бытіе Божіе, и нѣтъ никакой нужды доказывать ему это бытіе отрывочными фразами изъ разныхъ мѣстъ священнаго писанія, силы котораго онъ еще не можетъ оцѣнить. Онъ не понимаетъ, для чего заставляютъ его заучивать наизусть эти фразы на языкѣ, въ которомъ изъ двухъ словъ одно ему непонятно; да часто не больше понятенъ и буквальный переводъ, такъ какъ мысли въ немъ по большей части такъ сжато выражены, что требуютъ обширныхъ объясненій. Снисходительный законоучитель нерѣдко и дѣлаетъ эти объясненія; но переработать ихъ въ своемъ умѣ и послѣдовательно запомнить могутъ только очень даровитые и развитые ученики; большинство же, еще неспособное къ отвлеченному мышленію, должно ограничиться сильнымъ напряженіемъ памяти, чтобы заучить полупонятныя для нихъ фразы, все же не постигая, съ какой цѣлью требуется отъ нихъ такой трудъ. Главное затрудненіе здѣсь состоитъ не столько въ самомъ заучиваньѣ, которое происходитъ по простой ассоціаціи звуковъ, сколько въ томъ, чтобы запомнить, въ какой связи состоитъ всякій данный текстъ съ вопросомъ, къ которому онъ отнесенъ въ катехизисѣ. Большинство учениковъ скажетъ вамъ твердо каждый текстъ, особенно если вы произнесете ему первое его слово; но попробуйте спросить, къ какому вопросу онъ относится и что доказываетъ, тутъ и увидите, какое смѣшеніе происходитъ и въ памяти, и въ пониманіи. Не убѣждаетъ ли это, что всѣ ваши тексты не имѣютъ силы доказательствъ для ученика, да умъ его и не требуетъ доказательствъ, такъ какъ въ своей вѣрѣ онъ далекъ отъ всякаго скептицизма, которому нужны вѣскія доказательства. Не трогайте

же этой вѣры и передавайте однимъ простымъ словомъ то, что принадлежитъ вѣрѣ, не подъискивая доказательствъ изъ разныхъ источниковъ, авторитетныхъ для васъ, но мало доступныхъ для возраста учащихся. Для нихъ самый главный авторитетъ голосъ того наставника, котораго они уважаютъ. Только его живой голосъ способенъ проводить мысль въ юное сердце, а это все, чего можно желать въ интересахъ религіознаго развитія.

Прислушаемся къ отзывамъ всѣхъ учившихся въ русскихъ школахъ. Изъ десяти навѣрно девять скажутъ, что ихъ религіозность скорѣе притуплялась, чѣмъ развивалась отъ непосильнаго труда надъ заучиваніемъ всего того, что имъ предлагалось въ урокахъ Закона Божія; что эта работа скорѣе дѣлала ихъ равнодушными къ вопросамъ вѣры; что религіозность у нихъ всегда была сама по себѣ, а уроки Закона Божія сами по себѣ. Вотъ на эти-то отзывы и необходимо обратить особенное вниманіе и убѣдиться, что наши законоучители не дали своему предмету надлежащей педагогической постановки. Составляя программы и катехизисъ, они имѣли въ виду только богословскую науку, придавая ей значеніе большее, чѣмъ она можетъ имѣть въ школьный возрастъ, и не имѣли достаточно наблюденій надъ психическимъ развитіемъ ростущаго человѣка. Разсчитывая на свѣжую юношескую память, они приравняли къ обыкновеннымъ урокамъ ученіе, нужное для укрѣпленія религіознаго чувства, для сближенія человѣка съ высшимъ христіанскимъ идеаломъ. Они стали задавать учить уроки по страницамъ и въ то же время судить о степени религіозности учениковъ по силѣ ихъ памяти: кто тверже выучивалъ уроки, тотъ являлся и религіознѣе. И самое школьное начальство заражалось такимъ же взглядомъ и строже наказывало тѣхъ, кто бывалъ неисправнѣе у „батюшки“. Нужно ли доказывать, что ученики ставились въ ложное положеніе къ тому ученію, которое должно было проникать въ ихъ сердца и возвышать ихъ души. Страхъ наказанія заставлялъ ихъ также хитрить и съ законоучителемъ, какъ и со всѣми другими учителями, также обманывать его, чтобы только получить удовлетворительный баллъ; спрашивается: гдѣ же тутъ нравственное вліяніе того учебнаго предмета, на который обыкновенно разсчитываютъ въ вопросѣ о нравственномъ воспитаніи? Не можетъ его и быть, если самое ученіе направляютъ только на память, дѣйствуя пассивно на душу.

Но указывая на такіе факты, которые никакъ не назовемъ исключительными, мы въ то же время по чувству справедливости должны прибавить, что были и есть законоучители, кото-

рые оставляли по себѣ добрую память въ своихъ ученикахъ; но ихъ число такъ незначительно, что ихъ нужно считать исключеніемъ. Заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они посмотрѣли на Законъ Божій не какъ на школьные уроки, которые должны выучиваться наизусть въ видахъ награды или подъ страхомъ наказанія, а какъ на сердечныя бесѣды, въ которыхъ разъясняются тѣ или другія нравственныя понятія въ христіанскомъ духѣ, тѣ или другія явленія изъ обыденной жизни. Для такихъ законоучителей даже и малоспособные или лѣнивые ученики одолѣвали всякій трудъ, какой требовался для успѣшнаго экзамена по извѣстнымъ программамъ. Но едва ли кто скажетъ, что именно этотъ трудъ оставилъ въ его сердцѣ нравственные слѣды. Начальство, конечно, судило по экзаменамъ о религіозномъ и нравственномъ направленіи воспитанниковъ..

Говоря откровенно, экзамены по Закону Божію не могутъ имѣть такого значенія, какое связывается съ экзаменами по другимъ учебнымъ предметамъ и скорѣе наводятъ на ложное заключеніе. Надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ у насъ принадлежитъ мѣстнымъ архіереямъ. Они же дѣлаютъ свои выводы по заученнымъ отвѣтамъ учениковъ на экзаменѣ. Большинство законоучителей боится такихъ экзаменовъ больше, чѣмъ сами ученики, что̀ очень понятно, если имѣть въ виду іерархическія отношенія. И вотъ, нѣкоторые стараются заранѣе обезпечить себѣ успѣхъ экзамена. За нѣсколько дней они распредѣляютъ между воспитанниками всѣ билеты, по которымъ обыкновенно, слѣдуя обычаю, они экзаменуются. Каждому изъ нихъ ничего не стоитъ твердо выучивать отвѣты на одинъ или два билета. Экзаменъ ведется такъ ловко, что всѣ подъ-рядъ отвѣчаютъ безъ запинки. Архіерей доволенъ, высказываетъ свое удовольствіе и воспитанникамъ, и законоучителю, составляетъ выгодное понятіе объ ихъ религіозномъ направленіи. А какое страшное нравственное развращеніе внесено въ юныя сердца, никто этого и не подозрѣваетъ. Что же удивительнаго, если ученики и потомъ въ самой жизни всю свою общественную и государственную службу основываютъ на обманѣ? Они начали дѣлать сдѣлки съ своей совѣстью еще подъ руководствомъ законоучителя. Конечно, мы не хотимъ обвинить всѣхъ законоучителей въ такомъ нечестномъ отношеніи къ дѣлу; наоборотъ, мы даже убѣждены, что большинство изъ нихъ не допускаетъ и мысли о такихъ развращающихъ поступкахъ; но въ то же время и говоримъ не о преданьяхъ старины глубокой, а о временахъ очень къ намъ близкихъ. Мы хотимъ только показать, къ чему

могутъ приводить экзамены, если имъ придавать особенное значеніе. А они всегда будутъ считаться важными и необходимыми, если на Законъ Божій будутъ смотрѣть просто какъ на уроки на ряду съ другими учебными предметами.

Въ настоящее время, какъ скоро заходитъ рѣчь о недостаточномъ религіозномъ образованіи въ нашихъ училищахъ и предлагается вопросъ о средствахъ улучшить и усилить его, приходится слышать одинъ отвѣтъ отъ большинства нашихъ законоучителей: необходимо увеличить число уроковъ по Закону Божію и съ этимъ вмѣстѣ, конечно, расширить программу богословскаго ученія. Это наводитъ насъ на заключеніе, что дѣйствительные недостатки въ преподаваніи не замѣчаются, что всю вину видятъ только въ недостаткѣ времени и въ маломъ объемѣ богословско-научнаго курса. Но мы спросимъ: гдѣ же предѣлы этого расширенія времени и программы, и усилится ли религіозное направленіе въ учащихся отъ того, что въ программу внесется болѣе догматическихъ подробностей съ подобающими священными текстами, или болѣе подробностей въ изложеніи богослуженія и церковныхъ обрядовъ, или, наконецъ, болѣе фактовъ въ церковной исторіи? Въ отвѣтъ на это мы укажемъ на наши духовныя семинаріи, гдѣ нельзя пожаловаться ни на время, ни на программы по Закону Божію; но развѣ жизнь большинства нашего сельскаго духовенства выказываетъ истинную религіозность и правильное о ней понятіе? Намъ же кажется, что расширеніе программы въ заведеніяхъ не спеціально-богословскихъ скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу, потому что расширять ее можно только въ вопросахъ научныхъ; а всѣ такіе вопросы никакъ не подходятъ къ школьному возрасту; вбивать же богословское ученіе подъ предлогомъ бо̀льшаго религіознаго развитія, нужнаго для истинно-христіанской жизни, и вбивать въ умъ, неподготовленный для принятія высшихъ истинъ, значитъ не согласоваться съ натурой человѣка, въ которой всякое излишество не перерабатывается естественно, а только внушаетъ крайнее отвращеніе. Не слѣдуетъ ли опасаться такихъ же результатовъ отъ стремленія занимать незрѣлые умы разными богословскими вопросами въ неумѣренномъ количествѣ?

По нашему мнѣнію, слѣдовало бы даже сократить существующія программы, особенно въ догматической части, исключивъ разныя подробности, которыя слишкомъ обременяютъ память учениковъ и не даютъ матеріала для того, чтобъ могли выработаться правильныя христіанскія понятія. Вся же вина заключается въ томъ, что этотъ учебный предметъ, названный у насъ

Закономъ Божіимъ, не разработанъ педагогически. Программы для него составлялись высшими представителями церкви, но не представителями педагогіи. Цѣли и средства преподаванія не согласованы съ требованіями возраста. Слишкомъ много разсчитывается дѣйствовать на память, слишкомъ большое стремленіе преклонять къ вѣрѣ умъ, и слишкомъ малыя попытки проникать въ сердце, на которое болѣе всего разсчитываетъ евангельское ученіе, доступное въ своихъ основахъ всякому возрасту.

Не разработанъ этотъ предметъ педагогически, благодаря только тому странному и невѣрному взгляду, котораго всѣ держатся, будто законоучителемъ можетъ быть каждый священникъ, какъ прежде полагалось, что школьнымъ учителемъ можетъ быть всякій мало-мальски грамотный человѣкъ. На самомъ же дѣлѣ, если требуется основательная педагогическая подготовка для всякаго, желающаго быть хорошимъ преподавателемъ, то тѣмъ болѣе для законоучителя, которому ввѣряется важная задача образовать члена церкви, основанной на любви, мирѣ и свободѣ. Объ этой-то подготовкѣ наши духовныя училища до сихъ поръ не заботились, и немудрено, что законоучительство у насъ не двигается впередъ вмѣстѣ съ успѣхомъ нашей педагогіи. Оно стоитъ какъ-то особнякомъ, внѣ провѣрки школьнаго начальства, которое не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла священника даже съ оцѣнкою чисто-педагогической, особенно если это начальство принадлежитъ другому вѣроисповѣданію, что̀ у насъ часто встрѣчается. Наши педагоги считаютъ благоразумнымъ сторониться отъ вопросовъ, касающихся преподаванія Закона Божія, предоставляя это дѣло силамъ духовенства; а оно чуждается педагогіи, основанной на изученіи физической и психической природы человѣка. Вотъ отчего педагогическая сторона нашего законоучительства очень мало разработана, несмотря на то, что между законоучителями были и есть люди талантливые и съ большимъ вліяніемъ на учениковъ. Но они предпочитали не высказываться, хотя и сознавали, что программы стѣсняютъ учительскую ихъ дѣятельность. Вѣроятно ихъ стѣсняла и житейская опытность, выразившаяся въ поговоркѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Какъ бы то ни было, но если есть наука о воспитаніи, то необходимо ее выставить на видъ тѣмъ лицамъ, которыя связываютъ школу съ церковью и которыя стараются удержать за собою право на преподаваніе Закона Божія. Имъ настоитъ крайняя необходимость спеціально приготовлять законоучителей-педагоговъ, которые бы могли стать на ряду съ другими дѣятелями

школы, а не идти позади ихъ, или совершенно отдѣльно отъ нихъ, какъ люди будто бы не причастные общему дѣлу, а отмежевавшіе себѣ въ школѣ совершенно особое и мнимо-независимое положеніе. Тогда они обратятъ должное вниманіе на выводы и совѣты извѣстныхъ педагоговъ, которые много старались о всестороннемъ и естественномъ развитіи въ школьномъ возрастѣ.

„Черезуръ раннее преподаваніе религіи, — говоритъ одинъ изъ нихъ,—пока еще дѣти не въ состояніи постичь вѣроученіе, скорѣе вредно, нежели полезно; оно заставляетъ ихъ относиться къ Закону Божію равнодушно и даже съ отвращеніемъ; вѣдь религія тогда только можетъ быть благодатною, полезною совѣтницею въ ихъ жизни, когда просвѣтляетъ умъ и согрѣваетъ сердце, а не тогда, когда ее низводятъ до простого предмета памяти“... „Нравственное образованіе,—говоритъ другой,—эта великая основа всего, отъ которой зависитъ все достоинство, всякое истинное благо человѣка и гражданина должно составлять важнѣйшую отрасль преподаванія. Но только отнюдь не заучиваніемъ десяти заповѣдей и членовъ вѣры. Давно пора отстать отъ душегубнаго механизма мертвящей катехизаціи и путемъ, болѣе отвѣчающимъ свойству человѣческаго духа, позаботиться о просвѣщеніи молодой души. Добродѣтель нельзя изучать, а по катехизису и подавно: это дѣло сердца, а не памяти; она основана не на знаніи, а пріобрѣтается навыкомъ. Наставникъ, имѣющій въ виду склонить малолѣтнихъ къ добру, втунѣ потратитъ трудъ свой, если вздумаетъ посредствомъ катехизиса и текстовъ вселять въ ихъ сердцахъ добродѣтель. Онъ вѣрнѣе достигнетъ цѣли, если кстати, во-время и въ надлежащемъ видѣ изложенными разсказами увлечетъ ихъ чувства и исполнитъ ихъ фантазію лишь благородными образами, а ихъ сердца доблестными порывами“ [1]).

Руководствуясь настоящей, педагогіей наши законоучители-педагоги, можетъ быть, согласятся, что уроки по Закону Божію должны быть обращены въ сердечныя бесѣды, которыя сблизятъ учениковъ съ ихъ наставникомъ такъ, что они безбоязненно и съ довѣрчивостью будутъ къ нему относиться со всѣми своими недоумѣніями и сомнѣніями. Въ настоящее время рѣдкому законоучителю приходится выслушивать откровенную исповѣдь юной души по очень простой причинѣ: высказанная громко мысль, несогласная съ вѣроученіемъ, чаще всего встрѣчаетъ суровый упрекъ въ невѣріи или ереси и вмѣсто незлобиваго разъясненія

[1]) Истор. педагогіи, Шмидта, т. III, стр. 636 и 681.

навлекаетъ на юнаго ученика подозрѣнія въ вольнодумствѣ и бываетъ причиной невѣрнаго заключенія о развращенномъ умѣ и испорченной нравственности. Понятно, что такое отношеніе къ неустановившейся мысли юноши, иногда къ возникающему скептицизму, свойственному этому возрасту и говорящему о самосмоятельной работѣ ума, не можетъ вызывать на откровенную бесѣду, не можетъ допускать для нея и тѣмъ, близкихъ къ жизни. А между тѣмъ этотъ именно возрастъ особенно нуждается въ такомъ лицѣ, которому можно было бы довѣряться въ своей внутренней борьбѣ, вызываемой разными противорѣчіями дѣйствительности съ высшими идеалами. Но чтобъ сдѣлаться довѣреннымъ лицомъ молодого человѣка въ его душевныхъ безпокойствахъ, недостаточно только считаться законоучителемъ, необходимо съ первыхъ же встрѣчъ показать себя лицомъ, способнымъ понимать молодую душу, способнымъ любить все человѣческое. Нашей молодежи до сихъ поръ недоставало такихъ руководителей. Рѣдкимъ изъ нихъ счастливилось найти теплую христіанскую душу, которая согрѣвала бы ихъ отъ холода полицейскаго воспитанія. Большинство выходило изъ своего школьнаго періода, не зная, на кого указать, какъ на истиннаго друга своей юности, передъ которымъ и потомъ можно изливать свою душу, еще колеблющуюся во многихъ вопросахъ жизни. Вотъ такихъ законоучителей мы представляемъ себѣ пока въ идеалѣ, и думаемъ, что только такіе и могутъ духовно связать школу съ церковью и воспитывать истинныхъ членовъ дѣйствительно христіанской церкви. Для этого не нужно хлопотать объ увеличеніи числа уроковъ по Закону Божію или о расширеніи программы: мы знаемъ, что и одна сердечная бесѣда можетъ заронить много хорошихъ сѣмянъ въ юныя души, а и много холодныхъ книжныхъ уроковъ не дадутъ ничего или даже скорѣе поведутъ къ охлажденію.

Рекомендуя замѣнить уроки бесѣдами, мы въ то же время желали бы, чтобы была забыта и всякая мысль объ экзаменахъ; они только ставятъ въ неправильныя отношенія къ самому предмету, какъ учениковъ, такъ и законоучителей, наводя и начальство на ложныя заключенія. Если хоть въ настоящее время судить по экзаменамъ, то слѣдуетъ утверждать, что лучшаго веденія дѣла нельзя и требовать: ученики въ огромномъ большинствѣ твердо отвѣчаютъ на все, означенное въ программахъ. Но видно не этого требуютъ недовольные голоса, раздающіеся отовсюду; видно они судятъ о христіанинѣ не по богословскимъ его познаніямъ, а по жизни и ея стремленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ

изученіе гражданскихъ законовъ можетъ образовать хорошаго юриста, а иногда и просто сутягу, а не человѣка, проникнутаго чувствомъ законности, такъ и одно богословское ученіе не образуетъ человѣка, у котораго горятъ въ сердцѣ евангельскія слова: „любите другъ друга“, „какъ хотите, чтобъ поступали съ вами, такъ поступайте и вы“. Развѣ въ этихъ чувствахъ можно экзаменовать человѣка? А безъ нихъ къ чему служатъ всѣ эти богословскія ученія? Въ нихъ ли должны быть конечные результаты религіознаго образованія? А между тѣмъ, что же выходитъ изъ такихъ экзаменовъ? Юноша въ присутствіи архіерея и даже высшаго школьнаго начальства, повидимому, съ убѣжденіемъ, твердо произноситъ высокія нравственныя истины и очень правильно разсуждаетъ о нихъ; но на самомъ дѣлѣ онъ никогда не руководствовался ими и не намѣренъ руководствоваться, а можетъ быть, и теперь отвѣчаетъ по фальшивому билету. Здѣсь онъ только пріобрѣтаетъ фарисейскую опытность, какъ выигрывать во мнѣніи людей наружнымъ богопочитаніемъ и показною религіозностью, какъ прикрывать развратъ своего сердца богословскими изреченіями. Такую школу прошли многіе изъ дѣятелей, которые кричатъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи, замазывая пятна отъ своей собственной душевной гнили, накопившейся въ ихъ фарисейской жизни.

Вотъ какія представленія у насъ сзязываются съ экзаменами по Закону Божію. Не лучше ли было бы не вызывать такихъ явленій, которыя оскорбляютъ истинное человѣческое, а значитъ, и религіозное чувство?

Намъ скажутъ, что на экзаменахъ контролируется православное ученіе законоучителей, о которомъ судятъ по отвѣтамъ учениковъ. Но мы возразимъ, что экзаменъ—дѣло парадное, на которомъ плохой законоучитель не отличится отъ хорошаго. Каковъ же онъ въ дѣйствительности, можно узнать только въ классѣ, гдѣ слушаютъ его одни ученики. А тамъ, случается, вмѣсто религіи любви и мира проповѣдуется религія вражды. Изъ ревности къ православію, конечно, по неразумію, произносится ожесточенная брань на всѣ другія христіанскія вѣроисповѣданія; католики и протестанты называются еретиками, бусурманами, которымъ не будетъ прощенія и въ загробной жизни, и которымъ всѣмъ одна извѣстная дорога въ адъ. Отъ такихъ угрозъ не удерживаетъ даже присутствіе учениковъ другихъ исповѣданій. Конечно, въ большинствѣ случаевъ этотъ мнимо-религіозный гнѣвъ не производитъ ни на кого особенно сильнаго впечатлѣнія. Въ нашемъ обществѣ настолько развита вѣротер-

пимость, что проповѣдникъ вражды самъ много теряетъ въ глазахъ даже незрѣлыхъ слушателей и даетъ лишь поводъ къ шуткамъ и остротамъ. Но зато какъ можетъ пострадать религія любви въ тѣхъ школахъ, куда являются ученики изъ избъ и бѣдныхъ хатъ!

Въ настоящее время особенно необходимо подумать о подготовкѣ законоучителей въ виду распространенія народныхъ школъ въ русской землѣ. Пока школы заводились только въ городахъ, не было вопроса, если не о законоучителяхъ, то о священникахъ, которые охотно садились на мѣста законоучителей, поддерживаемые общимъ мнѣніемъ, что всякій священникъ способенъ быть и законоучителемъ, хотя на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Но положеніе нашихъ сельскихъ священниковъ таково, что законоучительство у нихъ всегда будетъ занимать второстепенное мѣсто въ кругу ихъ обязанностей. Народъ, сильно привязанный къ внѣшнимъ церковнымъ обрядамъ, въ исполненіи которыхъ онъ находитъ исходъ естественному религіозному чувству, смотритъ и на своихъ священниковъ не какъ на учителей и наставниковъ, но какъ на оффиціальныхъ исполнителей этихъ обрядовъ. Они же съ своей стороны видятъ свое главное призваніе въ исполненіи разныхъ требъ своихъ прихожанъ и въ огромномъ большинствѣ ни на что другое и неспособны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ виду увеличенія доходовъ, они даже придумали или приняли и такіе обряды, которые церковь никогда не утверждала. Понятно, что все это и должно считаться главными обязанностями, какъ въ ихъ собственномъ сознаніи, такъ и въ сознаніи прихожанъ. Если бы исполненіе всѣхъ этихъ требъ могло ограничиться только предѣлами храма, тогда еще можно было бы распорядиться временемъ и часть его отдать школѣ. Но священнику приходится ѣздить по деревнямъ въ кругу своего прихода во всякое время, часто по едва проходимымъ дорогамъ; а между тѣмъ школѣ нужны опредѣленные часы, которые часто приходится пропускать изъ-за какой-нибудь требы за нѣсколько верстъ. Уже и теперь повсюду слышится ропотъ, что сельскіе священники оказываются несостоятельными даже и въ простомъ посѣщеніи школы, не говоря уже объ удовлетворительномъ преподаваніи. Что же будетъ, когда значительно увеличится число школъ и въ одномъ приходѣ окажется ихъ нѣсколько? Возможно ли будетъ требовать, чтобы одинъ и тотъ же священникъ посѣщалъ всѣ въ качествѣ законоучителя? При этомъ нужно имѣть въ виду и то, что не каждый и способенъ быть учителемъ; иной, чувствуя свою неспособность, будетъ радъ

отклонить отъ себя эту обязанность. И будетъ ли справедливо навязывать человѣку такую работу, которая требуетъ всей души его, и которая безъ того будетъ исполняться кое-какъ, механически, и скорѣе отвратитъ учениковъ отъ разумнаго ученья, чѣмъ привлечетъ къ нему. И какая польза будетъ для школы и для церкви отъ такого невольника-законоучителя? Съ другой стороны, не слѣдовало бы допускать въ школѣ и такихъ священниковъ, которые своими нравственными качествами не заслуживаютъ уваженія прихожанъ. При исполненіи различныхъ требъ нравственность священника не имѣетъ особеннаго значенія въ глазахъ народа, ему все равно, какой попъ креститъ, вѣнчаетъ, выходитъ въ поля съ иконами и пр., лишь бы только онъ стоялъ на ногахъ. Но для школы это далеко не все равно. Воспитательная сторона школы сильна нравственностью наставниковъ. Какое же вліяніе на учениковъ можетъ имѣть законоучитель, если дѣти будутъ перешептываться между собою о томъ или другомъ его поступкѣ, не согласномъ съ понятіемъ о представителѣ церки? Не слѣдуетъ ли оберегать школу отъ такихъ личностей?

Сознаніе, что школа, какъ подготовка къ жизни, необходима, все болѣе и болѣе пробуждается въ народѣ; а между тѣмъ открываемыя школы встрѣчаютъ помѣху съ той стороны, откуда менѣе всего можно было ожидать ее. Церковь въ данный моментъ оказывается безсильною поддержать ее. Церковные представители въ народѣ, всегда чуждые духа учительства въ стѣнахъ храма, не спѣшатъ и на призывъ школы, чтобы стать крѣпкою и нравственно плодотворною связью между нею и церковью. Они ставятъ даже самое правительство въ положеніе очень невыгодное въ глазахъ народа. Оно обѣщаетъ льготы по воинской повинности тѣмъ ученикамъ народной школы, которые окончатъ въ ней курсъ по опредѣленной программѣ. Но многія школы не могутъ выполнить эту программу вслѣдствіе несостоятельности законоучителей: оканчивающіе курсъ не занимались Закономъ Божіимъ и не могли получить обѣщанной льготы. Но чѣмъ же они виноваты, что къ ихъ ученію относились такъ небрежно? Не подрываетъ ли это довѣріе къ правительству или закону, не подрываетъ ли и самую школу, что̀ уже составляетъ большое зло, которое нужно бы было какъ можно скорѣе устранить?

Въ то время, какъ церковь оказывается безсильною помочь школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему народу, народная школа съ своей стороны идетъ на встрѣчу церкви и, можетъ быть, не-

ожиданно для нея начинаетъ оказывать ей большую услугу. Она учитъ дѣтей пѣнію и составляетъ изъ нихъ церковные хоры, которые и поютъ въ праздничные дни при богослуженіи. Мы слышали въ разныхъ великороссійскихъ губерніяхъ отъ самихъ крестьянъ единогласное одобреніе такой новизнѣ. Съ восторгомъ они разсказываютъ о томъ, какъ поютъ ихъ дѣти въ церкви. Самая служба для нихъ сдѣлалась осмысленнѣе и привлекательнѣе; они чаще стали ходить въ церковь, гдѣ есть пѣвчіе. Хоры составляются даже изъ дѣвочекъ тамъ, гдѣ есть отдѣльныя женскія школы, что мы нашли въ ярославской губерніи въ селѣ Курбѣ. Это еще болѣе нравится крестьянамъ. Здѣсь пробуждается у нихъ врожденное эстетическое чувство человѣка и удовлетворяется, что имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ нравственномъ, и чѣмъ особенно нужно дорожить, такъ какъ вся обстановка крестьянской жизни очень мало даетъ пищи эстетическому чувству и скорѣе даже подавляетъ его. А какое нравственное вліяніе это должно производить на самихъ поющихъ! Чувствуя, что они принимаютъ дѣятельное участіе въ богослуженіи, они лучше вслушиваются въ него и привязываются къ церкви, что, конечно, будетъ имѣть значеніе и впослѣдствіи въ зрѣломъ возрастѣ. Къ крайнему сожалѣнію, не всѣ школьные учителя могутъ заниматься этимъ дѣломъ; а изъ тѣхъ, которые могутъ, не всѣ серьезно смотрятъ на него и не всѣ охотно за него берутся, не понимая, какъ они могутъ возвысить школу въ глазахъ народа. Въ нѣкоторыхъ селахъ, мы слышали, крестьяне даже прощаютъ многіе недостатки учителей, если тѣ водятъ своихъ учениковъ на клиросъ. И не должна ли церковь воспользоваться этимъ новымъ явленіемъ въ русской жизни и поддержать его? Къ сожалѣнію, и тутъ мы встрѣчаемъ, что не всѣ священники сочувственно относятся къ дѣтскому пѣнію и по застарѣлой ненависти ко всякой новизнѣ не пускаютъ дѣтей на клиросъ. Пока церковь будетъ выставлять такихъ представителей, до тѣхъ поръ нельзя говорить по совѣсти, что она стала въ правильныя отношенія къ русской школѣ. Но время позаботиться объ этой правильности для очевидной пользы обѣихъ.

Наша школа поставлена въ такія условія, что изъ-за нея не можетъ быть борьбы между государствомъ и церковью, какая велась и ведется въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ. У себя мы видимъ совсѣмъ другое явленіе. У насъ церковь или духовенство не отстаиваетъ своихъ правъ на школу; а напротивъ, государство требуетъ отъ церкви принять участіе въ нравственномъ развитіи школы; но представители церкви чуждаются пе-

дагогіи и не хотятъ знать ея требованій, считая, что слово Божіе, для котораго они призываются въ школу, выше всякаго ученія и не нуждается ни въ какой посторонней опорѣ. Противъ этого никто не покушается съ ними и спорить. Но нельзя не сказать, что они впадаютъ при этомъ въ важную ошибку: Слово Божіе и обученіе Слову Божію не одно и то же. Второе есть дѣло человѣческое, и потому требуетъ знанія человѣческой природы, законовъ ея развитія, умѣнья примѣняться къ нимъ и всего того, на что обращаетъ вниманіе наука о воспитаніи. Пренебрегая ею, можно даже повредить и Слову Божію, которое, по ученію Христа, уподобляется сѣмени; а сѣмя для хорошаго всхода требуетъ подготовленной почвы, что̀ уже принадлежитъ человѣческому знанію, умѣнію и заботѣ. Понявъ свое истинное призваніе въ школьномъ дѣлѣ, церковь будетъ стараться и приготовлять людей вполнѣ для него годныхъ, которые не будутъ враждебно относиться ко всѣмъ другимъ наукамъ, противополагая человѣческое божескому съ цѣлью унизить и уничтожить первое вмѣсто того, чтобы показать тѣсную связь между ними въ стремленіи человѣка къ высшей истинѣ, которая и есть основаніе каждой науки. Эта враждебность въ настоящее время нерѣдко высказывается въ классахъ Закона Божія. И нельзя сказать, что она остается безслѣдною для учениковъ; но только направляетъ не въ ту сторону, куда мѣтятъ враги наукъ. Эти люди обыкновенно такъ грубо выражаются, что вызываютъ улыбку недовѣрія и въ то же время непріязненно встрѣчаютъ всякое возраженіе или сомнѣніе, чувствуя себя не въ силахъ разумными доводами подтвердить свои слова. Какъ скоро въ ученикѣ, сколько-нибудь развитомъ наукою, въ которую онъ начинаетъ вѣрить, является неопровергнутое сомнѣніе, онъ уже начинаетъ подозрѣвать авторитетность словъ своего законоучителя, отчего, конечно, должно пострадать и то ученіе, которое составляетъ сущность предмета Закона Божія: ученикъ наконецъ не знаетъ, кому и чему вѣрить, что̀ составляетъ сущность религіи и что̀ должно отнести къ личнымъ взглядамъ преподавателя. И вотъ начало ранняго скептицизма, отъ котораго слѣдовало бы оберегать юношу.

Но въ народной школѣ такой грубый пріемъ возвышать религію (которая того не требуетъ) на счетъ науки можетъ принести существенный вредъ. Онъ не дастъ правильнаго понятія о религіи и вооружитъ противъ всякихъ научныхъ познаній, значитъ, повредитъ главнымъ стремленіямъ школы. Но въ ней нельзя допускать никакого разнорѣчія, и крайне было бы прискорбно, если бы у насъ явилась борьба школы съ церковью.

А она можетъ возникнуть, какъ скоро вопросъ объ образованіи законоучителей будетъ пренебреженъ нашимъ духовенствомъ. Онъ не будетъ разрѣшенъ совершенно удовлетворительно и тогда, если духовенство откажется отъ исключительнаго права занимать законоучительскія мѣста въ низшихъ школахъ, что̀ рано или поздно должно произойти по несоотвѣтствію числа сельскихъ приходовъ съ числомъ школъ. Во всякомъ случаѣ оно крѣпко будетъ стоять, чтобы удержать за собою надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія. Но кому будетъ препорученъ этотъ надзоръ? Если безъ исключенія всѣмъ приходскимъ священникамъ, то дѣло школы нисколько не выиграетъ. Самымъ сильнымъ врагомъ школы обыкновенно является человѣкъ, непонимающій педагогическаго дѣла и желающій показать свою власть надъ нею. При той грубости нравовъ, какою отличаются многіе изъ сельскаго духовенства, интересы школы для нихъ всегда будутъ послѣднимъ дѣломъ; а личные разсчеты, зависть, сварливость, неумѣнье владѣть собою и т. п. будутъ вносить въ школу раздоръ; а клеветы и доносы (къ которымъ, къ сожалѣнію, пристрастны очень многіе изъ этого сословія) будутъ безпрестанно волновать начальство, набрасывая тѣнь подозрѣнія на учителей, можетъ быть, самыхъ добросовѣстныхъ и достойныхъ. Мы говоримъ это не по однимъ отвлеченнымъ соображеніямъ, а на основаніи многихъ фактовъ, извѣстныхъ, вѣроятно, не намъ однимъ. Священникъ прочитъ молодого учителя, вновь прибывшаго въ сельскую школу, въ женихи къ своей дочери. Но тотъ не показалъ расположенія къ невѣстѣ, и пастырь пылаетъ гнѣвомъ и не гнушается никакими средствами, чтобы уронить учителя въ глазахъ начальства и даже своей паствы; а между тѣмъ учитель былъ человѣкъ достойный и могъ бы съ успѣхомъ вести школу. Понятно, что, пользуясь правомъ оффиціальнаго надзора, грубый человѣкъ будетъ считать себя въ правѣ и оскорблять личность школьнаго учителя, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, заявлять ему такія требованія, какія не оправдываются никакою педагогіею, а главное, будетъ имѣть развращающее вліяніе на самихъ учащихся дѣтей. Понятно и то, что при такихъ отношеніяхъ священника къ учителю чаще всего виноватымъ будетъ оставаться учитель въ глазахъ начальства, которое всегда будетъ считать щекотливымъ имѣть непріятное дѣло съ духовнымъ вѣдомствомъ. И гдѣ найдетъ себѣ управу оскорбленный или оклеветанный бѣдный учитель? Послѣ многихъ такихъ фактовъ общественное мнѣніе наконецъ будетъ рѣзко высказываться не въ пользу духовенства, и мы спрашиваемъ: достаточно ли будетъ обезпечено религіозное

образованіе народа и достаточно ли будетъ ограждена церковь отъ разныхъ нареканій и обвиненій въ томъ, что она невнимательно отнеслась къ своему призванію, не пошла на встрѣчу и духовнымъ нуждамъ народа и не выслала такихъ пастырей, которые могли бы быть доброжелателями, достойными наставниками и друзьями школьному учителю? Такимъ намъ пока представляется въ идеалѣ сельскій приходскій священникъ. Но чтобъ онъ сталъ такимъ въ дѣйствительности, необходимо поскорѣе и всѣми силами позаботиться о томъ, чтобъ духовная семинарія перевоспитала его, не выпуская ни на одинъ мигъ изъ виду, что на ней лежитъ священная обязанность приготовить не только однихъ исполнителей религіозныхъ требъ народа, но и достойныхъ наставниковъ, которые бы поняли значеніе народной школы, какъ естественной союзницы церкви. Тогда вопросъ о законоучительствѣ будетъ рѣшенъ правильно и бояться борьбы между школою и церковью не будетъ никакого основанія. Иначе она непремѣнно возникнетъ къ прискорбію тѣхъ, кому одинако дороги интересы той и другой. Подумать объ этомъ настоятельно, пока еще есть время, но оно съ каждымъ годомъ уходитъ, потому что съ каждымъ годомъ у насъ увеличивается число школъ въ городахъ и деревняхъ, и скоро вопросъ о законоучителяхъ можетъ сдѣлаться вопіющимъ вопросомъ. Современная школа не можетъ довольствоваться тѣмъ, что въ настоящій моментъ могутъ предложить представители церкви. Помимо нихъ выработался у нея свой идеалъ, отъ котораго она не можетъ отступиться, какъ бы его ни тѣснили люди посторонніе, не имѣющіе понятія о разумныхъ условіяхъ существованія школы. Приходится выбирать одно изъ двухъ: или школа со своимъ идеаломъ, который необходимо усвоить каждому ея руководителю, или поголовное народное невѣжество—врагъ церкви, государства и самого народа. Слѣдственно, едва ли кому выгодно поддерживать это послѣднее, если не имѣть въ виду своекорыстныя личности, которыя не отказываются въ мутной водѣ ловить рыбу.

IX.

Цѣль общеобразовательной школы.

Наши среднія школы называются общеобразовательными. Съ этимъ прилагательнымъ онѣ противополагаются школамъ спеціальнымъ. Но въ нашихъ понятіяхъ, кажется, не проведена

между ними ясная черта; отсюда у насъ является нерѣдко смѣшеніе понятій вмѣстѣ съ недоумѣніемъ, что̀ принять за предметъ общеобразовательный и что̀ за спеціальный. Школѣ ставятъ на видъ цѣль общеобразовательную; а какая цѣль общаго образованія, мы позволимъ себѣ усомниться, что школа вполнѣ выяснила это понятіе. Стоитъ только просмотрѣть программы всѣхъ нашихъ среднихъ школъ, чтобъ убѣдиться, что эти кабинетныя произведенія составлены безъ всякой общей идеи. По нимъ трудно вывести понятіе о человѣкѣ, получившемъ общее образованіе: по однимъ, это—человѣкъ, получившій столько-то познаній изъ географіи, исторіи, математики, физики и разныхъ другихъ предметовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми иностранными языками (предполагая, что все это основательно усвоено, хотя въ дѣйствительности у большинства того не бываетъ); по другимъ это—человѣкъ, занимавшійся, можетъ быть, и тѣми же предметами, но въ другомъ объемѣ; по третьимъ—человѣкъ, много упражнявшійся надъ грамматиками классическихъ языковъ, надъ чтеніемъ разныхъ отрывковъ изъ классическихъ литературныхъ произведеній и, такъ сказать, понюхавшій кое-что изъ нѣкоторыхъ наукъ. При этомъ вы себя съ недоумѣніемъ спрашиваете: въ чемъ же заключается сущность образованія; по какимъ соображеніямъ въ цѣляхъ образованія одной программѣ нужно занимать будущаго образованнаго человѣка исторіей два часа въ недѣлю, а другой—три; одна считаетъ нужнымъ знакомить съ такими частями математики, до которыхъ другая и не прикасается? Точно такъ же и по всѣмъ прочимъ програмнымъ предметамъ. Значитъ, цѣли общаго образованія не однѣ и тѣ же; а въ такомъ случаѣ и общее образованіе дѣлится также на спеціальности. Тутъ ужъ вы совсѣмъ становитесь въ тупикъ: логическая несообразность ужъ очень поразительна. Начинаете прислушиваться къ объясненію педагоговъ; одни говорятъ, что основы общаго образованія лежатъ въ научныхъ познаніяхъ; другіе возражаютъ, что наука дѣло второстепенное; вся сила въ древнихъ языкахъ, которые, пріучая перекладывать чужія мысли съ одного языка на другой, оказываютъ удивительныя чудеса въ умственномъ развитіи. Согласитесь ли вы съ тѣми или съ другими, а все же не устраните отъ себя заключенія, что общее образова ніе у насъ дѣлится на спеціальности, и слѣдовательно общее о немъ понятіе еще не выработалось. Затѣмъ, вы можете обратиться къ практикуемымъ учебникамъ: у каждаго своя опредѣленная цѣль, но цѣль исключительно научная, слѣдовательно, болѣе или менѣе спеціальная. Гдѣ же та общая идея, по которой педаго-

гически разрабатывался учебникъ, идея, которая бы опредѣляла объемъ его и тѣсно связывала бы его съ общеобразовательными цѣлями? Каждый преподаватель, считающійся спеціалистомъ по своему предмету, старается передать своимъ ученикамъ какъ можно больше свѣдѣній въ интересахъ своей науки; но у него нѣтъ той общей идеи, которая бы удерживала его въ строгихъ предѣлахъ, опредѣленныхъ разрѣшеннымъ вопросомъ, что̀ нужно для общаго образованія?

Не найдете вы отвѣта на свой вопросъ и въ средѣ тѣхъ, которые оканчиваютъ курсъ въ этихъ общеобразовательныхъ школахъ. У даровитыхъ изъ нихъ окажется, можетъ быть, довольно познаній по разнымъ наукамъ; но зато какъ мало высшихъ понятій, которыя должны бы были связывать въ одно цѣлое всѣ эти разнородныя познанія, пріобрѣтенныя памятью въ разное время, и которыя приводили бы его къ сознанію, для чего ему передавались эти именно познанія. У него въ головѣ много именъ, фактовъ, чиселъ, фразъ отдѣльныхъ представленій и общихъ заученныхъ мыслей, не всегда, впрочемъ, ясныхъ, которыя скоро забудутся; но у него слишкомъ мало матеріала, чтобы составлять правильныя посылки и изъ нихъ дѣлать вѣрныя заключенія въ вопросахъ, касающихся его жизни и физической и умственной, и нравственной; у него нѣтъ никакого критерія, чтобы обсуживать явленія жизни и тѣ общіе выводы, которые выхватываются изъ книгъ и выдаются ему за послѣднее слово науки. Отъ неясности высшихъ понятій у него нѣтъ твердой опоры ни для мысли, ни для поступковъ. Напрасно намъ говорятъ о томъ прочномъ формальномъ умственномъ развитіи, которое является плодомъ изученія классическихъ языковъ. Не оспаривая этихъ плодовъ, мы скажемъ, что по меньшей мѣрѣ странно развивать аппетитъ и не давать пищи, развивать умственныя силы и не давать нужнаго матеріала для того мышленія, на которое вызываетъ жизнь. Не будетъ же думать молодой человѣкъ внѣ школы о періодахъ Цицерона и о герояхъ Софокла или Виргилія. Жизнь встрѣтитъ его множествомъ вопросовъ, для разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, уясненія которыхъ потребуется не только приготовленный крѣпкій умъ, но и выработанныя ясныя понятія обо всемъ томъ, что связывается съ нашею жизнію. Безъ нихъ, что̀ сдѣлаетъ вашъ развитой умъ? Цитаты изъ Ѳукидида и Тита Ливія не помогутъ, а настоящій научный матеріалъ, нужный для правильныхъ выводовъ, оказывается очень скудный. Отсюда является блужданіе ума, мечтаніе, вытекающее изъ случайной ассоціаціи понятій, видится недомысліе въ сужденіяхъ и

поступкахъ. Очевидно, что образованіе не доведено до конца, что ему недостаетъ чего-то самаго существеннаго. Молодая натура стремится къ жизни, кипитъ, рвется къ дѣятельности, а внутри себя чувствуетъ пустоту, безпочвенность; идеаламъ развиться не изъ чего; остается или предаться животнымъ наклонностямъ, удовлетворенію чувственныхъ аппетитовъ, или искать выхода изъ своего неопредѣленнаго и тяжелаго положенія въ какихъ-либо безумныхъ замыслахъ, въ которыхъ видятся все тѣ же неясныя понятія, неразвитыя наукою. Это ли мы должны назвать образованіемъ? Или намъ укажутъ на тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ знакомили съ разными видами животныхъ и растеній, заставляли дѣлать разныя математическія выкладки, заучивать множество географическихъ и историческихъ именъ и фактовъ и проч. Да, имъ старательно укладывали въ головы разныя познанія, но приведены ли они въ надлежащую связь между собою, въ такую связь, отъ которой бы просвѣтлѣло въ душѣ, сдѣлалось бы яснымъ, для чего и какъ жить, въ какой сферѣ искать себѣ идеаловъ, чтобы почувствовалось, что учатъ для жизни, а не для школы. Ничего этого не видно въ томъ же блужданіи мысли, въ томъ же недомысліи, въ томъ же малосиліи ума въ вопросахъ жизни. Не разрѣшается и здѣсь вопросъ: въ чемъ полагалась сущность общаго образованія. Умственное и нравственное колебаніе отъ недостаточнаго развитія высшихъ понятій не можетъ служить признакомъ образованія.

Въ нашей общеобразовательной школѣ много спеціальностей, которыя безъ нужды считаются очень важными въ виду полноты науки, но которыя, обременяя память, не служатъ къ уясненію и развитію понятій, нужныхъ для общаго образованія. Полнота науки нужна въ спеціальномъ ея изученіи. Спеціальность собственно и заключается въ полнотѣ. Благодаря ей, спеціалистъ имѣетъ больше возможности примѣнять ее къ потребностямъ жизни и къ изслѣдованію разныхъ явленій въ жизни и въ природѣ. Съ ея полнотою онъ усвоиваетъ себѣ научный методъ, которымъ и пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ. Но простое примѣненіе науки къ потребностямъ жизни еще нельзя принять за исключительную принадлежность спеціальности. Полагать этотъ признакъ для отличія спеціальнаго отъ общаго было бы крайне ошибочно и даже вредно въ вопросѣ объ образованіи. Нельзя задаться мыслью учить тому, что не имѣетъ практическаго примѣненія къ жизни, на томъ только основаніи, что это уже спеціальность, которая не должна входить въ кругъ общаго образованія. Странно было бы учить ариѳметикѣ безъ мысли, что

она на каждомъ шагу будетъ нужна въ жизни, въ примѣненіи къ разнымъ ея потребностямъ. Говоря о спеціальностяхъ въ нашей средней школѣ, мы разумѣемъ не примѣненіе науки къ жизни, напротивъ, хотѣлось бы, чтобы каждый какъ можно чаще пользовался пріобрѣтенными имъ научными познаніями во всѣхъ случаяхъ жизни. Спеціальность нашей школьной науки заключается въ тѣхъ излишествахъ, которыя увеличиваютъ массу познаній только потому, что они входятъ въ объемъ данной науки, но которыя не прибавляютъ въ головѣ ничего существеннаго для образованія. Для нихъ требуется только память, но не та работа ума, изъ которой выясняются понятія. Въ защиту ихъ обыкновенно говорятъ, какъ же не знать этого образованному человѣку? Но мы припомнимъ, что когда-то говорили то же самое и о греческой миѳологіи, дѣлая ее особымъ научнымъ предметомъ въ школѣ, удерживали и въ исторіи разныя сказки, которыхъ будто бы „стыдно не знать образованному человѣку“:

И дней минувшихъ анекдоты
Отъ Ромула до нашихъ дней
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Но потомъ стали убѣждаться, что настоящее образованіе нисколько не пострадаетъ и безъ этихъ премудростей, и ученики мало-по-малу избавлялись отъ нихъ. Но вмѣсто нихъ стали требоваться другія премудрости, которыя показываютъ, что понятіе объ образованіи у насъ все еще смутно и неопредѣленно. Благодаря этому, оказалось нужнымъ увеличивать число ежедневныхъ уроковъ въ школѣ и распинать учениковъ въ ихъ школьныхъ занятіяхъ. А между тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ образованіе ихъ улучшилось.

Вглядываясь въ занятія нашихъ учениковъ, приходишь къ мысли, что они учатся больше для школы, чѣмъ для жизни. Большая часть работъ, которыя даются имъ, не имѣютъ никакой другой цѣли, кромѣ желанія не оставлять ихъ ума ни минуты въ праздности, которая есть мать всѣхъ пороковъ. Не щадятъ ихъ физическихъ силъ, задавая разные уроки, но не для того, чтобы при этомъ имѣлось въ виду достигнуть какой-нибудь намѣченной педагогической цѣли, а для того, что нужно выполнить въ срокъ данную программу; она же составлена несоразмѣрно съ назначеннымъ временемъ, потому что „нельзя же“ будто бы „образованному человѣку не знать“ всего того, что въ ней напичкано; а преподавателю нельзя же не имѣть въ виду экзаменовъ, по которымъ судятъ объ его стараніи; на экзаме-

нахъ же требуютъ, чтобы ученики выкладывали свои познанія и чѣмъ больше, тѣмъ, конечно, лучше. О всемъ же прочемъ, что составляетъ существенное въ образованіи, на экзаменѣ, въ той формѣ, какъ онъ производится, мало узнаешь. Итакъ, у школы являются свои особенныя цѣли, которыя отдѣляются отъ цѣли истиннаго образованія; а эта послѣдняя и совсѣмъ забывается въ погоняхъ за успѣшными экзаменами. Но намъ нужно не подобное школьное образованіе, а такое, которое имѣло бы въ виду жизнь, облегчало бы ее, ставило бы человѣка въ болѣе правильныя отношенія и къ природѣ и къ обществу. Для достиженія же этой цѣли школа не можетъ дѣйствовать безъ идеала. А наша школа въ лицѣ преподавателей, преслѣдуя мать всѣхъ пороковъ до истощенія силъ физическихъ, гоняясь за точнымъ исполненіемъ программъ и за экзаменами до истощенія силъ умственныхъ жила безъ идеала, и въ этомъ главный ея недостатокъ, изъ котораго развивались и всѣ другіе. Общее образованіе можетъ только опредѣлиться по идеалу просвѣщеннаго человѣка, который и долженъ отвлечь школу отъ всѣхъ ея спеціальностей, опредѣливъ сущность образованія. Тогда у школы будетъ одна общая идея, надъ которою станутъ работать сообща всѣ преподаватели, и каждый своимъ трудомъ будетъ вносить только то, что нужно для осуществленія этой идеи.

Разумѣется, мы не создадимъ себѣ такого идеала, пока у насъ не выяснится понятіе о просвѣщеніи, а оно, надо признаться, крайне затемнено у насъ нашимъ предшествующимъ развитіемъ и ложнымъ отношеніемъ къ наукѣ. Многое принимали мы за просвѣщеніе, исключая того, что должно въ немъ заключаться. Мы не можемъ опредѣлить, когда у насъ впервые явилось это слово, но нельзя не признаться, что оно составилось очень удачно для названія самаго понятія. Въ немъ, хотя и метафорически, рѣзко выразился признакъ того, что мы должны разумѣть подъ истиннымъ просвѣщеніемъ. Этотъ признакъ сближенъ со свѣтомъ, все кругомъ освѣщающимъ, согрѣвающимъ, оживляющимъ. Это тотъ свѣтъ, который вспыхиваетъ въ нашемъ духѣ, освѣщая нашъ умственный и нравственный міръ, возноса нашу мысль на ту высоту, съ которой все видится яснѣе и опредѣляются лучше отношенія ко всему окружающему. Предлогъ про выражаетъ, что этотъ свѣтъ стремится проникнуть какъ бы насквозь въ существо, слѣдственно въ самую глубину его, все освѣтить и не оставить ни одного темнаго уголка. Вотъ какое понятіе заключается въ словѣ „просвѣщеніе“, судя по его названію. Оно противополагается слову „невѣжество“ въ смыслѣ

невѣдѣнія, въ которомъ человѣкъ пребываетъ отъ малаго знакомства съ законами жизни, и которое держитъ собственную его жизнь въ бѣдности среди постоянныхъ непредвидѣнныхъ случайностей. Это противоположеніе выясняетъ намъ, что просвѣщеніе составляетъ міръ высшихъ идей, которыя пріобрѣтаются черезъ изученіе всего, что̀ существуетъ и дѣйствуетъ какъ въ насъ, такъ и внѣ насъ. Отсюда просвѣщеніе тѣсно связывается съ ученіемъ, дающимъ свѣтъ разуму и указывающимъ тотъ прямой путь, по которому слѣдуетъ идти человѣку. Итакъ, просвѣщеніе не можетъ быть безъ развитія высшихъ понятій, въ которыхъ связывается, но не смѣшивается все существующее по извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ и въ извѣстныхъ между собою отношеніяхъ. Слѣдственно, просвѣщенный человѣкъ не тотъ, у кого много несвязныхъ познаній или такихъ, которыя составляютъ одну какую-нибудь спеціальность, а тотъ, кто черезъ научныя познанія развилъ въ себѣ высшія понятія, которыя опредѣляютъ человѣческую жизнь въ ея отношеніяхъ ко всему окружающему, т.-е. къ природѣ и къ обществу. Просвѣщеніе вызываютъ присущія человѣку стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру и изящному и сами имъ поддерживаются. Слѣдственно, съ просвѣщеніемъ соединяются всѣ сферы дѣятельности—и ученаго, и администратора, и судьи, и медика, и филантропа, независимо отъ тѣхъ спеціальныхъ познаній, которыя имъ нужны для дѣятельности. Можно быть очень ученымъ спеціалистомъ, и въ то же время человѣкомъ мало просвѣщеннымъ, т.-е. безъ тѣхъ высшихъ понятій, которыя возвышаютъ человѣческую жизнь, расширяя и освѣщая умственный и нравственный горизонтъ. Съ другой стороны, можно быть очень просвѣщеннымъ человѣкомъ безъ всякаго права называться спеціалистомъ по какой бы ни было отрасли наукъ.

Но, опредѣляя такимъ образомъ просвѣщеніе и просвѣщеннаго человѣка, мы не можемъ сказать, что во всѣ времена людямъ ясно представлялись эти понятія. Масса, относясь съ уваженіемъ къ самому слову, очень часто враждебно относилась къ передовымъ двигателямъ просвѣщенія, тѣмъ людямъ, которые путемъ изученія жизни и природы стремились расширить умственный кругозоръ или выяснить какія-либо нравственныя понятія, чтобы привести жизнь въ большее соотвѣтствіе съ законами физическими или нравственными. Ихъ новыя открытія развивали и новыя понятія и разрушали ассоціацію представленій и понятій, которая слагалась у современниковъ съ самаго дѣтства, къ которой они такъ привыкли и отъ которой отказаться было бы

для нихъ трудно, какъ отъ какой-то святыни. Они дружно вступались за нее, а тотъ, кто ставилъ имъ новую, высшую ступень къ просвѣщенію, являлся въ ихъ глазахъ не просвѣтителемъ, а развратителемъ. Сущность просвѣщенія ускользала изъ ихъ понятія, и этимъ словомъ они называли то, что не составляло просвѣщенія, нерѣдко блескъ свѣтской жизни или даже недостатки людей, которые назывались просвѣщенными только по недомыслію. Это смѣшеніе понятій ввело въ ошибку и Жанъ-Жака Руссо, который вздумалъ доказывать, что просвѣщеніе приноситъ болѣе зла, чѣмъ добра. Но несмотря на все это, путемъ къ просвѣщенію всегда считалось ученіе, для котораго и назначались раннія юношескіе годы. Юноша долженъ былъ пройти какую-нибудь школу, чтобы получить право назваться просвѣщеннымъ. Правда, и школа нерѣдко искажала идею просвѣщенія, если не теряла ее совсѣмъ изъ виду, или задавалась такими спеціальными задачами, которыя не выясняли, а затемняли понятія о человѣкѣ и о правильномъ его отношеніи къ обществу. Но тѣмъ не менѣе наука всегда считалась просвѣтительною силою, хотя нерѣдко ставилась такъ, что не могла достигать настоящей цѣли.

Наши школы съ начала прошедшаго столѣтія также заводились во имя просвѣщенія, даже при той скудости наукъ, какія вводились въ нихъ. Но идея просвѣщенія связывалась только съ удовлетвореніемъ тѣхъ нуждъ, какія чувствовало русское государство. Наше просвѣщеніе началось прямо со спеціальностей, слѣдовательно, лишено было той силы, которая составляетъ его сущность: потребности жизни практической взяли сильный перевѣсъ надъ потребностями духовной жизни. Отсюда не могъ развиться и идеалъ просвѣщеннаго человѣка. Школа работала безъ всякаго идеала, потому что долгое время вели ее Цифиркины и Кутейкины. Подражая Европѣ, мы ссылались на вѣковые ея опыты безъ всякаго соображенія съ ея историческимъ развитіемъ, учили въ школахъ учебники по разнымъ научнымъ предметамъ, какъ это дѣлалось въ Европѣ, и отличали просвѣщеннаго человѣка отъ непросвѣщеннаго или по французскимъ разговорамъ, или по школьному его диплому, въ которомъ значилось, что онъ учился разнымъ языкамъ и наукамъ. Но этотъ просвѣщенный человѣкъ въ жизни выказывалъ самое скудное развитіе ума, самыя грубыя нравственныя понятія. Оставалось только пожалѣть и время, и трудъ, потраченные имъ на затверживанье учебниковъ, которые скорѣй затемнили, чѣмъ просвѣтили его душу. Конечно, были блистательныя исключенія, которыя съумѣли сами додуматься до высшихъ понятій, иные даже на горе себѣ; но

мы разумѣемъ большинство. Была у насъ и такая пора, когда мы отрекались отъ Европы, заподозрѣвая науку въ злоумышленности, и провозгласили свои собственные принципы школьнаго воспитанія: „православіе, самодержавіе и народность“, но только на бумагѣ и въ торжественныхъ рѣчахъ; а на самомъ дѣлѣ продолжали безжизненно заучивать учебники съ нѣкоторыми ограниченіями и думать о табели о рангахъ, надъ которой не возвышались наши понятія. Понятіе о просвѣщеніи съузилось до того, что семнадцатилѣтній юноша, окончившій курсъ въ чинѣ девятаго класса, казался чуть-чуть не идеаломъ просвѣщеннаго человѣка; а онъ не замедлялъ проявлять свой идеализмъ на паркетѣ въ бойкихъ и утонченныхъ французскихъ разговорахъ и на службѣ въ казенныхъ наживахъ или секретныхъ взяткахъ. Мы знали одного, который безъ краски на лицѣ говорилъ, что онъ съ удовольствіемъ промѣнялъ бы все свое образованіе на порядочный кушъ денегъ. Вотъ какъ цѣнилось образованіе нашими просвѣщенными людьми. Но если цѣнить на деньги и по совѣсти, то не стоило оно и гроша, хотя казнѣ обходилось не дешево.

Въ послѣдніе годы наши школы много, иногда даже черезчуръ много, стали хлопотать объ умственномъ развитіи учениковъ, и каждый преподаватель развивалъ по-своему и тянулъ въ свою сторону; растягивали бѣдный умъ, но силачей не выходило. Произошла важная ошибка въ томъ, что средство приняли за цѣль. Учатъ музыкѣ не для того, чтобы развивать кисть руки, а для того, чтобы научить хорошо разыгрывать всякія ноты, а руки уже сами разовьются отъ необходимыхъ упражненій. Невозможно развивать какія-либо силы безъ цѣли дойти до какого-нибудь опредѣленнаго конца, чтобы получить возможность свободно пользоваться развитыми силами въ данной работѣ. Точно такъ же невозможно развивать однѣ и тѣ же силы съ помощью разныхъ лицъ, не сговорившихся въ общей цѣли. А въ нашей школѣ дѣлалось такъ: развивали силы и ни на чемъ иномъ ихъ не сосредоточивали; вели разными параллельными путями и, конечно, не могли довести до одного общаго пункта, потому что общей конечной цѣли у нихъ не было. Отсюда каждый преподаватель занимался только своими уроками, не видя надобности справляться съ работами своихъ товарищей; отсюда и между программами не было никакой внутренней связи; учебные предметы дѣлились на главные и второстепенные; одни назначались для развитія мыслительной способности, другія для памяти, третьи для воображенія, а иные просто для того, что не нами они за-

ведены въ школѣ. Не было связи даже между программами и количествомъ времени, назначеннымъ для выполненія той или другой программы. Отсюда понятно, что когда заходила рѣчь объ улучшеніи школьнаго образованія, то при неясности общей цѣли ничего другого не могли дѣлать, какъ переносить учебные предметы изъ класса въ классъ, прибавляя или уменьшая число уроковъ по каждому предмету. Нѣкоторые педагоги чистосердечно заявляютъ, что школьное ученье дастъ значительно лучшіе результаты, если прибавить только по одному уроку на Законъ Божій или на русскій языкъ, или на математику. На вопросъ же: гдѣ для этого взять время, они, не задумавшись, отвѣчаютъ: отнимите часокъ отъ географіи, да часокъ отъ естественныхъ наукъ; образованіе отъ того существенно не пострадаетъ. Не служитъ ли это доказательствомъ, что въ сознаніи большей части нашихъ педагоговъ нѣтъ общаго опредѣленнаго плана? У всѣхъ стремленіе только расширять программы, но гдѣ же предѣлъ этому расширенію? и гдѣ та разумно сдерживающая сила, которая бы соединила въ одинъ планъ всѣ программы и ея части?

Сдѣлать исключительно формальное развитіе умственныхъ силъ цѣлью школы, значитъ задаться тѣмъ же идеаломъ, какимъ задается акробатическая школа, гдѣ развиваютъ физическія силы не для здоровой жизни, не для примѣненія ихъ къ какой-либо опредѣленной работѣ, а для фиглярскихъ штукъ. Развитая сила непремѣнно будетъ акробатствовать, если ей не надъ чѣмъ будетъ работать. Надъ чѣмъ будетъ работать формально развитой умъ, если у него въ запасѣ оказывается слишкомъ мало матеріала для мысли? Предполагать, что онъ можетъ выдумывать самъ вѣрныя мысли и прилагать ихъ къ жизни, значитъ не знать даже элементарной психологіи. Какъ ни будь развитъ умъ съ формальной стороны, но, не опираясь на точныя научныя познанія о жизни природы и человѣка, онъ не можетъ правильно обсудить ни одного явленія жизни. Въ своей самонадѣянности онъ, пожалуй, будетъ разсуждать обо всемъ, но будетъ во всемъ выказывать полное недомысліе. Онъ будетъ поражать реторическими фразами, которыхъ у него останется въ памяти много отъ школьнаго ученья, можетъ быть, блестящею рѣчью, но наполненною пустомысліемъ, или сбивчивыми понятіями, или скороспѣлыми заключеніями, которыя имѣютъ силу истины для такихъ же умовъ, какъ онъ самъ. Развѣ это не умственное акробатство? Развѣ такое развитіе даетъ содержаніе для духовной жизни, даетъ твердыя основы, которыя составили бы отпоръ всѣмъ измышленіямъ мечтательныхъ головъ? Что съ такимъ развитіемъ сдѣ-

лаетъ юноша подъ вліяніемъ множества впечатлѣній отъ жизни, если его понятія о человѣкѣ, объ обществѣ, о государствѣ, о гражданинѣ и проч. остались не выясненными, точно такъ, какъ и многія нравственныя понятія? А они должны были остаться не выясненными, потому что они выясняются только на основаніи многихъ научныхъ познаній, которыхъ у него слишкомъ мало; вмѣсто же нихъ было въ головѣ много фактовъ, именъ, чиселъ, отрывочныхъ фразъ, которыя ничего ему не выясняли и скоро забывались. Что мудренаго, что пылкій юноша, утомленный однѣми формальными безжизненными работами ума въ школѣ, ища жизни, принимаетъ на вѣру за истину всякую новую мысль, связанную съ жизнію, хотя бы дѣйствительность не представляла никакой почвы для ея осуществленія. Но гдѣ же ему обсудить дѣйствительность, когда ему смутно представляются всѣ ея законы? Онъ набрасывается на чтеніе, но тамъ принимаетъ всякую смѣлую гипотезу за доказанную истину и, пользуясь ею, ставитъ себя въ самое ложное отношеніе не только къ обществу, но даже и къ природѣ.

Изъ всего этого ясно, что та школа еще плохо вооружаетъ юношу, которая думаетъ только объ одномъ формальномъ развитіи ума. Такое развитіе должно быть только однимъ изъ средствъ въ стремленіи къ идеалу, какимъ должна задаваться настоящая школа. А этотъ идеалъ есть идеалъ просвѣщеннаго человѣка. Съ просвѣщеніемъ же, какъ мы видѣли, соединяются такія понятія, изъ которыхъ вырабатываются въ душѣ человѣка высшія понятія, необходимыя для того, чтобы поставить себя въ болѣе правильныя, т.-е., разумныя отношенія ко всей окружающей жизни. Какія же это высшія понятія? Для выраженія ихъ въ языкѣ существуетъ немного словъ, которыя знакомы какъ безграмотному крестьянину, такъ и высоко-просвѣщенному человѣку. Возьмемъ для примѣра слово человѣкъ: оно слышится въ устахъ всякаго, но какъ различны понятія, которыя соединяются съ нимъ. Для одного оно - святѣйшее изъ званій; для другого—не болѣе, какъ простая кличка, отличающая отъ прочихъ животныхъ. Для того, чтобы перейти отъ этого грубаго понятія до возвышеннаго, которое заставляетъ полюбить человѣка, какъ существо нравственное, стоящее неизмѣримо высоко надъ животными, хотя съ физической стороны онъ есть только видъ животнаго, того понятія, которое внушаетъ желаніе служить человѣчеству, нужно постепенно выяснять много низшихъ понятій, относящихся къ міру физическому и нравственному. Просвѣщенный человѣкъ съ высшимъ понятіемъ о человѣкѣ дол-

женъ одинаково вѣрно понимать и природу внѣшнюю и свою собственную, точно такъ же, какъ и свои нравственныя отношенія къ людямъ и обществу. Но и этого мало; онъ долженъ понимать и отношенія настоящаго момента своей жизни ко всѣмъ предшествующимъ, какимъ путемъ дошло общество, народъ, человѣчество до настоящаго момента. Тогда только ему будетъ ясно высшее понятіе о человѣкѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о гражданинѣ. Вотъ наше идеальное представленіе просвѣщеннаго человѣка, и вотъ что должна имѣть въ виду школа, разсуждая, къ чему и какъ вести юное поколѣніе. Давайте ему такого матеріала, съ которымъ онъ могъ бы постепенно возвышаться отъ низшихъ понятій къ высшимъ, не смѣшивая ихъ. Работайте съ нимъ надъ этимъ матеріаломъ, опираясь на законы физическіе и психическіе. При этомъ формальное развитіе ума будетъ совершаться само собою; но при этомъ у него постоянно будетъ увеличиваться запасъ истинъ, на которыя онъ можетъ твердо опираться, принимая впечатлѣнія отъ собственной жизни. Притомъ же нечего опасаться, что забудутся тѣ или другія сообщенныя познанія. Понятіе, выработанное такимъ путемъ, никогда не забудется; оно, напротивъ, вѣчно будетъ развиваться и расширяться. Опредѣляя, какимъ идеаломъ должна задаться школа, мы не мечтаемъ о невозможномъ. Мы не предполагаемъ, что школа, выпуская юношей изъ своихъ стѣнъ, въ состояніи будетъ указывать на нихъ, какъ на воплощенные идеалы. Она должна образовывать не идеалы, а по идеалу, что̀ не одно и то же, должна поставить юношу на путь самоусовершенствованія, по которому обязательно идти просвѣщенному человѣку; школа, вызывая стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру, изящному, не будетъ навязывать идеалъ, а предоставитъ каждому въ дальнѣйшей жизни вырабатывать свой идеалъ въ связи съ дѣятельностью, какую онъ себѣ выберетъ. Истинно-просвѣщенный человѣкъ всегда будетъ искать себѣ дѣятельности, потому что она сдѣлается потребностью его развитой природы, она соединитъ его съ обществомъ и дастъ ему право на званіе гражданина.

Изъ всего нами сказаннаго мы дѣлаемъ такіе выводы:

Стремленіе человѣчества къ просвѣщенію доказывается исторіею. Оно признается добромъ. Школа вызывается этимъ стремленіемъ; слѣдственно, она можетъ исполнять свое жизненное назначеніе только тогда, когда будетъ имѣть въ виду идеалъ просвѣщеннаго человѣка. Если такой человѣкъ отличается развитіемъ высшихъ понятій, которое пріобрѣтается черезъ научныя познанія, то и школа должна идти этимъ путемъ, примѣ-

няясь только къ пониманію и силамъ каждаго возраста. Отсюда и школа должна дѣлиться по возрастамъ, но никакъ не по сословіямъ, такъ какъ психическіе законы у всѣхъ одни и тѣ же. Общеобразовательная школа должна быть низшая, средняя и высшая; внутреннюю связь между ними долженъ составить одинъ и тотъ же идеалъ; а различіе—въ разныхъ степеняхъ его достиженія въ большей или меньшей полнотѣ высшихъ понятій. Всѣ онѣ имѣютъ конечную цѣль одну и ту же — довести до извѣстной ясности понятія о природѣ и человѣкѣ въ отдѣльности и объ отношеніи человѣка къ природѣ, но только въ разныхъ объемахъ. Средняя школа естественно продолжаетъ дѣло низшей, точно такъ, какъ высшая—дѣло средней; переходъ изъ одной въ другую долженъ быть свободный. Всѣ учебные предметы должны стремиться къ одной цѣли — дать каждому возрасту столько, сколько онъ можетъ принять, чтобы изъ пріобрѣтенныхъ познаній могли выработаться въ извѣстномъ объемѣ и содержаніи понятія о природѣ и человѣкѣ, понятія, надъ пріобрѣтеніемъ которыхъ долженъ трудиться умъ самодѣятельно, пріобрѣтая въ то же время и формальное логическое развитіе.

Мы утверждаемъ, что общеобразовательная школа не должна задаваться никакими спеціальными цѣлями, несмотря на могущее быть возраженіе, что жизнь, къ которой должна готовить школа, требуетъ труда, работы, дѣла; а они въ свою очередь требуютъ въ наше время спеціальной подготовки. Согласные съ этимъ послѣднимъ, мы убѣждены въ необходимости отдѣльныхъ спеціальныхъ школъ или учебныхъ мастерскихъ, приноровленныхъ къ общеобразовательнымъ школамъ, изъ которыхъ могли бы туда поступать дѣти старшаго возраста или юноши. Пускай изъ низшихъ школъ поступаютъ дѣти четырнадцати или пятнадцатилѣтняго возраста въ учебные мастерскія или въ низшія сельскохозяйственныя школы; изъ среднихъ школъ переходятъ юноши въ коммерческія училища, въ школы техническія, шкиперскія, въ военныя училища, въ учительскія семинаріи и разныя другія профессіональныя школы; наконецъ, изъ высшихъ школъ—въ университеты и въ высшія спеціальныя заведенія. Тогда не придется видѣть такихъ странныхъ и крайне прискорбныхъ явленій: молодые люди, оставляя школу, не знаютъ, за какое дѣло взяться и куда примкнуть въ то время, какъ вокругъ раздаются жалобы на недостатокъ людей умѣлыхъ и знакомыхъ съ дѣломъ. Не будемъ встрѣчать и такихъ юношей, которые напрасно сѣтуютъ, что школа не дала имъ познаній, нужныхъ для трудовой жизни, для добыванія куска хлѣба. Тогда изъ высшей образовательной

школы будутъ стремиться въ университетъ или въ высшую спеціальную школу только молодые люди, дѣйствительно способные заниматься наукою и талантливые, и будутъ доходить тамъ до конца. Теперь же стремятся туда всѣ, даже совсѣмъ неспособные и равнодушные къ наукѣ, потому что неудовлетворенные тѣмъ маложизненнымъ образованіемъ, тѣми безсвязными познаніями, которыя они получали въ школѣ, они не видятъ прямого выхода въ жизнь, чтобы примкнуть къ какой-нибудь работѣ, за неимѣніемъ такихъ среднихъ спеціальныхъ школъ, гдѣ бы они научились прилагать свои силы и познанія къ опредѣленному дѣлу. Они стремятся въ высшее учебное заведеніе въ надеждѣ тамъ найти себѣ удовлетвореніе; но тамъ у нихъ не хватаетъ силъ и терпѣнія дойти до конца, и вотъ на половинѣ дороги, а часто и въ началѣ бросаютъ заведеніе и являются совершенно безпочвенными. Настолько развитые, чтобы разсуждать и все осуждать, они въ то же время оказываются совершенно неумѣлыми ни для какого дѣла. Они начинаютъ скитальческую жизнь и дѣлаются людьми лишними въ общей жизни, тогда какъ этого не должно бы было быть, если бы они во-время могли перейти небольшую спеціальную школу, соотвѣтствующую ихъ силамъ.

Спеціальныя школы, куда могли бы поступать юноши изъ низшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ училищъ, легко бы могли быть заводимы и правительствомъ, и обществами, и частными лицами: онѣ не потребуютъ большихъ издержекъ, а между тѣмъ могутъ принести огромную пользу. Онѣ не только будутъ распредѣлять по работамъ всѣ наличныя молодыя силы, прошедшія правильную общеобразовательную школу, но въ скоромъ времени поднимутъ и разныя техническія и ремесленныя производства, за которыя будутъ приниматься люди съ понятіями болѣе или менѣе развитыми, и, слѣдственно, способные къ самоусовершенствованію. Вотъ когда будутъ приносить большую пользу всѣ наши общеобразовательныя школы, тѣсно связанныя съ спеціальными, но не слитыя съ ними въ одно.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ.

ГДѢ ЖЕ ГНѢЗДИЛОСЬ НАШЕ ЗЛО?

Печально я гляжу на наше поколѣнье;
Его грядущее иль пусто, иль темно,
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно...

Такъ поэтъ Лермонтовъ характеризовалъ современное ему поколѣніе, „богатое ошибками отцовъ и поздпимъ ихъ умомъ", поколѣніе, которое готовилось быть отцами, чтобы произвесть настоящее поколѣніе. Современнаго русскаго педагога, конечно, не можетъ не интересовать ни эта характеристика, ни это новое поколѣніе, воспитанное отцами, увядавшими безъ борьбы въ началѣ поприща. Но грустно и незавидно его положеніе въ виду многихъ крупныхъ фактовъ, мимо которыхъ онъ не могъ пройти равнодушно, не задавъ себѣ сотни важныхъ вопросовъ. Эти вопросы близко касались его собственнаго дѣла, для котораго онъ считаетъ себя призваннымъ, вопросы, которые хотѣлось ему разрѣшить, чтобы освѣтить самые факты и тотъ путь, какимъ слѣдуетъ идти въ воспитательномъ дѣлѣ. Ему хотѣлось извлекать уроки изъ жизни прошлаго и настоящаго, хотѣлось указать на ошибки отцовъ, грубо отозвавшіяся на ихъ дѣтяхъ, хотѣлось устранить зло хотя отъ ихъ внуковъ; онъ видѣлъ болѣзнь и ея развитіе, предвидѣлъ и нѣкоторые факты, какъ ея слѣдствіе, хотѣлъ бы помочь горю; но кто же могъ слушать его съ сочувствіемъ? Самолюбивые отцы не хотѣли признать за собою ошибокъ, назвали его клеветникомъ и швырнули въ него комкомъ грязи. Голоса педагога, посвятившаго свою жизнь одному дѣлу, они не захотѣли считать законнымъ въ числѣ другихъ голосовъ; они хотѣли отмежевать ему поле дѣятельности грамматикой и

ариѳметикой, хотѣли въ немъ видѣть только ремесленника, и отказывались признать за нимъ право участія въ вопросахъ нравственнаго развитія, которые собственно и должны быть главной сферой его дѣятельности. Что же оставалось дѣлать педагогу? Въ виду оскорбленій, какъ непризнанному, молчать и съ болью въ сердцѣ молча смотрѣть издали на текущій ходъ дѣла. А между тѣмъ, сколько невыясненныхъ вопросовъ оставалось въ педагогической сферѣ послѣ крѣпостного права, которое такъ много вредило нашему нравственному воспитанію и развитію во всѣхъ слояхъ общества. Съ уничтоженіемъ этого права долженъ былъ развиться новый складъ русскаго воспитанія при новыхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ другихъ впечатлѣній: нравственно къ лучшему должна была переродиться русская семья и, конечно, вопросы воспитанія не должны были ей быть чужды. И много для себя дѣла нашелъ бы здѣсь педагогъ, и много могъ бы помочь своими выводами, совѣтами и указаніями; въ этомъ трудномъ перерожденіи онъ могъ бы составить нравственную гигіену, чтобы предохранить организмъ отъ болѣзней и помочь его здоровому развитію. Но для этого много нужно было наблюденій, много нужно было и силъ, много нужно было и голосовъ, которые бы, перекликаясь между собою, сообщали факты, наблюденія, мнѣнія, выводы, вопросы, которые вносили бы жизнь въ семейно-воспитательное дѣло, чтобъ оно было дѣломъ не бездушнымъ, машиннымъ, а живымъ и разумнымъ, провѣряемымъ опытами многихъ.

Гдѣ же были эти силы, гдѣ раздавались эти голоса? Въ началѣ выказались и силы, раздались-было и голоса, но не надолго; скоро стали они замирать, и теперь въ правѣ спросить каждый: гдѣ же ты, русскій педагогъ, неужели ты не найдешь себѣ дѣла, неужели ты напрасно ищешь его? Неужели ты уступилъ свое мѣсто расплодившимся ремесленникамъ, которые смазываютъ старую машину и по скрипу ея съ радостью заключаютъ, что она не остановилась, а идетъ благополучно? Откликнется ли на это русскій педагогъ? не слишкомъ ли онъ изволновался и изстрадался, глядя на болѣзни вѣка, подъ невзгодами жизни? Не потерялъ ли онъ вѣру въ излѣчимость болѣзни? Не сойдетъ ли онъ молча въ могилу съ тѣмъ поколѣніемъ, которое, по выраженію поэта, было къ добру и злу постыдно равнодушно?

Я не знаю, что̀ отвѣчать на эти вопросы. Знаю только, что не менѣе грустно и незавидно положеніе педагога и среди отцовъ и матерей, которые понимаютъ его значеніе и довѣрчиво, какъ къ опытному медику, обращаются къ нему за совѣтами,

прося наставить ихъ въ педагогической гигіенѣ: вы знаете законы психическаго развитія, насколько выяснила ихъ современная наука,—говорятъ они,—знаете, что̀ можетъ повредить правильному развитію; знаете, что отъ этого зависитъ счастье дѣтей, слѣдовательно, и всей семьи, слѣдовательно, и благосостояніе всего общества. Да, онъ знаетъ это или, по крайней мѣрѣ, долженъ знать; но онъ долженъ знать также и то, что психическія силы развиваются и направляются внѣшними впечатлѣніями отъ всего окружающаго, что все общество участвуетъ въ развитіи и направленіи этихъ силъ, что всѣ явленія общественной жизни имѣютъ свои близкія и отдаленныя причины, что ихъ должно найти, обсудить и глубоко изслѣдовать; онъ знаетъ, что безъ яснаго указанія, какъ зло происходитъ, отъ какихъ причинъ, его совѣты могутъ показаться непрактичными, неумѣстными, липшими или даже фантастичными. А кто же дѣлалъ эти изслѣдованія? Его собственныхъ попытокъ и наблюденій для него недостаточно; они незначительны сравнительно съ тѣмъ, что̀ нужно для обстоятельныхъ многосторонніхъ выводовъ; они требуютъ провѣрки со стороны другихъ знающихъ людей. Но какъ было дѣлать эти провѣрки, если всѣ молчали? Что̀ же оставалось отвѣчать педагогу на довѣрчивые вопросы отцовъ и матерей?—указать, какія впечатлѣнія отъ окружающей жизни могутъ вредно дѣйствовать на нравственное направленіе дѣтей и юношей, и какъ устранить или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ. Отвѣчать онъ могъ чистосердечнымъ сознаніемъ, что его наука еще не запаслась обильными знаніями относительно этого предмета, что его совѣты могутъ вытекать только изъ знанія психическихъ законовъ, но не изъ основательнаго знанія явленій современной жизни, которая направляетъ психическія силы младшаго поколѣнія. До сихъ поръ онъ могъ пользоваться только трудами западныхъ психологовъ и педагоговъ; но онъ сознаетъ, что для успѣха правильнаго русскаго воспитанія, это только половина знаній, что другую половину нужно непремѣнно добывать въ глубокомъ изученіи жизни русскаго общества, жизни не только современной, но и протекшей, нужно въ связи съ общими познаніями, пріобрѣтенными нами отъ европейскихъ ученыхъ, выработать русскую педагогію, иначе и всѣ тѣ познанія не принесутъ намъ желанной помощи въ практикѣ. Но эта половина осталась не добытою, и русскій педагогъ готовъ первый назвать хромоногою русскую педагогію.

Много дѣйствительно важныхъ вопросовъ предстоитъ разрѣшить русскому педагогу, если бы онъ нашелся въ нашей средѣ.

Но много нужно и благопріятныхъ условій для этого. И я началъ свою рѣчь не для того, чтобы приняться за ихъ разрѣшеніе. Въ виду настоящихъ обстоятельствъ, я считаю необходимымъ только напомнить объ этихъ вопросахъ, только намѣтить нѣкоторые изъ нихъ. Можетъ быть, я не рѣшился бы и на это и поддался бы совѣтамъ добрыхъ людей, которые говорили мнѣ, что теперь не время для педагогическихъ вопросовъ, если бы вдали отъ нихъ и отъ родины мнѣ не попался циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 24 мая 1875 г. Этотъ циркуляръ, рисуя въ яркомъ свѣтѣ наши современныя обстоятельства, поражаетъ фактами, многозначительными для каждаго педагога; а употребляя выраженія: „истина не боится свѣта“—одобряетъ его и вызываетъ прервать молчаніе.

Живя нѣсколько мѣсяцевъ вдали отъ отечества, занятый скромными работами, я не имѣлъ возможности постоянно слѣдить даже по газетамъ за тѣмъ, что дѣлается въ Россіи. Я смѣялся надъ нелѣпыми цѣлями и выходками заграничнаго русскаго изданія „Впередъ“ и задавалъ себѣ вопросы: для кого оно издается и кто можетъ увлечься такими несообразными крайностями, какія тамъ проповѣдуются? Я остановился на мысли, что цѣль издателей, вѣроятно, пугать пугливыхъ русскихъ людей и тѣмъ тѣшить самихъ себя. Но вдругъ изъ сказаннаго циркуляра узнаю, что въ 37-ми губерніяхъ Россіи обнаружена преступная пропаганда, что она нашла себѣ почву для быстрыхъ успѣховъ; что главный контингентъ лицъ, занимающихся ею, составляетъ молодежь; что главнымъ орудіемъ ея избрана школа; что общество относилось ко всему этому съ равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ; что даже нѣкоторые отцы и матери подбиваютъ своихъ дѣтей къ этой пропагандѣ; что недоученые юноши не гнушаются при этомъ ни воровствомъ, ни грабежемъ, ни даже убійствомъ!

Циркуляръ называетъ все это печальнымъ явленіемъ въ нашей общественной жизни. Но если истина не боится свѣта, то мы должны сказать, что оно болѣе, чѣмъ печальное. Это явленіе ужасное. Оно обнаруживаетъ страшную болѣзнь всего общества, крайне разстроенный его организмъ, и нужно сильное напряженіе всѣхъ здоровыхъ его силъ, чтобы постепенно привести его въ нормальное состояніе.

Если бы попались нѣсколько недоученыхъ юношей въ какомъ бы то ни было преступномъ и отвратительномъ дѣлѣ, то причины того можно бы было искать въ ихъ недоучености, въ ма-

ломъ нравственномъ развитіи въ неблагопріятныхъ условіяхъ тѣхъ семей, въ которыхъ имъ пришлось расти и развиваться, наконецъ, даже въ злонамѣренности какого-либо изъ наставниковъ, который давалъ имъ дурное направленіе. Но если этихъ недоученыхъ юношей достало для единодушной пропаганды на 37 губерній и притомъ, какъ сказано въ циркулярѣ, пропаганды успѣшной, то трудно убѣдить себя, что только одна недоученость могла толкнуть ихъ на такое скользкое поприще. Причины этому должны крыться значительно глубже и только медленно могли они подготовлять такое явленіе, которое должно назвать зловреднымъ нарывомъ въ общественномъ организмѣ. Эти причины не могутъ не занимать сильно каждаго члена общества, тѣмъ болѣе педагога, потому что онѣ связываются съ вопросомъ о воспитаніи; и отъ него было бы очень трудно оторвать ихъ, если обнаруживается, что молодежь изъ школы и семьи вступаетъ въ жизнь врагомъ общества и государства, еще не извѣдавъ настоящей жизни или, можетъ быть, черезчуръ преждевременно извѣдавъ ее въ семьѣ и школѣ. Притомъ же, какъ понимать значеніе самаго слова „недоученость“? Мы привыкли фразой „недоученый юноша“ характеризовать каждаго молодого человѣка, неокончившаго полнаго курса ученья въ гимназіи или въ другомъ какомъ-либо учебномъ заведеніи. Но знаемъ также, что тѣмъ же словомъ „недоученый“ безъ разбора у насъ клеймили и замѣчательно полезныхъ дѣятелей въ нашей жизни, потому только, что имъ выпало на долю несчастье не кончить курсъ въ гимназіи или даже въ университетѣ. Этой несчастной привычкой клеймить тѣхъ, кто намъ не нравится, разными некрасивыми фразами и тѣмъ безсердечно укорять ихъ собственнымъ ихъ несчастіемъ, мы обыкновенно уничтожаемъ настоящее значеніе словъ и дѣлаемъ изъ нихъ безсодержательныя фразы. Гдѣ же тотъ предѣлъ, за которымъ можно назвать человѣка доученымъ? Мы знаемъ, что ученье, какъ и наука, безпредѣльно, что народная пословица: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“, считаетъ каждаго недоученымъ, и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно мы всѣ недоученые, а кто изъ насъ по совѣсти можетъ сказать, что даже въ сферѣ своей дѣятельности онъ не чувствуетъ своей недоучености? И сколько разъ приходилось слышать отъ людей очень неюныхъ упреки школѣ, что она выпустила ихъ недоученными, т.-е. не дала тѣхъ познаній, которыя оказались для нихъ необходимы въ жизни, и обильно сообщила такія, отъ которыхъ имъ ни тепло, ни холодно и которыя безвредно для нихъ быстро забываются. Для такихъ людей слово „недоученый“ не имѣетъ рѣзко опредѣленнаго значе-

нія. Они считаютъ сами себя недоученными, и это нисколько не помѣшало имъ сдѣлаться порядочными людьми и полезными работниками въ обществѣ, а инымъ даже занять видное въ немъ мѣсто. Почему же, спрашиваютъ они, только нынѣшняя недоученость такъ вредна для общества, тогда какъ въ недавнее прошедшее бо̀льшая часть изъ насъ, даже кончившихъ университетскій курсъ, должны были, хотя, можетъ быть, и шопотомъ, назвать себя недоученными; однако, никому не приходило въ голову идти въ народъ и пропагандировать тѣ книжныя идеи, которыя давно не тайна во всей Европѣ и, слѣдовательно, которыя могли быть извѣстны и намъ? И отчего же полагать, настойчиво спрашиваютъ они, что послѣдній классъ гимназіи или какой бы то ни было русской школы пріобрѣлъ нынче такую силу, что можетъ удержать юношу отъ разныхъ политическихъ увлеченій и преступныхъ дѣйствій, давая ему право называться доученымъ; тогда какъ юноша, оставившій почему-либо школу за нѣсколько мѣсяцевъ раньше своего товарища, уже лишенъ этой силы благоразумія и способенъ бросаться во всѣ пропаганды, не гнушаясь ни воровствомъ, ни грабежемъ, ни даже убійствомъ? Неужели нѣсколько мѣсяцевъ могутъ такъ нравственно настроить молодого человѣка и такъ вооружить его противъ зла? Но вѣдь и недоученый юноша, въ смыслѣ не прошедшаго полной школьной программы, учился нѣсколько и, можетъ быть, даже много лѣтъ въ той же школѣ, а иной учился даже очень прилежно, и учился всему тому, чему учились и другіе. Отчего же умъ его вдругъ могъ получить другое направленіе, отчего же эта наука оказалась безсильною въ направленіи его мыслей? Отчего за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса нравственное его развитіе было еще до того шатко, что онъ легко могъ сдѣлаться орудіемъ пропаганды, широко задуманной нѣсколькими смѣлыми личностями, которымъ нечего терять? Неужели, продолжаютъ они спрашивать, наша школьная педагогія до того жалка и слаба, что до самаго послѣдняго класса не оказываетъ никакого образовательнаго вліянія на души учениковъ? Неужели вопросъ о развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ совершенно устраненъ изъ дидактики и только буквой да цифрой, да неразъясненными общими фразами холодились души? Но въ такомъ случаѣ, въ чемъ же состоитъ тайна послѣднихъ мѣсяцевъ школьнаго курса, тайна быстраго умственнаго и нравственнаго усовершенствованія, тайна, которая должна назваться мудростью педагоговъ?

Мы не вымышляемъ этихъ вопросовъ: съ ними дѣйствительно обращались къ намъ, а можетъ быть и другимъ присяжнымъ пе-

дагогамъ. Да, впрочемъ, они и сами собою вытекаютъ изъ небольшого сопоставленія фактовъ, и если „истина не боится свѣта“, то ихъ нужно громко высказать, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе нашихъ педагоговъ. Судя по тому, что въ послѣдніе годы нѣкоторыя лица, даже съ немалымъ значеніемъ въ обществѣ, ѣдко смѣялись надъ стремленіемъ педагогіи тѣсно соединить науку съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ въ школѣ, находя это неумѣстнымъ и ненужнымъ дѣломъ, невольно является мысль, что эти рѣзкія осужденія и насмѣшки, а можетъ быть и другія силы, подѣйствовали и на многихъ практическихъ педагоговъ. А между тѣмъ никто еще не произноситъ прекрасной фразы: „истина не боится свѣта“.

А тѣмъ временемъ накопилось столько недоученыхъ юношей, что оказалось возможнымъ черезъ нихъ вести пропаганду въ 37 губерніяхъ—это фактъ, по словамъ циркуляра, относящійся къ вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ. Циркуляръ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что коммунистическія ученія революціонеровъ до такой степени нелѣпы и дики, что могутъ найти успѣхъ развѣ между дѣтьми, недоученными юношами и неразвитыми простолюдинами. Но если эти ученія вызываютъ на воровство, грабежъ и убійства, то одной неученостью и недоученостью едва ли возможно объяснить причину такого крайняго увлеченія. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы бросить какую-либо тѣнь на наши школы, гдѣ учились эти недоученые юноши, далеки отъ того, чтобы подозрѣвать ихъ въ стремленіи къ развращенію учениковъ. Нѣтъ, въ школѣ, какъ бы ни была она недостаточно организована, не могли они знакомиться съ этими ученіями, не могли они получить толчковъ къ воровству и убійствамъ, не школа могла намѣренно подготовить такую почву для дѣятельности пропагандистовъ. Если и можно тутъ сколько-нибудь винить школу, то только въ слабомъ нравственномъ вліяніи на молодежь, въ томъ, что она, слишкомъ заботясь объ умственной гимнастикѣ, не давала уму матеріала изъ жизни для надлежащей переработки и забывала, что главный двигатель въ поступкахъ человѣка—сердце; что только тѣ идеи и ученія могутъ пройти въ жизнь, которыя пройдутъ черезъ сердце, въ немъ оживятся и отъ него получатъ энергію, чтобы перейти въ дѣло. Сами по себѣ слова, ученія и наставленія, какія бы они ни были, могутъ пожалуй развивать и обогащать умъ, но перейдутъ они въ дѣло только тогда, когда соединятся съ чувствомъ, т.-е. когда найдутъ отголосокъ въ сердцѣ. Гимнастическія упражненія въ школахъ признаны очень полезными для укрѣпленія силъ и здоровья, но по-

пробуйте упражнять ученика только на одной гимнастикѣ, и изъ него непремѣнно выйдетъ фокусникъ, фигляръ, клоунъ; онъ будетъ искусно и хитро выгибать свое тѣло для потѣхи другихъ или даже собственной. Такой же нравственный фокусникъ можетъ выдти и изъ мальчика, если занимать его исключительно одной умственной гимнастикой. Не возбудитъ она въ сердцѣ возвышенныхъ чувствъ, не дастъ тѣхъ высокихъ идей, которыя благородятъ сердце; конечно, чувства развиваться въ немъ будутъ, но независимо отъ школьнаго вліянія, а можетъ быть и враждебно къ школѣ, и при житейскихъ неудачахъ враждебно и къ самому обществу. Отсюда ясно, какого рода идеи скорѣе всего могутъ проникать въ подобное сердце.

Все это не мною вымышлено, все это можно найти въ каждой порядочной психологіи или педагогіи. Кого же винить, если бы оказалось, что наши школы только учили, а не воспитывали? Прошу замѣтить, что я говорю о прошедшемъ, а не о настоящемъ. Я выставляю только вопросъ и винить не хочу никого, тѣмъ болѣе, что съ невыразимою радостью прочиталъ въ циркулярѣ, съ какой довѣрчивостью г. министръ народнаго просвѣщенія относится къ настоящимъ наставникамъ юношества, слѣдовательно, и въ школѣ, приглашая ихъ „приготовить на самомъ дѣлѣ людей, достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ, которые сознательно поддерживали бы государственный порядокъ и осмысленно противодѣйствовали всякимъ нелѣпымъ ученіямъ, откуда бы они ни происходили“.

На такія слова нельзя не отвѣчать съ особеннымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе педагогу, у котораго развился высокій идеалъ наставника. Правильно понятыя, они должны живительно подѣйствовать на направленіе всей нашей педагогіи, слѣдовательно, должны возвысить дѣятельность нашихъ школъ. Они убиваютъ ремесленничество въ нашемъ учебномъ дѣлѣ и вызываютъ много важныхъ вопросовъ, надъ которыми необходимо подумать каждому педагогу, слѣдящему за развитіемъ воспитательнаго дѣла. Понявъ всю важность этихъ словъ, мы съ полнымъ убѣжденіемъ говоримъ, что если они не останутся только словами, а перейдутъ въ дѣло, то должны подѣйствовать на всю организацію нашихъ школъ и сообщить имъ такую нравственную силу, какой онѣ никогда не имѣли. Конечно, было бы преступно съ нашей стороны не употребить всѣхъ силъ, чтобы помочь этому дѣлу; преступно было бы равнодушно отнестись къ такимъ высокимъ намѣреніямъ министра и отказаться отъ тѣхъ вопросовъ, которые могутъ способствовать разъясненію и осуществленію этихъ

намѣреній. И мы по совѣсти должны это дѣлать, опираясь на выраженіе: „истина не боится свѣта“.

Особенное наше сочувствіе возбуждаютъ слова циркуляра тѣмъ, что они возвышаютъ идеалъ педагога. Этотъ идеалъ, принятый сердцемъ, долженъ непремѣнно возвысить и расширить дѣйствительную дѣятельность каждаго на педагогическомъ поприщѣ. Надо сказать правду, что въ русской педагогической сферѣ уже давно этотъ идеалъ слишкомъ съуживался, мельчалъ, унижался. Онъ ограничивалъ педагогическую дѣятельность однимъ учительствомъ, въ самомъ узкомъ значеніи этого слова—учить по данной программѣ съ тѣмъ, чтобы ученикъ могъ удовлетворительно выдержать обычный экзаменъ. Отсюда, за небольшими исключеніями, преимущественно сфера дидактическая только и занимала учителя — облегчить передачу программы познаній, укрѣпить въ памяти то, что внесено въ программу, придумать практическія упражненія для памяти—вотъ лишь къ чему стремилось большинство учителей, которые хотѣли прослыть хорошими педагогами. Съ этой стороны они могли выказать себя на экзаменѣ, съ этой только стороны могъ оцѣниваться ихъ трудъ, съ этой стороны развивался и ихъ идеалъ. Я не думаю осуждать дидактическихъ ихъ стремленій къ лучшему; напротивъ, признаю ихъ необходимыми въ хорошемъ учительскомъ дѣлѣ. Я только заявляю, что ограничиваться такимъ идеаломъ дидактика слишкомъ узко для того, кто хочетъ называться педагогомъ. Я говорю, что воспитывать въ школѣ, въ полномъ значеніи этого слова, можетъ только педагогъ, а не учитель-дидактикъ; педагогическая же сфера дѣятельности можетъ оживляться только идеаломъ, развившимся не въ узкихъ предѣлахъ той или другой каѳедры, а въ связи съ нравственными требованіями семейной и общественной жизни. Узкій дидактическій идеалъ способствуетъ развитію ремесленничества въ педагогическомъ дѣлѣ. Учитель, успѣвшій усвоить себѣ нѣсколько удачныхъ пріемовъ въ преподаваніи, легко можетъ обольститься ими и считать себя близкимъ къ идеалу наставника или педагога, легко можетъ забыть дорогу къ необходимому усовершенствованію и погрузиться въ свои ежедневные и вѣчные уроки, на которыхъ, наконецъ, уже машинально повторяется имъ одно и то же: они уже не требуютъ отъ него предварительныхъ приготовленій, и безъ нихъ, кажется, идетъ дѣло хорошо. Они не требуютъ и оживляющихъ кабинетныхъ занятій, или развѣ только для просмотра ученическихъ письменныхъ упражненій, которыя въ огромномъ количествѣ могутъ только отуманить голову и на нѣкоторое время лишить ее

способности логически мыслить. Вотъ что я называю ремесленничествомъ въ педагогическомъ дѣлѣ; у него уже нѣтъ никакого идеала, изъ него уже выдохлась вся педагогическая сила. Такой ремесленникъ въ педагогіи способенъ сердиться, браниться, хвалить и наказывать, но неспособенъ воспитывать; онъ способенъ съ успѣхомъ приготовлять къ школьному экзамену, но неспособенъ приготовлять для жизни.

Я не могу рѣшиться бросить камень и въ такихъ ремесленниковъ, которые все-таки честно исполняютъ свое ремесло, если уже допустить существованіе школьнаго ремесла; не они виноваты, что, наконецъ, такъ съузился ихъ идеалъ и узаконился разными обстоятельствами. Если „истина не боится свѣта“, то мы надѣемся и отъ нихъ выслушать откровенную исповѣдь. Они все-таки лучше и полезнѣе другого не-новаго типа, который считаетъ педагогическою добросовѣстностью лишь одно самое строгое механическое исполненіе разныхъ мелочныхъ формальностей для того, чтобы по наружности казалось, что въ настоящій моментъ все обстоитъ благополучно. Мы можемъ только пожалѣть о нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и порадоваться, что еще далеко не всѣ школьные дѣятели потеряли истинный идеалъ педагога; что тѣ, которые успѣли развить его въ себѣ, не отреклись отъ него, притаились, но тѣмъ не менѣе могутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на своихъ учениковъ. Они-то теперь, конечно, и оцѣпятъ въ особенности благотворное стремленіе министра вызвать новый идеалъ педагога, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вызвать къ дѣятельности настоящія педагогическія силы. Но, конечно, эти силы должны встрѣтить и всѣ условія, благопріятныя для ихъ развитія: указавъ цѣль стремленія, нужно дать и средства достигать ее; заявивъ требованія, необходимо дать возможность и выполнить ихъ. Это аксіома, а въ ней мудрость администратора.

Считаю нужнымъ замѣтить, что, говоря о школѣ, я разумѣю не низшую элементарную школу, которая пока еще должна называться новою, а ту, которая у насъ имѣетъ свою исторію, школу, изъ которой наше юношество вступало въ жизнь образованнаго класса. Только изъ нея, конечно, могутъ выходить люди достаточно развитые и просвѣщенные и, по мысли министра, сознательно поддерживать государственный порядокъ и осмысленно противодѣйствовать всякимъ нелѣпымъ ученіямъ. Никогда еще нашей школѣ не высказывались такія ясныя требованія, никогда еще наши преподаватели не уполномочивались говорить съ учениками въ классѣ о своей современности, и тѣмъ болѣе о тѣхъ нелѣпыхъ ученіяхъ, которыя волнуютъ и совращаютъ нѣ-

которые умы. Напротивъ, школа была такъ отрѣзана отъ всего современнаго, что еще недавно даже отъ преподавателей старались удалять нѣкоторые журналы, которые особенно прилежно занимались современнымъ ходомъ дѣлъ. Не многіе и рвались читать ихъ. Большинство изъ нихъ, съузившись въ своей грамматической или другой какой крошечной сферѣ, и не интересовалось знать, какія нелѣпыя ученія существуютъ на свѣтѣ, и тѣмъ болѣе не думало, какъ противодѣйствовать этимъ ученіямъ. Въ ихъ глазахъ достаточная развитость и просвѣщенность доказывалась на экзаменѣ—на трехъ или на четырехъ языкахъ—не ошибается въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, помнитъ всѣ исключенія, перефразируетъ одну и ту же мысль на разные лады, выводитъ нужныя формулы—вотъ и просвѣщенный молодецъ, нечего въ немъ сомнѣваться. Я не хочу сказать, что изъ школы совершенно изгонялась рѣчь о нравственномъ развитіи и направленіи; нѣтъ, оно очень дѣйствительно выражалось въ запрещеніяхъ, въ наказаніяхъ, иногда въ повальныхъ обыскахъ учениковъ, нѣтъ ли въ ихъ карманахъ какихъ-либо запрещенныхъ предметовъ, въ исключеніяхъ изъ школы; но всѣ эти просвѣтительные пріемы теперь должны оказаться уже негодными въ виду новыхъ требованій, чтобы достаточная развитость и просвѣщенность сдѣлала молодого человѣка способнымъ сознательно поддерживать государственный порядокъ и осмысленно противодѣйствовать всякимъ нелѣпымъ ученіямъ. Этими требованіями школа сближается, даже тѣсно связывается съ современною жизнію, отъ которой она была очень далека. Отъ нея теперь уже требуютъ, чтобы она выпускала молодого человѣка въ жизнь, достаточно вооруженнаго для борьбы съ обнаруженными врагами общества. Ей говорятъ, что только въ этомъ случаѣ она и исполнитъ свой прямой долгъ и свое назначеніе. Понятно, что все это значительно расширяетъ сферу дѣятелей школы и требуетъ отъ нихъ самой тѣсной духовной связи съ учениками, безъ чего невозможно и то нравственное вліяніе, какое отъ нихъ требуется. Подумать о томъ, какъ все это устроить,—это уже дѣло педагоговъ. Дѣло министра было указать на зло и на средства, какъ ему противодѣйствовать въ школьной сферѣ. Все остальное уже составитъ рядъ педагогическихъ вопросовъ, которые придется разрѣшать самимъ педагогамъ. Мы увѣрены, что если циркуляръ министра будетъ ими такъ же принятъ къ сердцу, какъ принятъ нами, то съ него долженъ начаться новый и лучшій періодъ жизни русской школы. Она будетъ сильна не только возвышеннымъ идеаломъ педагога, но и болѣе тѣсной связью съ

русскою семьею, на что такъ же обращаетъ вниманіе тотъ же циркуляръ. И вотъ еще важный фактъ, который вызываетъ много новыхъ педагогическихъ вопросовъ, придавая тѣмъ самому циркуляру особенное значеніе въ нашихъ глазахъ. Правда, циркуляръ винитъ русскую семью въ безсиліи удержать недоученыхъ юношей отъ преступныхъ увлеченій и политическихъ фантазій, винитъ и извѣстную часть общества въ поверхностности и невѣжественности, и въ этомъ видитъ главную причину того прискорбнаго факта, которымъ вызванъ самый циркуляръ. Но на эту же нравственную слабость нашей семьи и общества указываетъ и г. министръ юстиціи, слова котораго приводятся въ циркулярѣ г. министра народнаго просвѣщенія.

„Быстрые успѣхи пропаганды,—говоритъ онъ,—должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала достаточно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ,—такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандою, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается“. Мы не знаемъ, относятся ли эти послѣднія слова министра юстиціи и къ русской школѣ, потому что и она составляетъ среду, гдѣ наша молодежь растетъ и развивается, но во всякомъ случаѣ они имѣютъ въ виду русскую семью и въ ней не признаютъ должныхъ воспитательныхъ элементовъ. Если два министра, имѣющіе въ рукахъ много доказательныхъ фактовъ, согласно приходятъ къ одному и тому же заключенію о русской семьѣ, то, конечно, намъ возражать и спорить не приходится, и мы вполнѣ понимаемъ ихъ прискорбныя чувства и раздѣляемъ ихъ, когда намъ говорятъ, что нѣкоторые отцы и матери даже подбивали своихъ дѣтей къ преступной пропагандѣ. За такими фактами каждый историкъ долженъ признать достаточную причинную силу, т.-е. видѣть въ нихъ настоящую причину извращенности нѣкоторой части нашей молодежи. Но, конечно, онъ же захочетъ знать и причину этихъ фактовъ, откуда могли явиться такіе отцы и матери, что могло такъ извратить русскую семью, и можно ли одною невѣжественностью объяснить эти явленія. Наша исторія, напротивъ, показываетъ, что невѣжественность всегда была привязана къ застою, всегда поддерживала крайній

консерватизмъ, а никакъ не окрилялась уже черезчуръ быстрою прогрессивностью.

Хотя этотъ вопросъ и чисто-соціальный, но во всякомъ случаѣ и педагогъ близко къ нему становится, потому что воспитаніе въ близкой связи съ каждымъ общественнымъ зломъ, отъ котораго необходимо оберегать юношество; а оберегать можно только тогда, когда хорошо знаешь причину зла. Дѣйствуя сознательно на ослабленіе или уничтоженіе причины, ослабляешь и самое зло. Такъ какъ циркуляръ по необходимости слишкомъ кратокъ и сжатъ, то, конечно, въ немъ мы не можемъ искать объясненія фактовъ, на которые онъ указываетъ, и разъясненіе вопросовъ, которые онъ возбуждаетъ въ насъ. Судъ, вѣроятно, обнаружитъ другіе факты, изъ которыхъ выяснятся намъ и причины нѣкоторыхъ явленій. Намъ нужно знать не только то, къ какой средѣ или части нашего общества принадлежатъ эти отцы и матери, подбивавшіе своихъ дѣтей къ пропагандѣ, но и обстановку, и обстоятельства ихъ жизни, такъ сказать, біографію ихъ. Ихъ крайнее озлобленіе, которое намѣренно передавалось ими и дѣтямъ, не могло вытекать изъ пустыхъ причинъ. Желая объяснить его психологически (а иначе объяснить его и невозможно), мы должны искать связи его съ какимъ-либо оскорбленнымъ самымъ дорогимъ чувствомъ, можетъ быть, даже чувствомъ родительскимъ, съ уничтоженіемъ какихъ-либо лучшихъ надеждъ жизни, что только и могло извратить всѣ другія чувства. Посылать своихъ юныхъ дѣтей на преступную и опасную пропаганду должно быть для родителей равносильно, что посылать ихъ на вѣрную гибель, и они рѣшались на это; значитъ, ничего сколько-нибудь отраднаго не представлялось имъ въ будущей судьбѣ ихъ дѣтей, которыхъ вѣроятно же готовили они къ чему-нибудь лучшему, на которыхъ вѣроятно возлагали же какія-либо пріятныя надежды, хотя бы даже въ ихъ дѣтствѣ. Значитъ, уже какое-либо общее семейное горе, горе непоправимое, уничтожившее всѣ надежды, могло подавить въ нихъ родительскія чувства и смѣнить ихъ однимъ озлобленіемъ; иначе трудно объяснить себѣ это явленіе. И нужно только пожелать, чтобы немного могло насчитаться такихъ фактовъ.

Что же касается равнодушія извѣстной части общества, то оно легко можетъ объясняться невѣжествомъ, хотя отчасти могла быть и другая причина—старая привычка удаляться отъ того, для чего существуютъ сыщики и допросчики. Противъ невѣжества только и есть одно средство — быстрое распространеніе правильно устроенныхъ школъ. Авось этотъ фактъ убѣдитъ, на-

конецъ, многихъ изъ нашихъ недальновидныхъ соотечественниковъ, называющихъ себя просвѣщенными, — они думаютъ, что невѣжество массы—сила неопасная, съ которою будто бы легко ладить. Авось, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, они разубѣдятся въ своихъ мнѣніяхъ и отъ души пожелаютъ г. министру народнаго просвѣщенія полнаго успѣха въ распространеніи правильно устроенныхъ школъ.

Наша школа, уже давно имѣющая свою исторію, представляла и представляетъ одинъ очень важный недостатокъ, на который указываетъ съ сокрушеніемъ и циркуляръ министра—это слишкомъ малая связь ея съ семьей, которая поручаетъ ей своихъ младшихъ членовъ. Безъ этой связи школа дѣлается сухою, безжизненною и маловоспитательною, семья—эгоистичною, лишенною высшихъ интересовъ жизни и возможности провѣрять свои воспитательные элемены. Значитъ, страдаютъ и та и другая. А между тѣмъ обѣ онѣ въ тѣсной связи могли бы укрѣплять другъ друга, увеличивая взаимно воспитательныя силы. Дѣло педагоговъ разсмотрѣть, въ чемъ именно должна заключаться тѣсная связь русской семьи и русской школы; для этого имъ слѣдуетъ прослѣдить исторически развитіе русской школы, разсмотрѣть исторически же жизнь русской семьи и вывести, какіе воспитательные и невоспитательные элементы она въ себѣ заключаетъ, какія могутъ быть у нея требованія и какъ школа можетъ удолетворять имъ; равнымъ образомъ, какія требованія можетъ предъявлять школа, какъ требованія законныя, и какъ семья можетъ отзываться на нихъ. Я имѣю въ виду здѣсь семьи изъ общества образованнаго, слѣдовательно и школы, которыя существуютъ для его потребностей.

Педагогамъ нашимъ нужно поторопиться заняться этими вопросами, чтобы не остаться позади администраціи, которая заявила, что у насъ нерѣдко не семья поддерживаетъ школу, а школа должна воспитывать семью, чего нѣтъ, прибавляется въ циркулярѣ, „ни въ одномъ европейскомъ государствѣ и что значительно усложняетъ и безъ того нелегкую задачу воспитанія“.

Хотя мы и не совсѣмъ согласны съ послѣднею мыслью, убѣжденные, что правильно устроенная школа должна непремѣнно оказывать воспитательное вліяніе на семью, и что безъ этого вліянія задачи истиннаго воспитанія невозможны, невозможно и прогрессивное развитіе воспитанія, слѣдовательно и его совершенствованіе, тѣмъ не менѣе мы считаемъ очень важнымъ высказанное желаніе администраціи, чтобы наша школа

воспитывала семью. Это желаніе, мы не сомнѣваемся, будетъ переходить въ дѣло, которое наконецъ покажетъ, что и самая школа должна быть поставлена въ иныя отношенія къ семьѣ.

Намѣреніе перевоспитать семью посредствомъ школы возбуждаетъ въ насъ много прекрасныхъ надеждъ и обѣщаетъ нашей школѣ прекрасную будущность. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ наши педагоги поймутъ эту задачу, какъ примутся за дѣло и какая регулирующая сила будетъ возбуждать ихъ. Если они найдутъ возможность свободно обсудить нѣсколько важныхъ и основныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ указанной задачи, то нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣмъ идеаломъ, который также имъ указанъ, они внесутъ въ школу и семью то, что̀ должно составлять крѣпкую связующую нравственную силу между ними. Обсуживая вопросъ о правильномъ отношеніи школы къ семьѣ, они, конечно, остановятся на мысли, что не семья существуетъ для школы, а школа для семьи; что изъ этой послѣдней должны выходить полезные члены общества, дѣйствительные интересы котораго не могутъ противорѣчить истиннымъ ея интересамъ; что, наконецъ, дѣятельность этихъ молодыхъ членовъ общества можетъ быть полезна для него и благотворна для нихъ самихъ, когда она выбрана согласно и соотвѣтственно съ ихъ силами физическими и духовными, и, слѣдовательно, когда въ выборѣ этой дѣятельности помогала имъ или руководила ихъ семья. Если школа ищетъ себѣ помощи въ семьѣ, то семья еще болѣе хочетъ найти себѣ пособія въ школѣ, что̀, кажется, наша школа не всегда ясно сознавала, а бывали и такіе моменты, что это сознаніе совсѣмъ подавлялось: школа нерѣдко высказывала намѣренія вполнѣ подчинить себѣ семью, ссылаясь на то, что будто она одна имѣетъ и въ силахъ приготовлять полезныхъ членовъ общества и слугъ государству; семья же не хотѣла уступить все дѣло этихъ заботъ и обязанностей школѣ, считая за собою такія же, если не бо̀льшія права. Отсюда и должны были вытекать эти неопредѣленныя отношенія, которыя и помѣшали развиться тѣсной нравственной связи между ними.

Кто правъ, кто виновать въ этомъ дѣлѣ, мы теперь не будемъ рѣшать этого интереснаго вопроса. Чтобы обстоятельно отвѣчать на него, нужно исторически прослѣдить его, отъ чего пока мы отказываемся. Наше настоящее намѣреніе, какъ мы уже сказали, только ставить вопросы, по возможности разъяснять ихъ, а не разрѣшать, что̀ было бы даже невозможно въ предѣлахъ журнальной статьи.

Если мы признаемъ въ семьѣ главныя воспитательныя силы,

если неоспоримо ея право обращаться къ школѣ за помощью, то отсюда вытекаетъ теоретическій вопросъ: должна ли школа быть внимательна къ ея требованіямъ, и вправѣ ли требовать, чтобы семья поддерживала ея интересы, если даже семья и не замѣчала, что и школа съ своей стороны старается поддерживать ея семейные интересы?

Можетъ быть, на это нѣкоторые поспѣшатъ отвѣтить намъ: мало ли какія неразумныя или безумныя требованія можетъ предъявлять та или другая семья школѣ; неужели же школа можетъ отзываться на всѣ эти требованія и стараться удовлетворять имъ; сколько бы явилось тутъ противорѣчивыхъ требованій — одна семья потребовала бы одного, другая другого — какъ бы быть той школѣ, которая бы задала себѣ задачу основать свою связь съ семьею на исполненіи всѣхъ ея требованій? На это я отвѣчу, что, говоря о семьѣ, я не разумѣю частныя требованія отдѣльныхъ семей, требованія которыхъ дѣйствительно могутъ быть и нелѣпы, и противорѣчивы. Я разумѣю семью, какъ понятіе обобщенное, семью, у которой есть только общіе интересы съ одной стороны постоянные, связанные съ понятіями семьи вообще, съ другой стороны временные, соединенные съ требованіями жизни извѣстнаго времени, съ условіями данной мѣстности или общественныхъ и общихъ семейныхъ нуждъ. Здѣсь требованія уже имѣютъ свои законныя причины; они могутъ быть неудовлетворены, но подавлены быть не могутъ, и такъ или иначе выскажутся и уже, какъ неудовлетворенныя, въ формахъ часто весьма уродливыхъ. Мнѣ кажется, что на этихъ-то требованіяхъ школа и должна основать свою связь съ семьею, признавъ за собою роль скромной, но необходимой помощницы семьи и черезъ то ея вѣчной благодѣтельницы. Изъ этого вытекаетъ, что если школа существуетъ для семьи, то для того, чтобы быть ея благодѣтельницей, а благо или добро только тогда можетъ назваться этимъ именемъ, когда связывается тѣсно съ самыми существенными потребностями жизни того, къ кому оно направляется.

Изъ всего этого видно, что школа нисколько не будетъ унижена и обезсилена, если она будетъ считать себя не важнѣе семьи, если она откажется отъ покушенія управлять семейными интересами по своему усмотрѣнію, а станетъ ея ревностною помощницею и въ этихъ предѣлахъ будетъ стремиться къ своей спеціальной цѣли.

Въ этомъ смыслѣ вполнѣ ли удовлетворяла до сихъ поръ русскую семью наша школа, — можетъ сказать только исторія русской школы въ связи съ семьею.

Будущій русскій историкъ, разсматривая наше время, конечно, остановится на циркулярѣ, который возбудилъ въ насъ такъ много прекрасныхъ чувствъ и надеждъ, и укажетъ на него, какъ на откровенное слово или оффиціальный голосъ, которымъ обвиняется русская семья въ недостаточной связи ея со школою. Но, конечно, для своихъ заключеній онъ не удовольствуется этимъ обвиненіемъ и захочетъ выслушать также и представителей семьи, т.-е. задастъ себѣ вопросъ: довольны ли были они школою? Мы не знаемъ, много ли матеріаловъ найдетъ онъ для рѣшенія этого вопроса и какъ оцѣнитъ эти матеріалы, которые, можетъ быть, послужатъ и къ обвиненію семьи и ея представителей. Но, конечно, вниманіе его остановится на брошюркѣ, напечатанной въ Берлинѣ немного ранѣе циркуляра, это—письмо князя Васильчикова къ министру народнаго просвѣщенія. Историкъ, можетъ быть, обсудитъ, насколько кн. Васильчиковъ правъ или неправъ въ своихъ предположеніяхъ; но собственно не въ этомъ для него долженъ быть главный вопросъ, а въ томъ, насколько авторъ является представителемъ современной русской семьи, вотъ этотъ-то вопросъ долженъ привлечь все его вниманіе. Онъ, конечно, будетъ знать, что князь Васильчиковъ не можетъ назваться представителемъ семьи невѣжественной, не понимающей настоящаго образованія, не знающей своихъ истинныхъ нуждъ и интересовъ. Но въ то же время онъ не найдетъ въ немъ и радикала-соціалиста, который бы хотѣлъ все передѣлать на новый ладъ, не обращая вниманія на исторію и на законы постепеннаго развитія. Кн. Васильчиковъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что является представителемъ меньшинства, поставленнаго въ самыя благопріятныя условія для воспитанія, или, какъ онъ самъ говоритъ, принадлежащаго къ тому разряду счастливцевъ, которые могутъ выдержать безъ разстройства всякія испытанія, преодолѣть всякія трудности и пожертвовать большими суммами для воспитанія своихъ дѣтей, не причиняя себѣ никакихъ стѣсненій. Но такихъ счастливыхъ семействъ онъ насчитываетъ всего тысячи полторы или двѣ въ Россіи. И несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, имъ кажутся отношенія школы къ семьѣ неправильными, и въ нихъ видятъ они причину нѣкоторыхъ печальныхъ явленій въ жизни. Мы не станемъ разбирать доводы князя Васильчикова, ихъ разберетъ будущій русскій историкъ. Мы хотѣли только сказать, что у насъ есть отцы, понимающіе по-своему связь семьи со школою, готовые помогать школѣ, но въ то же время и готовые ревностно отстаивать свои родительскія права въ дѣлѣ, касаю-

щемся развитія физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ ихъ дѣтей..

Голоса представителей другихъ русскихъ семей теперь молчатъ, но, можетъ быть, предстоящій судъ надъ пропагандистами доставитъ будущему русскому историку матеріалы, которыми мы еще не можемъ пользоваться, и онъ будетъ имѣть возможность произнести свое вѣрное заключеніе. Мы же оставляемъ этотъ вопросъ безъ разрѣшенія, готовые стать даже на сторону школы, если бы она представила убѣдительные доводы въ томъ, что ея отношенія къ современной семьѣ и есть настоящія педагогическія отношенія. Касаясь вопроса теоретически, мы говоримъ, что школа должна удовлетворять по крайней мѣрѣ хоть существеннымъ потребностямъ семьи. Одна изъ этихъ потребностей современной русской семьи въ извѣстномъ слоѣ общества—серьезное научное образованіе; съ нимъ родители соединяютъ идею счастія своихъ дѣтей; и мысль, что дѣти могутъ остаться безъ образованія, возбуждаетъ въ нихъ чувство ужаса. Главное назначеніе школы—совершать духовное развитіе юношества въ сферѣ научнаго образованія, слѣдовательно, хоть въ этомъ она должна являться главною помощницею семьи и устранять (допуская предположеніе) слезные вопросы отъ каждаго изъ отцовъ и матерей: скажите; что же намъ дѣлать съ нашими дѣтьми; они не могли поступить въ школу по недостатку вакансій? И если на долю нѣкоторыхъ семей нѣсколько лѣтъ сряду выпадаетъ недостатокъ вакансій, то какое же чувство въ родителяхъ и дѣтяхъ должно зародиться, а потомъ, можетъ быть, и развиться, при видѣ такого къ нимъ отношенія школы? Зависть бѣднаго къ богатому можетъ быть названа порокомъ и осуждена, но стремленіе бѣдныхъ семей обогатить своихъ дѣтей образованіемъ всегда восхвалялось какъ добродѣтель и поощрялось; наконецъ, оно и безъ пообщренія довольно сильно, чтобы вызвать горькое чувство, если остается неудовлетвореннымъ — это уже законъ психическій, котораго не уничтожите. Вопросъ о неудавшемся счастіи легко можетъ мутить разсудокъ и вызывать невѣрныя сужденія.

Представляя себѣ школу такъ, какъ она рисуется въ нашемъ идеалѣ, не будемъ спорить съ тѣмъ, кто бы сказалъ, что къ этому идеалу подходитъ и школа современная. Въ этой идеальной школѣ исключенія недоученныхъ учениковъ бываютъ въ самыхъ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ. Она не допускаетъ мысли, что напроказившій ученикъ вреднѣе для школы, чѣмъ для общества, гдѣ, неисправленный, онъ будетъ жить въ праздности и увле-

каться разными злобными намѣреніями противъ того же общества. Она знаетъ, что исключеніе молодого человѣка за опрометчивый или даже неблаговидный и злостный поступокъ есть настоящая нравственная его гибель и несчастье для всей семьи, которая въ этомъ случаѣ никогда не будетъ смотрѣть на исключеннаго глазами школы, даже если бы онъ былъ дѣйствительно неисправимый и заслуживающій этой кары. У такой школы долженъ быть свой педагогическій, а не уголовный судъ; онъ долженъ имѣть въ виду и будущее преступника, въ которомъ должна оставаться благодарность, а не озлобленіе, вредное для всѣхъ. Иначе, вмѣсто того, чтобы сохранять силы общества, школа будетъ противъ него вооружать ихъ.

Въ жизни много разъ мы видѣли трогательные случаи, которые невольно наводятъ педагога на самые чувствительные вопросы. Мы видѣли, какъ нѣкоторые юноши учились до истощенія силъ, чтобы только не огорчить свою бѣдную мать какимъ-либо неудовлетворительнымъ о себѣ отзывомъ со стороны школы, чтобы хоть какою-нибудь радостью вознаградить ее за всѣ лишенія и жертвы, какія она терпитъ для ихъ будущаго счастія. Они непрестанно утѣшали ее тѣмъ, что съ успѣшнымъ окончаніемъ курса они будутъ ея ревностными работниками и успокоителями, и въ этой искренней мысли они дѣйствительно находили въ себѣ новыя силы для школьныхъ трудовъ. Мать была счастлива одними обѣщаніями сына и готова была хвалиться его любовью. Такая нѣжная связь между ними вытекала изъ надежды на благодѣянія школы, и такимъ образомъ школа могла воспитывать всю семью. Но богатые сыновнимъ чувствомъ, не всѣ эти юноши были счастливо одарены природою, какъ силами физическими, такъ и умственными. Приходилось имъ или отставать, или неуспѣвать въ томъ или другомъ предметѣ. Сколько трепета въ семьѣ отъ такого печальнаго случая, сколько тайныхъ ночныхъ слезъ со стороны мальчика, сколько чувствъ переживалось всѣми! И при этомъ намъ приходила мысль: что еслибъ юноша былъ исключенъ изъ школы за малые успѣхи, какой переворотъ долженъ произойти во внутренней духовной жизни всей семьи, и куда направится энергія его къ труду, и къ чему послужитъ этотъ твердый характеръ, развивавшійся при такихъ обстоятельствахъ? Много зла могла бы надѣлать школа, если бы отказалась входить въ семейные интересы.

Все это я говорю для того, чтобы показать, какъ сильно ошибаются тѣ мнимые педагоги, которые безсердечно провозглашаютъ, что съ малоспособными нечего много возиться, на ихъ

мѣсто всегда найдется достаточно другихъ, болѣе способныхъ, которые на экзаменѣ могутъ сдѣлать честь школѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что при ограниченномъ числѣ школъ найдется много другихъ талантливыхъ учениковъ; но школа, понимающая, что она должна выполнить, не станетъ гоняться за другими, талантливыми, а будетъ разумно и осмотрительно работать надъ тѣми, какіе ей достались. При такой школѣ недоученыхъ въ обществѣ будетъ немного, и тѣ не будутъ вредны обществу своею недоученостью не потому, что они малочисленны, а потому, что изъ какого бы класса и по какимъ бы обстоятельствамъ ни вышли, они все же будутъ носить нравственное вліяніе школы и будутъ всегда лучше и полезнѣе неученыхъ: ученье имѣетъ много степеней, и каждый годъ его долженъ ставить юношу выше во всѣхъ отношеніяхъ и никакъ не быть причиною зла потому, что юношѣ не удалось выслушать продолженія этого ученья. Если бы школа до этого еще не дошла, то настоятельная потребность—разрѣшить ей вопросъ, какъ вести дѣло такимъ образомъ.

Не удаляясь слишкомъ въ своихъ идеальныхъ требованіяхъ отъ настоящаго, предмета, мы укажемъ еще на одинъ утѣшительный фактъ между другими такими же, которыми въ своемъ циркулярѣ г. министръ народнаго просвѣщенія вызываетъ наши школы къ лучшему будущему и поощряетъ нашихъ педагоговъ къ высокой дѣятельности.

Исторія русской школы говоритъ намъ, что въ протекшее время, за которое, конечно, отвѣчаютъ не настоящіе дѣятели, при всякомъ общественномъ смятеніи, при всякомъ столкновеніи рѣзкихъ соціальныхъ идей, обыкновенно главную вину въ томъ старались приписать школѣ; ее тогда винили въ стремленіи развращать юношество, осуждали болѣе талантливыхъ преподавателей, которые имѣли вліяніе на учениковъ живымъ словомъ, даже безъ всякой мысли о соціализмѣ; перебирали и запрещали учебники, въ которыхъ что-то хотѣли читать между строками, но въ дѣйствительности ничего особеннаго не находили; стѣсняли преподавателей всевозможными мѣрами, даже не педагогическими, до того, что дѣйствительно ни одно живое слово не могло перейти отъ нихъ къ ученикамъ; но зато ученики искали этого живого слова внѣ класса, особенно въ книгахъ, преждевременныхъ для ихъ возраста, и становились внѣ всякаго школьнаго контроля въ умственномъ направленіи, такъ какъ одни боялись показывать книги, другіе боялись заводить рѣчь о чемъ-нибудь живомъ, тѣмъ болѣе о томъ, что волнуетъ

общество. Все обыкновенно замолкало и, казалось, все успокоивалось, а между тѣмъ юное поколѣніе втайнѣ подготовлялось къ такому направленію, какое вовсе не было желательно.

И затѣмъ опять начиналось обвиненіе школы, лишенной возможности стать съ ученикомъ въ болѣе правильныя отношенія.

Въ настоящемъ случаѣ г. министръ народнаго просвѣщенія справедливо нашелъ неудобнымъ повторить прежнія нападки на школу, ни въ чемъ неповинную. Онъ довѣрчиво отнесся къ ней, стараясь не подавить, а вызвать въ ней живое слово и хорошо понимая, что только въ этомъ словѣ ея сильное орудіе. Циркуляръ не только приглашаетъ наставниковъ приготовить „людей достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ, которые сознательно поддерживали бы государственный порядокъ и осмысленно противодѣйствовали всякимъ нелѣпымъ ученіямъ“, но отчасти указываетъ и средство, какъ достигать этого—живыя откровенныя бесѣды о самомъ злѣ, которое грозитъ обществу: и пусть, говорится тамъ, при случаѣ и когда, по ихъ мнѣнію, встрѣтится надобность, они разскажутъ болѣе взрослымъ и понятливымъ ученикамъ, что несчастные политическіе фанатики, недоученые юноши, затѣваютъ провести въ народъ свои несбыточныя фантазіи, не гнушаясь при этомъ, какъ тоже обнаружено слѣдствіемъ, ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни даже убійствомъ, и что именно ихъ-то вознамѣрились они избрать своимъ орудіемъ.

Итакъ, школѣ позволяется говорить о предметахъ, не внесенныхъ въ оффиціальную учебную программу, изъ школы приглашаются люди на сознательную и осмысленную защиту государственнаго порядка противъ нелѣпыхъ ученій. Послѣ этого прямая обязанность педагоговъ подумать внимательно, какъ честно выполнить эту задачу. Прежде всего, имъ самимъ нужно хорошо приготовить себя, чтобы слова ихъ выходили изъ сердца дѣйствительнымъ живымъ словомъ. Одного позволенія со стороны начальства, одного собственнаго желанія вести разговоръ еще слишкомъ недостаточно для такого дѣла. Нельзя говорить о томъ, съ чѣмъ самъ хорошо незнакомъ, нельзя убѣждать другихъ въ томъ, чего самъ ясно не передумалъ; иначе каждый бойкій ученикъ своими пытливыми вопросами собьетъ наставника съ толку или поставитъ втупикъ: ему же придется думать не о томъ, какъ бы убѣдить, а какъ бы удачнѣе и съ честью вывернуться изъ затруднительнаго положенія, въ какое онъ поставленъ неожиданными вопросами. Разбивать нелѣпыя ученія, построенныя на извѣстной логикѣ или на софизмахъ, не каждому

легко; нужно не только самому быть вооруженному строгой логикой, но и развить ее въ своихъ слушателяхъ, причемъ необходимо допускать свободно всевозможныя возраженія, чтобы не оставалось никакихъ недоумѣній и сомнѣній. Насколько это исполнимо и удобно, пусть также рѣшатъ педагоги. Они, конечно, знаютъ, что съ мыслію юноши, не дошедшаго до полной зрѣлости ума, нужно обращаться весьма осторожно, иначе неискусный защитникъ какого-либо дѣла можетъ сдѣлаться вреднѣе самого противника. Говорить же рѣчи ученикамъ и требовать отъ нихъ молчанія, не допуская ихъ до разъясненія какихъ либо неясныхъ имъ вопросовъ, значитъ забрасывать въ ихъ души такія сѣмена, которыя, напротивъ, нужно не доспускать. Циркуляръ говоритъ, что революціонеры избрали орудіемъ своей гнусной пропаганды школу; изъ этого мы заключаемъ, что они, подъ видомъ преподавателей, стали проникать въ школы, чтобы тамъ развращать юношей. Люди, рѣшившіеся на это, хотя и съ извращенною мыслію, но жертвующіе своими головами, должны отличаться энергіею и владѣть софизмами, достаточно сильными для того, чтобы смущать незрѣлые умы. Рядомъ съ ними и противъ нихъ не могутъ стать личности сухія, вялыя, только оффиціально исполняющія приказанія начальства. А такими уже привыкли быть многіе изъ нашихъ наставниковъ, потому что быть иными они ничѣмъ не вызывались: энергія ихъ не могла развиться въ тѣсной обстановкѣ ихъ дѣятельности. Конечно, можно надѣяться, что болѣе не войдутъ въ школу самозванные учителя съ преступными намѣреніями; но еслибъ случилось, что кто-нибудь проскользнулъ бы туда, то онъ воспользуется оффиціальнымъ позволеніемъ вести бесѣды съ учениками болѣе всѣхъ другихъ и надѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ тѣ добра, прежде чѣмъ зло будетъ обнаружено. Изъ всего этого видно, что не легко выполнить задачу, какъ не легко готовить запоздалое вооруженіе противъ врага на полѣ битвы.

Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли чѣмъ-нибудь ограничить эти бесѣды?

Во всѣхъ педагогическихъ соображеніяхъ основаніемъ должны служить законы психическіе, безъ знанія которыхъ педагогъ не можетъ сдѣлать ни шагу. Мы уже сказали, что союзъ ума съ сердцемъ — источникъ всѣхъ нашихъ рѣшеній въ дѣятельной жизни. Только тѣ мысли и ученія могутъ обратиться въ живое сѣмя и дать плодъ, которыя найдутъ себѣ приготовленную почву въ сердцѣ. Значитъ, не уши юношей нужно оберегать отъ тѣхъ и другихъ ученій, а сердце отъ такихъ впечатлѣній жизни, ко-

торыя легко пробуждаютъ и развиваютъ недостойныя чувства и злобное настроеніе. Положимъ, что при извѣстной строгости въ школѣ, уши тамъ уберечь можно отъ всего, отъ чего угодно, но цѣль этимъ не достигнется, потому что внѣ школы некому оберегать ихъ. Но если убережено сердце отъ всѣхъ дурныхъ задатковъ, какъ, напримѣръ, отъ чувства несправедливости, насилія, униженія и всякихъ озлобленій, то и внѣ школы никакія разрушающія ученія, сколько бы они ни звучали въ ушахъ, не будутъ ими приняты. Тогда безопасно знать ихъ даже наизусть, потому что въ дѣйствіи они будутъ отвергаемы. Обставивъ школу тѣми условіями, при которыхъ дѣлается возможнымъ постоянное примѣненіе къ дѣлу этого психическаго закона, педагогъ не будетъ даже имѣть особенной необходимости распространяться передъ учениками о всѣхъ ложныхъ и нелѣпыхъ ученіяхъ; противъ нихъ въ самомъ ученикѣ окажется крѣпкій щитъ для отраженія зла. Я не рѣшаю, какъ это сдѣлать, а ставлю только вопросъ для необходимаго разрѣшенія. Судъ надъ пропагандистами, конечно, сообщитъ намъ факты, очень важные въ этомъ вопросѣ, и педагоги, вѣроятно, ими воспользуются: что именно могло столкнуть недоученыхъ юношей съ прямой дороги и что натолкнуло на преступныя дѣйствія? Тогда, конечно, обнаружится и главное зло, отъ котораго и нужно будетъ оберегать въ семейной и школьной жизни юныя сердца. Но подъ словомъ „обереженіе“ я не разумѣю карантина, гдѣ прекращаются всякія связи со всѣмъ, что живетъ за его предѣлами; семья, какъ и школа, не должны быть карантинами: въ ихъ рукахъ не зараженныя, а здоровыя лица, и, слѣдовательно, нужно дать имъ жить здоровою жизнію, устраняя или ослабляя только то, что гибельно дѣйствуетъ на молодое сердце и что подготовляетъ почву для принятія недобрыхъ сѣмянъ.

При этихъ условіяхъ и наука будетъ дѣлать свое настоящее дѣло: она образуетъ достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ людей; она убѣдитъ, что каждый порядокъ общественный и государственный слагался исторически, развивался постепенно и можетъ развиваться въ будущемъ не иначе, какъ такимъ же образомъ; она убѣдитъ, что общества — не строенія, которыя каждый можетъ перестраивать по своему плану и вкусу, а живой, высшій и сложный организмъ, который можно разрушить, но не пересоздать; что въ этомъ организмѣ могутъ быть свои болѣзни, но онѣ лечатся не разрушительными средствами, которыя производятъ хаосъ, а улучшенными законами и стремленіемъ лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ гражданъ мирно внести въ общество

свое посильное добро. Живая наука познакомитъ съ органическою жизнію и ея законами, познакомитъ и со средствами, какими человѣческія общества улучшались и какія напрасно употребляли для своего улучшенія, внося, вмѣсто добра, общія страданія и бѣдствія, т.-е. зло. При запасѣ такихъ познаній можно сознательно поддерживать общественный порядокъ противъ разрушительныхъ силъ и осмысленно противодѣйствовать всякимъ нелѣпымъ ученіямъ. Послѣдними обыкновенно увлекаются незнакомые съ законами жизни органической и общественной и полагающіе, что при усиліи и настойчивости можно передѣлывать природу человѣка и перестраивать людскія общества, какъ испорченныя машины. И по нашему мнѣнію, недоученость состоитъ не въ томъ, что юноша не успѣлъ дочитать нѣсколько страницъ изъ Цицерона и Овидія, Ѳукидида и Гомера, а въ томъ, что у него нѣтъ никакого запаса для разумной, дѣятельной жизни, и что его можетъ увлечь каждая бойко написанная книга, каждый говорунъ. Но вниманіе педогоговъ уже обращено циркуляромъ на эту слабую сторону образованія нашего юношества. Требованія циркуляра должны необходимо повести ихъ къ другой постановкѣ школы.

На основаніи того, что „истина не боится свѣта“, педагогамъ придется безбоязненно, непостыдно и мирно вырабатывать много новаго. Только эта дѣятельность можетъ дать школѣ новую жизнь и поставить ее въ надлежащія отношенія къ обществу и семьѣ, и тогда, можно надѣяться, не придется во второй разъ обвинять общество и семью, что они не помогаютъ школѣ. Тогда уже не можетъ быть и разлада между школой и семьею.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ ПИРОГОВА.

I.

Если бы мы вздумали высчитывать факты за послѣднія тридцать лѣтъ по вопросу о распространеніи школьнаго образованія въ Русской землѣ, то намъ пришлось бы перечислить ихъ немало и сдѣлать изъ нихъ несомнѣнный выводъ въ пользу этого распространенія, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи. Этотъ прогрессъ могъ бы насъ порадовать. Но очень естественно, что намъ захотѣлось бы оцѣнить и прогрессъ въ отношеніи качественномъ, коснувшись вопроса, насколько мы просвѣтились въ массѣ отъ нашего школьнаго образованія, какіе вопросы разрабатывали и разработали въ приложеніи къ русскому воспитанію въ связи съ той новой жизнью, которая получила новыя основы. Нѣтъ сомнѣнія, что мы переживали очень важную эпоху въ нашей исторіи, и будущему историку придется много надъ нею поработать, чтобы выяснить ея значеніе въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Но у него будетъ и горизонтъ шире, ему будетъ многое виднѣе нашего. Тѣмъ не менѣе и намъ не мѣшаетъ оглянуться назадъ, если не въ качествѣ историка, то въ качествѣ людей, для которыхъ самопознаніе составляетъ одну изъ существенныхъ духовныхъ потребностей жизни. Это есть необходимое условіе жизни просвѣщеннаго народа. Онъ не можетъ жить безъ оглядки: ему необходимо освѣщать свое прожитое, выяснять то, что рѣшено и что нужно рѣшить въ ближайшемъ будущемъ. Наши дѣти въ правѣ спрашивать насъ, какъ мы понимали жизнь съ ея потребностями, что мы наживали и что передаемъ имъ въ наслѣдство. Не будемъ же несостоятельны въ нашихъ отвѣтахъ. Сами мы немного получили отъ своихъ отцовъ. Но прежде всего поблагодаримъ ихъ за то, что

они намъ дали. Они провели насъ черезъ школу, правда, школу сословную, которую мы потомъ осудили и постарались, сколько было въ нашихъ силахъ, смѣнить другою. Но, тѣмъ не менѣе, она дала намъ возможность увидѣть свѣтъ. Пусть мы потомъ отреклись отъ многихъ понятій, которыя они передали намъ. Но не будемъ ихъ винить въ томъ, что ихъ понятія вырабатывались въ условіяхъ крѣпостного права, за которое они отвѣчать передъ нами не могутъ: они сами получили его въ наслѣдство, съ нимъ сжились ихъ отцы и дѣды. Груба была вся масса, невысоко стоялъ въ нравственномъ развитіи и верхній слой ея; но среди него были и носители свѣтлыхъ идеаловъ, которые не мирились ни съ идеей рабства, ни произвола, ни невѣжества. Они выстрадали эти идеалы и горячо относились къ нимъ, съ полною вѣрою, что настанетъ и для нихъ пора. Сдѣлать болѣе этого они не имѣли возможности. Но отъ насъ они и за это заслужили большое спасибо. Они-то и есть наши духовные отцы, которые намъ передали свои идеалы, связавъ ими наше поколѣніе со своимъ. Безъ нихъ и вся эта грубая масса, и всѣ эти толпы, блестящія и не блестящія, не имѣли бы и историческаго значенія.

За поколѣніемъ нашихъ отцовъ остается та честь, что оно выставило способныхъ людей въ новую пору, когда покойному Государю Александру Николаевичу нужны были дѣятельные помощники въ его преобразовательныхъ планахъ. Пускай они были исключеніе изъ господствовавшей толпы; но все же они дышали среди нея и были связаны съ нею многими связями. Въ настоящей статьѣ я останавливаюсь на одной изъ этихъ личностей, такъ какъ съ нею соединяются выставленные нами вопросы о прогрессѣ въ нашемъ школьномъ образованіи. На нее я смотрю, какъ на одну изъ самыхъ типическихъ и представительныхъ для своего времени, и потому заслуживающую особеннаго изученія. Я разумѣю Николая Ивановича Пирогова. Сначала онъ прославился, какъ спеціалистъ, и притомъ въ такой сферѣ, гдѣ легче всего огрубѣть въ узкой спеціальности, особенно, если и кругомъ толпа не задумывается о высшихъ вопросахъ жизни и живетъ однимъ своекорыстіемъ. Онъ былъ анатомъ, хирургъ [1]),

[1]) Сынъ чиновника, Пироговъ родился въ 1810 году въ Москвѣ; до 12-лѣтняго возраста воспитывался дома, затѣмъ два года въ частномъ пансіонѣ и на пятнадцатомъ году поступилъ въ Московскій университетъ, на медицинскій факультетъ. Черезъ три года онъ кончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря и поступилъ въ профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ, гдѣ въ 1833 году получилъ степень доктора медицины и былъ посланъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія.

учился надъ трупами; но въ то же время былъ идеалистъ и принималъ къ сердцу все человѣческое. Онъ постоянно расширялъ и углублялъ кругъ своего общаго образованія, задавалъ себѣ философскіе вопросы о жизни, анализировалъ дѣйствительную жизнь и убѣдился, что его стремленія не удовлетворяются этою жизнію, что ни къ одной толпѣ онъ пристать не можетъ. Его идеалъ создался на основахъ евангельскихъ, на любви къ ближнему, а идеалы толпы основаны на эгоизмѣ. И вотъ въ то время, какъ она видѣла его въ работѣ надъ трупами или за перевязкой раненаго и прославляла его за искусство въ своемъ дѣлѣ, въ немъ самомъ происходила внутренняя борьба, переработка, перевоспитаніе самого себя. Онъ дошелъ до сознанія, что не жить съ толпою одною жизнію и остаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ нельзя, не воспитавъ въ себѣ силы воли, характера, способности бороться во имя своего идеала. Онъ самъ признавался, какъ трудно совершался въ немъ этотъ душевный процессъ, когда уже половина жизни была пройдена. Этотъ усиленный трудъ надъ самимъ собою и объясняетъ намъ тотъ неожиданный переходъ, который Пироговъ сдѣлалъ отъ поприща хирурга, уже успѣвшаго оказать большія услуги своему отечеству, къ поприщу педагога, когда послѣ несчастной войны зашевелились всѣ эти толпы, слывшія за русское общество, и когда почувствовалось появленіе новой эры русской жизни. Сильный умъ Пирогова сразу понялъ, что настала эпоха усиленной работы и вмѣстѣ борьбы, для которой каждому потребуется перевоспитать себя, но это перевоспитаніе такъ трудно, что лучше

Два года слушалъ онъ лучшихъ профессоровъ въ Геттингенскомъ университетѣ и затѣмъ, по возвращеніи въ отечество, въ скоромъ времени былъ приглашенъ занять каѳедру хирургіи въ Дерптскомъ университетѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе учеными трудами и былъ отправленъ отъ университета въ Парижъ къ знаменитому ученому Вельпо. Въ 1840 году онъ представилъ проектъ объ учрежденіи въ Россіи госпитальныхъ клиникъ для оканчивающихъ курсъ и молодыхъ врачей. По утвержденіи этого проекта онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятія въ медико-хирургической академіи каѳедры госпитальной хирургіи. Въ 1845 году, Пироговъ внесъ въ конференцію медико-хирургической академіи проектъ объ учрежденіи анатомическаго института и вскорѣ затѣмъ былъ посланъ отъ академіи заграницу, чтобы ознакомиться съ устройствомъ заграничныхъ анатомическихъ институтовъ. Въ 1847 году, онъ былъ командированъ на Кавказъ, на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ могъ съ успѣхомъ показать свою ученость, находчивость и изобрѣтательность, точно такъ же какъ и въ слѣдующемъ году, во время холеры въ Петербургѣ. Въ то же время ученыя сочиненія Пирогова, одно за другимъ, выходили въ свѣтъ и доставляли ему славу не только въ Россіи, но и заграницей. Въ 1854 году, осада Севастополя привлекла Пирогова въ Крымъ, гдѣ онъ своею дѣятельностью обратилъ на себя общее вниманіе.

прямо начать съ воспитанія, чтобы потомъ не приходилось перевоспитываться. „Я испыталъ, — говоритъ Пироговъ, — эту внутреннюю роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, тотъ ли же успѣхъ".

Этотъ-то страхъ за дѣтей и вызвалъ его исповѣдь, которую онъ назвалъ „Вопросами жизни" и которая была первымъ его шагомъ въ педагогическую область. „Вопросы жизни" были напечатаны въ 1856 г. въ самомъ спеціальномъ журналѣ „Морской Сборникъ", который до тѣхъ поръ читался только одними моряками; но они такъ глубоко затронули самый жизненный вопросъ, что привлекли общее вниманіе къ журналу. Я называю ихъ исповѣдью, потому что въ нихъ высказались сокровенныя мысли человѣка, который много поработалъ надъ собою и который вздумалъ, наконецъ, раскрыть свою душу, чтобы направить другихъ на лучшій путь къ обновленію жизни. Здѣсь высказалось сжато, даже отрывочно, но смѣло все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ въ той обстановкѣ жизни, въ какой застала насъ несчастная война, и выскажись онъ такъ же откровенно нѣсколько ранѣе, когда вся полуобразованная публика съ самоувѣренностью смотрѣла на себя, на свою мнимую силу, и на него, можетъ быть, посмотрѣли бы, какъ на дерзкаго, безпокойнаго человѣка, подкапывающаго основы, пытающагося начать борьбу со всѣмъ обществомъ. Ему, можетъ быть, пришлось бы въ самой жизни разыграть роль идеалиста Чацкаго. Но несчастно закончившаяся война подготовила умы смиренно выслушивать горькія и суровыя истины и принимать ихъ къ свѣдѣнію.

Что же сказалъ Пироговъ своимъ соотечественникамъ?

Во-первыхъ, что ихъ общество составляетъ не христіанское общество, а толпы: самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно по силѣ инерціи толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи; а другія толпы, несравненно меньшія по объему, увлекаемыя хотя также, болѣе или менѣе, по направленію огромной массы, слѣдуютъ уже различнымъ взглядамъ на жизнь. Но въ этихъ взглядахъ отзываются тѣ же начала, которыя руководствовали и поступками языческаго общества, только лишенныя корня, безжизненныя, и въ разладѣ съ вѣчными истинами, связанными съ христіанскимъ ученіемъ. Во всѣхъ ихъ въ практической и даже умственной жизни является рѣзко выраженное матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни. Каждый при-

стаетъ къ той толпѣ, къ которой всего болѣе влекутъ его врожденныя наклонности и темпераментъ. Кто родился здоровымъ и даже черезчуръ здоровымъ, чей матеріальный бытъ развился энергически и въ комъ преобладаетъ чувственность, тотъ склоняется на сторону такихъ взглядовъ: „не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо,—это, по малой мѣрѣ, лишь потеря времени; можно, думая, потерять и аппетитъ, и сонъ; время же нужно для трудовъ и наслажденій; аппетитъ—для наслажденій и трудовъ; сонъ—опять для трудовъ и наслажденій, труды и наслажденія—для счастья". Этотъ взглядъ Пироговъ назвалъ привлекательнымъ. Другой взглядъ—веселый: „Работайте для моціона и наслаждайтесь, покуда живете, ищите счастья; но не ищите его далеко; оно у васъ подъ руками, какой вамъ жизни еще лучшей нужно? Все дѣлается къ лучшему. Зло—это одна фантасмогорія для вашего же развлеченія,—тѣнь, чтобы вы лучше могли наслаждаться свѣтомъ. Пользуйтесь настоящимъ и живите себѣ припѣваючи".

У кого воображеніе не господствуетъ надъ умомъ, инстинктъ не превозмогаетъ разсудка, а воспитаніе было болѣе реальное, тотъ дѣлается преслѣдователемъ одного изъ практическихъ взглядовъ: „Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копѣйку на черный день; въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе или, по крайней мѣрѣ, для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно такъ же, какъ и вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій". Другой практическій взглядъ имѣетъ свои оттѣнки: „Хотите быть счастливыми, думайте себѣ что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но только строго соблюдайте всѣ приличія и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь и ни подъ какимъ видомъ имъ не противорѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе нездорово и негодится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите, только молча въ кулакъ себѣ смѣйтесь".

Мечтательному характеру при слабомъ или нервномъ тѣлосложеніи, подходитъ болѣе взглядъ, названный Пироговымъ религіознымъ или старообрядческимъ: „соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья; читайте только благочестивыя книги, но въ смыслъ не вникайте; это главное для спокойствія

души; затѣмъ не размышляйте, живите такъ, какъ живется". Къ этому взгляду близокъ и другой, названный печальнымъ: „не хлопочите, лучшаго ничего не придумаете; новое только то на свѣтѣ, что хорошо было забыто; червякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что стремитесь къ совершенству и принадлежите къ обществу прогрессистовъ; зритель и комедіантъ поневолѣ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ; не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачѣмъ жили".

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось Пирогову общество, среди котораго ему приходилось жить и дѣйствовать. „Если бы поприще каждаго изъ насъ,—говорилъ онъ,—всегда непремѣнно оканчивалось выборомъ одной толпы или одного взгляда; если бы пути и направленія послѣдователей различныхъ взглядовъ шли всегда параллельно одни съ другими и съ направленіемъ огромной толпы, движимой силою инерціи, то все бы тѣмъ и кончилось, что общество осталось бы вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Столкновеній между ними нечего было бы опасаться. Все шло бы спокойно, жаловаться было бы нечего. Но вотъ бѣда: во-первыхъ, всегда являются и люди, родившіеся съ притязаніемъ на умъ, чувство, нравственную волю, иногда слишкомъ воспріимчивые къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, опредѣляющаго цѣли нашей жизни въ христіанскомъ смыслѣ. Они слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти поневолѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаютъ съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, и, переходя отъ одного взгляда къ другому, вникаютъ, сравниваютъ и пытаютъ; все глубже и глубже роются въ родникахъ своей души и, неудовлетворенные стремленіями общества, не находятъ и въ себѣ внутренняго спокойствія; хлопочутъ, какъ бы согласить вопіющія противорѣчія, оставляютъ поочередно и то, и другое, съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни; стараются во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути".

Понятно, что къ числу такихъ людей нужно отнести и самого Пирогова. Онъ описываетъ ихъ по своимъ собственнымъ ощущеніямъ. Но изъ этихъ безпокойныхъ людей немногіе вы-

держиваютъ: родившіеся съ преобладающимъ чувствомъ, съ живостью ума и слабостью воли не выдерживаютъ этой внутренней борьбы, устаютъ, отдаются на произволъ и бродятъ на распутьѣ; готовые пристать туда и сюда, они дѣлаются, по мѣрѣ ихъ способностей, то невѣрными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А съ другой стороны и ревностные послѣдователи различныхъ взглядовъ не идутъ параллельно ни съ массою, ни съ другими толпами; пути ихъ пересѣкаются и сталкиваются между собою; менѣе ревностные, слѣдуя вполовину нѣсколькимъ взглядамъ вмѣстѣ, образуютъ новыя комбинаціи. Въ этомъ раздорѣ сектаторовъ и инертной толпы, въ этомъ столкновеніи противоположныхъ направленій общества Пироговъ находилъ опасность. Онъ предсказывалъ, такъ сказать, теоретически, что при самыхъ твердыхъ политическихъ основаніяхъ общество можетъ, все-таки, рано или поздно поколебаться. „На бѣду еще,—замѣчаетъ онъ,—эти основы не во всѣхъ обществахъ крѣпки, движущіяся толпы громадны, а правительства, какъ исторія учитъ, не всегда дальнозорки“.

Чтобы выйти изъ этого ложнаго и опаснаго положенія, Пироговъ видитъ только одинъ дѣйствительный путь — воспитаніемъ приготовить насъ къ внутренней борьбѣ, по его взгляду, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой. Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно:

Сдѣлать насъ людьми.

Вотъ его знаменитый выводъ, который у насъ не остался безъ послѣдствій въ педагогическомъ мірѣ, хотя и не всѣми такъ широко былъ понятъ. Въ поясненіе къ нему Пироговъ еще прибавилъ: то-есть сдѣлать тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша реальная школа въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ съ самаго нашего дѣтства негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ. Этотъ путь труденъ,—замѣчаетъ онъ,—но возможенъ. Главная же трудность состоитъ въ томъ, что, избравъ его, придется прежде всего многимъ воспитателямъ перевоспитать себя.

Отсюда вытекали двѣ задачи: дать другое направленіе нашимъ школамъ, которыя оказывались несостоятельными въ воспитательномъ дѣлѣ, и призвать на педагогическое поприще тѣхъ, которые способны къ собственному перевоспитанію и понимаютъ цѣли истиннаго воспитанія. Несостоятельность нашихъ школъ, по опредѣленію Пирогова, состояла въ томъ, что онѣ, имѣя

преимущественною цѣлью практическое образованіе, не могли въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ. Это приготовленіе должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ спеціальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной ближайшей цѣли, въ заботахъ, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ... Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе его представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества. Отвѣчайте мнѣ, положа руку на сердце, — спрашиваетъ Пироговъ, — можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступить на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого заранѣе для него опредѣленнаго поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?.. Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у васъ будутъ люди и граждане... Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привиллегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ... Вникните и разсудите отцы и воспитатели!—восклицаетъ Пироговъ, доказывая всю неразумность существовавшаго у насъ воспитанія. Онъ не хочетъ допустить законность существованія раннихъ спеціальныхъ школъ для какихъ бы ни было потребностей страны. „Нѣтъ ни одной потребности,—замѣчаетъ онъ,—для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ. Количество не устоитъ передъ качествомъ, а если и превозможетъ, то все-таки, рано или поздно, подчинится непроизвольно, со всею своею громадностью, духовной власти качества".

Это историческая аксіома.

Изъ устъ Пирогова, одного изъ талантливѣйшихъ спеціалистовъ своего времени, были многозначительны и такія слова: „истинные спеціалисты никогда не нуждались такъ сильно въ

предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ".

Стараясь точнѣе опредѣлить тотъ идеалъ, къ которому Пироговъ думалъ направить воспитаніе общеобразовательной школы, мы замѣчаемъ, что это не былъ идеалъ, оторванный отъ почвы, идеалъ человѣка вообще; нѣтъ, это былъ идеалъ человѣка-гражданина, слѣдовательно связаннаго съ интересами своей страны, признающаго себя человѣкомъ общественнымъ, врагомъ всякой общественной неправды. Выгоду заводить общеобразовательныя школы онъ видитъ, между прочимъ, и въ томъ, что всѣ воспитанники будутъ дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитанія, до вступленія ихъ въ число гражданъ. А всѣ готовящіеся быть полезными гражданами,— настаиваетъ онъ,—должны сначала научиться быть людьми. На эту связь человѣка съ гражданиномъ мы должны указать теперь, чтобы потомъ отличить идеалъ Пирогова отъ другихъ, принятыхъ нашею новою школою. Воспитаніе по этому идеалу онъ ставитъ въ тѣсной связи съ приготовленіемъ къ неизбѣжной предстоящей борьбѣ, которую онъ называетъ роковою—къ борьбѣ внутренней съ самимъ собою и къ борьбѣ съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта.

Но какимъ способомъ, какимъ путемъ приготовить къ этому?— такой вопросъ Пироговъ считалъ однимъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни. Самъ онъ ставилъ два необходимыя условія: воспитуемый долженъ имѣть отъ природы хотя какое-нибудь притязаніе на умъ и чувство, а воспитатели должны пользоваться этими благими дарами природы, но одаренныхъ они не должны дѣлать безсмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума. Отъ педагоговъ онъ требуетъ глубокаго знанія дѣла и горячей любви къ правдѣ и ближнему. Только такіе и могутъ правильно направить воспитаніе на умъ и чувство.

Но откуда же было ихъ взять хотя на первое время? Если, по свидѣтельству Пирогова, воспитаніе не дало имъ того, что съ перваго вступленія на поприще жизни должно бы быть ихъ неотъемлемою собственностью, то приходилось съ неимовѣрнымъ трудомъ самимъ пріобрѣтать это, т.-е. перевоспитывать себя. Какъ человѣкъ, самъ прошедшій этотъ путь перевоспитанія,

Пироговъ подробно его описываетъ. Мы только вкратцѣ прослѣдимъ за нимъ.

Проведя полъ-жизни, говорилъ онъ, испытавъ на себѣ вліяніе различныхъ взглядовъ, предпринявъ во что бы то ни стало перевоспитать себя, разобравъ прошедшее, вы остановились на распутьѣ вашего поприща... Вы думали было, что вы уже убѣждены. Но вы убѣждаетесь, что убѣжденія даются не каждому. Это даръ неба, требующій усиленной разработки. Прежде чѣмъ вамъ захотѣлось имѣть убѣжденія, нужно было бы узнать: можете ли вы еще ихъ имѣть. Только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни любить искренно правду, стоять за нее горою и быть не принужденно откровеннымъ какъ съ наставниками, такъ и со сверстниками. Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигните никакихъ убѣжденій. А эти свойства достигаются вѣрою, вдохновеніемъ, нравственною свободою мысли, способностью отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи. Все это Пироговъ называетъ самыми первыми, самыми главными основами истинно-человѣческаго воспитанія, безъ которыхъ, замѣчаетъ онъ, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей... Вы начинаете развивать въ себѣ способность къ убѣжденіямъ, и скоро убѣждаетесь, что вы тронули этимъ лишь одну сторону самопознанія, а чтобы вступить въ борьбу, вамъ нужно владѣть имъ, какъ нельзя лучше... Вы пытаетесь начать борьбу и убѣждаетесь, что не умѣете вести ее безъ вражды, не умѣете любить безпристрастно то, за что боретесь; не умѣете достаточно оцѣнить того, что хотите побѣдить. Но чтобы любить то, за что вы боретесь и устоять въ такой борьбѣ, вамъ нужно еще одно свойство: вамъ нужна способность жертвовать собою. Но, образовавъ ее въ себѣ, влекомые однимъ неяснымъ безсознательнымъ ощущеніемъ высокаго, вы превращаетесь въ искателя сильныхъ ощущеній. Исканіе сильныхъ ощущеній есть одно изъ ненормальныхъ проявленій вдохновенія, которое уничтожитъ въ человѣкѣ не въ состояніи никакое матеріальное или практическое направленіе въ свѣтѣ. Грусть или какъ будто тоска по родинѣ овладѣваетъ вами. Вы чувствуете пустоту, вамъ недостаетъ чего-то. Вамъ нужны вдохновеніе и сочувствіе. Свѣтло и торжественно вдохновеніе; оно какъ праздничная одежда облекаетъ духъ, устремляя его на небо. Томно и тихо сочувствіе; оно, какъ заунывная пѣсня, напоминаетъ отдаленную родину... Безъ вдох-

новенія нѣтъ воли, безъ воли нѣтъ борьбы; а безъ борьбы— ничтожество и произволъ. Безъ вдохновенія умъ слабъ и близорукъ. Чрезъ вдохновеніе мы проникаемъ въ глубину души своей и, однажды проникнувъ, выносимъ съ собою то убѣжденіе, что въ насъ существуетъ завѣтно-святое. Итакъ, вдохновеніе можно найти въ самомъ себѣ; но гдѣ найдти сочувствіе? Вы вспоминаете невольно, какимъ участіемъ угощало человѣчество лучшихъ друзей своихъ; когда съ полнымъ сознаніемъ высокаго они увлекались вдохновеніемъ и сочувствіемъ. Оно искони было только искателемъ сильныхъ ощущеній. Когда и какое добро принимало оно изъ рукъ своихъ благодѣтелей, не омывъ его багряною влагою жизни? Не Онъ, не воплощенное слово любви и мира, а совершитель кровавыхъ дѣлъ Варрава былъ подаренъ участіемъ.

Остается сочувствіе потомства, которое Пироговъ называетъ безсмертіемъ земли. Все, что живетъ на землѣ животно-духовною жизнью, говоритъ онъ, и въ грубомъ инстинктѣ, и въ идеалѣ высокаго проявляетъ мысль о потомствѣ, и безсознательно и сознательно стремится жить въ немъ. О, если бы самопознаніе хотя бы только до этой степени могло быть развито въ толпахъ, бѣгущихъ отвлеченія. Если бы этотъ слабый отблескъ идеи безсмертія одушевилъ ихъ, то и тогда бы уже земное бытіе человѣчества исполнилось дѣлами, передъ которыми потомство преклонилось бы съ благоговѣніемъ. Тогда исторія, до сихъ поръ оставленная человѣчествомъ безъ приложенія, достигла бы своей цѣли— остерегать и одушевлять его.

Найти еще сочувствіе, по мнѣнію Пирогова, возможно было бы въ своей семьѣ. И этотъ вопросъ переводитъ его къ настоящему положенію женщины.

„Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи,—спрашиваетъ онъ,—жена будетъ смотрѣть съ безсмысленною улыбкою идіота на вашу завѣтную борьбу? Или какъ Марѳа, расточая всевозможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслію—угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытіе? Что если, какъ Ксантипа, она будетъ поставлена судьбою для испытанія крѣпости и постоянства вашей воли? Что если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленныя полужизнію перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?“

Отвѣтъ на все это, конечно, найдетъ каждый самъ. Но Пироговъ считаетъ возможнымъ и для женщины такое же положеніе, въ какомъ ему представляется мужчина, если она была

такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, если, оставивъ дюжинное направленіе толпы, она отчетливо и ясно постигнетъ, что въ будущемъ назначена ей цѣль жизни. „Мужчина, — говоритъ онъ, — обманутый надеждою на сочувствіе въ семейномъ быту, какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ, еще можетъ себя утѣшить, что выраженіе его идеи—дѣла найдутъ участіе въ потомствѣ. А каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно болѣе и которой недостаетъ еще довольно опыта, чтобы хладнокровнѣе перенести обманъ надежды; скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который, поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?“

Ни возрастъ женщины, ни воспитаніе, ни опытъ жизни не могутъ дать ей средствъ выбраться на путь къ настоящему ея призванію и успокоить вопіющую потребность къ сочувствію. Молодость влечетъ ее къ суетѣ, воспитаніе дѣлаетъ куклу, опытъ жизни родитъ притворство. „Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы,—говоритъ Пироговъ,—падаетъ на колѣна передъ Провидѣніемъ, когда положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святого вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли. Отъ воспитанія она не получаетъ никакой помощи: оно, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а черезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эманципація — вотъ ея мысль. Паденіе—вотъ первый шагъ“. Очевидно, что здѣсь Пирогову эманципація представляется въ тѣхъ крайностяхъ, въ какихъ проявляли себя такъ называемыя въ то время эмансипированныя женщины въ Сѣверной Америкѣ, во Франціи, Англіи. У насъ ихъ еще не было. Пироговъ не былъ противъ свободы женщины, онъ только стоялъ за нравственную чистоту ея. „Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ,—говорилъ онъ,—она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ. Не всякій—врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, дышать и нюхать то, что отвратительно смердитъ“. Но онъ признаетъ,

что раннее развитіе мышленія и воли для женщины такъ же нужно, какъ и для мужчины. „Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ — ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе, чтобы избирать и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей". Вотъ какія черты входятъ у него въ идеалъ женщины. Понятно, что для такого идеала требуется и особое воспитаніе. Понятно, что женщина, воспитанная по такому идеалу, должна найти себѣ свободу, не сбрасывая съ себя своихъ настоящихъ обязанностей. „Только близорукое тщеславіе людей,—говоритъ Пироговъ,— строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видитъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя. Пусть женщины поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова, и первую молитву, дѣлаются и главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинѣ ихъ назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. И Марѳа, и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя".

Въ воспитаніи женщины, по мнѣнію Пирогова, заключается воспитаніе всего человѣчества; оно-то и требуетъ перемѣны. „Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю— и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эмансипаціи".

Мы изложили въ подробности содержаніе перваго педагогическаго труда Пирогова, названнаго имъ „Вопросами жизни". Онъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому названію, касаясь не одного какого либо учрежденія, не одной какой либо стороны жизни, а самыхъ основныхъ вопросовъ тогдашней русской жизни. Они были не только передуманы, но и глубоко перечувствованы авторомъ. Въ нашей печати это былъ одинъ изъ первыхъ смѣлыхъ голосовъ послѣ долгаго вынужденнаго молчанія. Замѣчательно еще и то, что всѣ эти первые голоса были болѣе или менѣе нервные, раздражительные, призывавшіе какъ бы къ отвѣтственности недавнее прошлое; голосъ же Пирогова былъ спокойный, разсудительный, никого не обвинявшій, какъ голосъ историка, сознающаго, что у каждаго народа, какъ и у всего человѣчества, есть своя судьба, которую изслѣдуютъ, но

не обвиняютъ. Этимъ спокойствіемъ, этой разсудительностью, несмотря даже на сжатость и отрывочность своей рѣчи, онъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто тогда послѣ недавняго военнаго погрома задумывался надъ русскою жизнію. Горькія истины вводилъ Пироговъ въ сознаніе русскихъ людей; но не согласиться съ ними было нельзя. Оказалось, что знаменитый хирургъ не только разсѣкалъ человѣческія тѣла и анализировалъ ихъ; но онъ точно такъ же анализировалъ и цѣлое человѣческое общество,—и тѣло, и душу его, и нашелъ тамъ застарѣлыя болѣзни, которыя нужно лѣчить радикальными средствами. Прежде всего въ этихъ толпахъ людей, принадлежавшихъ къ одной многомилліонной націи, онъ не находилъ такого общества, которое бы развивалось на истинныхъ нравственныхъ основахъ; находилъ, что воспитаніе, придерживающееся этихъ основъ, ставило потомъ человѣка въ двухсмысленное положеніе: тотъ скоро замѣчалъ противорѣчіе между воспитательными идеалами и дѣйствительными стремленіями въ жизни, и если у него не оказывалось характера, то онъ незамѣтно увлекался общимъ теченіемъ и только увеличивалъ численность той толпы, къ которой приставалъ; если же природа одарила его нѣкоторою силою, то онъ долженъ былъ выдержать борьбу въ самомъ себѣ, чтобы удержать основы, вынесенныя съ нравственнымъ воспитаніемъ; но онъ чувствовалъ себя одинокимъ, и идти далѣе, чтобы вступить въ борьбу съ этими толпами, у него недоставало силъ, которыя нужно было самому воспитывать въ себѣ, или иначе перевоспитывать себя. Но такихъ натуръ было немного, тѣмъ болѣе, что и самое воспитаніе болѣе приспосабливалось къ требованіямъ текущей жизни массы. Оно съ дѣтства готовило спеціалистовъ для извѣстной службы и не возвышалось до высшихъ идеаловъ жизни; женщину же готовило для свѣтскаго общества и не давало ей ничего болѣе.

Вотъ какая болѣзнь представлялась общественному хирургу въ организмѣ общества. Но онъ не довольствовался тѣмъ, что раскрылъ ее, онъ указывалъ и на способъ леченія. Всѣмъ этимъ толпамъ, составленнымъ изъ разныхъ спеціалистовъ, этому свѣтскому обществу, убивающему праздное время въ разныхъ развлеченіяхъ, недоставало одного общаго идеала, идеала человѣка, а съ нимъ вмѣстѣ и гражданина. Безъ него никто не могъ честно исполнять даже своихъ обязанностей, всякій думалъ только о самомъ себѣ. „Сдѣлайте насъ людьми“,—сказалъ Пироговъ, вотъ средство для исцѣленія отъ общественныхъ недуговъ. Но со словомъ „люди“ или „человѣкъ“ онъ не соединялъ одной

отвлеченной идеи; ему представлялся реальный человѣкъ, какъ слуга своей родины, какъ истинный гражданинъ. Идеала гражданина онъ не отдѣлялъ отъ идеала человѣка. „Всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми“,—говорилъ онъ. Но если не было у насъ въ этихъ толпахъ спеціалистовъ настоящихъ людей, то значитъ не было и полезныхъ гражданъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; значитъ, не было и истиннаго гражданскаго общества; да при той сословной розни, при томъ мертвящемъ нравственность крѣпостномъ правѣ его не могло и быть. Итакъ, для нравственнаго общественнаго подъема нужно было школьнымъ общественнымъ воспитаніемъ создать людей, которые, въ свою очередь, должны будутъ создать гражданское общество на смѣну единственно существовавшаго тогда свѣтскаго общества. Но общественный врачъ не считалъ этотъ процессъ легкимъ; онъ видѣлъ, что нельзя пускать этихъ воспитанныхъ новыхъ людей въ ту испорченную больную среду, безъ способности бороться и отстаивать свои идеалы. И вотъ онъ ставитъ цѣлью воспитанія—развивать эту способность, готовить для борьбы, вызывать нравственныя силы, нужныя для нея. Вотъ какая у Пирогова составилась программа.

Надо замѣтить, что въ то время сильно былъ возбужденъ русскій патріотизмъ, но онъ рѣзко отличался отъ того патріотизма, съ какимъ мы въ 1853 году встрѣчали войну, въ самоувѣренностью ожидая англійскіе и французскіе флоты. Тогда мы вѣрили въ свои силы физическія и нравственныя, за исключеніемъ очень немногихъ, которые лучше понимали всѣ обстоятельства и нашу мнимую силу и со страхомъ смотрѣли въ будущее на исходъ готовящейся борьбы. Всѣ другіе были увѣрены въ своемъ превосходствѣ передъ врагами. Но затѣмъ, послѣ тяжелаго разочарованія, явилось горькое сознаніе въ полной своей отсталости передъ Европою, и вспыхнулъ сильный порывъ впередъ, явилось съ безпощаднымъ самоосужденіемъ и желаніе передѣлать, перевоспитать себя, какъ можно скорѣе поднять свое отечество, униженное передъ Европою. И въ это-то время русскимъ людямъ, такъ патріотически настроеннымъ, было высказано, что источникъ всѣхъ бѣдъ заключается въ нихъ самихъ, что такія толпы, какія составляютъ они, не могутъ составить общества, сильнаго нравственными силами; что имъ нужно прежде всего позаботиться о воспитаніи новаго поколѣнія по другимъ идеаламъ. И предлагалось, повидимому, самое простое и естественное средство: воспитывать просто людей, не задаваясь никакими спеціальностями. Это показалось такъ просто и

убѣдительно, что никто даже не отнесся критически къ вызову Пирогова. Всѣ, и педагоги и не-педагоги, заговорили о воспитаніи человѣка, не замѣтивъ даже тѣхъ трудностей, на которыя указалъ Пироговъ: „придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя“. Только такимъ воспитателямъ и можно было пойти по новому пути въ воспитаніи. А какъ не легко перевоспитывать себя, Пироговъ, какъ мы видѣли, показалъ это на самомъ себѣ.

Разумѣется, требованія Пирогова оказались слишкомъ идеальными. Изъ его программы только приняли за принципъ: воспитывать людей, а не спеціалистовъ; но какъ воспользовались этимъ принципомъ, мы скажемъ потомъ; а теперь посмотримъ, что могъ сдѣлать самъ Пироговъ, когда получилъ возможность дѣйствовать согласно со своими взглядами, ставъ во главѣ цѣлаго учебнаго округа. Тогдашнее правительство сочувственно отнеслось къ его идеалу и предоставило ему ту сферу дѣятельности, гдѣ онъ могъ на практикѣ примѣнять свои идеи.

II.

Въ 1858 году Пироговъ былъ сдѣланъ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа и оставался на этомъ посту до 1861 г. Понятно, что въ такое короткое время онъ могъ только приглядѣться къ той средѣ, гдѣ ему нужно было оказывать свое вліяніе, могъ сообразить только планъ, какъ практичнѣе дѣйствовать, чтобы не грубо ломать, а постепенно передѣлывать все устарѣлое и перевоспитывать тѣхъ, кто долженъ былъ быть его помощниками. Но у него успѣлъ выработаться идеалъ общественнаго воспитателя, успѣли опредѣлиться тѣ задачи, которыя необходимо было поставить на видъ русской педагогіи.

Идеалъ общественнаго воспитателя ясно высказался въ рѣчахъ Пирогова, сказанныхъ имъ при прощаніи съ кіевскимъ учебнымъ округомъ и со всѣмъ обществомъ [1]). „Бывъ попечителемъ,—говорилъ онъ,—я жалъ и засѣвалъ мое поле позднею весною, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

[1]) Онѣ напечатаны въ 1861 году въ книгѣ „Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова, вышедшихъ въ управленіе его кіевскимъ учебнымъ округомъ (1858—1861 г.)“. Эта книга теперь стала библіографической рѣдкостью. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ указывать на ея страницы.

Мудрено ли, что могли найтись такіе, которые не въ законахъ необходимости не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву? Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе... Что могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія, и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

„Вотъ это-то полное нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно... Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ... Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать... Ученье и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою. На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края. Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти. Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями“.

Не думаю, что остались бы въ проигрышѣ тѣ, которые, стоя близко къ общественному воспитанію, усвоили бы себѣ всѣ эти взгляды, связавъ ихъ съ идеальными стремленіями воспитателя. Въ нихъ выражается съ одной стороны самое честное отношеніе къ обществу, съ другой—глубокое знаніе человѣческой души,

и, наконецъ, безкорыстная преданность своему дѣлу. Отношеніе Пирогова къ учащейся молодежи должно также войти въ тотъ идеалъ, который мы здѣсь очерчиваемъ. „Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ,—говорилъ онъ,—которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ... но не всѣ знаютъ, что молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ... Между тѣмъ, кто не забылъ свою молодость и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя тогда меня одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ... И теперь, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра... Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости также, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ чуждымъ всѣхъ посторонніхъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы...“

Отъ идеала, которымъ руководствовался Пироговъ въ своихъ

отношеніяхъ къ людямъ, перейдемъ къ тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ онъ выходилъ въ своихъ педагогическихъ стремленіяхъ. „Жизнь человѣка, — говорилъ онъ, — есть безпрерывная, нерѣдко роковая борьба, всего чаще съ самимъ собою, на пути къ совершенству, и эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ неостановимаго стремленія къ совершенству. Школа есть одно изъ проявленій жизни, съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію вѣчной правды". Но въ дѣйствительности Пироговъ находилъ, что жизнь и школа противополагались одно другой, что воспитаніе и ученіе идутъ сами по себѣ, а жизнь идетъ своимъ чередомъ, сама по себѣ, что требованія школы не сходятся съ требованіями жизни, и чѣмъ менѣе образовано общество, тѣмъ болѣе разъединены въ его понятіи школа и жизнь. Пироговъ не придавалъ настоящаго значенія оффиціальнымъ фразамъ и пословицамъ, что воспитаніе человѣка начинается съ самаго рожденія и продолжается до смерти, что ученье свѣтъ, а неученье—тьма: „ихъ говорятъ,—замѣчаетъ онъ,—а вѣрятъ имъ немногіе; а если и вѣрятъ, то мертво, безъ дѣлъ".

Онъ подводитъ подъ три разряда большую часть родителей, которые образовываютъ своихъ дѣтей: одни это дѣлаютъ потому, что это такъ ужъ принято, а все, что всѣми принято, нужно дѣлать охотно и безъ дальнѣйшихъ размышленій; другіе учатъ своихъ дѣтей какъ-то нехотя, съ заднею мыслью, что хотя это и принято, но что, все-таки, имъ послѣ, въ настоящей жизни, придется разъучиваться; третьи, наконецъ,—и это самые мыслящіе и вкусившіе плодовъ образованія,—посылаютъ дѣтей въ школу, чтобъ ихъ послѣ вытолкнуть въ жизнь по той дорогѣ, которая имъ болѣе знакома, или по той колеѣ, которая ведетъ ближе къ заранѣе придуманной цѣли. „Надобно признаться,— прибавляетъ онъ,—школа съ своей стороны, а сложившаяся изъ прошедшаго жизнь съ своей — сдѣлали все возможное, чтобы убѣдить большинство, что между ними ничего нѣтъ общаго...

„Откуда взялась школа, какъ не изъ жизни?—спрашиваетъ Пироговъ.—Не врожденная ли человѣку наклонность развивать болѣе и болѣ все ему присущее была началомъ школы? И если, вышедъ изъ жизни, при первомъ началѣ школа стала противорѣчить жизни, то не произошло ли это отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ нерѣдко ставили и самую церковь въ противорѣчіе съ жизнью? Одно изъ двухъ: или понятія, которыя школа сообщала жизни, были невѣрны и начала, которыми она руководствовалась, не оправдывались жизнью, или же жизнь предъявляла нелѣпыя притязанія

къ школѣ и требовала отъ нея того, чего сама не могла дать. Какъ бы то ни было, но мы видимъ, иногда доходило до того, что школа учила не тому, какъ жить, а тому, какъ умирать должно; а жизнь отвергла все школьное, сомнѣваясь даже въ пользѣ и необходимости грамоты".

Хотя Пироговъ и находилъ, что современная ему школа такъ далеко уже не отстояла отъ жизни, но тѣмъ не менѣе ихъ взаимныя отношенія ему представлялись совершенно неправильными. „Общество и государство, примѣняясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіею, употребляетъ школу, во-первыхъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; во-вторыхъ, какъ разсадникъ спеціалистовъ, ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей. Отцы, примѣняясь къ тому же направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: во-первыхъ, чтобы воспитать ихъ для хлѣба, и притомъ елико возможно не на своемъ, а на чужомъ или общественномъ иждивеніи; во-вторыхъ, чтобы воспитать ихъ въ духѣ того сословія, къ которому принадлежатъ сами, и разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ".

Пироговъ находилъ, что нельзя признать безусловно первенство жизни передъ школою и рабскую зависимость школы отъ настоящаго, тогда какъ все будущее жизни находится въ рукахъ школы и, слѣдовательно, ей принадлежитъ гегемонія. И отцы, и общество, и государство, — утверждалъ онъ, — должны стремиться возстановить смыслъ и права школы, проистекающія изъ самой жизни. Должно возстановить прямое назначеніе школы, примиренной съ жизнью,—быть руководителемъ жизни на пути къ будущему. И этого достигнемъ только тогда, когда всѣ человѣку дарованныя способности, всѣ благородныя и высокія стремленія найдутъ въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ рановременныхъ заботъ о приложеніи".

Этимъ Пироговъ опредѣляетъ сущность общечеловѣческаго образованія, которое онъ всецѣло отдаетъ школѣ. И изъ всѣхъ возраженій, которыя можно бы было придумать противъ него, Пироговъ признаетъ только два, имѣющія нѣкоторую силу: врожденная слабость и односторонность способностей, и особенности нѣкоторыхъ занятій. „Да и про нихъ можно думать,—прибавляетъ онъ,—что время и дальнѣйшіе успѣхи науки многое перемѣнятъ. Сколько ограниченныхъ и тупоумныхъ дѣтей нашлось бы теперь между нашими учениками, если бы ихъ заставили учиться

грамотѣ по прежней методѣ „буки-азъ-ба“? Сколько учениковъ и въ наше время слывутъ въ школѣ тупоголовыми, а въ жизни оказываются умнѣе учителей“?

Распространеніе общечеловѣческаго образованія между всѣми классами Пироговъ считалъ средствомъ устранить ненормальное состояніе общества и только этимъ путемъ можно уничтожить бездну, раздѣляющую касты. Но всѣмъ этимъ онъ нисколько не хотѣлъ уничтожить или ослабить спеціальное образованіе. „Школа не иначе можетъ совершенно и нераздѣльно слиться съ жизнью, какъ принявъ на себя дѣло и общечеловѣческаго и спеціальнаго образованія. Нужно только, первое и главное, начать вò-время и перейти вò-время къ образованію спеціальному. Потомъ, второе, выбрать такіе способы ученія, которые направили бы образовательную силу каждой отрасли вѣдѣнія на способность духа, служившую ей началомъ, помня, что въ мірѣ идей есть тоже свой законъ тяготѣнія свѣдѣній къ свойствамъ духа. Третье— распредѣлить хорошо занятія, не обременяя слишкомъ въ одно и то же время разнородную дѣятельность памяти, воображенія, ума и наружныхъ чувствъ, но и не напрягая слишкомъ дѣйствія одной способности однообразнымъ занятіемъ.

„Исполнивъ эти три условія, нечего бояться, что общечеловѣческое образованіе можетъ сдѣлать умъ поверхностнымъ. Правильно развитыя способности души заставятъ уже умъ углубляться и останавливаться на томъ, что̀ требуетъ сосредоточенныхъ его дѣйствій... Если духъ, разъ безъ подготовки направленный на изученіе одного предмета, и можетъ пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія, то, все-таки, ему и въ томъ одностороннемъ изученіи никогда не будутъ доступны тѣ взгляды на изучаемый предметъ, которые возможны только при умѣньи отдаляться отъ него въ другія высшія или низшія сферы созерцанія. Это умѣнье пріобрѣтается не иначе, какъ знакомствомъ съ различными отраслями свѣдѣній, служившихъ къ развитію всѣхъ способностей духа“.

Съ общечеловѣческимъ образованіемъ въ школѣ Пироговъ связывалъ и подъемъ гражданственности общества, и чѣмъ менѣе для него будетъ назначено уровней, тѣмъ выше оно поднимется. Этихъ уровней общаго образованія, по его мнѣнію, можетъ быть только два, и зависѣть они должны не отъ сословій, а отъ состоянія, смотря по тому, кто богаче или бѣднѣе, кто болѣе или менѣе можетъ обойтись безъ матеріальныхъ пособій, доставляемыхъ приложеніями науки къ жизни. Но онъ считалъ неразрѣшимымъ окончательно вопросъ: какія отрасли вѣдѣнія и въ ка-

комъ объемѣ должны относиться къ одному и какія къ другому уровню? „Его разрѣшить можно не иначе,—говоритъ онъ,—какъ пожертвовавъ одною отраслью для другой, какъ доказавъ математически, что одна отрасль несравненно болѣе содѣйствуетъ развитію всѣхъ способностей души, чѣмъ другая. А этого доказать нельзя". Но этотъ вопросъ онъ и не считалъ особенно интереснымъ для родителей. „Если у васъ есть больное дитя,—замѣчалъ онъ,—то развѣ для васъ не все равно, по какой методѣ его будутъ лѣчить—лишь бы возвратили здоровье. Для чего же спорить, хлопотать и теряться въ недоумѣніяхъ, что̀ полезнѣе вашему сыну — учиться ли по-латыни и по-гречески или по-французски и по-англійски? Повѣрьте, въ рукахъ дѣльнаго педагога и древніе и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей. Посредствомъ ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естествовѣдѣнія совершится общечеловѣческое образованіе вашего сына, все равно—лишь бы сдѣлало его человѣкомъ. Преимущество и выгоды различныхъ способовъ этого образованія такъ очевидны и такъ значительны, что нѣтъ возможности въ настоящее время сказать, который лучше..." [1]).

Такимъ образомъ, тотъ вопросъ, который позже вызвалъ столько споровъ, противорѣчій, борьбы и крайностей, былъ устраненъ Пироговымъ въ постановкѣ общечеловѣческаго образованія. Онъ хорошо понималъ, что этотъ вопросъ неразрѣшимъ и что, выставивъ его на первый планъ, должно отказаться отъ той опредѣленной цѣли, которой должно держаться общественное воспитаніе. Въ зависимость не отъ этого вопроса онъ ставилъ преобразованіе коренное, фундаментальное, которое ему представлялось неизбѣжнымъ, если было необходимо дать иное направленіе общественнымъ силамъ. А необходимость была дѣйствительно настоятельная въ виду того великаго переворота, какой готовился для всей Русской земли. Пироговъ отнесся къ сферѣ своей дѣятельности, какъ человѣкъ государственный и сдѣлалъ вопросъ объ общественномъ образованіи вопросомъ государственнымъ. Въ то же время, какъ человѣкъ, привыкшій къ практикѣ въ своей прежней дѣятельности, онъ искалъ и практическаго исхода въ вопросѣ, съ какимъ явился въ сферѣ своей новой дѣятельности. Онъ былъ убѣжденъ, что однимъ измѣненіемъ уставовъ, курсовъ, распредѣленій лекцій, программъ, испытанія

[1]) Собр. пед. ст. стр. 77.

и т. п. нельзя ничего достигнуть. Онъ остановился на мысли, что для коренного преобразованія чего бы то ни было нужны не одни новые законы, но и новые люди. „Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса,—объявлялъ онъ,—тотъ не долженъ много разсчитывать на дѣйствіе такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ распредѣленій и проч., которыя одни сами по себѣ хотя и быстро измѣняютъ, но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ, первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы — мертвая буква...“

Съ такою мыслью приступилъ Пироговъ къ своей дѣятельности, и занялся приготовленіемъ педагогическаго персонала: для настоящаго ему нужно было направить наличныя силы, для будущаго—провести ихъ черезъ гимназію и университетъ. Какъ мы видѣли, Пироговъ самъ перевоспитывалъ себя уже въ зрѣлые годы; тотъ же трудный путь нужно было указать и педагогамъ, практиковавшимъ въ школахъ. Но начальническими приказаніями сдѣлать это было невозможно. Такимъ способомъ легко было вызвать лицемѣріе, притворство, лукавое приноравливаніе къ новому вѣянію, и вмѣсто блага явилось бы зло горше того, что̀ было, явилась бы скрытая сила, развращающая все молодое поколѣніе. Пироговъ хорошо понималъ все это. Но, съ другой стороны, зорко приглядываясь къ существовавшимъ порядкамъ, онъ убѣдился, что патріархальныя отношенія воспитателей къ воспитанникамъ давно стали невозможны; онъ видѣлъ, что вмѣсто патріархальности, отеческой заботы, браткой любви и т. п. произволъ непосредственныхъ начальниковъ отразился какъ на ученикахъ, такъ и на учителяхъ. Органическая связь между учениками и учителями была уже давно нарушена. Между ними стояли начальники заведенія. Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости начальства глубоко вкралось въ убѣжденіе учениковъ [1]). Но Пироговъ не явился строгимъ обвинителемъ дѣйствовавшихъ педагоговъ. Изъ всѣхъ своихъ наблюденій онъ сдѣлалъ только выводъ, что „бюрократизмъ есть неминуемое слѣдствіе централизаціи, а централизація неминуема при правительственной монополіи воспитанія“. „Кто же виноватъ, — спрашивалъ онъ,—кромѣ исторіи, что начальники нашихъ учебныхъ учрежденій болѣе чиновники чѣмъ воспитатели?“ Отсюда было ясно, что для измѣненія всего этого

[1]) Собр. лит. пед. статей, стр. 134.

нужны были коренныя преобразованія, а они уже не зависѣли отъ попечителя учебнаго округа. Съ перваго же шага оказывалось невозможнымъ толковать объ идеальныхъ свойствахъ воспитателей въ отношеніи ихъ къ воспитанникамъ, о любви, какъ главномъ принципѣ воспитанія и проч., тогда какъ приходилось бороться въ нашемъ общественномъ воспитаніи съ самыми грубыми его недостатками; невозможно было, по собственному сознанію Пирогова, „мечтать о сохраненіи правды внутренней въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ воспитателей и воспитанниковъ, тогда какъ едва справлялись съ соблюденіемъ самой внѣшней ея стороны“ [1]). „Въ правѣ ли мы требовать отъ нашихъ педагоговъ,—спрашивалъ онъ,—высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ взяться у насъ такія личности? Кто велъ, кто приготовлялъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого могли они заимствовать образцы высокихъ качествъ? У прежнихъ ли своихъ наставниковъ, въ жизни ли общества, въ окружающей ли ихъ средѣ, въ семьѣ ли своей, въ воспитательныхъ ли заведеніяхъ? И чѣмъ общество можетъ отблагодарить ихъ, въ свою очередь?.. Нашихъ учителей никто до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу педагогіи, нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыя и доказать даже имъ было невозможно... Какъ забыть, что педагогическіе совѣты—самая лучшая сторона нашихъ учебныхъ учрежденій—существовали только для формальныхъ испытаній? Какъ не знать, что учителя позабыли думать о нравственной связи съ учениками?“ [2]).

Такими вопросами останавливалъ себя Пироговъ отъ увлеченія высшимъ идеаломъ воспитанія, хотя и всегда имѣлъ его передъ собою. Но онъ видѣлъ, что для его примѣненія въ жизни необходимо прежде подготовить самую среду и преобразовать самую систему воспитанія. Послѣднее сдѣлать было не въ его власти. Оставалось выдѣлить тѣ вопросы, которые можно было рѣшать независимо отъ коренныхъ преобразованій и здѣсь уже дѣйствовать убѣжденіями. Въ этомъ онъ видѣлъ единственное вѣрное средство—вызвать педагоговъ на путь самовоспитанія и усовершенствованія. Правда, онъ былъ убѣжденъ, что „трудно, неимовѣрно трудно разувѣрить людей въ томъ, что они однажды

---

[1]) Сборн. лит. пед. статей, стр. 135.

[2]) Стр. 136.

приняли, не вдумавшись, что трудъ разувѣрить ихъ неблагодарный; но, по его сознанію, совѣсть требуетъ его исполнить“ [1]).

И онъ принялся за это дѣло съ энергіей и съ полной вѣрой въ человѣка. Чтобы вызвать педагоговъ къ разумной и цѣлесообразной дѣятельности, прежде всего онъ оживилъ педагогическіе совѣты, предоставивъ имъ полную свободу мнѣній, и въ то же время гласность, по крайней мѣрѣ, въ средѣ педагогической. Для этого учредилъ циркуляры, которые должны были содержать въ себѣ изложеніе мнѣній гимназическихъ наставниковъ. Черезъ нихъ всѣ педагогическіе совѣты гимназій округа могли мѣняться между собою взглядами и сближаться другъ съ другомъ. Черезъ нихъ могли и высшія служебныя инстанціи ближе познакомиться какъ съ господствующими, такъ и съ исключительными взглядами педагоговъ и по нимъ судить о развитіи самой педагогіи въ той же средѣ. Черезъ нихъ же учебное начальство могло удобнѣе сообщать всѣмъ дирекціямъ свои распоряженія и мнѣнія о вновь предлагаемыхъ педагогическихъ мѣрахъ и способахъ преподаванія.

„Чтобы выработать педагогическое искусство для нашихъ учебныхъ заведеній изнутри или изъ самого себя,—писалъ Пироговъ, обращаясь къ педагогическимъ совѣтамъ, — нужно сначала познакомиться съ нимъ такъ, какъ оно есть въ настоящее время, хорошенько провѣрить его уровень и узнать хотя приблизительно направленіе большинства нашихъ педагоговъ. Съ другой стороны, для нихъ необходимо узнать, какъ смотритъ учебное начальство округа на ихъ взгляды и предлагаемыя ими мѣры, или, другими словами, имъ нужно такъ же хорошо знать направленіе учебнаго начальства, какъ и ему направленіе подвѣдомственныхъ лицъ. Въ педагогикѣ, возведенной на степень искусства, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ, нельзя мѣрить дѣйствіе всѣхъ дѣятелей по одной мѣркѣ, нельзя закабалить ихъ въ одну форму; но, съ другой стороны, нельзя и допустить, чтобы эти дѣйствія были совершенно произвольны, неправильны и діаметрально противоположны. Какъ то, такъ и другое совершенно противорѣчитъ духу здравой педагогіи, успѣхъ которой въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ зависитъ, очевидно, отъ правильности и гармоническаго единства дѣйствій главныхъ ея дѣятелей. Итакъ, педагогическія совѣщанія столько же необходимы для наставниковъ, сколько и для самого учебнаго начальства. Но чтобы наставники и начальство извлекли изъ нихъ су-

[1]) Стр. 72.

щественную пользу, необходимо согласиться въ началахъ. Совѣщанія не могутъ быть истинно-научными, если они не будутъ чисто-коллегіальными и если всѣ голоса совѣщателей не будутъ равны“ [1]).

Изъ этого видно, что Пироговъ не думалъ деспотически дѣйствовать въ средѣ своихъ подчиненныхъ, не думалъ подавлять предписаніями и инструкціями духъ ихъ, хорошо понимая, при какихъ условіяхъ всякій человѣкъ, тѣмъ болѣе наставникъ юношества, можетъ копить и укрѣплять въ себѣ нравственныя силы и благотворно дѣйствовать на живыя души. Онъ хорошо понималъ, какъ важно въ общественномъ дѣлѣ общественное мнѣніе, какъ оно нравственно образуетъ людей и какой составляетъ надежный контроль надъ ихъ трудами. Но вокругъ себя онъ не находилъ общества съ болѣе высшими интересами жизни, чѣмъ интересы свѣтскіе, общества не съ смутнымъ понятіемъ о сущности воспитанія и образованія. Педагогическое дѣло, науки и искусства, по мнѣнію Пирогова, нельзя было предоставить суду существовавшаго тогда общества. И вотъ, чтобы совсѣмъ не отказаться отъ важной для педагоговъ образовательной и поощрительной силы, онъ остановился на мысли—постараться сначала, чтобы хорошо выработать путемъ научнымъ общественное мнѣніе нашихъ педагогическихъ учрежденій.

Но для этого нужно воспитать въ каждомъ членѣ общества извѣстную смѣлость духа и сознаніе свободы. И вотъ Пироговъ обращается къ педагогическимъ обществамъ съ замѣчательными словами. „Какъ можетъ быть критика, хотя бы и оффиціальная, безъ права оправданія; тогда это не критика, а приказаніе... Почему трудно разсуждать свободно тому, кто знаетъ, что надъ нимъ есть приговоръ суда? Безпристрастный судъ именно того и требуетъ, чтобы подсудимый говорилъ и разсуждалъ свободно. Долженъ же быть сдѣланъ окончательный приговоръ сужденіямъ для того, чтобы осуществить и возвести ихъ на степень общихъ мѣръ. Этотъ окончательный приговоръ, будетъ ли онъ сдѣланъ общественнымъ мнѣніемъ, или высшею инстанціею, конечно, не препятствуетъ никому оставаться при своемъ убѣжденіи и даже защищать его гласно“ [2]).

Но Пироговъ и не скрывалъ, что большинство тогдашнихъ педагоговъ нельзя было назвать учеными экспертами въ своемъ дѣлѣ, изъ которыхъ должно бы составляться общественное мнѣ-

---

[1]) Стр. 52.

[2]) Стр. 53.

ніе. Его нужно было ожидать въ будущемъ, а въ настоящемъ оставалось одно, по мнѣнію Пирогова: предоставить рѣшеніе вопросовъ большинству голосовъ коллегіальнаго учрежденія, считая—хотя и поневолѣ—его членовъ опытнѣйшими педагогами. Но на первый разъ онъ и не ожидалъ безпристрастныхъ и вѣрныхъ приговоровъ, и главную причину видѣлъ и ясно заявлялъ въ недостаткѣ основательнаго образованія и въ шаткости убѣжденій... „Не лучше ли при такой шаткости нашихъ убѣжденій,—говорилъ Пироговъ,—похлопотать предварительно о лучшей организаціи той среды, къ которой мы принадлежимъ, и постараться путемъ убѣжденія и добросовѣстнаго труда развить здравое мнѣніе объ обязанностяхъ въ этой самой средѣ?“

Въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ наставникамъ, которыхъ нужно было перевоспитывать, Пироговъ стоялъ на высотѣ своей задачи. Своимъ свѣтлымъ умомъ онъ умѣлъ освѣщать имъ принципіальные вопросы, въ которыхъ они путались и иногда спорили болѣе о словахъ, чѣмъ о сущности дѣла. Такъ, одни не хотѣли отдавать преимущество тому способу преподаванія, который наиболѣе содѣйствуетъ развитію душевныхъ способностей учащихся, другіе настаивали на необходимости заучиванія, находя въ этомъ большую пользу; одни говорили, что преподаваемая наука должна служить сама себѣ цѣлью, что главная и единственная цѣль преподаванія есть сообщеніе и усвоеніе знаній; другіе, напротивъ, утверждали, что въ гимназіяхъ каждая наука не есть цѣль, а только средство; главное же есть развитіе способностей. Пироговъ нашелъ, что ихъ можно примирить, если только истинное знаніе науки отдѣлить отъ оффиціально-школьнаго знанія, которое онъ назвалъ экзаменаціоннымъ и классно-переводнымъ. Онъ былъ увѣренъ, что за послѣднее стоять никто не будетъ; а всѣ признаютъ законнымъ только первое и всѣ пожелаютъ, чтобы его усвоили себѣ ихъ ученики сколько можно сознательнѣе. А такое знаніе не можетъ быть однимъ чисто-формальнымъ; оно непремѣнно должно касаться и самаго содержанія и всегда будетъ передаваемо сообразно съ возрастомъ и способностями ученика. Слѣдственно, здѣсь главное для учителя съумѣть изложить свой предметъ такъ, чтобы ученикъ сознательно его усвоилъ; а сознательное усвоеніе уже само собою подѣйствуетъ и на развитіе его душевныхъ способностей, если имѣть въ виду, что въ каждой наукѣ есть своя собственная образовательная сила, которая не останется безъ дѣйствія на духъ и на характеръ ученика, какъ скоро истинное знаніе дѣйствительно усвоено. Такой взглядъ на науку упразднилъ вопросы,

поднятые педагогическими совѣтами, и вызвалъ новый и самый существенный вопросъ—о способѣ преподаванія, какимъ успѣшнѣе достигается указанная цѣль. Посредствомъ этого способа непремѣнно разовьется та или другая способность ученика.

Очень просто подошелъ Пироговъ и къ вопросу о заучиваніи, о которомъ спорили преподаватели. Онъ предположилъ, что всѣ согласятся, что заучиванье должно быть разумно, а затѣмъ объяснилъ, что̀ можно назвать разумнымъ заучиваньемъ. „Не то ли, что оно не должно быть дѣломъ одной памяти, а разумнымъ усвоеніемъ знанія. А въ такомъ случаѣ не о чемъ и спорить. Всѣ знаютъ, что одинъ разумъ безъ памяти не можетъ дѣйствовать. Отъ разумно заучивающаго, или, лучше сказать, отъ разумно помнящаго дѣло вѣрно никто не будетъ требовать, чтобы онъ всегда отвѣчалъ учителю слово въ слово по книгѣ или по тетрадкѣ".

Другой педагогическій споръ между преподавателями, обратившій на себя вниманіе Пирогова, касался метода преподаванія: одни смотрѣли на свои обязанности, какъ профессора университета, и считали задаваніе и спрашиваніе уроковъ безполезнымъ; другіе находили спасеніе только въ репетиціяхъ и конспектахъ. Пироговъ поставилъ имъ общій вопросъ, который устранялъ ихъ разногласіе и даже примирялъ спорящихъ. „Нельзя всѣхъ и каждаго стричь подъ одинъ гребень,—замѣчалъ онъ,—а дѣйствовать разумно, примѣняясь къ свойству самаго предмета, къ личности и степени развитія учениковъ и самихъ учителей, вотъ въ чемъ заключается главное дѣло педагогическаго искусства. Это-то и должно быть по преимуществу предметомъ обсужденія педагогическихъ совѣтовъ. Что касается до меня, то я раздѣляю объ этомъ предметѣ мнѣніе, что учитель не долженъ никогда проводить рѣзкой черты между спрашиваніемъ и объясненіемъ урока. Метода преподаванія, наиболѣе соотвѣтствующая духу гимназическаго ученія есть, по моему мнѣнію, та, которую употреблялъ Сократъ. Но какъ Сократовъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ между нашими учителями, то, конечно, нельзя и вмѣнить имъ въ обязанность, чтобы они такъ же излагали свой предметъ, какъ это дѣлалъ греческій философъ. Сократовъ способъ требуетъ большой сноровки и логики. Немногіе владѣютъ искусствомъ дѣлать логическія наведенія такъ, чтобы учащіеся незамѣтно и непринужденно доходили до сознательнаго отвѣта на заданный вопросъ. Но какъ бы ни были различны личныя способности, свѣдѣнія и степень развитія нашихъ наставниковъ и какъ бы далеко не отстояли они отъ Сократа, все-таки, они

всѣ должны почитать прямою ихъ обязанностью удерживать внимательность цѣлаго класса въ постоянномъ напряженіи. И въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться, что весь успѣхъ гимназическаго ученія основанъ на взаимодѣйствіи учителя и учениковъ. Я бы желалъ, чтобы педагогическіе совѣты гимназій серьезно занялись изобрѣтеніемъ мѣръ, необходимыхъ для поддержанія внимательности въ нашихъ классахъ... Быть внимательнымъ къ словамъ и мыслямъ другаго есть искусство и искусство не легкое, которому нельзя научиться, не упражнявшись съ раннихъ лѣтъ; а кто не научится ему въ школѣ, тотъ не годится и для университета. Пора, пора понять намъ, что обязанность гимназическаго учителя не состоитъ только въ одномъ сообщеніи научныхъ свѣдѣній и что главное дѣло педагогики состоитъ именно въ томъ, какъ эти свѣдѣнія будутъ сообщены ученикамъ. Ошибаются тѣ изъ наставниковъ, которые думаютъ, что они все уже сдѣлали, если изложили науку ученикамъ въ современномъ ея видѣ. Наука дѣло великое, безграничное, едва достижимое и для жизни, не только для школы. Если школѣ удастся сдѣлать учениковъ воспріимчивыми къ наукѣ, дать имъ сознательное научное направленіе, поселить въ нихъ любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ наукою, то больше ничего и требовать нельзя. Школа только тогда достигаетъ своего назначенія, когда вышедшій изъ нея ученикъ будетъ понимать, что такое научная истина,—когда ему будетъ указано, что такое истинная наука, и когда онъ научится вырабатывать ее изъ себя самого сознательно и самостоятельно. Но этого-то именно наши школы, если и постигаютъ, то еще далеко не достигаютъ. И могутъ ли онѣ достигнуть, если не стараются всѣми силами развить вниманіе учениковъ, это первое основное условіе всякой и научной, и практической самостоятельности... Только тотъ постигалъ истину, кто внимательно изучалъ природу, людей и самого себя“ [1]).

Все это разсужденіе Пирогова и въ наше время должно войти цѣликомъ въ каждый курсъ педагогіи, равнымъ образомъ и вытекающіе отсюда вопросы, названные имъ жизненными, не потеряли своего интереса для педагогическихъ совѣтовъ. Онъ поставилъ имъ на видъ три вопроса: 1) какой способъ изложенія при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ долженъ считаться удобнѣйшимъ для сознательнаго усвоенія каждой науки? 2) какъ направить изложеніе каждаго предмета къ развитію той или другой

[1]) Стр. 58—60.

душевной и умственной способности большей части нашихъ учащихся? и 3) какими мѣрами возбудить и поддержать внимательность цѣлаго класса, столь необходимую для усвоенія науки?

III.

Вызывая къ разумной педагогической дѣятельности тѣ силы, какія оказывались налицо, Пироговъ обратилъ особенное вниманіе на образованіе новаго поколѣнія, какъ будущихъ общественныхъ дѣятелей, для которыхъ готовились новыя условія жизни. По его взгляду, школа должна существовать не для настоящаго, а для будущаго, которое принадлежитъ воспитывающемуся поколѣнію, и только при такомъ взглядѣ онъ признаетъ возможнымъ въ полномъ смыслѣ общечеловѣческое образованіе. „Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—и именно въ обществѣ, еще не созрѣвшемъ и мало жившемъ прошедшею жизнію, всего заманчивѣе кажется тотъ взглядъ на школу, который ее представляетъ чѣмъ-то въ родѣ лѣпной модели для приготовленія людей именно такими, какихъ нужно обществу для его обыденныхъ цѣлей... Общество является потребителемъ, а школа фабрикой, приготовляющею товаръ для потребленія. Запросъ есть, стоитъ только удовлетворить ему, и обѣ стороны довольны. Вопіющее современное всегда ближе къ сердцу и доступнѣе мыслямъ, чѣмъ далекое будущее. Для чего вдумываться, что будетъ чрезъ 25 или 30 лѣтъ, когда новое поколѣніе начнетъ замѣнять старое? Правда, всякій изъ насъ, спускаясь подъ гору, начинаетъ чувствовать себя какъ-то неловко и сознавать, что онъ не воспитывался для будущаго, но, проживъ такъ или сякъ и безъ того и думая, что въ это время жилось даже лучше, мѣряетъ на свой аршинъ будущее поколѣніе, совѣтуя и ему поступать такъ же и идти по его стопамъ“ [1]).

Не могъ примириться Пироговъ съ отдѣленіемъ научнаго образованія отъ нравственнаго воспитанія, особенно въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, и при недостаткѣ истинныхъ воспитателей, какъ было у насъ въ пятидесятыхъ годахъ. Онъ хорошо понималъ тѣсную связь общества со школою, видѣлъ вредное вліяніе перваго на послѣднюю и въ идеалѣ представлялъ гегемонію школы, которая должна руководить взглядами и убѣжденіями будущихъ поколѣній. Какъ направить дѣйствительность къ

[1]) Стр. 66.

этому идеалу въ предѣлахъ возможнаго. Пироговъ сдѣлалъ нѣсколько указаній, которыя и до сихъ поръ не получили практической разработки, хотя они заслуживаютъ полнаго вниманія тѣхъ, которые серьезно смотрятъ на общественное воспитаніе. Выражаясь, какъ всегда, чрезвычайно сжато, иногда отрывочно, онъ не даетъ намъ возможности сокращать его изложеніе, и потому мы принуждены пользоваться его собственными словами, чтобы точнѣе представить его взгляды и выводы.

„Жизнь, уже сложившаяся до школы,—говоритъ онъ,—несравненно могучѣе вліяетъ на школу, чѣмъ школа на жизнь. И это-то могучее вліяніе жизни проникаетъ и черезъ стѣны закрытыхъ заведеній. Подъ обаяніемъ этой жизни находятся и воспитатели, и наставники, и воспитанники. Какъ бы ни старались уберечь отъ этого вліянія, жизнь общества беретъ свое и отражается на воспитанникѣ и на воспитателѣ, со всѣми ея и худыми, и хорошими сторонами. Пусть будутъ всѣ воспитатели самые передовые люди общества—предположеніе, конечно, неосуществимое—все-таки, они внесутъ непремѣнно въ школу съ отрадною стороною и извѣстную долю безотраднаго, вынесеннаго ими изъ жизни... Со времени Бецкаго мы идемъ по ложному пути, полагая все еще найти въ закрытыхъ заведеніяхъ точку опоры для нравственнаго обновленія нашего общества. Мы беремъ на себя тяжелую отвѣтственность передъ нимъ, не имѣя возможности удовлетворить самымъ первымъ требованіямъ раціональной педагогики... Заведенія, вмѣщая значительное число воспитанниковъ, не могутъ быть организованы безъ строгаго соблюденія дисциплинарнаго порядка, касающагося исключительно обрядной стороны жизни. Но кому неизвѣстно, какъ трудно въ воспитаніи сохранить полное равновѣсіе между внѣшнею и внутреннею, самою существенною его стороною? Кто не знаетъ, какъ легко внѣшнее и обрядное въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ беретъ перевѣсъ надъ внутреннимъ, заглушая его безпощадно? Кто, знакомый съ натурою молодежи, не знаетъ, какъ она враждебно смотритъ на внѣшнія стѣсненія, когда они имѣютъ цѣлію одно только соблюденіе формы? Они переносятъ эти стѣсненія, но скрѣпя сердце и затаивъ въ глубинѣ души протестъ и неудовольствіе. И чѣмъ болѣе молодежь развита, чѣмъ болѣе умъ ея направленъ на серьезныя научныя занятія, и чѣмъ болѣе она чувствуетъ къ нимъ призваніе въ себѣ, тѣмъ неохотнѣе она покоряется формальности. Это лежитъ въ натурѣ вещей, и это направленіе молодыхъ умовъ можно подавить дисциплинарною строгостію, но уничтожить нельзя. Убѣжденіемъ и примѣромъ

можно довести самыхъ легкомысленныхъ до того, что они безпрекословно покоряются всѣмъ законамъ вѣчной правды; безъ ропота снесутъ они и строгость, если мѣры строгости будутъ направлены къ соблюденію этихъ законовъ. Но нельзя никого, даже ребенка, убѣдить безъ насилія, что вѣчная правда требуетъ непремѣннаго точнаго исполненія всѣхъ условій и всѣхъ постановленій обрядной стороны жизни. Этого можно достигнуть однимъ только приказаніемъ, которому, все-таки, не будетъ доставать главной нравственной опоры—убѣжденія. Какихъ же слѣдствій должно ожидать для развитія характера, воли и чувства правды, если, желая молодыхъ людей воспитать научно и нравственно, мы по необходимости будемъ, съ одной стороны, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія дисциплинѣ и обряду; а съ другой стороны—вмѣсто убѣжденія дадимъ затаиться въ юной душѣ притворству и скрытности или ропоту и протесту“ [1]).

Не признавая возможности истинно-нравственнаго воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ въ такомъ видѣ, какъ они у насъ существовали, Пироговъ, напротивъ, находилъ въ самой школѣ большую воспитательную силу. „Школа,—говорилъ онъ,—одолжена своимъ мощнымъ вліяніемъ наукѣ, и—скажу прямо мое убѣжденіе—одной только наукѣ. Въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадаетъ, какіе бы ни были ея представители. Наука беретъ свое и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ и на нравы. Въ этомъ всего лучше убѣждаютъ насъ люди, вынесшіе изъ школы только одну привязанность къ наукѣ, едва узнавъ ея начатки. Безъ всякаго надзора и приготовленія къ жизни, брошенные въ жизнь, въ борьбѣ съ лишеніями и нуждами, они въ одной наукѣ находятъ и утѣшеніе, и крѣпость, и мужество въ борьбѣ. Также и того я не отвергаю абсолютно, что нравственный надзоръ школы можетъ помогать развитію характера и воли, но гдѣ и когда? Тамъ, гдѣ характеръ и воля цѣлаго общества достаточно окрѣпли, гдѣ его взгляды на жизнь достаточно установились, гдѣ цѣлое общество уже окрѣпло въ борьбѣ и положительно знаетъ, чего оно хочетъ и къ чему стремится, — въ такомъ обществѣ школа вѣрно исполнитъ его желанія и его цѣли. Она дочь общества, хотя и не всегда послушная. Но мы хотимъ, чтобы она была его матерью; а для этого нужно, чтобы она прежде окрѣпла, возмужала и опередила общество, получая всѣ свои силы отъ него же самого. Для этого нужно, чтобы вся исторія общества, всѣ внѣш-

[1]) Стр. 191.

нія и внутреннія условія способствовали къ развитію его нравственныхъ силъ, его воли, его характера. Тогда, и только тогда, школа можетъ выработать, развить все ею полученное отъ общества и сдѣлаться передовою. Пока этого нѣтъ, то отъ школы ничего болѣе и ожидать нельзя, кромѣ вліянія путемъ науки. Пусть же живое слово изъ школы распространяется въ массахъ и приготовитъ ихъ сначала къ воспринятію высшихъ нравственныхъ началъ... Не будетъ ли надежнѣе, оставивъ притязанія школы передъ обществомъ на высшую нравственность, сосредоточить всѣ ея силы на распространеніе науки словомъ и дѣломъ? Не будетъ ли вѣрнѣе вмѣсто всѣхъ попытокъ, столько разъ не удавшихся, улучшить нравственность путемъ чисто-нравственныхъ мѣръ, обратить всю дѣятельность школы на развитіе здраваго смысла путемъ науки? Развивъ его въ новомъ поколѣніи, намъ не нужно будетъ много опасаться за его нравственность. Она всегда лучше тамъ, гдѣ болѣе здраваго смысла... Лишь бы наставникъ съумѣлъ довести истину, какой бы наукѣ она ни принадлежала, до понятія ученика, она не останется безъ дѣйствія, потому что во всякой истинѣ и отвлеченной, и чувственной есть своя доля образовательной и слѣдовательно воспитательной силы. Остальное докончитъ индивидуальность каждаго, кто воспринималъ истину. Итакъ, я не отвергаю и нравственнаго вліянія нашей школы; но я ищу его въ одной наукѣ, и потому требую, чтобы наставники, представители науки, были вмѣстѣ и воспитателями. Я требую отъ нихъ, чтобы они, пользуясь образовательною силою науки, позаботились развить здравый смыслъ и любовь къ истинѣ въ своихъ ученикахъ, а черезъ это улучшили и нравы будущаго поколѣнія. Въ этомъ способѣ я нахожу несравненно болѣе условій для успѣха, нежели въ раздѣленіи научной части училища отъ воспитательной, постепенно вкравшемся въ наши заведенія, ко вреду и науки, и воспитанія. Въ моихъ глазахъ и здравый смыслъ, и характеръ, и воля воспитанника разовьются гораздо болѣе отъ часового ученія у одного или двухъ дѣльныхъ наставниковъ, нежели отъ безпрестаннаго надзора десяти надзирателей, гувернеровъ, воспитателей или какъ бы они не назывались — имя не перемѣнитъ дѣла. А безъ здраваго смысла всѣ правила нравственности ненадежны..." [1]).

Мы увѣрены, что многіе захотятъ возражать противъ этихъ убѣжденій Пирогова, если забудутъ, что онъ отличаетъ истин-

[1]) Стр. 187—189.

ную науку отъ экзаменаціонныхъ или классно-переводныхъ познаній, на которыя онъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ, если не вспомнятъ, что онъ требуетъ найти педагогическое средство возбуждать и постоянно поддерживать вниманіе учениковъ въ классѣ, чтобы работою учителя сообща съ учениками доходить до высшихъ понятій, которыя и должны составлять сущность образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что при этихъ условіяхъ наука выкажетъ и нравственно-воспитательную силу. Кромѣ того, школа можетъ развить въ себѣ еще одну нравственную силу, на которую также обратилъ вниманіе Пироговъ и которою ему хотѣлось воспользоваться для воспитательныхъ цѣлей. Но онъ успѣлъ сдѣлать только нѣсколько небольшихъ опытовъ и долженъ былъ прекратить ихъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, отчего и самая идея осталась недостаточно выясненною. Эта сила обыкновенно проявляется въ школахъ въ различныхъ корпораціяхъ и проявляется вслѣдствіе врожденнаго стремленія человѣка къ общественности. Она же выказывается въ тѣхъ школьныхъ товариществахъ, которыя обыкновенно восхваляются всѣми, но противъ которыхъ нерѣдко приходится бороться неумѣлымъ воспитателямъ. Эти товарищества являлись, по бо́льшей части, силою въ противодѣйствіи начальству, которое основывало все воспитаніе на однихъ запрещеніяхъ и безразсудною строгостью ставило учениковъ во враждебное къ себѣ отношеніе. Здѣсь уже искажалась идея общественности, потому что развивалось не чувство законности, а только стремленіе общими силами обмануть и провести своихъ менторовъ, отстоять своего товарища, хотя бы и провинившагося, спасти его отъ наказанія, хотя бы и заслуженнаго. Такое товарищество развивало ложныя понятія о долгѣ, о чести и переставало быть нравственною силою. Оно, напротивъ, деморализировало юношей. Они не привыкали смотрѣть на него какъ на общество, о чести котораго долженъ заботиться каждый членъ его, и которое пятнаетъ всякій дурной его поступокъ. Они скорѣе походили на вооруженный лагерь, осажденный непріятелемъ, противъ котораго дозволительны всѣ средства, лишь бы только остаться цѣлымъ и не потерпѣть убыли въ своей средѣ. Такое искаженное чувство товарищества переходило потомъ и въ жизнь, за предѣлы школы. И тамъ руководило не чувство законности, не чувство правды, долга и чести, которыя оставались мало развитыми, а только выгоды товарищей: прикрыть нечестный поступокъ, избавить отъ отвѣтственности передъ закономъ негоднаго человѣка, помочь нажиться предосу-

дительными путями, все изъ чувства стараго товарищества. Ясно, что общественная нравственность тутъ нисколько не выигрывала.

Пироговъ хорошо понялъ, что духъ товарищества самъ по себѣ представляетъ прекрасную сторону школьной жизни, но что воспитатели въ большинствѣ не умѣютъ имъ воспользоваться для воспитательныхъ цѣлей, а нерѣдко своею безтактностью даютъ ему нежелательное направленіе. „Духъ корпораціи,—писалъ онъ въ циркулярѣ по округу,—при извѣстныхъ условіяхъ можетъ и повредить законности и поддержать ее. Онъ дѣлается вреднымъ, когда корпорація организуется тайно, или когда она вовсе не организована, а существуетъ по одному преданію и, такъ сказать, инстинктивно. Еще хуже бываетъ, когда въ основаніе ея принято какое-нибудь ложное, несовременное и незаконное начало. Напротивъ, корпоративный духъ много содѣйствуетъ распространенію законности и нравственной связи между учащимся и цѣлымъ учрежденіемъ, когда основаніемъ корпораціи служитъ благородное, научное соревнованіе, чувство чести и собственнаго достоинства. Главная задача педагогіи состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь этою естественною наклонностію человѣка, живущаго въ обществѣ, проявляющеюся съ самаго его дѣтства, дать ей надлежащее направленіе и устремить ее къ развитію чувства законности, правды и чести. Безъ сомнѣнія, примѣненіе корпоративнаго духа, болѣе или менѣе господствующаго въ нашихъ училищахъ, къ педагогическимъ цѣлямъ должно быть дѣлаемо съ большою осторожностью. Такимъ образомъ, характеръ нѣкоторыхъ проступковъ учащихся можетъ быть несравненно точнѣе опредѣленъ ими самими, нежели воспитателями. Существуютъ, напримѣръ, такіе проступки, причину и значеніе которыхъ разузнать нельзя иначе, какъ посредствомъ товарищей виновнаго, и именно потому, что эти проступки преимущественно касаются взаимныхъ отношеній одного учащагося къ другимъ. Если же педагогъ вздумаетъ воспользоваться этимъ средствомъ и прибѣгнетъ для обнаруженія виновнаго и причины его проступка къ помощи его товарищей, то онъ, очевидно, нарушитъ взаимное довѣріе и ту связь учащихся между собою и съ ихъ воспитателями, которая такъ необходима для всякаго учебнаго учрежденія. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ здравая педагогика требуетъ, чтобы разслѣдованіе и въ извѣстной степени и самый судъ виновнаго были болѣе предоставлены его товарищамъ, нежели наставникамъ; наставники же въ такихъ случаяхъ должны играть роль болѣе пассивную; они должны точно наблюдать за ходомъ всего дѣла, не допуская ни малѣйшаго уклоненія отъ

правды, и, такъ сказать, издали руководя дѣйствіями воспитанниковъ... Такой судъ, хотя и въ грубомъ видѣ, существуетъ и теперь въ закрытыхъ заведеніяхъ и даже между приходящими учениками; они и теперь находятъ случай, собравшись, общими силами разругать и даже поколотить товарища, провинившагося въ ихъ глазахъ; только оффиціально такая ученическая расправа не признается. Но мнѣ кажется, что гораздо безвреднѣе для нравственности общества такія естественныя проявленія корпоративнаго духа правильно организовать и подчинить законному надзору, нежели, закрывъ глаза рукою, признать ихъ какъ бы не существующими“ [1]).

Съ этой цѣлью Пироговъ ввелъ, въ видѣ опыта, въ пяти высшихъ гимназическихъ классахъ совѣстный судъ товарищей, правильно организованный подъ руководствомъ воспитателей. Къ проступкамъ, подлежавшимъ этому суду, относились только тѣ, которые касались нарушенія взаимныхъ отношеній учениковъ, какъ порча вещей товарищей, ложь и клевета противъ товарища, оскорбленіе товарища словомъ и дѣломъ. Право такого суда предоставлялось учащимся въ видѣ особеннаго довѣрія начальниковъ къ ихъ нравственности. Оно могло быть и отнято, какъ скоро педагогическій совѣтъ удостовѣрялся, что предоставленное имъ дѣло было ведено неправильно и пристрастно. Прежде, чѣмъ обсудить эту мѣру, которая многимъ можетъ показаться странною, взглянемъ, какъ она практиковалась въ теченіе одного года и двухъ мѣсяцевъ въ Кіевскомъ округѣ. Въ одиннадцати гимназіяхъ округа всѣхъ наказаній, опредѣленныхъ судомъ товарищей, было до семидесяти. Всѣ проступки, подлежавшіе этому суду, заключались въ нанесеніи обиды и оскорбленій товарищамъ словомъ и дѣломъ и въ умышленной порчѣ вещей, принадлежавшихъ товарищамъ. Всѣ почти подсудимые были ученики II, III и IV классовъ, только три ученика V и одинъ VII классовъ. Наказанія, назначавшіяся судомъ, состояли въ томъ, что виновнаго заставляли просить извиненіе у обиженнаго, присуждали къ аресту, къ оффиціальному выговору, къ лишенію пищи и платѣ за испорченную вещь. По отчетамъ нѣкоторыхъ дирекцій, судъ выборныхъ не всегда былъ безпристрастенъ, что̀ по необходимости требовало большого участія въ судѣ товарищей инспектора или другого члена педагогическаго совѣта. Другія дирекціи утверждали, напротивъ, что на выборы и на судъ ученики гимназіи смотрѣли весьма серьезно и выборные

[1]) Стр. 250—251.

разбирали всегда и всякое дѣло внимательно и безпристрастно, что не было ни одного случая, въ которомъ бы нужно было усилить наказаніе, опредѣленное выборными. Вообще же всѣ директіи признавали пользу суда товарищей, находя, что этотъ судъ способствуетъ развитію общественнаго мнѣнія. Случалось нерѣдко, что ученики цѣлымъ классомъ выдавали виновнаго, сдѣлавшаго проступокъ, предосудительный для чести всего класса. Опытъ показалъ, что вражды между учениками, которую предсказывали журнальныя статьи, не было и слѣда, и виновные безропотно подчинялись приговорамъ суда.

Судъ товарищей былъ введенъ, по мысли Пирогова, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы искоренить произвольное и беззаконное самоуправство, существовавшее между учениками гимназій. За все это время было только два случая такой самовольной расправы. Одна изъ нихъ сопровождалась позорнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, имѣвшимъ печальныя послѣдствія: наказанный юноша не вынесъ стыда и черезъ нѣсколько времени застрѣлился на улицѣ. Изъ найденныхъ послѣ его смерти писемъ, въ одномъ изъ нихъ онъ прощался со своими школьными друзьями въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ; въ другомъ, къ отцу, онъ упрекалъ себя и сожалѣлъ, что не исполнилъ его надеждъ. Ложные слухи,—объявлялъ Пироговъ,—приписали эти случаи именно введенію нашей мѣры, потому только, что оба они сдѣлались гласными, тогда какъ прежде подобные же случаи оставались скрытыми". Значитъ, и съ этой стороны мѣра, придуманная Пироговымъ, достигла цѣли: два случая вмѣсто прежнихъ многихъ служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ нея, если бы она практиковалась долѣе, выдѣлилось бы то, что даетъ ей педагогическое значеніе совсѣмъ особенное, какого не можетъ имѣть никакая другая педагогическая мѣра. Школа должна давать воспитаніе общественное въ томъ смыслѣ, что изъ нея должны выходить молодые люди, подготовленные къ общественной дѣятельности, слѣдовательно съ развитымъ чувствомъ общественности, съ правильнымъ понятіемъ объ общественной нравственности, безъ которыхъ никакое общество не можетъ быть крѣпко. Школьныя товарищества въ такомъ видѣ, какъ они существовали, составляя корпораціи, враждебно направленныя противъ неумѣлыхъ воспитателей, не могли развить тѣхъ качествъ, какія нужны для общественной дѣятельности. Они направляли на борьбу преимущественно скрытую, не во имя долга и чести, а въ выгодахъ партіи, не разбирая, что̀ законно и что̀ незаконно. Такое товарищество нельзя было

сравнивать съ обществомъ. Судъ товарищей, введенный Пироговымъ, могъ постепенно привести къ идеѣ объ общественности, которая дала бы и самому товариществу другой смыслъ и сдѣлала бы его многозначительной воспитательной силой. Если уже черезъ годъ съ небольшимъ дирекціи признавались, что судъ товарищей способствуетъ развитію общественнаго мнѣнія, то отсюда уже было недалеко до отождествленія товарищества и общества. Тогда, конечно, и самый судъ выработался бы въ другомъ видѣ. Судъ общественнаго мнѣнія есть выраженіе общественной совѣсти согласно съ нравственными идеалами общества; онъ совершается не по какому-либо кодексу, который составляется для суда юридическаго. Онъ не дѣлаетъ подбора наказаній, для выполненія которыхъ нужна особенная власть. Онъ просто караетъ своимъ приговоромъ или осужденіемъ, дѣлающимъ положеніе провинившагося лица неловкимъ среди этого общества. Но для того, чтобы такой судъ могъ имѣть воспитательное значеніе, нужно, чтобы само общество понимало, въ чемъ состоитъ нравственное человѣческое достоинство и на этомъ основаніи выработывало бы себѣ высшіе идеалы жизни.

Чтобы приравнять школьное товарищество къ обществу, нужно много потрудиться самимъ воспитателямъ, нужно заставить учениковъ полюбить свое заведеніе настолько, чтобы они дорожили его честью, нужно сдѣлать ихъ чуткими ко всякому предосудительному поступку, который можетъ бросить тѣнь на все общество. Боязнь суда такого общества будетъ сдерживающею нравственною силою для каждой личности, хотя бы онъ и не присуждалъ ни къ какому чувствительному наказанію. И если воспитателямъ удается такъ направить товарищество и поддерживать его самой строгой справедливостью въ своихъ отношеніяхъ къ воспитанникамъ, то во всемъ остальномъ ихъ собственное дѣло будетъ значительно облегчено: нравственное воспитаніе молодыхъ людей будетъ упрочено и обезпечено; они сами будутъ воспитывать себя и готовить для дѣйствительной общественной жизни. Надъ обществомъ школьныхъ товарищей, какъ и надъ всякимъ обществомъ, должны стоять свои власти или начальство, чтобы слѣдить за исполненіемъ существующихъ правилъ и пріучать личность подчиняться законамъ; но они не могутъ издавать кодексовъ для общественнаго мнѣнія, не могутъ допускать другой власти для назначенія наказанія за какіе-либо проступки, тѣмъ болѣе не могутъ безъ собственнаго суда являться исполнителями постороннихъ приговоровъ.

Впрочемъ, и Пироговъ отличалъ судъ юридическій отъ суда

нравственнаго или общественнаго: „Взгляды на правду,—говорилъ онъ,—какъ юридическіе, такъ и всего человѣческаго общества, въ сущности, одни и тѣ же, т.-е. судить по справедливости и совѣсти о винѣ и проступкахъ другихъ; коренное же начало проступковъ и у дѣтей, и у взрослыхъ въ сущности одно и то же. Всякій проступокъ и у взрослаго, и у ребенка долженъ быть разсматриваемъ и въ отношеніи къ другимъ, или къ той средѣ, въ которой онъ живетъ. Въ первомъ отношеніи зло находитъ наказаніе въ самомъ себѣ, слѣдовательно наказаніе внутреннее; въ другомъ отношеніи оно должно найти наказаніе внѣшнее. Первое и вытекаетъ изъ суда общественнаго мнѣнія“ [1]).

Конечно, намъ возразятъ, что все это очень идеально, и мы согласимся съ этимъ, прибавивъ, что безъ идеаловъ невозможно и нравственное воспитаніе; согласимся также, что исполнить все это очень трудно, но не скажемъ, что невозможно. Нужны только воспитатели съ такими же стремленіями, какія выказалъ въ себѣ Пироговъ. Онъ доказалъ, что въ обществѣ школьныхъ товарищей можно найти воспитательную силу, а мы утверждаемъ, что ею слѣдуетъ воспользоваться для развитія чувства общественной нравственности, которое вообще у насъ такъ мало развито.

IV.

Пироговъ много сокрушался, что въ русской средѣ слишкомъ мало развито чувство законности, которое онъ называлъ жизненнымъ условіемъ гражданственности, взаимнаго довѣрія и прогресса. Точно такъ же онъ не видѣлъ, чтобы и русская школа развивала это чувство. Онъ вытребовалъ отъ дирекцій своего округа статистическія данныя о наказаніяхъ за 1858 годъ и былъ пораженъ громадною разницею цифръ. Такъ, подверглись тѣлесному наказанію въ кіевскихъ гимназіяхъ: въ одной изъ 215 учениковъ—трое, въ другой изъ 625—43; въ немировской изъ 600—67, а въ житомірской изъ 600—290; въ ровенской изъ 300—6, въ полтавской изъ 399—39, а въ нѣжинской изъ 260—2. „Неужели,—спрашивалъ онъ,—нравственное развитіе учениковъ 2-й кіевской и житомірской гимназій такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ, почти при одинаковомъ числѣ учащихся, высѣчены были

[1]) Стр. 164.

въ прошломъ году только 43, а въ другой почти 300 учениковъ. Ясно, что тутъ была другая причина,—полный произволъ начальственныхъ лицъ: за тотъ же самый проступокъ, за который одинъ директоръ сѣчетъ ученика, другой слабо наказываетъ или прощаетъ его. Все это вредно должно вліять въ особенности на тѣхъ учениковъ, которые переходятъ изъ одной гимназіи въ другую въ томъ же округѣ". „При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ,—объявлялъ Пироговъ,—нельзя развиться чувству законности въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непремѣнно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволъ и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности. Произволъ и капризъ воспитателя вызываетъ, по закону противодѣйствій, такой же произволъ и въ воспитанникѣ". Подтвержденіе этихъ выводовъ Пироговъ нашелъ и въ протоколахъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ. Это обстоятельство заставило Пирогова подумать о томъ, какъ ограничить произволъ начальственныхъ лицъ, не отступая отъ тѣхъ началъ бюрократизма, на которыхъ были поставлены наши школы и отъ которыхъ отступать онъ не имѣлъ права. А недостатки бюрократическаго воспитанія онъ находилъ въ томъ, что воспитатели и призванные, и спекулянты, принужденные дѣйствовать по однообразнымъ и опредѣленнымъ предписаніямъ начальства, невольно дѣлаются воспитателями-чиновниками; они лишаются возможности индивидуализировать, а съ этимъ вмѣстѣ дѣлается невозможнымъ и примѣненіе одного изъ самыхъ основныхъ правилъ педагогики — сообразоваться въ каждомъ данномъ случаѣ съ нравомъ, темпераментомъ и способностями воспитанника. Невозможность вникать въ натуру каждаго нарушаетъ и тѣ сердечныя патріархальныя отношенія воспитателя къ воспитаннику, составляющія отличительную черту того воспитанія, которымъ занимаются педагоги по призванію. „Счастливое время патріархальныхъ отношеній,—заявилъ Пироговъ,—если оно когда-либо и существовало въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, прошло. Теперь подъ предлогомъ этой патріархальности нерѣдко ждешь не добра, а скрытыхъ злоупотребленій. Прислушиваясь къ говору учениковъ въ школахъ, не только ничего не услышишь о сердечной привязанности ихъ къ наставникамъ; но, напротивъ, еще узнаешь, что не существуетъ даже и довѣрія къ справедливости и правосудію воспитателей. При такомъ положеніи дѣла толковать объ отече-

скихъ отношеніяхъ директоровъ, инспекторовъ, надзирателей и учителей къ воспитанникамъ значило бы фарисействовать, или не хотѣть видѣть того, что̀ уже слишкомъ ясно. Еще недавно педагогическій совѣтъ одной изъ гимназій округа, осуждая провинившагося ученика, раздѣлился на двѣ противныя стороны, изъ которыхъ одна утверждала, что учителя должны быть отцами, а другая, что они должны быть братьями учениковъ. Я замѣтилъ на это, что наставники, по моему мнѣнію, должны остаться тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, т.-е. ни болѣе, ни менѣе какъ наставниками".

Пироговъ предлагалъ оставить въ покоѣ недостижимое, а обратиться лучше къ усовершенствованію другой, болѣе практической, стороны общественнаго воспитанія. Онъ остановился на мысли извлечь все хорошее изъ преобладающаго административнаго начала, которое измѣнить было не въ его власти, и приспособить его какъ можно лучше къ воспитанію юношества. Хорошаго же въ этомъ началѣ онъ видѣлъ то, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ содѣйствовать и развитію въ дѣтяхъ чувства законности. Это онъ считалъ первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія; главнымъ же средствомъ къ развитію этого чувства, при малой педагогической подготовкѣ самихъ воспитателей, могли служить, по его взгляду, точныя положительныя и одинаковыя для всѣхъ дирекцій правила о проступкахъ и наказаніяхъ. Чтобы тщательно обсудить этотъ вопросъ, Пироговъ составилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особый комитетъ изъ директоровъ, инспекторовъ, профессоровъ и учителей и предложилъ ему вопросъ: какъ при настоящей организаціи нашихъ гимназій и при настоящихъ средствахъ уничтожить произволъ дѣйствій, возбудить въ учащихся упадшее довѣріе къ начальству гимназіи и постепенно возстановить нарушенную связь между учениками и наставниками?

„Для рѣшенія этого вопроса—заявлялъ Пироговъ—и мнѣ и комитету представлялся возможнымъ только одинъ путь: усиленіе нравственнаго вліянія педагогическихъ совѣтовъ и составленіе правилъ для учениковъ и воспитателей. Мы полагали,—и не безъ причины,—что возстановить вдругъ нарушенную нравственную связь между учениками и учителями невозможно и что самымъ ближайшимъ средствомъ къ этому можетъ служить измѣненіе отношеній учениковъ къ цѣлому обществу наставниковъ. Это было легче сдѣлать, нежели возстановить всѣ нарушенныя отношенія учениковъ къ каждому учителю въ от-

дѣльности, что должно было возстановиться постепенно само собою, какъ неминуемое слѣдствіе перваго".

Такъ какъ опытъ доказалъ, что заключенія и опредѣленія педагогическаго совѣта несравненно болѣе пользуются довѣріемъ между учащимися, чѣмъ рѣшенія одного лица, будетъ ли оно второстепенное въ заведеніи, какъ учителя и надзиратели, или главное, какъ директоръ,—Пироговъ вмѣстѣ съ комитетомъ считалъ необходимымъ, чтобы и правомъ опредѣлять наказанія, которыя имѣютъ болѣе сильное вліяніе на нравственность учащихся, пользовался одинъ педагогическій совѣтъ, а инспекторъ и директоръ имѣли бы право распоряжаться преимущественно въ случаяхъ экстренныхъ и не терпящихъ никакого отлагательства. „Эта мѣра, — объявлялъ Пироговъ, — нисколько не уменьшитъ уваженія учащихся къ этимъ лицамъ, но еще, напротивъ, устранивъ причину подозрѣній и нареканій о личностяхъ, капризѣ и произволѣ, заставитъ ихъ болѣе довѣрять своимъ непосредственнымъ начальникамъ, а слѣдовательно и болѣе уважать ихъ".

Комитетомъ были составлены правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій; но Пироговъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на мѣру временную и приготовительную къ другому лучшему порядку вещей. „Ни я и никто даже не мечталъ,— впослѣдствіи заявлялъ онъ,—искоренить этими правилами самое начало проступковъ—пороки".

Въ виду того непомѣрнаго сѣченія, которое практиковалось во многихъ гимназіяхъ, Пироговъ предложилъ комитету вопросъ: нельзя ли въ нашихъ гимназіяхъ уничтожить совсѣмъ розгу? Большинство членовъ комитета отвѣчало отрицательно. На тотъ же вопросъ, предложенный педагогическимъ совѣтамъ гимназій, четыре изъ нихъ отвѣчали нѣтъ, другіе предлагали въ случаяхъ, требующихъ строгаго взысканія, предоставлять родителямъ и опекунамъ распоряжаться наказаніемъ, или замѣнить тѣлесное наказаніе исключеніемъ, или учредить исправительную гимназію.

Собственный же взглядъ Пирогова выразился въ слѣдующемъ разсужденіи: „Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучился хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. Поэтому гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка. Идеалъ справедливаго наказанія есть то, чтобы оно проистекало, такъ сказать, само собою изъ сущности самаго

проступка. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ непроизвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками—ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ не надежна, гдѣ существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ и возмущающимъ“ [1]).

Но, несмотря на все свое желаніе уничтожить тѣлесное наказаніе, которое было противно нравственно-развитому человѣку, Пироговъ все же не рѣшился идти въ разрѣзъ съ лицами, бывшими непосредственными воспитателями учащихся. Онъ видѣлъ, что они были несостоятельны воспитывать нравственными мѣрами, а многіе факты изъ прошедшаго и настоящаго убѣдили его, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и письменными правилами. „На бумагѣ розга была уже уничтожена еще въ прошедшемъ столѣтіи,—заявлялъ онъ:—въ Руководствѣ учителямъ 1 и 2 разряда 1794 года запрещались: 1) всѣ тѣлесныя наказанія и 2) всѣ посрамляющія и честь трогающія униженія, какъ-то: ослиныя уши, названіе „скотины“ и т. п. Однакоже, эти запрещенія не помогли, потому что убѣжденіе въ необходимости тѣлеснаго наказанія было еще слишкомъ сильно и у родителей, и у воспитателей. Отцы еще обращаются въ училища и гимназіи съ просьбами сѣчь дѣтей и сами сѣкутъ дома. Ученики 6 и 7 классовъ не нынче такъ завтра студенты, тайкомъ, безъ вѣдома гимназическаго начальства, и за поступки противъ чести сѣкутъ своихъ товарищей. Вотъ факты, обличающіе нравы общества... Розга должна исчезнуть не по принужденію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ. Чтобы

[1]) Стр. 249.

употребить съ успѣхомъ нравственныя мѣры, нужно знать трудное искусство индивидуализировать и очеловѣчивать звѣрскую сторону ребенка. Дѣйствіе этихъ мѣръ не такъ просто и однообразно, какъ дѣйствіе розги на физическую сторону дитяти; оно до безконечности различно и, безъ умѣнья приспособляться къ каждому данному случаю, можетъ привести къ результатамъ совершенно противоположнымъ съ тѣми, которыхъ желаютъ достигнуть“ [1]).

При такомъ практическомъ взглядѣ Пирогову только оставалось значительно ограничить слу́чаи тѣлеснаго наказанія до той поры, когда начнутъ смягчаться нравы общества, отъ котораго недалеко ушли и самые воспитатели. Такимъ образомъ въ число наказаній, поименованныхъ въ кодексѣ Пирогова, вошла и розга. Тогдашняя журналистика, не зная всѣхъ обстоятельствъ, сильно напала на Пирогова, выставляя на видъ тотъ высокій идеалъ воспитанія, отъ котораго было очень далеко наше дѣйствительное воспитаніе. Критика напала даже на самый кодексъ, не обративъ вниманія на то, что онъ явился вслѣдствіе полной несостоятельности тогдашнихъ воспитателей воспитывать по выставленному идеалу. По мысли Пирогова, кодексъ долженъ былъ вести къ уничтоженію произвола воспитателей и къ развитію идеи законности, которая подавлялась этимъ произволомъ. Черезъ годъ Пироговъ могъ доказать цифрами, насколько онъ былъ практиченъ въ своихъ соображеніяхъ. Оказалось, по собраннымъ свѣдѣніямъ, что въ теченіе года, предшествовавшаго составленію кодекса, изъ 4.109 учениковъ одиннадцати гимназій округа подвергались тѣлесному наказанію 551. Въ теченіе года, истекшаго послѣ обнародованія правилъ, изъ 4.310 учениковъ этихъ же гимназій подвергнуто было тѣлесному наказанію только 27 отъ 5 до 10 ударовъ розгою; да и изъ нихъ не всѣ были наказаны согласно съ правилами, въ четырехъ случаяхъ директоръ поступилъ произвольно, наказавъ учениковъ безъ согласія педагогическаго совѣта. Итакъ, введеніе правилъ уменьшило слишкомъ въ 20 разъ процентное содержаніе тѣлесныхъ наказаній къ числу учениковъ. Такой же результатъ представляло и другое крайнее наказаніе, введенное также по необходимости въ кодексъ—увольненіе и исключеніе ученика изъ гимназіи: число такихъ значительно сократилось послѣ введенія правилъ. Въ четырехъ же гимназіяхъ не было ни уволенныхъ, ни исключенныхъ, ни наказанныхъ розгою ни одного ученика. Изъ

[1]) Стр. 139—140.

этихъ сравненій объяснилось, что главная цѣль правилъ—уменьшеніе произвола, достигалась.

Изъ 27, наказанныхъ тѣлесно, 6 были наказаны за дерзость и оскорбленіе наставниковъ и надзирателей; остальные за болѣе или менѣе сложныя продѣлки воровства.

Вмѣстѣ съ цифрами наказаній Пироговъ объявилъ, что съ введеніемъ правилъ вліяніе педагогическихъ совѣтовъ усилилось, потому что значительное число случаевъ, прежде нисколько не касавшихся учителей, стало представляться на обсужденіе цѣлаго ихъ общества. И отсюда попечитель дѣлалъ заключеніе, что крайнія наказанія въ непродолжительный періодъ времени выйдутъ совсѣмъ изъ употребленія и превратятся въ одну только угрозу. „Итакъ,—замѣтилъ онъ,—составляя правила, мы разсчитали справедливѣе нашихъ антагонистовъ; факты оправдали наши надежды".

По прошествіи года послѣ введенія правилъ о наказаніи, Пироговъ обратился къ педагогическимъ совѣтамъ, требуя отъ нихъ свободно высказаться какъ о самыхъ правилахъ, такъ и о способахъ ихъ примѣненія. На этотъ вызовъ онъ получилъ много возраженій и написалъ на нихъ свои замѣчанія, которыя всѣ сводятся къ слѣдующему: не мертвая буква закона, а живое убѣжденіе воспитателя, обнаруживаемое въ приложеніи правилъ къ каждому случаю, должно играть главную роль; воспитатели должны сами все сдѣлать съ своей стороны, чтобы ни одно школьное правило не казалось ученикамъ мертвою буквою и ни одинъ наставникъ не казался бы имъ автоматомъ. Воспитанники вѣрно скоро узнаютъ на дѣлѣ, что воспитатель, примѣняющій правила согласно съ внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ, поступаетъ непроизвольно, а законно и справедливо. И это несомнѣнно должно болѣе развить въ ученикахъ чувство законности, правды и довѣрія къ наставникамъ, нежели дѣйствія воспитателя, совершенно произвольныя и ничѣмъ не ограниченныя.

Къ сожалѣнію, Пирогову не пришлось прослѣдить за развитіемъ его правилъ. Онъ только успѣлъ убѣдиться, что введеніе опредѣленныхъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ оказало существенную пользу и что оно было необходимо при тогдашнемъ состояніи нашихъ школъ. Онъ снова созвалъ-было комитетъ для пересмотра своего кодекса, предложивъ при этомъ новые вопросы, которые вызывались разными фактами, замѣчаніями педагогическихъ совѣтовъ и печати. Но вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ отказаться отъ педагогической дѣятельности и начатыя работы прекратились. Тѣмъ не менѣе его попытки пред-

ставляютъ въ исторіи русскаго общественнаго воспитанія замѣчательный фактъ, который не остался безъ послѣдствій, хотя многія мысли, имъ высказанныя, еще ждутъ разработки въ будущемъ.

V.

Сколько можно судить по распоряженіямъ и циркулярамъ Пирогова, у него складывалась особенная система школьнаго образованія, которое онъ назвалъ общечеловѣческимъ, взамѣнъ того спеціальнаго или сословнаго направленія, какое преобладало въ нашихъ школахъ. Съ этимъ образованіемъ онъ соединялъ развитіе умственное и нравственное, признавая всецѣло за наукою воспитательную силу, которою и должны умѣть пользоваться преподаватели. Въ этомъ только случаѣ они и могутъ назваться истинными педагогами, понимающими свое призваніе. Для нихъ наука должна быть важна не сама по себѣ, а какъ важное средство для всесторонняго развитія учащагося. „Гимназія, по его словамъ, должна только приготовить учащихся къ воспринятію и разработкѣ науки, излагая ее въ извѣстной мѣрѣ, въ извѣстномъ объемѣ и въ современномъ видѣ и способствуя общечеловѣческимъ образованіемъ къ всестороннему развитію всѣхъ благихъ способностей человѣческаго духа“. Эта цѣль и должна составить связь всѣхъ преподаваемыхъ наукъ и привести ихъ, такъ сказать, къ единству. Съ преподаваніемъ науки Пироговъ соединялъ не пассивное воспріятіе познаній, а самостоятельный трудъ, которому онъ придавалъ особенное значеніе. Чтобы вызвать учениковъ къ такому труду и въ то же время привести въ ихъ сознаніе связь между науками, онъ завелъ въ гимназіяхъ литературныя бесѣды. „Онѣ названы литературными,— пояснялъ онъ,—не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ этого слова; не собственно такъ называемая литература отечественнаго или иностранныхъ языковъ, а упражненія въ литературныхъ занятіяхъ по всѣмъ въ гимназіи преподаваемымъ наукамъ должны быть цѣлью этихъ бесѣдъ. Онѣ должны быть мощнымъ пособіемъ учащимся къ ученическому образованію. Онѣ должны приготовить къ университету. А нужно знать, какъ важно значеніе этого слова: „быть приготовленнымъ къ вступленію въ университетъ“. Нужно знать, что изъ ста оканчивающихъ гимназическій курсъ девяносто навѣрное еще не приготовлены, хотя бы по экзамену и вступили въ число студентовъ университета. А отчего? Оттого,

что въ гимназіяхъ они не приготовились къ самостоятельному научному труду, безъ котораго ученіе въ университетѣ безплодно. Итакъ, вотъ собственно цѣль такъ называемыхъ литературныхъ бесѣдъ: онѣ должны послужить средствомъ къ упражненію этого рода. И потому всякое проявленіе самостоятельнаго труда учащихся въ литературной бесѣдѣ должно быть дорого и знаменательно для наставниковъ-руководителей въ этихъ бесѣдахъ. Оно возбуждаетъ надежду, что университетъ получитъ изъ ихъ рукъ ученика, хорошо ознакомленнаго съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ во время бытности его въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ умственнымъ занятіямъ и уяснившаго себѣ цѣль и значеніе умнаго ученія.

Хотя на первыхъ порахъ литературныя бесѣды и не совсѣмъ удовлетворили попечителя; но онъ все же убѣдился, что бесѣды могутъ дѣйствительно послужить средствомъ къ развитію самостоятельной дѣятельности. Дѣлая свои замѣчанія не въ похвалу многимъ, онъ въ то же время и ободрялъ ихъ, чтобы не отнять у иныхъ желанія участвовать въ бесѣдахъ. „Правда, хотя бы и жестоко выраженная,—прибавлялъ онъ,—не должна быть страшна никому. Намъ всѣмъ, отыскивая ее и на пути къ ней, придется еще не разъ споткнуться. Бѣда не въ томъ; но то бѣда, если мы останемся глухи къ голосу опыта, которому уже знакома дорога къ правдѣ со всѣми ея трудностями. А опытъ говоритъ, что самостоятельный трудъ никому сразу не дается. Въ немъ нужно испробовать свои силы съ чрезвычайною постепенностью“...

Въ основаніи общечеловѣческаго образованія, по мысли Пирогова, должно лежать убѣжденіе, что школа и жизнь есть одно нераздѣльное цѣлое, что жизнь школьника есть такая же самостоятельная, подчиненная своимъ законамъ жизнь, какъ и жизнь взрослыхъ учителей. „И если дѣти не имѣютъ ни силы, ни способовъ нарушать законы нашей жизни, то и мы не имѣемъ права безнаказанно и произвольно ниспровергать столь же опредѣленные законы міра дѣтей. Безъ сомнѣнія, и отцы, и общество должны заботиться о будущности дѣтей; но это право ограничивается обязанностію развивать всецѣло и всесторонне все благое, чѣмъ надѣлилъ ихъ Творецъ. Другого права нѣтъ и быть не можетъ безъ посягательства на личность, которая одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ, и во взрослomъ“.

Вотъ на какихъ основахъ хотѣлъ Пироговъ устроить школьное воспитаніе, и нѣтъ сомнѣнія, что многое съумѣлъ бы онъ

разработать въ подробностяхъ и примѣнить къ дѣлу, если бы его дѣятельность не ограничилась какими-нибудь тремя годами. Но во всякомъ случаѣ за нимъ остается та слава, что онъ первый оживилъ нашъ педагогическій міръ, выяснивъ коренные недостатки нашего школьнаго воспитанія. Послѣ его „Вопросовъ жизни“ у насъ стала развиваться педагогическая литература, которая до тѣхъ поръ почти не существовала, кромѣ нѣсколькихъ учебниковъ по каждой наукѣ, да немногихъ дѣтскихъ книгъ для чтенія, написанныхъ, большею частью, не съ педагогическими разсчетами. Правда, за перо брались люди, далеко не мудрые въ педагогіи, стали толковать и вкривь и вкось; но всѣ выходили изъ идеи Пирогова—воспитывать или образовывать человѣка; всѣ повторяли обвиненія, что мы до тѣхъ поръ не умѣли дѣлать этого, повидимому, простого дѣла. Но что дѣло было совсѣмъ не такъ легко, какъ казалось, доказывали ихъ собственныя разсужденія. Большинство хотѣло разрѣшить вопросъ, какъ сдѣлать наши школы общеобразовательными, противополагая ихъ спеціальнымъ или сословнымъ. Всѣ указывали на цѣль общеобразовательнаго воспитанія: развить и приготовить человѣка для жизни; но эта фраза отъ частаго повторенія сдѣлалась такою неопредѣленною, такимъ общимъ мѣстомъ, что трудно было представить себѣ всѣ черты того идеала, который тутъ подразумѣвался. Разсматривая въ 1860 году педагогическія статьи, появившіяся до того времени, журналъ „Воспитаніе“ замѣчалъ: „кажется, мы сами хорошо не условились въ этомъ понятіи (человѣкъ), разсуждая о воспитаніи, оттого между нами являются и противорѣчія, которыя не знаешь какъ согласить. Одна только статья „Морскаго Сборника“ (1860) позаботилась представить, какія качества, по мнѣнію автора, требуются отъ правильно развитого и воспитаннаго человѣка, вотъ они: „твердость нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, способность легко понимать, правильно мыслить, точно, ясно и, буде возможно, изящно выражаться, сочувствовать всему высокому, доброму и великому, любить свою отчизну, быть постояннымъ въ своихъ намѣреніяхъ, твердымъ и непоколебимымъ въ ихъ исполненіи“. Все это прекрасно,—замѣчалъ тотъ же журналъ,—но мы могли бы прибавить сюда еще двадцать другихъ качествъ и идеалъ нашъ, конечно, вышелъ бы полнѣе, слѣдовательно, мы имѣли бы еще бо̀льшее право сказать, что „эти качества обусловливаютъ мужа и гражданина, они одинаково нужны на поприщахъ общественныхъ, государственныхъ, про-

мышленныхъ, ученыхъ; однимъ словомъ, изъ нихъ слагается человѣкъ, какъ разумное существо". Отвлеченно можно создавать и идеалы, какіе вамъ угодно, но дѣло въ томъ, что для насъ имѣютъ значеніе только тѣ, которые создались на основаніи дѣйствительности. Человѣкъ и гражданинъ не существуютъ отвлеченно, а существуютъ въ жизни съ плотью и кровью, въ извѣстной мѣстности, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣютъ свою исторію, свои потребности. Нашъ идеалъ тогда будетъ живое существо, когда мы выносили его въ этой самой средѣ, когда онъ способенъ дѣйствовать въ ней; безъ этого наскажите хоть сотню качествъ, они, все-таки, не дадутъ намъ ничего опредѣленнаго, и по нимъ все-таки не воспитаете человѣка. Нравственный идеалъ обыкновенно развивается тою своею стороною, которая слабо развита въ дѣйствительности; недостатокъ въ ней тѣхъ или другихъ качествъ восполняется въ идеалѣ. Вотъ эта-то сторона для насъ и важна, чтобы обратить на нее вниманіе при воспитаніи. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы назвалъ себя нечеловѣкомъ; да и мы не назовемъ имъ ни одного, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ въ нашихъ глазахъ; значитъ, человѣческія черты выказываются и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ, и наконецъ, во всѣхъ, въ цѣломъ обществѣ, въ народѣ, значитъ человѣка развиваютъ природа, жизнь. Отчего же мы вопіемъ, что у насъ нѣтъ людей, что воспитаніе не давало намъ человѣка. Развѣ во всѣхъ ихъ не встрѣчаются качества, исчисленныя статьею „Морскаго Сборника"? Напротивъ, встрѣчаются, если не во всѣхъ, то во многихъ, а людей, все-таки, нѣтъ, или очень мало. Какихъ же человѣческихъ чертъ не достаетъ имъ, чтобы подойти подъ тотъ идеалъ, который насъ плѣняетъ? Вотъ въ этомъ-то опредѣленіи вся и задача. Тутъ не поможетъ намъ и Германія, у которой теперь мы такъ охотно перенимаемъ всѣ системы воспитанія. Конечно, нашъ идеалъ не отсталъ отъ германскаго; но у насъ другая дѣйствительность, слѣдственно и другое примѣненіе къ ней того же самаго идеала. И такъ волей и неволей нужно обратиться къ дѣйствительности, отъ которой многіе педагоги хотѣли бы оторвать воспитаніе, чтобы основать его на одной отвлеченной теоріи".

Вглядываясь въ дѣйствительность, журналъ „Воспитаніе" находилъ, что она представляла генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, помѣщиковъ, артистовъ, ученыхъ, купцовъ и др., что у всѣхъ ихъ были свои сословные интересы, свои стремленія, свои спеціальности; но онъ не находилъ между ними ничего

общаго, кромѣ внѣшнихъ признаковъ народности, какъ, напримѣръ, языка и т. п. У нихъ недоставало общаго чувства гражданственности, безъ котораго невозможно и развитіе общественной нравственности, а безъ нея человѣкъ является неготовымъ для жизни. Въ этомъ чувствѣ человѣкъ находитъ правильный и естественный исходъ своему прирожденному стремленію къ общественности; оно даетъ направленіе его дѣятельности и сливается съ общечеловѣческими интересами его жизни. Въ этомъ смыслѣ и Пироговъ соединялъ съ идеаломъ человѣка идеалъ гражданина, желая представить человѣка не отвлеченнаго, а реальнаго, съ плотью и кровью. Правда, можно возразить, что онъ хотѣлъ выставить идеалъ такого общества, котораго у насъ, по историческимъ причинамъ, еще не существовало; но не нужно забывать, что это было наканунѣ великой крестьянской реформы, которая, по убѣжденію всѣхъ лучшихъ и наиболѣе образованныхъ русскихъ людей того времени, должна была уничтожить препоны, мѣшавшія сложиться гражданскому обществу, а съ этимъ вмѣстѣ и развиться обще-гражданскому чувству; не надо забывать, что съ этой реформой ожидались, какъ неизбѣжное слѣдствіе, и другія реформы, которыя должны были дать новыя основы для русской жизни, нуждавшейся въ новыхъ идеалахъ. Школа, по справедливому мнѣнію Пирогова, должна быть въ тѣсной связи съ жизнью и должна постоянно имѣть въ виду будущее, потому что готовитъ людей для будущаго, слѣдовательно и должна и восполнять въ своемъ идеалѣ то, чего не хватаетъ настоящему для болѣе полной нравственно-человѣческой жизни. Съ другой стороны, Пироговъ хорошо понималъ, что для подъема общественной нравственности, котораго должно было потребовать новое гражданское общество для своей прочности, нужны будутъ люди не только съ твердыми убѣжденіями, но и съ характерами, способные выдерживать борьбу какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю. Они только, по его взгляду, и подходятъ подъ идеалъ человѣка. Воспитаніемъ такихъ людей и должна была заняться общеобразовательная школа. Въ это не вникли практики-педагоги того времени, а приняли отвлеченнаго человѣка, соединяя съ нимъ разныя хорошія качества, преимущественно умственное его развитіе. Такимъ образомъ, и для теоретической разработки вопросъ былъ поставленъ не на ту почву, на какую хотѣлъ его поставить Пироговъ. Указаніе журнала „Воспитаніе“ на односторонность и на отсутствіе опредѣленнаго принципа, для сближенія новой школы съ жизнью, осталось незамѣченнымъ.

„У насъ обыкновенно говорятъ,—писалось въ журналѣ—что развитіе душевныхъ силъ или способностей должно составлять самое главное въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что если юноша, оканчивающій курсъ, выкажетъ въ себѣ значительное развитіе, то воспитательное заведеніе сдѣлало свое дѣло; отъ него больше ничего и не потребуется: развитой юноша, съ извѣстнымъ запасомъ разнообразныхъ научныхъ познаній, можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ. Противъ этого, конечно, спорить нельзя; но нельзя и не замѣтить, что ко всему этому недостаетъ еще одного весьма важнаго условія. Можно быть человѣкомъ развитымъ и образованнымъ такъ, какъ наша современность понимаетъ образованіе, но безъ всякаго направленія своихъ духовныхъ силъ; можно даже казаться человѣкомъ съ убѣжденіями, но безъ всякаго стремленія къ дѣятельности... Если бы все дѣло воспитанія состояло въ одномъ развитіи, тогда не о чемъ было бы много задумываться и спорить, какіе взять научные предметы для воспитанія, какъ распредѣлить ихъ, чѣмъ у насъ, по-правдѣ сказать, теперь только и занимаются въ вопросахъ о гимназическомъ воспитаніи. Каждый научный предметъ можетъ быть хорошимъ средствомъ для умственнаго развитія въ рукахъ порядочнаго педагога; выберите ихъ нѣсколько разнообразныхъ, пожалуй, хоть такихъ, какіе употребляются въ германскихъ училищахъ, какъ уже испытанные, и непремѣнно достигнете своей цѣли, разумѣется, съ педагогическимъ умѣньемъ и тактомъ. Но мы хотимъ, чтобы въ молодомъ человѣкѣ, вступающемъ въ жизнь, было какое-нибудь направленіе, безъ котораго онъ не будетъ знать, куда ему устремить свои силы. А направленіе его зависитъ отъ того, надъ чѣмъ болѣе приходилось ему думать, что̀ давало ему матеріалъ для мышленія въ то время, когда еще развивались его умственныя и нравственныя силы. Это обстоятельство весьма важно, и на него необходимо обратить вниманіе. Если вы занимали юношу только цифрой да буквой, то, конечно, и при этихъ условіяхъ онъ могъ развиться, но не требуйте отъ него такого направленія, какого у него не могло тутъ выработаться. Если вы заставляли его безпрерывно скакать отъ предмета къ предмету, такъ что у него не было возможности задумываться ни надъ одной живительной мыслью, то опять не требуйте отъ него того, чего онъ не могъ себѣ выработать“...

Все это говорилось накапунѣ реформъ, въ ожиданіи намѣченныхъ новыхъ основъ, на которыхъ должно было вырабаты-

ваться новое гражданское общество. И вотъ, наконецъ, реформы совершились; положены новыя основы; но въ то же время вспыхнули и человѣческія страсти, которыя обыкновенно мѣшаютъ спокойному разрѣшенію общественныхъ вопросовъ. Будущій историкъ разберетъ и оцѣнитъ причины всѣхъ послѣдующихъ явленій, оцѣнитъ и намѣренія личностей, имѣвшихъ вліяніе на ходъ нашего дальнѣйшаго развитія. Теперь же передъ нами только факты, въ которыхъ мы видимъ отчаянную борьбу партій; въ ней при столкновеніи сословныхъ и личныхъ интересовъ всѣ вопросы запутывались, одни затемнялись, другіе устранялись, вытѣсняемые одностороннимъ рѣшеніемъ третьихъ. Ту же участь потерпѣли и педагогическіе вопросы, поставленные Пироговымъ.

На первый планъ выступилъ вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи,—вопросъ съ точки зрѣнія Пирогова въ сущности не важный, если имѣть въ виду истинныя цѣли общечеловѣческаго образованія, съ которымъ одинаково соединяется развитіе физическое, умственное и нравственное, развитіе характера и способности честно заявить себя въ общей гражданской жизни и дѣятельности.

Стали разсуждать только о школьныхъ программахъ, о распредѣленіи уроковъ по классамъ; выходило что-то въ родѣ перекройки Тришкина кафтана, и, наконецъ, свели все на вопросъ о формальномъ развитіи разсудочной дѣятельности, чѣмъ и ограничили педагогическое стремленіе образовать человѣка. Продолжали повторять mens sana in corpore sano (здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ), какъ основу разумнаго воспитанія; но на самомъ дѣлѣ о здоровьѣ тѣла немногіе задумывались, да и трудно было задумываться, такъ какъ и самая наука объ естественныхъ законахъ развитія организма была не въ почетѣ.

Наши педагоги послѣдняго періода, получая образованіе крайне одностороннее, стали чуждаться многихъ существенныхъ вопросовъ въ дѣлѣ школьнаго воспитанія, и произошло явленіе весьма прискорбное: выполненіе данныхъ программъ утомляло силы большинства учениковъ, но направленія этимъ силамъ никакого не давало; онѣ направлялись извнѣ вліяніями посторонними, по большей части, нежелательными, а школа не могла противодѣйствовать имъ и оказалась совсѣмъ не такою, какая обѣщалась въ теоріи. Чтобы возвысить ея нравственное значеніе, стали слышаться такія же требованія, съ какими и Пироговъ относился къ школѣ, стараясь о практической ихъ разработкѣ. Приходится снова ставить вопросы: какъ сблизить школу съ жизнью?

на чемъ основать естественную связь школы съ семьею? какъ возвысить авторитетъ школы, который бы предохранялъ учениковъ отъ вредныхъ постороннихъ вліяній? какъ можетъ школа вліять на развитіе характеровъ? Къ разрѣшенію всѣхъ этихъ и подобныхъ вопросовъ рано или поздно необходимо будетъ обратиться, а съ этимъ вмѣстѣ и припомнить Н. И. Пирогова.

Образованіе русской женщины.

(По поводу двадцатипятилѣтія русскихъ женскихъ гимназій).

I.

19-го апрѣля настоящаго года минетъ двадцать-пять лѣтъ со дня открытія первой женской гимназіи въ Россіи. Этотъ день имѣетъ значеніе не только для одного заведенія, но, вообще, онъ долженъ быть внесенъ въ исторію образованія русской женщины.

Маріинская женская гимназія въ Петербургѣ съ первыхъ же дней обнаружила, какая сильная была потребность въ небогатыхъ семьяхъ образовывать дочерей наравнѣ съ сыновьями. Она была первымъ призывомъ всѣхъ городскихъ сословій къ образованію женщины и будущихъ матерей семействъ, а слѣдственно и къ нравственному возвышенію русской семьи, безъ чего нельзя было ожидать и усовершенствованія общественной нравственности. Чуть не всѣ города въ Россіи откликнулись на этотъ призывъ, и вотъ быстро гимназія за гимназіей стали открываться по губерніямъ, и чтобъ сказать, сколько ихъ теперь, долго пришлось бы пересчитывать. Этотъ фактъ нужно признать однимъ изъ крупныхъ фактовъ за послѣднее царствованіе, вотъ почему на немъ и слѣдуетъ остановиться, когда уже протекло четверть столѣтія.

Чтобы лучше оцѣнить его, необходимо хоть бѣгло взглянуть, гдѣ и какъ до того времени могла образовываться русская женщина. Для этого мы не станемъ углубляться во времена отдаленныя, а возьмемъ за исходный пунктъ 1764 годъ, также знаменательный въ исторіи образованія русской женщины. 5-го мая того года императрицею Екатериною II былъ подписанъ указъ сенату о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при

Воскресенскомъ монастырѣ: „Для пользы всего государства, говорится тамъ, учреждены разныя воспитательныя училища благороднаго юношества на казенномъ иждивеніи; равное имѣя попеченіе и о благородныхъ дѣвицахъ, восхотѣли мы учредить такое же воспитаніе... Повелѣваемъ сенату разослать (уставъ) по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы, вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, каждый изъ дворянъ могъ дочерей своихъ въ младенческихъ лѣтахъ препоручить сему отъ насъ учрежденному воспитанію“.

Такимъ вызовомъ сопровождалось основаніе перваго женскаго института въ Россіи, который скоро сталъ слыть подъ именемъ Смольнаго монастыря, а на оффиціальномъ языкѣ Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ.

Идеальная система воспитанія какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ была выработана извѣстнымъ Бецкимъ, который увлекъ императрицу блестящею мыслію воспитать или, лучше, создать новую породу людей. Такое воспитаніе возлагалось на государство и для его пользы, такъ какъ русская семья признана неспособною выполнить государственныя требованія. Она должна была уступить свои права государству, если хотѣла видѣть своихъ дѣтей хорошо воспитанными и образованными. Государство же имѣло возможность воспользоваться опытами лучшихъ европейскихъ педагоговъ и самыми лучшими воспитательными теоріями, чтобы приготовить себѣ честныхъ гражданъ и нравственныхъ отцовъ и матерей для будущей новой семьи. Строго была соображена вся программа государственнаго воспитанія съ шести до восемнадцатилѣтняго возраста [1]). Во весь этотъ періодъ дѣти не должны были видѣть своей семьи, чтобы ея вліяніе какъ-нибудь не заронило дурныхъ сѣмянъ тамъ, гдѣ должны были сѣяться только хорошія.

Основанія нравственнаго воспитанія какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ полагались однѣ и тѣ же; разница между ними была въ научномъ образованіи, которое для дѣвочекъ не считалось важнымъ и отодвигалось на второй планъ. Весь воспитательный періодъ дѣвочки раздѣляли на четыре класса или возраста; каждому назначалось по три года. Въ первомъ возрастѣ (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ) для ученья назначались катехизисъ, россійскій и иностранные языки, ариѳметика, рисованіе, танцованіе, музыка вокальная и инструментальная, шитье и вя-

[1]) Въ мужскихъ заведеніяхъ даже до 21 года, т.-е. до времени совершеннолѣтія.

занье всякаго рода; во второмъ возрастѣ (отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ) къ этому прибавлялась географія съ исторіей и нѣкоторая часть экономіи или домостроительства; въ третьемъ (отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ) прибавлялось чтеніе историческихъ и правоучительныхъ книгъ, часть архитектуры и геральдики. Этимъ собственно и заканчивалось все ученье. Геральдика является въ ряду наукъ, какъ необходимая для развитія чувства чести въ благородномъ званіи, конечно, уже по вліянію западно-европейскихъ примѣровъ. Ариѳметикѣ давалась очень невидная роль: предписывалось обучать этой наукѣ благородныхъ дѣвицъ съ тою единственною цѣлью, чтобы „впредь содержать въ добромъ порядкѣ домашнюю экономію“. Въ четвертомъ возрастѣ (отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ) назначалось дѣвицамъ „повторять свое ученіе почти одною практикою“. Бо̀льшую же часть времени онѣ должны были употреблять на другія занятія: „дежурить понедѣльно по хозяйству, вести записку расходамъ, договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую субботу дѣлать разсчетъ и при себѣ производить платежъ, опредѣлять цѣну всякому товару по его качеству, смотрѣть, чтобъ во всемъ наблюдаемъ былъ совершенный порядокъ и чистота“. Кромѣ того, по двѣ дѣвицы должны были каждый день дежурить въ другихъ классахъ какъ помощницы учительницы: „и отъ сей практики навыкнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось“.

Въ основаніе умственнаго развитія полагалось болѣе чтеніе, чѣмъ научныя познанія, которыя даже не опредѣлялись никакими программами. Для занятій съ воспитанницами назначались учительницы во всѣхъ классахъ. Учителя или мастера допускались только для такихъ наукъ, для которыхъ учительницы не сыщется. Имъ тогда назначались опредѣленные часы. Учительницы же вмѣстѣ съ надзирательницами должны быть всегда при дѣтяхъ „отъ утра до вечера“. Онѣ были въ полномъ подчиненіи начальницы и правительницы (помощницы начальницы). Общее ихъ вниманіе должно быть направлено преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Инструкціи по этой части были составлены очень подробно и съ большою предусмотрительностью, такъ что и въ наше время выдержатъ педагогическую критику. Локкъ и Фенелонъ дали много матеріала для этихъ инструкцій. Начальницамъ говорилось: „хотя благоразуміе и искусство будутъ непремѣннымъ основаніемъ всѣхъ поступковъ начальницы, однако же надлежитъ соединить ихъ съ кротостію, а

наипаче съ непринужденною веселостью. И сіе вперять или сообщать и прочимъ госпожамъ, а особенно молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что скукою, грустію или задумчивостью назваться можетъ". Правительницѣ рекомендовалось имѣть крайнее раченіе о чистотѣ и учтивости. Главными ея качествами должны были быть— умѣренность, кротость и благоразуміе. Строгость въ обращеніи съ благородными дѣвицами вообще не допускалась:—„Напрасно и не по важности вины употребляемая строгость бываетъ обыкновенно поводомъ къ преступленію, совершенно опровергаетъ порядокъ добраго воспитанія и приводитъ въ унынie питомца". Учительницамъ предписывалось болѣе всего учить благонравію: „благоразумными и искусно къ слову приведенными разговорами при всякомъ случаѣ удобнѣе вперять въ мысли молодыхъ дѣвицъ благонравіе и вкоренять оное въ нѣжныя сердца, и всякій пунктъ наставленія, о чемъ бы ни было, довольный способъ къ нравоученію подать можетъ. Стараться, чтобы дѣвицы не привыкали излишне важничать или унылый видъ являть. Паче всего наставлять ихъ въ основаніяхъ благоразумія, добронравія, благопристойности, благородной, а не принужденной учтивости и всѣхъ добродѣтелей... Чтобы отъ самаго юношества и до возраста пріучаемы были къ добродѣтелямъ, учтивости, ласковымъ и пріятнымъ разговорамъ не только съ равными, но и съ самыми послѣдними, какого бы званія кто ни былъ. Чрезъ такое доброе поведеніе и поступки при первомъ ихъ въ свѣтъ вступленіи учинятся онѣ отличными въ обществѣ" [1]).

Подъ словомъ общество здѣсь нужно разумѣть свѣтскія собранія, переродившіяся петровскія ассамблеи, гдѣ при общихъ удовольствіяхъ сближались между собою благородные люди обоихъ половъ и гдѣ женское вліяніе должно было смягчать грубость мужской натуры. Только въ такомъ обществѣ русская образованная женщина пока и могла имѣть значеніе, и естественно, что къ этому именно само собою и направилось все воспитаніе благородныхъ дѣвицъ. „Для бо̀льшей привычки къ честному обхожденію, говорится въ инструкціи, т.-е., чтобъ придать дѣвицамъ надлежащую, но приличную смѣлость въ поведеніяхъ необходимо установить должно въ семъ Обществѣ по праздничнымъ или воскреснымъ днямъ собранія для пріѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ лицъ съ дозволенія начальницы. Сіи собранія назначены будутъ одно для концерта,

[1]) Полн. собр. закон. Рос. Имп., т. XVI, № 12154.

дѣвицами составленнаго, другое для какой ни есть драматической или пасторальной игры, ими же представляемой, а третіе для обыкновенныхъ собраній. При всѣхъ оныхъ дѣвицы двухъ послѣднихъ классовъ (отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ) хозяйствуютъ и стараются показать всѣмъ надлежащее удовольствіе, будучи украшеніемъ и пріятностію оныхъ, дабы черезъ то навыкнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, какое честной природѣ и доброму воспитанію особенно приличествуетъ, т.-е. не имѣть застѣнчивости и въ случаѣ о всемъ пристойно и благородно изъясняться".

Въ интересахъ свѣтскаго общества обращалось и особенное вниманіе на развитіе остроумія въ дѣвочкахъ: „буде которая дѣвица сдѣлаетъ остроумное примѣчаніе, то съ дозволенія имѣетъ она о томъ сообщить всему классу, ибо изрядное и кстати сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію".

На практикѣ, дѣйствительно, должно было все свестись къ воспитанію благонравной свѣтской барышни, такъ какъ иного идеала женщины не могла и вызывать среда, основанная на табели о рангахъ. Это же свѣтское общество заявляло также свои требованія на французскій языкъ, по которому и судило о степени образованія русскаго человѣка. Французская рѣчь и хорошее воспитаніе у большинства слилось въ одно и то же понятіе. Ясно, что въ силу этихъ требованій французскій языкъ долженъ былъ выдвинуться передъ всѣми другими предметами и въ воспитаніи благородныхъ дѣвицъ. Онъ сдѣлался роднымъ языкомъ въ этомъ маленькомъ совсѣмъ особенномъ мірѣ, изъ котораго хотѣли создать особую породу людей. Для этого съ самыхъ малыхъ лѣтъ удаляли дѣтей отъ вліянія семьи, но въ то же время сами не могли избѣжать вліянія среды, и создалось особенное воспитаніе, какого никогда себѣ не представляли ни Локкъ, ни Фенелонъ.

Но нельзя упрекнуть императрицу Екатерину, что она думала только о воспитаніи дворянскихъ дочерей. Съ основаніемъ академіи художествъ она мечтала образовать особое свободное сословіе, приравнивая его къ французскому tiers état; но для полноты необходимо было ввести въ это сословіе и женщинъ, воспитанныхъ подобнымъ же образомъ. 13-го января 1765 года императрица подписала новый указъ: „для пользы общества требуется, чтобы всякаго чина и женскій полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ. Въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ особливо отдѣлен-

номъ строеніи, учредить училище для малолѣтнихъ дѣвушекъ (мѣщанскаго званія) подъ управленіемъ главной начальницы и правительницы (Общества благородныхъ дѣвицъ)... дабы благоучрежденнымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвелось новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли".

Такимъ образомъ явилось мѣщанское отдѣленіе при Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Главныя основанія физическаго и нравственнаго воспитанія и тамъ полагались тѣ же. Принимались только шестилѣтнія дѣвочки и воспитывались до восемнадцатилѣтняго возраста. Раздѣлялись онѣ такимъ же образомъ на четыре класса. Обучались Закону Божію, русскому и иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію, танцамъ, рукодѣлію, музыкѣ и пѣнію, если къ нимъ оказывались способности. Кромѣ того, пріучались „къ домостроительству", т.-е. къ хозяйству, и въ четвертомъ классѣ должны были быть употребляемы ко всякимъ женскимъ рукодѣліямъ и работамъ, т.-е. шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять". Отсюда видно, что въ этомъ отдѣленіи воспитывались дѣвицы для трудовой жизни, и при выпускѣ назначалось имъ давать такія же „преимущества и вольности", какія получали воспитанники академіи художествъ. Кромѣ того, при пріемѣ на каждую воспитанницу полагалось по 50 руб. въ сохранную казну, и черезъ 12 лѣтъ при выпускѣ они выдавались ей съ накопившимися процентами. Эта сумма еще увеличивалась выручкою отъ продажи работъ воспитанницъ въ училищѣ. При продажѣ требовалось строгое разсмотрѣніе: „чѣмъ превосходнѣе чье искусство, чѣмъ тщательнѣе какая вещь выработана, тѣмъ большую похвалу и цѣну она заслуживала бы, и имѣть вѣрную запись, кѣмъ именно какая вещь сдѣлана, чтобы при выпускѣ въ раздѣлѣ подлежащей ихъ части избѣгнуть всѣхъ сомнительныхъ споровъ".

„Черезъ 12 лѣтъ по окончаніи воспитанія, значилось въ уставѣ, однѣ могутъ быть выпускаемы въ замужество по ихъ состоянію за достойныхъ жениховъ; другія по желанію вступаютъ въ службу при училищѣ благородныхъ дѣвицъ на урочные годы съ договоромъ и платою. Прочія же могутъ остаться еще три года не въ числѣ классныхъ, а для отвращенія праздности получать отъ училища только покой, дрова и свѣчи; въ остальномъ же довольствоваться за плату отъ собственныхъ трудовъ. Черезъ три года выпускаются на волю съ аттестатомъ"... [1]).

[1]) Полн. собр. закон. Рос. Имп., т. XVI, № 12323.

Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ послужило образцомъ для другихъ женскихъ институтовъ, о распространеніи которыхъ заботилась уже императрица Марія Ѳеодоровна. Такъ, въ 1797 году, она открываетъ въ Петербургѣ на собственныя средства сиротское училище на 50 бѣднѣйшихъ сиротъ мѣщанскаго сословія, вскорѣ затѣмъ названное Маріинскимъ институтомъ. Въ 1798 году, она же основываетъ въ Петербургѣ училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, а въ 1802 году—такое же училище въ Москвѣ. Оба они впослѣдствіи были названы училищами ордена св. Екатерины, или Екатерининскими институтами. Въ 1804 году, она уже устраиваетъ при московскомъ Екатерининскомъ училищѣ особое отдѣленіе—мѣщанское, подобное тому, какое уже было при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ Петербургѣ. Въ 1807 году, оно было названо Александровскимъ.

Въ 1814 году приказано было въ петербургскомъ мѣщанскомъ отдѣленіи имѣть пятьдесятъ мѣстъ для дочерей военныхъ офицеровъ ниже полковничьяго чина, не изъ дворянъ, и пятьдесятъ мѣстъ для дочерей чиновниковъ гражданской и придворной службы ниже 8-го класса, со включеніемъ камердинеровъ императорской фамиліи, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина, также для дочерей учителей, аптекарей, лекарей, художниковъ безъ чиновъ, священниковъ, дьяконовъ и купцовъ. Большинство изъ дѣвицъ, выпускаемыхъ изъ этого отдѣленія, поступали въ семейства въ качествѣ гувернантокъ, отъ которыхъ требовался только нѣкоторый навыкъ во французскомъ разговорѣ. Находили ли онѣ себѣ какія другія мѣста для трудовой жизни, намъ неизвѣстно.

Императрица Марія Ѳеодоровна въ своихъ заботахъ о женскихъ институтахъ замѣтила, что въ институтскомъ воспитаніи дѣвицъ недостаетъ семейнаго начала, и старалась ввести или усилить его; но оно никогда не могло войти въ свою силу. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ видано семейство, состоящее изъ ста дѣтей; гдѣ могла найтись мать такого огромнаго семейства, раздѣляющая поровну свою любовь между всѣми? Понятно, что подобная семья должна назваться неестественною, искусственно, или даже болѣе, насильственно составленною, слѣдственно и воспитаніе не могло вестись естественно подъ прикрытіемъ такой странной семьи. Оно только ставило начальницъ и воспитательницъ въ ложное положеніе, требуя отъ нихъ такихъ чувствъ, какихъ у нихъ не могло быть, отчего и въ отношеніяхъ самихъ воспитан-

ницъ къ воспитательницамъ являлось много фальшиваго, что мѣшало правильному нравственному развитію.

Какъ бы то ни было, но институтское воспитаніе давало то, что соотвѣтствовало тогдашнему идеалу барышни, оно стало привлекать родителей-помѣщиковъ, которые, живя въ своихъ помѣстьяхъ, не имѣли возможности воспитывать своихъ дочерей согласно съ этимъ идеаломъ. Дворянство стало на свои средства основывать женскіе институты въ разныхъ провинціальныхъ центрахъ, всѣ они поступали въ то же вѣдомство, въ какомъ находились институты столичные. Только благодаря женскимъ институтамъ, у насъ долгое время поддерживалось и распространялось женское образованіе. Черезъ нихъ, съ одной стороны, въ дворянскія семьи вносился нѣкоторый свѣтъ и смягченіе нравовъ, грубѣвшихъ въ условіяхъ крѣпостной жизни; съ другой стороны, удовлетворялась возраставшая съ каждымъ поколѣніемъ потребность въ гувернанткахъ, большинство которыхъ являлось изъ воспитанницъ женскихъ институтовъ. Конечно, исторія нашего образованія безпристрастно оцѣнитъ труды ихъ и выставитъ на видъ заслуги этихъ скромныхъ и часто унижаемыхъ труженицъ.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ было обращено на женскіе институты особенное вниманіе. Они были значительно преобразованы. Цѣль женскаго воспитанія была опредѣлена „въ образованіи добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ“. Съ этою цѣлью положено было соображать и учебную часть, „чтобы съ образованіемъ, въ надлежащей мѣрѣ, ума и сердца воспитанницы могли приготовляться къ будущему важному ихъ значенію“. Съ другой стороны выставлялось на видъ, что „образованіе свыше состоянія учащихся не всегда для нихъ полезно, а иногда обращается имъ во вредъ“. Задача состояла согласовать средства съ цѣлью, не выпуская въ то же время изъ вида и состояніе будущихъ женъ и матерей. Нельзя при этомъ не вспомнить, что въ ту пору воспитаніе и въ мужскихъ заведеніяхъ спеціализировалось согласно съ государственными потребностями: съ дѣтства воспитывали военныхъ офицеровъ, чиновниковъ высшаго и низшаго разряда, инженеровъ, строителей, моряковъ и проч., и никому не казалась странною такая спеціализація. Конечно, если бы и въ то время стали основывать воспитательныя заведенія для образованія добрыхъ мужей и полезныхъ отцовъ семействъ, то такая задача, можетъ быть, показалась бы не совсѣмъ опредѣленною и исполнимою, но въ отношеніи женщины подобная спеціализація представилась самою

естественною и простою. Ее даже легко связали съ государственными потребностями, такъ какъ государство не можетъ и задаваться другими задачами. Было высказано, что хорошія жены и добрыя матери семействъ суть твердыя опоры престола и благоденствія государства. „Чѣмъ болѣе укрѣплены добродѣтели, тѣмъ легче управленіе государственное: кому же распространять область добра, какъ не женщинѣ, супругѣ, матери дѣтей, которая часто одна своимъ примѣромъ и нравственнымъ вліяніемъ можетъ облагороживать цѣлое семейство. Вотъ политическое ея назначеніе; исполненіе сихъ священныхъ обязанностей и лучше и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ". Женщина косвеннымъ образомъ введена была также въ общій табель о рангахъ, съ которымъ и связалось ея воспитаніе: оно должно было соотвѣтствовать извѣстному рангу. Задача была крайне трудная: со одной стороны невозможно было угадать, кто изъ воспитывающихся дѣвочекъ выйдетъ въ свое время замужъ и сдѣлается матерью, потому что жизнь не всѣхъ женщинъ приводитъ къ этой чредѣ; съ другой стороны трудно было предвидѣть, въ какой рангъ каждая поступитъ по своемъ замужествѣ, такъ какъ у насъ переходъ женщины изъ одного состоянія въ другое ничѣмъ не былъ затрудненъ, и, слѣдовательно, легко могло случиться, что воспитанная для оного состоянія съ замужествомъ переходила въ другое, значитъ, воспитаніе давало ей не то, что̀ потомъ оказывалось нужнымъ. Задача большая провести строго въ воспитаніи женщины идеалъ жены и матери, если надъ нимъ не поставить идеалъ женщины-человѣка. Но это послѣднее понятіе, какъ и высшее понятіе о человѣкѣ, несвязанное съ чиномъ и званіемъ, еще смутно представлялись въ русскомъ обществѣ. Они не могли быть руководителями въ воспитаніи. Для насъ кажется очень просто: воспитать женщину какъ человѣка и она будетъ хорошей женою, и хорошей матерью, если ей придется выйти замужъ; если же нѣтъ, то она найдетъ себѣ трудъ по душѣ, и не будетъ считать себя несчастною. Но не то выйдетъ, какъ скоро начнутъ спеціализировать воспитаніе, въ особенности по тѣмъ чувствамъ, какія должны проявляться въ зрѣлые годы, и то въ зависимости отъ извѣстнаго положенія. Такое воспитаніе сведется къ однимъ словамъ, фразамъ, отвлеченной морали, которая, какъ извѣстно, легко заучивается, но никогда не воспитываетъ. И вотъ къ какой морали свелось и у насъ намѣреніе воспитывать только женъ да матерей: „женщина, какъ созданіе нѣжное, назначенное природою быть въ зависимости отъ другихъ, должна знать, что ей

суждено не повелѣвать, а покоряться мужу, и что строгимъ лишь исполненіемъ обязанностей семейныхъ она упрочитъ свое счастіе и пріобрѣтетъ любовь и уваженіе, какъ въ кругу семейномъ, такъ и внѣ онаго".

При спеціализаціи женскаго воспитанія, и самое образованіе женщины должно было рѣзко отличиться отъ образованія въ мужскихъ заведеніяхъ. Въ инструкціи высказывалось слѣдующее: „По предназначенію женщины не для службы государственной или общественной, подобно мужчинѣ, не для ученаго поприща, а для круга семейнаго, и самое воспитаніе и образованіе дѣвицы должно быть направлено къ иной цѣли, чѣмъ воспитаніе юноши". Согласно съ этимъ преподавателю исторіи предписывалось обращать вниманіе на всѣ случаи исторіи, когда женщины представляли высокіе примѣры добродѣтели, патріотизма и самоотверженія супруги и матери. Точно также преподавателю вмѣнялось въ обязанность, указывать „на важность значенія дворянства въ Россіи, исключительно имѣющаго право владѣть крестьянами, коихъ участь ему ввѣрена и для которыхъ помѣщикъ долженъ быть отцомъ, а помѣщица матерью".

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что учебная программа въ новомъ Положеніи значительно была расширена передъ прежнею, хотя и приноровлена къ спеціальной цѣли. Конечно, французскій языкъ остался на первомъ планѣ; онъ, по старому, долженъ былъ сдѣлаться вторымъ роднымъ языкомъ воспитанницъ. Въ инструкціи о немъ замѣчено: „употребленіе языка французскаго введено съ самаго учрежденія заведеній; на немъ говорятъ всѣ начальницы, инспектрисы и классныя дамы, и для лицъ женскаго пола онъ сдѣлался языкомъ обычнымъ, какъ бы оффиціальнымъ. Симъ только способомъ достигается результатъ, что въ столь короткое время воспитанницы, при поступленіи въ заведеніе едва умѣющія читать, пріобрѣтаютъ навыкъ говорить свободно и правильно". Но требуя совершеннаго знанія французскаго языка, какъ обычнаго, новая программа взяла подъ свое покровительство и отечественный языкъ, которымъ не очень дорожили при образованіи русской женщины. „Отечественный языкъ долженъ быть извѣстенъ каждому русскому во всей полнотѣ, высказываетъ инструкція; но какъ, къ сожалѣнію, правильное изученіе онаго, въ особенности у лицъ женскаго пола высшаго круга общества, доселѣ еще недостаточно развито, то надобно стараться, чтобы будущее поколѣніе исправило сей важный недостатокъ и стыдилось бы не знать своего языка роднаго,

тогда какъ малѣйшая ошибка на языкѣ французскомъ почитается знакомъ необразованности".

Согласно принятымъ основаніямъ, женскія учебныя заведенія были раздѣлены на разряды. Къ первому разряду отнесены Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, оба Екатерининскіе института въ Петербургѣ и Москвѣ, Патріотическій институтъ и десять провинціальныхъ институтовъ благородныхъ дѣвицъ. Изъ нихъ въ особыя условія поставлено было „Воспитательное общество", такъ какъ курсъ въ немъ былъ распредѣленъ на 9 лѣтъ; въ прочихъ же только на шесть и на семь. На него посмотрѣли, какъ на высшее заведеніе, почему и учебная его программа была составлена въ болѣе обширномъ объемѣ, чѣмъ другія. Туда положено было принимать дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника или статскаго совѣтника, или внесенныхъ въ пятую и шестую часть дворянской родословной книги. Въ Екатерининскіе институты могли поступать дочери кавалерственныхъ дамъ и лицъ, имѣющихъ чины не ниже маіора или надворнаго совѣтника, или внесенныхъ въ третью, пятую и шестую части дворянской книги. Патріотическій институтъ назначался исключительно для дочерей лицъ военнаго званія. Учебная программа въ этихъ институтахъ была нѣсколько сокращеннѣе, но и въ ней предполагалось образованіе, приличное дворянству. Программы же второго разряда заведеній сокращены во многомъ, такъ какъ имѣлось въ виду, что оттуда дѣти возвращались въ семейства съ ограниченными средствами къ существованію, почему для нихъ нужно было оставить болѣе времени на изученіе искусствъ и рукодѣлій. Къ этому разряду отнесены пять институтовъ столичныхъ и три провинціальныхъ. По званію отцовъ въ столичныя заведенія второго разряда могли поступать: въ петербургское и московское Александринскія училища дочери лицъ отъ чина полковника и коллежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, равно протоіереевъ, священниковъ и евангелическихъ пасторовъ, или дочери дворянъ, внесенныхъ въ третью частью дворянской книги не свыше однакоже чиновъ подполковника и коллежскаго совѣтника, въ петербургское и московское Елисаветинскія училища—дочери оберъ-офицеровъ военной и гражданской службы, и не иначе, какъ пенсіонерками, дочери штабъ-офицеровъ, медиковъ, учителей и художниковъ, не имѣющихъ классныхъ чиновъ, равно православныхъ священнослужителей, евангелическихъ пасторовъ и купцовъ. Здѣсь мы не касаемся сиротскихъ заведеній, куда помѣщались сироты военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; равно заведеній

третьяго разряда, гдѣ назначалось самое элементарное образованіе вмѣстѣ съ рукодѣльемъ, главнымъ средствомъ будущаго обезпеченія воспитанницъ [1]).

Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что дворянамъ и чиновнымъ лицамъ и отчасти избраннымъ изъ другихъ сословій дана была возможность образовывать своихъ дочерей, но на одномъ только условіи—удалить ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ своихъ семей и лишить ихъ семейнаго вліянія. Уступая необходимости, большинство ихъ соглашалось на это; но тутъ встрѣчалось другое затрудненіе: институты не могли представить столько вакантныхъ мѣстъ, сколько было желающихъ занять ихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1851 году, въ Общество благородныхъ дѣвицъ баллотировалось 168 дѣвочекъ на 84 вакансіи, въ Александровскомъ училищѣ баллотировалось 605 дѣвочекъ на 85 вакансій. Потерпѣвшія неудачу должны были искать образованія въ частныхъ пансіонахъ; но очень немногія изъ этихъ заведеній могли назваться педагогическими заведеніями; большая же часть изъ нихъ заводилась иностранками съ спекулятивной цѣлью и была ниже всякой критики. Если въ женскихъ институтахъ многое приносилось въ жертву французскому языку, то тамъ всѣмъ жертвовали ему. При томъ же и услугами ихъ могли пользоваться только семьи достаточныя. Люди же съ ограниченными средствами должны были довольствоваться самымъ элементарнымъ образованіемъ своихъ дочерей.

На помощь имъ создался новый типъ женскихъ учебныхъ заведеній—женская гимназія.

II.

Мысль о такихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя бы нѣсколько соотвѣтствовали существовавшимъ тогда мужскимъ гимназіямъ, мелькала въ головахъ у многихъ лицъ средняго класса, которыя задумывались надъ вопросомъ объ основательномъ образованіи своихъ дочерей. Отцы и матери, которые не могли или не рѣшались помѣщать ихъ въ институтъ, не находили себѣ выхода, не зная, гдѣ обучать подростающихъ дочерей и въ то же время не имѣя силъ помириться съ мыслію оставить ихъ при элементарномъ или модномъ пансіонскомъ образованіи. На эти сердечныя желанія многихъ родителей отозвался предпріимчивый

[1]) Хроника вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Гл. IV—XI.

и энергическій человѣкъ, имя котораго теперь принадлежитъ исторіи—Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій. Въ то время онъ былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ женскомъ институтѣ и профессоромъ педагогіи въ Педагогическомъ институтѣ. Въ этомъ же институтѣ онъ получилъ и воспитаніе, спеціально приготовившись для педагогической дѣятельности, которую потомъ и началъ въ с.-петербургской Ларинской гимназіи въ качествѣ преподавателя русской словесности. Еще не настало время для его безпристрастной біографіи; но теперь можно только сказать, что, несмотря на всѣ недостатки характера, въ которыхъ его въ свое время винили, онъ былъ человѣкъ замѣчательно свѣтлаго ума, съ рѣдкимъ педагогическимъ талантомъ, умѣвшій увлекать своихъ слушателей и привязывать къ себѣ дѣтей. Кромѣ того, у него былъ даръ организатора дѣла, даръ, какимъ, какъ извѣстно, не очень отличается большинство нашихъ дѣятелей.

Въ 1857 году у Вышнеградскаго созрѣлъ планъ такого женскаго учебнаго заведенія, куда небогатыя семьи могли бы посылать своихъ дочерей для основательнаго образованія, не чувствуя тягости вносить за это значительную плату. Въ концѣ того же года онъ представилъ въ совѣтъ Павловскаго института свои соображенія о возможности открыть при томъ же институтѣ особые классы для приходящихъ дѣвицъ, которыя бы посѣщали ихъ изъ своихъ семей и слушали бы уроки по институтской программѣ. Помѣщеніе для этихъ классовъ онъ предполагалъ найти въ одномъ изъ частныхъ домовъ, ближайшихъ къ институту. Чтобы не испугать цифрою расходовъ, онъ не назначалъ никакого особаго жалованья институтскому начальству, которое, полагалось, будетъ завѣдывать этими классами. Надзоръ за ученицами имѣлось въ виду поручать двумъ класснымъ дамамъ института съ годичною платою въ 100 руб.; а институтскіе преподаватели соглашались заниматься съ ученицами за плату, какая окажется возможною по средствамъ открытыхъ классовъ; они же должны были содержаться сборомъ за ученье, не свыше 36 рублей въ годъ съ каждой ученицы. Вышнеградскій просилъ только 1.500 рублей единовременно, для первоначальнаго обзаведенія и на наемъ квартиры на первый годъ. Нисколько не сомнѣваясь, что классы быстро наполнятся ученицами, онъ надѣялся, что всѣ расходы потомъ будутъ покрываться собственными средствами.

Изъ мѣстнаго совѣта проектъ его перешелъ въ существовавшій тогда главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній при IV

Отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ разсмотрѣли этотъ вопросъ и нашли удобнѣе открыть отдѣльное женское училище для приходящихъ.

Въ качествѣ инспектора классовъ Павловскаго института, Вышнеградскій лично зналъ покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, попечителя всѣхъ женскихъ институтовъ, имѣлъ къ нему доступъ и, своимъ умѣньемъ убѣждать, склонилъ его на свою сторону. Принцъ горячо поддерживалъ мысль Вышнеградскаго, который и не замедлилъ составить новый проектъ самостоятельнаго женскаго училища. Онъ былъ представленъ на усмотрѣніе Государя Александра Николаевича, и затѣмъ по его волѣ былъ разсмотрѣнъ въ главномъ совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній.

Совѣтъ призналъ необходимость распространять женское образованіе въ кругу лицъ недостаточныхъ, живущихъ своимъ трудомъ, и чтобы облегчить ихъ заботы о лучшемъ воспитаніи дочерей, видѣлъ вѣрное къ тому средство въ открытіи такихъ заведеній, гдѣ бы дѣвочки могли пріобрѣтать основательныя познанія въ наукахъ и искусствахъ, не отрываясь отъ своихъ семействъ.

Положено было для образца устроить женское училище на слѣдующихъ основаніяхъ: оно будетъ состоять подъ покровительствомъ императрицы Маріи Александровны и называться ея именемъ—Маріинское женское училище, подчиняясь главному совѣту. Ближайшее завѣдываніе училищемъ ввѣряется, по назначенію государя, особому попечителю; а для непосредственнаго наблюденія за обученіемъ дѣвицъ назначаются начальникъ и главная надзирательница съ утвержденія государыни, назначеніе же прочаго педагогическаго персонала утверждается попечителемъ.

Къ обученію допускаются дѣвицы всѣхъ свободныхъ состояній. Комплектъ опредѣляется въ 250 ученицъ; но допускается и большее число, если окажутся средства для открытія параллельныхъ классовъ. Для полнаго учебнаго курса полагается семь постепенныхъ классовъ, а время уроковъ назначается отъ 9 ч. утра до $2^1/_2$ ч. Предметы ученія раздѣляются на обязательные и необязательные; первые—Законъ Божій, отечественный языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, ариѳметика, пѣніе, чистописаніе, рисованіе и рукодѣліе; послѣдніе—языки французскій, нѣмецкій, музыка и танцы.

Обучавшіяся всѣмъ предметамъ, какъ обязательнымъ, такъ и необязательнымъ, пользуются преимуществами, предоставленными воспитанницамъ институтовъ, т.-е. правами домашнихъ учитель-

ницъ; награды же за благонравіе и успѣхи даются имъ на основаніи общихъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ женскихъ заведеній. Годовая плата за обученіе всѣмъ обязательнымъ предметамъ опредѣляется въ 25 руб. съ ученицы, а за обученіе французскому и нѣмецкому языкамъ, равно танцованію берется особо по 5 руб. за каждый предметъ; слѣдовательно, за всѣ предметы полагается ежегодная плата въ 40 руб. Что же касается до музыки, то за каждый урокъ платится по 1 рублю. На содержаніе всего училища было вычислено 11.500 рублей. Для покрытія этихъ расходовъ совѣтъ полагалъ употребить сумму, которая будетъ собираться съ ученицъ, до 8.700 р. въ годъ, и 3.000 р. изъ процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній въ ежегодное пособіе училищу. На жалованье начальнику училища назначалось всего только 500 р.; но, чтобы побудить его привлекать возможно большее число учащихся и черезъ то усилить матеріальныя средства заведенія, ему предоставлялось изъ остатковъ отъ годовыхъ расходовъ училища получать вознагражденія по 4 рубля съ каждой ученицы.

Всѣ эти основанія Совѣтъ полагалъ принять въ видѣ опыта на три года и уже послѣ этого срока имѣлъ въ виду составить полный уставъ заведенія.

Представляя свое заключеніе государю, совѣтъ просилъ опредѣлить начальникомъ заведенія извѣстнаго познаніями по части педагогики, инспектора классовъ Павловскаго института, профессора Вышнеградскаго, который составилъ первоначальный проектъ объ учрежденіи училища.

15-го марта 1858 года государь утвердилъ представленіе главнаго совѣта, а черезъ недѣлю былъ назначенъ попечителемъ учрежденнаго Маріинскаго женскаго училища предсѣдатель главнаго совѣта—принцъ Ольденбургскій.

Не замедлилъ дѣломъ Н. А. Вышнеградскій. Со всею своею энергіей онъ приступилъ къ организаціи взлелѣянной имъ мысли. Въ одинъ мѣсяцъ у него было все готово для открытія четырехъ классовъ, подобранъ весь педагогическій персоналъ изъ лицъ хорошо ему извѣстныхъ, несмотря даже на такое время года, когда болѣе или менѣе извѣстные преподаватели не имѣютъ лишнихъ часовъ для новыхъ уроковъ. Но всѣ они прониклись его идеей, всѣ поняли, какое важное новое дѣло начинается, и всѣ готовы были помогать ему. 15-го апрѣля было объявлено о пріемѣ дѣтей въ Маріинское училище, а въ день его открытія, 19-го апрѣля, въ спискѣ поступившихъ ученицъ числилось уже 162 дѣвицы—ясное доказательство, какая сильная потребность

чувствовалась въ подобныхъ заведеніяхъ. При открытіи училища присутствовала императрица Марія Александровна, что, конечно, вызвало въ публикѣ особенное къ нему довѣріе. Назначенный комплектъ 250 ученицъ въ самое короткое время былъ наполненъ—пришлось думать о параллельныхъ классахъ.

Такой наплывъ дѣтей заставилъ позаботиться и о другихъ мѣстностяхъ столицы, откуда, по отдаленности, дѣти не могли ежедневно посѣщать Маріинское училище. Тогда государыня разрѣшила объявить, что родители, живущіе въ другихъ частяхъ города, могутъ заявлять начальнику училища свое желаніе помѣщать дочерей въ подобныя же заведенія въ частяхъ ихъ мѣстожительства. Къ половинѣ августа мѣсяца такихъ заявленій насчитывалось уже 213; изъ коломенской части—80, съ Васильевскаго острова—93, съ Петербургской и Выборгской стороны—40. Вслѣдствіе этого 23-го августа принцъ Ольденбургскій получилъ согласіе императора открыть три новыя училища—Коломенское, Васильe-островское и Петербургское, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и Маріинское. Начальникомъ ихъ былъ назначенъ также П. А. Вышнеградскій.

Такъ какъ Маріинское училище стало образцомъ для прочихъ подобныхъ же заведеній, открытію которыхъ не предполагалось никакого препятствія, то оказалось необходимымъ составить для него правило внутренняго порядка. Надъ этимъ дѣломъ также потрудился Вышнеградскій. 26 февраля 1859 г. онъ представилъ проектъ правилъ попечителю училищъ, который и утвердилъ ихъ. Нельзя не признать, что они написаны рукою опытнаго педагога, притомъ хорошо знакомаго съ недостатками тогдашнихъ женскихъ институтовъ, недостатками, которые онъ хотѣлъ устранить отъ новыхъ заведеній. Главное отличіе въ ихъ управленіи отъ институтскаго заключается въ томъ, что во главѣ заведенія тамъ ставится не начальница, а начальникъ-педагогъ, слѣдовательно лицо, получившее спеціальное педагогическое образованіе, которое такъ важно въ правильномъ веденіи учебнаго и воспитательнаго дѣла и которое спасаетъ отъ многихъ неисправимыхъ ошибокъ. На начальника училища возлагалась обязанность ближайшимъ образомъ вникать во всѣ части училищной жизни и давать имъ стройное, согласное съ цѣлью училища, направленіе. Ему подчинялись всѣ прочія лица, не исключая главной надзирательницы, которая должна быть только ближайшей его помощницею. Такая опредѣленная постановка начальственныхъ лицъ устранила множество недоразумѣній, споровъ, притязаній, разногласій и даже ссоръ, по существу личныхъ,

но имѣющихъ очень вредное вліяніе на воспитаніе дѣтей, особенно, когда одно изъ этихъ лицъ хочетъ управлять на основаніи не педагогическихъ выводовъ, которые ему нисколько незнакомы, а только соображеній своего собственнаго ума.

Кромѣ этого, самимъ преподавателямъ указывается дѣятельность болѣе широкая, чѣмъ простое даваніе уроковъ. Они названы сотрудниками начальника училища во всемъ, что относится къ нравственному и умственному образованію дѣтей. Прежде отъ нихъ этого не требовали. Здѣсь важно то, что за учебнымъ предметомъ и за преподающимъ лицомъ признана нравственная сила, которая главнымъ образомъ и должна воспитывать въ школѣ. При такой постановкѣ науки и преподаватели въ классѣ является возможность разрабатывать науку въ педагогическомъ смыслѣ, примѣнять ее къ воспитательному дѣлу, и, слѣдовательно, двигать впередъ самую школу. Безъ этого учителя не имѣютъ права называться наставниками. Ихъ у насъ и не было; не было и настоящаго педагогическаго поприща, а были только чиновники въ учительской службѣ. Но вотъ къ какой дѣятельности призываютъ ихъ „Правила“: „наставники убѣдительнѣйше приглашаются давать такое направленіе своему преподаванію, чтобы имъ не только обогащался умъ, но и развивалось, облагораживалось чувство, утверждалась въ добрѣ воля. И въ мужчинахъ одно только знаніе безъ облагороженнаго и развитого чувства мало имѣетъ цѣны, а въ женщинахъ рѣшительно пагубно; оно дѣлаетъ ихъ сухими, падменными эгоистками, неспособными къ добросовѣстному, искреннему отправленію тихихъ семейныхъ обязанностей“.

Надзирательницы (авторъ „Правилъ“ намѣренно избѣгаетъ названія классныхъ дамъ), какъ и наставники приглашаются „Правилами“ непремѣнно помогать однѣ другимъ для достиженія полнаго и стройнаго образованія дѣтей. Заслуживаютъ вниманія и слова педагога, въ чемъ должна и не должна выказываться помощь надзирательницы, которая отличена отъ классной дамы. „Когда начался урокъ, то главнымъ хозяиномъ въ классѣ дѣлается учитель: все вниманіе дѣтей должно быть устремлено на его слова и дѣйствія; а потому надзирательницы, какъ главная, такъ и младшая, хотя и приглашаются присутствовать при урокахъ, но никакъ не должны позволять себѣ дѣйствій, нарушающихъ тишину класса и развлекающихъ вниманіе дѣтей, а потому было бы неумѣстно, если бы надзирательницы во время урока начали ходить по классу, входить въ него и выходить, дѣлать замѣчанія дѣтямъ, ибо все это развлекаетъ вниманіе дѣ-

гей и препятствуетъ успѣху ученія; если онѣ замѣтятъ въ поведеніи дѣтей что-либо неприличное, то могутъ сказать объ этомъ послѣ урока, развѣ усмотрѣно будетъ такое дѣйствіе, которое рѣзко нарушаетъ приличіе, и потому должно быть немедленно прекращено. Но такихъ дѣйствій трудно ожидать отъ дѣвочекъ".

Всѣ эти слова вызваны прежними наблюденіями педагога. Они же внушили ему и слѣдующія строки: „Въ классѣ во время урока долженъ господствовать строгій порядокъ. Но сіе понятіе часто понимается совершенно превратно. Истинный педагогическій порядокъ класса состоитъ не въ мертвой тишинѣ и не въ однообразномъ неподвижномъ положеніи дѣтей; какъ то, такъ и другое, будучи несвойственно живой природѣ дѣтей, налагаетъ на нихъ вовсе ненужное стѣсненіе, крайне утомляетъ ихъ, разрушаетъ довѣрчивое дѣтское отношеніе между наставниками и учениками. Ни мало не нарушается педагогическій порядокъ класса, если ученица, уставъ сидѣть совершенно прямо, обопрется на спинку своего стула, если она нѣсколько разъ перемѣнитъ положеніе рукъ и ногъ, скромно и кстати засмѣется по поводу того, что говоритъ наставникъ, прерветъ рѣчь его или отвѣтъ своей подруги выраженіемъ своего недоумѣнія, лишь бы все это дѣлалось въ формѣ, согласно съ природою дѣтскаго возраста и требованіями нравственнаго приличія. Классъ долженъ, сколько возможно больше, походить на семью; чѣмъ полнѣе будетъ это сходство, тѣмъ ближе будетъ и классъ къ своей истинной цѣли. А въ благоразумныхъ семействахъ никогда не требуютъ, чтобы дѣти сидѣли неподвижно и однообразно, чтобы они не смѣли смѣяться или обратиться къ старшимъ съ вопросомъ по поводу того, что̀ кажется имъ непонятнымъ. Уничтоженіе семейнаго элемента въ общественныхъ училищахъ убиваетъ природную живость дѣтей, омрачаетъ Богомъ дарованную имъ веселость, истребляетъ довѣрчивость и любовь къ наставникамъ и наставницамъ, къ училищу, къ самому ученію—въ натурахъ энергическихъ образуетъ характеры скрытные, недовѣрчивые, разрушительные, въ натурахъ мягкихъ—ничтожные, совершенно безличные".

На всѣ эти слова мы должны смотрѣть, какъ на протесты той укоренившейся рутины, которая господствовала въ большей части тогдашнихъ школъ, и если теперь, черезъ двадцать пять лѣтъ, не мѣшаетъ многимъ прочитать ихъ очень внимательно для собственнаго руководства, то тѣмъ болѣе тогда они были новостью для огромнаго числа оффиціальныхъ педагоговъ. Прибавимъ еще нѣсколько строкъ, протестующихъ противъ тогдаш-

нихъ порядковъ: „Истинно-педагогическій порядокъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ дѣти постоянно и неуклонно были заняты тѣмъ, что̀ составляетъ предметъ объясненій наставника... Нѣкоторые наставники имѣютъ вредное обыкновеніе при началѣ урока вызывать нѣсколько ученицъ на средину класса и у нихъ исключительно спрашиваютъ о предметѣ изложенія, оставляя всѣхъ остальныхъ безъ всякаго вниманія. Другіе наставники имѣютъ привычку не приходить въ классъ, разговаривать нѣсколько времени съ надзирательницею, отнимая чрезъ то у дѣтей часть и безъ того непродолжительнаго времени. Всѣ эти и подобныя имъ дѣйствія ослабляютъ дѣятельность дѣтей, невольно вовлекаютъ ихъ въ разсѣяніе и слѣдовательно нарушаютъ истинный и педагогическій порядокъ класса, а потому никакъ не должны быть допускаемы“.

Дѣлая учителя главнымъ распорядителемъ въ классѣ ученицъ во время урока, „Правила“ возлагаютъ на него всю отвѣтственность за порядокъ класса. Такимъ образомъ классныя надзирательницы получаютъ самостоятельное значеніе только во время свободное отъ уроковъ; тогда должно чувствоваться ученицами нравственное ихъ вліяніе. Имъ, равно какъ и главной надзирательницѣ, вмѣняется въ обязанность заступать мѣсто отсутствующихъ наставниковъ, также упражнять въ ученьи или рукодѣльи тѣхъ дѣтей, которыя не обучаются какому-либо иностранному языку, во время уроковъ этого языка. Это заставляетъ обращать особенное вниманіе на выборъ надзирательницъ; онѣ должны быть такія лица, которыя, по своему образованію, могли бы въ случаѣ нужды заниматься съ дѣтьми по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ женскаго образованія. Лишенныя права прерывать чтеніе и объяспенія преподавателей, равно и дѣлать имъ какія-либо замѣчанія, онѣ въ то же время обязываются доводить до свѣдѣнія начальника училища обо всемъ, что̀ по ихъ понятію оказывается въ изложеніи преподавателя несовмѣстно съ цѣлью училища и съ характеромъ женскаго образованія. Дальнѣйшее распоряженіе зависитъ вполнѣ уже отъ самого начальника.

Поставленныя на такихъ педагогическихъ основаніяхъ, женскія училища получили возможность правильно развиваться въ тѣсномъ единеніи съ семьею, которая приглашалась помогать школѣ своимъ содѣйствіемъ.

Открытіе женскихъ училищъ пошло чрезвычайно быстро. Петербургъ подалъ примѣръ и другимъ городамъ. Въ концѣ 1858 года виленскій военный генералъ-губернаторъ и попечитель ви-

ленскаго учебнаго округа, Назимовъ, просилъ позволеніе учредить въ губернскихъ городахъ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ и Минскѣ подобныя же заведенія, какъ петербургское Маріинское женское училище для приходящихъ дѣвицъ. Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній призналъ учрежденіе открытыхъ женскихъ училищъ мѣрою, служащею къ распространенію женскаго образованія и исходатайствовалъ согласіе императрицы Маріи Александровны взять и эти заведенія подъ свое покровительство. Въ ихъ программу введенъ былъ и польскій языкъ; плата за ученье обязательнымъ предметамъ назначена была по 15 руб. въ годъ, за обученіе каждому изъ иностранныхъ языковъ и танцованію по 3 руб. и за музыку по соглашенію съ родителями не свыше 50 копѣекъ за урокъ. Кромѣ того разрѣшено было отпустить изъ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній въ пособіе четыремъ названнымъ училищамъ до 12.000 рублей.

Все это показываетъ, съ какимъ сочувствіемъ и довѣріемъ тогда относились правительственныя лица къ новымъ заведеніямъ. Въ первую половину 1859 года открыто было женское училище въ Вышнемъ Волочкѣ съ содержаніемъ на мѣстныя средства, и разрѣшено было открыть по такому же заведенію въ Кіевѣ и Саратовѣ.

11-го ноября 1860 года было основано въ Петербургѣ пятое женское училище—Вознесенское [1]).

III.

Въ то же самое время министерство народнаго просвѣщенія соображало о способахъ женскаго образованія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Еще въ 1856 году 5-го марта министръ Норовъ представилъ государю докладъ о мѣрахъ и предположеніяхъ по устройству народнаго образованія. Въ немъ между прочимъ, замѣчено, что до тѣхъ поръ обширная система народнаго образованія у насъ имѣла въ виду только одну половину народонаселенія—мужской полъ. Женскія же заведенія, покровительствуемыя высочайшими особами, предназначены только для одного сословія—дворянъ и чиновниковъ. Между ними лица средняго сословія въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ лишены были средствъ дать своимъ дочерямъ необходимое образованіе. Отъ

[1]) Хроника вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Гл. XIII.

этого, говорится въ докладѣ, безъ сомнѣнія, зависитъ какъ развитіе въ народныхъ массахъ истинныхъ понятій объ обязанностяхъ каждаго, такъ и всевозможныя улучшенія семейныхъ нравовъ и вообще всей гражданственности, на которыя женщина имѣетъ столь могущественное и неотразимое вліяніе. Министръ находилъ, что учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже въ большихъ селеніяхъ было бы величайшимъ благодѣяніемъ для отечества и довершило бы великую и стройную систему народнаго образованія, обнимая собою всеобщія и спеціальныя нужды всѣхъ состояній и обоихъ половъ [1]).

На этотъ докладъ министра Норова императоръ Александръ Николаевичъ отозвался сочувственно и приказалъ приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ, на первый разъ въ губернскихъ городахъ, женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ гимназіямъ [2]), по мѣрѣ способовъ, которые могутъ представиться.

Тогда министръ потребовалъ отъ попечителей учебныхъ округовъ необходимыя свѣдѣнія и соображенія, и между прочимъ о томъ, есть ли какіе мѣстные способы, чтобы покрывать предстоящіе расходы. Въ то же время черезъ министра внутреннихъ дѣлъ онъ приглашалъ дворянство и городскія сословія принять участіе въ настоящемъ дѣлѣ какъ указаніемъ своихъ потребностей, такъ и добровольными приношеніями.

По полученіи разныхъ свѣдѣній, въ министерствѣ было составлено положеніе о женскихъ училищахъ для приходящихъ. По курсу преподаванія они должны были раздѣляться на училища перваго и второго разряда, преслѣдуя, впрочемъ, одну и ту же цѣль: сообщить ученицамъ то религіозное, нравственное и умственное образованіе, которое должно требовать отъ каждой женщины, въ особенности же отъ будущей матери семейства. Полный курсъ ученія въ первомъ разрядѣ назначался шестилѣтній, во второмъ—трехлѣтній. Въ училищѣ перваго разряда учебные предметы дѣлились на обязательные и необязательные; къ первымъ относились Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и понятія объ измѣреніяхъ, географія, исторія, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ естественной исторіи, чистописаніе и рукодѣлія. Предметы необязательные составляли языки французскій и нѣмецкій, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе. Въ курсъ учи-

[1]) Сборн. постановл. нар. просв., томъ III.

[2]) Въ то время существовали только мужскія гражданскія гимназіи.

лища второго разряда включены Законъ Божій, краткая русская грамматика, русская исторія и географія сокращенно, первыя четыре правила ариѳметики надъ простыми и именованными числами, чистописаніе и рукодѣлье.

Главное правленіе училищъ признало весьма важнымъ дать новымъ училищамъ характеръ частныхъ заведеній для того, чтобы упростить способы ихъ устройства и управленія, и тѣмъ содѣйствовать ихъ скорѣйшему развитію. Способы могутъ быть назначаемы не только отъ правительства, но и отъ разныхъ вѣдомствъ, сословій или отъ частныхъ лицъ. Правительство, назначая пособіе училищу, должно имѣть въ виду лишь благо жителей, открывая имъ способы образовывать своихъ дѣтей, а потому и отказывалось помѣщать для безплатнаго обученія соразмѣрное число ученицъ, тогда какъ это право предоставлялось всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ, которыя бы сдѣлали пожертвованія на устройство училища.

Отвѣтственность за училище возлагается „Положеніемъ“ на начальницу, которая выбирается изъ лицъ, имѣющихъ право на открытіе училищъ и заслужившихъ полное довѣріе и одобреніе губернатора, губернскаго директора училищъ или директора мѣстной гимназіи, также обывателей города обоего пола, пользующихся общимъ уваженіемъ. Назначенное на училище содержаніе выдается ей по третямъ года впередъ въ безотчетное ея распоряженіе. Ею же назначается и размѣръ платы за ученіе, но не свыше 35 р. въ годъ въ перворазрядныхъ училищахъ и 25 р.—во второразрядныхъ. Иностранные языки и нѣкоторыя искусства преподаются за особую плату по соглашенію родителей съ начальницею училища. Плата также поступаетъ въ безотчетное ея распоряженіе. Не иначе какъ по соглашенію съ нею опредѣляются и увольняются преподаватели; но опредѣленіе и увольненіе гувернантокъ и наставницъ вполнѣ зависитъ отъ нея. Директоръ училищъ или мѣстной гимназіи, а въ городахъ, гдѣ нѣтъ гимназіи, штатный смотритель предсѣдательствуетъ въ педагогическомъ совѣтѣ, который разрѣшаетъ вопросы, касающіеся учебной части. Кромѣ того, начальствомъ учебнаго округа выбирается попечительница изъ почетныхъ дамъ того же города.

„Положеніе“ было утверждено 30-го мая 1858 года. Оно было сочувственно встрѣчено многими городами: дворянскія и городскія общества, также частныя лица стали предлагать пожертвованія на учрежденіе женскихъ училищъ въ разныхъ городахъ имперіи. Нѣкоторыя же изъ нихъ открывались при по-

собіи отъ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Отсюда возникъ вопросъ, къ какому вѣдомству отнести ихъ зависимость. 17-го іюня 1859 года управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія оберъ-форшнейдеръ Мухановъ испросилъ высочайшее повелѣніе: открытымъ женскимъ училищамъ, учрежденнымъ и учреждаемымъ въ городахъ на счетъ частныхъ лицъ и разныхъ обществъ, состоять въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, не исключая и тѣхъ, которыя будутъ пользоваться августѣйшимъ покровительствомъ императрицы; тѣ же, которыя получаютъ средства на содержаніе отъ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, состоятъ въ вѣдомствѣ этого совѣта подъ покровительствомъ принца Ольденбургскаго. Такимъ образомъ, управленіе женскими училищами въ губерніяхъ на второй же годъ раздѣлилось. Вновь открытыя тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Витебскѣ, Орлѣ, Псковѣ поступили уже въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія.

Въ то же время стали поступать въ министерство представленія отъ попечителей учебныхъ округовъ и отъ губернаторовъ, что они затрудняются вполнѣ примѣнять „Положеніе“ къ учреждаемымъ училищамъ. „Положеніе“ не допускало къ участію въ завѣдываніи училищемъ мѣстныхъ сословій и обществъ, которыя давали средства на ихъ содержаніе, предоставляя безотчетное распоряженіе хозяйствомъ училища, выборъ должностныхъ лицъ и назначеніе платы за ученіе, одной начальницѣ. Между тѣмъ, право выбора начальницы принадлежало не обществу, и потому не всякая начальница пользовалась неограниченнымъ довѣріемъ общества. Главное правленіе училищъ послѣ двухлѣтняго опыта нашло, что такой порядокъ угрожаетъ училищамъ лишеніемъ необходимой матеріальной поддержки со стороны общества и на будущее время можетъ охладить общественное рвеніе къ открытію новыхъ училищъ. Чтобы устранить такое неудобство, сдѣланы были въ „Положеніи“ нѣкоторыя перемѣны. Кромѣ педагогическаго совѣта, въ каждомъ училищѣ учрежденъ былъ особый попечительный совѣтъ изъ пяти непремѣнныхъ и двухъ выборныхъ членовъ. Къ первымъ причисляются попечительница училища, уѣздный предводитель дворянства, предсѣдатель педагогическаго совѣта, городской голова и начальница. Выборные члены — одинъ изъ дворянъ или чиновниковъ и одинъ изъ купечества; ихъ выбираетъ попечительный совѣтъ. Не имѣя вполнѣ власти административной, совѣтъ принимаетъ непосредственное участіе въ выборѣ должностныхъ лицъ и наблюдаетъ за нравственностью и матеріальною частью училища.

Кромѣ того, чтобы самыя училища возвысить въ общественномъ мнѣніи, испрошено было высочайшее согласіе, чтобы всѣмъ женскимъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія состоять подъ покровительствомъ императрицы.

Новое „Положеніе“ утверждено было при министрѣ Ковалевскомъ 10-го мая 1860 г. въ видѣ опыта на три года.

17-го февраля 1862 года было найдено, что отъ разнообразія условій, при которыхъ учреждались и учреждаются женскія училища, необходимо въ „Положеніи“ вновь сдѣлать нѣкоторыя перемѣны. Онѣ должны были не только удовлетворять мѣстнымъ требованіямъ, но и служить сильнымъ поощреніемъ для частныхъ лицъ и обществъ, распространять, учреждать и поддерживать женскія училища, въ которыхъ, по выраженію министра просвѣщенія, такъ нуждаются различныя мѣстности обширной имперіи. Вслѣдствіе такого представленія, министерству народнаго просвѣщенія было разрѣшено отступать отъ „Положенія“ 10-го мая 1860 года въ тѣхъ статьяхъ, которыя не касаются сущности самаго „Положенія“, но необходимы по мѣстнымъ нуждамъ.

Назначеннаго трехлѣтняго опыта оказалось мало, чтобы окончательно составить такое положеніе о женскихъ училищахъ, которое, не стѣсняя развитія ни одного изъ нихъ, заключало бы вмѣстѣ съ тѣмъ общія основанія, примѣнимыя одинаково ко всѣмъ училищамъ.

Въ эти опытные годы было представлено въ министерство просвѣщенія не мало замѣчаній по вопросу о лучшемъ устройствѣ женскихъ училищъ. Такимъ образомъ, прежнее „Положеніе“ было оставлено въ силѣ еще на два года [1]).

Между тѣмъ, истекли опытные годы для женскихъ училищъ, учрежденныхъ въ вѣдомствѣ Главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Въ 1861 году совѣтъ призналъ, что училища быстрымъ своимъ развитіемъ доказали, насколько глубоко общество сочувствуетъ воззрѣнію правительства на настоящій способъ образованія женскаго пола, и что такое успѣшное развитіе этихъ новыхъ разсадниковъ просвѣщенія указываетъ на необходимость особенной поддержки ихъ до окончательнаго развитія, когда они, прочно утвердившись, получатъ возможность сами обезпечивать свое существованіе. При этомъ также пришлось сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ „Уставѣ“ къ вопросу о подчиненіи этихъ училищъ. На основаніи „Положенія“ 1860 года

[1]) Сборн. пост. министр. нар. просв., т. III, № 507.

о главномъ управленіи учрежденій императрицы Маріи, Главному совѣту оставлена одна власть совѣщательная по дѣламъ законодательнымъ и хозяйственнымъ; наблюдательная ввѣрена главноуправляющему IV Отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; вслѣдствіе этого высшему его управленію должны были подчиниться и училища для приходящихъ дѣвицъ.

Что касается размѣра платы за обученіе дѣвицъ, то Главный совѣтъ призналъ, что она должна быть въ зависимости отъ большей или меньшей степени достатка мѣстныхъ жителей, почему и предоставлялось ея назначеніе или измѣненіе попечителямъ училищъ.

Чтобы училища могли пользоваться трудами людей способныхъ и готовыхъ посвятить имъ свое время, было нѣсколько увеличено жалованье служащему педагогическому персоналу. Оказалось нужнымъ увеличить размѣры пособій и училищамъ. Такъ на наемъ квартиръ для пяти петербургскихъ училищъ, вмѣсто опредѣленныхъ первоначально 7.500 руб., требовалось 14.550 руб., такъ какъ значительная прибыль ученицъ требовала и расширенія помѣщеній, не говоря ужъ объ общемъ вздорожаніи квартиръ въ Петербургѣ. По указаніямъ опыта признано возможнымъ во всѣхъ пяти училищахъ считать нормальное число учащихся въ 1.150. На этомъ основаніи общій сборъ съ ученицъ по 40 руб. за каждую исчисленъ въ 46.000 руб., а штатъ опредѣленъ былъ въ 88.500 руб., значитъ, потребовалось ежегоднаго пособія изъ суммъ вѣдомства въ 42.500. или въ 36 руб. на ученицу; но такъ какъ до этого времени уже производилось пособіе ежегодно въ 17.300 руб., то приходилось доплачивать 25.000 руб. Необходимость въ такомъ пособіи основывалась на томъ, что при учрежденіи этихъ училищъ назначеніе небольшой платы за ученіе открывало въ нихъ доступъ большинству дѣтей недостаточныхъ семействъ и развило въ ихъ кругу желаніе дать дѣтямъ основательное образованіе. Главный совѣтъ находилъ, что возвышеніе платы могло бы повредить училищамъ, которыя только входили въ періодъ полнаго своего развитія, охладивъ проявившееся въ обществѣ стремленіе къ образованію дѣтей.

9-го января 1862 года уставъ и штатъ были утверждены въ видѣ опыта на три года.

Въ томъ же году попечитель виленскаго учебнаго округа представилъ въ Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, что новыя женскія училища смѣшиваются многими, незнакомыми съ ихъ програмами, съ другими низшими училищами, и

что въ обществѣ уже начинаетъ утверждаться за ними названіе гимназій. Въ виду этого попечитель ходатайствовалъ для отличія этого рода заведеній отъ другихъ дозволить назвать ихъ офиціально женскими гимназіями. На этотъ докладъ 10-го ноября послѣдовало высочайшее разрѣшеніе: училища для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи именовать женскими гимназіями [1]).

Къ концу 1864 года число женскихъ гимназій этого вѣдомства достигло уже семнадцати: къ прежнимъ присоединены Рязанская, Симбирская, Петербургская-Рождественская, Минская, Могилевская и Царскосельская..

Между тѣмъ и въ Москвѣ министерство народнаго просвѣщенія открыло два женскія училища перваго разряда. Въ то же время и отъ вѣдомства императрицы Маріи тамъ же назначено было основать женское училище, подобное петербургскимъ. Такъ какъ по цѣли и по программамъ они почти не отличались, то, чтобы устранить вредное между ними соперничество, признано было за лучшее соединить ихъ подъ однимъ управленіемъ. Послѣ продолжительной переписки между обоими вѣдомствами, наконецъ, въ февралѣ 1865 года, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе принять вѣдомству императрицы Маріи оба министерскія женскія училища, которыя и были преобразованы въ гимназіи. По образцу штата петербургскихъ гимназій былъ проектированъ и штатъ московскихъ. Доходъ съ нихъ составлялъ тогда 17.979 руб. и по штату на ихъ содержаніе пришлось приплачивать вѣдомству 24.391 руб. [2]).

Всѣ открываемыя женскія гимназіи, въ особенности въ столицахъ, быстро наполнялись. Въ 1873 году, въ Петербургѣ отказано было въ пріемѣ до 500 дѣвицамъ; вслѣдствіе чего, 30-го октября 1873 года, по случаю открытія памятника императрицѣ Екатеринѣ II-ой, было разрѣшено, въ память основательницы женскаго воспитанія въ Россіи, открыть новую женскую гимназію подъ именемъ Екатерининской.

Между тѣмъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составлялось новое „Положеніе“ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Въ маѣ 1870 года, оно было внесено въ государственный совѣтъ. Въ своемъ представленіи министръ народнаго просвѣщенія говоритъ, что, желая дать женскимъ училищамъ дальнѣйшее развитіе, соотвѣтственное дѣйствительнымъ ихъ по-

---

[1]) Хроника вѣдомства императрицы Маріи, 1878.

[2]) Тамъ-же.

требностямъ, министерство подвергло гласному обсужденію вопросъ о женскихъ училищахъ. Замѣчанія, представленныя разными мѣстами и лицами, преимущественно совѣтами университетовъ и гимназій, были сведены вмѣстѣ. Затѣмъ было предложено попечителямъ учебныхъ округовъ, на основаніи этихъ данныхъ, представить окончательныя соображенія, какія еще измѣненія было бы полезно сдѣлать въ „Положеніи“ о женскихъ училищахъ. Всѣ попечители, кромѣ дерптскаго, виленскаго и отчасти кіевскаго, были согласны, что за женскими училищами необходимо сохранить характеръ открытыхъ учебныхъ заведеній, предназначенныхъ для всѣхъ сословій, съ переименованіемъ ихъ въ женскія гимназіи и прогимназіи. При этомъ предоставить и на будущее время содержаніе тѣхъ и другихъ преимущественно мѣстнымъ земствамъ, сословіямъ и обществамъ и изыскать болѣе дѣйствительныя мѣры, какъ для поддержанія уже существующихъ, такъ и для открытія новыхъ. По заявленію министра, до сихъ поръ денежныя средства женскихъ училищъ были весьма недостаточны, а увеличивать плату за ученье было бы не желательно, потому что такая мѣра повела бы къ уменьшенію числа учащихся и превратила бы женскія гимназіи въ привилегированныя заведенія, доступныя только для дѣтей богатыхъ родителей, или привела бы къ совершенному ихъ закрытію, по недостатку средствъ, что всего вѣрнѣе. Въ виду этого министръ находилъ, что для поддержанія и дальнѣйшаго развитія женскихъ гимназій необходимо назначить во многихъ мѣстахъ пособіе отъ казны, причемъ онъ указывалъ на женскія училища въ Германіи и въ Швейцаріи, гдѣ они также получаютъ пособіе отъ правительства и, только благодаря этому, могутъ съ успѣхомъ развиваться.

По новому „Положенію“ и попечительный совѣтъ гимназій ставился на другихъ основаніяхъ. Опытъ показалъ, что прежніе совѣты очень часто составлялись изъ членовъ, не имѣющихъ вѣрныхъ взглядовъ на воспитаніе и даже совершенно равнодушныхъ къ дѣлу; даже если бы составъ совѣта случайно былъ и удачный, то все же онъ не могъ быть представителемъ всѣхъ мѣстныхъ сословій при училищѣ. Найдено было гораздо справедливѣе и полезнѣе для дѣла, чтобы въ члены попечительнаго совѣта выбирали тѣ сословія и общества, насчетъ которыхъ содержатся гимназіи, со включеніемъ въ него предсѣдателя педагогическаго совѣта и начальницы гимназіи, какъ представителей учебной и воспитательной части, непосредственно управляющихъ

заведенісмъ. Предсѣдателя должны выбирать себѣ изъ своей среды сами члены попечительнаго совѣта.

Новое „Положеніе“, хотя и сохранило за начальницей гимназіи непосредственное управленіе, но во всѣхъ дѣлахъ по учебной и воспитательной части она вполнѣ подчинена предсѣдателю педагогическаго совѣта.

Въ соображеніяхъ, представленныхъ государственному совѣту, привлекаетъ особенное вниманіе тогдашній правительственный взглядъ на призваніе женщины въ обществѣ. На женщинѣ, по вліянію ея на семейство, лежитъ обязанность воспитывать, отъ неисполненія которой или отъ дурного исполненія страдаетъ все общество и все государство, и страдаютъ тѣмъ опаснѣе, что зло здѣсь проникаетъ повсюду и совершенно незамѣтно подтачиваетъ основы общественной и государственной жизни. Но, чтобы женщина получила возможность исполнять добросовѣстно эту святую обязанность, для того мало ей одного желанія, а надобно дать ей и средства и умѣнье воспитывать. Отсюда ясна важность для каждой женщины, будущей матери семейства, какого бы званія она ни была, пріобрѣсти не только знаніе, но и ознакомиться съ главными условіями воспитательнаго искусства, т.-е. важность въ извѣстной степени педагогическаго образованія. Но если примѣнить этотъ вопросъ къ воспитывающимся въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ, то такое образованіе становится необходимымъ. Большинство воспитанницъ въ нихъ составляютъ дѣти лицъ недостаточнаго состоянія, и будущность ихъ ничѣмъ не обезпечена. Образованіе составляетъ для нихъ единственный капиталъ, который можетъ спасти ихъ отъ нищеты въ будущемъ, если имъ не выпадетъ на долю безбѣдная семейная жизнь; капиталъ этотъ обращается въ большинствѣ случаевъ на педагогическую дѣятельность въ званіи гувернантокъ или домашнихъ учительницъ. Понятно послѣ этого, что особое педагогическое приготовленіе для такихъ лицъ дѣлается не только полезнымъ, но и необходимымъ и спасетъ ихъ въ будущемъ отъ многихъ промаховъ, которые неизбѣжны въ лицахъ, берущихся за непривычное для нихъ дѣло. Въ числѣ разныхъ поприщъ, которыя могли бы открыться для женскаго труда, одно изъ самыхъ главныхъ всегда будетъ воспитательное; обращеніе къ нему значительнаго числа женщинъ было бы, при недостаткѣ въ учителяхъ, большою помощью для нашего образованія [1]).

[1]) Сборникъ Постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. IV, стр. 137—163.

Въ виду этого въ новое „Положеніе“ о женскихъ гимназіяхъ былъ внесенъ слѣдующій пунктъ: „женскія гимназіи состоятъ изъ семи классовъ съ годичнымъ для каждаго класса курсомъ; но для приготовляющихся къ педагогической дѣятельности можетъ быть учрежденъ при женскихъ гимназіяхъ еще восьмой дополнительный классъ, также съ годичнымъ, а гдѣ окажется возможнымъ и съ двухгодичнымъ курсомъ ученія“.

Въ „Положеніи“ о спеціальныхъ испытаніяхъ 22-го апрѣля 1868 года, предоставлено право на званіе домашнихъ учительницъ окончившимъ полный курсъ въ женскихъ училищахъ перваго разряда, при которыхъ существуютъ педагогическіе курсы. Руководствуясь этимъ основаніемъ, и новое „Положеніе“ о женскихъ гимназіяхъ предоставляло право домашнихъ наставницъ окончившимъ общій и дополнительный курсъ въ женскихъ гимназіяхъ съ особымъ отличіемъ, и право домашнихъ учительницъ — получившимъ свидѣтельство объ окончаніи общаго и дополнительнаго курса вообще съ успѣхомъ. Наконецъ, окончившимъ курсъ въ первыхъ низшихъ классахъ гимназіи или прогимназіи по достиженіи 16-лѣтняго возраста и послѣ полугодичнаго исполненія обязанностей помощницы учителя или учительницы при какомъ-либо начальномъ училищѣ, предоставлено право на званіе первоначальныхъ учительницъ и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ.

„Положеніе“ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія было Высочайше утверждено 24-го мая 1870 года. Такимъ образомъ, русская гимназія стала повидимому прочно: она явилась, какъ отзывъ на крайнюю общественную потребность въ повышеніи уровня женскаго образованія, чѣмъ и объясняется быстрое распространеніе заведеній этого рода по всей русской землѣ.

IV.

Несмотря на то, что къ образованію русской женщины отнеслись съ такою заботою и теплотою два вѣдомства, соревнуя другъ другу въ такомъ важномъ дѣлѣ, русская женская гимназія не всѣми была привѣтствована съ такимъ же сочувствіемъ и сердечнымъ участіемъ. И у нея оказались враги. Одни были недовольны тѣмъ, что женская гимназія сдѣлана не сословнымъ заведеніемъ для одного чиновнаго класса, и не могли примириться съ мыслью, что генеральская дочка должна сѣсть на одну

скамейку съ дочерью какого-либо лавочника; другіе винили гимназію, что она не даетъ настоящаго образованія, потому что не научаетъ говорить по-французски; третьимъ не нравилось, что многія гимназистки не довольствуются только тѣмъ, что имъ даетъ гимназія, а по окончаніи курса ищутъ новыхъ познаній и пристращаются къ наукѣ. Раздавались и болѣе нелѣпыя обвиненія, сопровождаемыя разными клеветами. Слышались и злорадства при какомъ-нибудь случайномъ фактѣ, заслуживающемъ порицанія. Являлись скороспѣлыя обобщенія и затѣмъ неумолимыя обвиненія. Но мы не намѣрены опровергать всѣ вины, какія взводились на женскую гимназію; не намѣрены и превозносить ее, такъ какъ не находимъ ее на той высотѣ развитія, на какую она могла бы стать послѣ двадцатипятилѣтняго существованія. Многія неблагопріятныя обстоятельства мѣшали ей правильно развиваться, хотя въ началѣ она и была поставлена на основахъ вполнѣ педагогическихъ, которыя обѣщали ей хорошую будущность. Она явилась во время, памятное для русской педагогіи, то время, когда начиналось оживленіе въ русскомъ педагогическомъ мірѣ, при сознаніи прежней несостоятельности въ воспитательномъ дѣлѣ, когда начиналось исканіе новыхъ способовъ образованія при новомъ идеалѣ. Всякая спеціализація въ воспитаніи была осуждена; было признано разумнымъ и возможнымъ только воспитаніе человѣка,—воспитаніе, достоинство котораго зависитъ отъ той высоты, на какую поставленъ идеалъ человѣка. Женская гимназія, принявъ этотъ принципъ, уничтожила вопросъ о существенномъ отличіи образованія женщины и мужчины. Оба эти понятія связались въ одномъ понятіи „человѣкъ“, которое, допуская нѣкоторыя физіологическія различія въ обоихъ полахъ, не допускаетъ нравственнаго или умственнаго превосходства одного надъ другимъ. Отсюда и образованіе того и другого должно было сблизиться, подчинивъ себѣ тѣ воспитательныя спеціализаціи, какими задавались прежде какъ въ отношеніи мужчины, такъ и женщины. Не могъ пострадать идеалъ жены и матери отъ того, что возвысился идеалъ женщины какъ человѣка; напротивъ, онъ много выигралъ отъ того, что сдѣлался опредѣленнѣе, понятнѣе, доступнѣе, такъ какъ его усвоивала себѣ образованная женщина. Семья непремѣнно должна была выиграть отъ такого направленія образованія. Чтобы воспитывать и образовывать дѣтей не для себя, а для дѣятельной жизни, нужно имѣть передъ собою высшій идеалъ, т.-е. идеалъ человѣка, независимо отъ его внѣшняго положенія, а чтобы имѣть его, необходимо въ самомъ себѣ чувствовать стремленіе къ выс-

шимъ интересамъ жизни. Сближеніе двухъ половъ въ общихъ духовныхъ интересахъ жизни должно непремѣнно поднять нравственный уровень не только семьи, но современемъ и самого общества. Вотъ за что, главнымъ образомъ, мы и цѣнимъ русскую женскую гимназію: она положила тому начало. Она—фактъ замѣтный въ исторіи нашего образованія и будетъ еще замѣтнѣе въ будущемъ.

Съ другой стороны, если качество и количество труда имѣютъ значеніе въ обществѣ и даже государствѣ, возвышая ихъ нравственно и обогащая матеріально, то и здѣсь женской гимназіи нельзя отказать въ извѣстной долѣ заслуги. Она неоспоримо усилила и расширила въ обществѣ женскій трудъ, введя его въ такія сферы, о которыхъ прежде не могла и думать женщина.

Если женскіе институты въ свое время приготовляли для русскихъ семей гувернантокъ, что было также большою заслугою, то женскія гимназіи настолько развивали въ своихъ ученицахъ любовь къ труду, что, оставивъ мѣсто своего образованія, онѣ добровольно, усиленно, даже съ большими лишеніями, стали искать себѣ основательной подготовки для учительской дѣятельности въ школахъ, и, наконецъ, успѣли заявить себя съ самой лучшей стороны на этомъ поприщѣ. Онѣ явились добросовѣстными труженицами не только къ элементарныхъ классахъ женскихъ гимназій, но и въ городскихъ и даже сельскихъ училищахъ, въ то время, когда у насъ была сознана сильная потребность въ школахъ. Безъ нихъ пришлось бы довольствоваться мало-образованными и плохо подготовленными учителями, которые на первыхъ же порахъ уронили бы школьное дѣло. Онѣ нашли себѣ широкое поприще тамъ, гдѣ прежде едва влачилъ свое существованіе бѣдный, забитый школьный учитель. Онѣ возвысили эту сферу дѣятельности качественностью своего труда и указали дорогу и другимъ молодымъ дѣвушкамъ, получившимъ образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Если бы только одна сфера педагогической дѣятельности обогатилась женскимъ трудомъ, то и тогда можно было бы сказать много сочувственнаго о заведеніяхъ, развившихъ любовь къ труду. Но женскій трудъ внесенъ и въ другія сферы, о которыхъ мы не будемъ здѣсь говорить.

Изъ всего нами сказаннаго выводится то, что женская гимназія удовлетворила потребностямъ русской жизни; но къ этому мы прибавимъ, что не считаемъ ея организацію вполнѣ конченною.

Если она можетъ гордиться тѣмъ, что привлекала вниманіе

иностранныхъ педагоговъ, которые нарочно пріѣзжали въ Россію знакомиться съ нею, то это налагаетъ на нее обязанность еще болѣе поработать надъ собою въ предѣлахъ педагогическихъ требованій, которымъ она была не всегда вѣрна. Она не есть сколокъ съ какого-либо иноземнаго учрежденія, а развилась сама собою въ ту эпоху, когда въ русской средѣ трудъ былъ объявленъ свободнымъ, и жизнь стала развиваться при новыхъ условіяхъ. Если подражать ей некому, то она должна выработать свое на чисто-педагогической почвѣ и согласно съ природными силами женщины. Это ея настоящая задача.

Въ заключеніе же скажемъ, что тотъ, кто первый положилъ камень въ основаніе русской женской гимназіи, заслуживаетъ почета. Позаботилась ли петербургская Маріинская женская гимназія пріобрѣсти хотя портретъ Николая Алексѣевича Вышеградскаго? Есть ли хотя въ одной изъ открытыхъ имъ гимназій стипендія въ его память?

Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ.

За тридцать почти лѣтъ передовой человѣкъ своего времени, хирургъ по профессіи, произнесъ смѣлый, рѣзкій и справедливый приговоръ надъ современнымъ ему русскимъ обществомъ, назвавъ его полуязыческимъ, какъ по его воспитательнымъ принципамъ, такъ и по цѣлямъ, какихъ оно держалось въ жизни. Оказывалось, что воспитательныя требованія этого общества противорѣчили идеаламъ христіански-просвѣщеннаго общества и законамъ человѣческой природы. Отсюда ясно было, что и родители, естественные воспитатели дѣтей, и спеціалисты педагоги, обязанные выяснять идею воспитанія и направлять его къ разумнымъ цѣлямъ, ходили во тьмѣ. О нихъ можно было сказать: не вѣдятъ, что̀ творятъ. Но невѣдѣніе не есть еще преступленіе. Нашелся просвѣщенный человѣкъ, проникнутый любовью къ пострадавшей своей родинѣ и къ подраставшему юному поколѣнію, которому нужно было исправить ошибки своихъ отцовъ. Онъ сказалъ невѣдущимъ правдивое слово, безъ обиды, безъ укора и вразумилъ многихъ изъ нихъ: они согласились съ нимъ и признали правду. Этотъ передовой человѣкъ былъ извѣстный хирургъ Н. И. Пироговъ. Онъ стремился выяснить идею воспитанія, доказывая, что русское воспитаніе на самой шаткой почвѣ, что съ тѣми идеалами, какихъ оно держалось, не можетъ воспитаться ни человѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова, ни гражданинъ, какъ честный слуга своего отечества, что, наконецъ, сами педагоги стояли не на научной почвѣ, которая прежде всего требуетъ знанія общихъ законовъ органическаго развитія и въ частности законовъ физическаго и духовнаго развитія человѣка. Какъ скоро это сознаніе вошло въ область русской педагогіи, то отзываться невѣдѣніемъ законовъ, если не со стороны родителей, то со стороны педагоговъ стало непозволительнымъ, какъ это всегда было непозволительно въ гражданской

жизни. Заслуга Пирогова и тѣхъ изъ русскихъ современныхъ ему педагоговъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, которые вняли его голосу, въ этомъ именно и состоитъ, что теперь извиняться невѣдѣніемъ науки во всѣхъ школьно-воспитательныхъ вопросахъ сдѣлалось не только не дозволительнымъ, но и преступнымъ. Пусть ихъ личная дѣятельность была непродолжительна; но плоды отъ нея остались и никакимъ червемъ источены быть не могутъ. Теперь кто спеціально принимается за школьное дѣло, казалось бы, обязанъ слѣдить за наукою о воспитаніи и сообразоваться съ ея требованіями; но если кто знать ея не хочетъ, тому ужъ нѣтъ оправданія. Къ сожалѣнію, невѣдущіе люди со званіемъ педагоговъ въ немаломъ числѣ попадаются и въ наше время и берутся рѣшать педагогическіе вопросы на основаніи однихъ своихъ личныхъ опытовъ или личныхъ измышленій, не имѣющихъ ничего общаго съ наукою о воспитаніи. Но личные опыты, не сведенные съ общими выводами науки, не имѣютъ никакого значенія, а въ дѣлѣ воспитанія они скорѣе могутъ деморализировать личности, чѣмъ приносить помощь ихъ правильному развитію. Всѣ воспитательныя традиціи, не только не оправдываемыя, но и осужденныя наукою, поддерживаются личными опытами, изъ которыхъ неумѣло и невѣжественно дѣлаются обобщенія наперекоръ научнымъ даннымъ. Если не мало является подобныхъ дѣятелей въ той воспитательной сферѣ, гдѣ требуются только спеціалисты, которые должны бы безъ глумленія относиться къ наукѣ, пользуясь весьма осторожно своими личными опытами, то понятно, что въ сферѣ русскаго семейнаго воспитанія въ большинствѣ нечего и требовать чего-нибудь выдержаннаго по принципу. Туда еще совсѣмъ не проникъ лучъ научнаго свѣта, даже въ семьи, которыя причисляютъ себя къ образованному обществу. Тамъ, по большей части руководствуются или вѣковыми традиціями о воспитательной силѣ розги и плетки, или собственными чувствами и впечатлѣніями, которыя зависятъ отъ расположенія духа и мѣняются по нѣскольку разъ въ день, или слѣпою вѣрою въ воспитательное искусство иностранокъ, которыя въ большинствѣ такъ же невѣжественны, какъ и сами родители, но воображаютъ себя опытными воспитательницами и самоувѣренно уродуютъ дѣтей нравственно, а иногда и физически. Въ эту кромѣшную тьму могли бы проводить лучи свѣта педагоги-спеціалисты, вооруженные авторитетомъ науки, но для этого нужно, чтобы они сами изучали человѣческую природу и понимали законы ея развитія. При такомъ условіи имъ было бы не трудно опредѣлить направленіе и наклонности дѣтей, поступаю-

щихъ изъ семьи въ школу подъ ихъ руководство, и затѣмъ указать на ошибки въ семейномъ воспитаніи противъ естественныхъ законовъ дѣтскаго развитія. Выяснивъ такимъ образомъ личность ребенка въ данный моментъ, воспитатель могъ бы опредѣлить и воспитательныя мѣры, которыми можно хоть отчасти смягчить вредное дѣйствіе неразумнаго домашняго воспитанія.

Вообще надо замѣтить, что наши школьные педагоги почти совсѣмъ не занимались вопросами этого рода, обращая все свое вниманіе лишь на классное обученіе по даннымъ программамъ. Въ этой односторонности заключается главная ихъ ошибка; она мѣшаетъ имъ привести школу въ тѣсную связь съ семьею, и черезъ школу благотворно дѣйствовать на семейное воспитаніе. Причина тому заключается въ ихъ собственномъ односторонемъ образованіи. Въ огромномъ большинствѣ они не изучали природы, почти совсѣмъ не знакомы научно съ законами органической жизни, и потому не въ состояніи съ этой стороны наблюдать надъ развитіемъ дѣтской природы и изъ своихъ наблюденій дѣлать самостоятельные выводы. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ сознаютъ этотъ недостатокъ и не замѣчаютъ, что всѣ ихъ усилія въ исключительно-преподавательной сферѣ увѣнчивались бы значительно большимъ успѣхомъ, если бы они могли освободиться отъ своихъ односторонних взглядовъ на школьное обученіе.

Благодаря всему этому, и въ нашей педагогической литературѣ уже за много лѣтъ не являлись рѣшенія крупныхъ педагогическихъ вопросовъ, на основаніи научныхъ данныхъ, которыя бы просвѣтляли взгляды на общеее воспитаніе въ обоихъ его періодахъ—семейномъ и школьномъ. Только въ послѣднее время явилась замѣчательная попытка, которая должна привлечь вниманіе всѣхъ занимающихся воспитаніемъ дѣтей, не исключая и отцовъ и матерей; ихъ даже въ особенности. И опять не изъ среды присяжныхъ педагоговъ выходитъ этотъ трудъ, а снова ученый анатомъ вступаетъ въ нашу педагогическую сферу, освѣщая ее свѣтомъ науки и указывая, какимъ мракомъ окружено все наше домашнее воспитаніе, благодаря невѣдѣнію, безпринципности и безхарактерности воспитателей. Этотъ трудъ принадлежитъ профессору Лесгафту. Подъ названіемъ „школьные типы“ онъ издалъ свои наблюденія [1]) надъ дѣтьми, вступающими въ школьный возрастъ со всѣми тѣми наклонностями и стре-

[1]) Сначала они были напечатаны въ журналѣ „Русское богатство“ въ первыхъ нумер. за 1884; потомъ въ отдѣльной брошюрѣ.

мленіями, которыя составляютъ характерныя черты личности, и которыя вызываются семейнымъ воспитаніемъ. Эти наблюденія сами по себѣ въ высшей степени интересны и поучительны для каждаго педагога, но интересъ ихъ еще увеличивается соединеніемъ ихъ съ научными данными, которыя дали профессору поводъ назвать его трудъ „антропологическимъ этюдомъ“.

Онъ изложенъ такъ просто, читается такъ легко, касается предмета столь близкаго и знакомаго всѣмъ, что нѣтъ надобности популяризировать его какими-либо объясненіями и комментаріями. Необходимо только твердить всѣмъ, занимающимся воспитаніемъ: „читайте, читайте, если хотите добра вашимъ дѣтямъ“. Какъ въ зеркалѣ, отражаются въ этюдѣ г. Лесгафта всѣ слѣдствія нашего семейнаго воспитанія, слѣдствія неизбѣжныя, потому что по естественнымъ законамъ они должны вытекать изъ существующихъ фактовъ, какъ изъ своихъ причинъ, потому что было бы чудо, еслибы вмѣсто нихъ явилось что-нибудь другое. А такіе факты, которые производятъ самыя печальныя слѣдствія, повторяются у всѣхъ передъ глазами какъ въ поступкахъ родителей, такъ и въ обстановкѣ дѣтской жизни, и огромное большинство не придаетъ имъ никакого значенія, а на нѣкоторые изъ нихъ даже смотрятъ какъ на хорошія воспитательныя средства, и никто не винитъ себя, если дѣти еще въ раннемъ незрѣломъ возрастѣ оказываются не такими, какими бы они должны быть. Обыкновенно же все сваливаютъ на природу ребенка, съ которою будто бы ничего не подѣлаешь, такъ какъ она не поддается никакимъ воспитательнымъ мѣрамъ. Но всѣ эти господа мало понимаютъ, что̀ такое „природа“ и, дѣйствуя вопреки естественнымъ законамъ природы, портятъ ее, искалѣчиваютъ тотъ общій типъ, который создается неиспорченною природою, и на нее же сваливаютъ свои вины, слѣдствія своего невѣжества или легкомыслія. Убѣдить такихъ господъ, что силамъ природы въ ихъ развитіи можно давать разное направленіе, что, принимая безотвѣтственно тѣ или другія внѣшнія вліянія, она даетъ и плоды не одинаковые, нисколько не противорѣча общимъ законамъ развитія, убѣдить во всемъ этомъ, значитъ внести лучъ свѣта въ семейное воспитаніе. И мнѣ кажется, что антропологическій этюдъ профессора Лесгафта можетъ послужить этому дѣлу. Можно только посовѣтовать читателямъ не довольствоваться бѣглымъ чтеніемъ, которое очень возможно при легкости изложенія, а вникать въ связь фактовъ съ научными данными, которыми пользуется профессоръ.

Самъ авторъ смотритъ на свой антропологическій этюдъ,

какъ на „основаніе для выясненія метода наблюденій за ребенкомъ и установленія причинной связи замѣчаемыхъ у него явленій“. Только на основаніи выясненія этой причинной связи, говоритъ онъ, возможно перейти съ почвы произвола на почву собиранія научныхъ истинъ и основанныхъ на нихъ объективныхъ дѣйствій. Гдѣ искать причинную связь явленій, замѣчаемыхъ у ребенка, указало автору разумное изученіе анатоміи, т.-е. выясненіе основной идеи постройки человѣческаго организма и его отправленія. Оно неопровержимо убѣдило его, что при дѣйствіи извѣстныхъ причинъ въ дѣтскомъ организмѣ и его отправленіяхъ являются неизбѣжно и опредѣленныя послѣдствія, которыя составятъ основы характера ребенка... „Ребенокъ родится на свѣтъ съ опредѣленнымъ темпераментомъ, говоритъ г. Лесгафтъ, зависящимъ отъ постройки его сосудистой системы съ его центральными органами, и индивидуальность его должна устанавливаться въ семьѣ до школьнаго періода развитіемъ мозговыхъ сознательныхъ центровъ. Въ школѣ же онъ долженъ гармонически развивать всѣ свои способности и научиться управлять собой, причемъ устанавливается его характеръ, развивающійся изъ отношеній волевыхъ отправленій къ чувствованіямъ, зависящимъ отъ проявленія дѣятельности какъ двигательныхъ аппаратовъ, такъ и органовъ растительной жизни...“ Понятно, что съ такимъ взглядомъ профессоръ не могъ отнестись сочувственно къ той педагогіи, которою до сихъ поръ руководствовались наши воспитатели. Въ ней онъ находитъ много шаблоннаго, ненаучнаго, произвольнаго. „Существующую въ настоящее время педагогику“, замѣчаетъ онъ, „можно опредѣлить такимъ образомъ, что это есть предметъ, преподаваемый исключительно въ послѣднихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній и дающій матеріалъ для зубренія къ различнымъ установленнымъ тамъ репетиціямъ и экзаменамъ. Подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній и чувствованій производятся часто самые непозволительные опыты, результаты которыхъ, къ сожалѣнію, остаются обыкновенно неизвѣстными и теряютъ поэтому даже то отрицательное значеніе, которое могли бы имѣть“.

Стремясь утвердить педагогію на основахъ вполнѣ научныхъ, выведенныхъ изъ условій развитія человѣческаго организма, а съ этимъ вмѣстѣ опредѣлить и главныя задачи школы, согласно съ этими основами—научить ребенка владѣть и управлять собою, а также развить его характеръ, авторъ находитъ уже совершенно праздными споръ о томъ, какое образованіе лучше? „Лучше то, отвѣчаетъ онъ, которое больше развиваетъ раз-

сужденіе, которое ведетъ къ истинѣ. Совершенно не пригоденъ въ школѣ методъ образованія, вліяющій исключительно на развитіе только одного разсудка или органа сложныхъ рефлексовъ съ обширною памятью и неумѣньемъ самостоятельно примѣнять собранныя знанія. Преимущество, которое мы даемъ тѣмъ или другимъ предметамъ при школьномъ образованіи, обыкновенно основано не на знакомствѣ съ значеніемъ избираемыхъ предметовъ, а на заранѣе составленной табели предметовъ, значеніе которыхъ даже защищаютъ заученными словами и рѣчами и ссылкою на многіе авторитеты, а не спокойной и обстоятельной провѣркою этого значенія. Въ послѣднемъ случаѣ навѣрное бы оказалось, что какъ древніе языки, такъ и естественныя науки и математика могутъ имѣть несомнѣнное образовательное значеніе, и что всѣ они, при извѣстномъ способѣ ихъ примѣненія, забьютъ ребенка и ни въ какомъ случаѣ не будутъ содѣйствовать умственному его развитію. Развѣ не все равно, будетъ ли ребенокъ заучивать совершенно чуждые ему звуки, формы и правила ихъ примѣненія, или же названія всевозможныхъ животныхъ, растеній, или ископаемыхъ, ихъ части и отдѣлы, или массу различныхъ математическихъ дѣйствій и формулъ, если при этомъ онъ никогда спокойно не задумывается и не будетъ разсуждать надъ значеніемъ всѣхъ этихъ звуковъ, формъ и формулъ и т. д., ибо только послѣднимъ путемъ онъ разовьетъ у себя тѣ необходимыя ему человѣческія способности, изъ-за которыхъ онъ явился въ школу. Но кромѣ того педагоги упускаютъ изъ виду еще одно очень важное условіе, несоблюденіе котораго указываетъ на ихъ полное незнакомство съ природою ребенка и съ взаимною связью всѣхъ его отправленій... Для вполнѣ сознательнаго умственнаго акта необходима болѣе продолжительная и настойчивая умственная работа, требующая, конечно, также продолжительнаго времени. Каждый занимающійся умственною работою изъ собственнаго опыта знаетъ, какъ сильно утомляетъ серьезный однообразный умственный трудъ, и что подобныя продолжительныя занятія возможны только либо послѣ долгаго и настойчиваго упражненія, либо при частомъ измѣненіи качества труда, и наконецъ при смѣнѣ умственнаго труда физическимъ. При томъ же мало образовать умнаго и понимающаго человѣка, необходимо еще, чтобы онъ могъ настойчиво и энергично проявлять свои волевыя функціи и былъ бы въ состояніи твердо держаться выработанныхъ истинъ и принциповъ. Слѣдовательно не утомлять ребенка непосильнымъ умственнымъ трудомъ и помочь ему выработать изъ себя стой-

каго, неуклоннаго и энергичнаго борца за свои идеи, за истину — вотъ очень существенныя требованія, которыя однакожъ обыкновенно совершенно упускаются изъ виду педагогами и, можетъ быть, даже именно вслѣдствіе того, что они недостаточно изучаютъ природу ребенка."

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ взглядѣ на школьное воспитаніе г. Лесгафтъ сходится со взглядами Пирогова, который развивалъ свой идеалъ именно на этой почвѣ. Но то, что у Пирогова высказывалось какъ желаніе или, лучше сказать, мечтаніе, у г. Лесгафта опредѣленно ставится въ связи со средствами осуществленія. Мы уже не можемъ предложить ему вопросъ, какимъ путемъ стремиться къ достиженію этого высокаго идеала; онъ указываетъ намъ на этотъ путь, выходя изъ научныхъ опредѣленій, и слѣдственно уже далекій отъ области мечтаній.

Съ большимъ сочувствіемъ относится г. Лесгафтъ къ воспитанію и образованію юношества въ классической Греціи, и ставитъ ихъ въ образецъ новымъ народамъ; но при этомъ замѣчаетъ, что слѣдовало бы взять только идею образованія у древнихъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, а не откалывать отъ него кусокъ, форму, которую мы заимствовали для нашихъ школъ. „Программой послѣднихъ, прибавляетъ онъ, можно развить только разсудочные, а не разумные центры, да и тѣ мы отчасти ослабляемъ неимовѣрнымъ однообразнымъ трудомъ организма, вслѣдствіе пониженій общаго обмѣна элементовъ. Что же касается до развитія стойкости и энергіи, а также умѣнья владѣть собою, то это вопросы, которые оставлены совершенно въ сторонѣ; къ физическому развитію вообще относятся даже съ презрѣніемъ, предполагая, что такимъ грубымъ дѣломъ могутъ заниматься только одни акробаты и отставные служивые. Все это зависитъ отъ узкихъ воззрѣній и односторонности педагоговъ и отъ ихъ незнанія природы ребенка".

Сходится г. Лесгафтъ съ Пироговымъ и въ требованіяхъ сообразоваться какъ можно болѣе съ индивидуальностью учениковъ, съ ихъ внутреннимъ бытомъ, для того, чтобы передаваемая имъ наука имѣла для нихъ образовательную силу. Но г. Лесгафтъ даетъ при этомъ наставникамъ возможность вѣрнѣе и скорѣе знакомиться съ личностью учениковъ въ школьной массѣ, раздѣляя ихъ на типы и разсматривая, въ какомъ видѣ ребенокъ является въ школу и какая связь существуетъ между его прежнею семейною жизнію и тѣмъ типомъ, къ которому его можно отнести при появленіи въ школѣ. Этотъ трудъ свидѣтельствуетъ

о громадномъ запасѣ наблюденій надъ дѣтьми въ ихъ семейной и школьной жизни и о рѣдкой способности наблюдать, группировать наблюденія и выводить типическія черты для общей характеристики. Авторъ рисуетъ самые характерные типы, какія являются въ нашей школѣ, развившись подъ вліяніемъ семейнаго воспитанія: типъ лицемѣрный, честолюбивый, добродушный и забитый. Послѣдній подраздѣляется на типъ забитый—злостный, забитый мягкій и угнетенный. Въ лицемѣрномъ типѣ онъ видитъ осуществленіе идеи лжи со всѣми ея видоизмѣненіями, въ честолюбивомъ—осуществленіе идеи первенства или величія, въ добродушномъ—идеи правды, и во всѣхъ остальныхъ типахъ—идеи гнета. Слѣдя за образованіемъ всѣхъ этихъ типовъ, авторъ, конечно, долженъ былъ коснуться той семейной обстановки, въ которой вырабатываются характеристическія ихъ черты, стараясь при этомъ выяснить, на основаніи какихъ законовъ природа ребенка перерабатываетъ тѣ или другія получаемыя внѣшнія впечатлѣнія. Все это такъ правдиво и такъ знакомо каждому изъ насъ, что получаетъ особенный интересъ, освѣщенное научнымъ анализомъ. При чтеніи разныхъ описаній картинъ и сценъ семейной жизни, такъ и хочется подсказать автору множество другихъ однородныхъ примѣровъ, которые подтверждаютъ его выводы, указать на много знакомыхъ дѣтскихъ личностей, которыя подходятъ подъ тотъ или другой типъ и которыя развивались подъ вліяніемъ именно тѣхъ же самыхъ семейныхъ впечатлѣній.

Изъ всѣхъ типовъ, представленныхъ авторомъ, желательнымъ, конечно, является типъ добродушный; но онъ-то всего рѣже и попадается въ школьной массѣ; изъ этого нужно заключить, что въ русскихъ семьяхъ рѣже всего развиваются тѣ условія, при которыхъ образуются дѣти этого типа. А эти условія, по наблюденіямъ г. Лесгафта,—„тихая, спокойная и въ особенности деревенская жизнь съ самаго рожденія на свѣтъ; любящая добрая мать или другое близкое ребенку лицо, отсутствіе всякой похвалы и внѣшности, дѣйствующей (сильно) на чувствованіе, а также отсутствіе какихъ-либо мѣръ наказанія или преслѣдованія ребенка. Ребенокъ, напротивъ того, пользуется полною свободою; ко всѣмъ его нуждамъ и требованіямъ относятся со вниманіемъ и удовлетворяютъ ихъ, насколько это возможно и насколько позволяютъ обстоятельства; въ противномъ случаѣ всегда выясняютъ причину отказа. Ребенокъ никогда не подвергается никакимъ произвольнымъ дѣйствіямъ или насиліямъ,—онъ всегда узнаетъ причину тѣхъ требованій, которыя ему ставятъ. Все

это дѣлается не по искусственному шаблону, а благодаря добрымъ и простымъ отношеніямъ къ ребенку, благодаря тому, что живутъ жизнью ребенка и изъ участія къ нему невольно выясняютъ всѣ причины своихъ дѣйствій. Необходимыя для того, отъ окружающихъ его, сдержанность и привычка останавливаться надъ явленіями и ихъ обсужденіемъ содѣйствуютъ также спокойному выясненію появляющихся у ребенка вопросовъ и сомнѣній. Ему ничего не навязываютъ, не вбиваютъ, а только возможно просто выясняютъ и отвѣчаютъ на его же вопросы; а въ случаѣ незнанія или неумѣнія объяснить—прямо сознаются въ этомъ, не отдѣлываясь отъ ребенка непонятными для того фразами и не прогоняя его безъ разсужденія... Къ числу необходимыхъ условій при воспитаніи ребенка добродушнаго типа должно быть отсутствіе всякихъ искусственныхъ мѣръ, служащихъ для развлеченія ребенка, какъ, напр., торжественные обѣды, пиршества, балы, театры и т. д. Игры и занятія онъ самъ себѣ отыскиваетъ,—доставляйте только ему для этого все необходимое. Въ случаѣ его собственныхъ заявленій, ему помогаютъ при устройствѣ его занятій и развлеченій. Занятія постепенно увеличиваются соотвѣтственно требованіямъ и понятіямъ ребенка, но никогда его не забрасываютъ непосильнымъ трудомъ и не навязываютъ занятій, несоотвѣтствующихъ степени его развитія: до школьнаго періода ему предоставляется свободный выборъ ихъ, причемъ всегда съ участіемъ относятся ко всѣмъ его требованіямъ и заявленіямъ. Здѣсь также нѣтъ еще школьной системы;—толковое, простое и правдивое отношеніе близкаго человѣка, всегда готоваго помочь и указать необходимое, способствуетъ повидимому главнымъ образомъ дальнѣйшему развитію ребенка добродушнаго типа.

Почему такъ важны и необходимы всѣ эти условія для развитія ребенка добродушнаго типа, г. Лесгафтъ выясняетъ на основаніи законовъ развитія человѣческаго организма, которыхъ повторять здѣсь мы не будемъ. Мы привели эти условія съ цѣлью показать, что одной родительской любви слишкомъ еще мало для того, чтобы направить воспитаніе къ желанному типу, хотя она въ то же время и необходима. Въ нашихъ семьяхъ, преимущественно въ среднемъ классѣ, обыкновенно воспитаніе страдаетъ отъ чрезмѣрной родительской любви, съ которою не умѣютъ справляться по безхарактерности, отличающей многихъ русскихъ образованныхъ людей нашего времени: она, конечно, есть также слѣдствіе ошибочнаго воспитанія этого поколѣнія. Одна любовь—воспитатель слѣпой и чаще всего не достигаетъ

тѣхъ цѣлей, какія ею намѣчаются. Въ нашихъ семьяхъ любовь по бо̀льшей части воспитываетъ дѣтей типа честолюбиваго, или лицемѣрнаго, или забитаго-мягкаго, которые никакъ не могутъ быть гордостью и утѣшеніемъ родителей, а въ зрѣломъ возрастѣ украшеніемъ общества. То блестящее воспитаніе, какое многіе достаточные родители изъ любви къ дѣтямъ стремятся дать имъ, не дѣлаетъ изъ нихъ блестящихъ людей, способныхъ вносить въ общую жизнь благо, а напротивъ производитъ крайнихъ эгоистовъ, или людей, не умѣющихъ справляться съ своими чувствами, или апатичныхъ, и неспособныхъ въ какой-либо дѣятельности, требующей нѣкоторой настойчивости, не говоря уже о людяхъ съ твердымъ убѣжденіемъ, стоящихъ непоколебимо на выработанныхъ принципахъ жизни. Но, знализируя эту любовь и сравнивая ее съ тою, какая воспитываетъ дѣтей добродушнаго типа, мы не назовемъ и то и другое чувство тожественными: къ первому примѣшивается въ значительной долѣ эгоизмъ въ разныхъ видахъ, тогда какъ второе отличается полнымъ безкорыстіемъ. Обыкновенно отцы и матери воображаютъ, что они любятъ своихъ дѣтей безкорыстно, но на самомъ дѣлѣ это рѣдко бываетъ. Если вы наряжаете своихъ дѣтей, какъ куколокъ, съ цѣлью ими любоваться или вызывать восторгъ отъ постороннихъ людей, если вы доставляете имъ удовольствія, несоотвѣтственныя ихъ возрасту, вводите ихъ въ кругъ веселящихся взрослыхъ людей, если вы ищите случая, гдѣ бы ваши дѣти могли отличиться передъ другими, или услаждаетесь похвалами, расточаемыми имъ въ ихъ присутствіи, то ваша любовь не безкорыстная: вы не замѣчаете, что здѣсь работаетъ ваше тщеславіе, которое воспитываетъ честолюбцевъ, людей поверхностныхъ, неспособныхъ ни на какія движенія безъ разсчета на личныя выгоды. Если вы пріучаете вашихъ дѣтей выпрашивать у васъ ласками то, что доставляетъ имъ удовольствіе или что слѣдуетъ имъ по праву; если вы пользуетесь каждымъ случаемъ, чтобы повторять имъ мораль въ общихъ фразахъ, а сами на каждомъ шагу противорѣчите себѣ, допуская въ своихъ поступкахъ обманъ, несправедливость и т. под.; если вы безразсудно взыскательны къ нимъ за каждый ихъ проступокъ, который не согласуется съ вашимъ понятіемъ объ умникѣ; если вы не допускаете въ нихъ никакихъ разсужденій и объясненій въ свою защиту; если вы хотите, чтобы васъ уважали ваши дѣти только на томъ основаніи, что вы ихъ отецъ или мать, то ваша любовь и здѣсь не можетъ назваться безкорыстною: ею управляетъ вашъ эгоизмъ; вы думаете только о томъ, чтобы къ числу вашихъ выгодъ или удо-

вольствій присоединить и удовольствіе отъ дѣтскихъ ласкъ или отъ сознанія, что выполняете (хоть бы только и внѣшнимъ образомъ) родительскій долгъ; вы не допускаете къ себѣ дѣтей на такую близость, которая можетъ угрожать вашему спокойствію, цѣнимому вами болѣе всего; вы не даете вашимъ дѣтямъ добра, а одолжаете ихъ съ разсчетомъ, что впослѣдствіи они вамъ заплатятъ за него, можетъ быть, съ лихвою, и уже заранѣе твердите имъ о благодарности. А между тѣмъ такая ваша любовь воспитываетъ вамъ холодныхъ лицемѣровъ, которые будутъ цѣнить не только ваше, но и всякое чувство, насколько это будетъ имъ выгодно. Наконецъ, если ваша любовная забота о ребенкѣ связываетъ каждый его шагъ, если вы предупреждаете всякую самостоятельную его дѣятельность, если вы за него и думаете, и все дѣлаете, исполняя въ то же время и всѣ его желанія, если для васъ имѣетъ особенную цѣнность внѣшняя обрядность, которая ставится въ число нравственныхъ правилъ и по которой прежде всего вами оцѣнивается человѣкъ; если вы стараетесь оправдывать вашего ребенка даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ проявляетъ неправду, обманъ и другіе пороки, то ваша любовь далеко не безкорыстна: вы менѣе всего думаете о будущемъ, для котораго должны воспитывать ребенка; вы живете только настоящими минутами и, не сѣя, хотите тотчасъ же вкушать вкусные плоды; вы боитесь и труда, и огорченій для ребенка, потому что это вамъ самимъ крайне непріятно. Со стороны можетъ показаться, что вы живете только для своихъ дѣтей, да вамъ и самимъ это такъ кажется, но на самомъ дѣлѣ вы живете только для себя самихъ, а свою родительскую любовь употребляете, какъ средство для наслажденія жизнью. Ваша любовь забиваетъ силы ребенка, и его можно подвести только подъ тотъ типъ, который г. Лесгафтъ называетъ типомъ забитымъ-мягкимъ, „матушкинымъ сынкомъ“, негоднымъ ни на какое дѣло.

Безкорыстная любовь можетъ явиться только тогда, когда въ любимомъ ребенкѣ видятъ прежде всего человѣка, рожденнаго не для чьей-либо потѣхи, а для самого себя, для собственнаго счастія для возможно полнаго выраженія идеи человѣческой жизни, человѣка, которому принадлежитъ будущее, но который въ настоящемъ требуетъ помощи, чтобы подняться, твердо стать на ноги и устроить свою судьбу согласно съ своимъ человѣческимъ назначеніемъ. Безкорыстная любовь и имѣетъ въ виду только будущее, потому что въ немъ должно будетъ вполнѣ проявить свои человѣческія силы это слабое, пока еще неопытное суще-

ство, но со всѣми задатками тѣхъ силъ. Безкорыстная любовь не можетъ дѣйствовать слѣпо, безъ разсужденій, безъ критики, потому что ей нужно приготовить человѣка для жизни, слѣд., ничего не измять, не испортить, не подавить въ его человѣческомъ образѣ. Она только питается надеждою, съ которою лишь и соединяются ея умѣренныя похвалы для ободренія любимаго ребенка. Она хорошо понимаетъ смыслъ римской пословицы: „non puer, spes laudatur“ (хвалится не мальчикъ, а надежда), и потому разборчива въ своихъ похвалахъ. Все остальное уже устраивается и складывается само собою: является и спокойная, правильная жизнь, и дружелюбныя бесѣды, и не безцѣльныя разсужденія, вызывается и любовь къ людямъ; не оказывается и нужды во взысканіяхъ, или какомъ-нибудь гнетѣ, а тѣмъ болѣе въ сильныхъ наказаніяхъ. Послушаніе ребенка здѣсь является вслѣдствіе его увѣренности, что все, что запрещается, въ самомъ дѣлѣ нехорошо и можетъ принести ему вредъ; но зато и запрещенія дѣлаются не по капризу и не безпричинно. Идея правды и неправды, добра и зла вырабатываются у него изъ правильныхъ человѣчныхъ отношеній къ нему, и его нравственность получаетъ твердыя основы безъ частыхъ повтореній отвлеченной морали.

Безкорыстная любовь не требуетъ и того, чтобы ей были пожертвованы всѣ другіе интересы жизни, чтобы все время было отдано дѣтямъ; такая узкость скорѣе послужила бы ей во вредъ, незамѣтно внесла бы въ жизнь эгоизмъ, отдалила бы отъ людей, внесла бы равнодушіе къ общественнымъ идеаламъ, что все не будетъ свидѣтельствовать о высокомъ нравственномъ развитіи, которое должно входить въ идеалъ воспитателя.

Къ сожалѣнію, такой любовью отличаются немногіе родители; къ ней ихъ не приготовило собственное ихъ воспитаніе; ей мѣшаютъ невыясненныя ихъ понятія о жизни, о человѣкѣ; ее подавляетъ неумѣнье владѣть своими чувствами и подчинять ихъ разумной волѣ. Отъ всего этого и дѣтей добродушнаго типа сравнительно не много можно встрѣтить въ нашихъ школахъ; тогда какъ дѣти другихъ типовъ являются отовсюду: изъ достаточныхъ образованныхъ семей—чаще всего типы лицемѣрные, честолюбивые, и мягко-забитые, а иногда и забитые злостно, преимущественно изъ рукъ иностранцевъ-гувернеровъ и гувернантокъ, въ особенности англичанокъ, которымъ родители безконтрольно ввѣряютъ воспитаніе своихъ дѣтей; изъ семей разбогатѣвшихъ необразованныхъ купцовъ являются дѣти, подходящіе къ типу злостно-забитому или лицемѣрному; изъ хорошихъ нрав-

ственныхъ, но недостаточныхъ семей—дѣти типа угнетеннаго. Это преобладаніе одного типа въ томъ или другомъ классѣ или сословіи ясно свидѣтельствуетъ, какое вліяніе имѣютъ обстановка и всѣ условія домашней жизни на развитіе дѣтскаго организма, а съ этимъ вмѣстѣ и на психическія проявленія жизни ребенка.

Говоря о добродушномъ типѣ, г. Лесгафтъ тонко подмѣтилъ, какой недостатокъ иногда является у дѣтей этого типа, выходящихъ изъ русскихъ семей: недостатокъ настойчивости въ дѣйствіяхъ, мягкость и уступчивость нрава, а иногда просто неподвижность и даже лѣнь, отчего лица такого типа часто недостаточно противодѣйствуютъ злу. „А впрочемъ, при этомъ прибавляетъ г. Лесгафтъ, это замѣчается преимущественно у взрослыхъ и въ томъ случаѣ, если при этомъ страдаютъ одни личные ихъ интересы; въ противномъ случаѣ, разъ убѣдившись во вредѣ, приносимомъ другому лицу или обществу, они сбрасываютъ съ себя свою лѣнь и являются энергичными и сильными борцами за правду. Во всякомъ случаѣ, однако, лѣнь ихъ болѣе физическая, чѣмъ умственная; послѣдняя при извѣстныхъ условіяхъ можетъ выразиться преобладаніемъ фантазіи—постройкою всевозможныхъ несбыточныхъ проектовъ и воздушныхъ замковъ, но все же мысль его будетъ постоянно работать. До бездѣйствія, до этой праздной жизни въ области фантазій человѣка добродушнаго типа чаще всего доводятъ его прямота и честность, не позволяющія ему уживаться съ ложью, нахальствомъ, насиліемъ и съ этою дѣловитостью, единственной цѣлью которой, какъ-будто въ силу круговой поруки, стало „урвать кусокъ“, а также съ однообразною или механическою дѣятельностью. Онъ не въ состояніи мириться съ ними, онъ оставляетъ тогда свою дѣятельность, хотя бы личное его положеніе было однимъ изъ выгодныхъ, и легко дѣлается лишнимъ человѣкомъ, который безъ матеріальныхъ средствъ строитъ планы, проекты и утоляетъ расходившуюся фантазію употребленіемъ наркотическихъ средствъ“.

Конечно все это много зависитъ отъ условій общественной жизни, которыя должны измѣниться къ лучшему отъ развитія образованія въ массѣ. Г. Лесгафтъ возлагаетъ надежды на школу, которая должна дать ребенку добродушнаго типа больше энергіи и найстойчивости въ борьбѣ съ препятствіями, развивая конечно въ то же время болѣе и болѣе его свойства. При этомъ разумѣется такая школа, гдѣ обращается вниманіе на индивидуальность ребенка; во всякой же другой школѣ дѣти этого типа скорѣе, чѣмъ другіе, портятся, къ удивленію своихъ родителей

и всѣхъ знающихъ ихъ въ семейной ихъ жизни. „Ребенокъ добродушнаго типа, говоритъ г. Лесгафтъ, всего нагляднѣе и убѣдительнѣе показываетъ намъ, какъ легко совершенно разстроить его жизнь неумѣлымъ обращеніемъ и требованіями. Онъ привыкъ самъ распоряжаться своимъ временемъ и всѣми своими дѣйствіями, медленно и спокойно заниматься дѣломъ. Онъ наконецъ исполнялъ все только справедливыя и необходимыя требованія, основательность которыхъ ему всегда выясняли. Можетъ ли ребенокъ послѣ этого вдругъ войти въ жесткія рамки шаблона, выработаннаго въ другой землѣ, для другого типа, живущаго при совершенно другихъ условіяхъ? Можетъ ли онъ вдругъ, безъ всякаго разсужденія, зазубривать всевозможныя знанія только потому, что они требуются по той табели, которая составлена по знакомству со всѣми этими предметами, а не на основаніи пониманія умственнаго склада ребенка и условій, необходимыхъ для развитія человѣческихъ качествъ и достоинствъ послѣдняго? Понятно, что все это положительно невозможно, и всегда, и вездѣ неминуемо приведетъ только къ извращенію ребенка и къ искорененію лучшихъ его качествъ. Въ такомъ случаѣ мы учимъ ребенка только для того, чтобы запрудить умственные центры знаніями, извергаемыми имъ въ различныхъ случаяхъ, иногда впопадъ, а иногда и нѣтъ; или же только для того, чтобы онъ выдерживалъ экзамены и никогда не былъ въ состояніи понимать себя и своего ближняго и цѣнить человѣка во всѣхъ его проявленіяхъ... Ребенокъ добродушнаго типа можетъ явиться въ такомъ безобразномъ видѣ, что его даже исключаютъ оттуда, опасаясь его вреднаго вліянія на товарищей. Въ сущности ребенокъ здѣсь не при чемъ—онъ привыкъ разсуждать, привыкъ къ мягкому, справедливому и прямому обращенію, и методисты вдругъ начинаютъ вколачивать его въ свой шаблонъ, къ которому онъ никакъ не подходитъ, и изъ мягкаго, добраго, разсуждающаго и правдиваго ребенка выходитъ отчаянный человѣкъ, готовый на самыя крайнія дѣйствія и выходки. Здѣсь являются послѣдствія нами же созданныхъ причинъ—они должны быть и неминуемо явятся... Въ школѣ, въ которой не учатъ ребенка разсуждать, и ничего не дѣлаютъ для развитія характера молодого человѣка, добродушный типъ въ лучшемъ случаѣ, при мягкомъ съ нимъ обращеніи, будетъ выполнять главныя требованія и нѣсколько разовьетъ память. Онъ могъ бы быть вполнѣ самостоятельнымъ и даже плодотворнымъ дѣятелемъ; но часто бросаетъ свою дѣятельность, потому что духъ замираетъ, жить нельзя, обвиняя всегда себя во всѣхъ своихъ неудачахъ. Чѣмъ

меньше школа повліяетъ на такого ребенка, тѣмъ легче онъ является мечтателемъ или въ видѣ типа, такъ мастерски представленнаго въ „Обломовѣ“—этого лишняго человѣка чистой души, плохо уживавшагося съ тою средою, въ которой ему приходилось вращаться, и страдавшаго отсутствіемъ настойчивости и энергіи. Наконецъ въ худшихъ случаяхъ, при преслѣдованіяхъ и наказаніяхъ, образуется злостный, отчаянный человѣкъ, но все же съ доброю и правдивою душою, у котораго даже послѣ страшнаго злодѣянія простымъ, мягкимъ и справедливымъ словомъ можно вызвать слезы и самое искреннее признаніе“...

Кто изъ прошедшихъ школу стараго времени не припомнитъ изъ своихъ товарищей такихъ сорванцовъ, съ которыми начальство не знало, что̀ дѣлать, и которые поступали въ школу добродушными мальчиками? Родители ихъ обыкновенно винили товарищество: будто бы оно испортило ихъ сына, а на самомъ дѣлѣ порчѣ способствовала вся система школьнаго воспитанія, чего не сознавалъ никто изъ воспитателей. И много прекрасныхъ силъ, благодаря школѣ, получило дурное направленіе. Но тогда въ нашей школьной педагогіи были совершенныя потемки. Многіе, конечно, скажутъ, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе эти потемки значительно прояснились, и отношеніе школы къ ученикамъ стало совершенно другое. Съ этимъ, пожалуй, согласились бы и мы, еслибы не факты послѣдняго времени, въ которыхъ выразилось сознаніе несостоятельности нашей школьной педагогіи. Вдругъ явился вопросъ о возобновленіи въ школахъ тѣлесныхъ наказаній, которыя въ старое время считались главнымъ воспитательнымъ средствомъ, но въ болѣе новое время были осуждены, оставлены и, наконецъ, казались забытыми. Надо было заключить, что наши педагоги нашли возможность дѣйствовать на учениковъ нравственными средствами и воспитывать людей вполнѣ по человѣчески, навсегда отказавшись отъ тѣхъ варварскихъ орудій, которыя дрессируютъ рабовъ и скотовъ. Но вдругъ оказалось, что этихъ нравственныхъ средствъ нѣтъ, что безъ тѣлеснаго наказанія воспитаніе является несостоятельнымъ, что нужно снова взяться за пучки розогъ и воскресить доброе старое время, когда всякій отставной маіоръ или даже плѣнный барабанщикъ наполеоновской арміи, вооруженный такими пучками, могъ быть исправнымъ школьнымъ воспитателемъ. И кто могъ подумать, что вопросъ о розгахъ можетъ сдѣлаться у насъ серьезнымъ вопросомъ даже на педагогическихъ совѣтахъ, послѣ того какъ тамъ рѣшалось много дѣйствительно серьезныхъ вопросовъ, которые должны бы выяснить идею нрав-

ственнаго воспитанія человѣка? И что-же? оказалось возможнымъ не только поднять этотъ вопросъ, но и собрать достаточно голосовъ въ пользу вбиванія нравственности въ ученическія души спасительными пучками. И стояли за эти средства не какіе-нибудь новички или диллетанты, а повидимому, педагоги опытные, по крайней мѣрѣ они умѣли прослыть за опытныхъ, и въ доказательствахъ своихъ ссылались на факты, какъ будто убѣдительные, указывая на людей почтенныхъ, которыхъ въ дѣтствѣ сѣкли безъ церемоніи, и которые сдѣлались даже хорошими чиновниками; иные даже ставили въ примѣръ самихъ себя; да и почтенные люди не отказывались подтверждать ихъ указанія собственнымъ свидѣтельствомъ. И все это въ совокупности дѣйствовало на людей колеблющихся въ произнесеніи рѣшительнаго отвѣта на вопросъ „сѣчь или не сѣчь дѣтей“, и они подавали свой утвердительный голосъ. Въ виду этого, какъ же воображать, что мы далеко ушли отъ тѣхъ потемокъ, въ которыхъ насъ самихъ воспитывали.

Чтобы представить, какъ красивы были школы, гдѣ розгѣ придавалось воспитательное значеніе, я обращаюсь къ своимъ воспоминаніямъ. Въ тридцатыхъ годахъ одною изъ лучшихъ школъ въ Петербургѣ считалось нѣмецкое Аннинское училище. Низшіе классы тамъ были переполнены учениками: большинство, конечно, были изъ нѣмецкихъ семей, русскихъ сравнительно было немного. Кромѣ многихъ легкихъ наказаній за лѣность и шалости, тамъ пользовались и другими болѣе чувствительными—обыкновеннымъ сѣченіемъ, карцеромъ и сѣченіемъ по ладонямъ или, какъ тогда называли, „по рукамъ“. Къ двумъ первымъ прибѣгали очень рѣдко, за то послѣднее было почти въ ежедневномъ ходу. Рѣдкій день проходилъ, чтобы изъ того или другого класса въ дверяхъ корридора не слышался голосъ кого-либо изъ педагоговъ: Schuldiener, Ruthen! Тотчасъ-же являлся въ классъ шульдинеръ (сторожъ) съ двумя пучками розогъ подъ мышкою и здѣсь находилъ нѣсколько мальчиковъ, стоявшихъ передъ кафедрою учителя, съ которыми ему предстояло имѣть дѣло. Прочіе ученики молча сидѣли на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи привычнаго зрѣлища. Молчаніе нарушалось всхлипываніемъ какого либо новичка, попавшаго въ число виновныхъ и еще не привыкшаго къ нѣмецкому способу воспитанія. Педагогъ спокойно называетъ по имени того, кто долженъ былъ первый выступить на арену и стать лицомъ къ лицу передъ ликторомъ, который въ правой рукѣ держалъ на готовѣ пукъ длинныхъ прутьевъ. Названный выступалъ впередъ, иной съ плачемъ и съ просьбою о помило-

ваніи, другой молча, насупившись, третій съ какой-то отчаянной отвагой, съ видимымъ намѣреніемъ показать себя храбрецомъ передъ товарищами. Затѣмъ начиналось вытягиваніе рукъ, одной за другою, передъ шульдинеромъ, который съ размаха мѣтко хлесталъ по ладонямъ: иной подставлялъ ихъ быстро подъ удары, желая скорѣе отдѣлаться отъ этой противной сцены и глотая слезы отъ жгучей боли; другой, напротивъ, замедлялъ свои движенія, съ плачемъ потирая о бедра ладонь, обожженную концами гибкихъ прутьевъ и не рѣшаясь выставить впередъ для той-же операціи другую ладонь. Тогда уже требовалось понужденіе со стороны педагога, отъ усмотрѣнія котораго зависѣло число ударовъ, доходившее иногда до двадцати. Обыкновенно послѣ шести-осми ударовъ ладони и пальцы наливались кровью, вспухали и послѣ долго горѣли и дрожали, когда приходилось писать. Въ теченіе учебнаго года очень немногіе спасались отъ участія въ этихъ представленіяхъ, которыя зависѣли отъ расположенія духа каждаго преподавателя или начальства. Впрочемъ не всѣ изъ преподавателей любили пользоваться услугами шульдинера; болѣе свирѣпые приносили съ собою пучокъ розогъ и расправлялись сами, не сходя даже съ высокой кафедры, а подзывая къ ней провинившагося. Иногда, впрочемъ, они употребляли и другой способъ. Замѣтивъ зазѣвавшагося или замечтавшагося мальчика, они сами тихонько подкрадывались къ его мѣсту и уже корнями пучка начинали отсчитывать удары по спинѣ виноватаго, который вздрагивалъ отъ такого сюрприза и, подавляемый неожиданнымъ сильнымъ впечатлѣніемъ, даже не издавалъ крика. Мудрые педагоги, конечно, воображали, что такими средствами они воспитываютъ дѣтей, разсчитывая на добрые плоды. На самомъ-же дѣлѣ являлись другія слѣдствія, которыхъ они не замѣчали. Ученики, наказываемые за лѣность, не исправлялись, потому что большинство изъ нихъ были неисправны въ своихъ урокахъ не отъ лѣности, а отъ неумѣнья учиться, отъ безсилія приготовить заданное, отъ малаго развитія, словомъ отъ всего того, чего нельзя уничтожить никакимъ наказаніемъ: такихъ учениковъ только забивали и дѣлали неспособными къ умственному труду. Принимая наказанія и не сознавая въ себѣ той вины, за которую наказывались, внутренно оправдывая себя словомъ „не могу“, они не могли развивать въ себѣ яснаго понятія правды, что и выражали въ своихъ грубыхъ поступкахъ въ отношеніи къ своимъ товарищамъ. Тѣ же, которыхъ наказывали за шалости и за нарушеніе дисциплины, также нисколько не испра-

влялись: они дѣлались только осторожнѣе и находчивѣе, а, главное, стремились пріобрѣсти себѣ уваженіе всего класса тѣмъ, что молча безъ слезъ выносили боль во время сѣченія, подставляя руки подъ розги и не прося прощенія. Классъ дѣйствительно уважалъ такихъ, называлъ молодцами, и свободно подчинялся ихъ авторитету: вотъ какіе идеалы усваиваются въ средѣ дѣтей, воспитываемыхъ на розгахъ; можно-ли было тутъ ожидать какого-либо хорошаго нравственнаго развитія; у дѣтей не было никакой нравственной связи со школою, на преподавателей смотрѣли, какъ на мучителей; они умѣли внушать къ себѣ сильный страхъ, но не впушали ни любви, ни уваженія. Грубые нравы особенно выказывались въ средѣ „сиротъ“ т. е. дѣтей, которыя жили въ церковномъ домѣ и воспитывались на счетъ прихода. Съ ними обыкновенно не церемонились и подвергали ихъ всевозможнымъ наказаніямъ; зато и являлись тамъ образцовые экземпляры дикарей, воспитанниковъ розги. Изъ всего этого можно вывести, какую нравственную роль тамъ играло это орудіе воспитанія.

Теперь воспоминаніе переноситъ меня въ другую школу, уже казенную, которая также считалась лучшею, и въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была лучше многихъ другихъ. На мое несчастье въ первый-же день я попалъ на сцену, которая со всѣми подробностями глубоко врѣзалась въ моей памяти. Тамъ сѣченіе по ладонямъ считалось варварскимъ, а употреблялось по преданію обыкновенное сѣченіе. Но классъ, въ смыслѣ учебной компаты, не оскверпялся подобнымъ дѣйствіемъ; для этого назначалась особая компата; классъ-же въ смыслѣ учениковъ не избавлялся отъ зрѣлища въ видахъ педагогическихъ. Инспекторъ, охотникъ до расправы въ этомъ родѣ, воспользовался случаемъ, когда оказалось нужнымъ безотлагательно высѣчь одного провинившагося ученика, присоединилъ къ нему нѣсколько другихъ, которые были у него на примѣтѣ за прежнія вины, и устроилъ зрѣлище для того класса, въ который попалъ я. Насъ повели попарно въ спеціальную комнату, гдѣ было уже все приготовлено. Главный виновникъ неудовольствія начальства оказался тщедушный и скромный мальчикъ, который при видѣ орудій казни рыдалъ, просилъ прощенія, но напрасно... Вина его состояла въ томъ, что, любя предаваться мечтаніямъ, онъ попысывалъ стишки и, мечтая уже о славѣ поэта, вздумалъ предложить ихъ редактору какого-то журнала для напечатанія. Тотъ выбралъ нѣкоторыя наиболѣе удачныя и напечаталъ ихъ не только съ подписью имени автора, но и съ припискою „уче-

никъ такого-то училища". Эта-та приписка и привела въ ужасъ начальство заведенія, несмотря на самое невинное содержаніе стихотвореній. Но въ тридцатыхъ годахъ поэзія не очень жаловалась въ офиціальныхъ сферахъ, и заведенію не представлялось особенной чести прослыть Парнасомъ. Бѣдный поэтъ былъ привлеченъ къ жестокой отвѣтственности, а чтобъ другимъ было неповадно подражать ему, то въ свидѣтели кары былъ выставленъ весь классъ, который наглядно долженъ былъ убѣдиться, каковы плоды вкушаются отъ поэзіи. Въ товарищи поэту были выбраны двое силачей, которые, встрѣтившись въ корридорѣ, схватились другъ съ другомъ, чтобы вымѣрить свои силы и убѣдиться, кто изъ нихъ сильнѣе, и одинъ бездарный мальчикъ, котораго принимали за лѣнтяя. Понятно, что добровольно никто изъ нихъ не могъ отдать себя въ распоряженіе четырехъ солдатъ, изъ которыхъ двое назначались для того, чтобы держать преступника за голову и за ноги, и двое для исполненія казни, съ той и другой стороны скамейки. Омерзительно было видѣть, какъ по распоряженію начальства накидывались на слабаго ребенка четыре дюжіе солдата и, несмотря на его сопротивленіе, приводили его въ такое положеніе, какое имъ было нужно. Это насиліе приводило въ дрожь впечатлительныхъ свидѣтелей. Я не буду описывать всѣхъ прочихъ подробностей зрѣлища, устроеннаго для одиннадцати или двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ. Гадко, отвратительно было все это. Трудно выразить то гнетущее чувство, какимъ затрепетало сердце каждаго изъ насъ: тутъ было и чувство собственнаго безсилія, и негодованіе за насиліе надъ личностью, и какое то омерзеніе къ тѣмъ, кто устраивалъ такія сцены, не говоря уже о состраданіи къ истязуемымъ. И долго потомъ не могло изгладиться это впечатлѣніе, и даже явилось какое-то странное чувство: каждая встрѣча съ пострадавшимъ товарищемъ производила въ васъ какое-то содраганіе, какъ встрѣча съ опозореннымъ человѣкомъ, непріятное чувство, отъ котораго не скоро можно было отдѣлаться.

За то подобныя насилія и приносили плоды, какихъ, конечно, не ожидали чадолюбивые воспитатели. Мальчики ожесточались; наиболѣе сильные и смѣлые сговаривались не дешево отдавать себя на истязанія, иные носили въ карманахъ орудія защиты, и можно сказать навѣрное, что они употребили-бы его въ дѣло, если-бы дошла очередь до нихъ. Въ лѣтописи училища значится фактъ самозащиты ожесточеннаго ученика, которому грозили позорнымъ наказаніемъ. Два сильные его удара сшибли съ ногъ инспектора и нагнали ужасъ на всѣхъ присутствующихъ въ

числѣ болѣе двухсотъ человѣкъ. Это дѣло было замято; ограничились только удаленіемъ виноватаго изъ заведенія.

Послѣ этого неужели можетъ быть желательнымъ возвратъ къ тому старому времени, когда мирная повидимому жизнь школы нарушалась взрывами, которые такъ безобразно выказывали дѣйствительныя нравственныя отношенія между воспитателями и воспитанниками. И неужели могутъ быть убѣдительны указанія на нѣкоторыя личности, которыя, благодаря розгамъ, сдѣлались почтенными людьми? Если въ этомъ вопросѣ нужны еще доказательства, то ужъ обратимся къ лучшему отвѣтчику на всѣ наши житейскіе вопросы—къ исторіи. Она вѣрно не представитъ намъ ни одной страницы, гдѣ бы рисовалось нравственное совершенствованіе того или другого поколѣнія, воспитаннаго на розгахъ. Но въ настоящемъ случаѣ трудъ г. Лесгафта и помимо исторіи, на основаніи законовъ развитія человѣческаго организма, произноситъ приговоръ надъ всякимъ тѣлеснымъ наказаніемъ при воспитаніи, убѣждая, какое зло узаконилось невѣжественнымъ обществомъ въ обращеніи съ дѣтьми и какой вредъ причиняется организму ребенка всякими угнетающими вліяніями на психическую его дѣятельность.

„Указанія же на то, замѣчаетъ г. Лесгафтъ, что многихъ наказывали тѣлесно, а они между тѣмъ выросли и сдѣлались замѣчательными людьми, не имѣютъ смысла, ибо, для уясненія причинной связи, необходимо знать всѣ нравственныя условія, при которыхъ ребенокъ жилъ и выросъ; а кромѣ того, замѣчательныя качества человѣка могутъ быть очень односторонни и не всегда разумны“.

Послѣ выводовъ г. Лесгафта, съ которыми познакомиться обязательно для каждаго педагога, полагаю, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи долженъ быть упраздненъ и въ педагогической практикѣ, и наша школа должна наконецъ стать на ту нравственную высоту, на какой ей слѣдуетъ стоять, не смотря даже на заявленіе г. Лесгафта, что ему „приходилось имѣть дѣло съ представителями учебныхъ заведеній, которые и знать ничего не хотѣли о научныхъ выводахъ и изслѣдованіяхъ и ко всему научному относились съ ироническою насмѣшкою: по ихъ мнѣнію, экономъ—лучшій гигіенистъ и санитаръ“. Пускай такіе господа прикрываютъ ироніей свое невѣжество, но у нихъ не остается никакихъ разумныхъ оправданій въ свою защиту. Зато на каждомъ шагу они обнаруживаютъ факты, которые свидѣтельствуютъ, что они взялись не за свое дѣло.

Трудъ г. Лесгафта еще не конченъ. Какъ продолженіе

„Школьныхъ типовъ“ онъ обѣщаетъ представить разборъ нормальнаго, т. е. идеальнаго типа, постоянно оставаясь на почвѣ антропологіи; при этомъ онъ начнетъ съ новорожденнаго ребенка и прослѣдитъ его до школьнаго возраста, выясняя значеніе тѣхъ явленій, которыя у него встрѣчаются, а также условія, необходимыя для нормальнаго психическаго и физическаго его развитія. Это будетъ уже цѣлая наука о первоначальномъ воспитаніи. Тогда и самые „Школьные типы“ получатъ еще большій интересъ и значеніе для каждаго, занимающагося воспитаніемъ дѣтей; тогда конечно и научная критика съ новыми наблюденіями и фактами не замедлитъ явиться для бо̀льшаго разъясненія тѣхъ вопросовъ, которые впервые такъ широко и талантливо раскрываетъ намъ почтенный профессоръ.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Цѣна 2 р. 75 к.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича.
Спб. Вас. Остр., 5 лин., 28.